

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

МАЖИТОВА ЖАННА САБИТБЕКОВНА

**ИНСТИТУТ БИЕВ В РОССИЙСКОЙ И КАЗАХСТАНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ:
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ (XVIII – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
член-корреспондент РАН, профессор Е.И. Пивовар

Москва 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. История смены дискурсов: теоретико-методологические основы историографии проблемы	
§ 1. Разработка идейно-теоретических подходов в дореволюционной историографии	37
§ 2. Формирование идейно-методологических концепций в советской историографии	60
§ 3. Теоретико-методологический поиск современной историографии	83
Глава 2. Дореволюционная российская историография института биев: от констатирующего нарратива к практическому востоковедению	
§ 1. Институт биев: дискуссии о происхождении и реформировании правовой системы	103
§ 2. Суд биев как инструмент урегулирования конфликтов в степи	168
Глава 3. Метаморфозы советской историографии: от вовлечения в государственное строительство до признания классовым врагом	
§ 1. Методологический поиск в ранний советский период: утверждение формационного подхода и история казахского общества	204
§ 2. Историографический поворот середины 1930-х – середины 1950-х гг.: вчера национальные «герои» – сегодня «классовые враги»	245
§ 3. Дискуссия о кочевом способе производства в историографии середины 1950-х – 1980-х гг.	284
Глава 4. Современная российская и казахстанская историография: ревизия прошлых и поиск новых концептуальных подходов	
§ 1. Суд биев как символ государственности	307
§ 2. О роли института биев в решении вопросов внешней и внутренней политики Казахского ханства	367

§ 3. Изучение роли биев как хранителей национального наследия казахского народа	409
§ 4. Западноевропейская и американская историография социальной истории казахского общества	434
Заключение	458
Список использованных источников и литературы	480

Введение

Актуальность темы исследования

На современном этапе развития Республики Казахстан перед казахстанской историографией стоит исключительно важная задача формирования новой концепции истории Казахстана. Изменение политической и общественной ситуации в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привело к тому, что, с одной стороны, рухнули идеологические скрепы, мешавшие исследователям свободно оперировать историческими данными, сняты запреты на интерпретацию исторических процессов и явлений. В обществе появляется устойчивое стремление к критическому переосмыслению прошлого, основанное на отходе от прежних идеологических догматов, к созданию собственной истории. Одним из основных вопросов, привлечших в это время внимание самых разных исследователей и активно обсуждаемых в научной среде и в средствах массовой информации, стала история казахской государственности. В ее возникновении и становлении участвовали различные исторические деятели с опорой на традиционные социальные институты. Фундаментальным для властных отношений в традиционном обществе являлся институт биев. Оценки этого института в различные исторические периоды были противоречивыми и неоднозначными, дискуссии на эту тему, несколько меняя свой характер, продолжались, и отношение к нему, его понимание, несмотря на обилие собранных материалов, до сих пор остается неоднозначным. Иначе говоря, не только сам институт, но и история его изучения попадают в поле зрения ученых и становятся отдельной проблемой, которая требует специального внимания и анализа для понимания истоков и контекстов появления тех или иных источников и их интерпретаций.

Вместе с тем, в среде современных историков и правоведов в последние годы активно идет поиск оптимальной политико-правовой модели развития Казахстана с учетом его национальной специфики. В связи с этим заметно

возросло внимание к работам дореволюционных и советских ученых, многие идеи и позиции которых были в свое время неверно трактованы или забыты. Именно в то время институт биев претерпевал значительные изменения, что послужило поводом к появлению множества вопросов, ответы на которые рождали порой ожесточенные споры. В них участники дискуссии с позиции эволюционного подхода и марксистско-ленинской теории, в которых институт биев оценивался как «отсталый» и «классово враждебный», предлагали свои варианты социально-правовых преобразований, или говоря языком современной науки – концепции социально-правовой модернизации. В настоящее время в условиях доминирования методологического плюрализма основные направления проблемного дискурса о путях развития Казахстана вновь приобретают актуальность.

Институт биев как тип властных отношений сложился в далеком прошлом традиционного общества казахов, как результат длительного, селективного отбора народом разнообразных практик, как устойчивый маркер социокультурного пространства казахов, регулятор жизнедеятельности социума, способный гибко адаптироваться к возможным влияниям внешних политико-правовых систем. Под их воздействием институт биев интенсивно менялся, и этот процесс отражен в источниках.

Имеющиеся исследования, представляющие весь спектр взглядов ученых на эволюционные процессы в обществе казахов, позволяют проследить динамику развития института биев в различные исторические периоды.

Нужно отметить, что история института биев не находилась на периферии интересов гуманитарной науки, как в дореволюционное, так в советское и постсоветское время. Наоборот, этот социально-правовой институт неизменно привлекал внимание исследователей разных исторических школ, отчего социальный «портрет» этого института оказался довольно пестрым и разнохарактерным. Появившийся в последние годы огромный массив неопубликованного прежде и малознакомого материала лишь дополнил его

разными оттенками. В одних трудах бий выступал «честным и бескорыстным слугой народа»; в других – «жестоким, преследующим свои корыстные цели эксплуататором». Немаловажно заметить, что исследователи зачастую пользовались одними и теми же источниками, однако, по-разному их интерпретировали. Такая полярность в позициях авторов рождала вполне закономерный вопрос: в чем причина этой двойственности? Ответ не может быть однозначным. С одной стороны, исследователи стояли на устоявшихся в науке позициях о застойности и консерватизме традиционного общества, с другой стороны, между строк читалось убеждение в динамичности и эластичности социума кочевников, вследствие чего «архаичные» коллективы не просто не поглощались соседними народами, а рождали в своей среде такие практики, которые позволяли им оставаться в своей нише и, пусть даже и с перерывами, дальше развиваться (яркий пример этому – институт биев). Какие внешние и внутренние факторы влияли на интерпретацию учеными тех или иных систем – откуда появилась дихотомия «архаичный, первобытный суд» – «“золотой век” казахского правосудия»? И, наконец, почему институт биев, суд биев устойчиво являлись предметом исследования на протяжении достаточно длительного времени?

Эти и другие вопросы не стали до настоящего времени предметом специального комплексного историографического исследования. Имеющиеся работы касаются истории Казахстана в целом, в них историография института биев не выносятся в отдельное направление. Поэтому можно говорить о том, что современное биеведение находится в «подвешенном» состоянии – имеется значительный корпус источников, материалов, исследований, однако его полноценное осмысление еще не произошло. Хотя тот интерес к биям, который появился еще в XVIII в. у всех, кто обращался к истории казахского общества, повторим, оставался практически неизменным до сегодняшнего дня, и это позволяет говорить об актуальности темы, ее универсальном характере, поскольку охватывает много других аспектов прошлого Степи. Из сказанного

вытекает актуальность диссертационного исследования, которое нацелено на объективный и всесторонний анализ подходов и интерпретаций, а также в целом имеющейся историографии института биев.

Актуальность исследования определяется также тем, что в диссертации предпринята попытка не только историографического анализа объекта и предмета исследования, но собственно исторических источников, к которым непосредственно обращались авторы исследований и на основе которых они делали собственные суждения. Апелляция с нашей стороны к историческим источникам позволила выработать свое мнение по отношению к спорным проблемам, попавшим в свое время в поле зрения исследователей. Это тем более актуально, что и российское, и казахстанское биеведение на всем протяжении развития не были однородными. И та, и другая историография имела зачастую противоположные взгляды и концептуальные подходы. Лишь в советское время подходы исследователей объединила единая методологическая установка исторического материализма. Однако для компаративного анализа имеет значение выделение не только разных, но и общих черт предмета исследования. В этом плане и российскую, и казахстанскую историографию можно охарактеризовать как направления науки, ориентированные на всестороннее научное исследование исторического прошлого, на объективность познания и стремление принести пользу обществу своим творческим поиском. Уже поэтому для современной гуманитарной науки опыт ее наследия неоценим. В этих условиях представляется необходимым подведение итогов процесса изучения учеными и исследователями истории института биев, так как это не только поможет разобраться в нашем прошлом, но и во многом будет содействовать пониманию настоящего.

Анализ всей имеющейся литературы по данной проблеме приобретает особую актуальность еще и в связи с тем, что с 1990-х гг. повышенный интерес к социальной истории окраинных народов Российской империи проявляют

зарубежные исследователи, работы которых выполняются главным образом в имперском дискурсе. Знания о России и российском Востоке по-разному интерпретируются на Западе, конструируя разнохарактерный образ империи. Многие дискуссионные темы в контексте дихотомии «империя/колония» импортируются в российскую и казахстанскую историографию, что приводит последние к «провинциализации», в определенной степени к зависимости от гипотез и заключений зарубежных коллег. Данный фактор вызывает необходимость выявления собственного видения и выработку новых теоретических подходов.

Мы уверены в том, что без тщательного историографического анализа имеющейся литературы о социально-правовой истории казахского общества будет весьма трудно достичь успехов в современном реформировании казахстанского общества. Процесс модернизации общества должен строиться на основе анализа и обобщения самого широкого диапазона социально-правовых концепций: и тех, кто проводил административно-правовые реформы в Казахской степи, – Российской империи; и тех, кому они предназначались – казахского общества. Именно этим и обусловлен выбор темы диссертационной работы: компаративный анализ российской и казахстанской историографии. Сравнение позволяет значительно расширить поле исследования, а выявление различий или общих черт служит мощным стимулом для дальнейшего развития, источником движения научных знаний вперед, поскольку взгляд на предмет исследования «со стороны» зачастую служит основанием для отказа от устаревших догм и стереотипов.

Объектом исследования является дореволюционная, советская и современная российская и казахстанская историография института биев, а также вопросы генезиса и развития института биев.

Предметом исследования является сложный и противоречивый процесс генезиса идейно-теоретических концепций и подходов, методологических

приемов и исследовательских техник, повлиявших на появление совокупности научных трудов и исследований об институте биев.

Длительный по времени и разнообразный по методологии процесс изучения породил проблему сущностного наполнения и использования терминов и понятий, описывающих данный социальный институт. Таким образом предметом нашего исследования стала терминологическая проблема. В литературе сложилось мнение, что термины «суд биев» и «институт биев» тождественны. Однако это не совсем так. В диссертации понятие «суд биев» понимается как орган по урегулированию конфликтов и споров в Степи, как часть института обычно-правовых отношений, включающего свод норм обычного права, институтов организации судебного процесса и др. Под понятием «институт биев» мы подразумеваем определенную социальную группу, которая в ходе своей деятельности реализовывала административные, судебные, военные и другие функции по поддержанию устойчивой жизнедеятельности кочевой общины.

Требует разъяснений основное понятие «бий», употребляемое в диссертации. Этимологическое происхождение этого термина проследить крайне сложно. Одними из первых источников, в которых встречается это понятие, являются тюркские материалы. В них часто употребляется термин «бек», «бег», который, по мнению академиков В.В. Радлова и В.В. Бартольда, созвучен понятию «бий» и обозначал владельца должности, правителя, чиновника, обладавшего достаточно сильной административной и военной властью и управлявшего сравнительно средними племенными союзами и родами¹. К сказанному добавим, что термин «бий» встречается у целого ряда тюркских народов (кыргызов, башкир, узбеков, каракалпаков), что говорит об общетюркском распространении этого явления.

¹ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. СПб.: Российская Императорская Академия наук, 1911. Ч. 2. С. 1580; Бартольд В.В. Бег / Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Вост. лит., 1968. С. 502.

Впервые появление собственно понятия «бий» можно встретить в тюркской литературе XV–XVI вв., в которой термин «бий» не заменяет полностью «бек», «бег», «улус бек». Очевидно, авторы продолжали их использовать как синонимы и вкладывали в содержание этих терминов одинаковый смысл. Постепенно, по мере укрепления Казахского ханства в XV–XVI вв. понятие «бий» закрепляется в казахском обществе и обозначает главу родовых подразделений, сосредоточивших административно-политическую власть над управляемыми родами и выполнявших роль степных судей.

В XVIII в. в связи с юридическим включением Младшего и Среднего жузов в состав Российской империи наряду с понятием «бий» в российской историографии стал широко использоваться термин «старшина», который означал родового предводителя. В контексте дореволюционной российской историографии оба понятия «бий» и «старшина» зачастую использовались как синонимы. В то же время сами казахи не вкладывали в эти понятия одинаковый смысл. Родового предводителя они называли «ел басы», «ел ағасы». В нашей диссертации встречающиеся понятия «старшина» и «бий» являются синонимами для обозначения одного института в том случае, когда речь заходит о предводителе рода.

При характеристике других функций биев нами использовались другие термины, встречающиеся в источниках. Так, все известные документы указывают на то, что бии по политическому и социальному статусу не были однородными. Связано это с тем, что они выполняли в казахском обществе самые разные функции: наряду с тем, что одни были предводителями родов (административно-политическая функция) и возглавляли народное ополчение (военная), другие разрешали судебные вопросы (судебная) и принимали участие в выработке и принятии устных кодексов Степи (законодательная), третьи зачастую выступали в качестве послов (дипломатическая). Кроме этого бии были хранителями духовного наследия народа (духовно-эстетическая).

Иногда в одном лице сосредоточивались все функции одновременно. Данный фактор существенно влиял и на материальное положение биев. Можно говорить о том, что часть биев как социальный институт аккумулировала в своих руках все властные полномочия по управлению своими сородичами.

Исходя из сказанного, в диссертации как синоним термина «бий» употребляются понятия «родовой предводитель», «родоначальник», «батыр», «законовед», «посол», «бий-жырау-акын», «оратор». Не случайно, говоря в диссертации о батыре Срыме, мы имеем в виду и то, что он был авторитетным бием рода байбакты. То же самое можно сказать и об И. Тайманове, М. Утемисове и других батырах, имена которых встречаются в работе.

Еще один важный момент. Учитывая, что «теоретически» бием-судьей мог стать каждый, кого стороны выберут в качестве третейского судьи, мы не обозначаем в работе биев только как зажиточный и привилегированный слой казахского общества. В материальном отношении эта группа представлена всеми социальными слоями казахского общества (кроме представителей «белой кости»). Особенно это касается тех моментов, когда речь заходит именно о судебных функциях биев.

Требуется уточнения понятие «правовой плюрализм». Под ним в работе понимается совокупность сосуществования в рамках одного общества нескольких правовых практик, имеющих разную силу и по разному воздействующих на социальные группы.

Хронологические рамки исследования. Диссертация охватывает период с XVIII в. по настоящее время. Нижняя хронологическая граница связана с началом процесса юридического закрепления Российской империи на территории Младшего и Среднего жузов. С этого времени Казахская степь стала объектом интенсивного научного изучения. Заметим, что появившиеся в это время естественнонаучные работы, кроме практической описательности, с неподдельным интересом раскрывающей российскому обществу неведомый мир «диких» кочевников, важны еще и тем, что ученые стремились показать

инаковость кочевого социума, отличающегося от ценностей земледельческого мира. На протяжении XIX и XX вв. знания о социальных институтах казахского общества пополнились работами дореволюционных исследователей и советских специалистов по обычному праву, позволивших расширить наши представления об институте биев. Верхние хронологические рамки диссертации определяются современной российской и казахстанской историографией, предметом которых становились вопросы социальной истории казахского общества.

Некоторые задачи диссертации и их концептуальное решение предполагали обращение к историческим и историографическим источникам, выходящим за пределы указанного периода.

Теоретические и методологические основы исследования. Научная объективность предполагает построение выводов и заключений на основе анализа всей совокупности источников и строгое следование выверенной методологии исследования, основой которой явилась диалектическая теория познания, а также общие приемы исследования исторических явлений в их развитии и взаимообусловленности. В диссертации в качестве основного нами широко использовался компаративный метод, позволивший исследовать историографические факты истории института биев в казахском обществе в тесной связи с социально-политической и исторической обстановкой, в результате которой они возникли и действовали. На основе этого метода нами выделены концептуальные подходы в исследовании проблемы в разные исторические периоды. Использование этого метода позволило сравнить малоизученные и неизученные историографические факты с уже введенными в научный оборот.

Проблемно-хронологический метод помог нам разделить предмет исследования на ряд проблем, по которым в историографии возникали дискуссии и споры. Соответственно дискуссионные проблемы рассматриваются в хронологической последовательности, в зависимости от

времени возникновения источников и литературы. Этот метод позволил нам избежать повторяемости некоторых вопросов, которые неизменно привлекали внимание исследователей и ученых. К примеру – отличительные черты казахского суда биев, судебного процесса и др.

В работе широко использовался принцип историзма, предполагающий преемственность в исторических явлениях, неразрывной связи прошлого и настоящего. Подобный метод позволил рассматривать научное знание как целостную систему, в которой каждый предшествующий подход косвенно или прямо влиял на последующий, что в совокупности позволило составить систематический ряд научно-теоретических выкладок по социальной истории казахов на основе последовательно логической связи тематических конструкций. Следует учитывать влияние на характер исследования «внешних» факторов, в первую очередь, социально-политических процессов в стране, идеологии, «государственного заказа» и др.

Одним из основополагающих принципов в работе является принцип объективности, требующий рассмотрения всех сторон предмета исследования вне зависимости от этнокультурных предпочтений и политических пристрастий историографа. Этот принцип опирается на необходимость тщательного сопоставления исторических фактов и явлений в совокупности, то есть всестороннего изучения проблемы. В свою очередь это позволит исследователю избежать предвзятого отношения при интерпретации источников и сделать верные обобщающие выводы по проблеме.

Применение системного подхода в диссертации обусловлено пониманием того, что институт биев составляет самодостаточную систему, в то же время выступающую как неотъемлемый элемент всей социокультурной системы казахского общества, прямо и опосредованно влияющий, со своей стороны, на генезис и вектор развития института биев.

Степень изученности проблемы. Работы историографического характера не появляются вдруг. Они «вызревают» в процессе количественного

накопления знания, знаменуя собой потребность его осмысления и выход на качественно новый уровень историографического обобщения.

Вопросы социальной истории казахского общества не стали предметом специального историографического исследования. Таких работ практически нет. Скорее всего, это связано с тем, что в обозначенный исторический период в связи с активизацией внешней и внутренней политики империи в этом регионе шел в основном сбор и систематизация эмпирического материала. Поэтому не случайно работы носили в основном характер этнографических и исторических исследований. Вопросы, касающиеся социальной структуры, общественных отношений и обычного права казахов вскользь рассматривались в виде небольших историографических обзоров, в которых авторы исследований давали краткую оценку предшествующему научному опыту.

Первые обобщения появляются с конца XIX в. А.Н. Харузин, проанализировав ряд сочинений и статей о Младшем жузе, отмечал: «Литература по киргизскому (здесь и далее. – казахскому. – Ж. М.) племени весьма обширна, но, несмотря на это богатство, киргизская народность считается неисследованной. Громадное количество сочинений страдают отрывочностью данных, отсутствием системы»¹. Следует отметить, что А.Н. Харузин не только подвергает анализу работы предшественников, но и выдвигает те проблемы, на которые должны обратить внимание исследователи. Так, он писал: «Как на одну из наименее обследованных сторон быта и между тем представляющую большой интерес – следует указать на вопрос о борьбе в киргизской народности языческих начал с входящим постепенно магометанством. Далее не исследовано семейное устройство, родовое устройство и др. Если бы кто занялся исследованием быта киргизов – то нашел бы обширное и почти не тронутое поле для своих изысканий»². Схожие взгляды мы наблюдаем и у других исследователей. Так, отдав дань должного

¹ Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М.: Типография А. Левенсон и К°, 1889. С. 13.

² Там же. С. 14.

уважения своим предшественникам, Л.А. Словохотов писал: «Правовой быт киргиз почти неизвестен ученому миру. Две крупных работы: работы Левшина и труд Гродекова составляют, можно сказать, всю учено-систематическую литературу о киргизах. Что касается киргизского народного суда, то кроме случайных заметок, двух журнальных статей мы имеем работы Крафта и г. Добросмыслова. Работа Крафта чисто канцелярский труд, лишенный положительно всякой научной аргументации. Как в его работе, так и в работе г. Добросмыслова не выяснена сущность народных правовоззрений, не указаны основные принципы судебной структуры киргиз вне регламентации их русским правительством»¹. Аналогичное мнение звучит и в предисловии работы А.И. Мякутина: «Юридический быт этого народа совершенно незнаком людям науки, а имеющиеся по этому вопросу сведения в печати крайне неполны, неопределенны, сбивчивы, часто противоречивы»².

В целом, приводимые в работах историографические обзоры давались без всесторонней научной оценки и критики, представляли собой свод, перечень литературы по теме, нежели рефлексию на эти работы. Это было связано с особенностью работы на том этапе развития науки – каждое новое исследование вносило существенный вклад в восполнение множественных лакун в истории «неизвестных» обществ.

Не стала эта проблема предметом историографического интереса и в советское время. И это вполне закономерно. Начиная с раннего советского периода, государство как надзорный орган постепенно начинает активно вмешиваться в науку, влияя на ход и содержание дискуссий. Тема «досоветских», «дореволюционных» кочевых обществ была в числе неактуальных, поскольку затрудняла ученым в своих исследованиях в полной мере применить классовый и формационный подход к обществам, в которых трудно было найти классовое противоречие, а само общество четко поместить

¹ Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург, 1905. Вып. XV. С. 23–23.

² Мякутин А.И. Юридический быт киргизов // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Оренбург. 1911. Т. XXV. Вып. XXV. С. 7.

в рамки определенной общественно-экономической формации. Поэтому тема института биев, обычного права кочевых народов оставалась табуированной, «не конъюнктурной», а если и рассматривалась, то подавалась в контексте устного права эксплуататорского класса. Указанное обстоятельство определило состояние историографической мысли. Сравнительно небольшое количество научных работ по истории института биев привело к тому, что специальной историографической работы по этой теме в советской науке не появилось. Имеющиеся немногочисленные историко-правовые исследования, посвященные социально-политической и экономической истории досоветского общества, рассматривали этот вопрос во вводной части работы, вкратце останавливаясь на анализе историографии проблемы. В этом разделе весь свой «гнев» по поводу слабой разработанности проблемы ученые обращали либо на дореволюционную историографию, обвиняя ее в «описательности», «слабости методологической базы» и т. д., либо на своих коллег, которые в 1920-е гг. придерживались «мелкобуржуазных взглядов». К примеру, довольно часто подвергались критике работы А.П. Чулошникова, поскольку его книга «смотрит не вперед, а оглядывается назад, на пройденный буржуазной историографией путь в исследовании прошлого казахского народа», либо А.Ф. Рязанова, так как тот «рассматривал казахскую общину в классовом отношении как нечто целое и не сделал попыток вскрыть глубокие противоречия, которые в себе эта община скрывала»¹. На фоне критики предшествующей историографии заметно стремление ученых подчеркнуть достижения современной им науки. На наш взгляд, такая тенденция вызвана несколькими причинами. С одной стороны, ученые понимали, что любая критика в адрес современников могла быть потенциально опасной как для рецензента, так и для автора. С другой – определенное понимание того, что объективное изучение проблем досоветских обществ в свете сталинских догм

¹ Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 50–51.

априори невозможно, вынуждало их констатировать положительную динамику историографии вопроса.

Хотя некоторые отступления от правила все-таки существовали. На слабую разработанность проблемы обращали внимание в первую очередь юристы. М.Т. Айтбаев писал: «В исторической литературе вопрос о бийстве и его сущности не разработан»¹. Такая же мысль звучит в работе крупного правоведа С.К. Кожоналиева: «До сих пор в советской правовой литературе не опубликовано ни одной работы, посвященной обычному уголовному праву киргизов»².

Позже, в середине 1970-х гг. профессор М.П. Вяткин, подвергая историографическому анализу опубликованные материалы Объединенной научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана 1954 г., вынужден был констатировать, что наиболее узким местом в историографии рассматриваемой темы продолжает оставаться почти полное отсутствие комплексных исследований по социально-политической истории казахского общества. Так, он писал: «Необходимо обратить серьезное внимание историков на изучение социального строя и кочевых и оседлых районов Средней Азии в их неразрывной связи»³.

Заметным событием в исторической науке Казахстана стал выход в свет работы Э.А. Масанова⁴. В ней на основе большого количества материалов автор рассматривает историю этнографического изучения казахского народа в досоветский и советский периоды. Автор отметил большой вклад дореволюционных исследователей в изучение казахского общества. Достаточно подробно анализируются результаты экспедиционных исследований советских ученых.

¹ Айтбаев М.Т. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX веков. Фрунзе: Киргизгосизд, 1962. С. 147.

² Кожоналиев С.К. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. Фрунзе: АН КирССР, 1962. С. 4.

³ Вяткин М.П. Социально-экономическое развитие Средней Азии (Историографический очерк 1865–1965 гг.). Фрунзе: Илим, 1974. С. 200.

⁴ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966.

Историография социальной истории казахского общества рассматривалась в контексте других вопросов. К примеру, в работе видного ученого Г.Ф. Дахшлейгера анализируются труды по истории национально-освободительных движений казахов в XVIII–XIX веках. Не называя конкретно авторов работ, Г.Ф. Дахшлейгер писал о необъективном освещении истории этого вопроса: «Правда, иногда идеализировались отдельные национальные движения, умалчивались факты использования выступлений трудящихся феодальной верхушкой»¹. В то же время появившаяся в исследованиях в результате идеологической войны с «националистами» тенденция относить все движения казахов к «реакционным», привела к тому, что невольно мог возникнуть вопрос – а кто же тогда свершал революцию 1917 г. в Казахстане? Поэтому Г.Ф. Дахшлейгер предостерегал исследователей от желания «сводить всю историю народа, трудящихся масс только к войнам и междоусобицам»². Более того, он считал, что ученым «необходимы классовая, конкретно-историческая оценка любого движения в прошлом, четкое разграничение в нем классовых интересов верхушки и трудящихся масс, борьба с попытками незаслуженной гиперболизации заслуг, превознесения того или иного предводителя, поднявшегося на гребне волны народного протеста, против затушевывания противоречий, нередко прямой противоположности классовых интересов таких предводителей и народных масс»³.

Историографические аспекты проблемы получили освещение в монографии С.Ш. Ахметовой, в которой обобщается историко-краеведческий опыт исследователей и ученых в Казахской степи в дореволюционное время. Автор положительно оценивает деятельность отделений Русского географического общества (Оренбургского, Туркестанского, Западно-Сибирского, Семиреченского), членами которых была проведена большая работа по систематизации и сбору этнографических, географических и

¹ Дахшлейгер Г.Ф. Историография советского Казахстана (Очерк). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1969. С. 49.

² Он же. В.И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1973. С. 27.

³ Там же. С. 32.

статистических сведений по казахскому обществу: «Благодаря своему знанию местной истории, культуры, быта и обычаев они оказали неоценимую помощь руководителям экспедиций, внесли свой вклад в дело изучения Казахстана»¹. С.Ш. Ахметова приходит к выводу, что «изучение Казахстана усилилось после добровольного присоединения его к России»².

Известный ученый Д.И. Дулатова отметила вклад С.Е. Толыбекова и С.З. Зиманова в изучение социальной структуры казахов в досоветский период. «Ученые показали, что в период развития капитализма в России, особенно в пореформенный период, структура класса эксплуататоров в Казахстане представляла собой систему неравнозначных социальных групп, интересы которых переплетались: баи – владельцы скота и плодородных пастбищ; бии, сохранившие в своих руках судебную власть в ауле; старшины, превратившиеся в местный чиновничий аппарат, в обязанности которого входил сбор налогов с подвластных аулов»³. Так же как и другие ученые Д.И. Дулатова отметила, что проблема кочевых обществ и кочевничества «нуждается в фундаментальном историографическом исследовании, научном осмыслении и обобщении»⁴.

В 1970-х – начале 1990-х гг. появляются обобщающие историографические работы, в которых были подведены итоги историографического исследования истории Казахстана за предшествующий период⁵.

¹ Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1982. С. 77.

² Там же. С. 78.

³ Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1984. С. 86.

⁴ Там же. С. 251.

⁵ Бекмаханова Н.Е. История дореволюционного Казахстана в новейшей советской литературе (1968–1971 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 10. С. 127–134; Ахметова Н.С. А.И. Левшин – исследователь обычного права казахов // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 4; Абишев А.К. Русская историография истории Казахстана. Караганда: КарГУ им. Е.А. Букетова, 1988; Вопросы историографии и источниковедения Казахстана: (дореволюционный период). Алма-Ата: Наука, 1988; Акишев К.А., Аргынбаев Х.А., Алимбаев Н. Археологическое и этнографическое изучение Казахстана // Историческая наука Советского Казахстана (1917–1969 гг.). Очерки становления и развития. Алма-Ата, 1990. С. 43–60; Алимбаев Н. Изучение истории Казахстана (историческая литература 20-х – середины 30-х гг.) // Там же. С. 61–92; Ерофеева И.В. Присоединение Казахстана к России как историографическая проблема // Там же. С. 154–172; Козыбаев И.М. Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата: Рауан, 1990; Он же. Историческая наука Казахстана в 40 – 80-е гг. XX века. Алма-Ата, 1992; и др.

Таким образом, проблемы социально-правовых институтов традиционного общества казахов не стали в советской историографии объектом исследования, поскольку и в 1980-е гг. ученые были нацелены на изучение вопросов «истории развитого социалистического общества, промышленности и сельского хозяйства Казахстана, истории городов, ...рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, растущей социальной однородности на современном этапе»¹.

В целом, ситуация не изменилась и в современной российской и казахстанской историографии. Проведенный в диссертации системный анализ большого корпуса гуманитарных исследований современных ученых показывает, что вопросы института биев в специальном историографическом плане не разрабатываются – авторы дают во вводной части монографии и диссертаций краткие историографические экскурсы по дискуссионным проблемам обычного права и правовых институтов казахского общества. В этом плане можно выделить труды академика С.З. Зиманова, А.И. Оразбаевой и др. ученых². Содержательная монография академика С.З. Зиманова о казахском праве открывает широкие возможности для комплексного изучения историко-правовых институтов казахского общества. С.З. Зиманов в своем исследовании наряду с дореволюционной литературой провел широкий анализ работ советских ученых. Особого внимания заслуживает монография А.И. Оразбаевой, которая несколько расширила географию исследования, включив в историографический анализ труды средневековых тюркских и персидских авторов. В работе дается характеристика исследований по истории института биев, сформулированы проблемы, которые заслуживают внимания ученых. В

¹ Тулепбаев Б.А., Козыбаев М.К., Дахшлейгер Г.Ф. Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения истории Казахстана // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 19–20.

² Андабеков Ш. Билердің төтенше съезі: оның құрылымы мен билік шешімдері: заң ғылым. канд. ... дис. Алматы, 1995; Куандыков Б.Ж. Деятельность Айтеке Байбекулы как бия: дис. ... канд. юрид. наук. 2001; Ахан Б. Философия биев: Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2003; Оразбаева А.И. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы тән билер институты. Алматы: Дайк-Пресс, 2004; Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008; Артықбаев Ж. «Жеті жарғы» – мемлекет және құқық ескерткіші: Зерттелуі, деректер, тарихы, мәтіні. Алматы: Жеті жарғы, 2012; и др.

частности, отмечается роль устных источников по изучению традиционных институтов казахов.

Исследователь Е.С. Сыздыкова отметила, что «офицеры Генерального штаба на протяжении XIX в. создали ценные труды, которые по степени информативности, охвату проблем и качеству обработки первоисточников и сегодня привлекают внимание исследователей, поражая своей фундаментальностью»¹. Вместе с тем, автор отмечает, что «в конце XIX – начале XX вв. российский колониализм вступил в высшую стадию развития. Качество трудов в этот период значительно снижается. Тенденциозное, предвзятое, порой пренебрежительное отношение к местному населению, вытесняют все способы объективного познания казахского народа»².

Значительный интерес представляют публикации справочного характера. Первые дореволюционные справочники в целом носили комплексный характер. В них помещались названия работ по экономике, этнографии, истории казахов³. В 1951 г. Академией наук Казахской ССР был издан библиографический сборник, в котором нашли отражение материалы устного народного творчества казахского народа⁴. Сборник интересен тем, что в него были включены исследователи, способствовавшие распространению знаний о фольклоре казахов, дается краткая аннотация работы.

Среди других справочно-библиографических изданий хотелось бы отметить изданные в 1964 г. и 2007 г. указатели статей и исследований по историографии дореволюционной истории Казахстана. В них можно найти указания о литературе по истории государства и права, социальных

¹ Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан: (Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России). М.: Издательство «Известия» Управление делами Президента Российской Федерации, 2005. С. 243.

² Там же. С. 245.

³ Харузин А.Н. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов. М.: Б. и., 1891; Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань: Тип. унта, 1900.

⁴ Библиографический указатель по казахскому устному творчеству. Вып. 1. 1771–1916 гг. Алма-Ата: АН КазССР, 1951.

отношениях в дореволюционном Казахстане¹. В 1994 г. вышел составленный У. Субханбердиной сборник текстов из «Киргизской степной газеты», в котором наше внимание привлекли материалы о народном суде и обычном праве казахов². Библиографические словари позволяют не только найти информацию о работах по интересующему вопросу, но и воссоздать историю развития биеведения в определенный период прошлого.

Хотя представленный обзор не носит исчерпывающего характера, он позволяет составить ясное представление об отсутствии специального комплексного историографического исследования проблемы института биев как в российской, так и в казахстанской историографии. Основу историографического корпуса составляют вводные части историко-правовых исследований, немногочисленный корпус статей о персоналиях и институциях.

Завершая анализ литературы, стоит отметить, что обозначенные пробелы в историографии института биев выдвигают на повестку дня задачу создания полного историографического исследования, в котором был бы представлен не только всесторонний, но и компаративный анализ имеющейся литературы. Несмотря на сложность и многогранность поставленной задачи, ее решение позволит, используя междисциплинарный подход, проанализировать весь комплекс материалов и написать на основе этого обобщающий труд по историографии социальной истории казахского общества.

Цель диссертации состоит в том, чтобы дать сравнительный историографический анализ литературы, направленный на раскрытие позиций и взглядов ученых и исследователей по истории зарождения и трансформации института биев, его характерных особенностей и роли в казахском обществе, постановке основных проблем по дальнейшему исследованию института биев.

В связи с этим возникает необходимость решить следующие задачи:

¹ Библиография по истории Казахстана (аннотированный указатель). Вып. 1. Дореволюционный период. Алма-Ата: Казгосиздат, 1964; История Казахстана. Дореволюционный период: Аннотированный библиографический указатель казахских, русских книг и рукописей, хранящийся в фондах ЦНБ МОН РК. Т. 1. Алматы: Комплекс, 2007.

² «Киргизская степная газета»: человек, общество, природа. 1888–1902 / Сост. У. Субханбердина. Алматы: Ылым, 1994.

- выявить теоретико-концептуальный подход досоветской историографии к эволюции института биев;
- проанализировать дореволюционные исследования и на основе этого определить их оценки особенностей древнего института биев, судебного процесса в казахском обществе;
- выделить этапы становления и развития советской историографии проблемы;
- провести компаративный анализ смены подходов и концепций в отношении института биев в советской историографии;
- показать процесс накопления социогуманитарных знаний по теме; расширения и углубления ее проблематики в советский период;
- выяснить основной круг проблем по истории института биев в современной историографии, и на этой основе провести сравнительный анализ;
- дать компаративный анализ зарубежной историографии по теме;
- подвести общий итог по изучению проблемы института биев и достигнутым результатам; определить неизученные или слабо изученные вопросы по теме;
- изложить свои рекомендации о возможных путях дальнейшей разработки проблемы.

Источниковая база исследования. Спецификой источниковой базы исследования является то, что она включает научные работы, которые выступают одновременно в роли как историографического, так и исторического источника. Это связано с тем, что они являются не только носителем информации о генезисе и развитии института биев, но и предоставляют аналитический материал, вплотную примыкающий к историографии. Выбор разнородных по форме и содержанию, степени достоверности источников был обусловлен предметом и поставленными задачами в исследовании. В целом источниковый корпус работ можно условно разделить на три группы.

1. Основную группу источников составила научная социогуманитарная и публицистическая литература. К этой группе в работе отнесены опубликованные работы исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периода, внесших значительный вклад в сбор эмпирического материала и на основе этого разработку целого ряда научно-теоретических аспектов изучения истории института биев. В свою очередь, учитывая специфику источников этой группы, их можно разделить на несколько подгрупп:

– Опубликованные отчеты ревизий сенаторов Ф.К. Гирса и К.К. Палена позволяют раскрыть отношение российских чиновников к проблемам судебного устройства в казахских степях. В них содержится подробная информация о состоянии судебного устройства в регионе, описывается не только текущее положение суда биев, но и предлагаются меры по его регламентации. Из источников личного происхождения в работе использовалась изданная часть мемуаров, дневников лиц, имевших представление об обычно-правовых институтах казахов. Характер изложения в этом виде источников во многом определялся положением авторов в обществе, социально-политическими взглядами. Их представления носили субъективный и отчасти предвзятый характер, тем не менее, позволяют глазами государственных и общественных деятелей посмотреть на описываемое явление, увидеть новые грани и эмоциональный фон социальной проблематики.

– Любопытный материал по проблеме содержится в периодической печати, которая, начиная с дореволюционного времени по настоящее, активно привлекалась в качестве источника по исследуемой теме. Сложность в изучении этого типа источника заключалась в его неоднородном характере, определенном типом научной или общественной периодики, и зависимости от политической конъюнктуры. В ней ясно прослеживается идейно-теоретическая направленность авторов статей по самому широкому спектру вопросов. К

примеру, в дореволюционной печати – «Петербургские ведомости», «Киргизская степная газета», «Туркестанские ведомости», «Оренбургский листок» и др. – обсуждались вопросы последствий проводимых в крае правовых реформ, акцентировалось внимание на генезисе негативных сторон в деятельности местных судов; на примере советской – «Вопросы истории», «Вестник АН КазССР», «Изв. АН КазССР», «Большевик Казахстана» и др. – можно проследить активные дискуссии о формах собственности у кочевых народов, о постепенной гегемонии классового подхода в освещении социальной структуры досоветских обществ. Специфика научной периодики заключается в том, что в ней авторская позиция в условиях идеологических догматов присутствовала «завуалированно». Трудность анализа таких материалов заключалась в выявлении такой информации, «скрытых» подтекстов. Добавим, что концептуальные положения на страницах этих крупных научных изданий обильно цитировались, их принимали за аксиому, поэтому они не подвергались в свое время критической верификации.

В современной российской и казахстанской периодике – «Отан тарихы», «Қазақ тарихы», вестниках ведущих вузов Казахстана – Казахского национального университета имени аль-Фараби, Казахского национального педагогического университета имени Абая, Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, журналы «Ab Imperio», «Заң», «Қазақ батырлары», «Этнографическое обозрение» и др. – охватывается самый широкий спектр мнений по проблемам историко-правовой мысли кочевых обществ, взаимоотношений империи с окраинными народами.

Широкое привлечение в диссертации разножанровых материалов периодических изданий связано с тем, что им удалось на своих страницах показать всю разнообразную палитру мнений ученых и исследователей об институте биев. Здесь же необходимо отметить, что историография, посвященная институту биев в казахском обществе, наряду с научными в прямом смысле работами включает множество публицистических

произведений, что обуславливает специфику ее анализа. Например, в некоторых материалах образ биев и батыров представлен в несколько идеализированном виде. Однако многие из этих статей не лишены научности и оставляют возможность дальнейшего изучения с практических позиций. Думается, данное направление должно стать полем будущих исследований.

– Много полезного и интересного в ходе подготовки диссертации автор вынес из знакомства с материалами десятитомного издания «Древний мир права казахов», на страницах которого охватывается широкий спектр вопросов: исследования о законодательной деятельности казахских ханов – Касым хана (1510–1518/21), Есим хана (1598–1628) и Тауке хана (1680–1715/18); представлены варианты «Жеті жарғы» (Уложения хана Тауке) в редакциях А.И. Левшина, Г. Спасского, К. Шукуралиева, исследования советских, современных казахстанских и российских ученых по проблемам обычного права, значительное место в издании отведено судебным решениям биев, постановлениям (ереже) чрезвычайных съездов и волостных съездов второй половины XIX в.; образцам судебных решений биев; примерам ораторского искусства биев, их размышлений и изречений; законодательным и официальным актам российского правительства о судебных, политико-административных и правовых реформах в казахской степи; отрывки из художественных произведений М. Ауэзова, А. Кекилбаева, А. Алимжанова и других известных деятелей культуры об обычном праве и суде биев; материалы о семейно-правовых отношениях в обычном праве казахов. Эти материалы позволили составить общую характеристику состояния изученности темы.

– Для понимания этапов эволюции суда биев нами использовались утвержденные и неутвержденные законодательные документы правительства России – «Устав о сибирских киргизах», «Устав об оренбургских киргизах», «Временные положения по управлению в Семиреченской, Сырдарьинской, Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1867–

1868 г.; «Положение по управлению Туркестанским краем» 1886 г.; «Степное положение» 1891 г. и др. Основная их масса выработывалась местными региональными властями и являлась основными законодательными актами, которые регулировали судебнo-процессуальные отношения как внутри самих кочевников, так и с пришлым населением. Эти документы позволяют проследить процесс трансформации в XIX в. суда биев в ходе проводимых Российской империей административно-правовых реформ.

– К этой группе также отнесены монографии, авторефераты диссертаций и диссертации, сборники статей, материалы научных конференций, круглых столов, которые в той или иной степени рассматривали социальную историю досоветского общества. Содержание и выводы авторов способствовали появлению новых идей, влияли на формирование концептуальных подходов при исследовании темы, рождали дискуссии в научной среде. При этом нами учитывалось влияние на взгляды ученых объективных и субъективных факторов, сформировавших концептуальный подход в исследовании.

– Отдельную подгруппу составили научные работы и исследования западноевропейских и американских авторов, начиная с досоветского периода и по настоящее время.

2. Вторую группу важных источников, легших в основание диссертации, составили архивные материалы, извлеченные из Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз) и Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО). Часть из этих материалов впервые вводится в научный оборот.

Значительные материалы по исследуемой теме отложились в фондах РГИА. Это в первую очередь Ф. 1291 (Земское отделение), Ф. 853 (Григорьев Василий Васильевич (1816–1881), профессор истории Востока Петербургского

университета, управляющий областью Оренбургских киргизов, начальник Главного управления по делам печати), Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД). В материалах этих фондов нами обнаружены сведения о «старом» и «новом» суде биев, которые почерпнуты из различных рапортов, отчетов, донесений чиновников о положительных и отрицательных сторонах судебного процесса у казахов, из жалоб казахов на решение биев и доносов участников процесса, разъяснений членов различных комиссий, а также из пояснительных записок региональных властей о возможных путях реформирования суда биев. Все эти материалы в совокупности позволяют увидеть под разными углами зрения, в которых отражены убеждения различных социальных слоев, процесс трансформации суда биев в ходе проводимых Российской империей в Казахской степи политико-правовых реформ, «закулисную» борьбу чиновников по сохранению или, наоборот, упразднению этого социально-правового института.

Определенный интерес представляют материалы из Ф. 183 (Экспедиция по исследованию старого русла р. Аму-Дарьи), Ф. 1683 – Островский Михаил Николаевич (1827–1901), министр государственных имуществ, председатель департамента законов, почетный член Академии наук, член Государственного Совета, Ф. 1396 – ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Эти материалы обогатили источниковую базу исследуемых в диссертации вопросов истории традиционного казахского суда.

Для осмысления изучаемой проблемы определенный интерес вызывают материалы, отложенные в фонде Ф. 400 – Главный штаб (РГВИА). Наше внимание привлекла переписка 1870-х гг. между министерством внутренних дел, военным министерством и Туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом о судебном переустройстве края.

Исключительную важность для изучения проблемы института биев представляют материалы Ф. 4 (Оренбургская Пограничная комиссия), Ф. 25 (Тургайское областное правление г. Оренбург), Ф. 30 (СНК КирАССР (1920–

1959), Ф. 44 (Семиреченское областное правление), Ф. 64 (Канцелярия Степного генерал-губернатора), Ф. 345 (Областное управление сибирскими казахами МВД г. Омск), Ф. 427 (Выкопированные документы из материалов ЦГИА КазССР (сказания о биях), Ф. 825 (Колпаковский Г.А. – генерал-губернатор Степного края), Ф. 1380 (НКЮ КирАССР) ЦГА РК. Среди них хотелось бы выделить те дела, в которых сосредоточен огромный источниковый массив о деятельности Оренбургской Пограничной комиссии и других проверяющих край комиссий; материалы по сбору и систематизации чиновниками Комиссии норм обычного права казахов, сведения о работах чрезвычайных и волостных съездов, единоличных биев; жалобы кочевников на решения суда биев и, наоборот, попытки чиновников хоть на время отстоять суд биев и объем подсудных ему дел; рапорты и донесения местных чиновников о специфике суда кочевников; материалы делопроизводства (прошения, рапорты, записки, иски).

Особенный интерес для нас представляли дела о неоднократных попытках советской власти упразднить аксакальские и третейские суды, а также данные о том, что, несмотря на все старания большевиков сузить правовое поле деятельности аксакальских судов, они продолжали действовать, играя важную роль в жизни казахского социума.

В ЦГА РУз наибольший интерес вызвал фонд И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), по которому удалось составить представление об отношении местных властей к судебным и другим учреждениям кочевого населения края. Хотя некоторые материалы этого фонда дублируют материалы центральных архивов, к примеру, РГИА, извлеченный из фондов материал по вопросам управления края, проектам судебных преобразований, «особых мнений» специальных комиссий весьма интересен для изучения процесса подготовки различных вариантов по слиянию местного права с имперским законом. Другие фонды этого архива И-5 (Канцелярия начальника Зеравшанского округа), И-17 (Сырдарьинское

областное правление), И-18 (Самаркандское областное правление), И-19 (Ферганское областное правление), И-36 (Управление начальника г. Ташкента), И-717 (Совет Туркестанского генерал-губернатора), И-907 (Канцелярия начальника Амударьинского отдела), Р-25 (Совет народных комиссаров Туркестанской республики), Р-38 (НКЮ ТАССР) предоставили богатый материал, раскрывающий сложный механизм реорганизации края в правовом отношении. Особый интерес у автора вызвали материалы, которые помогли составить некоторое понимание о причинах смены в конце XIX – начале XX вв. казахами этого края одной правовой практики другой – адата шариатом.

Сведения об обычном праве казахов Среднего жуза обнаружены нами в Ф. 3 (Главное управление Западной Сибири) (ГИАОО). Значительная часть из них, собранная Сибирским комитетом и касающаяся сведений об адате, опубликована в «Материалах по обычному праву».

3. К последней, но от этого, не менее значимой группе мы отнесли опубликованные источники. Это, в первую очередь, «Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.)», «Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времен присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской Социалистической революции)», «Материалы по казахскому обычному праву», «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов)», «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). (Сборник документов и материалов)». В этих изданиях содержится огромная источниковая информация об обычном праве казахов, о взаимоотношениях местной и региональной администрации, дается характеристика биев российскими чиновниками, которые по долгу службы активно контактировали с ними. Зачастую многие сведения о древнем суде биев, его характерных чертах, специфике кочевого судопроизводства можно почерпнуть именно из этих источников.

К этой подгруппе мы также отнесли опубликованные тюркские и персидские источники. Прежде всего, это извлечения из персоязычных

сочинений в «Истории Казахстана в персидских источниках» (V том), работы тюркоязычных авторов – Махмуда ал-Кашгари «Диван лугат ат-турк» и Юсуфа Баласагуни «Благодатное знание». Эти источники содержат интересные сведения о государственном и политическом устройстве улусов, образовавшихся на территории Казахстана после установления монгольского господства, дают представления о титулах и чинах, о социальной структуре общества. Но самое главное это то, что труды этих авторов позволяют понять семантическое значение терминов «бек», «улус бек», «бий», употреблявшихся в разное историческое время.

В диссертации использовались опубликованные материалы фольклора. Специфика этого вида исторического источника в его устной передаче от поколения к поколению. Мифологический характер содержания материалов о биях-батырах требовали работы по верификации и сопоставлению с другими видами источников.

Следует отметить, что при работе с источниками мы столкнулись с рядом методологических трудностей. Решение их виделось в том, что, с одной стороны, нами была предпринята попытка отрешения от сложившихся стереотипов относительно института биев в переломные моменты историографии проблемы. С другой – идеологическая направленность государственных ориентиров в научных исследованиях (с дореволюционного по настоящее время) могла привести к попытке «встраивания» выводов и положений диссертации в определенную концепцию, вытекающую не из имеющейся источниковой базы, а из вполне конкретного политического заказа. В этом плане мы старались, основываясь на источниках, придерживаться строго научного подхода в изучении института биев на всех этапах своей работы.

Научная новизна диссертации заключена в самой постановке цели и задач исследования и определяется тем, что это, по сути, первое в российской и казахстанской исторической науке историографическое исследование

института биев, проведенное автором с использованием широкого круга архивных источников. Проведенный в диссертации анализ позволяет прийти к выводу, что до настоящего времени историографические исследования в этой области носили фрагментарный характер. В диссертации впервые полно и детально получили характеристику этапы историографии темы, выявлены концептуальные подходы в исследовании проблемы, определены перспективы дальнейшего развития историографии института биев.

В ходе компаративного анализа работ впервые показана противоречивая история развития научного знания по данной теме в разные временные отрезки. В диссертации отмечаются позитивные и негативные стороны историографии вопроса, проанализирован вклад дореволюционных, советских и современных исследователей в разработку проблемы, в то же время, выявлен ряд концептуальных положений, послуживших причиной зарождения дихотомий «архаичный, первобытный суд» – «“золотой век” казахского правосудия», «эксплуататор, предатель/родовой предводитель, защитник казахского народа». В диссертации высказывается ряд идей, позволивших переосмыслить некоторые прежние историографические выводы.

Важным признаком научной новизны диссертации является переосмысление и выявление слабо изученных вопросов в историографии темы. К примеру, в исследовании показано соотношение адата и шариата в XIX в.; впервые выявлено участие биев в «подрывной» деятельности нерусских народов в отношении империи в контексте случаев приспособления; изучение проблемы «обынородчивания» русского населения на окраинах империи, во фронтальной зоне, когда тесные отношения последних с местными жителями приводили к отказу русских от собственной идентичности и ассимиляции с местным населением; по-новому рассмотрена роль биев во внешнеполитических инициативах Российской империи в центральноазиатском регионе.

Кроме этого в научный оборот впервые вводится корпус неопубликованных архивных материалов.

Территориальные границы исследования локализованы Казахской степью, под которой в работе понимались степные области Казахстана, вошедшие в состав Российской империи. Вместе с тем мы признаем, что положенная в основу диссертации географическая терминология весьма условна, так как с момента образования Казахского ханства (середина XV в.) и до ликвидации суда биев (конец 1920-х гг.), границы территории, населенной казахами-кочевниками неоднократно менялись. Однако, учитывая, что институт биев, судя по имеющимся нарративам, являлся продуктом кочевого общества, в основу территориального критерия был положен производственно-хозяйственный принцип, означающий его распространение среди казахов Младшего, Среднего и Старшего жузов.

Здесь же отметим, что изучением традиционных институтов кочевников в первую очередь занимались российские и казахстанские исследователи. Поэтому объект и предмет исследования географически охватывает взгляды исследователей России и Казахстана.

Практическая значимость работы. Поскольку работа носит междисциплинарный характер, ее результаты могут быть использованы при написании специальных и обобщающих работ, как историографического, так и историко-правового, филологического и философского плана по истории социальных отношений, институту биев, обычному праву казахского общества. Содержание диссертации может представлять интерес для преподавателей и студентов вузов, научных учреждений, занимающихся вопросами изучения социально-правовых отношений в казахском обществе. Материалы диссертации представляют интерес при подготовке общих и специальных курсов по историографии истории Казахстана, а также для всех тех, кто интересуется историей Отечества.

Основные положения, выносимые на защиту:

– Представленные в диссертации материалы свидетельствуют о том, что в основе подхода по инкорпорирование местного права в общероссийское соционормативное пространство лежали идеи эволюционизма, согласны которым определенный уровень развития общества предполагал соответствующий ему уровень общественно-правовых и социальных институтов.

– Поскольку общество казахов воспринималось в глазах государственных чиновников и общественности как «дикое», «патриархальное», в основу проводившихся судебно-правовых мероприятий правительства был положен принцип поэтапного реформирования.

– Опираясь на проведенный в исследовании историографический анализ, можно говорить, что в дореволюционной историографии дискуссионным стал вопрос о принципах формирования древнего суда.

– Анализ дореволюционной историографии свидетельствует о том, что в XIX в. в историографии сложилось в основном два подхода к вопросу реформирования правовых институтов казахского края – либеральный и государственнический.

– Материалы нашего исследования доказывают, что в дискуссиях по этому вопросу приняли участие как центральные, так и региональные власти, которые также по-разному видели пути эволюции казахского суда биев.

– В спорах о формах традиционных институтов приняла участие и национальная интеллигенция, связывавшая будущее своего народа с созданием национальной автономии и желавшая через российскую культуру приобщить казахский народ к достижениям европейской цивилизации.

– Так как в советский период государство влияло на все сферы жизни общества, траектория развития науки определялась методологическими партийными установками, согласно которым все события исторического прошлого следовало объяснять классовым и формационным подходом.

– Работа позволила показать, что в первые годы советская власть лояльно относилась к адатному праву, что выразилось в закреплении смешанного адатно-советского законодательства.

– Сложение советской историографии – длительный и сложный процесс, испытавший на себе влияние смены нескольких дискурсов: «абсолютное зло»/«наименьшее зло»/«добровольное присоединение». В контексте этих дискурсов по-разному трактовались роль и место биев в социально-политической истории казахского общества.

– В условиях доминирования методологического плюрализма современные исследователи стараются изучить вопросы социальной истории досоветских обществ в контексте эволюционистского, цивилизационного, примордиального и др. подходов.

– В современной историографии среди российских и казахстанских ученых нет единого мнения по некоторым вопросам истории института биев, в том числе о времени возникновения института биев, влиянии административно-правовых реформ на суд биев, роли во внешней и внутренней политики Казахского ханства.

– Характерной чертой зарубежных исследований, которые базируются в основном на российских и казахстанских источниках, является стремление иначе интерпретировать многие вопросы социальной истории казахского общества, услышать «голос» не только центра, но и периферии.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации были изложены в монографии «Институт биев: образы и интерпретации в российской и казахстанской историографии» (объемом 22 п.л.), на международных и всероссийских конференциях, ряде научных статей, в том числе в 18 научных публикациях, изданных в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК РФ, в учебных пособиях. Диссертация была обсуждена на кафедре истории стран ближнего зарубежья Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Структура и основное содержание диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава 1. История смены дискурсов: теоретико-методологические основы историографии проблемы

§ 1. Разработка идейно-теоретических подходов в дореволюционной историографии

Формирование теоретико-методологических принципов и подходов дореволюционной историографии XVIII–XIX вв. по рассматриваемой теме было связано с логикой политических и стратегических задач России как империи внутреннего колониализма, составной частью которого становились идеи века Просвещения. В первой половине XVIII в. земли казахов Младшего и Среднего жузов юридически вошли в состав Российской империи. К этому времени российское централизованное государство, берущее начало еще с времен Ивана III, обращает свой взор как на запад, где Петр I в ходе российско-шведских войн успешно «прорубал окно» в Европу, так и на Восток, где великий реформатор пытался подобрать «ключи» к «воротам» Азии.

Такую «многовекторную» внешнюю политику можно объяснить тем, что время Петра I связано с переоценкой в обществе исторической миссии России на международной арене и утверждением имперской концепции. В основе нее лежала твердая убежденность в том, что Россия, являясь преемницей Рима и Константинополя, имела «божественное» право на расширение территорий и «естественное» право распоряжаться судьбами народов. В данном случае «движение на восток представлялось исторической миссией России, обусловленной ее срединным географическим положением»¹.

Политика расширения территории, оформленная первоначально в идее «собирания земли русской», была продолжена и позднее, в период империи, поскольку как писал философ С.В. Лурье, «сохранение и в XIX в. важнейших принципов действия, унаследованных от Византии, указывает на то, что

¹ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО. М.: Наука, 2004. С. 293.

имплицитно проявлял себя взгляд на империю как на икону Царства Божия, как на государство, имеющее мистическое основание, а потому являющееся уникальным, а не одним из многих государств мира»¹. Так в конце XVII в. территория России составляла 7 млн. кв. км. При Петре I – 16 млн. кв. км. В конце XIX в. – 22,4 млн. кв. км. «Ни характер государя или государыни, ни советники, окружавшие трон, не оказывали влияния на процесс: он всегда шел в одну сторону: расширения территории, приобретения новых земель»².

Объяснить успех поступательного широкомасштабного присоединения и закрепления на новых землях империи только силовым воздействием центра на приграничные окраины (хотя этот фактор не исключается), разноплановыми методами колонизации, включавшими стихийные и организованные потоки переселенцев, толерантным (по меркам той эпохи) отношением государства к народам и народностям (к примеру, свобода вероисповедания) будет, на мой взгляд, не совсем верным. Думаю, что историческое продвижение и расширение границ в юго-восточном направлении связано в том числе и с фактором государственной политики и административно-правовой практики империи.

Процесс включения территории Казахской степи в состав Российской империи определяется относительно длительным временным интервалом (XVIII – середина XIX вв.) и сопровождался целенаправленным утверждением правовых норм и практическим внедрением их в местное социоправовое поле. Эти нормы служили важным фактором по легитимации власти в крае, кроме этого они были призваны способствовать постепенному формированию единого правосознания всех народов, населявших империю.

В свете сказанного представляется важным рассмотреть основные моменты государственной политики в области законодательства и практики его применения.

¹ Лурье С.В. От древнего Рима до России XX века: Преемственность имперской традиции // *Общественные науки сегодня*. 1997. № 4. С. 132.

² Геллер М. *История Российской империи*. Т. II. М.: МИК, 1997. С. 124.

Следует начать с того, что в XVIII в. процесс юридического включения Младшего и Среднего жузов в состав империи не подразумевал фактического закрепления Российской империи на этих территориях. Ее присутствие было скорее «гостевым», поэтому ни о каких серьезных реформах в области права в это время речи не заходило¹. Бескрайние степные просторы, посезонно кочующие казахские племена, у которых, по мнению российских исследователей и путешественников, «сложно было найти какие-то признаки государственности», сформировали в российском обществе стойкое мнение о казахах как общности, пребывающей на доклассовой стадии развития. Поэтому относительно общественного устройства казахов в дореволюционной историографии всецело господствовала идея о родовом быте и родовом характере социальных отношений.

Весомый вклад в формирование этого подхода внес один из видных ученых и начальников Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев (1737–1739), видевший историю мира как непрерывное восхождение от младенчества к «мужеству». При этом восхождение по каждой стадии развития он связывал с очередным уровнем знания и культуры: «И тако мнится, что удобно можем сравнить до обретения письма и закона Моисеева со временем младенчества человека»². Своеобразные черты, присущие кочевому миру казахов, объяснялись «возрастными» параметрами, поэтому кочевники стали восприниматься не просто как «чужие», но и как «иные», живущие в «состоянии незрелости». Путешественники и исследователи казахского общества исходили именно из этого методологического постулата, поэтому не случайно частое употребление эпитетов «дикарь», «варвар» и т. д. в качестве характеристики уровня развития общества номадов встречается повсеместно.

¹ В 1786 г. генерал-губернатор Игельстром предпринял попытку проведения реформы в Младшем жузе. Была упразднена ханская власть, введены расправы, ханский совет. Однако реформа в силу ряда причин потерпела неудачу.

² Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Избранные произведения / Под общ. ред. С.Н. Валка. Л.: Наука, 1979. С. 70.

Такой методологический подход сохранился и в XIX в., с той лишь разницей, что теперь требовалось законодательное обеспечение, вытекающее из необходимости фактического закрепления имперского присутствия на этой территории. Идеи историзма и эволюционного права немецких философов Шеллинга, Фихте и Гердера оказали огромное влияние на взгляды «просвещенных бюрократов» и исследователей права. В числе сторонников этих идей был один из первых реформаторов в области казахского права генерал-губернатор Западной Сибири (1819–1821) М.М. Сперанский.

Обширная малозаселенная территория Степи, немногочисленный государственный аппарат, не позволявший силой «сломать» местную правовую практику, непонятные для казахов, а потому «ненужные» российские законы объективно затрудняли проведение мероприятий по пересмотру и переоценке адата, с тем чтобы он растворился в имперском праве. Поэтому не случайно политика М.М. Сперанского в крае стала зеркальным отражением популярных в те времена идей о необходимости преобразований в устройстве окраинных народов по цивилизованной (европейской) модели, соответствующей культурному и развитому обществу. Его новаторские идеи, касающиеся плана преобразования России (к примеру, идея разделения властей на законодательную, исполнительную, судебную) сделали М.М. Сперанского одним из первых политических мыслителей России начала XIX в.¹

После прибытия в Сибирь новый генерал-губернатор выяснил, что местные народы заметно отличаются от русских. Так, в письме к своей дочери он писал о празднике «диких киргизов» в окрестностях Омска: «Они (казахи. – Ж. М.) жрут почти сырых баранов и пьют кумыс. Нет ничего отвратительнее дикой природы, если в самом деле это есть природа, а не одичавшее ея

¹ Эти идеи нашли отражение в следующих работах М.М. Сперанского: Размышления о государственном устройстве империи, 1802; О коренных законах империи, 1802; Обзорение исторических сведений о Своде законов. Одесса, 1833; План государственного преобразования. М.: Русская мысль, 1905; Причины и цель издания полного собрания и свода законов с точки зрения Сперанского. Казань, 1889; Проекты и записки. М.; Л.: АН СССР, 1961; Руководство к познанию законов. СПб., 1845; и др.

произведение»¹. Отмеченные им отличия, казалось, касались всего: климата, образа жизни, веры, суда. В то же время он был убежден, что «законы должны отражать духовные и интеллектуальные нужды народа, сформированные национальной историей и традицией. Каждое общество проходит через детство, зрелость и старость, и “законодатель не может и не должен менять этот возраст, но он должен знать его точно и управлять каждым в соответствии с его собственным характером”»². Таким образом, законы привязывались к определенному уровню развития культуры.

В этом плане путь в когорту цивилизованных обществ для «отсталых» и «слаборазвитых» народов виделся, в том числе, через законы, которые должны были стать «моделями для преобразований, и если они должным образом воплощались чуткими и отзывчивыми администраторами, то постепенное восхождение к почитанию норм права последует естественным образом»³. То есть «целью правительства было не отдалять народ, для которого издаваемые законы предназначались, а стимулировать его на то, чтобы “принять и понять его намерения со стороны общества в целом в силу их логической согласованности с нуждами правительства”»⁴.

Для того чтобы «подтянуть» менее развитые общества к российской (европейской) модели и тем самым создать гомогенное имперское общество, предполагалось провести реформирование социума окраины, направить его развитие в нужное русло. Единственный вопрос, который волновал общественность – пути этого реформирования: поступательный (принцип эволюционизма) или крутая ломка устоявшихся местных культурных ценностей (назовем его революционным).

Вопрос этот действительно был в числе важных для власти, поскольку как верно выразился в своем «Дневнике» Ф.М. Достоевский: «В Азии, может быть

¹ Сперанский М.М. Письма к дочери / Сост. Н.В. Куксанова. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 104.

² Цит. по: Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Автор. пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 102.

³ Цит. по: Азиатская Россия геополитической и цивилизационной динамике... С. 294.

⁴ Мартин В. Закон и обычай в Степи: Казахи Среднего жуза и Российский колониализм в XIX веке / Пер. с англ. Д.М. Костина. Алматы: Санат, 2009. С. 48.

еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»¹. С поворотом в Азию, «где мы явимся господами», по мнению писателя, «миссия наша цивилизаторская подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение»². Кроме идеи о мессианской роли, российское правительство смотрело на присоединенные территории как на «целину», на которой можно было экспериментировать в социально-правовых проектах, однако без ущерба государству.

На протяжении всего XIX в. наиболее крепкие позиции среди государственных чиновников и представителей общественной мысли имели сторонники первого курса. Не случайно основные положения всех законодательных документов предполагали установление российского правления в том числе – путем использования норм адата.

Исходя из этого постулата, в основу реформы «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. М.М. Сперанский положил принцип использования российского права в качестве средства по «окультуриванию» казахов и включению посредством этого в российское «цивилизованное (гражданское) общество». Повторю, что до 1822 г. империя лишь юридически присутствовала в Степи, после этого года началось последовательное политико-правовое включение Степи в состав России (реформы 1824, 1854, 1867, 1868 гг. и др.). Важной особенностью этого законодательного документа, определившего характер и содержание всех последующих, явилось то, что М.М. Сперанский взял курс на постепенное преобразование существующих судебных практик, на поступательное внедрение среди местного населения идеи об имперском праве как более гуманном и справедливом. Поскольку местное население в Западной Сибири было представлено разнородными этническими сегментами, имеющими специфические культурные черты и разный уровень общественного развития, М.М. Сперанский видел слияние Степи с империей

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Лениздат, 1999. С. 722.

² Там же. С. 725.

как процесс поэтапный, эволюционный. На практике эти нововведения выражались в том, что наряду с введением имперского законодательства по некоторым видам уголовных преступлений, казахам разрешалось регулировать свои споры по адату, однако с этого момента начинается перекодификация некоторых норм обычного права в сторону объявления их противоправными.

Предполагалось, что со временем суд биев не выдержит конкуренции с мировыми судами и постепенно станет рудиментом в жизни кочевников¹. Такова была логика господствовавшего в то время эволюционистского подхода.

Таким образом, реформы 1820-х гг. можно условно обозначить как некую «точку отсчета»: с этого момента начинается долгий путь трансформации суда биев, его встраивание в российское соционормативное поле. При этом принципы эволюционизма в подходе к вопросам слияния местного права с имперскими стали настолько всеобъемлющими, что можно говорить о том, что они стали основным методологическим подходом для исследователей и администраторов вплоть до советской власти.

Следует признать, что понимание правительством России того, что территория империи в географическом, конфессиональном, этническом и т. д. разрезе представляет собой разнохарактерное пространство, привело к разработке взвешенного, сбалансированного подхода к вопросам по управлению обширными юго-восточными окраинами².

Приняв во внимание сложившиеся народные правовые обычаи и учитывая неудачи в кавказском опыте³, российские законоведы берут курс на постепенную инкорпорацию местного некодифицированного права в российское правовое поле. Такая полиюридическая имперская политика,

¹ В вопросах трансформации местного суда правительство выбрало в качестве эталона мировые суды империи, которые считало более перспективными и цивилизованными.

² Пожалуй, можно говорить о ситуативности принятия решений в правовых вопросах по отношению к правовым режимам разных частей империи.

³ См.: Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Вост. лит., 2002; Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начал XX в. Т. II. В царской и ранней советской России / Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. дом Марджани, 2009.

полагаем, была направлена на решение нескольких задач. Во-первых, в ходе реформ 1820-х гг. начинает устанавливаться практика правового плюрализма – синтеза адата и норм российского права, подразумевавшая первую попытку вращивания местных адатных судов в российское соционормативное поле¹. Государство таким образом признавало существование, наряду с имперским правом, и адатного². Курс в отношении местного права связан, скорее всего, не с «симпатиями» к нему, а с вполне прагматичными целями: ломка обычаев, насильственные метаморфозы образа жизни казахского народа могли привести к противостоянию региона и империи, к потере контроля со стороны последней над человеческими и материальными ресурсами. В то время как сбалансированная, осторожная, взвешенная политика могла обеспечить включение края в поле влияния империи и постепенное, безболезненное вращивание всех его институтов в социокультурное пространство.

Задача инкорпорации адата в имперское право требовала всестороннего изучения его норм путем сбора устного материала и его кодификации. Поэтому неудивительно, что в начале XIX в. появляются первые серьезные исследования о местном праве, на основании которых региональные власти получили противоречивые оценочные суждения о деятельности суда биев.

В самом российском обществе на протяжении всего XIX в. и начала XX в. существовало неоднозначное отношение к имперской практике правового плюрализма, что приводило к жаркой полемике о путях реформирования судебной системы и появлению по этой причине целой серии «временных» и «проектных» положений³ как компромисса между либералами – сторонниками единой (цивилизованной) судебной практики – и сторонниками нормативного плюрализма. Однако, несмотря на указанные трудности и противоречия,

¹ О теории и практике применения правового плюрализма подробнее см.: Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начал XX в. Т. II. В царской и ранней советской России / Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. дом Марджани, 2009. С. 16–25.

² В делах, касающихся семейно-брачных отношений, имела место практика использования норм шариата.

³ «Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» 1867 г., «Временное положение об управлении Степными областями» 1868 г., «Проект генерал-адъютанта фон Кауфмана» 1871 г. и 1873 г., «Проект положения об управлении Туркестанским краем» 1874 г., «Проект генерал-лейтенанта Колпаковского» 1881 г., «Проект временных правил о суде киргизов» 1910 г.

дифференцированный подход в российском законодательстве являлся «генеральной» линией и имел целью, повторим, первоначальное сохранение правовой практики местных судов с последующей безболезненной (во всяком случае, так виделось) инкорпорацией в имперское право. Однако сказанное не означает, что эта практика полностью поддерживалась государством, наоборот, оно берет курс на косвенное регулирование адата, путем его кодификации и постепенной отмены тех норм, которые не соответствовали ценностям европейского права¹.

Поскольку неоднократные попытки со стороны правительства по кодификации норм обычного права не увенчались успехом, оно делает ставку на придание статуса отдельным обычаям как противоправным и на основании этого изъятие их из ведения суда биев. К примеру, по реформам 1820-х гг. впервые дела начинают делиться на уголовные, исковые и по жалобам на управление². Лишь уголовные дела (государственная измена, убийство, грабеж, барымта, явное неповиновение властям) решались на основании общих государственных узаконений. Все остальные рассматривались в суде биев. В 1854 г. перечень уголовных преступлений значительно расширяется (возбуждение своих соплеменников против правительства, преступления по должности, подделка и умышленный перевод фальшивых государственных кредитных бумаг и монеты, поджог и принятие ложной присяги по делам..., всего – 11 категорий дел)³. По положению 1868 г. судопроизводство по законам империи разрешает иски не только по уголовным делам, но и части гражданских дел, оставляя за судом биев решение исков на сумму до 30

¹ В 1830 г. по инициативе Николая I было кодифицировано русское право, изданное в Полном собрании Законов Российской империи (ПСЗ). В первой половине XIX в. было предпринято несколько попыток кодификации обычного права чиновниками Оренбургской и Западно-Сибирской администрации. Несмотря на все их усилия в 1824, 1840, 1845, 1846, 1854 и других годах собрать и привести в единую форму нормы адата, он оставался некодифицированным. Здесь нужно отметить, что практика кодификации как имперских, так и местных законов, характерная для первой половины XIX в., имела цель расширить знания об обычном праве и руководствоваться ими при решении судебных дел окраинных народов. Это лишний раз свидетельствует о том, что имперское правительство изначально брало курс на длительное (в перспективе) инкорпорирование местной правовой культуры в имперское социокультурное поле.

² ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29127.

³ ПСЗ. Изд. 2-е. Т. XXIX. Отделение первое. № 28264.

рублей. В последующем тенденция к сокращению компетенции бийского суда будет в целом сохраняться. Такое последовательное изъятие из компетенции народного суда различных категории дел должно было по замыслу законодателей продвигать прогрессивные нормы права в среду кочевников и научить их воспринимать эти нормы как аксиому.

Во-вторых, имперский курс, узаконивая разнообразные правовые режимы, рассчитывал «утвердить верховенство российской власти и в то же время дать населению *огромные полномочия для самостоятельного управления* (курсив мой. – Ж. М.) на местах»¹. В этом пункте можно выделить несколько моментов: 1. Предоставляя местным судам возможность по-своему интерпретировать правовой обычай, империя прямо и косвенно втягивала их в процесс законотворчества, т. е. управление краем. 2. На начальном этапе представители власти имели более или менее полные сведения о населении, включаемом в состав государства. Эти сведения позволяли отнести казахов к обществу с потестарной организацией, имеющей ярко выраженную военно-политическую элиту. Поэтому не случайно, проводя политику по закреплению в крае, власти исходили из необходимости привлечения на свою сторону местных элит, путем вовлечения в государственную систему России на условиях, выгодных обеим сторонам и позволявших использовать элиту в качестве средства по дальнейшей территориальной экспансии. Дозволяя ей использовать обычно-правовой инструментарий (в том числе *судебный прецедент*), как наиболее правоприменительный к этой социокультурной среде, власть, с одной стороны, шла на легитимное «соглашение» с местным нобилитетом (в том числе, биями) – она давала им определенные льготы и привилегии² в обмен на обязательство служить ей и быть проводниками имперской колониальной политики на местах. Как говорил И. Лакост:

¹ Джейн Бербэнк. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 323.

² К примеру, по «Временному положению...» 1868 г. «§ 250. Киргизы (здесь и далее казахи. – Ж. М.), служащие по общему, уездному и местному управлениям, за усердную и полезную службу награждаются: почетным гражданством, орденами, медалями, почетными халатами, подарками и денежными наградами, на основании установленных правил». См.: ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 246. Л. 1–17; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1141. Л. 22.

«Никакая колонизация невозможна без содействия групп местного населения и автохтонной аристократии»¹. С другой – таким «соглашением» она хотела обеспечить правовой порядок силами местной политической элиты (читай: давала *«огромные полномочия для самостоятельного управления»*), не затрачивая финансовых средств и военных ресурсов. Из сказанного следует, что продуманная имперско-идеологическая политика предполагала создание консенсусных отношений государства с обществом через местные властные структуры посредством «привязки» последних к имперской власти, поскольку те в свою очередь опосредовано представляли интересы всех кочевых коллективов. 3. С каждым десятилетием XIX в. политика властей по привлечению местного населения на свою сторону подкреплялась действенными инструментами. К примеру, с одной стороны, взяв курс на эгалитаризацию местного общества (идея создания гражданского общества), власти внесли в середине XIX в. нормы, предполагающие отмену сословных привилегий «белой кости», уравнивание прав социальных групп путем объявления всех казахов «обывателями и мещанами». Так, если раньше биями становились люди, свободно выбираемые сторонами по принципу обладания определенными качествами, не последнюю роль среди которых играла власть как родопрародителя, то теперь «теоретически» каждый кочевник, соответствующий определенным критериям, мог претендовать на эту должность. Тем самым для рядового кочевника открывалась «заветная дверь» во власть, и население, по замыслам администраторов, «втягивалось» в процесс управления. Введение новых правил, отменяющих сословные льготы для местной верхушки, породило их противоречие с традиционным правом, согласно которому местная верхушка имела особый статус. Поэтому закономерно их противостояние имперским инициативам по смене существующих порядков в казахском обществе. Однако курс на создание

¹ Цит. по Горшенина С. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 238.

унифицированного правового общества был генеральной идеей правительства и поэтому никакие формы сопротивления не могли ему помешать.

В-третьих, практика правового плюрализма была вызвана еще одним важным обстоятельством. По мнению администраторов, мощным средством по русификации казахов должна была стать политика массового переселения крестьян как фактор позитивного влияния «гражданского правового мышления» на кочевников. На деле все оказалось не так просто. Желание властей путем переселения крестьян во второй половине XIX в. вызвать ассимиляционные процессы, особенно в приграничных районах, на деле породило взаимное отчуждение между переселенцами и коренным населением. Сохранение своей традиционной культуры можно считать признаком проявления инстинкта самосохранения народа, желания отстаивать свое «Я» в условиях насаждения иных ценностей. Так, если на первых порах, говоря словами Платона, объяснявшего миролюбие людей после потопа их малочисленностью и изолированностью: «В своей малочисленности люди с удовольствием взирали друг на друга»¹, то впоследствии борьба за пастбища и другие источники существования привела к «консервации традиционных культур»², что препятствовало интеграционным процессам. Понимание возможности возникновения взрывоопасной (конфликтной) межэтнической ситуации приводило к тому, что правительство весьма настороженно относилось к любым попыткам активных действий в отношении отмены местного права. Никакие мероприятия со стороны властей не должны были инспирировать межэтнические конфликты в крае. Более того, государство своей генеральной линией в отношении окраинных народов избирает, несмотря на давление общественности и мнение авторитетных чиновников

¹ Цит. по: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике... С. 396.

² Там же. С. 397.

(К.К. Пален, А.В. Самсонов и др.), тактику «замораживания» «их форм социальной организации, быта и хозяйствования»¹.

В-четвертых, адат воспринимался как гибкая, эластичная правовая практика, которую можно, последовательно видоизменяя, включить в российское правовое поле, т. е. он был подвижен, мог меняться, реагировать на изменения в обществе. Данный фактор считался весьма важным, поскольку шариат, к которому прибегали казахи при решении семейно-обрядовых вопросов, считался вполне устоявшимся, закостенелым, его нормы, как впрочем, и вся жизнь любого мусульманина, были четко прописаны в Коране и хадисах. Неукоснительное следование шариату считалось одной из главных обязанностей верующих мусульман. Боязнь, что в споре между имперским правом и шариатом казахи могли выбрать последний, приводила к толерантному отношению со стороны имперских властей к обычному праву. К тому же, на мой взгляд, правительство считало, что ускоренное внедрение русского права могло привести к тому, что покоренные народы, еще не «созревшие» до европейского права, отторгнут его. А это в свою очередь могло стать причиной разочарования в русском праве и воспрепятствовать дальнейшему «окультуриванию» народов. Правительство понимало, что доверие к закону представляет собой результат долгого исторического процесса.

Стоит отметить, что попытки установления общего «русского» права на всей территории империи применительно к Казахской степи имели свои особенности. К примеру, курс на постепенное вытеснение адата из правовых практик казахов и трансформацию суда биев виделся властями в создании нового «народного суда» биев, ставшего низовым звеном местной судебной системы. Такая трансформация привела к появлению двух типов бийского суда: с одной стороны, оставался «старый народный суд», возникающий в ходе свободного волеизъявления обеих сторон (традиционный, третейский) и, с

¹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975. С. 230.

другой – появился новый «народный суд», который учреждался по российскому законодательству.

Отношение к этим судам в самом кочевом обществе было неоднозначным. Так, судя по архивным материалам, основная масса казахов, несмотря на реформы и возможность решить дело в государственном суде, продолжала обращаться в традиционный «старый» суд, который, исходя из заявленного иска, решал дела четко и быстро. К примеру, в записке чиновника Пограничной комиссии Лазаревского 1852 г. можно прочитать следующее: «Нисколько не преувеличивая сущности дела, можно утвердительно сказать, что из 50 преступлений между киргизами (здесь и далее казахами. – *Ж. М.*) Комиссия (Пограничная комиссия. – *Ж. М.*) узнает об одном; 49 из них разбираются и решаются без ведома Комиссии, в Орде, по народным обычаям; пятидесятое, о котором Комиссия узнает чаще всего по донесению лица постороннего, а не жалобы обиженного»¹.

В то же время, отрицать появившиеся тенденции, особенно с середины XIX в., обращений казахов в созданные российским правительством органы – волостные и чрезвычайные суды, значит упускать из виду огромной пласт архивных материалов, в которых ясно рисуется картина причин и мотивов «увлечения» кочевников возможностью выбора нового «народного суда». В той же записке Лазаревского можно найти один из ответов на попытки казахов уйти от суда «старых» биев: «Если случается, что сами Киргизы жалуются Пограничному начальству, то можно утвердительно сказать, что жалоба уже была разбираема биями, но истец или ответчик судом их остался недоволен, или что сам кругом виноват и из боязни суда биев предупреждает этот суд. Если султан-правитель доносит Комиссии о преступлении, это значит, что он не надеется или не может окончить его по народным обычаям, или что преступление сделано киргизами, над которыми он не имеет власти; или что он не желает щадить преступника или, наконец, что дело было уже разбираемо, но

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 222. Л. 9.

враждующие отказались исполнять решение биев»¹. Каковы бы ни были причины обращения казахов в судебные инстанции, созданные российским правительством в ходе реформ, они свидетельствуют о начале участия казахов в деятельности правовых учреждений.

Вполне естественно, что правительство стремилось ускорить процесс переориентации казахов на имперский суд, смену адата русским правом. «Помощь» со стороны государства в ускорении эволюции «примитивного» (обычного права) в сторону европейского (имперского) виделась разными путями. Во-первых, учитывая, что казахи занимались экстенсивным видом хозяйства, которое априори предполагало наличие огромных земельных массивов, российские администраторы обращают свое внимание на «земельный вопрос». Создавая путем казачьей и крестьянской колонизации конфликтные ситуации вокруг земельного вопроса, государство «ожидало» от населения естественной апелляции к верховной власти, поскольку бии и другие должностные лица не имели юридической компетенции разрешать возникающие споры между казахами и пришлым населением. Таким образом, имперская власть со временем должна была стать единственным и авторитетным защитником, постепенно перетягивая на себя «охранительное одеяло» и забирая эти функции у местной элиты. Такая продуманная политика должна была привести к дискредитации в глазах населения полномочий родовой власти, и наоборот, возникновению доверия к государственной.

Во-вторых, еще одним из постулатов в решении вопроса «окультуривания» казахов стала вера в то, что оседание кочевников может и должно привести к принятию последними культурных ценностей оседлого мира. С этой целью разрабатывается серия мер в этом направлении. В частности, реформы XIX в. создавали территориально-административные единицы, в географических рамках которых разрешалось вести кочевое хозяйство. Предполагалось, что территориальное ограничение приведет к

¹ Там же. Л. 9–10.

массовому оседанию кочевников. Однако эта мера не привела к желаемым результатам. Казахи повсеместно нарушали границы разделенных участков, продолжая заниматься привычным видом хозяйства.

В-третьих, как отмечалось выше, ставка на то, что переселение крестьян вызовет интеграционные процессы между последними и казахами не оправдалась, ожидаемый процесс «русификации» не получил практической реализации.

Нужно отдать должное российскому правительству, последовательно проводившему на протяжении всего XIX в. ряд реформ как общерегионального, так и местного характера, нацеленных на решение поставленных стратегических задач. Одной из основных была судебная реформа, которая должна была разрешить существовавшую дихотомию между обычным и государственным правом, для проведения которой было издано несколько законоположений.

По «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г. все судные дела казахов делились на три рода: а) уголовные, б) исковые и в) по жалобам на Управление. Суд биев имел право рассматривать все, кроме уголовных, к которым по новому положению относились: государственная измена, убийство, грабежи и барымта, явное неповиновение власти¹. В «Положении об управлении оренбургскими казаками» 1844 г. все иски, превышающие 50 руб., судились на основании государственных законов и соответственно изымались из практики местных судов². По «Утвержденному положению Сибирского комитета о распространении на казахов Сибирского ведомства общих законов Российской империи» 1854 г. перечень уголовных дел был значительно расширен, кроме этого не желающие судиться у биев, имели право обращаться в имперский суд³. Звание биев сохранялось за теми, кто им уже пользовался, однако на будущее время оно предоставлялось лицам из султанов, аульных

¹ ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29127.

² ПСЗ. Т. XIX. Отделение первое. № 17998.

³ ПСЗ. Т. XXIX. Отделение первое. № 28264.

старшин, прослужившим не менее 6 лет, и лицам, имеющим правительственные награды.

Эпоха «Великих реформ» ознаменовалась появлением судебных положений 1864 г., принципы которых легли в основание всех последующих правовых инициатив правительства в Степном крае. Положения 1867–1868 гг., 1886 и 1891 гг. стали выражением стратегического плана империи по реорганизации общества кочевников и дальнейшего внедрения норм имперского права. «Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 г. и «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 гг. узаконили принцип выборности биев. Было создано три типа судов – имперский суд, военные и народные суды, это привело к тому, что, как выше было сказано, большая часть дел изымалась из ведения суда биев. Но, здесь важно подчеркнуть, что, как и адат, так и суд биев продолжали легитимно существовать в судебной структуре местных колониальных органов. Согласно статьям положений, «бием может быть выбран всякий, кто пользуется уважением и доверием народа, не опорочен по суду, не находится под следствием и имеет от роду не менее 25-ти лет. Выбранные в бии утверждаются губернатором. Бии избираются на три года»¹. Бии решали дела ценностью не выше 300 руб., для решения дел более 300 рублей созывались волостные съезды биев, иски по делам на сумму более 500 рублей выносились на рассмотрение чрезвычайного съезда.

Согласно «Положению об управлении Туркестанского края» 1886 г. в Туркестане судебную власть осуществляли мировые судьи, областные суды и Правительствующий сенат². Местное население судилось по народным обычаям. Это положение (судебная часть) послужило основанием для принятия судебного устройства в «Положении об управлении Акмолинской,

¹ Материалы по введению русской политической системы управления в Казахстане. Алматы: Қазақ университеті, 1999.

² ПСЗ. изд. 3-2. Т. VI. № 3814.

Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» 1891 г.¹ В каждом уезде появился мировой судья, по делам кочевников выбирался народный судья, имеющий не менее 35 лет от роду, сроком на три года.² Интересны все эти нормы тем, что они представляли попытку связать казахское население с правовой системой посредством «новых» биев, которые, казалось, отвечали стандартам государства и требованиям местной социальной среды. Посредством судейского аппарата население «проникалось» правилами правовой культуры общеевропейского права: люди писали заявление на возбуждение иска и письменно вызывались на волостной и чрезвычайный съезд посредством повесток; они ставили подписи на судейских решениях; в случае недовольства решением они подавали апелляции в различные вышестоящие органы. То есть казахи невольно становились участниками процесса взаимодействия с государственным правом. Поэтому видеть в новых правовых структурах лишь попытку узаконить обычное право представляется не совсем верным. Они служили важной цели – посредством привязки казахского населения к письменной культуре государственного права создать унифицированную правовую систему.

Можно говорить о том, что во второй половине XIX – начале XX вв. реформы российского правительства действительно способствовали процессу постепенного включения казахов в общеимперское правовое поле. К примеру, по «Положению...» 1886 г. статья 210 гласила: «Оседлые туземцы и кочевники имеют отдельные народные суды, разрешающие подсудные им дела на основании существующих в каждой из означенных частей населения обычаев»³. Таким образом, кочевники и «туземцы» привязывались к правовой практике не по этническому, а хозяйственному признаку. Учитывая, что в это время определенная часть казахов-кочевников начала оседать, т. е. стала «туземцами», такая правовая коллизия привела к тому, что многие из них стали

¹ ПСЗ. изд. 3-е. Т. XI. № 7475.

² Подробнее см.: Ахметжанова А.Т. Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010.

³ ЦГА РУз. И-717. Оп. 1. Д. ба. Л. 8.

«добровольно» переходить в решении судебных вопросов от адата к шариату. Так, к примеру, жители Майлисайской волости составили приговор, в котором отмечали: «Мы, нижеподписавшиеся жители из общего числа 195 домовладельцев собрались на сход 165 в присутствии нашего старшины составили настоящий приговор о следующем: по положению нас киргизов из давних пор существовал на каждого старшинства по одному бию решения их были не по мусульманскому шариату и не по русскому закону, а по адату. Теперь мы не желаем, чтоб дела решались по адату, а потому постановили: должность биев упразднить и заменить их одним казием, для разбора дел по шариату»¹. Хотя, стоит отметить, такие приговоры принимались не повсеместно. Смею предположить, что решение части «бывших» кочевников сменить судебную-правовую практику вызвано определенными причинами, в том числе пониманием того, что в случае возникновения необходимости апеллировать на решение суда биев, государственные органы имели полное основание отказать им в просьбе, поскольку иск был подан и решен в суде (суд биев), которому не подведомственно было рассмотрение этого вопроса. То есть желание сторон обжаловать решение суда могло остаться нереализованным. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что внедрение российской администрацией законоположений в виде «Уставов» и «Временных положений» стало в некотором роде для империи удачной попыткой распространить статутное законодательство среди казахов.

Как уже отмечалось выше, имперский дискурс по реформированию столь обширного края и вхождению его в российское соционормативное пространство, а также различия между адатом и законом вызывали необходимость сбора и систематизации юридических практик казахов. Идеи о цивилизаторской миссии империи по отношению к нерусским народам, которым «семена гражданственности мы развеваем не насилием и принуждениями, не утопиями и непримиримыми к делу теориями, а

¹ ЦГА РУз. И-19. Оп. 1. Д. 21490. Л. 14.

совершенно иными путями – путями кротости, христианской любви и строго правосудия»¹, привели к проведению этнографических исследований, к появлению сборников, в которых были предприняты попытки кодификации норм обычного права казахов². Составление свода уложений местных практик должно было способствовать повышению эффективности работы властей, которые, знакомясь с местным правом, могли селективно отобрать и ввести в нормативный режим только те, которые, по их мнению, не противоречили приоритету закона империи.

Наряду с материалами полевой работы, источниками для сбора информации об адате служили различные отчеты, записки, донесения и т. д. образованных государственных чиновников, которых судьба «занесла» в далекий степной край.

К 1820-м гг. сложились в основном два подхода к реформированию нормативного поля казахов. В них проявилось субъективное отношение исследователей к реформам российского правительства в области права – срокам и методам, трактовке и описанию, выводам. Так, согласно предложениям сторонников либерального подхода, российское законодательство представлялось как унитарное (в правовом аспекте) правовое пространство, в котором должны были раствориться все местные правовые практики³. Либералы считали, что основными принципами цивилизованного государства являются верховенство закона и равенство всех граждан перед законом вне зависимости от социального происхождения и богатства. Они, в

¹ Небольсин П. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник ИРГО. 1852. Ч. 4. Кн. 1–2. С. 29.

² Левшин А.И. Описание Киргиз-казачьих или Киргиз-кайсацких орд и степей. Этнографические известия. Ч. 3. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. С. 170–186; Д'Андре. Описание киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона // Материалы по казахскому обычному праву / Сост. Т.М. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. Алматы: Жалын, 1998. С. 164–201; Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и имеющие в Малой орде силу закона // Записки Оренбург. отдела ИРГО. Казань. 1871. Вып. 2; Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; Козлов И.А. Обычное право киргизов // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата: Жалын, 1998. С. 300–319; Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев // Семипалатинский областной статистический комитет. Материальное право. Омск, 1886. Вып. I; Леонтьев А.А. Обычное право киргиз: Судоустройство и судопроизводство // Юридический вестник. 1890. Т. 5. Кн. 1–2; и др.

³ Бербэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России... С. 320–358.

контексте «окультуривания» нерусских народов, видели будущее России как просвещенного, цивилизованного государства, поэтому курс властей на постепенное, хотя и в обозримом будущем, инклюзивное распространение общего права вызывало возмущение и жесткую критику. Доводами либералов в пользу скорейшей унификации права служили перемены в жизни казахов, которые «стали во многом нам подражать, устраивать для себя дома и мечети, разводя хлебопашество, так что в настоящее время, большею частью, родственники убитого уже не домогаются платежа за него, а требуют наказания убийцы; за баранту (угон скота. – Ж. М.) скота уже не отправляются за отнятием его, а жалуются Русскому Начальству: будучи уверенными, что по распоряжению его и скот его возвратится, и барантовщики не останутся без взыскания, равным образом и недовольные решением биев в делах о кражах или о чем-либо другом приносят на него Русскому начальству жалобы. Все сие доказывает, что в настоящее время киргизы не только довольны изданными для них Российскими законами, но даже как бы *требуют распространения* (курсив мой. – Ж. М.) на них и других законов Империи»¹.

Либералы отрицательно относились к местным правовым практикам, деятельность судов, в том числе по обычному праву, ассоциировалась с «пережитками», «патриархальностью», «отсталостью», которые дискредитировали Россию в глазах «просвещенной» Европы и в совокупности тормозили процессы модернизации общества.

Позиции либералов усилились во второй половине XIX в. Когда в 1875 г. прошел первый съезд русских юристов, прочитанный на нем доклад М.Н. Соловьева и А.М. Фальковского «Об издании гражданского уложения Российской Империи...»² послужил еще одним мощным импульсом для

¹ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 3148. Л. 342.

² Соловьев М.Н., Фальковский А.М. Об издании гражданского уложения Российской Империи с изложением причин необходимости отмены местных сводов гражданских узаконений, ныне действующих, и указанием основных положений, могущих служить к объединению в России гражданского права // Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 году. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1882. С. 59–99.

«популяризации» дискурса об общеимперском гражданском праве, иначе говоря, «кодификацию предлагалось рассматривать в имперском измерении»¹.

Правда, апологеты общеимперского законодательства, говоря о концепции правовой интеграции империи, очерчивали географические рамки теми районами, которые подходили под понятия «цивилизация»²: «Навязывать гражданские нормы цивилизованного общества каким-нибудь чукчам или самоедам, само-собою (сохранена орфография источника. – Ж. М.) невозможно, как невозможно требовать, чтобы рыба летала или птица ползала на четвереньках»³.

В конце XIX – начале XX вв. в важнейших дискуссиях по вопросам правопорядка в России приняли участие такие яркие деятели из числа авторитетных юристов-либералов, как В.Д. Набоков, В.А. Маклаков, А.Ф. Кони, В.М. Гессен. «Их мысли и представления о современном им обществе оказали огромное и долговременное влияние на дискуссии о перспективах, возможностях и неудачах правового развития России»⁴. По мнению этих ученых – сторонников либеральных преобразований, правовая культура должна быть построена «на <таких> принципах, как создание единой и однородной для всех граждан судебной системы, гласность и введение суда присяжных, всеобщее знание статутного права, рациональная кодификация законов, постановка судопроизводства на нормативную основу и независимость судебной власти»⁵. Отсутствие этих принципов, по мнению либералов, могло отбросить назад процесс построения правового государства.

Другое направление было представлено сторонниками использования полиюридического подхода (можно обозначить этот подход несколькими понятиями – государственнический, официальный). Они исходили из

¹ Горин А. Проблема гражданско-правовой интеграции поздней Российской империи в русском общественно-политическом дискурсе (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Ab Imperio*. 2012. № 4. С. 188.

² Подразумевались, прежде всего, западные окраины империи.

³ Первый съезд русских юристов... С. 80.

⁴ Burbank J. Discipline and Punish in the Moscow Bar Association // *The Russian Review* 54. 1995. № 1. P. 45–48.

⁵ Бербанк Дж. Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX века // *Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология*. Самара: Сам. ун-т, 2000. С. 272.

практического опыта и понимания, что для реформирования кочевого общества нужна система управления, которая позволит без ущерба для обеих сторон (акторов процесса) создать гомогенное правовое общество. Хотя временные рамки этого процесса не оговаривались, но и не растягивались на десятилетия. Осознание сложности этого процесса и возможности возникновения разного рода объективных проблем подталкивало их к созданию такого гибкого законодательства, которое путем инкорпорации местного права должно было способствовать постепенной трансформации правового самосознания казахов и включению в правовое социокультурное пространство империи. К тому же «поскольку татищевская схема перехода от детства к зрелости, расширившись, включала в себя старость и смерть, детство стало гораздо более привлекательным, в особенности потому, что юность самой России все чаще изображалось как достоинство». В свете сказанного, некоторые исследователи приходили к убеждению, что образование «более вредно, чем полезно»¹.

Конечно, процесс инкорпорации местного права в российское был задуман как поступательный, в то же время предполагалось не растягивать его на века. Не зря на протяжении всей второй половины XIX в. работали различные комиссии (Ф.К. Гирса, 1865 г.; М. Курбановского, 1883 г.; К.А. Нестеровского, 1902–1903 гг.; К.К. Палена, 1908–1909 гг.; А.Н. Куропаткина, 1916 г. и др.), перед которыми стояла конкретная задача по приращению местных правовых практик к имперскому. На деле оказалось все гораздо сложнее. Поэтому, несмотря на многочисленные попытки противников местных правовых практик поднять на государственном уровне вопрос о полной ликвидации традиционных правовых институтов, высшие судебные власти империи отказывались их упразднить.

Итак, рассчитанная на перспективу, наиболее последовательная и продуманная судебная реформа российского правительства, основывалась на

¹ Цит. по: Слезкин Ю. Арктические зеркала... С. 96.

принципах, выработанных Просвещением, в основе которых лежали понятия о естественном праве каждого человека с позиций европоцентризма. Взяв за основание эволюционный подход, центральные власти придерживались курса на поэтапный процесс инкорпорации местного права в имперское соционормативное пространство. Однако проведение реформ с целью создания унифицированной правовой системы, которая была нацелена на изменение правового сознания казахов, в определенной степени не увенчалось успехом. Адат продолжал повсеместно использоваться в судебных практиках казахов. В то же время говорить о полном крахе проводимых со стороны правительства мероприятий, будет неправильным. Целенаправленные, рассчитанные на перспективу правовые устремления правительства, к началу XX в. в определенной степени снизили потенциал сопротивления российскому праву со стороны кочевников. Появившаяся возможность у казахов апеллировать по разным причинам (о них будет сказано в других главах) к российскому суду в обход народного свидетельствует о верности выбранного имперскими властями курса по русификации правовой культуры кочевников, по созданию гомогенного соционормативного поля империи.

Однако события 1917 г. помешали планам российских администраторов в этом вопросе и сохранили в Степи имманентные социальные институты, в том числе и в области обычного права.

§ 2. Формирование и трансформация идейно-методологических концепций в советской историографии

Решающим моментом в анализе истории теоретико-методологических концепций и подходов в историографии является понимание взаимозависимости состояния общества и науки. Все флуктуационные и качественные идеологические изменения, переживаемые обществом, как правило, напрямую экстраполируются в общественное сознание и, конечно же,

в науку. Поэтому вполне закономерно, что пульсы развития советской науки и государства бились на протяжении всей своей истории в целом в унисон друг другу.

Действительно, в советское время государство влияло на все сферы жизни общества. Однако утверждение социалистической идеологии в качестве единой мировоззренческой основы произошло не сразу.

1920-е – начало 1930-х годов были переломными годами в советской историографии. Не имея ни политических сил, ни квалифицированных кадров для борьбы с дореволюционными историческими концепциями, большевики были вынуждены принимать ситуацию, при которой в науке одновременно могли использоваться методология как «старой школы» (позиции которой были пока достаточно сильны), так и теоретические выкладки и концептуальные положения советской власти в виде материалистического понимания истории. Более того, эволюционизм был воспринят большевиками; его дополнили идеями классовой борьбы и конечной точки – коммунизмом.

Поэтому не случайно в это время мы можем наблюдать плюрализм научных мнений. Широкая палитра взглядов обеспечивалась тем, что в Казахстане в 1920-х гг. происходили поистине революционные изменения: менялась политико-правовая, материальная, духовная база культуры, трансформировались социальный облик казахского общества и экономические основы его развития, происходило их подчинение социально-экономической ортодоксальной идее строительства коммунизма. Эти сложные политические и экономические процессы находили неоднозначный, порой противоречивый отклик в обществе, который отразился в той или иной степени в литературе того времени.

К особенности историографии этого периода можно отнести то, что в ней поднимались самые острые и животрепещущие вопросы и довольно часто делались далеко не марксистские выводы. Советская власть лояльно относилась к подобного рода публикациям отчасти из-за того, что, во-первых,

создавались они высококвалифицированными специалистами, привлекавшими материалы полевой работы, обширные статистические данные. Во-вторых, не имея профессиональных кадров, способных дать «пролетарский» отпор «буржуазному объективизму» она была вынуждена допускать в научных работах определенный плюрализм мнений, подачу материала вне зависимости от политической конъюнктуры. При изложении своих задач зачастую исследователи исходили из тезиса: «Идти совершенно объективным, методическим путем, анализируя действительность безотносительно к тому, к каким выводам этот путь может привести и какие практические заключения из этих выводов могут быть сделаны»¹.

1920-е годы были временем культурных и научных экспериментов, когда сторонники «национальной» культуры и науки были пока еще оппонентами, а не буржуазными представителями и врагами адептов «пролетарской» идеологии. О том, что в этот период еще имел место научный плюрализм, можно судить по научным спорам между учеными, вылившимися в дискуссию об азиатском способе производства.

При исследовании социальной и политической истории казахского общества большинство исследователей исходили из постулата, что родовые лидеры – бии, старшины, аксакалы представляли верхушку родовой общины и играли ведущую роль в функционировании кочевой общины. Учитывая тот факт, что эта представительная группа не просто существовала, а удерживала в первые десятилетия советской власти крепкие позиции среди рядовых кочевников, многие исследователи края предлагали в своих работах опереться на эту политическую силу, как отражающую интересы общины.

По мере строительства государства в соответствии с генеральной линией партии большевиков изменялась не только социально-экономическая, но и политико-идеологическая ситуация. В связи с этим меняется и «облик» исторической науки – он становится все более политизированным и

¹ Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии / Под ред. Ю.И. Пославского, Г.Н. Черданцева. Ташкент: ТЭС, 1922. С. 3.

окончательно утверждает в качестве теоретико-методологической позиции концепцию классового подхода при изучении исторических процессов, как прошлого, так и настоящего. Постепенно государство берет курс на полный контроль всех сфер жизни советского общества. Просветительские подходы, характерные для ряда ученых, поддерживавших взгляды дореволюционных ученых-просветителей XVIII–XIX вв. и желавших их экстраполировать на советскую действительность, стали встречать все большее сопротивление со стороны властей. К примеру, в 1927 г. председатель Среднеазиатского комитета¹ М.М. Цвибак, выступая на заседании Комитета, говорил: «Для нас необходим классовый материалистический подход к истории культуры, *иному подходу* (курсив мой. – Ж. М.) не может быть места. Необходимо советское руководство работой научного учреждения, это признано всеми, даже Академия наук – высшее научное учреждение Союза признает это. Дело в том, что советскому научно-культурному строительству САКС препятствуют тенденции старых туркестанских краеведов, воспитанных в условиях туркестанской работы 1917 года. Они стремятся повернуть дело назад, стремятся работать по старому – по-туркестански»². В итоге, к середине 1930-х гг. происходит окончательная смена дискурса: отход от просветительского в сторону классового подхода, «выстраивание» исторического процесса в контексте идей большевиков и свертывание дискуссий.

С середины 30-х гг. начался новый этап в развитии исторической науки Казахстана. Перед республикой стояла задача институционализации науки, воспитания новых кадров национальной интеллигенции, которые путем теоретического обоснования марксистской методологии внедряли бы в массовое сознание коммунистические идеалы. Значительным событием стало создание в республике в 1932 г. Казахской базы Академии наук СССР (с 1938 г. КазФАН СССР)³.

¹ Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.

² ЦГА РУз. Р-394. Оп. 1. Д. 208. Л. 95.

³ Казахский филиал АН СССР.

В эти годы разработкой проблем социальной и политической истории казахов занимались представители разных областей гуманитарных знаний, строившие свои работы на основе широкого вовлечения в научный оборот разнообразных по содержанию и характеру историко-юридических и этнографических данных. Появляются первые обобщающие исследования, в которых раскрываются вопросы исторического развития кочевых племен, населявших территорию Казахстана с древности до момента окончательного установления советской власти. В это время еще не оформился подход к изучению и описанию собственно советского периода. Для исследователей характерен научный эскапизм – сознательный уход в исследование досоветского периода истории.

Именно поэтому в 1940-х гг. в республике в повестку дня был поставлен вопрос о создании такого учебника по истории Казахстана, чтобы в нем отразились бы закономерности исторического процесса, итогом которого являлось построение социалистического общества.

Связано это с тем, что во второй половине 30-х гг. начинается политическая кампания против «школы Покровского». Поводом к ней послужили замечания в адрес учебников для школ по истории СССР и новой истории, высказанные в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г., а также критика этих учебников И. Сталиным, А. Ждановым и С. Кировым¹. В частности, критике подверглись принципы изложения важнейших событий, схематизм структуры учебников, отсутствие хронологической последовательности в освещении развития общества. Причину недоработок рецензенты видели в «распространении среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой “исторической школе Покровского”». Для преодоления этих «вредных взглядов» центральные партийные органы ставили задачу «коренного улучшения и переделки» уже написанных учебников по истории. В

¹ К изучению истории. Сборник. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

новых вариантах авторам предлагалось обратить особое внимание на ряд вопросов, которые на тот момент еще не получили правильного марксистско-ленинского освещения, но в то же время имели «важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения»¹.

В число приоритетных тем для учебника по истории Советского Союза были включены освещение истории народов, которые вошли в состав СССР; колонизаторской роли русского царизма в свете концепции «царизм – тюрьма народов», условий и истоков национально-освободительных движений покоренных царизмом народов России, которые в ходе этой борьбы проходят путь политического созревания. Без этого «Октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР»².

К 1937 г. в Правительственную комиссию по конкурсному отбору лучшего учебника поступило 46 вариантов школьных учебников. Жюри комиссии в своем постановлении отметило: «Отрывки взглядов антиисторических, немарксистских встречаются у авторов учебников при описании СССР до советского периода. Авторы не видят... как перед Украиной стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом»³. Ошибку, по мнению жюри, допускали авторы и при освещении крестьянских восстаний до начала XX в. Суть ее заключалась в том, что преувеличивалась сознательность и организованность народных масс, которые в свете марксистского подхода, не могли без руководящей роли рабочего класса и большевистской партии консолидированно выступить против помещиков и капиталистов. Комиссия

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 22–23.

³ Правда. 1937. 22 августа. № 231. С. 2.

считала, что в учебнике для школ должна утверждаться идея о народе как массе, способной «лишь на стихийные и неорганизованные движения»¹. Эта мысль была закреплена в «Кратком курсе» истории ВКП(б), который на несколько десятилетий заложил основополагающие трактовки исторических событий и процессов.

Методологические партийные установки и политический заказ власти оказали глубокое влияние на тематику исторических работ. В них значительное место заняли проблемы истории народов СССР, что положительно сказалось на состоянии изученности многих исторических лагун и привело к появлению разнообразных работ советских ученых по вопросам социально-политической и этнической истории, в том числе казахов².

В конце 1930-х – 1940-е гг. появляются первые научно-справочные издания по Казахстану, в которых вышеобозначенные партийные установки получили содержательное воплощение³. В них Казахстан изображался как бывшая колония Российской империи, который смог «под руководством партии Ленина–Сталина, сбросить своих поработителей»⁴.

В 1933 г. был создан Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР, который направил усилия ученых на изучение этнографического и археологического наследия многонационального советского государства. Кадровый потенциал ведущего научного учреждения Казахстана был усилен в годы Великой Отечественной войны за счет эвакуированных на территорию республики крупнейших ученых из центральных регионов Советского Союза. Обращение этих ученых к теме национальной истории республик, в которой не

¹ Там же.

² Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков: Сборник. Тр. ин-та восток-я. Т. VII. М.; Л.: АН СССР, 1935; Краткий курс истории СССР / Под ред. А.В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937; и др.

³ Казахская Советская Социалистическая Республика / Под ред. Б. Мустафина, Н. Тимофеева. Алма-Ата: Партиздат ЦК КП(б)К, 1938; Казахская Советская Социалистическая Республика / Под ред. Н. Тимофеева. Изд. 2-е, исп. и доп. Алма-Ата: Казгосиздат, 1939; 20 лет Казахской ССР / Под общ. ред. Я. Важника. Алма-Ата: Казгосполитиздат, 1940; 20 лет Казахстана. Алма-Ата: Госкиноиздат–Казфотоиздат, 1940; 20 лет Казахской ССР / Под общ. ред. Я. Важника. Алма-Ата: Казгосполитиздат, 1940; Казахская ССР. М.: Госполитиздат, 1941.

⁴ Казахская Советская Социалистическая Республика / Под ред. Б. Мустафина, Н. Тимофеева. Алма-Ата: Партиздат ЦК КП(б)К, 1938. С. 6.

последнюю роль играли вопросы национально-освободительной борьбы казахского народа в XVIII–XIX вв. нашло отражение в первых академических изданиях по истории Казахстана. В них национальными героями становились представители «эксплуататорского» класса – ханы, бии, родовые предводители.

Однако в конце 1940-х годов становится доминирующей сталинская концепция по национальному вопросу. В статье «Как понимает социал-демократия национальный вопрос», написанной в 1904 г. на заре политической карьеры великого кормчего страны, все самое важное выделено самим автором. Кавычки по отношению к формуле «добровольное присоединение к России» поставлены также И.В. Сталиным. Намного позже, в 1940-х гг. эта работа будет использоваться при написании учебников по истории СССР без кавычек и выделений как общепризнанная аксиома, не требующая доказательств.

Согласно этой теоретической выкладке, в основу которой было положено высказывание Сталина о «национальном вопросе», движение грузинского дворянства против «присоединения Грузии к России» определялось И.В. Сталиным как феодально-монархический «национализм». Приведем слова самого автора: «После “присоединения Грузии к России” грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него терять старые привилегии и могущество, которые оно имело при грузинских царях, и, считая “простое подданство” умалением своего достоинства, пожелало **“освобождения Грузии”** (здесь и далее подчеркнуто автором И.В. Сталиным). **Этим оно хотело поставить во главе “Грузии” грузинских царей и дворянство и передать им, таким образом, судьбу грузинского народа! Это был феодально-монархический “национализм”**»¹.

Сталинское высказывание о грузинском «национализме» переносилось на историю освободительных движений всех народов окраины Российской

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1946. С. 32.

империи. Поэтому вполне закономерно, что этот методологический постулат применялся как определяющий в историографии освободительных движений казахов, возглавляемые представителями казахской родовой верхушки – «дворянами», как реакционные, преследующими узкородовые, клановые интересы.

Характерной чертой этого периода являлось утверждение классового подхода, который призван был объяснить все события исторического прошлого. Ученые отходят от полемики, подвергающей сомнению пятичленную формационную схему. В теоретизировании произошел новый поворот в оценке имперского периода России. Колониальное прошлое и вхождение народов окраин в состав Российской империи стали рассматривать как «наименьшее зло». Причем под «вхождением» чаще всего подразумевалось добровольное присоединение.

Одни авторы, мнение которых не соответствовало этим идеологическим клише, подвергались «разоблачениям», обвинялись в космополитизме и национализме. Другие в угоду власти, вынуждены были «пересматривать» свои научные взгляды, наполняя их каноническими установками из работ классиков марксизма-ленинизма. Но несмотря на это, в рассматриваемый период были созданы фундаментальные работы, которые и сегодня по праву можно назвать «эталонными» в разработке узловых проблем истории Казахстана.

Сложившаяся ситуация в науке привела к серии разоблачительных статей в адрес тех ученых, чьи работы «неверно», с «националистических позиций» освещали освободительные выступления казахов. Идеологическая война с «националистами» в первую очередь коснулась ведущих советских специалистов по данной проблеме Е.Б. Бекмаханова, М.П. Вяткина. Именно в это время тональность работ, посвященных родовым предводителям, начинает меняться в сторону отрицательных характеристик. Более того, эта тема постепенно начинает отходить на задний план не столько из-за

неактуальности, сколько по причине увеличения вероятности для ученых оказаться в числе опальных официальному режиму.

С тех пор если одни темы в науке начали табуироваться, то другие, наоборот, получали новое дыхание, ставились «на поток». Так, в Казахстане, впрочем, как и во всем Советском Союзе, наряду с военной тематикой исследователи стали чаще обращаться к трудовым подвигам советского народа в тяжелое послевоенное время, освоению целинных и залежных земель, союзу рабочего класса с крестьянством. В целом, история советского государства заняла значительное место в историографии тех лет.

Еще одно «увлечение» историков связано с изучением истории КПСС: произведений руководителей партии, материалов съездов, партийных документов и т. п. Можно сказать, что с этого времени историю советского общества начинают писать под девизом «от съезда к съезду»¹. В статьях ведущих историков прямо указывалось: «История – это партийная наука, ученые... не должны заниматься историей для истории. История – это... наука о прошлом, помогающая выработке и осуществлению современной партийной политики»².

Такой крен в исторических исследованиях привел к появлению в работах ученых большого количества цитат из работ классиков марксизма-ленинизма, к утверждению цитатнического метода: его применение стало своего рода «партийным мандатом» – разрешением ученому на опубликование своего исследования.

Общие тенденции в развитии советской науки были характерны и для Казахстана. Изучение истории советского общества, которое «под руководством Коммунистической партии добилось грандиозных успехов в

¹ Так, в каждом номере журнала «Известия АН КазССР. Серия общественных наук» в 1976 г. был обязателен раздел: «Навстречу XXV съезду КПСС», или «Исторические решения XXV съезда КПСС – в жизнь». В 1981 – 1984 гг. – «Актуальные проблемы коммунистического строительства в свете решений XXVI съезда КПСС».

² Нечкина М., Поляков Ю., Черепнин Л. Некоторые вопросы истории советской исторической науки // Коммунист. 1961. № 9. С. 70.

деле построения социализма» и т. д., всегда поддерживалось партийными органами и создавало новые идеологические клише.

На фоне всеобщего обращения к Лениниане, съездам КПСС, партийным документам и т. д. иногда все же активизировалась полемика по конкретным историческим вопросам, в которой слышались отголоски прежних научных баталий.

30-е – 50-е годы XX в. представляют новый этап в изучении истории государства и права советского Казахстана. Связан он с образованием в 1938 г. Алма-Атинского юридического института, одним из научных направлений которого стало изучение обычно-правовых институтов казахов, хотя отметим, что в эти годы в казахстанской науке не сложилось крепкой юридической научной школы по изучению традиционного права. Отчасти такое положение вещей можно объяснить, во-первых, недавней длительной борьбой большевиков с обычно-правовыми институтами, в первую очередь, с аксакальскими судами; во-вторых, исследования в этом направлении, теперь уже на научной основе, могли доказать живучесть и жизнеспособность норм обычного права (институт калыма хотя и был отменен в 1920 г., однако неформально продолжил существование у казахов и дожил до настоящего времени) и подвергнуть сомнению тезис советского права о суде биев как «патриархальном пережитке» досоветского прошлого казахов, поэтому считались неперспективными и нежелательными. В-третьих, в результате публикации статьи «За марксистско-ленинское освещение...», а также решений 8 Пленума ЦК КП(б) Казахстана работы юристов должны были строиться на «основе критического пересмотра ранее вышедших и подготовленных к печати трудов..., предъявления повышенных требований к научной продукции с точки зрения ее идеологической выдержанности»¹.

Но, пожалуй, самую главную причину «нецелесообразности» изучения обычного права можно увидеть в словах А.Я. Вышинского, сказавшего в 1938

¹ Цит. по: Тлепина Ш.В. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1938–1991 гг.): дис. ... докт. юрид. наук. Алматы, 2006. С. 188.

г., что «право – это совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, *установленных в законодательном порядке* (здесь и далее курсив мой. – Ж. М.), а также обычаев и правил общежития, *санкционированных государственной властью*, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»¹.

Определение А.Я. Вышинского было одобрено правоведами как отвечающее требованиям революционной законности, а через десять лет на всесоюзном съезде юристов утверждено в качестве доктринального учения в научной и учебной литературе по теории государства и права. С тех пор большинство правоведов, ссылаясь на слова А.Я. Вышинского, стали изучать проблему обычного права, не санкционированного государством как «вовсе не право».

Более того, жесткие партийные «советы» ставили перед юристами задачу смены дискурса в отношении обычного права – им предстояло показать нормы адатного права в контексте правовой практики, защищающей интересы только эксплуататорского класса. Такие установки, конечно же, повлияли на изменение характера предмета исследования многих ученых-правоведов. Поэтому неудивительно, что ученые-юристы начали систематическое изучение обычного права и его институтов, опираясь в качестве теоретико-методологической базы исследования на произведения классиков марксизма-ленинизма и документы ВКП(б) и КПСС². Любые попытки иначе рассматривать вопросы истории традиционных обществ утрачивали «идеологическое право» быть включенными в научно-познавательный оборот.

Добавлю, что концепция, предложенная А.Я. Вышинским, была общепризнанной вплоть до середины 1980-х годов. Как пишет А.В. Дашин:

¹ Материалы совещания научных работников права. М., 1938. С. 92.

² Нудель М.А. Уничтожение ханской власти в Младшем жузе: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВИЮН, 1944; Сулейменов Б.С. Подготовка реформы 1867–1868 гг. в Казахстане // Изв. КазФАН СССР. 1946. № 2; Он же. Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867–1868 гг. // Вестник АН КазССР. 1951. № 2.

«Исследовательская литература 70-х – 80-х годов, наполнилась рассуждениями, предположениями, но не выводами о необходимости придать правовому обычаю большую значимость. Концепция конца 30-х годов, не имеющая к своему существованию рациональных доводов, благодаря своему родству с официальной идеологией продолжала считаться единственно приемлемой для правоповедения»¹.

XX съезд КПСС стал рубежной точкой, с которой советскую историографию можно *условно* поделить на «до» и «после». Условность такого деления связана с тем, что научная мысль развивалась при неизменности политической системы, поэтому принципиальных, концептуальных изменений в науке произойти не могло. Однако если на первом этапе вектор исследований был направлен в основном на идеологическое обоснование правоприменимости пятичленной формационной теории ко всем обществам, на проблемы классовой борьбы, победы модернизационного (читай: советского) уклада над традиционным, то второй этап, начавшийся с критики «культы личности» И.В. Сталина, ознаменовался определенным расширением проблематики исследований по истории народов СССР. Казалось, что XX съезд открывал новые возможности для развития исторической науки. Это связано с тем, что, как правило, все доклады и выступления генеральных секретарей ЦК КПСС воспринимались общественностью как директивная или одобрительная установка, появилась надежда на выход из тисков запретительных тем. Однако на деле такие желания были ограничены руководством партии, которое не намерено было вводить значительные изменения в идеологические основы своей внутренней политики. Сказанное не означает, что хрущевская «оттепель» не принесла ученым надежды на то, что эпоха цитатничества и откровенной апологетики ушла в прошлое. В то же время принятые на XX съезде решения на кардинальный пересмотр существовавших уроков истории носили половинчатый характер, не позволяя

¹ Дашин А.В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006. С. 76.

научной общественности отойти от классового подхода в исследовательских инициативах.

Командно-административный стиль руководства страной и партийный контроль по-прежнему диктовал ученым дискуссионные проблемы, которые не выходили за рамки методологических постулатов авторитетного дискурса. В таких условиях вполне закономерно, что центральной темой стала идея о «закономерном пути» перехода от капитализма к социализму и далее к коммунизму. К примеру, именно с середины 1950-х гг. в исторической науке разворачиваются настоящие баталии о формах собственности у кочевников и на основе этого о государстве и государственности казахского народа.

Участники полемики вокруг этой проблемы по тем или иным причинам разделились на разные лагеря: одна группа считала, что земля как пастбище в кочевом обществе являлась основным средством производства, поэтому кочевым обществам присуще черты феодального государства (ученых этой группы было большинство); другая группа утверждала, что ведущим было наличие скота, и именно он являлся основным средством производства. Самой же государственности кочевников были присуще специфические патриархально-феодалные формы.¹

Учитывая, что вторая точка зрения была «добита, но не разбита окончательно, так как находятся еще ее сторонники, забывающие, что в свое время данная точка зрения являлась теоретической основой для буржуазных националистов в их борьбе против мероприятий Советской власти»², перед их оппонентами стояла важная задача нанесения окончательного «удара» по теоретико-методологическим позициям приверженцев теории формы собственности на скот.

Действительно, семантическое поле категории «государство» столь обширно, что вмещает в свой периметр целый ряд интерпретаций в

¹ Участниками дискуссии были ведущие ученые Советского Союза: Е.А. Еренов, С.З. Зиманов, Л.П. Потапов, С.Е. Толыбеков, В.Ф. Шахматов и многие другие.

² Материалы научной сессии... С. 78.

гуманитарных науках и в целом подразумевает политическую власть над обществом. Применение этого понятия к кочевым обществам и в современной науке рождает ряд вопросов: было ли государство как политическая власть в обществе номадов; возможно, оно возникает лишь во время военного времени, или в ходе освободительных движений? Имела ли государственная власть постоянные политические институты и т. д.?

Принципиальность и важность применения дефиниции «государство» к кочевым обществам можно проследить по тому, что «окончательному» решению этого концептуального вопроса была посвящена Объединенная научная сессия, созванная АН СССР совместно с АН Казахской ССР и АН республик Средней Азии и прошедшая в 1954 г. в г. Ташкенте. Материалы сессии легли в основу издания, ставшего, в определенной степени каноническим, поскольку в нем в очередной раз победу одержали сторонники классового и формационного подхода в освещении страниц исторического прошлого. Во вводной части книги редакционная коллегия отмечала, что в ряду общих кардинальных вопросов истории народов Средней Азии и Казахстана, требующих решения, следует отметить вопросы о «социально-экономическом развитии народов Средней Азии, особенно кочевых, о патриархально-феодальных отношениях, об экономической основе этих отношений и роли патриархально-родовых пережитков в общественном строе и т. д.»¹.

На страницах этой книги ученые «вынужденно» или следуя партийным положениям, утверждали, что кочевое общество проходит все стадии развития в рамках существовавшего методологического подхода – схемы смены общественно-политических формаций. Ученые признавали тезис о классовой природе кочевого общества, которое было готово в классовом отношении к революционным преобразованиям Октября 1917 г.

¹ Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент: АН УзССР, 1955. С. 5.

Лишь слабым диссонансом прозвучали голоса тех, кто считал общество казахов родовым (доклассовым), не имевшим ни развитых форм эксплуатации, ни самих эксплуататоров. Однако эти голоса «утонули» в общем потоке ортодоксальных сторонников марксизма, поскольку он был идейной установкой, теоретическим постулатом для исследователей, определяя содержание и направление научных инициатив. «Остаточная возможность дерзнуть в очерченных сверху границах дозволенного закреплялась примитивизированными идеологическими сентенциями, что есть одна научная общественно-политическая теория – это марксизм»¹.

Деление общества на антагонистические группы было вызвано, по мнению сторонников первой группы, правом распоряжения кочевой знатью районами кочевок. Ученый А.Б. Турсунбаев, участвуя в прениях на сессии, значительно «расширил» проблемное поле дискуссии тем, что ему удалось связать форму собственности у кочевников с законотворческой деятельностью большевиков, тем самым указывая на классовость достижений революции, на классовый характер в вопросе собственности, общий для всех народов. Так, он писал, что постановка вопроса о том, что скот является основным средством производства «ведет к отрицанию значения для скотоводческих народов аграрных законов Октябрьской революции, в частности значения Декрета о земле. Объективно означает отрицание союза трудящихся крестьян скотоводческих районов с рабочим классом, ибо земля сыграла решающее значение в установлении этого союза. Умаление значения земли... может служить оправданием утверждения буржуазных националистов, отрицавших значение Октябрьской революции для ранее отсталых народов нашей страны, – революции, давшей им землю»². Впоследствии дефиниции «кочевники», «земля», «союз», «рабочий класс», «Октябрь 1917 г.», «дружба народов и солидарность трудящихся» будут в обязательном порядке употребляться практически во всех советских работах, как критерий объективности и

¹ Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск. 1996. Вып. 4. С. 10.

² Материалы научной сессии... С. 103.

научности исследования. От историков партия ждала обоснования своих официозных положений.

И хоть дискуссии о формах собственности еще продолжались некоторое время, тем не менее, в исторической науке, повторю, утвердился тезис о господстве «феодальной собственности на землю» в кочевом обществе.

В очередной раз о необходимости использования классового подхода говорил на Всесоюзном совещании историков в 1962 г. академик Б.Н. Пономарев. Он в частности предостерегал участников форума, что «в освещении прошлого народов нашей страны еще имеет место отход от классовых позиций, выражающийся в неправильной оценке деятельности различных царей, князей, эмиров и ханов. Забвение классового принципа проявляют те ученые, которые идеализируют средневековые традиции, искажают, по существу историческую действительность в националистическом духе»¹. Для дальнейшего недопущения со стороны историков теоретико-методологических ошибок, академик предлагал усилить «внимание к вопросам методологии», теории: «Например, такая первостепенной важности проблема, как роль классовой борьбы в истории. Вся история общества, за исключением первобытнообщинного строя, была историей борьбы классов. Классовая борьба – главная движущая сила человеческого прогресса. Только путем классовой борьбы рабочий класс, народные массы могут добиться освобождения от эксплуататоров»².

Исходя из этого теоретико-методологического посыла, в науке окончательно утвердилась практика априори причислять все зажиточные слои общества к классу эксплуататоров-феодалов, с которым предстояло бороться народным массам, поскольку «широко используя пережитки экономических связей далекого прошлого, феодально-байская верхушка эксплуатировала разорившихся скотоводов под видом оказания им “родственной” помощи. В

¹ Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовка научных кадров в области истории // Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 г. М.: Наука, 1964. С. 29.

² Там же. С. 24–25.

основе этой помощи была феодальная кабала, прикрываемая родовыми отношениями»¹.

Еще одна дискуссия 1950-х гг. коренным образом повлияла на теоретико-методологическое содержание и характер работ советских исследователей. Речь идет о повороте в оценке колониальной политики Российской империи который был сделан в начале 1950-х гг., когда в своей статье профессор М.В. Нечкина поставила вопрос о правомерности применения формулы «наименьшее зло» при оценке присоединения окраинных народов к империи. Призыв М.В. Нечкиной о замене одной формулы на другую – «наименьшее зло» на «добровольное присоединение» был «дружно» поддержан республиканскими историками и привел к ревизии многих вопросов в истории русско-казахских отношений. Перед учеными была поставлена непростая задача отделить «реакционные» силы от «прогрессивных». Причем главным критерием стало не столько их участие или противодействие присоединению к России, сколько поддержка или препятствование установлению советской власти в Казахстане, союз с рабочим классом, т. е. 1917 г. стал своего рода маркером, «весами», на чашах которых располагались, в зависимости от материального положения, политических убеждений, социальной принадлежности те или другие силы общества. Политическое «добро» на корректировку методологического подхода в этом вопросе советские ученые получили на Объединенной научной сессии, прошедшей в 1959 г. в Ташкенте. В работе сессии приняли участие ведущие ученые Советского Союза. Практически в каждом выступлении обязательно звучали слова о «цивилизующей, прогрессивной роли России по отношению к Востоку»², кроме того, неизменно говорилось, что «в правильной, марксистско-ленинской оценке присоединения нерусских народов к России важную роль сыграли Постановление ЦК Коммунистической партии Советского Союза, Совета

¹ Материалы научной сессии... С. 101.

² Раджабов С. Присоединение Средней Азии к России // Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Доклады. Ташкент: АН УзССР, 1959. С. 8.

Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР о 300-летию воссоединения Украины с Россией и тезисы ЦК КПСС по этому вопросу, где была дана глубокая марксистско-ленинская оценка выдающейся роли русского народа в жизни народов нашей страны»¹. Как выше отмечалось, помимо «прогрессивности» критерием научности работ стало выявление роли и места исследуемого предмета в событиях 1917 г. Так, доктор исторических наук А.В. Пясковский, ссылаясь на слова первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Н.А. Мухитдинова, писал: «**Важнейшим** (здесь и далее выделено автором. – А. П.) обстоятельством, **определяющим** прогрессивность присоединения Средней Азии к России, является наряду с другими факторами экономического и культурного характера **прежде всего** общение народов Средней Азии с рабочим классом России. В лице рабочего класса России народы Средней Азии увидели ту силу, которая была заинтересована в ликвидации социального и национального гнета, увидели вождя и союзника в борьбе против общего врага – царизма, русского капитализма и местных эксплуататоров»².

Прозвучавшие с научной сессии призывы служили своего рода идеологическим катализатором при рассмотрении вопросов взаимоотношений окраин с империей. В этом контексте, все враждебные советской власти или выступавшие против присоединения к России политические и социальные силы были причислены к «врагам народа», их характеристика стала носить открыто негативный оттенок. Более того, при сравнении достижений настоящего (советского) и прошлого (досоветского) ученые ставили акценты на том, что только партия большевиков по «столбовой» дороге ведет народ к процветающему будущему, в то время как прежние лидеры тянули его назад, в патриархальную древность. Тот же А.В. Пясковский писал: «Присоединение Туркестанского края к России по-разному оценивалось различными слоями населения. Реакционным, религиозно-националистическим движением,

¹ Там же. С. 8–9.

² Пясковский А.В. Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа – важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России // Там же. С. 78.

направленным против России и русского народа, было восстание Кенесары Касымова. Это движение тянуло казахский народ к восстановлению патриархально-феодальных устоев и реставрации средневековой ханской власти»¹. С этого момента анализ социальных сил общества, характеристика их позитивной или негативной роли в становлении и развитии казахского социума определялся из идейно-методологических партийных директив и установок, из основных (единственно верных) аксиом ортодоксальной исторической науки.

Государство и партия взяли на себя «заботы» по определению функции научных работ. Их целью должны были служить не столько научно-теоретические, сколько практические задачи – утверждение в обществе тезиса о «добровольном присоединении нерусских народов к Российской империи, которые в союзе с рабочим классом свершили Октябрьскую революцию 1917 г. Силы, выступавшие против этих процессов, признавались антинародными и реакционными».

В этом ключе и стала разрабатываться история казахского общества в досоветский период. Эти идеи нашли практическое воплощение в «Истории Казахской ССР», «Истории государства и права Казахской ССР»². В них социальная история казахов рассматривалась уже в новой трактовке и с новых позиций.

Можно утверждать, что коммунистическая партия взяла на себя функции первого историографа, создавая общественно-политическую обстановку и побуждая ученых «критическому» анализу уроков истории в свете решений партийных съездов и конференций. Историки, в целом весь корпус ученых определялись как ближайшие помощники партии в разработке важнейших проблем в коммунистическом воспитании народа. Так, во вводной статье журнала «История СССР» под заголовком «Повысить роль исторической

¹ Там же. С. 33–34.

² История Казахской ССР: В 2-х т. Т. 1. Алма-Ата: АН КазССР, 1957; История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Т. 3. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979; История государства и права Казахской ССР. (с древнейших времен до присоединения Казахстана к России): Учеб. пособие. Вып. 1. Алма-Ата: КазГУ, 1976; История государства и права Казахской ССР / Под общей редакцией член-корр. АН КазССР С.С. Сартаева: Учеб. пособие. Ч. 1. Алма-Ата: Мектеп, 1982.

науки в идеологической работе» отмечалось: «Мы, историки, обязаны отдавать себе ясный отчет в том, что наша наука, в особенности отечественная история, может и должна сыграть серьезную роль в решении поставленных партией идеологических задач»¹. В статье подчеркивалось, что главные принципы, которыми должен руководствоваться исследователь истории должны были стать не историзм, а классовость, которая в неразрывной связи с преобразующей силой партии, будет направлять ученого к правильному познанию далекого и близкого исторического прошлого. Гражданский долг историков СССР определялся тем, чтобы «дать народу такие труды, которые бы укрепляли в нем чувство патриотической гордости за страну Советов, чувство любви и преданности Коммунистической партии, ненависти к классовым врагам. Надо требовать четкой классовой оценки исторических явлений»².

С середины 1960-х – 1980-х годов траектория развития исторической науки осталась прежней. Реставрация в смягченном виде сталинизма, дальнейшее утверждение практики партийного руководства исторической наукой, консервация социально-политической жизни общества привели к тому, что систематизация и анализ источникового материала связывались в первую очередь с очередным подтверждением решений и резолюций партии. Декларируемая борьба с «волюнтаризмом», «субъективизмом» на деле привела к консервации многих «неудобных» исследований, усилению цензуры. Такая ситуация в гуманитарных науках касалась в особенности проблем, затрагивающих историю дореволюционных обществ. Цитатничество, догматизация марксизма-ленинизма как методологической основы советской историографии, подмена научных основ методологии партийными схемами, нарушение экологии научного творчества в совокупности привели к перманентному кризису в советской науке, к появлению однобокости и научной неполноте многих исследований.

¹ Повысить роль исторической науки в идеологической работе // История СССР. М.: АН СССР. 1963. № 4. С. 5.

² Там же. С. 7–8.

Постепенно проблемы истории традиционных институтов, обычного права и т.д. становились неактуальными на фоне всеобщего увлечения учеными изучением истории строительства советского общества, достижений советского народа, роли коммунистической партии в построении советского общества, событийной истории и др. Эти вопросы становились предметом исследования подавляющего количества диссертационных работ, монографий, публикаций. Ведущую роль в формировании и утверждении перечня диссертационных работ играл научный координационный совет Казахского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Благодаря» его усилиям «с 1946 по 1981 г. по истории Компартии Казахстана и партийному строительству защищено 486 диссертаций, в том числе 30 докторских»¹. На фоне огромного количества диссертаций по истории партии в статье ведущих историков Казахстана Б.А. Тулепбаева, М.К. Козыбаева и Г.Ф. Дахшлейгера отмечалось, что «недостаточно изучается дооктябрьский период (защищено 15 кандидатских диссертаций), почти нет исследований по персоналиям (всего две диссертации)»².

Помимо этого темы и содержание исследований координировались научным советом АН КазССР по истории Казахстана, который «в свете решений XVI съезда КПСС разработал примерную рекомендательную тематику научных исследований и диссертационных работ»³. Среди приоритетных тем по историографии и источниковедению можно назвать следующие: «“Историография проблемы перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм”, “Историография проблемы братского сотрудничества и взаимопомощи народов СССР (на примере Казахстана с советскими социалистическими республиками)”, “Источниковедение и историография проблемы распространения идей марксизма-ленинизма в

¹ Тулепбаев Б.А., Козыбаев М.К., Дахшлейгер Г.Ф. Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения истории Казахстана... С. 21.

² Там же.

³ Тулепбаев Б.А., Козыбаев М.К., Дахшлейгер Г.Ф. Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения истории Казахстана // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1983. С. 19.

дореволюционном Казахстане»¹ и другие¹. Всего мною подсчитано, что из 26 рекомендованных советом тем докторских и кандидатских диссертаций лишь пять планировалось посвятить историографическому исследованию социально-политической истории досоветского казахского общества. Хотя редакция журнала и уточняет, что «настоящий перечень не исчерпывает всех проблем истории Казахстана, тематика является примерной, и каждая тема может быть уточнена»², тем не менее, столь ощутимый крен в сторону историографии советского периода лишний раз свидетельствует о непопулярности изучения истории дореволюционных обществ.

В целом ленинско-сталинская историографическая школа постепенно превратилась в набор непререкаемых истин и догм. Весьма точно охарактеризовал ситуацию в советской историографии известный специалист по древней истории С.Л. Утченко: «Всем известны... довольно многочисленные “научные” работы – статьи и даже пухлые монографии, – где отдельные робкие соображения и более чем тощие выводы теряются в густом мачтовом лесу незыблемых цитат. Что есть для авторов работ собственная мысль? Всего лишь кратчайшее расстояние между двумя цитатами!»³.

На наш взгляд такое положение в науке отчасти связано с тем, что само понятие «бий» предполагает категории «прошлое», «традиционный институт». В то время как тема «советское общество» описывалась в траектории понятий «современность», «прогресс», «развитие» и давала широкий простор для ученых в полной мере доказывать верность и дальновидность марксистко-ленинских прогнозов применительно к истории развития советского общества.

В свете сказанного проблематично говорить об эволюционном характере историографического процесса в советский период. Это отчасти верно, когда вопрос касается профессиональных приемов и средств, сложившихся правил

¹ Примерная тематика диссертационных работ, разработанная координационным научным советом АН КазССР по истории Казахстана // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1982. № 4. С. 84.

² Там же. С. 81.

³ Цит. по: Козыбаев И.М. Историческая наука Казахстана (40 – 80-е годы XX века). Алматы: Қазақ университеті, 1992. С. 94.

работы с источниками и т. д. Когда же речь заходит о теоретико-методологическом, или, по сути, идеологическом содержании историографии, то она проявляет на протяжении всего времени своего существования поистине революционные метаморфозы. Такие «преобразования» особенно отчетливо можно проследить применительно к институту биев.

В то же время, несмотря на определенно однобокий методологический подход, работы советских исследователей и ученых, несомненно, заслуживают внимания современной гуманитарной общественности. Речь, конечно же, идет о той стороне наследия, в которой представлен огромный массив конкретно-исторического материала, до сих пор активно циркулирующего в научном обороте, в виде огромного множества источниковых и историографических фактов и доказательств объективности позиции автора. Частое обращение и интенсивное цитирование произведений советских исследователей служат ярким тому доказательством.

Эти материалы, пройдя жесткое сито идеологической селекции, невзирая на обильные выдержки из работ классиков марксизма-ленинизма-сталинизма, и сегодня не потеряли своей научной значимости. Работы советских авторов при «просвечивании» их современным «теоретико-концептуальным рентгеном» позволяют по-другому взглянуть на давно известные, казалось бы, явления, побуждают вновь и вновь возвращаться к ним, ибо они носят глубоко познавательный и конкретно-прикладной характер.

§ 3. Теоретико-методологический поиск современной историографии

Середина 80-х годов прошлого столетия отмечена событиями, вошедшими в историю Советского Союза под названием «перестройка». В это время были провозглашены принципы нового реформаторского курса КПСС – экономическая реформа, гласность и демократизация всех сторон общественной жизни страны, сыгравшие значительную роль в дальнейшей

судьбе союзных республик, входивших в состав могущественного государства. Нараставший общественный социально-политический кризис прорвался наружу в виде процесса национального самоопределения народов, что, в свою очередь, привело к возникновению демократических национальных движений, всплеска интереса общества к национальной идентичности, к желанию изучить и переосмыслить историческое прошлое и определить перспективы будущего.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. ознаменовал появление новых независимых государств; конец советской империи ознаменовался «парадом суверенитетов». Эти годы характеризуются «историками как транзитный период перехода от коммунистического строя к рыночной системе, который повлек за собой так называемую приватизацию национальных историй»¹. В этот период научное сообщество как России, так и Казахстана стало проявлять интерес к национальной истории, выявлять лакуны, которые требовали заполнения после распада СССР, по-новому осмысливать накопленный научно-исследовательский опыт и давать оценку многим явлениям исторического прошлого.

За прошедшие десятилетия после образования Российской Федерации в научном сообществе обозначилась переоценка господствовавшей прежде концепции о мирном присоединении нерусских народов к империи. Пересмотр взглядов коснулся и русско-казахских отношений, которые признаются достаточно сложными и неоднозначными. Их переосмысление вызывает исследовательский интерес к истории традиционных обществ Центральной Азии, в том числе к проблемам обычного права – эти вопросы были включены в российскую историческую проблематику. Эти и другие вопросы стали активно изучаться учеными в контексте многих подходов (эволюционистский, цивилизационный, примордиальный и т. д.) истории империй, поскольку «необходимо критическое осмысление своей истории, в том числе и своих отношений с соседями. Именно здесь лежат исторические корни того кризиса

¹ Мажитов С.Ф. Историческая наука Казахстана: современное состояние и тенденции развития. Алматы: АИК, 2013. С. 20.

понимания и доверия, который так характерен для отношений современной России с ее соседями. Каждой стороне предстоит пройти свою часть пути к преодолению этого кризиса»¹.

В проблематику исследований российские специалисты поставили задачи выявления общей логики формирования, эволюции и распада империй, раскрытия ее зависимости от региональных особенностей, изучения отношений «центр и периферия», национальных и конфессиональных отношений, едва ли не главной проблемы всякой империи и другие вопросы. Насколько удачным стал поиск новых подходов можно судить по выходу серии «Окраины Российской империи», журнала «Ab Imperio» и других работ, посвященных имперскому дискурсу, в которых география охватывает разные регионы – Кавказ, Сибирь и Центральную Азию.² Отличительным свойством работ явился компаративный анализ систем управления, трансформации традиционных институтов, взаимодействия и взаимоотношений центра и периферии, асимметричности административно-политических и правовых структур.

В целом, ученые отмечают, что характер взаимодействия между центром и периферией постепенно менялся. Изменения в первую очередь связаны с административно-правовыми преобразованиями, носившими характер модернизационного процесса и позволявшими вырабатывать по мере

¹ Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. Д.Ю. Арапов, И.Л. Бабич, В.О. Бобровников и др. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 9.

² Лурье С.В. Русские в Средней Азии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизация и культуры. Вып. II. М., 1995; Каспэ С. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001; Брежнева С.Н. Присоединение Туркестана к России: дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии: монография. Тольятти: Тольят. гос. акад. сервиса, 2004; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004; Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004; Северный Кавказ в составе Российской империи... 2007; Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт // Материалы Международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2007; Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010; Горин А. Проблема гражданско-правовой интеграции поздней Российской империи в русском общественно-политическом дискурсе (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Ab Imperio. 2012. № 4. С. 181–208; Дугарова С.Ж. Государство и право средневековой Монголии: проблемы изучения. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012; Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015; и др.

необходимости качественно новую модель взаимосвязи империи с региональными окраинами.

На территории России можно отметить несколько научных центров, которые развивают исследования в данном направлении.

Крупный центр изучения восточных стран представляют собой Санкт-Петербургский Филиал Института востоковедения РАН (с 2007 г. Институт восточных рукописей. – Ж.М.) и факультет востоковедения Санкт-Петербургского государственного университета. Вектор востоковедческих исследований определяют ведущие ученые С.Г. Кляшторный (1928–2014) и Т.И. Султанов, область научных исследований которых включает такие вопросы, как образование Казахского ханства, социальная структура казахского общества, правовой памятник «Жеті жарғы» и т. д. О плодотворной деятельности Санкт-петербургских ученых свидетельствует, например, выход сборника, посвященного проблемам традиционных обществ Азии, их зарождению и генезису, трансформации вследствие влияния как внешних, так и внутренних факторов, и другие работы¹.

Исследователей-востоковедов объединяют Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и Институты РАН, где ведется большая научная работа по изучению традиционных обществ в имперском дискурсе. В этом направлении работают ведущие ученые-этнологи и историки: С.Н. Абашин, Н.Е. Бекмаханова, В.О. Бобровников, О.И. Брусина, Е.И. Ларина, О.Б. Наумова, А.А. Никишенков, Н.И. Новикова, Ю.И. Семенов и другие, в сферу научных интересов которых в разное время попадали проблемы обычного права. С 1995 г. «Вестник Евразии» («Acta Eurasica») Института востоковедения РАН являлся дискуссионной площадкой для обмена разными мнениями ученых по проблемам Востока.

Ценный вклад в изучение русско-казахских отношений, политики Российской империи на окраинах вносят омские ученые-историки –

¹ Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху / С.Е. Григорьев, Н.Н. Дьяков; ред. С.М. Иванов; С-Петербург. гос. ун-т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

Ш.К. Ахметова, В.И. Безвиконная, А.В. Ремнев, А.П. Толочко и др. Проводимая при непосредственном участии этих ученых регулярная международная научная конференция «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.)»¹ создала творческий импульс для расширения обсуждения научных вопросов, касающихся взаимовлияния народов Степного края (русских, казахов, башкир, калмыков и др.). Историческая практика дала нам многочисленные примеры противостояния, столкновений разных народов в имперском пространстве. В свою очередь материалы конференции показали возможность адаптации, конструктивного диалога различных национальностей в рамках империи.

Особое место в исследованиях по кочевничеству занимают работы видных ученых Дальнего Востока и Сибири Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой. Историк-археолог Н.Н. Крадин известен своими научно-теоретическими разработками в области создания целостной теории о кочевых империях, для которых характерен экзополитарный (ксенократический) способ производства. В центре внимания ученых – вопросы типологии кочевых обществ, обычного права кочевников, специфики социально-экономических отношений кочевников.

Имперская проблематика имеет междисциплинарный характер, поэтому неудивительно, что ею занимаются не только историки, но и специалисты в области права, философии, социологии и т. д.

Юридическое направление к изучению права в современных исследованиях можно обозначить термином «правовой плюрализм», под которым «скрывается одна из наиболее перспективных и в то же время спорных концепций в современной этнографии права»². В контексте этой концепции проблемы обычного права и традиционных институтов явились объектом изучения ученых-юристов Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы и

¹ Первая международная конференция «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.)» была проведена в 1998 г. в Омске.

² Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Вост. лит., 2002. С. 99.

Улан-Удэ¹. Исследователи И.Л. Бабич, Н.А. Крашенникова, Г.В. Мальцев, Г.И. Муромцев, М.А. Супатаев и другие внесли значительный вклад в изучение обычного права; эти ученые считают необходимым разрабатывать социокультурный подход к пониманию права, несмотря на то, что его методологический статус до конца еще не определен. До сих пор такие понятия, как «обычное право», «этнический правовой обычай», «традиционное право» вызывают споры и возражения среди юристов, что говорит о необходимости продолжения поиска научных дефиниций. В Санкт-Петербурге полиюридический дискурс явился предметом исследования таких известных ученых, как Р.Ю. Почекаев (ярлыки ханов Золотой Орды, казахских ханов), И.Б. Ломакина (теория этнического обычного права), А. Дашин (правовой обычай) и др. Исследовательская оптика включает также и вопросы адатного права казахов, поскольку «заинтересованность в достоверной информации о казахском традиционном суде позволяет лучше ориентироваться и в его современных правовых реалиях»².

Особо хочется выделить научный центр изучения обычного права на Кавказе (пожалуй, самый крупный на сегодняшний день в России), где под руководством профессора Д.Ю. Шапсугова в этом направлении плодотворно работает группа ученых-единомышленников. Общее настроение ученых можно выразить удачными словами авторов учебника по Северному Кавказу: «Русским предстоит полнее осознать репрессивность империи, наследниками которой – как в положительном, так и в отрицательном смысле – они являются. Соседям русских, в свою очередь, предстоит преодолеть односторонне негативный образ Российской империи, для которой, конечно, благополучие и свобода ее подданных никогда не были приоритетом, но которая отнюдь не

¹ Речь идет о наиболее крупных, на наш взгляд, научных центрах, где изучаются теоретические проблемы права в традиционных обществах.

² Почекаев Р.Ю. Казахский суд биев глазами российских исследователей XIX – начала XX вв. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012. № 1. С. 86.

была той «империей зла», какой она предстает в современных школьных учебниках соседей России»¹.

Нужно отметить, что «модная» имперская тематика в казахстанской историографии не является объектом столь пристального изучения, как в России. Причину такого невнимания можно объяснить в определенной степени сложившимся в обществе стереотипом, согласно которому империя – крепкие оковы, сжавшие казахский народ в своих «объятиях» и мешавшие ему возродить независимость. Очевидно, прав Н. Мальдонадо-Торрес, считавший, что «колониальность переживет колониализм»². Поскольку, если в России реформаторские преобразования в Степи рассматриваются как модернизационные процессы, то в Казахстане подавляющее большинство постколониальных исследователей склонны видеть в них изменения, приведшие к потере идентичности, традиционности, к появлению чувства культурной травмы из-за колониальной зависимости и реформ империи³. К сожалению, сторонники как имперского, так и колониального дискурса зачастую стараются переубедить друг друга, чем согласиться на компромисс и признать положительные и отрицательные стороны процесса⁴.

Убежденность в правоте научной позиции казахстанских историков, юристов и представителей других гуманитарных направлений науки Республики Казахстана связана с попыткой отойти от стереотипов, навязанных имперской и советской идеологиями. С этой целью они с конца 1980-х гг. включились в поиск нового концептуального подхода ко многим проблемам

¹ Северный Кавказ в составе Российской империи... С. 9.

² Цит. по: Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2. С. 47.

³ Машимбаев С.М. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. Алматы: Санат, 1994; Царская колонизация в Казахстане. По материалам русской периодической печати XIX века / Сост. Ф.М. Орзаев. Алматы, 1995; Материалы по введению русской политической системы управления в Казахстане. Алматы; Қазақ университеті, 1999; Касымбаев А.Ж. Административно-политические и законодательные нововведения в Младшем жузе в 20-40-х гг. XIX века и их колониальная сущность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003; История колонизации в 20-е – 60-е годы XIX века. Алматы: Мектеп, 2009; Шалгимбеков А.Б. История военного продвижения и закрепления Российской империи в северном регионе Казахстана (вт. пол. XVIII – первая треть XIX в.). Алматы, 2010; и др.

⁴ Подробнее см.: Горшенина С. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 209–258.

истории Казахстана, в том числе к изучению обычного права казахов, к зарождению и развитию института биев.

Непосредственным поводом к исследованиям обычно-правовой системы послужил выход в 1989 г. книги «Проблемы казахского обычного права», в которой правовед академик С.З. Зиманов определил ряд вопросов, которые в ближайшей перспективе должны были стать объектом научно-исследовательских инициатив юристов. Важнейшим из них С.З. Зиманов назвал «монографическое изучение отдельных институтов обычного права казахов, их истории и эволюции»¹. По его мнению, только достоверное и глубокое знание этих институтов позволит ученым плодотворно изучить весь комплекс проблем.

В Алма-Ате, в июле 1990 г. состоялся всесоюзный круглый стол на тему: «Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ)», инициатором которого стал Институт истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова АН КазССР совместно с журналом «Вопросы истории». Форум собрал из разных союзных республик (Казахстана, России, Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана) крупнейших специалистов в области изучения национально-освободительных движений на территории бывшей Российской Империи. В ходе круглого стола было принято решение о выработке новых концептуальных подходов к освещению данной темы, в частности, академик АН КазССР М.К. Козыбаев отметил, что необходимо «сосредоточить свое внимание на проблемах, трактовки которых в ключе нового мышления ждут от нас читатели»².

В ходе дискуссий ученые отметили, что присоединение окраинных территорий к России шло разными способами: в результате переговорного процесса между правящей элитой и царской администрацией на местах; в ходе завоевательной политики Российской империи; путем добровольного

¹ Зиманов С.З. Состояние и задачи разработки проблем обычного права казахов // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989. С. 27.

² Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ). Материалы Всесоюзного «круглого стола» 27–28 июля 1990 г. Целиноград: МГП аль-Фараби, 1991. С. 7.

вхождения. Несмотря на разные принципиальные позиции, ученые выразили мнение выработать новые совместные концептуальные подходы при исследовании многих щепетильных вопросов, затрагивающих национальные интересы разных республик. При этом участники встречи отмечали, что есть вопросы, решение которых значительно продвинет историческую науку в понимании сложных социально-политических и экономических процессов прошлого народов, входящих в состав СССР. Так, российский исследователь В.П. Крикунов отмечал, что ученые «продолжают работать, опираясь на скудный запас однообразных источников, не вовлекая в оборот новые разнообразные многоязыковые местные документальные свидетельства, а потому задача: искать пути, как раскрыть народную мудрость, устремления, мечты, одолевавшие участников движения, несоизмеримые ни с чем страдания, массовый подвиг участников, уловить чрезвычайно важные для понимания событий этносоциальные процессы и т. п.»¹.

В выступлениях участников круглого стола звучала тревога по поводу появившейся у некоторых ученых эйфории от возможности представить на суд общественности свое видение проблем социально-политической и экономической истории народа, его освободительного движения. Ученые отмечали, что взгляды исследователей должны базироваться на документальных материалах, соответствовать научной этике, моральной стороне науки, «исторические исследования должны писаться с позиции научной нравственности, а не в угоду политическим установкам»²; в погоне за новыми концептуальными решениями, не следует забывать о богатом историографическом научном наследии как дореволюционных, так и советских исследователей; переосмысление истории должно способствовать обогащению методологии исторических исследований.

¹ Крикунов В.П. Вопросы методологии изучения национальных движений в контексте истории присоединения народов юго-восточных окраин к России // Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ). Материалы Всесоюзного «круглого стола» 27–28 июля 1990 г. Целиноград: МГП аль-Фараби, 1991. С. 11.

² Мажитов С.Ф. Некоторые моменты методологии изучения национально-освободительных движений // Там же. С. 39.

В этот короткий перестроечный период (1985–1991 гг.) ученые не освободились еще в полной мере от классового подхода к изучению социально-политического строя казахского общества, бии представлялись в качестве эксплуататоров простых кочевников, врагов пролетариата, которых следовало уничтожить. Исследователям рекомендовалось помнить: «Путь, пройденный советской исторической наукой чрезвычайно многогранен. Изучение его... способствует всестороннему освоению принципов марксистско-ленинской методологии истории... выработке исторически обусловленного подхода к литературе, вводит в круг проблематики методов, концепций, традиций советской исторической науки, раскрывает ее перспективы»¹. Нужно заметить, что попытки отхода от генеральной марксистской методологии берут свое начало с программной статьи 1990 г. в «Казахстанской правде» директора Института истории, археологии и этнографии АН КазССР академика М.К. Козыбаева, в которой он задал новый вектор в изучении истории Казахстана².

В 1991 г. начался новый период в отношениях между двумя государствами – Казахстаном и Россией. Провозглашение государственной независимости порождало новые трактовки в написании национальных историй, вызывало интерес научного сообщества ко многим спорным и неоднозначным проблемам исторического прошлого. Актуализировались вопросы присоединения Казахстана к России, становления русско-казахских связей, в которых немаловажное место занимали социальные и политические отношения казахского и русского народов. Ученые вновь подвергли ревизии взгляды на традиционное казахское общество, на его правовые институты, в том числе затрагивающие особенности обычно-правового сознания народа и его трансформации в ходе административных реформ Российской империи на территории Степи.

¹ Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.): Очерки становления и развития. Алма-Ата: Гылым, 1990. С.3–4.

² Козыбаев М.К. Истины и мифы // Казахстанская правда. 1990. 27 июля.

В основу этих исследований был положен цивилизационный подход, который служил обоснованию концепции существования на территории Казахстана степной цивилизации кочевников¹. Ученые подчеркивают нежелательность перенесения критериев земледельческого мира на кочевой, на специфику организации кочевого государства, для осмысления которой необходимо изучение государственной власти в генезисе, начиная с ранних кочевых государств саков, гуннов и т. д. Вместе с тем, ученые подчеркивают, что цивилизация кочевников – это симбиоз мира кочевников и земледельцев. Одним из факторов, придающих своеобразие кочевому государству, является личностный характер традиционной власти, основанный на авторитете, знании закона и демократичности власти. Именно этот подход применяется исследователями при изучении института биев, согласно которому суд биев – один из органов политико-потестарных отношений в Казахской степи.

Так, в контексте этого подхода одной из дискуссионных тем в казахстанской историографии явился вопрос об определении института биев, его статусе и роли в обществе. Так как бий – стержневая фигура данного правового института, выполнявшая ряд разноплановых функций от судьи до предводителя племенных союзов, то к изучению этого института казахской степи обратились представители практически разных гуманитарных направлений. Большой вклад в разработку темы внесли такие ученые, как историки-этнологи Б.М. Абдрахманова, Ж.О. Артыкбаев, Ж.М. Джанпеисова, И.В. Ерофеева, А.И. Оразбаева и др.; юристы – С.З. Зиманов, Ж.С. Алдибеков, К.А. Жиренчин, З.Ж. Кенжалиев, С. Узбекулы, Н. Усерулы и др.; философы –

¹ Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989; Материалы международной конференции «Урбанизация и нomaдизм в Центральной Азии: история и проблемы». Алматы: Дайк-Пресс, 2004; Ирмуханов Б.Б. Хазары и казахи: связь времен и народов. Алматы: Наш мир, 2003; Кумекоев Б.Е. О степной цивилизации // Казахская цивилизация в контексте мирового исторического процесса. Материалы международной конференции. Алматы, 2003; Оразбаева А.И. Цивилизационные особенности социокультурного развития традиционного казахского общества в XV–XVIII вв. (Теоретические и методологические проблемы): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алматы, 2005; Она же. Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы: Дайк-Пресс, 2005; Она же. К вопросу о природе казахской государственности // Түркологиялык жинак. Астана: Сарыарқа, 2012; Она же. Феномен Центрально-азиатской цивилизационной общности // Государственное управление и государственная служба. 2013. № 2. С.70–73; и др.

М. Еслямгалиулы, Д.К. Кшибеков и др.; филологи – Б.А. Адамбаев, Г.К. Бельгер, С. Негимов и другие. В исследованиях этих ученых бий уже не противопоставляется остальным кочевникам, а рассматривается как фигура, играющая главную роль в истории казахского общества. То есть с первой половины 1990-х гг. можно говорить о смещении дискурса в концептуальном освещении бийского правового института – от классового к цивилизационному.

Позволю себе предположить, что изменение дискурса, который ограничивал методологический поиск исследователей, привел к тому, что многие вопросы национальной истории, в том числе касающиеся института биев, получили новый уровень развития: от описания тех или иных событий к научному изучению проблемы, к обобщению историографического материала. Эйфория от «научной свободы», царившая в первые годы независимости Казахстана, сменяется более взвешенными подходами.

В 1990-е гг. также актуализировался интерес к персонифицированию национальной истории. Роль государственного деятеля, личность человека, влияющие на формирование вектора развития общества, становятся объектом научных исследований. В этой связи в казахстанской историографии получило развитие новое направление – изучение жизненного пути и наследия как всенародно известных, так и малознакомых казахских биев. Жизненный путь, судебная деятельность, мудрые изречения, слова-назидания таких биев, как Толе, Казыбек, Айтеке, Срым Датов и других стали предметом специальных монографических исследований, одновременно ученые анализировали причины расцвета бийства в эпоху Тауке хана и упадка этого правового института в ходе административно-правовых реформ Российской империи.

Еще одно событие, вызвавшее очередной всплеск интереса научной общественности Казахстана к вопросам национальной истории стало объявление Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым 1998 г. – Годом национального единства и национальной истории. Другим серьезным

фактором явилось мнение академика С.З. Зиманова о том, что в Казахстане сосредоточился «весьма значительный по объему запас накопленных на сегодняшний день знаний»¹ об обычно-правовых институтах в казахском дореволюционном обществе. При изучении института биев академик предлагал не заниматься сочинительством, мифотворчеством, не придумывать факты, ученым надо было лишь «раскопать их, извлечь из-под вековых руин, очистить от наслоений и воссоздать хотя бы в основных качествах и чертах»².

Стоит подчеркнуть, что ведущую роль в формировании современных концептуальных подходов и научных положений в исследовании института биев играл академик Салык Зиманович Зиманов (1921–2011). Дело в том, что действительно наиболее существенный вклад в разработку проблематики института бийства внес С.З. Зиманов, являвшийся одним из первых казахстанских специалистов в области истории права Казахстана. На протяжении всей своей научно-исследовательской деятельности он углубленно занимался исследованием политической и социально-экономической истории казахов, в том числе вопросами *уникальности* суда биев, древности его происхождения³. Фундаментальные труды С.З. Зиманова до сих пор не потеряли своей актуальности, в советское время были заметными работами по истории дореволюционного Казахстана⁴. Именно он является инициатором создания десятитомника «Қазақтың ата заңдары» (Древний мир права казахов), ставшим мощным катализатором изучения проблемы биев в казахском обществе. В предисловии к десятому тому академик С.З. Зиманов

¹ Қазақтың ата заңдары: Құжаттар, деректер және зерттеулер (Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования) / Руководитель программы С.З. Зиманов. В 10-ти т. Т. 1. Алматы: Жеті жарғы. 2004. С. 10. (Далее. – Древний мир права казахов...).

² Там же. С. 10.

³ Следует сказать, что понятие «уникальный» по отношению к элементам правовой системы казахов относительно часто встречается в работах не только казахстанских, но и российских авторов. Так, проф. Р.Н. Зинуров пишет: «Так возник уникальный кодекс судебной власти “Жеты жаргы”». См.: Зинуров Р.Н. «Жеты жаргы» («Семь установлений») Тауке-хана как великий памятник права: правовой обычай, судопроизводство и наказание // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. С. 33. Очевидно, понятие «уникальный» на современном этапе применяется исследователями с тем же смыслодержимым значением, как в советской историографии термин «великий» (Великая Октябрьская революция, великая дружба, великий Ленин, великий советский народ и т. д.), придававший предмету исследования важный и статусный характер.

⁴ Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958; Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982; и др.

сформулировал новый концептуальный подход к исследованию бийского института: «Казахский суд биев, утвердившийся в недрах гражданской и правовой культуры кочевого общества казахов, имеет общекультурную ценность и является институциональной политико-правовой структурой общецивилизационного знания»¹. Принципы, взятые за основу при подготовке издания, показали переход на цивилизационный дискурс в изучении института биев посредством выработки его модели как общекультурной ценности. В целом многотомник включает разделы о деятельности знаменитых биев: Майкы би, Толе би, Казыбек би, Айтеке би и других, и их биографии. Большой объем материалов посвящен судебной практике Абая, а также речам-назиданиям известных судей казахской степи.

Еще одним важным научным событием явилась состоявшаяся в 2008 г. международная научная конференция «Казахский суд биев – уникальная судебная система» (Қазақ билер соты – бірегей сот жүйесі) по инициативе Верховного Суда Республики Казахстан и Юридической компании «Интеллектуал-Парасат». (Материалы конференции были опубликованы в 10 томе вышеназванного многотомника.) Основную тематику конференции составляла выдвинутая академиком С.З. Зимановым концептуальная идея, вынесенная в название форума. Нужно отметить, что материалы многотомного издания и научной конференции оказали большое влияние на направление научных изысканий о бийском институте, причем определенная группа исследователей обычного права казахов придерживаются именно данной концепции.

В то же время в последние годы среди научной общественности утвердилось убеждение, что «ставка на исключительность и чистую специфику национального наследия порождает изоляционизм. В условиях, когда какое-либо сообщество томится по поводу собственной самоидентификации, перестает генерироваться здоровая творческая энергия, ставится заслон к

¹ Древний мир права казахов... Т. 10. С. 12.

самодостаточному развитию, прерываются пути к конструктивным диалогам. Это прямая дорога к этнократии, этнофобии, ультранационализму и т.д. Между тем современный мир связывает свое будущее с интеграцией»¹. Ученый подчеркивает, что метод глобальной истории расширяет пространственно-временные параметры исторической науки, позволяет отойти от рассмотрения каждого случая или явления как уникального и свойственного только данному человеческому сообществу. Наоборот, «снятие интеллектуальных, политических и пространственных барьеров открывает доступ к связям и сравнениям за рамками государственных и культурных границ»².

Насколько эта методологическая конструкция коснется вопросов изучения института биев во многом будет зависеть от стремления ученых России и Казахстана найти иные способы описания прошлого, умения и желания отойти от эмоционально-ценностных характеристик многообразного и противоречивого имперского и национального нарративов, включающих «приемы убеждения, преувеличения, подтасовки, умолчания, эмоциональную составляющую, с помощью которой конструируются различные версии произошедшего. Такой подход позволяет прочесть разные варианты донациональной истории и альтернативные региональные истории, услышать голоса женщин, религиозных деятелей, тех или иных социальных групп как особые, идущие вразрез с колониально-ориенталистской и национальной риторикой»³. Полагаю, что для объективного осмысления «кладовой народной памяти» необходимо соединение концепций и подходов разных теоретических школ.

¹ Мажитов С.Ф. Историческая наука Казахстана... С. 30.

² Там же. С. 29.

³ Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 59. Многомерный подход демонстрирует С.Н. Абашин на примере событий в Ошобе 1875 года, когда Ферганская долина была оккупирована российской армией, представлены в трех разных по характеру нарративах. В первом случае – донесения российских военных; во втором – описание местных интеллектуальных лидеров; в третьем – современная историография Узбекистана. В каждом случае события описывались в контексте «завоевания, подчинения, сопротивления и противостояния» соответственно. См. Абашин С.Н. Указ. соч. С. 60.

Исторический 1991 год кроме независимости принес Республике Казахстан дискуссии в академических кругах, касавшиеся вопросов институционализации исторического знания посредством создания нового обобщающего труда по истории казахского народа. В некоторой степени сложную задачу, связанную с написанием учебного пособия, взяли на себя Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Институт археологии имени А.Х. Маргулана и Национальная академия наук. Итогом совместной работы ученых стало появление учебника – «История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Очерк».

Как отметили сами авторы очерка (Н.Е. Бекмаханова, Х.М. Абжанов, Б.Е. Кумеков, Ж.Б. Абылхожин и др.), они «не стремились переписать всю историю с противоположным знаком. Ими руководило чувство уважения к своим предшественникам, немало сделавшим для исследования истории Казахстана»¹, подчеркивая тем самым преемственность знаний в науке. Стоит признать, что советские принципы изучения дореволюционного Казахстана подчас вызывают оправданные нарекания. Вместе с тем, правы ученые, которые говорят, что не стоит, следуя повальному увлечению некоторых исследователей, ругать советскую историографию. Ее значительный вклад в историческую науку общеизвестен. Тем более важно сегодня использовать научные наработки советских ученых при современных исследованиях.

Говоря о преемственности знаний, хочется напомнить, что одной из первых научных работ обобщающего характера по истории казахов явилась «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», изданная в 1943 г. Авторы монографии – видные советские ученые (А.М. Панкратова, М.П. Вяткин, Е.Б. Бекмаханов и др.), исходя из принципов марксистско-ленинской философии, изображали Россию как метрополию, которая проводила завоевательную политику, а Казахстан – как колонию империи, проникнутую духом национально-освободительной борьбы. В этом

¹ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Очерк. Алматы: Дәуір, 1993. С. 3.

идеологическом контексте бии рассматривались как представители судебной власти, основная масса которых защищала интересы простого народа: «Сравнительно небольшая часть биев успела к этому времени обособиться от народа и слиться с классом феодалов. Другая часть биев, несмотря на ряд имущественных привилегий, все еще оставалась представителем и защитником интересов скотоводческой общины против притязаний ханов и султанов»¹. О таких биях народ слагал легенды, им посвящал баллады. В книге упоминаются сказания о батыре Срыме Датове, который, будучи бием рода байбакты, учился мудрости у знаменитого бия рода тама Малайсары.

Под влиянием жесткой критики в печати первого издания, в последующих изданиях «Истории Казахской ССР» оценка биев начинает все более и более меняться в сторону их характеристики как представителей эксплуататоров, феодальной верхушки, сосредоточившей в своих руках судебную и распорядительную власть. Так, например, если во втором издании, вышедшем в 1949 г., бии характеризуются как одна из «основных, по своему значению, растущих феодальных групп»², то в третьем издании (1957 г.) бии предстают уже «*влиятельной* (курсив мой. – Ж. М.) группой класса феодалов», а «некоторые бии, являвшиеся крупными феодалами, достигли большой власти и влияния»³.

В издании 1979 г. социальную группу биев представляют следующим образом: «Средний слой казахских феодалов. В их обязанность входили распорядительная и судебная функции. Они пользовались особыми правами и преимуществами и были опорой хана, султанов. Дореволюционные исследователи выдавали бия за народного судью. На самом деле он защищал интересы господствующей верхушки»⁴.

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. С. 128.

² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. 2-е изд. испр. и доп. / Под общей редакцией И.О. Омарова и А.М. Панкратовой. Т. 1. Алма-Ата, 1949. С. 136.

³ История Казахской ССР: В 2-х т. Т. 1. Алма-Ата: АН КазССР, 1957. С. 162.

⁴ История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Т. 3. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. С. 60.

Схожая ситуация наблюдалась в академических работах юристов советского периода – А.Н. Таукелева, А.Ж. Жакиповой, Л.В. Дюкова, Г.С. Сапаргалиева, К.А. Жиренчина. В этих трудах по истории государства и права характеристика как самих биев, так и общая оценка этого института были основаны на классовом подходе. Например, суд биев «как нельзя лучше маскировал классовый характер этого суда и послужил основанием для последующего отделения суда биев от обычной системы управления и превращения биев в особо “почетных” членов господствующего класса в Казахстане»¹, или другой пример: суд биев «собирал с них (кочевников. – Ж. М.) различные поборы, принуждал исполнять их судебные приговоры и решения султанов и хана»².

Таким образом, в советской академической исторической литературе бий были с идеологических позиций втиснуты в марксистскую схему классовой борьбы, где они играли роль представителей класса феодалов, угнетателей, в руках которых были сосредоточены судебно-распорядительные функции, позволявшие им защищать интересы эксплуататорских слоев и с которыми приходилось бороться простым кочевникам.

Поэтому, учитывая советский историографический опыт, видные ученые-историки предприняли попытку по-новому взглянуть на прошлое казахского народа, в том числе на проблемы института биев. С их точки зрения бий – представитель привилегированной социальной категории «черной кости», занимавший чрезвычайно важное место у казахов и осуществлявший функции судебной власти в кочевых общинах³. Бий как разрешитель межродовых конфликтов, достигший высокого положения в степи благодаря признанию обществом его заслуг и обладавший личными незаурядными качествами: знанием адата, владением ораторским искусством и т. д.

¹ История государства и права Казахской ССР. (с древнейших времен до присоединения Казахстана к России): Учеб. пособие. Вып. 1. Алма-Ата: КазГУ, 1976. С. 84.

² История государства и права Казахской ССР / Под общей редакцией член-корр. АН КазССР С.С. Сартаева: Учеб. пособие. Ч. 1. Алма-Ата: Мектеп, 1982. С. 61.

³ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Очерк. С. 196.

Последнее академическое издание по истории Казахстана (1996–2001), отражающее накопленный историографический опыт, отходит от трактовки социально-политической структуры общества с классовых позиций, в нем характеристика бия аналогична той, которая представлена в очерке истории Казахстана¹.

Из сказанного видно, что в академической советской и современной литературе отношение к биям менялось: от умеренной характеристики биев, противопоставления их простому народу в качестве эксплуататоров, до признания их выразителями народных интересов. Подобные метаморфозы в оценках традиционного суда в научной литературе привели к тому, что до сих пор некоторые ученые, декларируя отход от классового подхода по инерции продолжают использовать риторику этой методологии, вроде «представитель феодального класса», тогда как другие – впали в излишнюю его идеализацию.

Пожалуй, стоит сказать, что особенностью современной юридической антропологии является ее в определенной степени «романтически-прикладной» характер, когда социальные архетипы прошлого пытаются реставрировать в современном обществе. Насколько оправданы и обоснованы такие научные попытки исследователей трудно сказать, однако, социальное поле казахов, с присущим ему соционормативным пространством, вряд ли удастся переложить в «классическом виде» на современность, учитывая его изменчивость и динамичность.

В целом нужно отметить, что можно определить круг вопросов, требующих дальнейшего исследования, который включает проблемы изучения методологии и культурологические аспекты обычного права, статуса обычного права и правовых институтов, возникновения и трансформации традиционной структуры казахского общества под влиянием внешних и внутренних факторов. Так как потенциал науки России и Казахстана значителен и обладает обширными накопленными знаниями, можно надеяться, что ученые

¹ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В 5-ти т. Т. 3. Алматы: Атамұра, 2000. С. 201.

совместными усилиями придут к выработке единых концептуальных направлений при исследовании этих достаточно сложных вопросов исторического прошлого.

Необходимо подчеркнуть, что создание национальных школ Казахстана и России не мешало проведению сравнительного анализа, поскольку в его основу был положен не географический принцип, а проблемно-исторический подход. У современных исследователей есть при взглядах на исторический процесс развития досоветского прошлого в целом как точки соприкосновения, так и вопросы, в решении которых они являются оппонентами. Это в первую очередь касается вопросов русско-казахских отношений (модерность/колониальность, присоединение/завоевание), времени возникновения суда биев на территории Казахской степи, целесообразности для традиционного суда проводимых в крае Российской империей политико-административных реформ XIX в. и др.

Глава 2. Дореволюционная российская историография института биев: от констатирующего нарратива к практическому востоковедению

§ 1. Институт биев: дискуссии о происхождении и реформировании правовой системы

Казахские степи, включенные в состав Российской империи в XVIII в., а это земли Младшего и Среднего жузов, на первых порах сохраняли свою относительную самостоятельность, позволявшую местной власти держать управление кочевыми общинами в своих руках. Кочевое общество казахов представляло собой родоплеменную пирамиду, каждый уровень которой определялся несколькими факторами, в первую очередь генеалогией рода. Казахи делились на две социальные группы – «ак суек» («белая кость») и «кара суек» («черная кость»), к которым относились чингизиды и остальное население соответственно.

Группа «кара суек» была достаточно многолика и разнохарактерна: в нее входили как батыры и баи, так и шаруа – простые кочевники. В этой группе следует выделить биев, как наиболее привилегированную общественную группу, описание которой мы находим в разнообразном нарративе, представленном персидскими, арабскими, западными, монгольскими и др. источниками.

К одному из основных источников по истории бийского института относятся многочисленные российские материалы, которые охватывают время с начала первых русско-казахских контактов (XVI в.)¹ и до бурных событий 1917 г.

Возникновение интереса в отношении суда биев было вызвано следующими обстоятельствами. Имперская территориальная экспансия по принципу «ad hoc», то есть «управление различными областями как

¹ Впервые Казахское ханство упоминается в русских источниках в XVI в. Русские послы Данила Губин, Семен Мальцев, побывавшие у ногайцев в 1534 г. и 1569 г. соответственно, доносили, что «казаки, государь, добре сильны». См.: Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 3–5; Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата: Казахстан, 1982. С. 36; и др.

отдельными субъектами посредством отдельных уложений для каждой области – было дешевым и легко осуществимым»¹ и поэтому неудивительно, что с присоединением новых казахских земель на первый план перед российским правительством встало решение вопросов управления и поддержания порядка, которые виделись в дифференцированном подходе к местным институтам правосудия. Такой подход позволял проводить постепенную модернизацию соционормативного пространства казахов, в ходе которой предполагалось его включение в российское правовое поле. Насколько этот процесс был неоднозначным и как видели будущее суда биев сторонники различных общественно-политических взглядов можно проследить по дискуссиям, затронувшим проблемы судебной системы казахов.

Условно историографию можно поделить на два периода: первый – с XVIII в. – до 1820-х гг. – время сбора эмпирического материала, когда труды носили описательный характер (назовем его «описательный период ориентализма»). Казахская степь стала объектом интенсивного научного изучения. Оренбургская пограничная экспедиция, которую в свою время возглавляли И.И. Кириллов, В.Н. Татищев и др., позднее в 1760–1770-х гг., академические научные экспедиции, участниками которых были такие видные ученые как, П.-С. Паллас, И.И. Лепехин, И.П. Фальк, И. Г. Георги, Н.П. Рычков и др. собрали эмпирические материалы, в которых помимо описания региона (расположение, климат, природные богатства, народонаселение и т. д.), затрагивались в определенной степени и вопросы социальных отношений казахского общества. Замечу, что естественно научные работы XVIII в., кроме практической описательности, с неподдельным интересом раскрывающей российскому обществу неведомый мир «диких» кочевников, важны еще и тем, что ученые стремились показать *инаковость* кочевого мира, отличающегося от ценностей земледельческого (читай: цивилизованного) мира и на этом

¹ Джейн Бербэнк. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 321.

основании занимающего подчиненное положение по отношению к европейской (русской) культуре.

Второй период – 1820-е – 1917 г., это время перехода от описательности к практическому востоковедению. Правительством предпринимаются неоднократные попытки реформирования судебной-правовой системы кочевников, которые вызывали неоднозначное отношение к ним многих представителей интеллектуальной элиты (в том числе казахской) и появление на этой основе многочисленных дискуссий. Период правового реформирования можно определить как качественный подъем уровня научных исследований на территории Казахской степи, связанный с еще большим закреплением российского присутствия в регионе и дальнейшими попытками инкорпорации традиционного социокультурного пространства номадов в имперское. С этой целью в 1820-х – 1890-х гг. российское правительство проводит ряд колониальных реформ по управлению краем, которые коснулись и основополагающего социального института – суда биев.

Для полного освещения историографии вопроса о становлении и развитии суда биев в казахском обществе предлагаем рассмотреть его в трех аспектах: принципы древнего суда биев; развитие и изменение суда биев в результате реформ империи в XIX в.; адат и/или шариат.

Принципы древнего суда биев

Традиционный суд биев был одним из тех явлений, которое неизменно привлекало внимание исследователей. Так, если одни авторы, изучая казахское общество, были ангажированными, их работы отражали идеологические установки империи, то другие, не ограничиваясь познавательными целями, пытались понять особенности и закономерности развития казахского общества, выяснить причины его устойчивости/кризиса в условиях вхождения в состав империи; третьи же находились в плену степной экзотики и романтизации патриархальной жизни.

В ранней историографии, несмотря на описательный характер собранного материала, появились сведения о биях, позволяющие отнести их к привилегированной группе казахского общества. Так, П.И. Рычков, будучи в составе Академической научной экспедиции, писал: «Правительство в тех ордах по большей части походит на демократическое, ибо кто в каком роде старее и богаче, того и почитают»¹. Позднее, познакомившись с кочевым бытом поближе, он пришел к такому же выводу: «В старшинах бывают у них люди выборные по разуму и по богатству, а при том и по старости лет их»². Приблизительно такую же характеристику этого института мы находим и у других исследователей: «Дворянство их многолюдно: нижний род оного называют они ходжами, а средний бии, высший же состоит из салтанов»³.

В начале XIX в. источники пополнения знаний о казахах расширяются: к ним можно прибавить заметки и донесения лиц, побывавших в плену у кочевников (Савва Большой и др.⁴), чиновников и военных, по долгу службы составлявших отчеты, записки и донесения о «неспокойных» соседях. Казахские степи виделись им местом, сохранившим первобытные «пережитки», степную «экзотику», гомогенное доклассовое общество, простой и неприхотливый быт вызывал удивление, а обычное право трактовалось как догосударственное родовое.

Одним из первых обратился к этой теме в начале XIX в. глава дипломатической миссии в Бухару, исследователь Я.П. Гавердовский⁵, который, описывая суд биев, замечал: «Народные судьи называются бии, под которым словом разуметь должно людей красноречивых, богатых и

¹ Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 72.

² РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 268. Л. 5.

³ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени. СПб., 1776. С. 124; Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I–III. СПб., 1773, 1786, 1788, 1809; Андреев И. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. С. 57.

⁴ Савва Большой. Записки о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах // Сын Отечества. Ч. 80. 1822; Барон У-р. Четыре месяца в Киргизской степи // Отечественные записки. 1848. № 10.

⁵ Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсаковской степи (часть 2) или Описание страны и народа киргиз-кайсаковского // История Казахстана в русских источниках XVII–XX веков. Т. V. Алматы: Дайк-пресс, 2007.

оборотливых; приговоры их тем более имеют преимущество, чем сильнее подвластная им партия, а как истолкование правосудия состоит в произволении, то и совершение оного зависит от руки сильного»¹. Следовательно, биями Я.П. Гавердовский называл тех, кто опирался в своей судебной деятельности на «подвластную им “партию”», и тех, которые, будучи «богатыми и изворотливыми», имеют преимущество.

Замечательная работа Я.П. Гавердовского (1803–1804) содержит весьма интересные материалы по социальной структуре казахского общества. В свое время она была малодоступна и лишь в 2007 году в ходе реализации программы «Культурное наследие» была опубликована издательством «Дайк-Пресс». Смею предположить, что многие сведения Я.П. Гавердовского были заимствованы другими исследователями без ссылки на автора, поскольку при внимательном чтении можно найти схожие нормы из «законов хана Тауке», приведенным исследователем, в последующих работах других авторов. К примеру, написанные Я.П. Гавердовским нормы адата: «Обличенный в воровстве... платит трижды девять раз против похищения. Удовлетворение по воровству называлось айбана»; «Для уличения преступника истец должен представлять три свидетеля», «Один осенний месяц [Тауке хан] определил к всеобщему посреди степи собранию старейшин, султанов и хана для решения дел», «когда родоначальник уклоняется разбирать дело, то обиженные имеют право, тайно отгонять [скот], но по прибытии с оным объявить о сем старейшине», «казах не может без оружия появиться под открытым небом; “тогда голос его в совете да не внемлется и младшие, да не уступают ему мест своих”»² и др. близки по содержанию к тем нормам обычного права, которые приведены в работе А.И. Левшина: «Изобличенный в воровстве возвращает трижды девять (27) раз украденное, и наказание сие называется Айбана», «Для удостоверения в преступлении, требуется не менее двух, а иногда трех свидетелей», «Чтобы сам Хан, равно как и все Султаны, старейшины и

¹ Гавердовский Я.П. Обозрение Киргиз-кайсакской степи (часть 2)... С. 430.

² Там же. С. 389–390.

правители родов, собирались осенью в од место, в середине степи, для разсуждения о делах народных», «Если начальник аула уклоняется от разбирательства дела, то истец получает право... тайно отогнать к себе скот его, но, возвратясь домой, должен объявить о том своему Начальнику», «Чтобы ни один Киргиз не являлся в собрания народные иначе, как с оружием. Безоружный не имел голоса, и младшие могли не уступать ему места»¹.

Возможно, совпадение приведенных норм адата связано с их неизменностью и единообразием, что маловероятно. Скорее всего, А.И. Левшин, подвергая редакторской правке текст Я.П. Гавердовского, заимствовал у него некоторые нормы законов Тауке хана. А.И. Левшин использовал для своего труда и несколько норм из сборника «Собрание киргизских законов и положение на оные Омского временного комитета» 1824 года. К примеру, следующие статьи сборника: «Ст. 87. Родители за убийство детей своих никакому наказанию не подлежат, исключая ежели женщина прижитого незаконно с посторонним младенца от стыда умертвит, тогда предается смерти» или «Ст. 104. Кто злословит отца или мать свою, сына при собрании общества садят на черную корову, с правой стороны лицом к хвосту с навязанным на шею ветхим войлоком...»² практически дословно воспроизводятся в работе А.И. Левшина: «Родители за убийство детей своих, ни чем не наказываются; но женщина, умертвившая от стыда младенца, незаконно прижитого, предается смерти», и «Сына, осмелившегося злословить или бить отца или мать свою, сажают на черную корову, лицом к хвосту, с навязанным на шею старым войлоком...»³. Трудно сказать каким образом удалось А.И. Левшину получить записи Я.П. Гавердовского и материалы Сибирского комитета. Поскольку материалы по обычному праву, составленные комитетом, лишь в начале 1838 года были переданы во II отделение «собственной его Императорского Величества канцелярии» и возможно в

¹ Левшин А.И. Описание Киргиз-казачьих или Киргиз-кайсацких орд и степей. Этнографические известия. Ч. 3. СПб., 1832. С. 174–177.

² Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата: АН КазССР, 1948. С. 46, 49.

³ Левшин А.И. Описание Киргиз-казачьих... С. 172, 174.

копиях попали в распоряжение Оренбургской администрации. Рукопись Я.П. Гавердовского до последнего времени находилась в архивных фондах Российского государственного исторического архива и, скорее всего, он мог ознакомиться с ней, находясь в Петербурге.

Вместе с тем систематизация А.И. Левшиным накопленного к тому времени эмпирического материала привела к появлению «пионерской» фундаментальной трехтомной работы о казахах, ценность которой для науки можно обозначить тем, что ни в последующей дореволюционной, ни в советской и современной историографии изложение материала не обходится без обязательной отсылки на этот источник. Стоит заметить, что использование исследователями материалов А.И. Левшина было избирательно: в одном случае – для изображения казахского общества как отголоска первобытного мира «дикарей»; в другом – для подтверждения существования «золотого века времен Тауке хана».

Такая «двойственность» изложения материала зависела от позиции автора и характерна в основном для работ государственных чиновников в первых годах XIX в. Очевидно, это связано с тем, что, когда перед правительством встала задача объяснения необходимости цивилизаторских преобразований в крае и утверждения гражданских начал управления, оно направляло в приграничные районы чиновников (письмоводителей, переводчиков и т. д.), которые в короткие сроки предоставляли «нужные» материалы.

С одной стороны, выполнение идеологически мотивированного «заказа» не представлялось сложным – западные критерии Просвещения искусственно переносились на местные реалии, которые, однако, близко не соотносились с ними, и в результате получалась мрачная картина отсталости и примитивности кочевого общества. С другой стороны – знакомство с бытом, культурой кочевников приводило к некоторой идеализации кочевой жизни: юрта казалась

универсальным типом жилища¹, обычное право – простым, понятным и справедливым, пища – питательной и вкусной и т. п.

Поэтому внутренняя дихотомия «разум/сердце» порой накладывала противоречий отпечаток на многие последующие работы дореволюционных исследователей, которыми успешно пользовались и пользуются для обоснования своей правоты некоторые авторы. Смею предположить, что многие современные научные противоречия (умалчивание/«откровение»; преувеличение/утрирование; имперский/национальный) в исследовании досоветских российско-казахских отношений связаны с неопределенностью позиции источников повествования.

Реформирование казахского общества и дальнейшее включение обычного права в орбиту общероссийского законодательства актуализировали задачи централизованного сбора сведений и составлении на их основе полного письменного свода адата. В законодательном документе «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» от 14 июля 1844 г. на Оренбургскую пограничную комиссию возлагалась обязанность «собрать и привести в порядок киргизские (здесь и далее казахские. – Ж. М.) обычаи, имеющие в орде силу закона, дабы составить из оных род особого свода для руководства при производстве тех дел, которые должны разбираться и судиться на основании сих народных обычаев»².

В результате, в конце 1845 г. Оренбургская пограничная комиссия предложила своим чиновникам, находящимся на службе в казахской степи, а также лицам, постоянно служащим в качестве письмоводителей, переводчиков, попечителей и прилинейных казахов и других, собрать материалы о казахских обычаях, имеющих в степи силу закона, и представить собранный материал в Пограничную комиссию к 1 апреля 1846 г. В письме председателя

¹ «Теплое» отношение к юрте как типу жилища кочевников было не только у дореволюционных исследователей края. Так, 23 марта 2015 г. на методологическом семинаре кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова выступил крупнейший современный специалист по кочевникам, член-корреспондент РАН Н.Н. Крадин с докладом «Современные данные о древней и средневековой истории Монголии», отмечавший функциональность этого типа жилища и незаменимость при кочевом типе хозяйства.

² ПСЗ. Т. I. XIX. № 17998. Отд. 1.

Оренбургской пограничной комиссии генерал-майора М.В. Ладыженского от 24 декабря 1845 г. чиновникам пограничной комиссии говорилось: «Ныне находитесь постоянно среди киргиз, где легко можете изучить некоторые отрасли народных обычаев, на которых более или менее основан принятый в орде порядок суда и расправы. К непременно же исполнению по части этих занятий обязываю вас следующими: 1) узнать, отличаются ли значительно в своих обычаях и обрядах одни киргизские роды от других; 2) употребить старание приобрести сведения о том, кто из биев более уважаемы и более известны по уму и опытности, причем необходимо знать, где лица те имеют обыкновенно свои летние и зимние кочевки, и к каким принадлежат отделениям»¹. С начала 1846 г. в администрацию начали поступать первые рапорты.

Стоит обратить внимание на то, что сведения в большинстве случаев были собраны у прилинейных казахов, которые находились в значительной степени в зависимости от региональных российских властей и поэтому давали информацию искаженную, не соответствующую действительности. В некоторых материалах часто встречаются повторения данных одного и того же характера, заимствования правовых норм кочевников разных областей. Например, описания казахских обычаев чиновниками Белозеровым и Ячменевым от 29 марта 1846 г. почти дословно повторяют описание поручика Аитова от 26 февраля 1846 г. Скорее всего, это говорит о том, что чиновники относились к своему поручению прохладно, без энтузиазма, а представленный материал носил характер служебных отписок.

Но ценность этих материалов не вызывает никаких сомнений. Одним из первых чиновников, подавших рапорт в Оренбургскую администрацию, был поручик Аитов. В своем рапорте он, стараясь выполнить полученное задание и подробно описать деятельность биев, отмечал, что невозможно определить, кто из биев самый уважаемый, так как «каждый бий старается разобрать и решить

¹ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. (V в. до н.э. – XVIII в. н.э.) // Под ред. проф. С.Д. Асфендиярова и проф. П.А. Кунте. Сб. 1. Алма-Ата; М., 1935. С. 75–76.

дела киргизов справедливо и без малейшего отступления от обычаев, которые, будучи введены с древнейшего времени, не изменяются и имеют одинаковую силу во всех киргизских родах»¹. Изобличенный в несправедливости бий лишился уважения со стороны однородцев, дурная слава о нем быстро, словно ветер, распространялась по всей степи. Хотя, добавлял Аитов, такое случалось крайне редко и почиталось как важнейшее происшествие.

В инструкции, данной председателем Оренбургской пограничной комиссии генерал-майором М.В. Ладыженским чиновнику особых поручений д'Андре, говорилось: «Вы будете обращаться к тем из них, которые пользуются общим в киргизских родах уважением и известностью. Впрочем, не следует смешивать биев, известных собственно по своим познаниям, с ордынцами, носящими это почетное звание только по богатству или родственным связям. Поэтому, определение всех прав, присвоенных в народе званию Бия, как статья весьма важная в общем очерке, не должно быть Вами упущено из виду»². Анализируя текст инструкции, можно сделать вывод о том, что некоторые представления об институте биев у российской администрации были, ведь недаром М.В. Ладыженский просит не смешивать разных по статусу биев. Однако имевшихся данных было явно недостаточно.

Собирая сведения о казахском обычном праве, д'Андре опрашивал в степи самих биев – носителей вековой традиции, на основе чего сделал следующие выводы. В судебной сфере бии заслоняли в казахском обществе другие, не менее значимые органы судебной власти, к примеру, ханский и султанский суд. «Все дела, требующие суда и расправы, в Орде проводятся биями, как главными представителями народного права», – сообщает д'Андре в своих черновиках, составленных в 1846 г.³ Являясь очевидцем судебной деятельности биев, он давал положительную оценку последним и писал: «Природный ум и особые душевные качества с присоединением к сему

¹ Там же. С. 76.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 75–76.

опытности и примерной нравственности — вот качества и вместе с тем все достояние, посредством которых бий может иметь право носить это почетное имя». И дальше: «Бий — судья, не отдавая отчета никакой другой власти, кроме собственной своей совести, без всякого сомнения может занимать место в Орде, недоступное быть может и для самих султанов; поскольку не сила власти или богатства заставляет ордынцев прибегать к разбирательству бия, но собственное влечение искать у человека избранного самим народом для своего блага» (первоначальный вариант записи: «Но собственное народное чувство, что не может существовать народ, не имея никакого закона и этот закон состоит в одном лице бия»)¹.

Далее д'Андре сообщал, что «кроме уважения бий никакими правами в Орде не пользуется. Хорошая молва в народе о беспристрастном суде и беспорочная нравственность бия суть единственного отличия его от простолюдина». Но при этом д'Андре, говоря о многофункциональности института биев, приводил описание возможных типов биев, которые, по его мнению, существовали в казахском обществе. Он поясняет: «Не следует смешивать биев-судей, биев-военноначальников и биев-богачей. 1. Бий-судья — есть настоящий бий, имеющий полное право носить это почетное звание, данное целым народом, приобретенное посредством собственных познаний, умом и особыми душевными качествами. 2. Военноначальник, или предводитель полчищ может быть бием лишь в таком случае, когда благоразумно действуя войском, цель этих действий будет клонить к общему благу. 3. Что же касается до некоторых богачей, присвоивших себе прозвание биев, то таковые известны под сим званием лишь в своих аулах и пользуются таковым ради родственников и людей»².

Следовательно, д'Андре полагал, что «настоящим» бием считался тот, кто имел авторитет, общественное уважение, вытекающие из правовой деятельности, полезной для всего общества. Д'Андре обращал внимание на то,

¹ Там же. С. 75–76.

² Там же.

что оценивал деятельность бия «целый народ», скорее всего, подведомственная ему община, которая, в свою очередь, создавала широкое общественное мнение.

Выделял д'Андре и биев-богачей, которые, судя по тому, что он поместил их последними в списке, были явлением сравнительно новым, которое являлось, скорее всего, выражением кризиса социального поля казахов в XIX в. Авторитет таких биев, построенный на материальном богатстве с вытекающими из него властными полномочиями, не выходил далеко за рамки своего аула. На основании приведенной д'Андре иерархии статусов биев можно предположить, что в кочевой общине казахов не благосостояние являлось критерием выбора биев, а нравственное богатство личности, умудренность опытом судейской власти, талант красноречия и юридические познания, справедливость, беспристрастность при решении споров.

Старательно выполнив задание Пограничной комиссии, д'Андре на долгие годы определил тенденцию в историографии по изучению суда казахов: сбор, систематизацию и сравнительный анализ норм адата со слов биев.

Работы ученого-востоковеда XIX в. В.В. Григорьева значительно дополнили представление об институте биев. Перечисляя преимущества кочевого быта по сравнению с земледельческим, он указывал на достоинства судебной системы номадов. В.В. Григорьев отмечал, что у казахов «такое превосходное судоустройство и такие порядки следственного и судебного процесса, каким могут позавидовать многие издавна цивилизовавшиеся народы; чувство же законности охраняется и воспитывается в степях лучшей его гарантией, которой весьма часто недостает оседлым, именно свободой, то есть возможностью избежать насилия ушедши от притеснения»¹. Сила родового начала в казахском обществе отмечалась практически в каждой работе ученого. Род служил не просто прибежищем для кочевника, но и гарантом его безопасности. Отсюда – значимость роли родоправителя,

¹ Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1871. С. 64.

соединявшего в одном лице и судью, и военачальника, и другие обязанности. Схожие взгляды можно проследить и в работах других исследователей¹.

Исследователь А.И. Крахалев в своей статье также охарактеризовал суд биев как древний по форме. В частности, он приводил слова полковника Мусы Чорманова, который будучи бием Павлодарского уезда Семипалатинской области, описал быт и нравы своих соотечественников. Он отмечал, что «во время сборов на поминки обсуждаются киргизами, разбираются и решаются дела, претензии, споры и иски, накопившиеся за истекший год. При этом киргизы, выказавшие свой ум и здравый взгляд на дела, получают от своего народа звание “бия”, то есть человека знающего. К этим-то биям и обращаются потом все киргизы для разъяснения или разбора их разнохарактерных дел»². Судя по материалам статьи А. Крахалева, как и работам его предшественников, к бию предъявлялись прежде всего морально-нравственные критерии: они должны были пользоваться уважением и почетом среди казахов, знать основательно легенды, предания, эпос народа, обладать огромной памятью.

По сведениям знатока адата А. Леонтьева: «Право суда с древнейшего времени принадлежало у киргиз биям, султанам и ханам – тем же лицам, которые были облечены властью и в делах управления. Разделение властей было неизвестно киргизам»³. По мнению ученого, первоначально биями становились выходцы из общины, соединявшие в своих руках все ветви власти. Бии выполняли функции как судебную, так и управленческую, более того, в древности бии были единственной властью – властью, выросшей на почве родового строя. Лишь со временем военные прерогативы отошли в руки

¹ Гейнс А.К. Киргизские очерки // Военный сборник. СПб., 1866. Т. XLVII. № 1. С. 145–179; Ибрагимов И.И. Этнографические очерки киргизского народа // Русский Туркестан. 1872. Вып. 2. С. 120–152; Он же. Очерки быта киргизов // Древняя и Новая Россия. 1876. № 9; Он же. Заметки о киргизском суде // Зап. ИРГО по отд. этн. 1878. Т. VIII. № 2; Народы России. Киргизы. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1879; Зеланд. Киргизы. Этнологический очерк // Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Омск. 1885. Кн. 7. Вып. 2; Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане // Журнал гражд. и уголов. права. 1892. Кн. 7; Записки Петра Кононовича Менькова. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Изд-е В. Березовского, 1898; Гейнс А.К. Киргизские степи. Письма. СПб., 1898.

² Крахалев А.И. Суд и следствие у киргизов Сибири // Юридический вестник. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1888. № 5. С. 25.

³ Леонтьев А. Обычное право киргиз: Судостроительство и судопроизводство // Юридический вестник. 1890. Т. 5. Кн. 1. С. 113–139.

правителей – ханов. С этого момента, полагал А. Леонтьев, начался процесс разделения властей на высших ступенях общественной иерархии. Впоследствии функциональная область биев была значительно сужена и ограничивалась судейской практикой.

Большой интерес представляет характеристика биев, данная востоковедом-тюркологом В.В. Радловым. Свои выводы академик сделал на основе многолетнего изучения общественных отношений у казахов «изменившихся лишь в незначительной степени, хотя бы в течение многих столетий»¹. Академик В.В. Радлов не избежал противоречий в характеристике биев. С одной стороны, бии узурпировали власть и «судят народ, хотя никто собственно не давал им на это права. Они разрешают споры о землевладении на зимовках, улаживают отношения между аулами и судят всякие насильственные действия по отношению к собственности и личной безопасности отдельных лиц»². В связи с природно-климатическими условиями, несколько аулов соединялись в отделения, в которых возникала «потребность во власти, которая бы улаживала распри, возникающие между аулами, и решала спорные вопросы»³. В.В. Радлов обстоятельно остановился на вопросе, почему в кочевом обществе родоправитель выполнял как судебную, так и административную функцию, и пришел к выводу: «Такая власть сосредоточивается в руках лиц, которые отличаются происхождением от родов, бывших прежде могущественными, богатством, духовными способностями, справедливостью, но главное – большим количеством родичей, могущих в случае надобности поддержать слово делом. Такие лица называются у киргизов биями (би=бей=бек)»⁴. Однако эта власть не была избранной. В.В. Радлов подчеркивал, что «власть бия есть в сущности всегда власть, захваченная силой известной семьей или ее представителем, которую

¹ Радлов В.В. К вопросу об уйгурах // Записки Имп. Академии наук. СПб., 1893. Т. 72. С. 68–71.

² Там же. С. 69.

³ Там же.

⁴ Там же. У многих тюркских народов понятие «бий» имеет разную транскрипцию: «би=бей=бек=бег=бий», что имел в виду В.В. Радлов.

другие признают лишь побуждаемые к тому обстоятельствами»¹. Эта захваченная силой власть редко бывала общепризнанной, чаще всего ее поддерживали лишь некоторые роды. В этой характеристике бии выступали как правители, силой завладевшие административной и судебной властью.

С другой стороны, ряд наблюдений иначе раскрывал значение института биев: «Бий выступает преимущественно в качестве третейского судьи, решению которого обе стороны добровольно подчиняются»². Подчинение по принципу добровольности возможно в отношении однородца, при чем «добровольность» может носить как формальный, так и юридический характер. Если же спор или тяжба возникали между разнородцами, то власть бия, покоящаяся на судебно-административном принципе, вряд ли могла быть одинаково признаваема обеими сторонами. Здесь на первый план выступал принцип добровольного выбора третейского судьи, решение которого обязательно для обеих сторон. Область влияния бия не ограничивалась отправлением только судейских полномочий, но охватывала все сферы жизнедеятельности группы, которая ему подчинялась.

В.В. Радлов полагал, что «есть бии, решению которых народ безусловно подчиняется», это бии, которые отличались «своим правосудием или умом», наряду с ними правосудие вершили бии, «удерживающие свое место благодаря важности их семьи или рода и богатства». В конечном итоге, по мнению Радлова, в отношении объема функций и положения биев в казахском обществе «нельзя установить общего правила»³. Точка зрения В.В. Радлова о безусловном подчинении однородцев решению суда биев подтверждается и в других работах ученого⁴.

Большой вклад в изучение института биев внес военный губернатор Тургайской области А.К. Гейнс, более двух лет изучавший казахское общество

¹ Радлов В.В. К вопросу об уйгурах... С. 69.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 60—70.

⁴ Радлов В.В. Заметки о киргизах // Лит. Киргизстан. 1989. № 2. С. 112.

в составе Степной комиссии под руководством Ф. Гирса¹. Комиссия была командирована в степь для ознакомления с нуждами края, сбора различных сведений по родоплеменному устройству казахов и общим основаниям суда биев, с дальнейшей систематизацией этого материала в виде проекта по управлению Степью. На основании собранных сведений был разработан «Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сырь-Дарьинской областях», в составлении которого участвовал А.К. Гейнс.

Уделив большое внимание традиционным институтам казахов, А.К. Гейнс представил свое видение «древнего казахского суда», которое, по его мнению, должно было учитываться при проведении новых реформ в крае. Звание бия А.К. Гейнс считал наследственным, передававшимся от отца к сыну. В свое время это звание присвоили родоначальники, которые узурпировали в своих руках как административную, так и судебную власть, благодаря чему «приобрели политическое значение» и «такое положение их не может согласоваться с видами [русской] администрации», – добавлял ученый².

Как и другие исследователи, А. Гейнс не избежал противоречий при описании традиционного суда биев. С одной стороны, бий — это звание наследственное, передающееся из поколения в поколение, с другой — «бием мог быть всякий»³. Позволю предположить, что подобные противоречивые выводы основаны на том, что фигура бия была облечена разноплановыми функциями по поддержанию устойчивости кочевой системы. И если в одних случаях требовалась передача знаний преемнику от рождения, то есть по крови, то в других общество выставляло определенные требования к качествам кандидата, которые приобретались в ходе жизненной практики, накопления навыков и умений.

¹ В середине 1860-х годов была создана государственная комиссия с целью изучения социально-экономических отношений в казахских степях для приобщения этих земель к российскому административно-территориальному и правовому управлению. О работе Степной комиссии подробнее см.: Осеков Б.К. Организация и деятельность Степной комиссии (1865–1868 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

² Гейнс А.К. Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей // Собр. лит. трудов. Т. 2. СПб., 1898. С. 21.

³ Там же. С. 25.

А.К. Гейнс делает вывод о том, что в прошлом биями могли стать только те лица, которые имели силу принуждать к исполнению своего приговора, а также «судьей или бием в роде был почти всегда родоначальник, пользовавшийся чаще всего по праву рождения властью верховного вождя»¹. Бии не имели особого аппарата принуждения в виде вооруженных отрядов или специальной команды, которая привлекала бы к суду ответчиков и следила за выполнением судебных решений, поэтому в своих действиях бии опирались на общину. О силе общинной поддержки свидетельствовал А.К. Гейнс в своих дневниках, приводя в пример случай, произошедший у казахов адаевского рода, где родоначальники – «безусловные владыки своих сородичей. Их приговор окончателен и исполняется немедленно. Адаевцы рассказывали, что старший брат убил младшего за то, что он не хотел исполнять приказаний Биямбета»². О механизме принуждения, обеспечивающего власть бия, А.К. Гейнс писал, рассказывая о казахах кизяевского рода. Здесь также приговору бия подчинялись беспрекословно, и если вдруг находился такой человек, который ослушивался бия, то «всегда найдется достаточное количество хороших людей, которые понудят его к послушанию силой»³.

Эта идея получила продолжение в работах далекого от идеализации местного быта, знакомого с ним по долгу службы изнутри крупного царского чиновника И.И. Крафта, который изучал историю и этнографию казахов⁴. Его работы публиковались в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии», в «Известиях Оренбургского отдела Русского Географического общества», в сборнике «Из киргизской старины». Он обращал внимание общественности на бия как справедливого судью у казахов: «Биями считались самые умные и самые справедливые люди, и они не были представителями родовых и партийных интересов, так как их никто не выбирал. Прославится в народе кто-

¹ Там же. С. 624.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 432.

⁴ О деятельности И.И. Крафта подробнее см.: Реформатор земли Якутской губернатор Иван Иванович Крафт. 1906–1913 / Сост. А.А. Калашников. Якутск, 2011; Павлов А.А. Губернатор И.И. Крафт. Якутск: Бичик, 2011.

нибудь, как умный и правдивый человек, к нему и идут спорящие»¹. И.И. Крафт приводил пословицы, которые ярко характеризовали отношение народа к бийскому сословию. Приведу лишь одну, которая, на мой взгляд, наиболее емко отразила это отношение: «Батыр дегенді екі қатынның бірі табады, би дегенді ілуде біреуі табады», что значит: «Храбрец, скачущий на неприятеля, рождается от обыкновенной женщины, а человек, способный примирить враждующих, рождается от редкой женщины»².

Как об архаичном писал о бийском суде и адате Н. Малышев, отмечавший, что для понимания жизни, культуры и стремлений любого народа, важно знать его обычное право: «Короче сказать, кто не знает обычаев народных, тот не знает и самого народа». Н. Малышев подчеркивал неразработанность права у казахов: «Киргизское же обычное право в настоящее время почти совсем еще не разработано», и приводил следующие аргументы в доказательство данного тезиса³. В правовой практике казахов вместо термина «право» употреблялось слово «хак», имеющее несколько значений: истина, Бог, право на получение чего-либо. Обычай, в том числе правовой обычай, обозначался у тюркских народов словом «занг», или арабским «адат», он берет начало в далеком прошлом казахского народа: «В занге не отличаются обычаи частной жизни от обычаев судебных; не разграничиваются обязательства нравственные от юридических, взыскания домашние и административные от судебных»⁴. Древнюю форму суда, для которой характерны такие черты, как вознаграждение потерпевшей стороне в виде куна и штрафов, присяга как средство доказательства правоты, Н. Малышев считал отсталой формой судопроизводства и следствием условий кочевого быта, отсутствием влияния внешних факторов, слабого развития общественных отношений. По мнению Н. Малышева, лишь русское право способно изменить правовую культуру казахов.

¹ Крафт И.И. Из киргизской старины. Оренбург, 1900. С. 128.

² Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург, 1898. С. 108–111.

³ Малышев Н. Обычное семейное право киргизов. Ярославль, 1902. С. 4.

⁴ Там же.

Авторы рассмотренных работ сходились во мнении, что авторитет биев определялся силой поддержки, которую они получали за судебную деятельность со стороны народа, выбор которого мог быть постоянным, если бий как судья отвечал требованиям общинников, и переменчивым, если судебная практика бия вызывала сомнения и недоверие, т. е. основным критерием признания обществом бия служили его морально-нравственные качества. Таким образом, предыдущие авторы определили такие критерии для выбора биев, как юридические познания и красноречие, природный ум и душевные качества.

Наряду с таким взглядом на сущностные качества биев, существовал и другой подход к освещению этого вопроса. Например, А.И. Добросмыслов считал, что сила, богатство и родословная являлись определяющими критериями при выборе общиной бия. Говоря о суде биев, он отмечал: «Был судьей всякий, кто достаточно обладал силою, чтобы понудить виновного выполнить его приговор. Размер района действий такого судьи обыкновенно определялся размером его силы и влияния. Судьею в роде или в отделении, в большинстве случаев, был родоначальник, пользовавшийся, по праву рождения и богатству, властью над своими сородичами. Вообще, чем бий был богаче и принадлежал по происхождению к старшему и более сильному роду, тем он пользовался лучшею репутациею»¹. А.И. Добросмыслов прямо подчеркивал, что судьей мог быть избран только тот, кто обладал силой принуждения и влияния, которая напрямую зависела от влиятельности, богатства и знатности его рода. По мнению А. Добросмыслова, казахи в недалеком прошлом «не могли себе представить судью, если он не обладал достаточной исполнительной властью»².

Таким образом, в дореволюционной историографии вырисовываются две противоположные точки зрения на принципы формирования древнего суда

¹ Добросмыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв. Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1904. С. 24.

² Там же. С. 38.

биев: в одном случае за основу взяты морально-нравственные качества биев, их авторитет среди общинников; в другом же – сила, власть, богатство его рода и его самого позволяли бию узурпировать судебную власть и сосредоточить ее в своих руках. Парадоксально, но зачастую один и тот же исследователь в разных своих работах допускал противоположные трактовки в данном вопросе. Например, тот же А.И. Добросмыслов отмечал, что споры «подлежали ведению биев, т. е. лиц, отмеченных народом за свои хорошие качества (справедливость, умение красноречиво говорить и вникать в сущность дела)»¹. В профессиональный «багаж» автор относит такие характеристики бия, как мудрый оратор и справедливый судья, но не приводит свидетельств о нем, как о сильном, властном и богатом человеке.

Впоследствии то или иное свойство человеческого характера спекулятивно использовалось историографами в зависимости от политической конъюнктуры. В советский период классового подхода биев выставляли как авторитарных и несправедливых богатеев, в независимом Казахстане вместе с переоценкой традиционных ценностей акцент делается на нравственных чертах биев. В реальности уместить человеческие свойства биев в одностороннюю характеристику невозможно, так как бии выполняли много функций в казахском обществе. И если выполнение некоторых из них подразумевало власть, богатство, материальный авторитет, то в других случаях востребованы были справедливость, мудрость, знание степного права, ораторское искусство.

К тому же доминирующий имперский дискурс предопределял и другие критерии при характеристике биев. Констатация «примитивности», «патриархальности» казахского общества, в котором еще даже не произошло разделения власти на исполнительную и законодательную, служила серьезным обоснованием для планируемых в крае реформ. Равным образом, «лейтмотив» предыдущих работ – «бии – родовая верхушка» – позволял увидеть реальную картину расстановки социальных сил и учитывать ее в преддверии

¹ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Изв. Оренбургского отд. ИРГО. Оренбург, 1900–1902. Вып. 15. С. 268.

реорганизации казахского общества. Такой вывод можно сделать, изучив документы архива Омской области. Так, в прошении на имя генерал-губернатора Западной Сибири генерал-лейтенанта Н.С. Сулима в 1835 г. султан Чингис Валиев от имени казахов Аман-Карагайского внешнего округа просил «дозволения им отправиться к Высочайшему Двору; дабы вместе повергнуться к стопам Августейшего Монарха и от имени народа засвидетельствовать верноподданническую преданность по Всероссийскому Престолу»¹. В ответ на запрос генерал-губернатора Омское областное правление ответило следующее: «Просьба его произошла из собственной прихоти, в том единственно предположении, чтобы воспользоваться подарками и чином. Почему я полагал бы отказать теперь домогательству Валиева благовидным предлогом и не прежде ходатайствовать дозволения отправить депутацию, как тогда, когда будут просить *почетнейшие родоначальники* (курсив мой. – Ж. М.)!»².

Добавлю, что султан Чингис Валиев принадлежал к сословию «ак сук», на протяжении длительного времени (с XIII в.) занимавшему лидирующие позиции в казахском обществе³. Судя по документам и литературе, в первой трети XIX в. расстановка социальных сил поменялось не в пользу султанов. Не зря одним из приоритетных разделов всех реформ являлась правовая область, поскольку именно она касалась биев – теперь уже наиболее привилегированного слоя кочевников.

Развитие и изменение суда биев в результате реформ империи в XIX в.

На протяжении всего XIX в. на территории Казахской степи Российской империей был проведен ряд политико-правовых реформ. К началу XIX в. в историографии сложились в основном два подхода: либеральный и государственнический, официальный. Согласно взглядам сторонников

¹ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1470. Л. 1–2.

² Там же. Л. 3–4.

³ Социальная группа – «ак сук» являлась «закрытой», поскольку в нее входили только представители прямых потомков Чингизхана. Эта группа играла верховенствующую роль в жизни казахского общества.

либерального подхода правовое унифицирование российского общества необходимо было провести в самые кратчайшие сроки. Они, в контексте «окультуривания» окраинных народов, видели будущее России как просвещенной, цивилизованной империи, поэтому политика правительства на постепенное, в обозримом будущем инклюзивное распространение общего права вызывало возмущение и жесткую критику.

Их оппонентами были сторонники использования практики правового плюрализма, которая позволила бы без ущерба для обеих сторон создать единое соционормативное имперское пространство.

Подобной позиции придерживался известный ученый-востоковед В.В. Григорьев, который в 1850-х гг. был начальником Оренбургского края. В.В. Григорьев не исключал возможности существования разных правовых практик. Так, к примеру, в 1856 г., в докладе на имя генерал-губернатора Оренбургского края В.А. Перовского по поводу составленного проекта положения об управлении оренбургскими казахами, он писал: «Издание нового, окончательного положения об управлении Оренбургскими Киргизами, сколь-бы подобный труд ни был совершенен, едва-ли было бы делом полезным. Узаконить теперешний гражданский и административный быт степи значило бы задавить в ней всякое движение вперед, отнять у нея возможность приближаться постепенно и сообразно обстоятельствам, к тому возможно наилучшему состоянию, до которого она может и, при отеческой попечительности нашего правительства, должна раньше или позже достигнуть»¹.

К середине XIX в. можно говорить о появлении прослойки европеизированной казахской интеллигенции, искавшей наиболее приемлемые формы сосуществования казахов с другими народами в степи. Понимание, с одной стороны, неизбежности доминирования империи над собственным народом, с другой – желание вывести его через русскую культуру к

¹ Веселовский Н.И. В.В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб.: Императорское Русское археологическое общество, 1887. С. 284.

достижениям европейской цивилизации, подталкивало интеллигенцию к поиску таких форм взаимодействия казахского и «русского» социальных полей, в рамках которых казахи смогли бы стать более просвещенными, но при этом не раствориться в пространстве империи. Важно отметить, что говоря о зарождении такой элиты, имеется в виду сочетание в ней традиционного мировосприятия мира с европейской образованностью.

Ярким представителем такой интеллигенции являлся видный ученый Ч.Ч. Валиханов (1835–1865), которому было предложено Западно-Сибирским генерал-губернатором В. Дюгамелем в 1863 г. участвовать в работе комиссии вместе с советником правления Области сибирских казахов Яценко¹. Цель комиссии состояла в «отбирании от сведущих в законах и судебных обычаях биев и султанов их мнениях относительно изменений и дополнений, которые необходимо сделать в общих основных положениях и судебной части при применении их к киргизам степи»². В составе комиссии Ч.Ч. Валиханов собирал сведения об обычном праве в Кокчетавском, Атбасарском, Акмолинском, Каркаралинском и Баян-Аульском округах.

В ходе работы комиссия знакомила «народ» с проектом судебной реформы в степи, при этом были собраны различные сведения о судах биев и адате со слов привилегированных слоев общества на которые, по мнению Ч. Валиханова, «следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают большею частью враждебны интересам массы большинства»³. Ч.Ч. Валиханов считал, что любое искусственное вмешательство государства во внутренние дела соседнего народа противоречило нуждам и потребностям последнего. Он был убежден, что «реформы же насильственные, привитые, основанные на отвлеченных

¹ Комиссия начала работу в связи с предстоящими реформами 60-х гг. XIX в. Для этого правительство, намереваясь ввести среди казахов институт мировых судей, решило собрать путем опроса у биев и султанов сведения относительно реформ по судебной части.

² ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 807. Л. 6 об.

³ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Алматы: Жеті жарғы, 2004. С. 38.

теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие»¹.

Введение принципа выборности биев, по мнению ученого, могло привести к интригам, делопроизводственной рутине, служебным взяткам, в конечном итоге к падению престижа традиционного института биев. Ученый выступал против реформирования правовой жизни народа. В то же время понимая, что «правительство наше никогда не согласится отдать суду биев те преступления и проступки, которые были судимы до сих пор по русским уголовным законам», предлагал все исковые дела за исключением убийства, грабежа и хищничества оставить в компетенции суда биев².

Острая полемика вокруг суда биев развернулась после принятия «Временных положений...» 1867 и 1868 гг. Как было сказано, введению положений предшествовала работа «Степной комиссии» Гирса, перед которой ставилась задача выработки общих положений по устройству и управлению всех частей казахских земель.

В дискуссии принял участие просветитель, педагог И. Алтынсарин (1841–1889), который в 1876 г. непродолжительное время исполнял должность мирового судьи и был свидетелем проводимых реформ. Он был уверен, что реформы достигли желаемых целей, если бы «споры решались посредниками или третейским судом», поскольку «при подобном порядке значительно упростились бы решения поземельных дел киргизов, и уездные и областные власти избавились бы от нескончаемых, прогрессивно увеличивающихся год от года ябед»³.

Этих же взглядов придерживался видный казахский мыслитель и поэт Абай Кунанбаев (1845–1904). Абай предлагал отказаться от краткосрочного избрания биев, подчеркивая, что не каждый способен стать им: «Не всякому под силу вершить правосудие. Чтобы держать совет, как говорится, на

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 68.

³ Алтынсарин И. О «Временном положении об управлении в степных областях» 1868 г. // Собр. соч. В 3-х тт. Т. II. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1976. С. 41.

“вершине Культобе”, необходимо знать своды законов, доставшиеся нам от предков. Но и они устарели со временем, требуют изменений и непогрешимых вершителей, коих в народе мало, а то и вовсе нет».¹

Понимая, что реформирование суда неизбежно, он связывал будущее местного суда с образованными, подготовленными и честными людьми, которым небезразличны идеи просвещения народа. Вместе с тем, Абай, желая оградить суд от рутины и формализма, предлагал оставить казахам третейский суд, компетенцию которого ограничивал мелкими делами и исками.

Противоречивое отношение местного населения к реформам правительства привело к появлению во второй половине XIX в. стилевого направления «Зар заман» (Эпоха скорби), сторонники которого критически оценивали сложившуюся в казахском обществе действительность. Яркими представителями этого течения можно назвать Ш. Канайулы, Б. Бабатайулы, М. Монкеулы и других. Проникновение товарно-денежных отношений, переселение крестьян, рост земледелия, потеря сословных привилегий, введение выборной системы местных начальников и т. д. по мнению этих поэтов приводили к разрушению традиционного уклада кочевников, к моральной деградации и духовному обнищанию народа. Изменения в обществе воспринимались ими как предвестники грядущей и неотвратимой катастрофы. Говоря о «новом» суде биев, поэты отмечали такие качества как продажность и некомпетентность судей. К примеру, Ш. Канайулы писал:

«Лучшие качества теряет аристократия,
Справедливость теряют бии,
Непорядочные бии
Обирают свой народ»².

С 1870-х гг. периодические и научные издания предоставляют возможность всем желающим высказаться относительно состояния народного

¹ Там же. С. 13.

² Канайулы Ш. Шығармалар: Толғаулар, айтыстар, дастандар. Алматы: Ана тілі, 2013. С. 189.

суда кочевников¹. Основными доводами в пользу сохранения местного суда служили надежды на то, что со временем, при конкуренции с мировым судом, его авторитет среди населения упадет, и он естественным образом исчезнет из правовой практики народа.

Однако прагматичный подход правительства вызывал все большее недовольство среди части интеллектуальной элиты, считавшей эти меры ненужной уступкой местному праву. В то самое время оставались и те, кто не переставал поддерживать имперский курс в отношении суда биев. Так, старший чиновник для особых поручений по Семиреченской области П. Рейнталь, вступая в полемику с Г. Загряжским, предлагавшим предоставить уездному начальнику право вето на всех уровнях судебной практики биев², считал, что суд биев по-прежнему являлся тем органом, который отвечал требованиям кочевников: «Я остаюсь при мнении, что суд никаких изменений не требует»³.

Слепое следование утвержденным положениям, инструкциям, рекомендациям и т. д. приводило к дискредитации имперского суда в глазах кочевников. Так, жалобы на трудности при проведении следственных мероприятий, с которыми сталкивались судебные работники в ходе розыскных работ в степи, использовали как доводы в пользу сохранения суда биев. В

¹ Загряжский Г. Кара-киргизы // Туркестанские Ведомости. 1874. № 41, 42, 44 и 45; О быте киргиз Тургайской области // Русский вестник. 1880. № 4; Казалинск // Восточное обозрение. 183. № 16; Никольский А.М. Путешествие на озеро Балхаш и Семиреченскую область // Записки Зап.-Сиб. отдела Имп. Русского геог. об-ва. Омск. 1885. Кн. 7. Вып.1; О древнем судопроизводстве киргизов // Акмолинские областные ведомости. 1888. № 51; Максимов Н.Н. Ложные доносы у киргизов // Киргизская степная газета. 1896. № 16; Он же. Изучение киргизского обычного права // Киргизская степная газета. 1896. № 36; Максимов Н.Н. Народный суд у киргизов // Журнал Юридического Общества. 1897. Кн. 7; Он же. О браке среди киргизов // Киргизская степная газета. 1896. № 39; Он же. Задачи киргизской интеллигенции // Киргизская степная газета. 1896. № 43; Он же. О необходимости приступить к составлению сборника «Киргизского обычного права» // Отчет о деятельности Западносибирского отдела И.Р.Г.О. за 1897. Омск. 1899; Султангазин Д. Власть казахов в прежние времена // Дала уалаяты. 1888. № 51; Киргизы. Древний суд биев // Акмолинские областные ведомости. 1888. № 48, 51; Заметки о жизни киргизов // Сибирские ведомости. 1890. № 20–22; Изразцов Н. Обычное право (“адат”) киргиз Семиреченской области // Этнографическое обозрение. 1897. № 3–4; Единство тюрков. 1992. № 1; Марсеков Р. Сайлау и его вредные последствия // Киргизская степная газета. 1899. 28 ноября; Марсеков Р. Киргизский народный суд // Киргизская степная газета. 1900. 2 января; Байтурсьнов А. И снова про народный суд // Ак жол. Алматы: Жеті жарғы, 1991; Мякутин А.И. Юридический быт киргизов // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Оренбург. 1911. Т. XXV. Вып. XXV.; и др.

² Загряжский Г. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб.: Туркестанский статистический комитет, 1874. Вып. 3. С. 362–371.

³ Рейнталь П. Указ. соч. С. 380.

безымянной статье в журнале «Юридический вестник» автор, очевидно не понаслышке знавший суть вопроса, писал, что «следователь в киргизской степи представляет собою беспомощное существо; ни энергия, ни опытность, ни умелость, ни знания – ничего не поможет следователю в степи. Требования следственных действий, как – экспромт, непередавание огласки и оповещения, невозможны в степи из-за дальности расположения кочевий друг от друга, стало быть, без предварительной заготовки лошадей и юрты, договоренности с проводниками, следователь не доедет до места преступления. Сам факт предуведомления наперед делает следственные действия бесполезными “как-то обыски, выемки, осмотр и пр., по горячим следам”, так что следователю остается исполнять эти действия лишь ради пустой формальности без всякой пользы»¹. И далее добавлял: «При опросе казахов, уличенных в противоправных действиях против русских, следователь рассматривается первыми как поверенный с русской стороны, еще и требующий откровенности. Его опросы вызывают усмешку: “Кто же покажет правду?”»².

Процессуальная сторона следственной работы в степи также вызывала нарекания исследователя А. Крахалева. Задав риторический вопрос: «Разве можно в юрте, доме казаха, проводить допрос свидетелей и участников процесса, если в нем, снабженный бесчисленным множеством разнородных дыр и скважин, за стеною его, слышен не только говор, но вздохи и зевания собравшихся киргизов (говор их слышится даже и в соседних юртах)», – автор сам же отвечал на него: «Все следственные недоразумения приводили к тому, что на местах, желание следователей все-таки выполнить нормы общеимперского уголовного кодекса приводили к казусным ситуациям, вплоть до того, что вместо ареста практиковали такие эксперименты: “Производится арест просто на просто: сажают виноватого в юрту *с лошадиными путами* (здесь и далее – курсив автора. – А. К.) на ногах или, где телега есть, *с колесом*

¹ Положение следственной части в киргизских степях // Юридический вестник. 1889. № 9. С. 166.

² Там же. С. 167.

на шею»¹. В итоге А. Крахалев приходил к неутешительному выводу о неприемлемости общеимперского уголовного законодательства для кочевников.

Помимо доводов в пользу сохранения суда биев, некоторые исследователи предлагали обновление его, приемлемые формы его существования. К примеру, в своей работе Г.А. Арендаренко попытался снять некоторые обвинения в адрес суда биев и полагал, что связаны они с отсутствием общепринятых норм местного права. Знание адата позволило бы усовершенствовать систему отправления правосудия, поэтому выход из этой ситуации он видел в кодификации адата «с участием корифеев» и путем «введения юридического общественного элемента в виде института присяжных (решателей), который своей компетентностью служил бы проводником понятий о правде, о законности, и примирителем проявлений социальной жизни с требованиями законов»².

Огромный вклад в изучение традиционного общества казахов внесла фундаментальная работа генерал-губернатора Туркестанского края Н.И. Гродекова³. В своей монографии Н.И. Гродеков подробно остановился на истории появления суда биев, его развитии и текущем положении. Попросив «известного знатока Средней Азии В.П. Наливкина составить программу для сбора постановлений киргизского обычного права», он в 1886 г. отправил выпускника «историко-филологического института»⁴ А.Н. Вышнегорского в казахские степи для сбора всех вариантов адата.

Итогом семимесячного пребывания А.Н. Вышнегорского в степи стал огромный массив материалов об адате, который лег в основу этого издания. Подробно Н.И. Гродеков охарактеризовал судебные-процессуальные нормы и с

¹ Крахалев А. Суд и следствие у киргизов Сибири // Юридический вестник. 1888. Т. 28. Кн. 1. С. 47.

² Арендаренко Г. Значение власти аксакалов в отдаленных кишлаках // Туркестанские ведомости. 1874. № 25. С. 193.

³ Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. I. Ташкент: Типо-Литография С.И. Лахтина, 1889.

⁴ Там же. С. V.

одобрением отмечал преобразования в судебной области, которые приводили к формализации этого института.

Во второй половине XIX – начале XX вв. стал появляться огромный массив материалов, в котором авторы отстаивали сохранение суда биев вплоть до его «простых», «родовых» (третейских) форм¹. Исследователи исходили из того, что рассмотрение второстепенных, семейных, внутриродовых споров

¹ Идаров С.А. Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область. СПб., 1854; Герн фон В.К. Характер и нравы казахов (Этнографические заметки) // Коммен. предисл. и ред. Ж.О. Артыкбаева. Караганда: ТОО «Номад и Ко», 1995; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Оренбургская губерния / Сост. под рук. полков. Бларамберга К.И. Герн, А.Д. Васильев. СПб., 1848. Т. 14. Ч. 2.; Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргизах от 1764–1783 // Оренб. губерн. ведом. 1854. № 27; Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748–1765). Т. 1–2. Уфа, 1853–1855; Григорьев В.В. Оренбургские киргизы: их честность и умение в торговом деле // Народная беседа. 1863; Долинский В. Об отношении России к Среднеазиатским владениям и об устройстве Киргизской степи. СПб., 1865; Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России. СПб., 1865; Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-Киргизская степь Оренбургского ведомства. М., 1867; Описание киргиз-кайсаков / Сост. И.М. Казанцев. СПб.: Общественная польза, 1867; Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868; Красовский М.И. Область сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России. Ч. I–III. СПб., 1868; Красовский М.И. Образ жизни казахов степных округов. 2-е изд. доп. Астана: Алтын кітап, 2007; Галкин-Враской М. Н. Этнографический и исторический материал по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Издание Я. А. Исакова, 1868; Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб., 1871; Кеннан Дж. Степная жизнь в Сибири. 1871; Маев Н. Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1868 год // Материалы для статистики Туркестанского края. 1873. Т. II; Народы России. Киргизы. СПб.: Общественная польза, 1879; О древних союзах киргиз-кайсаков. СПб.: Типография С. Добродеева. 1886; Веселовский Н.И. В.В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб., 1887; Харузин А.Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская Орда). Странички из записной книги. М.: А.А. Левенсон и К°, 1888; Алекторов А.Е. Киргиз-казахи. Исторический очерк. Оренбург, 1889; Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М.: Типография А. Левенсон и К°, 1889; Сабатаев С. Суд аксакалов и суд третейский у киргизов Кустанайского уезда, Тургайской области // Этнографическое обозрение. 1900. № 3; Алекторов А.Е. О рождении и воспитании детей у киргизов, о правах и власти родительской. Оренбург, 1891; Алекторов А.Е. Очерки Внутренней киргизской Орды. Оренбург, 1892; Алекторов А.Е. Материалы для изучения страны, истории и быта киргиз. Вып. 2. Оренбург, 1892; Быт и нравы киргизов / Сост. А.П. Смирнов. СПб.: Постоянная комиссия по устройству народных чтений, 1892; Алекторов А.Е. Выборное начало у киргиз. Оренбург, 1893; Веселовский Н.И. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. СПб., 1894; Вопросы управления, хозяйства, суда и народного образования в Тургайской области. Оренбург, 1894; Протоколы заседания общего присутствия Тургайского областного правления. Оренбург, 1894; Харузин А.Н. К вопросу о происхождении киргизского народа. Этнографическое обозрение. 1895. № 3; Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. Вып. III–IV. 1896; Зугра. Киргизская легенда // Материалы по этнографии киргизов Тургайской области. Оренбург, 1898; Давлетшин А. Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901; Коншин Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Вып. V. Семипалатинск, 1901; Малышев Н. Обычное семейное право киргиз. СПб.: Типография Губернского Правления, 1902; Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова. СПб, 1903. Т. XVIII. Киргизский край. 1903. Т. XIX. Туркестанский край; Гурлянд Я. Степное законодательство с древнейших времен по XVII ст. // Изв. Об-ва археол. ист. и этнографии при Казанском университете. 1904. Вып. 4–5; Диваев А.А. Этнографические материалы // Материалы для статистики Сыр-Дарьинской области. 1905. Вып. XII; Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Т. 4. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909; Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Т. 13. Правовой быт туземного населения. СПб., 1910; Кастанье А. Древности киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1910; Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910; Гинс К.Г. В киргизских аулах (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический Вестник. СПб., 1913. Т. 84; и др.

будет отвечать, с одной стороны, потребностям кочевого общества, с другой – объединять власть и население, путем создания у последних нормативного сознания и чувства общественной причастности к империи.

Так, А. Леонтьев, С. Сабатаев и другие исследователи считали, что нежелательные «деформации» суда биев, способствовавшие появлению среди казахов таких явлений, как взяточничество, местничество и т. д., можно решить путем предоставления более широких полномочий третейскому (аксакальскому) суду. Например, А. Леонтьев отмечал, что аксакальский суд решал все конфликты внутри рода, был негласным, на нем присутствовало ограниченное количество людей, так как «ссора родственников разбирается в темноте, ссора супругов на постели (карындас есе карангыда хатын есе дуастык-та). Жалобы на такие суды не допускались».¹

По словам С. Сабатаева третейская форма суда стала популярной, особенно во второй половине XIX в., потому что «тяжущимся сторонам предоставлен свободный выбор биев по равному числу, как для истца, так и для ответчика»². Аналогичной была позиция и видных исследователей адата Н. Максимова, И.А. Козлова, предлагавших предоставить право казахам обращаться в третейские суды, так как «решение дела лицом, которого уважают и которому верят обе стороны, представляет лучшую гарантию справедливости»³. Похожие суждения можно найти в работе И.В. Аничкова: «Совещания биев и их решения носят характер третейского суда и имеют большое значение, особенно если они сопровождаются общественной платой (молитвой), заклинанием барана; такая форма разрешения вопросов очень распространена и популярна»⁴.

¹ Леонтьев А.А. Обычное право киргиз: Судостройство и судопроизводство // Юридический вестник. 1890. Т. 5. Кн. 1–2. С. 129.

² Сабатаев С. Суд аксакалов и суд третейский... С. 69.

³ Максимов Н. Народный суд у киргизов // Журнал Юридического Общества. 1897. Кн. 7. С. 79; Козлов И.А. Обычное право киргизов. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882.

⁴ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. Ташкент: Типография «Русский Туркестан», 1899. С. 28.

Этот вопрос активно обсуждался не только в научной или чиновничьей среде, но и на страницах периодических изданий¹. Главной дискуссионной площадкой стала «Киргизская степная газета»². Одни авторы утверждали, что суд биев не потерял своего значения и «киргизы часто обращаются к третейскому суду»³, другие оспаривали – суд биев «приносит немалый вред, а потому желательно было бы уменьшить власть суда»⁴.

Военный губернатор Тургайской области, ученый А.К. Гейнс так же видел проблемы взаимодействия адата и имперского права. К примеру, несовершенство следствия, производимое приказами, было настолько велико, что заставляло казахов, считал А.К. Гейнс, единодушно скрывать уголовные дела и передавать их на рассмотрение суда биев. Причем иски облекались в такие формы, что вместо юрисдикции русских судов, они передавались законным порядком в суд биев. В то же время «такому населению нужна скорая и строгая расправа; томление в острогах и судах составляет для него тяжелую, едва выносимую пытку; слабость правительства в отношении

¹ Образ управления и законы киргизов. Томские Губернские Ведомости. 1858. № 45; Об отношении России к среднеазиатским владениям и об устройстве киргизской степи // Биржевые ведомости. СПб., 1865; Народный суд в Туркестанском крае // Правительственный вестник. 1870. № 277. С. 2–3; Объяснение некоторых терминов киргизского судопроизводства // Туркестанские ведомости. 1873. № 42; Арандаренко Г. Значение власти аксакалов в отдаленных кишлаках // Туркестанские ведомости. 1874. № 25; О быте киргиз Тургайской области // Русский Вестник. 1880. № 4; Павлодарский уезд Семипалатинской области (экономический очерк) // Киргизская степная газета. 1881. № 41. С. 1–3; Из Оренбурга // Восточное обозрение. 1883; № 6. С. 8–9; Казалинск // Восточное обозрение. 1883. № 16. С. 6–7; Киргизы Акмолинской области // Правительственный вестник. 1885. № 8, 9 и 13; Крахалев А.И. Древний суд биев // Киргизская степная газета. 1888. С. 48; О древнем судопроизводстве киргизов // Акмолинские областные ведомости. 1888. № 51; Алекторов А.Е. Нужен ли для киргиза суд биев // Особое прибавление к «Акмолинским областным ведомостям». 1890. № 2. С. 8; Марсеков Р. Киргизский народный суд // Киргизская степная газета. 1900. 2 января; Казакбаев К. О киргизском народном суде // Киргизская степная газета. 1894. № 46. С. 2–3; Кун у киргизов // Киргизская степная газета. 1894. № 8. С. 3; Курманбаев А. Кого киргизы считают хорошим человеком? // Киргизская степная газета. 1894. № 26. С. 2; Недостатки киргизской присяги // Киргизская степная газета. 1894. № 36. С. 1–2; О народном суде // Киргизская степная газета. 1894. № 21. С. 1–2; Партийная вражда // Киргизская степная газета. 1894. № 3. С. 1–2; Присяга у киргиз // Киргизская степная газета. 1894. № 11. С. 2; Несколько слов о свидетельских показаниях // Киргизская степная газета. 1895. № 21. С. 1; О судопроизводстве в степных областях // Киргизская степная газета. 1895. № 49. С. 2; К чему иногда ведет партийная борьба // Киргизская степная газета. 1897. № 36. С. 3–4; Компетенция третейского суда у кочевников // Киргизская степная газета. 1898. № 48. С. 1–2; О нравах киргизов во время партийных раздоров // Киргизская степная газета. 1898. № 49. С. 2; Марсеков Р. Сайлау и его вредные последствия // Киргизская степная газета. 1899. 28 ноября; и др.

² Подробнее см.: Киргизская степная газета: человек, общество, природа. 1888–1902 / Национальная Академия Республики Казахстан; У. Субханбердина. Алматы: Гылым, 1994.

³ Компетенция третейского суда у кочевников // Киргизская степная газета. 1898. № 49. С. 2; О киргизском народном суде // Дала уалаятының газеті. Киргизская степная газета. Адам, когам, табигат. 1888–1902 / Составитель У. Субханбердина. Алматы: Гылым, 1994.

⁴ Казакбаев К. О киргизском народном суде // Киргизская степная газета. 1894. № 46. С. 3.

виновных в глазах такого народа целое преступление — приговор самому правительству. Для кочевого, подвижного и полудикого населения энергия и быстрота действий составляют главные достоинства власти»¹.

Вышеизложенные факты привели ученого к мысли о необходимости развития принципов самоуправления у казахов на более широких началах, предоставление местному суду большей власти, поскольку «суд для киргизов должен быть их собственный, исключая преступлений, наносящих убыток интересам собственно русских людей или вредящих государству»².

Интересно заметить, что в нарушение закона дело по согласованию с заявителем могло передаваться из имперского суда в суд народный (биев). Например, судное отделение Пограничного управления при ревизии дел в Кокчетавском уезде обнаружило, что, когда крестьянин Л. Шестаков в 1853 г. обратился в Пограничное управление к советнику подполковнику Кочекову с просьбой возбудить дело в отношении казаха Кочкентаева, которого тот подозревал в нападении на него и продажу в Хиву, то «с согласия самого Шестакова бывший советник Пограничного управления подполковник Кочеков претензию эту передал по степным обычаям на суд биев. По разбирательству [Шестаков] остался доволен, получив вместо баранов (речь идет о 500 баранах. – Ж. М.) деньгами 600 рублей ассигнациями и одну лошадь»³.

Этот документ интересен еще и тем, что он наглядно демонстрирует пример того, что практика правового плюрализма имела силу не только в отношении местного населения, но и других народов (в данном случае русского), которые с успехом ею пользовались. Очевидно, случай переадресации чиновниками каких-то дел в суд биев не был единичным, и к нему охотно обращались, в том числе и россияне. Другое дело, что государство

¹ Гейнс А.К. Дневник 1865 года // Соб. литер. трудов. Т. 1. СПб., 1897. С. 115.

² Там же. С. 211.

³ ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1456. Л. 11 об.

оставляло за собой прерогативу определять квалификацию преступлений и передавать их на рассмотрение в местный либо в имперский суд.

В начале XX в. появились работы, в которых сторонники взвешенной политики в отношении местного суда и адата по-прежнему выдвигали доводы для сохранения третейского суда¹. К примеру, Л.А. Словохотов считал подходы предыдущих исследователей тенденциозными, а работы, «написанные в большинстве случаев прямо от руки, под первым непосредственным впечатлением», сильно грешили субъективизмом оценок, что придавало им характер скорее авантюры, чем серьезного исследования². Также как и предыдущие знатоки адата, Л.А. Словохотов считал нужным оставить суду биев третейскую форму с широкой компетенцией как компромисс между русским и местным правом³.

Критику ученого вызывала работа чрезвычайных съездов биев, поскольку их деятельность не была четко расписана, не оговаривался порядок решения дел съездом. Все это приводило к падению престижа данного органа, разного рода коррупционным махинациям.

¹ Добросмыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв. Казань, 1904; Он же. Тургайская область. Исторический очерк // Изв. Оренбургского отд. ИРГО. Оренбург, 1900–1902. Вып. 15–17.; Он же. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734 год. Т. 1. Оренбург, 1900; Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург, 1905. Вып. XV; Вульфсон Э. Киргизы. М.: Издание книжного магазина торгового дома С. Курник и К., 1913.

² Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз... С. 22.

³ Л.А. Словохотов один из немногих ученых, связывавший причины неудач правового реформирования с желанием властей ускорить процесс инкорпорации местного права: «В лице оренбургского генерал-губернатора эта власть неоднократно делала эксперименты над киргизами: Кто систематически вытравиливал все национальное во имя грубо понятой и полицейскими мерами проводимой идеи русификации? Кто восстановил инородца против нашей культуры, как не окраинный чиновник своим циркулярным резонерством и продажною услужливостью. Кто, стесняя свободу кочевания, из желания форсированными мерами сделать их оседлыми, то наоборот, мешал всяким попыткам киргиз к оседлости, запрещая им строить на зимовках прочные землянки». См.: Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды // Труды Оренб. Ученой Архивной Комиссии. Вып. XV. Оренбург, 1905. Вып. 15. Стоит добавить, что подобного рода «обвинения» в адрес властей редко встречаются в дореволюционной литературе. Наиболее ярким обличителем злоупотреблений администрации в Туркестане был В.П. Наливкин. См.: Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды. Сборник / Ред.-сост.: Д.Ю. Арапов и др. М.: Изд. дом Марджани, 2015.

Основываясь на материалах архивных фондов, можно с уверенностью говорить о том, что «лихоимство биев»¹, отсутствие эффективности, системности и регламента в работе съездов имели место².

Невзирая на все реформы, как отмечал Э. Вульфсон, среди казахов сохранился семейный суд, он «разбирает тяжбу негласно, то есть никто из непричастных к делу лиц не допускается, чтобы, как говорится, не выносить сор из избы. Автор выделял и третейский суд, «то есть когда обе тяжущиеся стороны согласятся выбрать какое-нибудь третье лицо, которое и должно их разсудить»³.

Реформы в XIX в. со стороны правительства в отношении нормативной практики казахов постоянно являлись объектом критики широкой общественности. Серьезные аргументы в пользу иного подхода – создания гомогенного соционормативного поля – выдвигали сторонники так называемого либерального направления.

Поводом к появлению подобных работ служили «неудачные» действия правительства по инкорпорации местного права разных народов в единое – «русское». Реформы, растянувшиеся практически на несколько десятилетий, по мнению либералов, так и не решили своих основных задач – унификация разных судебных практик (без местного правового маркера) не была произведена⁴.

¹ См.: ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 47795; Ф. 25. Оп. 1. Д. 977; Ф. 25. Оп. 1. Д. 988; Ф. 25. Оп. 1. Д. 2060; Ф. 25. Оп. 1. Д. 2144; Ф. 25. Оп. 1. Д. 2171; Ф. 25. Оп. 1. Д. 2174; Ф. 25. Оп. 1. Д. 2175; и др.

² Так, за 1900 г. по Тургайскому уезду на чрезвычайный съезд было вынесено 403 дела. Постановления были приняты по 105 делам, 298 остались нерешенными. В Актюбинском уезде из 1248 дел были рассмотрены 348, 900 дел остались нерешенными. См.: ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2174. Л. 258–262. В 1899 г. чрезвычайный съезд в Тургайском уезде был закрыт, поскольку «в конце зимы киргизское хозяйство требует особых трудов перед выкочевкой и ухода за отощавшими стадами, а потому за неявкою сторон съезд закрыл свои действия». См.: Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 988. Л. 136. Еще одна причина неявки на съезд обеих сторон, из-за чего работа съезда прекращалась, по мнению Актюбинского уездного начальника, заключалась в том, что «как ответчики, так и судьи уклоняются от явки на съезд за дальним расстоянием места жительства просителей, а главным образом из боязни встречи с ними в пределах их владений, где из мести потерпевшего крайне недружелюбно встречают своих обидчиков, лишая их и скот пищи, а иногда вступая с ними в расправу помимо суда». См.: Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 988. Л. 76 об.

³ Вульфсон Э. Указ. соч. С. 69.

⁴ Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области // Русский Вестник. 1880. Т. 146. С. 805; Крафт И.И. Принятие киргизами русского подданства // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Оренбург, 1897. Вып. 12; Крафт И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург: Типография Жаринова, 1898; Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898; Крафт И.И. Из киргизской

Такая постановка вопроса нисколько не смутила сторонников упразднения правовой автономии имперских окраин. Гетерогенность правового пространства империи мешала созданию универсальных правовых ценностей, которые должны были стать неотъемлемой частью гражданского общества, каковым они видели в ближайшей перспективе Россию.

Поэтому не удивительно, что особое негодование либералов вызывал суд биев. Не жалея красок они рисовали его неким архетипом, мешавшим народу порвать с «диким», «варварским» состоянием и двигаться вперед – к просвещенному обществу. Деятельность суда биев подвергалась еще более жесткой критике. В полемически заостренной форме общее отношение либералов к местному суду выразил А. Зуев: «Это не суд, а зуд народный» или «возмутительный палеонтологический остаток, вредный пережиток варварской эпохи»¹.

Веским доказательством дискредитации суда биев в глазах кочевников явилась выборная система, приведшая к подкупам и разным мошенничествам. Более того, необходимость в таких судах отпадает, считал И. Ибрагимов, поскольку «киргизы, почему-либо (по родовой вражде и т. п.) не рассчитывающие на справедливое решение биев, которые действительно имеют большое пристрастие к сильным и богатым, прямо обращаются к русской власти и в этом случае по пословице: “Жығылсан нардан жығыл” – “Если падать, то уж лучше с нара”, то есть, с высокого верблюда, предпочитают самую высшую власть»².

По мнению Н. Дингельштедта, для всех подданных государства должна быть единая, основанная на законе, обязательная для всех судебная система, которая должна развивать единое гражданское самосознание. И никакие факторы, в том числе особенности народа, климата, религии и обычаев,

старины: (Султаны, тарханы и бии). Оренбург: Изд-во Ф.Б. Сачкова, 1900; Зуев А. Киргизский народный суд // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 10. 1907; Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев степного края // Журнал Министерства юстиции. СПб. 1910. № 5.

¹ Зуев А. Киргизский народный суд // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 10. С. 161.

² Ибрагимов И. Заметки о киргизском суде (1878 г.) // Древний мир права... Т. 5. С. 313.

хозяйства не должны приниматься во внимание, если они не противоречат общему течению государственной жизни. «Азиатский народный судья мало стремился содействовать торжеству правды и справедливости, как мало сему содействовал и содействует всякий другой *народный* (здесь и далее курсив автора. – Н. Д.) судья. Всякий судья из народа, под каким бы градусом широты он ни действовал, не опирающийся в своей деятельности на закон и начала нравственности, одинаково склонен к произволу и кривосуду и откуда же, спрашивается, мог набраться более высоких принципов азиатский народный судья, видевший лишь проявления деспотизма, всегда более хлопотавший о прочности своего доходного места, чем о торжестве истины и стремившийся к увеличению своего благосостояния, привлекая на свою сторону лиц богатых и влиятельных, упрочивая тем свое положение»¹. Доводы «поклонников» местного суда, что он *«заменяет в степи полицейские меры предупреждения и пресечения и побуждает благонадежных людей, из чувства самосохранения и ради соблюдения своих интересов, наблюдать за порочными членами общества»*, считал необоснованными и мешающими превращению его в мировой суд².

Судя по отчету графа К.К. Палена, составленному на основании ревизии Туркестанского края в начале XX в., он также отрицательно относился к идее сохранения местных судов: «Упразднение народных судов с полной заменой их общеимперскими судебными установлениями являлось бы наиболее правильным разрешением назревшего вопроса об упорядочивания отправления правосудия у туземного населения», к тому же добавлял «государство не может и не должно приравнивать судебное устройство к уровню понятливости населения, которое часто находится на низкой степени развития»³. Однако в отличие от других сторонников унификации права, К.К.

¹ Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 7. С. 34–35.

² Там же. С. 14.

³ Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб.: Сенатская типография, 1909. С. 203–204.

Пален понимал возможные сложности при проведении этой реформы и связывал их с недостатком денежных средств «в вопросе о введении в Туркестанском крае мирового института для всего местного населения»¹.

Полемика по поводу судебной реформы в Степи была длительной, охватила все социальные слои и грани социальной общественной мысли. Это был диалог центра и периферии. Именно периферия в виде рапортов, комментариев, отчетов и записок представителей власти и общественности подготавливала возможные варианты реформирования правовой культуры казахов. Конечно, процесс инкорпорации империей местного права так и не был до конца спланирован и продуман, шла борьба различных проектов и она отражала, в том числе, спор центральных и региональных властей.

К примеру, если чиновники окраинных регионов предлагали, исходя из практического опыта работы и знания местной политико-правовой обстановки, постепенное претворение идей цивилизованного изменения нормативного поля, то имперская власть в «центре» на этот процесс смотрела иначе.

Так, в материалах Генерального штаба есть донесение полковника Белявского, который отмечал, что согласно результатам Степной комиссии Ф.К. Гирса, Комитет министров предложил «узаконить его [суд биев] существование положительными постановлениями»². Такое решение объяснялось многими причинами, но в первую очередь отсутствием «фанатичных начал» в адате.

Однако стоит заметить, что прежде чем было принято «положительное постановление», комиссия под председательством Гирса провела большую работу по сбору информации об «устройстве степи». Она, в частности, направила военному губернатору Тургайской области Л.Ф. Баллюэку следующий запрос: «Оказывается, что весьма часто киргизы обращаются в Областное правление с просьбами поручить судебное разбирательство русским чиновникам, не доверяя киргизским властям, и что суд биев таким образом

¹ Там же. С. 205.

² РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 25.

потерял значение; необходимо иметь удостоверения Областного правления, действительно ли поступали подобные просьбы, число их за 5 лет и чем вообще таковые разрешались»¹. В ответ на запрос Л.Ф. Баллюзек привел статистические данные:

«Все решения в течение означенных лет дела по преступлению киргиз»²

	Обвиняемые освобождены от суда	Предост. разбирательства по народным обычаям	Окончено миробиво	Жалобы признаны неискровыми и	Дела прекращены по неявке долгое время предсе	Дела прекращены по нерозыску винов.	Дела окончены по смерти обв-мых	Случаи отнесены к воле божьей.	Обвиняемые опра	Преступники, наказания даны по общему. угол. закон
1865	151	58	9	1	1	4	12	1	64	15
1859	73	86	47	1	2	4	2	–	16	1
1862	61	67	40	1	1	5	3	1	4	5
всего	285	211	96	3	4	13	17	2	84	21

В комментарии резюмировались: «Приведенная таблица, из которой видно, что определение наказания по уложению редко, в 21 случаях в продолжение 3-х лет и на 736 решений»³.

По мнению Л.Ф. Баллюзека, эта «грустная картина» связана с тем, что «киргизы поняли бессилие нашего формального суда, и по тому, как

¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3277. Л. 127–127 об.

² Там же. Л. 88.

³ Там же. Л. 89.

показывают бывшие примеры, охотно к нему прибегают равно те лица, которые чувствуют себя виновными, не желают разбираться по обычаям. Они поняли, что народный суд изобличит их скоро, а суд формальный по трудности производства следствия протянется несколько лет, и кончится, самое большое, оставлением виновного в подозрении». В то же самое время он был убежден, что такая ситуация может быть изменена, если «народному суду по обычаям дать более широкое, чем ныне, применение»¹.

Как известно, реформы 1860-х гг. вызвали резкую критику со стороны сторонников скорейшей унификации права. Создавались различные комиссии, проводились ревизии работы местных властей, которые находили «Временные положения...» 1867–1868 гг., узаконившие правовой статус суда биев, неправильными. Одну из таких комиссий, возглавляемую В. Нестеровским, интересовало: действительно ли «туземцы Семиреченской области еще до введения проекта Положения потеряли доверие к своему народному суду, туземцы же Сырдарьинской области возымели к русскому суду больше чем к народному доверие, как только с первым ознакомились»².

В ответ на запрос комиссии военный губернатор Семиреченской области, генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский отвечал: «Огульное обвинение суда в несправедливости и подкупности показывает недостаточное знакомство составителей записки последней комиссии с народным судом и основано ею или на неосновательных слухах или на немногих частных случаях злоупотреблений, которых не лишен окончательно и русский суд»³. И далее добавлял: «По Семиреченской области в течение последних пяти лет поступало немало жалоб на биев, но не было ни одной, указывавшей на подкуп биев»⁴.

¹ Там же. Л. 94 об.

² ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

³ Там же. Л. 12–12 об.

⁴ Там же. Л. 12 об. Дополню, что действительно в фондах Степного генерал-губернаторства имеется много материалов, которые подтверждают сведения Г.А. Колпаковского о ложном обвинении биев во взяточничестве (правда, не всегда). Как правило, следственная комиссия, занимающаяся служебным расследованием, на основании проведенных мероприятий вносила предложение областному правлению о снятии ложных

В итоге, по мнению Г.А. Колпаковского, практика правового плюрализма вполне соответствовала местной соционормативной среде, «юридическому быту» населения, поскольку «туземцы Семиреченской области, в противность уверению комиссии, не теряли доверия к народному суду и отдают ему предпочтение перед русским. О Сырдарьинской области должно сказать то же самое»¹.

Такого же мнения придерживался генерал-губернатор Туркестанского края генерал-адъютант К.П. фон Кауфман. В 1874 г. особая комиссия при Министерстве юстиции составила проект судебного устройства в Туркестанском крае и степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, копия которого была направлена К.П. фон Кауфману. Желание особой комиссии, чтобы «суд [русский] постепенно вытеснял местный народный суд и постоянно развивался бы в ущерб суда народного. Поэтому необходимо поставить народный суд в более тесные границы»², вызывало критику со стороны генерал-губернатора. К.П. фон Кауфман писал: «Конечно, было бы весьма желательно сделать его (русский суд. – Ж. М.) общим для всех дел туземцев, что, без сомнения, оказало бы огромное содействие обрусению края и распространению гражданственности и общественного порядка между туземцами. Но... еще не настало время, когда можно будет ввести в Туркестанском крае русский закон, русский суд и русский порядок. Я далек от того, чтобы поддерживать существование

обвинений. Так, к примеру, в деле «По обвинению судебных биев Хобдинской волости Аймагамбетова и Утина в лихоимстве» следствие установило, что «обвинитель киргиз Юсупов вполне сознался в несправедливости своего обвинения судебных биев Аймагамбетова и Утина, а также и свидетели Беркутов и Игисинов сознались в причине своих показаний, которые они дали по просьбе Юсупова. А потому областное правление определило следствие прекратить, а Юсупова за ложный донос и свидетелей Беркутова и Игисинова за ложные показания оставить без преследования». См.: Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2174. Л. 33. В фонде канцелярии Туркестанского генерал-губернатора также имеется немало дел, подтверждающих ложность обвинений во взяточничестве биев. Более того, администрация Туркестанского края, учитывая большое количество таких материалов, пошла дальше своих коллег и за ложные доносы привлекала жалобщиков к ответственности. К примеру, начальник Ташкентского уезда подполковник Караулщиков после проведенного служебного расследования писал в Сырдарьинское областное правление следующее: «Доношу, что дело по обвинению бия Умара Куразова в получении взятки я полагал бы прекратить, а против жалобщика возбудить преследование по обвинению его по 940 ст. Уложения». См.: ЦГА РУз. И-17. Оп. 1. Д. 8631. Л. 14.

¹ ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 21. Л. 13–13 об.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 401. Л. 71 об.

народных судов и даже их считаю некоторой помехой ассимилированию края: но нахожу только преждевременным накладывать на них руку. Туземцы видят в них священные остатки племенного их обособления, залог неприкосновенности их религии, семейного очага, внутреннего общественного быта»¹.

Немного позже в 1880 г. эту же мысль высказал чиновник Азиатской части Главного штаба Военного Министерства генерал-майор Соболев, который отмечал несколько причин, по которым введение новых единых судебных учреждений в Туркестанском крае считал преждевременным. Во-первых, он указывал на значительные расходы из государственной казны, которые потребуются для создания судебных палат и окружных судов. По мнению Соболева настоятельной необходимости в преобразовании суда нет, так как основная масса гражданского населения слагалась из 59.283 русских и 2.978.836 местных жителей. Поскольку в европейской части Российской империи на одну судебную палату приходилось средним числом 7.550.000 душ, то создание такой же судебной инстанции в Туркестане для 59.283 человек было не рациональным. Он был убежден: «Суды казиев и особенно суды биев будут существовать весьма продолжительное время, а громадное большинство туземцев мусульман предпочтут эти суды, как народные, им доступные и вполне понятные, нашим русским судам»². Во-вторых, он предлагал не ломать веками установившиеся гражданские отношения и не трогать суд и адат кочевников, поскольку радикальные меры по уничтожению обычно-правовых институтов могли привести к сопротивлению местного населения. Соболев писал: «В данном случае примером может служить наше отношение к бурятам, обитающим Восточную Сибирь: сотни лет бурятам были

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 613. Л. 17 об, 18–18 об.

² Там же. Л. 114–114 об.

сохраняемы их народные обычаи и они совершенно помирились с нашей властью, начинали постепенно забывать свою отдельную народность; но один неосторожный шаг местной администрации, наложивший свою руку на их капища, испортил все дело, возбудив в бурятах почти ими забытые народные предания и дух сепаратизма. Эта ошибка потребует снова столетней работы для того, чтобы слить интересы бурятов с нашими интересами»¹. В-третьих, будучи чиновником Военного министерства, Соболев не случайно указывал на геостратегическое соперничество в Туркестане между Российской империей, которая двигалась с севера и запада на территорию Центральной Азии и Англией, наступавшей с юга и востока. По его мнению, позиции той империи будут крепнуть, которая в своей политике будет учитывать интересы местного населения. В этой связи стабильное положение России в Туркестане он связывал с продуманной политикой в крае и подчеркивал: «Туземные мусульманские народы, далеко не безучастно относятся к этому явному соперничеству и всегда будут более сочувствовать той стороне, которая мягче относится к его самобытной народной жизни, а равно к религии, тесно связанной с отправлением суда. Наше гуманное и осторожное отношение к святыням мусульман есть оружие, против которого англичане должны бы были употребить подобное же сильное оружие, чего они, однако, вследствие своего характера и самонадеянности, не могут сделать»².

Нельзя не отметить, что региональные власти не просто предлагали оставить местные судебные практики, но выделяли такие формы, которые можно было не фиксировать в законоположениях (чтобы таким образом «не портилась» картина реформирования края), а в то же время использовать их в интересах общины. В записке Тургайского губернатора И.М. Страховского в 1909 г. отмечалась большая роль аксакальских советов, «являющихся обычными представителями во всех делах и распорядителями внутренней жизни общин», и указывалось, что «практика управления неизменно считается

¹ Там же. Л. 119 об–120.

² Там же. Л. 120 об–121.

с этим обычным “аксакальским” институтом»¹. Замечу, что документы региональных властей, направленные в адрес начальства, – возможность чиновников-практиков показать наиболее приемлемые формы управления. Администрация регионов не понаслышке, а изнутри владела информацией и степенью ее приложимости к конкретной местности. При возможной некоторой идеализации правовых практик, в целом региональные служебные материалы можно рассматривать в значительной степени как достоверные. Идеализация же была следствием понимания и на этой основе нежелания менять правовую систему края, которая могла привести к росту сепаратизма, к антирусским настроениям в среде местного населения. Антиколониальные действия, с одной стороны, могли разрушить «хрупкий» мир, с другой – выставить власть на местах в неприглядном свете перед начальством. К тому же, со временем правовые «недочеты» законотворцев могли списываться на региональные власти, которые вовремя не поставили в известность начальство о возможных осложнениях.

Против решительных мер в отношении народного суда выступил и министр юстиции, статс-секретарь Н.В. Муравьев, чью позицию по этому вопросу можно выразить следующим образом: «При всей желательности возможно широкого культурного воздействия русских судебных установлений на жизнь туземного населения, благотельные в сем отношении результаты могут быть достигнуты лишь путем постепенного и при том осторожного сокращения нынешней обширной подсудности народных судов. Взаимное сочетание народного и русского суда на наших окраинах только и может следовать по пути постепенного поглощения первого вторым, а отнюдь не посредством прямого вмешательства русского суда в жизнь и деятельность народного»². Позиция Н.В. Муравьева легла в основу указания Государственного Совета от 14 марта 1898 г., в котором указывалось, что «по своим представлениям о праве и справедливости туземцы и инородцы нередко

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 181. Л. 306.

² ЦГА РУз. И-18. Оп. 1. Д. 7075. Л. 9 об.–10.

вполне еще расходятся с русскими законами. Поэтому слишком поспешное привитие этих законов могло бы породить смуту в их умах. В виду сего придется быть может держаться по обсуждаемому вопросу несколько иного пути, а именно постепенного улучшения народного суда»¹.

Однако затянутость реформ, неоднородность правового поля империи вызывали желание у некоторых чиновников перейти к официальной политике ускоренной унификации местного права. Вопросы унификации правовых практик начинают активно рассматриваться в начале XX в. К примеру, в 1909 г. в проекте МВД «Положения об общественном устройстве, управлении и суде оседлых и кочевых инородцев Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей» предусматривалось «поставить киргиз по возможности в одно положение с крестьянами и лишить их того обособленного, а в смысле суда и привилегированного положения, внеся в их жизнь начала русской гражданственности»². Военный губернатор Уральской области генерал-лейтенант Н.В. Дубасов внес предложение министру МВД «о необходимости упразднения народного суда»³.

Уральское областное правление имело схожую позицию в этом вопросе, поэтому на заседании правления в 1910 г. по крестьянскому делопроизводству было принято решение: «Общее присутствие большинством голосов высказалось за окончательное упразднение киргизского народного суда с заменю его мировыми судьями»⁴.

Особенно непреклонен в этом вопросе был прокурор Уральского окружного суда барон Б.Н. Дельви́г, считавший, что «дальнейшее существование этого суда вредит престижу русской власти и началам русской государственности. Будем надеяться, что в ближайшем будущем вопрос будет поставлен шире, т. е. о полном уничтожении киргизского народного суда и о замене этого азиатского неправового, нескорого и немилостивого суда – судом

¹ Там же.

² Там же. Л. 3–4.

³ Там же. Л. 115.

⁴ Там же. Л. 128.

русским, скорым, правым и милостивым»¹. Интересно, что наиболее последовательными в желании ликвидировать суд биев были уральские власти. Скорее всего, это связано с риторикой казаков по русификации инородческих народов, с возможностью силового введения единых общеимперских структур.

Сторонником идеи упразднения народных судов кочевого населения Туркестана и замены их общеимперскими являлся генерал-губернатор края, генерал от кавалерии А.В. Самсонов. По его инициативе в 1912 г. прокурор Ташкентской судебной палаты Н.И. Ненарокомов подготовил доклад «По вопросу о необходимости реформы народного суда в областях Туркестанского генерал-губернаторства», в котором достаточно подробно рассмотрел «вредоносную деятельность этого суда, отчуждающего местное население от империи и неудовлетворяющего самым элементарным требованиям правды и справедливости»². На основании приведенных в докладе доводов прокурор Н.И. Ненарокомов пришел к заключению, которое позднее легло в «Проект упразднения народных судов в Туркестанском крае»: «Народные суды кочевого и оседлого населения в областях Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской и Семиреченской области упразднить, подведомственные сим судам уголовные и гражданские дела передать в ведомство мировых судей и общих судебных установлений»³. Одобренный А.В. Самсоновым проект Ненарокова был направлен в правительственные органы, однако к конкретным результатам не привел.

Конец дискуссиям о будущем местных правовых практик в определенной степени положило письмо министра внутренних дел Н.А. Маклакова на имя министра юстиции И.Г. Щегловитова в 1913 г., в котором, в частности, отмечалось: «...я не решаюсь, однако на полную замену народного суда судом коронным, как потому, что при таком разрешении настоящего вопроса в степных областях могло бы создаться резкое различие в устройстве низших

¹ Там же. Л. 176; Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиции. СПб. 1910. № 5.

² ЦГА РУз. И-18. Оп. 1. Д. 7075. Л. 1 об, 14.

³ ЦГА РУз. И-36. Оп. 1. Д. 6009. Л. 173.

степеней суда, так и в виду тех осложнений, какие могли бы возникнуть для коронного суда при рассмотрении дел между крестьянами и инородческим населением, однако принадлежащих к составу сельских обывателей, но подчиненных различным, по существу, судебным установлениям. Остановившись в виду приведенных соображений на мысли, не упраздняя Народный суд, лишь преобразовать его соответственно с потребностями жизни»¹.

Начавшаяся Первая мировая война принесла империи новые «заботы», поэтому все вопросы, касающиеся реформирования окраин, были отодвинуты на задний план. Суд биев, несмотря на все доводы и меры сторонников единого унифицированного суда, оставался действующей, наряду с имперской, судебной практикой, в целом отвечающей потребностям местного социокультурного пространства.

Адат и/или шариат

В исторической науке утвердилось мнение, что к началу XIX в. ислам еще не получил широкого распространения среди казахов. Основными доводами для такого вывода ученых служили следующие. Во-первых, казахи, занимаясь кочевым и полукочевым скотоводством, находились на периферии мусульманской цивилизации. Сезонный характер хозяйства приводил к невозможности изучения основных канонов и норм ислама, поэтому он не нашел благоприятной почвы для своего развития. Во-вторых, нормы обычного права, бытовавшие среди местного населения и регулировавшие патриархально-родовые отношения, отвечали потребностям казахов и позволяли сохранять целостность кочевого коллектива. Основные нормы адатного права трактовались биями, к помощи которых казахи прибегали для разрешения возникающих конфликтов. Провозглашение ислама государственной религией Сатук Бограханом у караханидов в X в., позднее

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 181. Л. 330.

Узбек ханом в Золотой Орде в 1320 г. не изменили ситуации: ревностно придерживались его канонов лишь немногие, адат продолжал играть по сравнению с шариатом ведущую роль в урегулировании правовых вопросов в кочевом обществе.

Бесспорно, приоритетную позицию адат сохранял вплоть до XVIII в. Юридическое вхождение казахских земель Младшего и Среднего жузов в состав Российской империи в XVIII в., актуализировало перед правительством задачу изучения казахского общества, в том числе тех традиционных институтов, которые играли среди кочевников определяющую роль. Имеющиеся скудные этнографические материалы не позволяли в полной мере создать объективную картину жизни новых подданных и значительно затрудняли работу по проведению в крае административно-правовых мероприятий. И даже указ Екатерины II от 30 апреля 1778 г. о составлении уложения обычного права казахов не решил проблемы. Трудность задачи заключалась в отсутствии письменной кодификации норм обычного права, также создавал препятствия кочевой образ жизни казахов. Поэтому неудивительно, что даже в начале XX в., как верно заметил генерал-губернатор Степного края Н.А. Сухомлинов, право казахов «и по сей день осталось мертвою буквою! Конечно, кодификация инородческих обычаев дело не легкое, все же – 120 лет, как хотите»¹.

Одним из шагов по включению края в орбиту имперских порядков стали мероприятия по исламизации казахов, которые рассматривались правительством как геополитический фактор по отношению к кочевым окраинам. С этой целью территория казахской степи была передана в подчинение Духовному управлению мусульман России в Уфе, которое было создано в 1788 г. Одной из функций этого учреждения стало распространение ислама среди казахов. К тому же строительство мечетей, появление мулл должно было, по замыслу российской администрации, способствовать

¹ РГИА. Ф. 427. Оп. 1. Д. 283. Л. 5.

усилению позиций ислама среди кочевников¹. Не последнюю роль в исламизации казахского населения сыграли братства Йасавийа и Накшбандийа. В итоге «в кочевой среде сложился весьма своеобразный вариант ислама, который сочетал в себе довольно крепкую и устойчивую мусульманскую идентичность с весьма вольным толкованием многих религиозных требований и не очень регулярным их исполнением»².

Насколько успешным был процесс исламизации населения, можно судить по той картине нравов и обычаев, которую зафиксировали в нескольких вариантах российские исследователи в начале XIX в. Так, в записке Я.П. Гавердовского, побывавшего в западных регионах Казахской степи, говорится, что основные догмы ислама выделялись казахам в «многоженстве, что доведено здесь... до чрезвычайности, и [в том, чтобы] не питаться свиным мясом. Богомоление и омовение производятся очень изредка, иногда вместо воды обтираются пылью, песком». Все это позволило Я.П. Гавердовскому сделать вывод, что «вера магометанская не производит в них ни споров в разномыслии, ни общего энтузиазма, как в других народах, исповедующих сию веру»³. Кроме индифферентного отношения казахов к исламу, мы видим в материалах Я.П. Гавердовского отсутствие сведений о нормах шариата. Нет их и в рассказе старшины жаппасовского рода К. Шукуралиева, записанном Г. Спасским и опубликованном в журнале «Сибирский вестник» в 1820 г.

Первая письменная кодификация норм шариата встречается в сборнике Сибирского комитета (1824) и в работе А.И. Левшина (1832), в которых указывалось применение норм мусульманского права, лишь в отношении таких преступлений, как богохульство, богоотступничество, а также меры наказаний

¹ Подробнее см.: Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М.: ИЭА РАН, 1997; Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М.: МПГУ, 2004; Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): институты: идеи, люди. М.; Н. Новгород, 2010; Россия – Средняя Азия. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. М.: ЛЕНАНД, 2011.

² Абашин С.Н. Казахстан. Роль среднеазиатских ханств в исламизации кочевого населения // Россия – Средняя Азия... С. 87.

³ Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 440–441.

за эти преступления (закидывание камнями, лишение наследства). К примеру, в сборнике Сибирского комитета написано: «Ежели бы кто оказался богоотступником, или хулящий бога, такового по изобличению семи свидетелями, позволяется слышавшему оное, убить камнем и убийце сего не только за грехи не ставить, но и еще почитается сие за спасение в будущей жизни»¹.

Однако редкое упоминание норм шариата не говорит об отсутствии его влияния на казахское право. Известно, что в ходе освободительных выступлений казахов первой половины XIX в., такие руководители движений, как Арынгазы (1815–1821 гг.) и Кенесары Касымов (1837–1847 гг.) для укрепления ханской власти произвели своего рода «судебную революцию». Так, они значительно ограничили судебные права родовой знати – биев, а возникавшие иски передавали на рассмотрение назначаемым ими судьям – казы. Причем судебный процесс производился не по законам обычного права казахов, а по шариату².

Об усилении позиций шариата говорят данные о праве казахов Младшего жуза, собранные в 1840-х гг. чиновниками Оренбургской пограничной комиссии. Так, в рапорте Аитова в разделе о брачных отношениях казахов, мы находим положение о том, что «бракосочетание совершается в ауле невесты по обряду Магометанскому». В порядке разбирательства дел биями использовалась присяга, как средство доказательства виновности или невинности одной из сторон, при этом в ней принимали участие родственники, «известные по лучшему поведению, и испытанные в знании правил Магометанского закона»³. Положения шариата, судя по рапорту поручика Аитова, применялись и при погребении умерших. Аналогичные сведения можно найти в рапортах других чиновников Пограничной комиссии.

¹ Материалы по казахскому обычному праву... С.31–32.

² Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20-е – 4-е годы XIX века. Алматы: Қазақ университеті, 1992. С. 115.

³ Материалы по казахскому обычному праву... С. 103, 105.

Однако собранные сведения носили неполный и отрывочный характер, поэтому для устранения этих недостатков в 1846 г. Оренбургским военным губернатором В.А. Обручевым было принято решение о командировании в казахскую степь чиновников особых поручений д'Андре и Шершеневича для завершения работы по сбору материалов. Перед поездкой в степь чиновникам была вручена инструкция, в которой помимо важности «правительственной цели, для которой предлагается собрать и привести в порядок обычаи киргиз»¹, в 11 пункте указывалось: «Бии и другие лица, которым представляется ...чинить суд или расправу – в приговорах и решениях руководствуются положениями, основанными на особом толковании обязанностей человека при шариате (подчеркнуто в документе. – Ж. М.), следовательно, на Алкоране, первоначальном источнике законодателей, а также на неразрывном с ним сюжетах, или сборнике преданий об изречениях Магомета и его учеников, признаваемых у мусульман святыми. Разыскание *коренных оснований киргизского народного права* (курсив мой. – Ж. М.) и по возможности определение относительно к Алкорану – было бы весьма полезно»². То есть чиновникам предлагалось отделить шариат от адата («*коренного основания казахского права*»), заведомо противопоставляя их друг другу.

В фондах Пограничной комиссии отложились дела, в которых были представлены черновики, отчеты и рапорты д'Андре. Выступив в степь 13 июля от крепости Илецкая Защита, вместе с отрядом полковника Бларамберга, д'Андре приступил к опросу биев Западной и Средней частей, «известных в орде по своим познаниям киргизских обычаев». Буквально через несколько дней он написал рапорт в Пограничную комиссию, в котором просил передать на перевод с арабского языка применяемые кочевниками нормы казахского права, так как «*коллежский секретарь Григорьев (он участвовал в поездке в качестве переводчика. – Ж. М.) отозван в незнании вовсе арабского языка*»³.

¹ Там же. С. 158.

² Там же. С. 161.

³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2380. Л. 47.

Пробыв два с половиной месяца в степи, опросив собранных султанами-правителями известных биев, д'Андре в сентябре того же года, подводя итог своей работы, написал в Пограничную комиссию, что «достигнул своей цели, допросив подробно обо всем, что только соответствовало программе, основанной по данной Вашим Превосходительством инструкции»¹.

Уже в ноябре 1846 г. д'Андре представил собранный материал в виде свода норм обычного права. Можно себе представить, насколько трудная стояла перед ним задача по отделению норм шариата от адата, так как написанный им свод был во многих местах испещрен ссылками на Коран. Так, например, он писал: «По маловажным делам основанием суда бия служат собственный ум и опытность. По делам более важным бий прибегает к Алкорану»². Или: дела особой важности «обслуживаются уже не на одних обычаях, а на Алкоране»³. В черновиках д'Андре даются примеры шариатских наказаний: «Определение Алкораном числа 100 и 80 ударов за важное и 3 удара за маловажное преступление не могут быть отменены бием»⁴. Фиксация шариатских норм в решении конфликтных вопросов отнюдь не устраняла применение адата, который оставался в кочевой среде всеупотребительным. Вместе с тем, материалы д'Андре позволяют проследить появившуюся тенденцию к относительному слиянию правовых норм адата и шариата, при том, что нормы разнились и в отношении наказания, и оценки тяжести того или иного деяния. Так, «наказание за какую-бы то ни было вину (кроме преступления противу веры) – может быть заменено выкупом (тугузом). Алкоран», или «мера наказания при повторении одного и того же проступка не изменяется до 3-х раз. За совершение же того же самого поступка в 4-й раз – определена смертная казнь или уплата (выкуп)»⁵. В этих и других случаях мы видим, что нормы адата и шариата дополняли друг друга, образуя

¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. 401. Л. 142 об.

² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2794. Л. 54.

³ Там же. Л. 64.

⁴ Материалы по казахскому обычному праву... С. 170.

⁵ Там же.

смешанную систему права. Более того, шариат и адат нашли приемлемый вариант сосуществования. Он заключался в том, что по шариату стали решаться дела, касающиеся религии, семейных отношений, все остальные вопросы регулировались по нормам обычного права. В подтверждении этого тезиса можно привести примеры погребальных обрядов, свадебных церемоний, которые обладали локальными родовыми особенностями, но в то же время включали обязательную процедуру – чтение священных молитв из Корана. Произошла своего рода рецепция норм шариата в адат. Переплетение правовых норм было настолько крепким и естественным, что, с одной стороны, можно говорить о начале процесса исламизации обычного права, а с другой – об отсутствии правовой дифференциации, так как бии судили дела как по адату, так и по шариату.

В то же время считать доступным шариатский суд для общей массы кочевников будет неправильным. Тот же д'Андре, отмечая в своем рапорте от 4 ноября 1846 г. наличие шариатских норм в казахском праве, писал: «Суд, основанный на Алкоране, почти вовсе не доступен к общепринятому в Орде разбирательству, отчасти потому, что бии не в состоянии исполнять строже суры Магоммеда, а также и от того, что самих киргизов нельзя назвать ревностными поклонниками своего пророка»¹. Д'Андре был убежден, что шариат рассчитан на образованные народы, знающие письменность, казахи же были «еще так дики, понятия ...столь малоразвиты в отношении моральном»², что укоренение норм шариата среди кочевников казалось делом неопределенного будущего: позиции адата были сильны. Вместе с тем, в представленном им своде уже имелись свидетельства движения в сторону шариата.

В 1847 г. Оренбургской пограничной комиссией принимается решение об отправке д'Андре в три части Младшего жуза для дополнения и приведения в

¹ Материалы по казахскому обычному праву... С. 162.

² Там же. С. 163.

единую систему обычного права казахов¹. В этот раз д'Андре сразу же просит предоставить ему «нижеследующие книги: 1. Описание киргизских степей сочинения Левшина; 2. Описание Оренбургского края Эверсмана и 3. Алкоран в переводе на русский или французский языки»². Однако составленный д'Андре свод обычного права казахов был встречен с неодобрением в администрации края. Так, созданная по распоряжению оренбургского военного губернатора Комиссия «нашла рапорт д'Андре неудовлетворительным, во-первых, потому что в сборнике не было правильной системы, и статьи не связаны последовательностью, во-вторых, важные статьи пропущены и самые статьи неполные»³. Полагаем, что за формальной критикой комиссии стоит официальное осуждение администрацией Оренбургского края работы д'Андре из-за определенной идеализацией им суда биев и показа благополучного сосуществования двух разных норм права – шариата и адата (об имперском праве речи не было).

В 1849 г.⁴ вновь эта работа поручается чиновнику Азиатского департамента министерства иностранных дел коллежскому секретарю О.Я. Осмоловскому, «изучавшему кроме киргизского и другие восточные языки, знакомому некоторым образом с верою ислама, с историею Востока, его поверьями и преданиями, следовательно, более прочих способному исполнить это поручение»⁵. О.Я. Осмоловский вместо назначенных ему для работы трех месяцев провел на территории Младшего жуза гораздо больше времени. Такая задержка в сроках связана, на мой взгляд, с тем, что О.Я. Осмоловский обнаружил определенную разницу в нормах права. Так, он писал: «Не удержался от сделания общего взгляда на киргизские обычаи и от определения отношения их к Алкорану и вообще шариата, иль законам мухаметанским, потому что киргизы Восточной части орды, в которой составлен мною

¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 15.

² Там же. Л. 31.

³ Там же. Л. 69 об.

⁴ К сожалению, в 1848 г. замечательный исследователь и добросовестный исполнитель задания Пограничной Комиссии д'Андре «от существовавшей в Оренбурге холеры умер». См.: ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 61.

⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 70 об.

сборник, заметно отличаются от киргизов других частей, как своим образованием, так и образом жизни; кроме того, нельзя сказать чтобы на киргизов Восточной части, имеющих по своим торговым оборотам беспрестанные сношения с другими народами, как то бухарцами, хивинцами, кокандцами, и наконец русскими не действовало чуждое влияние, могущее значительно изменить самобытный характер народа, а следовательно, и его обычаи»¹. Очевидно, влияние культуры соседей (мусульман бухарцев, хивинцев и т. д.) на казахов Младшего жуза было столь серьезным, что О.Я. Осмоловский в 1850 г. вновь для перепроверки своего сборника отправился в Среднюю, Западную части и Букеевскую Орду, с тем, чтобы найти объяснение «тем киргизским обычаям, которые могли бы показаться странными и невероятными, но на самом деле существующие, и показать отношение этих обычаев к мусульманским законам, или шариату»². О сложности и мозаичности правовой ситуации в южных районах казахской степи говорит письмо от 10 апреля 1849 г. генерала от инфантерии Обручева, в котором он признал необходимым для предотвращения беспорядков и злоупотреблений казахам «Раимского укрепления... всякое разбирательство оканчивать миролюбиво... в точности держась шаригата и народных обычаев»³.

К сожалению, собранные О.Я. Осмоловским материалы отсутствуют в делах Пограничной комиссии. Смею предположить, что «обновленный» свод норм казахского права подтвердил, а где-то усилил позиции шариата в правовой практике тех казахов, которые граничили со среднеазиатскими народами, что в условиях политики инкорпорации местного права в общероссийское законодательство считалось нежелательным. Как писал в своих воспоминаниях в середине XIX в. генерал-лейтенант А.И. Макшеев: «Осип Яковлевич Бончъ-Осмоловский принадлежал к числу самых просвещенных и симпатичных деятелей в Оренбургской киргизской степи.

¹ Там же. Л. 111 об.

² Там же. Л. 194 об.

³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3543. Л. 1.

[Он] составил между прочим прекрасный сборник юридических обычаев киргиз, с комментариями, и представил его начальству, но этот замечательный труд остается до сих пор погребенным в архиве»¹.

Усиление позиций шариата в крае, правовые реформы империи в первой половине XIX в. и собственно местный адат привели к возникновению нормативного плюрализма как правовой системы. Каждая правовая подсистема в свою очередь в силу внутренних и внешних факторов, конечно же, влияла на соседнюю. Очевидно, процесс исламизации адатного права на рубеже XVIII–XIX вв. был столь заметным, а мероприятия властей по включению казахского края в российское правовое пространство столь же неощутимыми, что этот процесс вызывал обеспокоенность в имперской столице.

Отношение властей к шариату можно выразить словами знатока адата Н. Максимова, говорившего, что адат «продукт жизненный и способный развиваться при дальнейшем развитии народного кругозора. Шариат, имея основой неподвижный Коран, заключающий в себе альфа и омегу мусульманской мудрости, есть материал мертвый, ни к развитию, ни к уступкам неспособный, а к тому же непримиримо враждебный гяуру, т. е. всякому христианину»².

Из цитаты видно, что шариат со своими «ценностными» принципами никак не вписывался в российскую концепцию правового плюрализма, поэтому можно понять нейтральное отношение властей к адату и постепенно нараставшее отрицательное к шариату. О том, насколько российские власти опасались влияния шариата на право кочевников, можно судить на основании одного архивного источника. В конце XIX в. на имя Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского поступил рапорт от военного губернатора Семиреченской области Иванова, в котором он ставил в известность начальство о нежелании управителей, биев и старшин носить должностные

¹ Макшеев А. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю А. Макшеева. СПб.: Военная типография, 1896. С. 246–247.

² Максимов Н. Народный суд у киргизов // Журнал юридического общества. 1897. Кн. 8. С. 64.

знаки, ссылаясь на то, «что на знаках имеется над Императорскою Короною изображения креста, вследствие чего они сомневаются в том, дозволяет ли их магометанская религия носить такие знаки»¹. В документе указывалось, что казахи просили предоставить им двухмесячный срок, «дабы они в это время могли спросить Оренбургского муфтия о том, можно ли им по их религии носить означенные знаки»². Коллективное заявление местных властей настолько встревожило администрацию края, что решено было направить в Иссык-Кульский уезд чиновника особых поручений Пантусова, которому вменялось «немедля из-под руки, негласным путем, ознакомиться со столь странным явлением и, затем в случае надобности принять своевременно энергичные меры к искоренению зла в самом зародыше»³. В письме Г.А. Колпаковского подчеркивался индифферентность казахов в делах религии, поэтому причину появления таких тревожных явлений он видел во «вредной для русской власти пропаганде в степи татарских мулл, или, быть может, каких-либо выходцев из сопредельных мусульманских стран, например, из Афганистана, что весьма возможно в виду пограничного положения Иссык-Кульского уезда и значительного наплыва туда кашгарцев, бухарцев, сартов, в числе коих могут быть и афганцы-эmissары Абдурахмана. При последнем предположении, настоящий случай, на мой взгляд, заслуживает особенно внимания главного начальника края»⁴. Однако тревоги и опасения российских властей оказались излишними. Расследование показало, что всему причиной стала обычная борьба между родовыми группами за место в низовой служебной лестнице. Возникшая ситуация и разъяснение российских чиновников казахам, что «на том же знаке есть и луна – знак веры Магометан, находящийся под покровительством Монарха»⁵, показывает, что с одной стороны, правительство было обеспокоено возможным влиянием исламских

¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 440. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 6 об.

⁵ Там же. Л. 14.

государств на южные регионы Казахстана, с другой – понимало и поддерживало «индифферентное» отношение казахов к религии.

Выбирая местные правовые практики, имперская власть отдавала предпочтение судам по адату, поэтому нормы шариата старалась постепенно вытеснить. Однако сказанное не говорит о полном исчезновении шариата из судебной практики кочевников. Более того, судя по докладу Туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского 1899 г. «Ислам в Туркестане», позиции последнего в крае не только не ослабевали, а наоборот, усиливались, отчасти из-за того, что «оседлые тюрки (сарты) на наших глазах повсеместно ассимилируют с собою и тюрков-кочевников (киргиз), постепенно бросающих кочевой образ жизни, прикрепляющихся к земле и меняющих при этом адат»¹. На наш взгляд смена судебной практики – адата на шариат связана с тем, что в соответствии с «Положением об управлении Туркестанским краем» 1886 г. местное население привязывалось к народным судам не по этническому признаку, а по роду хозяйственной деятельности. Так в ст. 210 «Положения...» записано: «Оседлые туземцы и кочевники имеют отдельные народные суды, разрешающие подсудные им дела на основании существующих в каждой из означенных частей населения обычаев»². Такое искусственное разграничение привело к тому, что многие осевшие (бывшие) кочевники начинают в конце XIX – начале XX вв. в соответствии с новым законом судиться не у биев, а у казиев. В архивных фондах имеется ряд материалов, который позволяет говорить о «популярности» шариата среди казахов, еще недавно судившихся по адату биями. К примеру, казахи Ниязбекской волости на собрании кибитковладельцев в 1907 г. составили «приговор в том, что “так как” мы киргизы вероисповедования магометанского, следовательно, мы должны и подчиниться изданному последним шариату, а вовсе не существующему и бессмысленному адату. На основании изложенного постановили: возбудить ходатайство пред подлежащим начальством о предоставлении нашим биям

¹ ЦГА РУз. И-1. Оп. 32. Д. 384. Л. 6 об.

² ЦГА РУз. И-717. Оп. 1. Д. 6а. Л. 8.

права шариата, т. е. чтобы они, бии, всякие возникающие между нами дела, разбирали бы по шариату, причем покорнейше просим, существующий в настоящее время адат, в силу которого разбираются биями всякие наши дела, уничтожить совсем»¹. Или, к примеру, другое ходатайство казахов аула «Самарск»: «Так как всякие дела наши разбираются биями, нам *теперь* (курсив мой. – Ж. М.) желательно, чтобы таковые решались по шариату, т.е. казием»². Количество таких «приговоров», судя по архивным материалам, постепенно увеличивается³. Тенденция к увеличению числа казахов, стремящихся к применению в судах норм шариата, вызывала тревогу у властей. Не случайно прокурор Н.И. Ненарокомов считал: «Распространение общеимперских законов материальных и процессуальных на кочевников киргиз – является поэтому мерою *неотложною* (курсив мой. – Ж. М.)»⁴.

Таким образом, можно говорить, что, несмотря на желание властей ослабить позиции шариата среди кочевников, он оставался реально действующей судебной практикой. К такому выводу можно также прийти на основе анализа полемики, которая развернулась среди национальной интеллигенции в начале XX в.⁵.

Бурные события (революции 1905–1907 гг. и 1917 г.) стали временем активного политического поиска новых идей и государственных форм, приведшие к оформлению прослойки людей, которую стали называть национальной интеллигенцией⁶. Ядро интеллигенции составляла хорошо образованная ее часть, соединявшая в своих взглядах уважение и знание традиционных общественных норм, социальных институтов и широкий либерализм, стремление к модернизации общества с учетом национальной

¹ ЦГА РУз. И-17. Оп. 1. Д. 8393. Л. 4–5.

² Там же. Л. 24.

³ ЦГА РУз. И-17. Оп. 1. Д. 8393; Там же. И-1. Оп. 11. Д. 598; Там же. И-19. Оп. 1. Д. 21490; Там же. И-1. Оп. 22. Д. 632; и др.

⁴ ЦГА РУз. И-36. Оп. 1. Д. 6009. Л. 161 об.

⁵ Султангазин Д. Власть казахов в прежние времена // Дала уалаяты. 1888. № 51; Единство тюрков. 1992. № 1; Марсеков Р. Сайлау и его вредные последствия // Киргизская степная газета. 1899. 28 ноября; ЦГА РУз. И-1. Оп. 27. Д. 1222а. Л. 13–20 об.

⁶ Подробнее см.: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения «Алаш». М.: Россия молодая, 1994.

специфики. Одним из примеров активной политической позиции стала выработка идей и проектов относительно суда биев, к этому времени переживавшего глубокую трансформацию. Местный суд в ходе инклюзивных реформ был редуцирован, изменился профессиональный и моральный облик судей, но самое главное – изменилось отношение к нему общества. Поэтому закономерно, что интеллигенция, в поиске форм национальной идентичности, подняла вопрос о судьбе данного суда – от полного упразднения до признания его в качестве необходимой правовой практики в будущей национальной автономии.

Поводом к возникновению в 1909 г. дискуссии стало сообщение о том, что Министерством внутренних дел подготовлен проект закона, согласно которому в Казахской степи должно быть введено крестьянское положение, аналогичное центральным территориям империи, а местный суд заменялся крестьянским волостным¹.

Одним из первых на появление проекта отреагировал юрист Жанша Сейдалин (1877–1923), который предложил организовать казахский съезд для обсуждения проекта реформ системы управления и суда².

В преддверии съезда на страницах периодических изданий развернулась дискуссия о будущем судебной системы, показавшая, что нормы шариата, несмотря на усилия властей отеснить их на задний план, имели место в судебной практике (судя по заметкам, в основном эти нормы применялись при решении исков в области семейно-брачных отношений). Такое умозаключение можно сделать на основании публикуемых материалов, авторов которых можно условно разделить на две группы: первая выступала в защиту шариатского суда³, а вторая – за сохранение адата.

К числу тех, кто выступал против введения норм шариата и расширения сферы действия русского суда, относится лидер партии «Алаш» Алихан

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 181. Л. 3–4.

² Шардай Қарасарт баласы. Тағы да қазақ дауы, би һәм билік // Айқап. 1914. № 10. С. 157–159.

³ Там же. С. 157.

Букейханов (1866–1937). Свою позицию в отношении ограничения полномочий имперского права он подкрепил примером из британской судебной системы в Азии, основанной на местных обычаях. К тому же, по его мнению, содержать русского судью в каждом казахском ауле не представлялось возможным по многим причинам, в том числе, финансовым. Идею же введения шариата в казахских судах он встретил очень осторожно. Лидер партии «Алаш» считал, что в жизни казахов, в том числе, в правовой культуре, шариат никогда не играл существенной роли. «Шариат тверд как камень и никогда не меняется и не соответствует реальностям казахской жизни»¹. Он подверг острой критике действия властей по переустройству суда биев: «С тех пор как казахи объединились с русскими, исчезли сильные как скакуны и мудрые на слова бии. Опираясь на слова наших известных биев, нынешние суды вершат свои дела за взятки, делая черное белым, а белое черным, таков сегодняшний наш день. Надеясь на нынешних биев, мы теряем свое лицо как народ. Наша человеческая задача – направить этих заблудившихся людей на верный путь справедливой власти. Не зная обычаи и нравы народа, никто не имеет прав диктовать ему свой закон»². Рассматривая организацию волостного суда, А. Букейханов отмечал, что «у казахов по закону волость состоит из 1000 юрт, а аул не менее из 100 юрт. Если перевести казахского судью на русского, то на одну волость необходимо 10 судей, следовательно, на содержание одного из них приходится около 3000 рублей. Для волости это обойдется в 30 000 рублей. На одну семью 30 рублей пошлины. А казахи – народ степной, у большинства из них нет возможности оплатить такую сумму». И далее: «Русский судья не знает языка нашего народа. Спор через переводчика не имеет смысла. Замена казахского бия русским судьей не имеет никакой необходимости»³.

¹ Бөкейханов Ә. Тағы да би һәм билік / Құраст.: М. Қойгелдиев. Алматы, 1994. С. 167–168; Букейханов А. Бии и власть // Избранное. Алматы, 1995. С. 167.

² Букейханов А. Бии и власть... С. 167.

³ Там же. С. 168.

Понять озабоченность А. Букейханова можно, так как местная правовая практика, как уже отмечалось выше, сводилась к примирительно-третейскому разбирательству на основе добровольного соглашения сторон. Фигура бия для простых кочевников фактически заслоняла прочие органы власти.

Отрицательное отношение А. Букейханова к идее внедрения в казахский суд норм шариата вызвало бурную реакцию со стороны некоторой части интеллигенции, выступившей за введение норм шариата по модели татар, подчиненных ведомству Оренбургского духовного собрания. Оппоненты критиковали А. Букейханова за позицию в отношении шариата, доказывая, что в «исламе затвердевшим как камень является только ибадат (различные формы поклонения Богу), а муамалат (нормы отношений между людьми) и укубат (система наказаний) могут меняться»¹. В отличие от газеты «Казах», которая часто печатала статьи А. Букейханова, журнал «Айкап» систематически размещал на своих страницах материалы в поддержку подчинения казахов Оренбургскому духовному собранию, которое невозможно было без внедрения шариата в судебные дела казахов².

Будучи фактически идейным руководителем газеты «Казах», А. Букейханов не всегда находил поддержку своих идей даже среди авторов этой газеты. Так, Шакарим Кудайбердиев (1858–1931), имевший авторитет и вес среди интеллигенции Казахстана, считал, что внедрение шариата в судебных делах будет полезным для казахского общества. По его мнению, «окостенелость» шариата связана с безграмотностью мулл, которые, имея половинчатые знания, не могут правильно и грамотно донести до народа основы правовых, морально-этических и религиозных норм ислама. Для этого он предлагал уменьшить количество биев. Данная мера, по убеждению философа, привела бы к улучшению качества работы и состава биев³.

¹ Сәрсекеев Мұғалім Хафиз. Дұрыстық // Айкап. 1914. № 8. С. 130–131.

² Камали И.А. Шарифатты ма немесе ғұрыпты ма қалдыруға? // Айкап. 1914. № 12. С. 16.

³ Шәкәрім. Би һәм билік туралы // Қазақ газеті. 1914. № 165. С. 3.

На 4-м Всероссийском мусульманском съезде, проходившем в июне 1914 г. в г. Санкт-Петербурге, одним из ключевых вопросов, по которому возникли горячие споры, был вопрос о реформе Духовных собраний¹. В казахской делегации произошел раскол в ходе дискуссии о введении основ шариата среди казахов. А. Букейханов стоял на своих прежних позициях. Он был убежден, что шариат вреден для народа и не нужен, так как казахи в своей обычно-правовой культуре опираются на адат, обычное право. Позиция А. Букейханова не нашла поддержки среди других членов делегации, которые осудили его за содействие русификации. Так, Б. Каратаев, С. Лапин, Ж. Сейдалин и другие считали: «Время обычного права среди казахов ушло. Весь казахский народ испытывает гнет со стороны так называемого народного суда. В этом суде справедливости нет. Единственный выход из создавшейся ситуации для казахского народа – это принятие норм шариата»². Стенограмма заседания мусульманского съезда говорит о том, что его участники просили «введения для киргиз особого муфтиата»³.

Более того, по словам депутата II Государственной Думы – наиболее непреклонного в этом вопросе Б. Каратаева (1869–1934): «Киргизы ранее находились в ведении Оренбургского духовного правления, но в 60-х годах правительство изъяло их из ведения оренбургского муфтиата в надежде на то, что они перейдут в православие. Однако киргизы вместо одной мечети, установленной правительством для целой волости, выстраивали их десятками – конспиративным образом»⁴.

Будущее судебной власти Б. Каратаев видел в ее независимости. Введение русского права, по его мнению, привело к появлению взяточничества, борьбы за должность, коррупции в судах. В таких условиях адат окончательно потерял

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 525; Там же. Д. 577.

² Каратаев С.Б., Сейдалин Ж.Ш., Лапин С., Аманшин Д., Нарынбаев А. Итоги советов казахов по религиозно-правовому и земельному вопросу // Айқап. 1914. № 14. С. 226–229. О взглядах лидера партии «Шурои Улема» С. Лапина см. подробнее: Германов В.А. Лидер партии «Шурои Улема» С. Лапин: путь от лояльной оппозиции до непримиримой конфронтации // Россия – Средняя Азия... С. 289–305.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 577.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 525. Л. 97.

свое значение в казахском обществе, а судьи стали игрушками в руках чиновников. Выход из создавшейся ситуации Б. Каратаев связывал с введением норм шариата в судебную систему.

Под влиянием бурных дискуссий на съезде А. Букейханов написал статью, в которой заметил, что нормы шариата, в отличие от адата, достаточно жестко регламентируют брачно-семейные отношения. Он привел в пример героиню романа М. Дулатова «Несчастливая Жамал», которую шариат жестоко наказал бы за ее побег с любимым человеком¹. Эта статья вызвала новую волну публикаций в поддержку шариата. Авторы осудили А. Букейханова за неправильное понимание Корана и защиту адата, а также высказали идею о том, что в начале XX в. адат нужен только властям как средство для удержания казахов в первобытном состоянии².

Разногласия по вопросам судебной реформы породили идейный раскол внутри национальной интеллигенции. После закрытия осенью 1915 г. журнала «Айкап» позиции сторонников сохранения адата укрепились, хотя и они не исключали возможности введения шариата в некоторые судебные дела, особенно касающиеся развода. Впоследствии идеи А. Букейханова легли в основу программы партии «Алаш», которая после создания правительства «Алаш-Орды» занялась вопросами реформирования народного суда биев.

В годы гражданской войны партия «Алаш» все свои надежды связывала с белым движением. В 1919 г., выступая на предварительном междуведомственном совещании «по вопросам административно-хозяйственного устройства казак-киргизского народа», которое проходило в г. Омске под председательством министра внутренних дел П.Ф. Коропачинского, А. Букейханов указал, «что “наиболее большим вопросом нашей жизни” является восстановление национального суда, способного энергично и эффективно решать многие вопросы с учетом самобытного уклада жизни

¹ Бөкейханов Ә. Мұсылман сиезі // Қазақ. 1914. № 89. С. 2.

² Мәкет. Шариғатты қорғау үшін // Айкап. 1914. № 24. С. 335.

казахов»¹. Поэтому правительство адмирала Колчака по инициативе алашордынцев разработало в 1919 г. положение о казахском суде. Как пишет ведущий специалист по истории движения «Алаш» Д.А. Аманжолова: «Его содержание нам не известно, и судить о степени учета предложений Алаш-Орды правительством Колчака мы не можем»². Тем не менее, подписанное 21 августа Верховным Правителем постановление Совета Министров «Об утверждении положения о киргизском суде» повысило статус местных судей и расширило область применения неписанного права казахов. Суду биев было предоставлено право принимать и рассматривать все как гражданские, так и уголовные иски. Одним из главных критериев в отборе судей было знание казахского языка. «В связи с “дарованием киргизского суда” коренное население Акмолинского уезда 26 сентября отслужило благодарственный молебен»³. Судьба белого движения известна, но и после установления на территории Степи советской власти, лидеры партии не переставали уделять внимание судебной практике. Если в первые годы власть Советов снисходительно относилась к деятельности судов биев, что питало надежды М. Дулатова в отношении этих судов⁴, то с середины 1920-х годов начинается искоренение норм адата в среде казахов.

* * *

Распространение российского влияния на Казахские степи поставило перед правительством вопросы поиска возможных путей включения края в социокультурное имперское пространство. Понимание правительством России того, что территория империи представляет собой полиэтничное пространство, привело к разработке взвешенного, сбалансированного подхода к управлению разными окраинами.

¹ Цит. по: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М.: Россия молодая, 1994. С. 117.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 122.

⁴ Дулатов М. Халық соты (1921 г.) // Міржақып Дулатұлы. Бес томдық шығармалар жинағы. Т. 3: Көсемсөз, әдеби-сын және зерттеу мақалалары, қазақ тілінде басылған кітаптар көрсеткіштері / Құраст.: Г. Дулатова, С. Иманбаева. Алматы, 2003. С. 44–46.

Поэтому проводившиеся на протяжении всего XIX в. административно-правовые реформы были осторожными, в том числе и в области права.

Прежде чем перейти к преобразованиям местных практик, был организован сбор разнообразного материала о нормативных системах местных народов, систематизация которого влияла в определенной степени на выработку имперского подхода в вопросах права.

Имперский дискурс по реформированию судебной системы вызывал неоднозначное отношение в обществе. Дореволюционные российские исследователи при изучении казахского общества отмечали привилегированное положение биев, отличавшихся от остальных групп не только материальным положением, но и на основе этого – общественным авторитетом.

Собранные материалы позволили исследователям сделать вывод о том, что авторитет бия заслуживался безупречной репутацией, знанием норм адата, умением создавать условия для функционирования кочевой общины. В то же время, прочное социальное положение биев служило источником для длительной дискуссии о путях включения судебного института в имперскую правовую практику. Так, если одни выступали за постепенную инкорпорацию местного права в имперское (А.К. Гейнс, Л.А. Словохотов и др.), то другие, приверженцы либерального направления (Дельвиг, Н. Дингельштедт и др.), связывали подъем России с процессом быстрого «окультуривания» местных народов. И тех, и других объединяло желание «цивилизовать» кочевые народы, видя в этом историческую миссию просвещенной России.

В дискуссиях приняла участие и местная интеллигенция, являвшаяся носителем аутентичного мировосприятия, на которое наложилось европейское образование и воспитание. Связывая будущее своего народа с сохранением традиционных институтов, она вместе с тем желала через империю приобщить казахский народ к достижениям западной цивилизации. Однако пути этого процесса так же виделись по-разному – с сохранением в будущей автономии

суда биев, основанным на нормах адата, либо – с упрочением мусульманского права.

Анализируя позиции представителей досоветской историографии, приходишь к выводу, что в ней доминировали две точки зрения – имперская – видевшая необратимость процесса включения местных правовых практик в имперское нормативное поле и национальная – мечтавшая сохранить традиционные институты, с элементами европейской цивилизации.

Авторы направлений относятся к институту биев субъективно, а иначе и быть не могло – каждый преследовал свои цели, определявшиеся этнической принадлежностью, общественными стереотипами, подходами (имперским/национальным), личными предпочтениями и т. д. Однако такое историографическое «противоречие» ни в коей мере не должно нас смущать и служить основанием для недоверия и предвзятого отношения к какому-либо из них. Наоборот, «палитра» исследовательских мнений лишней раз доказывает, что решение вопроса было вариативно, ситуативно, более того, может меняться со временем, поскольку сам предмет исследования не является неизменным. Ни одна из позиций авторов не может служить основанием для выведения общего, «единственно верного» тезиса, но в то же время позволяет увидеть предмет со всех сторон: показать его противоречивость, «особость», роль в обществе, ставшие в свое время причиной повышенного внимания со стороны исследователей.

§ 2. Суд биев как инструмент урегулирования конфликтов в степи

С началом тесных русско-казахских контактов, российские власти прилагали усилия, чтобы получить как можно более достоверные сведения о характере местного права. Наряду с изучением института биев, исследовательская оптика была направлена на анализ судебно-процессуальных норм адата.

Испытывая влияние «романтической школы» русской этнографии конца XVIII – начала XIX в., исследователи хотели найти подтверждение понятий «родовая община», «доклассовое общество», «народное право» в казахском обществе. Такая цель имела как теоретический характер, так и практический.

С одной стороны, обращение к «древнему» праву позволяло проводить аналогии с первобытными обществами и сравнивать, точнее «первыми» видеть изменения в традиционной нормативной практике казахов, уже вошедших в поле влияния российской империи. С другой стороны – такие исследования о «родовом праве» казахов носили практический характер и служили подтверждением существования условий для постепенной инкорпорации местного права в российское законодательство.

Поэтому, несмотря на некоторые оговорки, вроде «дикое общество», «безначалие» и т. д., можно прочесть в целом положительные отзывы и проследить «симпатии» исследователей, которые рисовали местную правовую среду как подходящую для реформ и рекомендовали ее не менять, а использовать в ходе цивилизаторских мероприятий по включению края в российское социокультурное пространство.

Для проведения историографического анализа в данном разделе рассмотрим вопрос в двух аспектах: следствие и судебный процесс; виды доказательств.

Следствие и судебный процесс

Казахский адат возник в кочевой среде и развивался как правовой обычай кочевых общин. Судя по тому, что он продолжал действовать на протяжении долгого времени, можно сказать, что адат являлся наиболее функциональной судебной практикой среди кочевников.

В казахском обычном праве не было различий между гражданскими и уголовными делами, как в современном законодательстве. Вид наказания за любые нарушения был в основном одним и тем же (уплата композиции). Биям приходилось интерпретировать и создавать правовые нормы, которые не могла

обжаловать любая другая власть. Поскольку письменной кодификации судебных прецедентов не существовало, все знания бия зависели от овладения им устным наследием народа, которое передавалось от поколения к поколению, и поэтому существовали различные варианты норм права. В связи с этим умение бия применять свои знания к месту и сообразно возникшей ситуации говорило о его достаточно высоком уровне как судьи и правоведа. По спорным вопросам бии консультировались с другими старейшинами общества для формулирования новых правовых правил в кочевом коллективе.

В обычном праве под преступлением подразумевались лишь те действия кочевника, которые причиняли материальный и моральный вред интересам кочевой общины, строго следившей за установленным в ней правопорядком. У казахов не было определенного места судебных заседаний. При выборе места исходили из удобства для участников процесса: погодных условий, дальности района кочеваний и т. д. Обычно рассмотрение крупных судебных дел приурочивали к какому-нибудь значительному событию в степи: тою, поминкам и т. д. В процессе разбора дел члены суда были обеспечены едой, жильем и прочими удобствами, предоставление которых ложилось на плечи хозяев мероприятия, где всегда собиралось большое число людей. В других случаях заседание суда проходило в ауле истца или ответчика, с тем чтобы, во-первых, все расходы, связанные с организацией суда, ложились на их плечи; во-вторых, в случае подтверждения вины ответчика, приговор биев приводился в исполнение немедленно. Более мелкие (внутриродовые) дела рассматривались в аксакальском суде без особой огласки и с участием узкого круга лиц, имеющих непосредственный интерес к этому делу.

В основе существования казахской общины лежал принцип компромисса как категории равновесия и стабильности коллектива. Хотя дореволюционные нарративы и отмечали, что казахи «любили» судиться, но при этом указывали, что многие споры заканчивались досудебными процедурами, в первую очередь

– мировым соглашением между конфликтующими сторонами, которое и являлось главной целью суда биев.

В XVIII – начале XIX в. Российская империя имела ограниченные сведения об адате, поскольку его нормы не имели письменной кодификации. Образ «беззаконного», «жестокого» общества предстал в работах государственных деятелей, которые по роду службы пересекали казахскую степь¹. К примеру, в записках переводчика отдельного Сибирского корпуса г-на Назарова, посланного в Коканд в 1814 г., отмечалось, что кочевая жизнь позволяет казахам избегать большой подчиненности, поэтому они «законов никаких не имеют и утверждают на одном Алкоране, либо на естественном праве»².

Назаров обратил внимание на биев, которым вменялось право решения судебных вопросов в казахском обществе. Он писал: «Мы пришли в то самое время, когда они судили одного из своих собратий. Собранные, по повелению хана, старые бии, сидя с важностью на разостланных по траве коврах, приговорили преступника к смерти; приговор исполнен был в одну минуту»³. Став невольно участником судебного процесса, Назаров отметил несколько отличительных свойств суда по обычному праву. Во-первых, он отличался от российской судебной практики своею скоростью в решении дела и приведении приговора в исполнение. Во-вторых, жестокая, по его мнению, мера наказания, вынесенная биями за кражу скота, которая в других условиях получала совершенно противоположную оценку. «Спросив о его преступлении, я весьма удивился, узнав, что его казнили за кражу двух в волости баранов, тогда, как самые же сии Киргизы, по поводу частной ссоры с соседями, ездят по ночам в чужие волости, и отгоняют целые стада рогатого скота и табуны лошадей,

¹ Назаров. Киргизы // Вестник Европы. 1821. Ч. 119. № 16; Броневский С.Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. Ч. 41, 42, 43. 1830; О судопроизводстве в Букеевской Орде // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 66; и др.

² Назаров. Киргизы... С. 317.

³ Там же.

возвращая оные не иначе, как через выкуп, посредством нарочно собираемых на тот случай с обеих сторон биев»¹.

Описание Назарова основано на сложившемся в империи стереотипе о суде биев как о «неправом» и объяснялось незаконностью, царившей в обществе казахов. Стоит привести объяснение самими биями случаев приведения в исполнение таких приговоров (судя по архивным материалам, такие приговоры встречались *крайне редко*): «Воров в степи много; пробовали в отношении к ним различные наказания; наказывали их – не унимаются; налагали на них небольшие взыскания – не унимаются; вот определили – разорять вора в конец, чтобы другой не отважился на кражу»².

Генерал-майор С.Б. Броневский, будучи назначенным в 1823 г. начальником Омской области, по долгу службы часто бывал на территории Среднего жуза. Соотнося традиции русской жизни с казахской, он критически относился к принципам общественного устройства последних и полагал, что разрозненные казахские племена, не имея объединяющего начала, не представляли единого политического тела, «которое управлялось бы какими-либо законами, ведущими к исполнению намерений и предложений, основанных на началах общей цели»³.

Собирая сведения об обычном праве (в своей работе он привел 70 статей адата) от известных биев Среднего жуза, автор говорил о том, что ни имени «изобретателя», ни времени их принятия никто не помнит, однако редкий бий их не знает⁴. Наряду с этим С.Б. Броневский подметил, что при кажущемся безначалии у казахов, так как «нет лица, велению которого общество, или семейство в частности, готовы были бы повиноваться»⁵, тем не менее, родовые отношения являлись решающими для жизнедеятельности общины и позволяли контролировать действия каждого соплеменника. Для народного управления

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 222. Л. 27.

³ Броневский С.Б. О киргиз-кайсаках Средней Орды. Ч. 43. 1830. С. 257.

⁴ Там же. С. 284.

⁵ Там же. С. 257.

выработан был свод законов (скорее всего, имелись в виду правовые нормы – «нужнейшие законы» эпохи Тауке хана), согласно которым вопросами судебных разбирательств между казахами занимались «велиречивые бии»¹, которые при поступлении жалобы старались подробно и детально разобраться в существе иска. Сам процесс рассмотрения иска, по мнению автора, продолжителен, но он позволял всем сторонам процесса выступить в ходе судебного расследования. С.Б. Броневский отмечал, что бии-судьи в своих доводах при вынесении приговоров основывались на конкретных примерах из судебной практики, поэтому «иски оканчиваются решением, исполняемым без ропота и возражений»².

Особенностью судебного процесса, по мнению чиновника, было то, что искусный бий в ходе решения дела старался примирить стороны, для этого использовал все свое красноречие, знания и жизненный опыт.

Аналогичную характеристику можно встретить в работах других чиновников. Интерес представляют материалы, собранные Пограничной комиссией в 1846 г., на которые я уже неоднократно ссылалась, поскольку собранные в них сведения во многом отличались от имеющихся к тому времени. По широте и глубине охвата вопросов можно выделить рапорты поручика д'Андре, в которых он одним из первых отмечал наличие в казахском судебном процессе начал розыска. Он писал: «Если к бию явится ордынец с доносом на какой-либо проступок посторонних ему лиц, в таком случае бий приступает к надлежащему розыску и буде донос такой предупредил преступление или же мог принести пользу общую доноситель ничего не получает, кроме одобрения бия»³. Ложный донос влек за собой увещевание и если он не принес кому-либо убытка, «доноситель наказывается розгами по усмотрению бия и с той поры уже не имеет право ни в каком случае являться к

¹ Там же. С. 224.

² Там же. С. 224.

³ Д'Андре. Описание киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона // Материалы по казахскому обычному праву... С. 167.

бию с какими бы то ни было жалобами»¹. Следовательно, донос как причина розыска не вызывала осуждения общества и являлась очевидно элементом розыскной системы.

Однако сведения д'Андре не в полной мере находят подтверждение в последующих материалах по обычному праву. Так, член Семипалатинского статистического комитета П.Е. Маковецкий в 1886 г. писал: «Киргизы не видят ничего дурного в ложном доносе, сделанном русским властям. Иные роды доноса вызывают, напротив, горячий протест, а сами доносители считаются дурными людьми. К ним прилагается множество оскорбительных выражений: “бельдручи”, “джалакр” – ябедник, “утрюкчи” – лгун, “уекчи” – сплетник, “булюкчи” – бунтовщик, “бзувчи” – разстройщик»². Такие противоречивые данные исследователей адата, скорее всего, говорят о вариативности при их применении и связаны, возможно, с социальным полем рода и общины. Так, если донос сделан в отношении однородца, то, несомненно, такой поступок считался дурным в глазах его родственников, поскольку связывался с понятием «предательство». В записях полковника Певцова об адате Младшего жуза читаем: «Многие из нас бывали свидетелями, как умирали киргизы, по определению рода позорной казнью в удовлетворении русскому требованию выдачи преступников, фиктивно принимая на себя преступления, чтоб только отвлечь грозу от целого рода»³.

В то же время, если затрагивалась честь рода, то донос в отношении инородца рассматривался как действие, направленное на защиту всего рода, поэтому он находил одобрение среди кровников.

Одной из функций биев в предварительном следствии являлось собирание доказательств по делу. Д'Андре указывал на это обстоятельство таким образом: «Выемка в кибитке или джуламейке, то таковые производятся или самим бием, или чрез доверенное от него лицо при двух посторонних из чужого аула

¹ Там же.

² Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев // Материалы по казахскому обычному праву... С. 377.

³ РГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

киргизцах назначенных бием»¹, т. е. поиск необходимых доказательств или улики производился бием или его доверенными лицами.

В более позднее время, после административно-правовых реформ XIX в. меняется судебный процесс на территории Казахстана: розыскные функции наряду с сохранившимися у биев, передаются следственным органам уездной администрации, очевидно, с целью контроля и ограничения полномочий народного суда. Однако в традиционном обществе эти функции возлагались, судя по донесениям д'Андре, не только на потерпевшего, но и на бия.

Сведения д'Андре особенно интересны тем, что практически во всех рассказах о судебной практике биев отмечалось, что элементы розыска со стороны бия не были в целом характерны для казахской судебной практики. Судебно-розыскные действия являются обязанностью самого истца, т. е. выставление иска, поиск улики и доказательств, приведение свидетелей и т. д. является сугубо личным делом потерпевшего. Вмешиваться в его действия никто кроме общинников не имел права. Бийские розыскные мероприятия связаны, очевидно, с такими правонарушениями, которые влекли за собой угрозу существованию коллектива, мешали его цельному развитию, возможно, тяжесть проступка была настолько велика, что влекла распад общины на мелкие подроды, что было опасно в условиях развития экстенсивного кочевого хозяйства. Целостность всей общины как системы выступала на первый план.

Далее д'Андре отмечал, что после возбуждения дела обвиняемый в случае отказа добровольно явиться на суд биев задерживался силами общественного порядка: бий правомочен, согласно обычному праву, «вытребовать из аула то лицо через родственников»² или через доверенного человека, получившего специальное поручение от бия. Кроме этого, судя по рапорту губернского секретаря Беглова, существовал при судьях есаул, который за свои услуги

¹ Там же. С. 169.

² Там же. С. 167.

«получает со всякого десятка какого бы то ни было скота по одному»¹. Очевидно, есаулы – орган принуждения, приводивший решения бия в жизнь.

Официальные источники относили к особенностям судебной практики ее обвинительный характер, который в условиях господства родовых отношений являлся средством осуществления коллективной помощи и ответственности. Практически все архивные материалы отмечают *коллективную ответственность* рода: «В родовой жизни киргиз – все родовичи более или менее ответственны за одного, а один за всех, – и обида нанесенная одному – считается обидой целому роду, отчего среди их сравнительно редки убийства и другие тяжкие преступления»².

На каком бы этапе ни находилось следствие, именно самопомощь родового коллектива обеспечивала истцу осуществление правосудия, будь то обнаружение виновного, его поимка, обращение к суду биев, привлечение к ответственности, в конце концов, та же барымта, которую в одиночку произвести он не сможет, – во всех этих случаях все его действия направлены коллективом, именно он является тем вектором, следование которому обеспечивало победу в суде потерпевшему. *Самопомощь потерпевшего – это ключевой момент в судебном процессе*. То есть, даже если соблюдены все формальности судебного процесса, приведение в исполнение приговора бия во многом зависело от действий самого истца.

Практически все источники изобилуют сведениями о барымте, которую представляют как «разбойничье» нападение одних аулов на другие³, как «самоуправство», как проявление антироссийских настроений. Однако здесь упускается один важный момент: появление этого института — барымты – как

¹ Беглов. Собрание сведений, о принятых порядках суда, расправы, семейных обычаях и обрядах ордынцев, кочующих в районе Уральского укрепления // Материалы по казахскому обычному праву... С. 108; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 685.

² РГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

³ Собрание киргизских законов и положение на оные Омского временного комитета // Материалы по казахскому обычному праву... С. 35–91; Семейная распря в Киргиз-кайсацкой степи // Час досуга. 1861. № 10; Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865; Алекторов А.Е. Барымта // Оренбургский листок. 1890. № 22–23; Забытый. Старый барантас // Сибирский вестник. 1890. № 42; и др.

раз связано с проявлением самопомощи потерпевшего в отстаивании своих прав.

В этой связи полагаю необходимым рассмотреть особенности барымты как легитимного способа решения возникшего конфликта, санкционированного бийским судом. Легитимность барымты состояла в ее правомерности с точки зрения норм обычного права при соблюдении определенных процессуальных моментов.

В казахском обществе в виду отсутствия аппарата принуждения к исполнению решения суда биев барымта использовалась как один из видов самопомощи в рамках действующего обычного права. Барымту можно квалифицировать как особый правовой институт, позволяющий потерпевшей стороне легально захватить имущество обидчика. Причины барымты могут быть различны: желание призвать ответчика к разбирательству, заставить его выполнить решение суда; самоуправство против убийцы (желание утолить жажду мести); желание вынудить противную сторону к пересмотру решения суда и т. д. На самом деле причин для захвата чужого имущества предостаточно. Значение термина «барымта» настолько широко, что его зачастую применяли к различным актам насильственного угона скота. По сути, это не совсем правильно, нужно отличать барымту как легальный акт захвата движимого имущества от разбоя, воровства, конокрадства. Задача непростая, если учесть, что между этими понятиями существует тонкая грань. Однако различие установить возможно.

Законы хана Тауке позволяют говорить, что барымта регулировалась адатным правом, следовательно, стала узаконенным правовым институтом¹. Первоначально отменять или заменять ее другим правовым актом в условиях кочевого скотоводческого хозяйства представлялось невозможным: она позволяла власти контролировать отношения между общинами на законном основании. В дореволюционных источниках барымта рассматривается как

¹ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алматы: Жалын, 1998.

средство урегулирования конфликтов, возникающих по самым разным вопросам. Однако чтобы барымта носила легитимный характер, существует несколько критериев, соблюдение которых позволяло обществу признать правомерность претензий истца и его действий по отгону скота. Как писал Я.П. Гавердовский: «Когда удовлетворение, или пеня, по суду положенная, обвиненными не совершается, и когда родоначальник скрывает преступника и сам уклоняется разбирать дело, тогда обиженные имеют право, собрав к себе сотоварищество из ближних своих, скот, следующий в пеню, или мзду, за преступление, тайно отгонять от аула виновного; но по прибытии с оным в свое жилище должно тотчас объявить о сем старейшине и на пути встречающимся почетным людям. Сие возмездие названо барантою (барымтою. – Ж. М.)»¹.

У А.И. Левшина барымта производилась только с разрешения старейшины аула. В рапорте поручика Аитова от 26 февраля 1846 г. написано: «Когда по решению Бия претендатель не получит удовлетворения, по заперательству ли подозреваемого, или по недостатку на уличение его доказательства, но имеет уверенность, что он действительно сделал у него кражу, тогда возвращается в свой аул, объявляет о сем своим родственникам и одноаульцам и о своем предположении произвести в ауле виновного баранту, которую при удобном случае совершает с приглашенными им ордынцами»².

Суть подобного поступка заключается в том, что участвующие в барымте родственники в равной доле с истцом участвуют затем и в разделе добычи. Ведь барымта – это не только удовлетворение обоснованного иска, но и возможность обелить честь своего рода. Не случайно, одно из оснований правомерности барымты – предъявление предварительной претензии самому ответчику и его родственникам (зачастую в возмещении претензии участвовал весь родовой коллектив обидчика). Необходимо было поставить в известность

¹ Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого... С. 390.

² Аитов. О киргизских обычаях, имеющих в степи силу закона // Материалы по казахскому обычному праву... С. 101.

о готовящемся нападении все встречные аулы, а на обратном пути извещать о совершенном набеге, что придавало барымте общественный характер, она становилась социально-признаваемым правовым актом. Барымта, как правило, производилась в том случае, когда *все меры*, предпринятые истцом в свою защиту, были исчерпаны (предварительные переговоры с обидчиком и бием аула не дали положительных результатов, нежелание сторон найти общее решение, уклонение от явки в суд и т. д.) и отгон скота оставался единственным средством для возмещения ущерба. Зачастую скот отгонялся даже не у самого обидчика, а у авторитетного человека из той же кочевой общины, для того, чтобы привлечь внимание родственников ответчика и заставить их согласиться на судебное разбирательство.

Таким образом, барымта становилась последней возможностью для окончательного решения взаимных претензий, она не предполагала длительной и затяжной войны между родами, но иногда перерастала в таковую. Хотя «дальновидные и желающие добра своему народу бии, в редких случаях доведут дело до баранты, а стараются принимать все возможные меры к примирению»¹.

Во второй половине XVIII в. происходит постепенная трансформация барымты как нормы обычного права казахов². Это связано, в первую очередь, с земельным кризисом в казахской степи, с осложнением русско-казахских отношений в приграничных районах. Хотя стоит отметить, что отношение к барымте российского правительства менялось в зависимости от политики и методов руководства региональной администрации, от характера самой барымты. Нередко барымта получала антироссийскую окраску. И если на начальном этапе колонизации имперская администрация спокойно относилась к барымте как средству урегулирования отношений между кочевыми

¹ РГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 18. Л. 14–15.

² Специалист по обычному праву В.О.Бобровников подчеркнул, что «в мире не существует неизменных правовых систем». См.: Бобровников В.О. Мусульмане северного Кавказа: Обычай, право, насилие. М., 2002. С. 109. Под влиянием российской правовой системы некоторые нормы адата трансформировались, поменяв в определенной степени форму и содержание.

коллективами, то впоследствии, начиная с 20-х гг. XIX в., она причисляет подобные действия к уголовно-наказуемым преступлениям. Связано это с тем, что законодательство империи инкорпорировало многочисленные местные обычаи, однако не все. Те обычаи, которые не соответствовали нормам гражданско-процессуального кодекса (воровство, грабеж, убийства), были отнесены к категории дел, не подлежащих рассмотрению суда биев. Поэтому отношение российских властей к барымте как уголовному преступлению вполне понятно и объяснимо. Признавая, что право частной собственности является естественным, «врожденным» правом каждого гражданина, нормы российского законодательства квалифицировали посягательство на собственность (в любой форме) как нарушение законного гражданского права.

Долговечность (в определенной степени «живучесть») барымты как правовой нормы, к которой, несмотря на все запреты, прибегали казахи, вызывала беспокойство у российских властей. Интерес представляют архивные материалы, в которых прослеживается неоднозначное отношение местных и российских властей к «популярности» этого института. Так, в 1859 г. Главное управление Западной Сибири направило письмо, в котором просило военного губернатора области сибирских киргизов собрать сведения о «том, какие именно грабежи и воровства должно относить к баранте и вообще, что должно понимать под этим словом, ...применяясь к понятиям самих киргизов об этом преступлении, испросив и оренбургского начальника»¹. В ответ на этот запрос в начале 1860-х гг. поступили рапорты от Областного правления оренбургскими киргизами и султанов внешних округов.

Областное правление оренбургских киргизов в своем рапорте отметило интересную деталь, а именно: «В официальный русский язык слово это вошло в употребление с 1740 гг., с тех пор, как хан Абулхаир стал требовать у русского правительства, чтобы оно в отмщении (здесь и далее подчеркнуто в документе. – Ж. М.) за грабежи и разбой киргизцев на Оренбургской линии,

¹ ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1608. Л. 43.

задержало по указаниям его тех из них, которые будут приезжать в Оренбург. В то время под барантою и разумелось единство “задержание киргизов на линии за грабежи и разбой”¹. Полагаем, что этот документ свидетельствует, с одной стороны, о политическом расколе в казахском обществе, с другой – о том, что часть местной элиты (в данном случае Абулхаир хан) считала необходимым апеллировать к властям для поддержания своего пошатнувшегося влияния.

В документе отмечалось, что впоследствии термином «барымта» стали обозначать «разбойнические и грабительские наезды между киргизами, совершаемые значительным скопищем одного рода или отделения против людей другого рода или отделения, вследствие первоначальной обиды, нанесенной которой-либо из враждующих сторон».

Однако и это важно отметить, со временем оренбургские власти, знакомясь с бытом казахов, пришли к пониманию того, что барымтой следует называть не просто единичное воровство, похищение или грабеж, а действие «когда в мести за обиженного или обиженных первоначальным наездом примут участие родственники сих последних, и в свою очередь нападут на обидчиков, а эти ответят им новым наездом, и так далее. Другими словами, барантою обозначается не первоначальный грабеж, или разбой, а ряд грабежей или разбоев, последовавших за первоначальной обидою»².

Важный ключ к пониманию понятия «барымта» можно обнаружить в казахских голосах, слышимых в российских документах. Они раскрывают отношение к ней самих казахов, особенно в тех случаях, когда она прямо противопоставлялась краже и разбою. Так, в рапорте старшего султана майора Таукина отмечалось, что под барымтою следует признать такое действие, когда истец не добившись удовлетворения своего иска в ауле вора, «решается тайно угнать или у самого вора или у одноаульцев его что-либо из скота – соответствующее потере его и это действие именуется между киргизами также

¹ Там же. Л. 16–16 об.

² Там же. Л. 17.

барантою, но не считается преступлением в том убеждении, что здесь не похищается чужой собственности, а возвращается только своего»¹. Такое же мнение относительно барымты высказали старший султан Кокчетавского округа полковник Валиханов и старший султан Баян-аульского округа подполковник Чорманов. Валиханов выделил несколько признаков законной барымты: «1. Когда какой-нибудь киргиз подвергается грабежу или угону и грабитель или угонщик не может идти в суд. 2. Когда по суду биев кто-либо приговорен за грабеж, угон или воровство к уплате скота или другого рода штрафу»². Считая отношение российских властей к барымте неправильным «потому, что баранта смешивается с грабежом и набегами вообще, между тем как она не есть грабеж с корыстию и преступною целью завладеть чужим достоянием, а есть как бы средство, залог, чтобы получить законное удовлетворение»³, он просил оставить дела о барымте на рассмотрение в суде биев. Подполковник Чорманов в своем рапорте указывал, что отнесение дел с барымтой к уголовным неправильно, так как благодаря ей удовлетворяется законное требование истца – «киргизы называют: “мы получили удовлетворение барантой”, – каковое выражение по понятиям киргиз считается не в том, что понимается под словами: воровство, баранта или грабеж, а между тем подобные случаи, принимаются в буквальном смысле за грабеж и виновные подвергаются суду уголовному, чрез то содержатся арестованными несколько лет»⁴. Таким образом, в архивных материалах прослеживается четкое разграничение барымты как признанного кочевниками метода урегулирования спора и иных правонарушений, осуждаемых обществом. Отмечу, что все старшие султаны внешних округов просили не относить барымту к уголовным преступлениям, а отдавать дела, связанные с нею, на рассмотрение суда биев. Очевидно, у местных властей существовали серьезные расхождения в понимании этого правового института с имперской властью.

¹ Там же. Л. 8 об.

² Там же. Л. 22 об.

³ Там же. Л. 23–23 об.

⁴ Там же. Л. 32.

Меры правительства, направленные на искоренение барымты, привели к появлению под именем барымты мелкого грабежа, бороться с которым было некому. То есть, наряду с барымтой как процессуально-правовым институтом возник другой ее вид, несанкционированный властью, – чисто уголовный, губительно сказывающийся на положении простого народа.

Судя по всему, выведение властью барымты за пределы действия адата не привело к желаемым результатам, и лишний раз доказывает ее устойчивость как правовой нормы в обычном праве казахов. К такому выводу можно прийти, учитывая, что даже в первые годы советской власти барымта как средство урегулирования родовых отношений активно использовалась конфликтующими сторонами. Так, на заседании 2 сессии Губернского исполкома в марте 1924 г., губернский прокурор Т. Мустамбаев отмечал: «Распространенными видами преступлений среди киргизского населения вообще являются скотокрадство и баранта»¹ (заметим, что эти понятия подразумевали разные виды преступлений). Далее прокурор отмечал, что «борьба с ними в общеустановленном судебном порядке не дает желательного результата в виду специфического характера этих преступлений, вытекающих из бытовых условий киргиз»². Прочное положение барымты как процессуальной нормы привело к принятию целой серии документов НКЮ республики, которые так и назывались «Циркуляры НКЮ КирАССР о борьбе с калымом, барантой, куном и др. 1925 г.»³.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что барымта играла серьезную роль как специализированная норма адата, позволявшая родовым коллективам в условиях кочевого хозяйства разрешать свои взаимные претензии.

Интерес к адату и суду биев, возникший со стороны российского правительства в XVIII в., не угас даже после окончательного присоединения

¹ ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 27. Л. 40.

² Там же. Л. 46.

³ ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 12.

степеней к Российской империи во второй половине XIX в. и включения местных судов в низшую ступень судоустройства Степи по имперскому законодательству¹. Причину повышенного внимания к биям во многом можно объяснить тем, что бии оставались, несмотря на значительное сужение их компетенций в результате проводимых в крае реформ, одной из основных фигур в казахском социокультурном поле.

Общее отношение к суду биев, господствовавшее в среде региональных властей, можно выразить словами чиновника Оренбургской пограничной комиссии Ф. Лазаревского, писавшего: «От управления бия, сколько я могу понимать степи, можно ожидать в ней более порядка, спокойствия и народного благосостояния»².

Появляются публикации, в которых также отмечалось, что проводимые административно-политические реформы, если и поменяли судебную структуру в Степи, однако сам процесс в судах первой инстанции (суде биев) не претерпел существенных изменений. По-прежнему в далеких казахских аулах простые кочевники обращались к биям, которые все исковые дела рассматривали на основании правовых обычаев. На суд биев собирались тяжущиеся – истцы и ответчики, а также все желающие послушать судебные дебаты и узнать последние новости со всех окраин обширной Казахской степи.

Однако в процессуальных вопросах суда биев произошли определенные изменения. Так, Ч.Ч. Валиханов писал, что если раньше в основном все судебные иски возникали *по просьбе истца*, то в настоящее время существовала практика возбуждения дел «по сообщению административной власти»³. Информация Ч.Ч. Валиханова находит подтверждение в подготовленном в 1913 г. прокурором Ташкентской судебной палаты Н.И.

¹ Диваев А.А. Этнографические материалы // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, 1896. Вып. V; Спор. Киргизская сказка // Тургайская газета. 1898. № 36; Швецов С. Обычно-правовые воззрения алтайцев и киргиз. Брачные и семейные отношения // Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1898. Т. XXV; Максимов А.Н. Русские инородцы // Русская мысль. М., 1901; и др.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 222. Л. 7.

³ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 161, 166.

Ненароковым «Проекте упразднения народных судов в Туркестанском крае», в котором говорилось: «По общему правилу все дела как уголовные, так и гражданские начинаются у единоличных судей по жалобам, а у кочевников и по сообщениям волостного управителя или уездного начальника»¹. Это же мнение выражал и Н.И. Гродеков: «Бий, знающий о преступлении, на которое не было подано жалобы, мог производить об этом розыскание, наравне с аксакалами и уважаемыми лицами»². Подчеркну, что в дореформенное время бии (как и другие лица) не являлись инициаторами возбуждения иска – все подобные процедуры ложились на истца и его родственников.

В другом источнике по обычному праву, сборнике Д.Я. Самоквасова, можно найти норму, согласно которой права есаула по доставке подозреваемого в суд были расширены. И если раньше губернский секретарь Беглов (1846) лишь упоминал о есаулах, как посланцах биев, то у Д.Я. Самоквасова читаем: «Если посланный того, за кем был послан, будет бить и сделает раны, или убьет, то за битье и знак взыскания нет, а за убийство платит полный кун»³. Если же есаул сам применил силу против доставляемого в суд, который не оказывал сопротивления, в данном случае властям, то он отвечал перед судом за свои противоправные действия⁴.

Для решения спора истцу и ответчику предлагалось выбрать по одному бию, преимущественно из своей волости (иногда выбор падал на бия из другой волости, но он должен был принадлежать к роду истца или роду ответчика). В более важных случаях каждая сторона выбирала по два-три и более биев; при разбирательстве особенно сложных дел число их могло достигать до двенадцати. В случае разногласий между биями ответчика и истца, которых всегда выбиралось равное число, для управления съездом избирался сообща или назначался представителем региональной администрации посредник-бий

¹ ЦГА РУз. И-36. Оп. 1. Д. 6009. Л. 157 об.

² Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 182.

³ Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: Типография Ивана Носковского, 1876. С. 37.

⁴ Там же. С. 37.

(из других родов), голос которого решал дело окончательно путем присоединения его к той или другой стороне¹.

Для рассмотрения поступившей жалобы бии предоставляли каждой стороне право высказывать свои претензии, затем право подтверждения или опровержения получали свидетели сторон. В качестве новшества данного процесса можно отметить «рассмотрение предъявляемых документов»². Если учесть, что казахское общество характеризовалось в целом бесписьменной культурой, появление различного рода справок, документов, записок и т. д. можно считать важным нововведением второй половины XIX в. в казахском судопроизводстве.

Переводчик и этнограф И.И. Ибрагимов отмечал, что при поступлении иска бии внимательно выслушивали сначала одну сторону — истца, потом сторону ответчика. При этом для уяснения обстоятельств дела как для самих себя, так и для слушающей публики, бии нередко «задают той или другой стороне вопросы, приводят примеры, ловят на слове изворотливого киргиза, и таким образом, стараясь вызвать общее одобрение со стороны публики, показывают свои способности, употребляя для обнаружения истины такие приемы, которые принято относить к обязанностям адвоката, а не судьи»³.

Обе стороны, как правило, оставались довольны решениями своих судей, но в случае неудовлетворения принятым решением или для повышения объективности процесса всегда можно было произвести замену состава биев, пригласить нескольких биев из других волостей, доведя их число до двенадцати⁴.

Тот факт, что суд по древним обычаям отвечал потребностям казахского общества, отмечал русский генерал и ученый-востоковед Л.Ф. Костенко: «Народ во всяком случае доволен им и предпочитает суд по своим древним

¹ Народный суд в Туркестанском крае // Правительственный вестник. 1870. № 277. С. 2–3.

² Там же.

³ Ибрагимов И.И. Заметки о киргизском суде // Древний мир права. Материалы, документы и исследования. Т. 5. Алматы: Жеті жарғы, 2006. С. 304.

⁴ Народный суд в Туркестанском крае // Правительственный вестник. 1870. № 277. С. 2–3.

обычаям нашей уголовной или гражданской судебной практике, решительно недоступной его понятиям»¹. Зачастую казахи умышленно скрывали от российских властей некоторые виды преступлений (особенно относящиеся к уголовным) в расчете на то, что можно обратиться с исковым запросом к биям, которые рассудят дело по нормам обычного права.

Ошибиться при проведении следствия бий не мог, писал исследователь обычного права П.Е. Маковецкий. Открытая степь, общественная среда служили непреодолимым препятствием для сокрытия следов преступления, так что малейшее нарушение правопорядка становилось достоянием всеобщей гласности. «При киргизской общественности, при постоянных посещениях и разъездах из аула в аул, в степи весьма быстро обнаруживается всякая находка, всякая новая вещь, появившаяся у того или другого. Одинаково быстро расходится и известие о потерпевшем, а потому скрыть находку очень трудно и почти всегда потерянная вещь возвращается в руки своего хозяина, что и выражается у киргизов в следующей пословице: “Тапқан сүйіншіні, таныған алады» – «Нашедший радуется, опознавший возьмет»»².

Открытый характер общества кочевников служил препятствием не только для сокрытия преступления, но и для вероятности лжесвидетельства. В делах особой важности бий предоставлял возможность не менее чем трем свидетелям, сородичам каждой из сторон, поручиться в правдивости слов кровника. Но если показания свидетеля были заведомо ложны, так как его целью являлось желание обелить своего родственника в глазах общины, то такой проступок рано или поздно становился известным всем. «Трудно что-либо скрыть в степи от внимания ее жителей, и потому киргиз, ложно поручившийся в невинности обвиняемого сородича, рано или поздно будет уличен, а так же лжесвидетель, по народному обычаю, лишается

¹ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа // Материалы для географии и статистики России. Т. 1. СПб.: Тип. и хромолит. А.Т. Граншеля, 1880. С. 350.

² Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргиз // Семипалатинский областной статистический комитет. Имущественное право. Омск, 1882. С. 43.

покровительства общества, – более того, – добавлял автор, – его имущество может быть разграблено и сам он убит безнаказанно... Никто не решится на лжесвидетельство»¹.

При разрешении судебных споров бии применяли различные эксперименты, исследования, требовавшие особых знаний. Намного позже это практика трансформировалась в процессуальном законодательстве в специальные приемы из области криминалистики, судебной экспертизы и т. п. Так, например, в легенде, которую приводит знаток истории и этнографии казахов И.И. Крафт, рассказывается о процессуальных действиях бия-судьи.

К одному бию, славившемуся своей мудростью и справедливостью, постоянно стекалось много людей для решения насущных житейских споров. Однажды к нему обратились двое мужчин, один из которых был мулла, и женщина. Спор был о женщине: и тот и другой мужчина доказывали, что она – его жена. Затем к бию пришли мясник и покупатель, которые в ходе купли-продажи не поделили червонец. Последними в тот день к бию обратились двое мужчин, один из которых был бий. Спор возник по поводу лошади: каждый из них уверял, что она принадлежит ему. Всем тяжущимся мудрый бий назначил следующий день для разрешения возникших разногласий.

И вот бий объявил им всем свое решение. Женщина является женою мุลлы, так как она очень тщательно и аккуратно вычистила предложенную бием чернильницу, отчего бий сделал вывод, что она умела обращаться с письменными принадлежностями; другой же претендент был неграмотным. Червонец судья отдал мяснику, так как, когда монету опустили в горячую воду, на поверхность воды всплыли жирные пятна. Особую трудность вызвал спор третьей группы. Но и его бий успешно разрешил. Предложив участникам спора пройти несколько раз мимо лошади, стоявшей в ряду других лошадей, он увидел, что при приближении к ней участвующего в тяжбе бия, лошадь

¹ Ибрагимов И. И. Заметки о киргизском суде // Древний мир права... Т. 5. Алматы: Жеті жарғы, 2006. С. 303.

«узнала своего хозяина и ласково взглянула»¹. Из чего он сделал вывод, что лошадь принадлежит этому бию.

Приведенная легенда говорит о том, что при разрешении споров бием были использованы специальные знания и производились процессуальные действия: замужество женщины было определено с помощью судебного эксперимента (чистка письменных принадлежностей); принадлежность червонца была определена с помощью судебной экспертизы, которая выявила наличие сальных наслоений на его поверхности; хозяин лошади был определен в результате такого судебного действия, как опознание, причем первоначально каждый из споривших должен был опознать лошадь, но решение было принято по поведению животного.

Таким образом, легенда подтверждает: при разрешении судебных споров бии применяли как общие знания норм адата, так и специальные сведения, а также особые приемы.

Известный краевед, исследователь Оренбургского края А.И. Добросмыслов сообщал о себе, что он прослужил «18 лет в киргизских степях в качестве ветеринарного инспектора, крестьянского начальника и председателя уездного съезда крестьянских начальников... свободное время посвятил изучению края в археологическом, историческом, хозяйственном и этнографическом отношениях, в результате чего в разное время было напечатано до 150 машинописных работ о киргизах в разных ученых журналах в виде отдельных книг и брошюр»². Он исследовал в том числе судебную систему в Тургайской области. Изучая правосудие непосредственно в степи, автор оставил интересные сведения о суде биев, который в начале XX в. представлял собой лишь остатки былой судебной системы казахского народа.

Для того чтобы рассмотреть эволюцию судебной практики в казахском крае, А.И. Добросмыслов показывает действие суда биев, начиная с ханской

¹ Крафт И. И. Из киргизской старины: (Султаны, тарханы и бии). Оренбург: Изд-во Ф.Б. Сачкова, 1900. С. 82.

² Сыздыкова Ж.С. Новые данные о биографии А.И. Добросмыслова / Сост. Д.В. Лосева. См.: [Портал «История Актюбинской области»]: URL: <http://myaktobe.kz/archives/38809> (дата обращения 13.11.2013).

эпохи. Он сообщал, что тогда казахи имели право обращаться за разбором дела не только к правителю или старейшине аула, к которому они принадлежат, но и к самому хану. Особенностью судебной системы по казахскому неписанному праву, отмечал краевед, являлось то, что иск мог быть подан только потерпевшей стороной и лишь только в этом случае бии имели право рассмотрения его в суде. Не всякое случившееся происшествие в глазах кочевника является преступлением, общественным злом, а только то, на которое поступила жалоба со стороны потерпевшего: «Судебное дело, может начаться только потерпевшим и не может быть наказуемо, если нет потерпевшего или он помирился с преступником»¹.

Стороны для решения конфликтной ситуации выбирали по своему желанию бия и в знак полного доверия к решению судьи бросали перед ним *камшы* (плети). «Обыкновенно истец и ответчик, если сами приходили к соглашению о необходимости суда или были понуждаемы к тому родственниками, избирали то или иное лицо судьей, являлись к нему и бросали перед ним камшу... и это признавалось обязательством подчиниться решению»². Бросание плетей перед судом означало беспрекословное согласие сторон с решением судьи, своего рода акт признания любого наказания, которое может следовать за приговором. Хотя, если не соблюдались формальные процедуры судебного процесса, как-то: публичность, гласность, открытость или судья, по мнению одной из сторон, был предвзят, – все это в совокупности давало повод тяжущимся обратиться к другому судье для пересмотра дела.

Родоплеменные отношения диктовали общественные правила, следование которым считалось обязательным для каждого кочевника. Обеспечение явки ответчика и истца на суд биев являлось делом всей общины, так как именно в суде происходила защита чести и достоинства отделения, подрода, рода, в целом, всего племени. Бии для сбора доказательной базы привлекали к суду

¹ Добросмыслов А. И. Суд у киргиз Тургайской области. Казань, 1904. С. 76.

² Там же. С. 24.

свидетелей, которых должно быть «не менее двух и иногда трех». Если же таковых ни ответчик, ни истец предоставить для своей защиты не могли, то бии прибегали к присяге, дать которую не могли ни истец, ни ответчик: «За них должны присягать люди, известные своею честностью»¹.

Такие же сведения о суде биев мы находим у российского публициста, востоковеда и юриста Я.И. Гурлянда. Работы Я.И. Гурлянда и А.И. Добросмыслова были написаны практически одновременно, поэтому приведенные в них данные взаимосвязаны и дополняют друг друга. Одним из немногих исследователей обычного права Я.И. Гурлянд изучил эволюцию степного законодательства с древнейших времен до конца XVII в., сравнил обычное право монголов с правом других кочевых народов и нашел много схожих черт, объединяющих кочевников Евразии. Отмечая роль биев при разрешении конфликтов в степи, ученый обращал большое внимание на такие институты традиционного общества, как круговая порука, родовая ответственность и родовая зависимость (*genti adscriptio*)². Механизм родовых институтов распространялся не только на рядового члена общины, но и на его семейство, род в целом, причем в регулировании этого механизма бии играли далеко не последнюю роль. От их решения зависела «солидарность и отсутствие раздоров и отпадения членов союза»³, которые были главными условиями для существования. Сопоставление степного законодательства разных кочевых народов привело автора к выводу о том, что для правовой организации казахов характерна низкая ступень развития, свойственная для обществ далекой старины.

Не всегда тяжущиеся стороны могли внятно и толково объяснить свои доводы или оправдания. В таких случаях они прибегали к помощи посредников, скорее всего своих сородичей, которым вменялось в обязанность от лица обратившегося кровника изложить суду суть вопроса. Суд

¹ Там же. С. 6.

² Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по 17-ое столетие. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. С. 60.

³ Там же. С. 6061.

производился скоро, без письменной волокиты, безо всяких предварительных исследований и расспросов. Основные принципы суда строились на личном судебном опыте и авторитете судьи, которому обе стороны доверяли всецело. Это характеристика, данная Л.А. Словохотовым повседневным судебным тяжбам казахов. Дела же особой важности, среди них: «Споры, в которых были заинтересованы разные роды, богохульство, убийство султана»¹, разбирались при большом стечении народа с участием самого хана в дни поминок либо многолюдных народных празднеств.

Такое, по мнению ученого, достаточно «простое» правосудие было не безукоризненно, оно имело свои недостатки, особенно заметные человеку, привыкшему к письменным кодифицированным законам, где нормы четко обозначены и их интерпретация в зависимости от объективных и субъективных обстоятельств, желания сторон и уровня судьи отсутствует. Но ученого поражала безграничная вера казахов в своих биев, так как «доказанная практикой умелость разобраться в тяжёбных вопросах, дающая возможность подтвердить свой приговор престижем родственной силы; преклонность возраста, естественным образом внушающая почет и уважение особенно там, где не умеют еще отдавать должного качествам ума и сердца, – вот те базисы, на которых держалась глубокая вера в непогрешимую святость приговора народного судьи-бия. При всем том ответчик мог устранить почему либо нежелательного для него судью»².

Л.А. Словохотов так же, как и другие исследователи отмечал коллективные действия общины по защите чести не столько отдельного человека, сколько рода: «Если виновный (ответчик) к судоговорению не явится или присужденного заплатить не в состоянии, то вознаграждение потерпевшему уплачивается родственниками или одноаульцами вышеуказанного ответчика»³.

¹ Там же. С. 46.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 47.

Анализ источников позволяет говорить о том, что, несмотря на родовую пестроту, нормы адата, регламентирующие суд и процесс, имели в целом единое содержание. К такому выводу можно прийти, поскольку в источниках правовые нормы обобщены и имеют общую характеристику. Дореволюционные исследователи верно подметили целый ряд особенностей казахского суда: открытость, гласность, быстрота, публичность и т. п., которые в целом обеспечивали стабильность кочевой жизни казаков.

Вместе с тем, исследователи казахского общества, перенося традиции русской жизни на казахов, преувеличивали незрелость общественного устройства кочевников, отсюда отношение к адату, в основу которого был положен принцип коллективности, как к первобытному, родовому праву.

Виды доказательств

Основными видами доказательств, судя по досоветской литературе, в обычном праве казахов были *присяга и показания свидетелей*¹. Традиционная казахская правовая система обладала рядом особенностей, важнейшей из которых являлась самопомощь ответчика (подозреваемого), выражавшаяся в согласии принять присягу одним из родственников ответчика, выбранного стороной истца. Решение стороной ответчика о принятии (непринятии) присяги рассматривалось как кульминационный момент судебного процесса, от результата которого зависел вердикт судьи. Присяга могла быть очистительной, со стороны ответчика, или подтверждающей, со стороны истца. В то же время присяга служила своего рода примирительной процедурой, так как после согласия принять присягу одним из родственников ответчика, стороны были обязаны урегулировать конфликт.

¹ Киргизский суд и присяга // Восточное обозрение. 1884. № 19; Суд бия Бальтекея // Там же. 1885. № 49–50; Леонтьев А. Обычное право киргиз. Судостройство и судопроизводство // Юридический вестник. 1890. № 5–6; Смирнов А.П. Быт и нравы киргизов. СПб. 1892; Присяга у киргиз // Киргизская степная газета. 1894. № 11; Недостатки киргизской присяги // Там же. 1894. № 36; Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. Ташкент: Русский Туркестан, 1899; Иомудский Н.Н. Присяга у Закаспийских туркмен. СПб., 1909; Леонтьев А. Обычное право киргиз. Судостройство и судопроизводство // Юридический вестник. 1890. № 5–6; Готовицкий М. Значение и обряд присяги у киргиз // Юридический вестник. 1885. Т. 19. № 5. С. 189–194; и др.

Кроме присяги другим видом доказательств на суде, к которому прибегали бии, являлись свидетельские показания. Подчеркну один момент – судя по источникам, еще во времена Тауке хана (1680–1715/18) институт присяги не играл существенной роли, и бии его использовали только в случае отсутствия свидетелей по делу. «Для удостоверения преступления требуется не менее двух и иногда трех свидетелей. За отсутствием свидетелей допускается прибегать к присяге»¹, – отмечал А.И. Левшин. В казахском фольклоре до сих пор сохранилась поговорка, которая гласит: «Плох тот судья, который для решения дела прибегает к присяге». Очевидно, такое отношение к присяге связано с тем, что присяга – «жан беру»² – считалось серьезным, и чуть ли не греховным поступком, на который кочевник шел ради спасения своего кровника. Однако повторю еще раз, институт присяги получил широкое распространение в Казахской степи в XIX в.

Генерал С.Б. Броневский отмечал, что при рассмотрении дела в суде бии прибегали к свидетельским показаниям «не менее трех людей, лучшего поведения, известного по достоинствам своим в Орде и богобоязливому человека, а не распутного»³. Кроме того, он указывал на еще один вид доказательства — присягу, принятие которой доверялось наиболее почетным ордынцам, не запятанным недостойным поведением. За лживую присягу казахов наказывали всеобщим презрением и отторжением из общества⁴.

Но все же со второй половины XIX в., по мере развития казахского общества, бии все чаще начинают прибегать к присяге, и она становится главным видом доказательства при решении искового дела. На основе анализа исторических материалов можно утверждать, что присяга в кочевом обществе казахов служила едва ли не единственным верным средством для установления истины в силу своей способности воздействовать на психику кочевника, для

¹ Левшин А.И. Описание Киргиз-казачьих или Киргиз-кайсацких орд и степей... С. 169.

² Жан беру означает дословно «душедаяние», т. е. смысл следующий – «я отдаю душу или отдал душу» в ответ на признание моей невиновности.

³ Броневский С.Б. О киргиз-кайсаках Средней Орды... С. 260.

⁴ Там же. С. 260.

которого морально-нравственные нормы являлись ключевым моментом миропонимания¹.

У Казанцева мы находим следующие слова о присяге: «Нарушение присяги, принятой по алкорану, киргизы не слишком страшатся; на них более действуют клятвы, по сохранившимся изстари обычаям, в следующих словах: аль-заным кукруген маан шайтан (завладеет душою дьявол); или качан мин улямен заным яксы яхатка, куршеттен тяним кафин іек (по смерти не иметь душе спокойствия, а телу савана) и тому подобные, заключающиеся тем, что принимающему присягу или клятву дают с острия ножа съесть кусочек сала, посыпанного солью или золою. Этим присяг или клятв киргизы более страшатся и исполняют их вернее»².

Рассмотрим процедуру проведения присяги, как она представлена в источниках. По сообщению генерал-лейтенанта военного губернатора Тургайской области Л.Ф. Баллюзек, присягу бий использовал в случае сомнения в правдивости и искренности показаний свидетелей; опытный бий редко прибегал к присяге, скорее всего, это говорило о его неопытности и бездарности³. Также Л.Ф. Баллюзек приводил несколько видов обряда присяги: путем целования дула ружья или когда присягающего казаха заставляли играть роль покойника, подвергали своего рода ритуальному омовению, одевали в саван и клали в положение умершего за ширмой в кибитке, либо вели к могиле⁴. При выполнении этих обрядовых действий приносилось своего рода символическое жертвоприношение, которое должно было помирить враждующие стороны.

Иногда таинство обряда присяги сопровождалось клятвой-самопроклятием, которая значительно усиливала эффект действия присяги.

¹ Козлов И. Обычное право киргизов // Памятная книжка Акмолинской области. Омск, 1882; Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев // Семипалатинский областной статистический комитет. Вып. I. Материальное право. Омск, 1886; и др.

² Казанцев. Описание киргиз-кайсаков. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1867. С. 36.

³ Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и имеющие в Малой орде силу закона // Записки Оренбург. отдела ИРГО. Вып. 2. Казань. 1871. С. 51–54.

⁴ Там же. С. 64–67.

Многие авторы воспроизводили клятвенные формулы, произносимые присягателями, вот, например, какую приводит в своей работе Л.Ф. Баллюзек: *«Если я лгу, да накажет меня Бог, да лишит он меня на том свете всякого воздаяния за мою веру в него и за все мои добродетели, а на этом — да не увижу добра от моего имущества и детей»*¹. Скорее всего, самопроклятия дополняли определенные ритуальные действия и являлись эмоциональным фоном происходящего. Известно, что в кочевом обществе сила устного слова была велика, поэтому клятва-самопроклятие имела несколько целей. Во-первых, она служила показателем искренности намерений присягающих, желания заступиться за своего родственника, подтвердить его невиновность. Во-вторых, данный речевой акт, становясь достоянием всего казахского общества, обелял в глазах всех общинников не только обвиненного в преступлении человека, но и весь его род, что было очень важно в среде кочевников, где положение каждого определялось генеалогическими традициями; в-третьих, он усиливал сакрализацию правовой процедуры, так как действие (присяга) подкреплялось определенным набором слов, связывающих этот мир с потусторонними силами (кочевник взывал к своим предкам и Богу).

Еще одно описание присяги находим у омского священника И. Сотникова. Он говорил о том, что бии предоставляли право принять присягу не истцу или ответчику, так как тот и другой были заинтересованы в исходе дела, а уважаемым лицам из аула ответчика, которых выбирал истец и его родственники. Причем бии, принимая решение истца по выбору присягателя, брали во внимание сам факт согласия этих лиц принять присягу, так как от этого решения зависел исход дела. Если таковые лица соглашались, то по решению бия обвиняемый уже считался правым и освобождался от ответственности, если же нет — признавался виноватым. И. Сотников подчеркивал, что решение бия во всех случаях зависело от воли и желания

¹ Там же. С. 66.

актеров судебного процесса. Автор остановился и на самом обряде присяги: «Лица, изъявившие желание принять присягу, предварительно обмываются водою; потом их ведут к какой-либо могиле, особенно чтимой киргизами; здесь раскладывают огонь, проводят их чрез него три раза и дают в заключение всего поцеловать дуло заряженного ружья»¹.

По мере закрепления российского судебного законодательства обычная древняя присяга заменяется присягой на Коране. При прохладном отношении казахов к религии вообще и, в частности, к ее обрядовой стороне, институт присяги постепенно начинает утрачивать свое фактическое значение и превращается в формальную обязанность потерпевшей стороны, причем страх перед присягой постепенно снижается.

В досоветских работах отмечалось, что присяга с использованием сур из Корана осмысливалась казахами как ложная процедура. Об этом сообщал И. Сотников, который считал, что казахи легко соглашались давать ложную присягу на Коране, которая требовалась царскими судами, особенно тогда, когда следствие производилось российскими чиновниками. «Они не питают к ней уважения и полагаться на нее не следует. Киргизы говорят, что если бы присяга по Корану была действительна, то Бог за ложную присягу поражал бы виноватых громом; но на деле этого нет»². Священник, как и подавляющее большинство исследователей, отмечал, что существовали две присяги – «ложная и своя». Ложная клятва как сказано выше, принималась на Коране с набором неизвестных для казахов арабских слов, а своя — по обычному праву.

Особенно часто лжеприсяга наблюдалась в спорах между казахами и представителями других национальностей. Когда присягатель путем некоторой мысленной оговорки мог дать любую присягу на непонятном для него языке, с использованием сур из Корана, он тем самым совершал, как ему казалось, богоугодное дело.

¹ Сотников И. Несколько слов о возможности учреждения миссии между киргизами Средней орды // Православное обозрение. 1872. С. 77.

² Там же.

Сведения о том, что ложная присяга на Коране не каралась отдельным наказанием, мы находим во многих работах¹. Как правило, назначались отстранение от общественных дел, предавали позору, а в конце XIX в. вводилась обязанность возмещения убытков, причиненных ложной присягой, штрафы в пользу бедных.

Исследуя особенности юридического быта кочевых народов Центральной Азии, Н.И. Гродеков отмечал, что судебный порядок, закрепившийся в казахском обычном праве, предполагал априорное право истца требовать со стороны ответчика очистительной присяги, т. е. бремя доказывания присягой практически без исключения лежало на стороне ответчика. «Не отказывают в иске по бездоказанности, ибо истец не обязан доказывать справедливость иска. Напротив, ответчик обязан доказать свою чистоту»², — подчеркивал Н.И. Гродеков. В обществе утверждается практика презумпции виновности ответчика в любой ситуации. Истец, ищущий правду в суде, всегда прав.

Корни этого правопорядка, скорее всего, лежат в основе родоплеменной организации казахского общества. Открытая для всего этноса, родовая община — это социальный коллектив, где люди связаны кровным родством. Каждый его член знает все подробности жизни своего сородича: чем он занимается, чем владеет, какие действия совершает и т. д. В этих условиях предъявление необоснованных претензий — исков и обвинений — попросту невозможно, так как община тут же выражает свое согласие, если иск обоснован, или наоборот, протест, если кровник выставляет ложную претензию. Поэтому, если со стороны потерпевшего поступал иск, бий был не вправе отказать в рассмотрении дела, так как прежде чем обратиться с претензией, кочевник с помощью своих родственников многократно проверял и перепроверял свои подозрения, и лишь после этого публично выражал свои требования.

¹ Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев // Семипалатинский областной статистический комитет. Вып. I. Материальное право. Омск, 1886. С. 63–76; Гродеков Н.И. Указ. соч. С. 212; Вульфсон Э. Киргизы. М.: Издание книжного магазина торгового дома С. Курник и К., 1913; и др.

² Гродеков Н.И. Указ. соч. С. 213.

Слова Н.И. Гродекова находят подтверждение в архивных материалах: «Обыкновенно убийца в своем роде никогда не скроет своего преступления, во-первых, с целью предупредить своих родовичей от всякого рода случайностей, кои могут возникнуть по поводу убийства и, во-вторых, с целью для себя иметь поддержку, если бы родственники убитого узнали имя и семью виновного. В свою очередь, и родственники убитого принимают деятельные меры к розыску и редко когда не находят убийцу. Как только замечается, что человек пропал, немедленно начинаются его розыски, киргизы убийцы, боясь мертвых, никогда не зарывают трупа, вследствие этого розыски всегда оканчиваются успехом, по чутью собаки, следя за полетом больших птиц стервятников, родственники всегда отыщут труп, если убийство произведено вблизи аула и он будет видим с дороги, а в степи – киргиз никогда не поленится свернуть с дороги, чтобы проследить на какой труп садится хищная птица, и когда он убедится, что это труп человека, то он немедленно начинает розыски сам, если ему позволяет время, или же передает свое открытие в первом ауле»¹. Или: «В степи не может быть тайны в этом отношении. Предметы, соблазняющие киргиза к преступлению не таковы, чтобы он мог скрыть их; украдет, например, он лошадь и хотя ведет ее подальше от аулов, однако по дороге его увидит кто-нибудь из земляков, а киргиз за версту и больше различит и масть лошади и во что одет седок, иногда самое лицо его. Приводит он лошадь в аул свой – одноаульцы не могут не видеть этого; передаст ее в дальний аул – одноаульцы знают, кому она передана; режет ее и опять не может скрыть этого от одноаульцев. Нужно еще прибавить к этому удивительную способность киргиза по следам, по ничего незначащим для другого приметам узнавать и вора и следы его. И тогда как киргиз дерзко лжет перед русским следователем и обманывает его, он не может солгать перед

¹ РГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–17.

своим султаном или бием, не может обмануть их, тем более что тут в степи, на лицо и истец, и свидетели, которые уличат его во лжи»¹.

По мнению Н.И. Гродекова, истец при разборе дела старался обратиться за помощью к авторитетному бию, к общине которого относился сам ответчик, так как это позволяло истцу надеяться на компенсацию. Находясь во власти бия-родоправителя, ответчик, как и вся община, нес ответственность за уплату контрибуции истцу, назначаемую бием-судьей, который в свою очередь вынужден был вводить этот штраф, так как репутация его самого и рода будет зависеть от справедливости вынесенного им вердикта. Поэтому бий при рассмотрении дела вне зависимости от родовой принадлежности должен был вынести то решение, которое позволит не только урегулировать конфликт, но и получить стороне истца материальное и моральное удовлетворение.

До принятия присяги бий дает присягателю срок, необходимый ему для ознакомления со всеми обстоятельствами дела. Присягатель с помощью родственников прикладывал все усилия для выяснения дела, для чего он проводил следственно-розыскные мероприятия путем опроса свидетелей, членов аула истца, в конце концов использовал «степную связь» — *узын кулак* — народную молву, которая, как известно, не ошибается. Поэтому, если присягатель выражал готовность присягнуть, то это уже считалось своего рода принятием присяги, так как была проведена большая предварительная работа по сбору материалов, относящихся к делу, и бий, чтобы оградить своих соплеменников от этой устрашающей процедуры, отсылал присягателя, больше ничего от него не требуя². Поэтому, принимая решение о назначении присяги, бии-судьи понимали, что желание ответчика избежать присяги любыми способами, вплоть до материального возмещения истцу понесенных утрат, и досконально проведенное следствие со стороны родственников потерпевшего позволят избежать ошибки.

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 222. Л. 13–14.

² Гродеков Н.И. Указ. соч. С. 213.

К началу XX в. процессуальные нормы под воздействием писаного права российского государства существенно видоизменились. Правовой плюрализм, соединивший устное обычное право казахов и российское законодательство, производил впечатление полной процессуальной неразберихи. 8 марта 1908 г. Николай II поручил сенатору графу К.К. Палену провести ревизию Туркестанского края в целях наиболее полного освещения его положения и сбора материалов для работы совещания К.А. Нестеровского¹. При проведении ревизии граф К. Пален обратил большое внимание на вопросы управления краем, в том числе на недостатки в судебной системе. Вот что он пишет по поводу судебной системы в Казахстане: «Все судебное производство сводится к спору истца и ответчика, которые, в большинстве случаев, вместе с выставляемыми ими присягателями, сами являются и решителями спора, соглашаясь или отказываясь принять присягу. “Народный” судья — не совершает той логической работы в оценке доказательств, без которой, по понятиям европейца, немисливо правильное отправление правосудия. В народном суде, строго говоря, нет места ни свободному внутреннему убеждению судьи, ни теории формальных доказательств. Вся деятельность судьи сводится к предоставлению одной из сторон или ее свидетелям принять присягу, а затем, исходя из установленных таким путем фактов, судья только применяет к данному случаю правовые нормы»². То есть, по его мнению, утвердившаяся в судах присяга, к которой прибегали бии при вынесении своего вердикта, исключает использование разумных способов отыскания справедливости и позволяет суду биев использовать различные рычаги воздействия на участвующих в процессе в пользу той стороны, к которой по различным причинам тяготел сам бий. Подобная практика ограничивала народный суд в плане объективности, справедливости и открывала возможность к различного рода произволу, взяткам, а, в конечном счете,

¹ Отчет по ревизии Туркестанского края гр. Палена. СПб., 1910. С. 37.

² Народные суды Туркестанского края. Отчет по ревизии Туркестанского края гр. Палена. СПб., 1910. С. 3.

приводила, по мнению К.К. Палена, к недоверию в глазах кочевников к российскому судопроизводству.

* * *

Проделав большую научно-полевую работу, исследователи выделяли общие, характерные черты, свойственные правовым институтам казахов. Верно подметив особенности казахского суда, в первую очередь, публичность, гласность, общественное исполнение приговоров суда, коллективизм и т. п., исследователи не совсем верно понимали и истолковывали правовые нормы адата. Так, барымта, отсутствие принудительно-полицейского аппарата, «жестокость» приговоров и т. д. списывались на «дикость» нравов, анархию и неорганизованность казахского общества.

Представляя российское общество, которое далеко ушло от родового строя, ученые искали аналогии казахскому обществу в «седой» древности (Словохотов, Гурлянд, Гродеков и др.), с ее действием норм адата (древнего права) и судом биев (родового органа).

Тезис о первобытности соционормативного поля казахов воспринимался практически всеми российскими исследователями как аксиома, и каждая новая работа лишней раз подтверждала его. И если этот тезис для ученых служил мощной мотивацией для изучения пока еще не отживших кочевых обществ, то для имперских властей он служил очередным подтверждением необходимости и возможности постепенной инкорпорации местного права в российское законодательство. Поскольку адат, в отличие от шариата, рассматривался как «удобное», инклюзивное право, не имеющее застывших принципов и догм.

Отсюда, на мой взгляд, в целом положительные отзывы и «симпатии» исследователей, которые рисовали местную правовую среду как благоприятную и косвенно (а где-то прямо) рекомендовали ее использовать без изменений в процессе включения края в российское социокультурное пространство.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что благодаря работам досоветского периода, научную ценность которых трудно переоценить, историческая наука получила сведения о традиционных правовых институтах казахского общества. Материалы позволяют увидеть коллективный принцип всего судебного процесса – с момента подачи иска и до приведения приговора в исполнение.

Исследования дореволюционных авторов заложили основы востоковедения в изучении традиционных обществ: именно они подметили принципы казахского судебного процесса, обнаружили особенности кочевых обществ, проанализировали социальное и политическое устройство окраинных народов.

Уверена, что высокую научную значимость досоветской историографии можно подтвердить ее влиянием на общий характер дискурсов всей последующей литературы, поскольку, ни в советское, ни в постсоветское время, ни одна работа не обходилась без обязательной отсылки к вышеназванным трудам.

Глава 3. Метаморфозы советской историографии: от вовлечения в государственное строительство до признания классовым врагом

§ 1. Методологический поиск в ранний советский период: утверждение формационного подхода и история казахского общества

Социокультурный раскол 1920-х гг. сменился советской организационной и идейной унификацией на базе марксизма-ленинизма. Такая смена общественно-политических вех стала рубежом в научных исследованиях. В советской историографии института биев можно выделить следующие периоды: 1) с установления советской власти – до середины 1930-х гг.; 2) середина 1930-х гг. – середина 1950-х гг.; 3) середина 1950-х гг. – конец 1980-х гг.

Накануне установления советской власти в казахском обществе еще господствовали обычное право и традиционные правовые институты, регулировавшие все общественные отношения. Суд биев, несмотря на практику реформирования со стороны Российского правительства в XIX в., оставался тем инструментом, который доминировал в Степи и доказывал возможность взаимодействия российского права и адата в контексте правового плюрализма. Дифференцированный подход государства в законотворчестве позволял встраивать обычное право казахов в общую систему управления и приводил к укреплению правопорядка.

Новый поворот в отношении государства к местному праву связан с установлением советской власти на просторах бывшей Российской империи. Советская власть на первых порах действовала во многом в русле опыта империи, что выражалось в нейтральном отношении к обычно-правовым институтам и закреплении смешанного адатно-советского законодательства. Суд биев (аксакальский суд) приобрел статус официального судебного органа. Однако после победы большевиков в гражданской войне, начинается

решительный поворот в отношении бийских судов: советская власть увидела в них опасную для себя политическую силу. Поэтому разворачивается планомерная борьба с аксакальскими судами, приведшая в конце 1920-х гг. к их полному упразднению¹.

Прежде чем говорить о научных дискуссиях, рассмотрим сам институт биев в условиях революционной ломки. Его судьба в первые два десятилетия после установления советской власти оказалась сложной и драматичной.

Советское правительство провозгласило свою национальную политику в двух основополагающих документах — «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г.) и обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.). Народам России и Востока новая власть обещала: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными»², а Декларация провозглашала «равенство и суверенность народов России»³. В сфере национальной политики большевистская партия декларировала внимательное отношение к обычаям и традициям народов, к обычно-правовым нормам и институтам.

Однако советская власть с самого начала ставила задачу приведения в единую систему правовых отношений народов, входивших в состав дореволюционной России, которые по замыслу большевиков должны были стать неотъемлемой частью Советского государства. Поэтому обычное право и другие обычно-правовые институты со временем, как «антинародные колониальные», не отвечающие принципам социалистического общества, в котором все равны и нет сословных привилегий, должны были уступить место советским законам. Действительно, такая замена не могла стать делом

¹ См.: Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература, 2002; Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. 2. В царской и ранней советской России. М.: Марджани, 2009; Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

² Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Политиздат, 1957. С. 114.

³ Декреты Октябрьской революции (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным, как председателем Совнаркома). Т. 1. От октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания / Под ред. М.Д. Орахелашвили и В.Г. Сорины. М.: Партиздат, 1933. С. 30.

ближайшего будущего, так как, с одной стороны, нормы обычного права еще твердо удерживали свои позиции среди кочевников; с другой – положение новой власти было неустойчиво, туманно, особенно в Казахстане, где национального пролетариата как основной ее опоры было крайне мало (к тому же активно вели антисоветскую агитационную деятельность другие политические силы, к примеру, партии «Алаш», «Шуро-и ислами» и др.). Сложности в борьбе с антисоветскими силами и, в целом, в деле упрочения новой власти на местах привели к выработке формулы: культура «национальная по форме, социалистическая (первоначально – пролетарская) по содержанию», которая позволяла «свободно трактовать эту “дилемму” и делать из этой схемы самые разные, даже противоположные, практические выводы, приспособляясь к меняющейся ситуации»¹. И это относится не только к культуре.

Законотворчество и суды биев

Политическая ситуация в 1917 г. складывалась не в пользу большевиков: «в революцию 1917 г. Туркестан вступил вполне “первобытно”»². Поэтому большевики для завоевания доверия со стороны народных масс использовали лозунги, которые были просты и понятны: «Долой войну», «Вся власть Советам», «Строительство нового бесклассового общества, где не будет ни бедных, ни богатых» и др.

Наряду с использованием популистских лозунгов, партия большевиков в этот период видела важнейший путь укрепления своих позиций среди народов окраин в том, чтобы учитывать существующие традиции и обычаи коренного населения в различных областях общественной жизни, не допускать грубого вмешательства в основы социально-правового общежития народов, которые еще находились «в плену» патриархально-родовых пережитков. Принципы отношений органов власти к обычно-правовым нормам были закреплены в

¹ Абашин С.Н. Советская власть и узбекская махалля // Неприкосновенный запас. 2011. № 4(078). С. 96.

² Сафаров Г.И. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М.: Госиздат, 1921. С. 54.

декрете о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г., в котором говорилось: «Местные суды решают дела именем Российской республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»¹. Вопрос о правомочности действия традиционных судов в этом документе не рассматривался. Нормы обычного права оставались действующими и имели практическое применение, поскольку не противоречили советскому законодательству.

Данные положения касались и Казахстана. Так, 10 июля 1919 г. Народный комиссариат по делам национальностей на специальном совещании принял решение об организации Казахского революционного комитета и утвердил декрет «Временное положение о революционном комитете по управлению Киргизским краем». В этом документе, в частности, говорилось: «Все тяжёбые дела между киргизами (здесь и далее казахами. – Ж. М.) разрешаются по месту жительства ответчика при аульных и волостных председателях исполнительных комитетов третейским судом. Решения третейского суда (так официально в советский период именовались суды биев. – Ж. М.) окончательно могут быть обжалованы в кассационном порядке в киргизский отдел уездного народного суда. Дела между киргизами разрешаются народным судом по существу дела по обычному праву»². Данная норма узаконивала сохранение и действие института «бийских судов», правда, с некоторыми ограничениями (их решения не должны были противоречить советскому законодательству).

Позиции бийского суда временно укрепились инструкцией отдела юстиции ревкома «О третейском суде» от 24 октября 1919 г., в которой было записано: «Суд посредников при решении дел руководствуется

¹ Декреты Советской власти... С. 125.

² Временное положение о революционном комитете по управлению киргизским краем. Декрет совета народных комиссаров // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. С. 4.

свидетельскими показаниями, обстоятельствами дела, народными правовыми обычаями и личным убеждением, сообразно интересам трудящихся масс»¹.

После победы советской власти в гражданской войне встали новые задачи, и одной из важнейших было укрепление ее позиций на окраинах. 26 августа 1920 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли Декрет «Об образовании Киргизской (Казахской) Автономной Советской социалистической республики»² в составе РСФСР со столицей в Оренбурге. В том же году в Оренбурге состоялся Учредительный съезд Советов Казахстана, принявший Декларацию прав трудящихся Казахской АССР, которая закрепила создание КазАССР. Впрочем, дальнейшему упрочению позиций большевиков в регионе мешали сложившиеся традиционные принципы общественной организации казахского общества.

Особую озабоченность у правительства вызывала слабость местных кадров советской власти, которые проигрывали традиционным хранителям норм обычно-правовой культуры. С целью ослабления последней, а в последующем и ее упразднения на Учредительном съезде Советов КазССР, который проходил 4–12 октября 1920 г., представителем секции юстиции Заромским были предложены основные принципы организации советского суда, согласно которым: «Третейские суды на теперешних началах узаконены быть не могут. С организацией правильно созданных народных судов необходимость в третейских судах в значительной мере отпадает»³. Вместе с тем, на съезде звучали и другие предложения. Так, при обсуждении резолюции съезда председателем уездного ревкома Тургая Б. Каралдиным (1877–1930) было выдвинуто предложение о сохранении родовой присяги и третейского суда, которые, по его мнению, «...весьма широко распространены и ...должны

¹ ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 10 «А». Л. 95 об.

² Киргизская автономная ССР была переименована в 1925 году в Казакскую АССР. В декабре 1936 года Казахская автономная республика была преобразована в Казахскую Советскую Социалистическую Республику. Впоследствии в историографии закрепилось название «Казахская АССР (КазАССР)», которое и будет использоваться в настоящей главе.

³ Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР: Протоколы. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. С. 57.

быть сохранены в качестве организации, вполне узаконенной»¹. В виду этого съезд не принял окончательного решения по этому вопросу.

Решение Учредительного съезда вызывало неясность правового статуса третейского суда, что в свою очередь приводило к непоследовательности действий исполнительных органов власти в отношении этого института.

Так, 1 декабря 1920 г. председатель президиума Оренбургско-Тургайского губернского совета С.В. Остривидов вынужден был констатировать: «Эти суды фактически существуют на территории Кирреспублики, как видно из поступающих в Совнарсуд дел и жалоб, и продолжают взыскивать в свою пользу за решение дел, так называемый “бийлык”, при чем решения их обращаются к немедленному исполнению через милицию»². Такая картина наблюдалась по всей территории Казахстана, из-за чего Наркомюст КазАССР вынужден был выслать всем губерньским судам 20 декабря 1920 г. циркулярное разъяснение, в котором говорилось: «Народные судьи КССР, впредь до издания некоторых предполагающихся изменений должны руководствоваться положением о едином народном суде и декретами Советской власти, а в случае их неясности и неполноты, народными обычаями, поскольку они не противоречат декретам и основным положениям Советской власти, а также общим духом социалистического законодательства (социалистическим правосознанием)»³.

Однако уже 25 декабря 1920 г. Народный комиссариат юстиции (НКЮ) КазАССР принял циркуляр № 2 «Об упразднении третейских судов», согласно которому все действующие на территории республики третейские суды признавались «самочинными» и подлежащими «немедленному упразднению»⁴. Согласно этому циркуляру, началась работа по роспуску и упразднению действующих на территории края третейских судов. В реальности, однако, мероприятия органов власти не привели к их фактическому исчезновению. Они

¹ Там же. С. 97.

² ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 17. Л. 6.

³ Там же. Л. 7.

⁴ ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 17. Л. 8.

продолжали существовать как «аксакальские суды», «аксакальские советы», основанные на традициях казахов. С этого времени большевики начинают менять правовой дискурс в отношении третейских (аксакальских) судов, их стали трактовать в марксистских категориях – «антинародные, антисоветские».

Аналогичная картина складывалась на территории Туркестанской советской республики, в северных районах которой кочевала значительная часть казахов. В 1922 г. заведующий отделом судоустройства Наркомюста Туркеспублики Уразаев в своем докладе «По вопросу об организации передвижных камер нарсудов среди кочевого населения Туркеспублики» отмечал, что «кочевые народы, разбросанные по всем областям Туркеспублики и составляющие 47 % населения», продолжали прибегать к традиционным судам, которые «оставались судами прежних баев», разрешающих споры по нормам адата¹. Учитывая это, а также то, что обычное право казахов пока еще не противоречило «социалистическому правосознанию и декретам Рабоче-крестьянской власти», Уразаев предлагал создать передвижные камеры народных судов, как «особых форм судоустройства», одной из задач которых была пропаганда норм советского законодательства среди кочевников. Стоит отметить, что к претворению в жизнь данного проекта отдел судоустройства наркомюста Туркеспублики приглашал своих коллег из Казахстана. Однако, судя по ответному письму данная инициатива не нашла должного отклика, поскольку решение вопроса откладывалось на неопределенный срок и «находится еще в периоде разработки»².

В ходе непродолжительной дискуссии в отделе судоустройства наркомюста Туркеспублики было принято постановление «считать проведение этого проекта в жизнь несколько преждевременным», ибо «для осуществления этого положения и проведения его в жизнь требуется ассигновка в 2 миллиарда рублей»³. Конечно, в условиях послевоенного

¹ ЦГА РУз. Р-38. Оп. 2. Д. 275. Л. 6.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 17 об.

времени данная сумма считалась астрономической, а проект Уразаева ненужным и несвоевременным, к тому же само существование бийских судов считалось «временной мерой, плодом политики и дипломатии»¹.

Очередной удар по этому институту был нанесен в 1924 г., когда были приняты два циркуляра НКЮ КазАССР. В первом документе от 22 августа № 50 говорилось, что «одно запрещение аксакальских судов и признание их решений недействительными не достигнут никакой цели. Поэтому необходимо прибегнуть к репрессивным мерам»². В то же время данный правовой документ не позволял привлекать аксакалов к уголовной ответственности за разрешение уголовных дел, предусмотренных статьями 151, 153 (ч.1), 172, 173, 175 УК РСФСР, уголовных дел, оканчивающихся примирением сторон, а также за разрешение гражданских дел о наследстве и дел, подсудных трудовым сессиям нарсуда³. Данное обстоятельство в письме от 8 октября 1924 г. представителя государственного политического управления по КазАССР Каширина наркому юстиции республики Н. Иралину называется «ошибкой, сводящей на нет всю положительную часть Вашего циркуляра». Решение вопроса ставилось в письме принципиально: или аксакальский суд, или советские судебные органы. «Всякое исключение ведет к двойственности. Последствия такой путаницы Вами достаточно ярко обрисованы в словах того же циркуляра: “Благодаря тому, что аксакалы, принимая к разрешению уголовные дела, склоняют стороны к примирению, многие преступления в степи остаются безнаказанными”»⁴. Наркому юстиции Н. Иралину предлагалось «...взять твердо, решительно и уверенно курс на полное уничтожение аксакальских судов. Само собою, разумеется, что такой курс требует уголовной наказуемости деяний аксакальских судов по преступлениям указанным в 10 ст. Уголовно-Процессуального Кодекса»⁵.

¹ Там же. Р-25. Оп. 1. Д. 1802. Л. 27 об.

² Вестник рабоче-крестьянского правительства КАССР. 1920. № 15. Ст. 48.

³ Там же. С. 106.

⁴ ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 27. Л. 123.

⁵ Там же.

Поэтому в том же году принимается другой циркуляр, от 30 октября, № 68 «Всем Губсудам и Губпрокурорам о привлечении аксакалов к уголовной ответственности за разрешение ими уголовных и гражданских дел», который не препятствовал властям применять судебно-процессуальные действия в отношении последних без каких-либо ограничений и исключений.

С этого момента можно говорить о том, что начинается уголовно-правовое преследование «аксакальских судов». Данная мера, судя по всему, не принесла ожидаемых результатов. В докладе наркома юстиции С. Мамбеева на заседании Совета народных комиссаров республики 28 ноября 1927 г. предлагалось продолжить систематическую борьбу с аксакальскими судами (их обвиняли в должностном взяточничестве)¹. В конце того же года участники заседания Комиссии по рассмотрению Положения о третейских судах были вынуждены признать: «Судебно-следственные органы еще не в состоянии обслуживать нужды всего населения и поэтому их в ауле заменяют аксакальские суды»². Поэтому член комиссии Рузиев предлагал узаконить аксакальские суды как временную меру. Однако, судя по протоколу заседания комиссии, не все участники поддержали эту инициативу. Так, Аралбаев высказался за «создание какого-то гибкого и близкого населению органа для разбора мелких бытовых дел, которые до сих пор неизбежно разбираются аксакальскими судами»³. На основании решения комиссии ЦИК и СНК КазАССР принимает Постановление «О третейских судах в ауле, кишлаке и селе», в котором отмечалось: «Гражданские дела, по которым сторонами являются частные лица могут по соглашению последних рассматриваться в сельских местностях КазССР третейскими судами»⁴.

Постановление ЦИК и СНК республики не столько разрешило проблему, сколько усложнило ее. Дело в том, что легитимация правового статуса третейских судов вызвала реанимацию аксакальских судов, «которые по

¹ ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 60.

² Там же. Л. 39.

³ Там же. Л. 39–40.

⁴ Там же. Л. 40.

внешней форме подходят к третейским судам»¹. Третейскими судьями тяжущие стороны, теперь уже на законных основаниях, выбирали аксакалов, которые решали дела на основании норм обычного права. Для устранения нежелательного для советской власти сосредоточения судебных полномочий в руках представителей традиционного правового института, Наркомюст республики внес на рассмотрение НКЮ РСФСР дополнительную главу к Уголовному Кодексу РСФСР о преступлениях, составляющих пережитки родового строя. В этой главе интерес представляет 23 статья, предусматривающая: «аксакальство», «т. е. принятие к производству и разрешение дел, подлежащих ведению судебных, административных или иных органов лицами, не имеющими на то права, влечет – лишение свободы до 2 лет и штраф до 1000 рублей»². Однако, уверенности в практическом применении этой статьи у правовых органов не было, так как, по словам наркома юстиции Ж. Садвакасова, население продолжает «обращаться к аксакальским баям и они разрешают судебные дела»³. Таким образом, можно говорить о том, что борьба большевиков с местными судами привела к формированию скрытого, по терминологии Гриффитса, «слабого» полиюридизма⁴.

Интересно заметить, что инициатива о полной ликвидации третейских судов на территории Казахстана принадлежит именно местным властям. Такой общественно-правовой парадокс, на наш взгляд, можно объяснить слабостью местных советских судебно-следственных органов, пока еще сильными родовыми узами казахов, которые приводили к борьбе большевиков за власть с родовыми авторитетами (аксакалами, баями и т. д.) в кочевом ауле⁵. В совокупности эти причины вызвали ходатайство 6 января 1928 г. со стороны республиканских властей в лице ЦИК КазАССР в ВЦИК и СНК РСФСР о нераспространении на казахские аулы действия положения о третейских судах

¹ Там же. Л. 54.

² Там же. Л. 57.

³ Там же. Л. 55.

⁴ Griffiths J. What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. № 24.

⁵ В 1920-х гг. понятие «бай» имело нарицательное значение, подразумевающего любого классового врага советской власти.

(1924 г.). На основании этого ходатайства ВЦИК и СНК РСФСР за подписью М. Калинина 3 апреля 1928 г. внес дополнение к статье 1 Положения о третейском суде следующего содержания: «Споры о праве гражданском между казахами в сельской местности (аулах) Казахской АССР не могут быть передаваемы на разрешение третейского суда»¹.

Официальная отмена аксакальских (третейских) судов привела, судя по письму временно исполняющего делами наркома юстиции КазАССР Н. Жалнина в президиум КЦИК в конце 1928 г., к скрытым формам бытовых преступлений, «благодаря чему выявление их стало почти невозможным, что крайне осложнило борьбу с ними, ...в результате чего, дела теряют общественное значение, преступники остаются безнаказанными»².

С конца 1920-х гг. можно говорить о постепенном исчезновении этого правового института. На их окончательное упразднение повлияли мероприятия «Малого Октября» – политического курса властей по советизации казахского аула и массовой коллективизации кочевого населения³.

Таким образом, в течение первого десятилетия своего существования советская власть, исходя из сложившейся социально-политической ситуации в крае, меняет свое отношение к обычному праву и традиционным институтам – от лояльного (обычно-правовые нормы признавались и действовали наряду с советским законодательством) к постепенной ликвидации и запрету их деятельности на территории Казахстана.

Время полемики и плюрализма

¹ ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 171.

² Там же. Л. 215–215 об.

³ Политика секретаря краевой партийной организации Ф.И. Голошекина (1925–1933) по претворению в жизнь курса на обострение классовой борьбы в Казахстане под лозунгом «советизации аула», целью которого было изыскание средств для индустриализации путем их перекачки из сельского хозяйства получила название «Малого Октября». Превращение единоличных хозяйств в коллективно-колхозные, борьба с байско-кулацким элементом путем конфискации имущества, выселения и репрессии привели к окончательной победе в «классовой борьбе с деревней» государства и, как следствие, исчезновению как класса зажиточной части общества, кризису и развалу кочевого хозяйства. См.: Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б. и др. История Казахстана народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 285–294.

В 1920-е годы историческая наука переживала глубокий кризис: с одной стороны, многие историки «старой» школы не принимали идеологических установок новой власти, поэтому не могли быть использованы ею в качестве реформаторов науки на базе марксистской методологии; с другой – желание большевиков внедрить марксистскую теорию в историческую науку вызывало большие трудности, связанные с отсутствием кадрового потенциала, теоретически обоснованных революционных концепций. Решение проблем виделось большевикам в разоблачении идей буржуазной историографии, внедрении марксизма административными методами путем создания организационных структур исторической науки и теоретическом обосновании закономерностей исторического развития.

Идеологическим фронтом по организации научного отпора «проискам» представителей буржуазно-либеральной и националистической идеологии в республиках руководил глава марксистской исторической школы в СССР М.Н. Покровский. Ученый и его последователи («школа М.Н. Покровского») в своих работах делали акцент на разоблачение имперских и шовинистических стереотипов русской исторической науки, завоевательных войн, ограблении других народов; вопросы торгового капитала и его влияния на колониационные процессы стали определяющими при характеристике отношений «метрополия – колония». *«Колониальная политика царизма XVII–XVIII вв., сводившаяся к экспроприации туземного населения в интересах торгового капитала и к расширению на окраинах крепостного помещичьего хозяйства, служила двум классам: помещикам и крупным купцам»* (курсив автора – В. Р.)¹.

Расширение территориальных границ Российской империи за счет колоний М.Н. Покровский считал «абсолютным злом», так как этот процесс сопровождался массовым изгнанием населения с насиженных мест, «жестокой

¹ Рахметов В. Образование Российской империи // Книга для чтения по истории народов СССР / Под общей ред. М.Н. Покровского. Т. 1. Харьков: Издательство Пролетарий, 1930. С. 100.

эксплуатацией и зверствами царизма» в крае¹. М.Н. Покровский являлся редактором исторических журналов «Красный архив», «Историк-марксист», «Борьба классов» и как основной идеолог и проводник марксистско-ленинских идей о закономерностях исторического развития и роли в этом процессе рабочего класса подвергал беспощадной критике работы тех ученых, взгляды которых не вписывались или расходились с официальной доктриной Октября.

Одним из первых под идеологический обстрел историков-марксистов попал выдающийся российский и советский ученый-востоковед академик В.В. Бартольд (1869–1930). Изучение Центральной Азии занимало главное место в разносторонней научной деятельности В.В. Бартольда. Причину постоянного научного интереса к этому региону он сам объяснял следующим образом: «Мне казалось вполне естественным, что русского востоковеда-историка привлекает область, географически и исторически более близкая России, чем другие восточные страны, область, где русский ученый располагает материалом, гораздо менее доступным западноевропейскому»².

Критике со стороны историков-марксистов подверглись взгляды академика на революционное движение, которое он называл «беспорядками», а также его понимание завоевательных походов России как «исторического призвания России быть посредницей в сухопутных сношениях торговых и культурных между Европой и Азией»³. Такая позиция ученого никак не вписывалась в утвердившуюся в исторической науке на тот момент концепцию об империи как «абсолютном зле».

Вклад академика В.В. Бартольда в развитие российского и советского востоковедения несомненен, его нельзя переоценить. В работах академика вопросы культурной и политической истории региона получили всесторонний анализ на основе изучения многочисленных первоисточников на турецком, арабском, персидском и других языках. Из-под пера историка вышли

¹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная Новь, 1923. С. 323.

² Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 5.

³ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л.: АН СССР, 1927. С. 253.

фундаментальные работы «Очерк истории Семиречья» (1898), «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1898–1900), «Из прошлого турок» (1917), «Культура мусульманства» (1918), «История Туркестана» (1922), «История изучения Востока в Европе и России» (1925), «Киргизы: Исторический очерк» (1927), «История культурной жизни Туркестана» (1927) и др., в которых он подробно изложил историю тюркских народов Центральной Азии с II до н. э. (усуни) до окончательного включения этого региона в состав России (вторая половина XIX в.).

Отдельное место в трудах академика получило освещение вопросов истории правителей и завоевателей, взаимоотношения между народами центральноазиатского региона. Мы остановимся на проблеме этимологии термина «бий», которую затронул в своих работах академик.

Исследуя вопросы этимологии тюркских слов и понятий, В.В. Бартольд приходит к выводу, что понятия «бек» и «би» тождественны «эмирам» у арабов, «хакимам» у узбеков и «манапам» у киргизов. Он пишет, что «...в киргизском произношении “бий” и означает “бек”». При этом ученый указывает на Абрахим-бия, который в 1722 г. во главе казахов восстал против Абул-Файз-хана и «выдвинул другого претендента на ханский престол, Раджеба, из “туранских”, т. е., вероятно, казацких (казахских. – Ж. М.) султанов»¹.

Впервые термин «бек» встречается в орхоно-енисейских источниках, что позволило В.В. Бартольду сделать вывод о тюркском происхождении этого слова, которое впоследствии стало употребляться как «бий». Значение слова «бег» академик сводит к трем понятиям: 1) это каждый благородный в отличие от простого народа и от царевичей правящей династии; 2) «князь» небольшого племени или родовой группы; 3) «начальство» в самом широком смысле этого слова – это может быть военачальник (улус-беги, тюмен-беги, мин-беги, юз-

¹ Там же. С. 99.

беги и он-беги);¹ административное лицо (от мелкой провинции до крупного территориального объединения). Бегом обозначали также местную аристократию, гражданских чиновников и судей². Таким образом, по мнению В.В. Бартольда, данный термин обозначал людей, принимавших активное участие в управлении государством, вместе с правителем на всех административных уровнях, и представлявших разные ветви власти.

Далее В.В. Бартольд пишет: «Бег – тюркский титул, у османов – бей, у киргизов би или бий»³. Ученый отмечает, что впервые термин «бий» встречается не раньше XV в. «В работах Ширатори, например, для объяснения титула правителей одного из народов, известия о котором относятся к времени нашей эры, привлекается среднеазиатское слово бий, представляющее очень позднее видоизменение старого бек и не встречающееся нигде раньше XV века»⁴.

Таким образом, впервые в советском востоковедении В.В. Бартольд обращает внимание на проблему этимологии слова «бий» и относит его к языкам тюркской группы. На основе работ академика можно предположить, что на территории Казахстана употребление этого термина связано с образованием Казахского ханства (1465/66 гг.) и завершением процесса сложения казахской народности (XV–XVI вв.).

Несмотря на неоднозначные оценки его научного творчества в ангажированной советской историографии, академик В.В. Бартольд по праву считается научным сообществом классиком мирового востоковедения.

В 20-е гг., период становления марксистской исторической науки, когда ленинские методологические установки и оценки исторических явлений еще не утвердились, допускалась определенная вольность в исторических исследованиях. Полярность научных позиций можно проследить в трудах

¹ Правитель государства, предводитель военной единицы в государстве Чингисхана и его преемников в 10 000, 1000, 100 и 10 чел. – Ж. М.

² Бартольд В.В. Бег / Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература, 1968. С. 502.

³ Там же. С. 502.

⁴ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / Сочинения. Т. V. С. 36.

членов Общества изучения Казахского края, созданного в г. Оренбурге в 1920 г. В первом выпуске этого издания авторы следующим образом обозначают основную цель «Трудов...»: «...собрать все ценные и необходимые данные для изучения края в целях его культурного строительства и экономического развития»¹. Членами общества в разное время были: А. Байтурсынов, А.К. Беремжанов, М. Дулатов, Н. Коншин, В.Ф. Пищулин, А.Н. Чулошников и др. Уже в 1920-е годы среди исследователей формируются разные подходы к пониманию прошлого казахского народа. Нас, в первую очередь, интересует полемика между двумя наметившимися направлениями по вопросу об общественных отношениях среди казахов досоветского времени: эти отношения трактовались, с одной стороны, как родовые, доклассовые, а с другой – как феодальные, подразумевающие классовое деление общества.

Научный спор возник, на наш взгляд, в связи с теми мероприятиями, которые проводились властью в советских республиках. X съезд Коммунистической партии (1921) взял курс на замену продразверстки продналогом (фиксированным налогообложением). Новая экономическая политика (НЭП) предполагала привлечь крестьянина на сторону советской власти, заинтересовать его в увеличении производства сельхозпродукции. Либерализация экономической жизни вызвала изменения в общественно-политической жизни, в том числе и кочевников. Первая мировая война, затем две революции 1917 г., гражданская война с продразвесткой подорвали скотоводческое хозяйство кочевников-казахов. Теперь, в условиях НЭПа все элементы традиционной структуры хозяйства общинников, мелких и крупных скотовладельцев стали возрождаться. В самом скором времени НЭП привел к появлению тех сил (байских хозяйств), борьба с которыми была основным лозунгом большевиков. Проблемы поиска классовых противоречий среди кочевников и устойчивости «патриархально-родовых пережитков», которые не вписывались в общую картину построения моноукладного советского

¹ Расторгуев И. В добрый час! // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Вып. 1. Оренбург: Типография М.Н. Махова, 1921. С. 3.

общества, стали предметом дискуссий и критики среди исследователей. Взгляды ученых по этим вопросам можно условно разделить на два направления: сторонников родовой теории и сторонников классовой природы общества.

Суть концепции «родовой теории» заключалась в отрицании самой возможности возникновения феодализма у кочевников, их общественный строй представлялся в виде неизменных родоплеменных и общинных отношений.

Одной из первых этнографических работ по истории казахов является книга историка А.П. Чулошникова, в которой он, основываясь в основном на трудах дореволюционных российских исследователей (Л.А. Словохотова, И. Крафта, Н. Харузина и др.), сделал обзор истории казахов до середины XVIII в¹. Основные разделы работы: происхождение казахской народности, черты кочевого быта, внутреннее устройство казахской общины и др., были апробированы ученым во время чтения лекций в Казахском институте просвещения в г. Оренбурге, а также во время выступлений на заседаниях этнографического отдела Общества изучения Казахского края².

А.П. Чулошников утверждал, что общественные отношения в казахском обществе можно охарактеризовать как патриархально-родовые: «В основе всего социального и правового строя тогдашнего казак-киргизского союза, как единого национального целого, лежало именно родовое начало, совершенно еще не тронутое никакими другими отношениями ...вплоть до XVIII века»³. Род выступал, по мнению ученого, тем основным самостоятельным и главнейшим субъектом права, который обеспечивал жизненную поддержку и условия существования каждому своему члену, без исключения. Все члены

¹ Чулошников А.П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Древнее время и средние века. Оренбург: Киргизское государственное издательство, 1924.

² Чулошников А.П. Отчет о деятельности Общества изучения Киргизского края со дня открытия О-ва (15-го октября 1920 г.) до 1 января 1921 года // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. 1921. Вып. 1. С. 109.

³ Чулошников А.П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа... С. 200.

рода держались один другого. Родовая солидарность, своеобразные условия скотоводческого хозяйства приводили к нивелировке материальных различий между общинниками, что позволило сделать ученому вывод об отсутствии классовой дифференциации внутри казахского общества.

В то же время казахская община подразделялась на две сословные группы – «белая кость» и «черная кость», права и обязанности которых были закреплены в законодательном памятнике «Жеты жаргы». Ученый достаточно подробно остановился на характеристике этого правового памятника и отметил, что судебные полномочия были сосредоточены в руках биев, которые были членами «не выделившейся еще родовой аристократии»¹. Взгляд ученого на институт биев повторяет высказывания дореволюционного автора Л.А. Словохотова: «Бий – т. е. судья, мудрый в решениях, краснобай...»². Важно отметить, что у А.П. Чулошникова бий – лицо, которое не противопоставлялось обществу номадов, не рассматривалось в качестве представителя эксплуататорского класса: «Правда, кое-какие состоятельные богатеи, так назыв. бай или беи, а ими и были, прежде всего, видные народные предводители, приобрели в это время известный перевес над прежними заслуженными стариками..., но на этом собственно и окончилось дальнейшее распространение их власти, так и оставшейся лишь добровольным установлением заинтересованных родовых соединений»³. Более того, при чтении этой работы обращает на себя внимание взгляд ученого на институт ханской власти, который, с одной стороны, был «слабым в политическом отношении», с другой – объединял когда-то всех казахов: «Тевкелю (Тауекель хан. – Ж. М.), всегда жившему только мечтою о независимом и сильном казакском союзе, поставившему ее осуществление прямою целью всей своей

¹ Там же. С. 213.

² Там же. С. 207.

³ В некоторых местах А.П. Чулошников путает понятия, отождествляя понятия «бай» и «бий», в контексте судебных полномочий, что не совсем правильно. Не каждый бай мог быть признан бием, в то же время понятие «бий» не являлось синонимом слова «бай», хотя не исключало этого. См.: Там же. С. 214.

жизни»¹. Таким образом, взгляд А.П. Чулошникова на казахский общественно-экономический строй как на патриархальный, в котором родовые отношения являлись преобладающими и тормозили процесс феодализации общества, приводил к мысли о застойности, незыблемости кочевой общины и невозможности зарождения в ней классовых противоречий.

Работа А.П. Чулошникова содержит ошибки как фактологического, так и терминологического характера, на что обратил внимание в свое время общественный деятель М.Т. Тынышпаев². В 1924 г. после публикации работы А.П. Чулошникова, М.Т. Тынышпаев пишет отзыв, в котором проводит скрупулезный анализ монографии. По его мнению: «Не менее 1/4 книги не имеет отношения к казахам. Автор не разобрался в главнейших исторических событиях»³. Что касается вопроса о должности бия, то М.Т. Тынышпаев, на наш взгляд, верно подмечает, что она не была связана с благородным происхождением человека, наоборот, иногда бий, став знаменитой и авторитетной фигурой в обществе, повышал статус своего «подчиненного» рода. Свой довод автор подтверждает следующим примером: «Один из самых знаменитых биев Казбек, был из рода “Каракесек”, занимавшего среди аргынов подчиненное, зависимое положение; это достаточно характеризуется четырехстишием “каракесек кап-кара куннен туган, Казыбегы бий болып бетын джуган”, т. е. черный-пречерный каракесек родился от рабыни и попал в люди только при бие Казыбеке. Отец знаменитого батыра Мл. Орды Махамбета Отемыс был бием, а отец последнего Мале был рабом, при Алдар-Бие»⁴. Проанализировав работу А.П. Чулошникова, М.Т. Тынышпаев приходит к выводу, что «...как солидный научный труд рекомендовать его мы не можем»⁵. Полагаем, что категоричный вывод рецензента о работе А.П. Чулошникова на самом деле несколько не умаляет научных достоинств

¹ Чулошников А.П. Сложение Казакской народности... С. 145.

² Тынышпаев М. Отзыв о труде А.П. Чулошникова по истории казак-киргизского народа: Очерки. Кзыл-Орда: Издание общества изучения Казахстана, 1926.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 15.

работы, так как представленный в ней материал внес значительный вклад в изучение традиционного общества дореволюционного Казахстана.

В последующие годы, признав свои «ошибки», А.П. Чулошников отходит от прежних позиций и характеризует общественные отношения у казахов как феодальные. Чтобы проследить эволюцию взглядов А.П. Чулошникова, остановимся на его публикации 1936 г.¹

В начале статьи А.П. Чулошников, отвергнув теорию буржуазной историографии о незыблемости родового строя, признает: «Мы вынуждены отказаться от прежнего представления, упрощенно толковавшего общественные отношения казахской кочевой общины в плане одного только родового устройства»². Ученый теперь утверждал, что уже на рубеже XV и XVI в. в Казахском ханстве наблюдалось классовое расслоение кочевого общества. Рассматривая причины социальной дифференциации, А.П. Чулошников, на наш взгляд, находился под сильным влиянием «школы Покровского», так как основную причину классовообразования видит во влиянии центральноазиатского торгового капитала, который втягивал феодальную верхушку в товарно-денежные отношения. Они в свою очередь привели к накоплению капитала в руках верхушки казахского общества, которая «...эксплуатировала огромные массы непосредственных производителей, лишившихся постепенно значительной части своего скота и свободного распоряжения пастбищами и колодцами»³.

К эксплуататорским классам А.П. Чулошников, кроме хана и султанов, относит биев и батыров. Последние в свою очередь прошли несколько этапов в институциональном развитии. Монография А. Погорельского и В. Батракова⁴, в которой ученые связывают появление биев (феодального слоя) среди киргиз с трансформацией института батыров, оказала серьезное влияние на взгляды

¹ Чулошников А.П. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII–XVIII вв. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1936. № 3. С. 497–524.

² Там же. С. 498.

³ Там же. С. 502.

⁴ В монографии «Экономика кочевого аула Киргизстана» ученые П. Погорельский и В. Батраков рассматривали социальные отношения в киргизском традиционном обществе как классовые.

ученого по данной проблеме. Взяв за основу эту концепцию, А.П. Чулошников полагал, что и в казахском обществе батыры появились в условиях родового строя, однако по мере накопления материального достатка, они, «опираясь на власть и богатство, узурпировали власть над народом», что со временем вызвало к «жизни новый феодальный слой – биев. Располагая правом суда и расправы над подвластным им населением, бии... выступают в настоящей роли крупных кочевых феодалов»¹. Используя различные завуалированные формы эксплуатации (отрабочная рента – саун, рента продуктами и т. д.), бии, оттесняя другие слои, становятся новым общественным классом. Для ученого характерно некоторое преувеличение уровня феодализации казахского общества. Полагаем, что на кардинальное изменение научной позиции А.П. Чулошникова в вопросе об общественных отношениях у казахов повлияла, с одной стороны, опубликованная к этому времени монография Б.Я. Владимирцова об общественном строе монголов², в которой детально представлена характеристика классов и формы эксплуатации. С другой стороны, не последнюю роль сыграло и утвердившееся к тому времени марксистско-ленинское учение о роли классовой борьбы в развитии общества.

В середине 1920-х гг. несмотря на относительные успехи советской власти в укреплении аульных советов в городах, в кочевом и полукочевом ауле еще прочно держали позиции родовые отношения. Положение дел на местах выразил секретарь Казахского Крайкома ВКП (б) Ф.И. Голощекин, выступая перед партактивом республики в 1926 г.: «Мы не учли и не учитываем, при построении совета в ауле, две вещи – живучесть родовых отношений и влияние байства. Мы строим советы в ауле также, как в Курской, Тверской и любой губернии центральной России. В этом, мне кажется, основная ошибка, основной недочет. Если мы этого не учтем, мне кажется, мы будем биться

¹ Там же. С. 503–504.

² Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.: АН СССР, 1934.

напрасно и все наши хорошие пожелания будут разбиваться об эту косность, об этот факт в жизни аула»¹.

В свете сказанных слов ВЦИК организует несколько экспедиций в Казахстан в 1925–1928 гг., которым предстояло изучить состояние казахского хозяйства, быт и право кочевников.

В 1925 г. по поручению Казкрайкома ВКП (б) экспедиция О. Джандосова и В.Г. Соколовского обследовала аулы Алма-Атинского уезда. На основании полученных данных была издана работа статистика В.Г. Соколовского, в которой автор поставил задачу «дать настолько сжатый анализ общей обстановки аула, насколько это позволяет необычайная сложность вопроса, общая неосведомленность в нем и недостаток располагаемого мною сейчас времени»².

Исследование аулов подводит В.Г. Соколовского к твердому убеждению, что «родовые моменты не только сохранились, но и что самое главное, остаются весьма крепкими и настолько жизненными, что рассчитывать на их самопроизвольное исчезновение в сколько-нибудь ближайшем будущем совершенно не приходится»³. Важным в работе В.С. Соколовского, на наш взгляд, является положение о том, что родовые отношения – это не застывшая, статичная система. Наоборот, подстраиваясь под новые производственные отношения, подразумевающие синтез плановой социалистической экономики и экстенсивного мелкотоварного скотоводческого производства, эти отношения рожают «новых героев», которые сосредоточили в своих руках как старые (родовые), так и новые (социалистические) функции по управлению общиной. Ученый называет этих людей «аткамынерами»⁴. Являясь представителями родовой администрации, они становятся посредниками между властью и аулом, осуществляют «все

¹ Советская Степь. 1926. № 101. 7 мая.

² Соколовский В.Г. Казакский аул. Ташкент: КазЦСУ, 1926. С. 1.

³ Там же. С. 7.

⁴ Аткамынер – буквально: атка-мынер – сидящий на лошади, мелкая родовая аристократия, лица, бывшие волостными, биями, аульными и даже пятидесятниками (Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. М.: Вост. лит., 2011. С. 28).

сношения последнего с внешним миром по всем вопросам»¹ (курсив автора. – Г. С.). Деятельность аткамынеров заключалась в регулировании хозяйственно-земельных отношений; решении недоразумений на бытовой почве, т. е. тех расчетов, которые происходят, например, между сватьями, тамырами и т. д.; изыскании способов к возвращению украденного скота; организации защиты и нападения при «барымте»; поддержании связи с органами власти и со всеми приезжающими в аул по всяким делам советскими работниками и т. п. и т. д.² Можно заметить, что традиционно эти функции в казахском обществе выполняли бии, аксакалы, т. е. происходит своего рода перерождение родовой администрации. Изменение в названии должности, полагаем, произошло отчасти из-за проводимых мер по правовому искоренению бийского института, что вызвало естественную трансформацию этого понятия.

Слабость партийного и советского влияния в ауле-кстау приводит к тому, что все общественно-регулирующие функции сосредотачиваются в руках аткамынера. Он не только защитник родовых интересов, но и уполномоченный, с которым вынуждена считаться власть. Более того, В.Г. Соколовский приходит к выводу: «Вездесущие аткамынеры, играют определенную положительную роль. Иначе в казахском ауле была бы уже совсем анархия и сплошной разбой»³.

Выводы В.Г. Соколовского наводят на мысль, что в русле принципов обычного права выдвиженцы из кочевой среды на основе прежних родственных и клановых сетей сумели включиться в новые правила игры, использовать определенный административный и неформальный ресурс для работы в качестве посредников между партийно-советско-общественными организациями и местным населением. Появление таких выдвиженцев можно наблюдать и в дореволюционное время. Тогда их называли «переводчиками», «посредниками». В советское время этот неофициальный институт с успехом

¹ Соколовский В.Г. Указ. соч. С. 21.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 23.

выстраивал отношения с новыми органами управления, получив название «аткамынеров». Причину усиления этой группы следует видеть в том, что незнание казахским населением русского языка, необходимого для общения с представителями, в основном, русскоязычной власти, новых советских законов, в целом, «советских порядков» рождали потребность в «адвокатах», «просителях», «защитниках», которые «ходатайствовали», «апеллировали», «просили».

О всесии родовых начал и родовой администрации в условиях сохранения кочевого скотоводства говорят и другие исследователи. Например, ученый-почвовед, председатель Общества изучения Казахского края М.Г. Сириус, исследуя кочевое хозяйство казахов, высказал сомнение в возможности его социалистического переустройства: «Так было и так будет»¹. Участник Среднеазиатской этнографической экспедиции под руководством В.В. Бартольда Д.Д. Букинич стоял на тех же позициях: «В силу подчинения стихийным факторам киргизское хозяйство в своей основе является скотоводческо-кочевым и таковым вынуждено остаться долгое время (по-видимому, навсегда)»². Сходную точку зрения имел специалист по сельскому хозяйству профессор С.П. Швецов, говоривший: «Казах – это скотовод и кочевник, потому что в данное время из-за окружающих его положений он не может быть другим, этого требует от него и окружающая среда, он поэтому полностью подчиняется ей»³.

Советский археолог и этнограф Б.А. Куфтин при подготовке экспозиции «Уголок кочевого аула» в Центральном музее народоведения отмечал: «На родовом начале и до сих пор еще продолжает основываться вся жизнь и взаимоотношение киргиз-казаков»⁴.

¹ Сириус М.Г. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1926. № 3.

² Букинич Д. «Номадизм», киргизский народ и высшие формы культуры // Советская Киргизия. 1924. № 8–9.

³ Швецов С.П. Быт и природа Казахстана // Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства в Казахской АССР. Л.: Академия художеств, 1926.

⁴ Куфтин Б.А. Киргиз-казаки. Культура и быт. М.: Издание Центрального музея народоведения, 1926. С. 9.

Стоит признать, что говорить о создании в эти годы советской исторической школы еще не приходится. В это время наблюдался острый дефицит профессиональных историков «новой формации». Историю народа писали в основном те, кто сталкивался с родовыми отношениями казахов в своей профессиональной деятельности. В силу этого работы носили скорее справочный, рекомендательный характер, нежели научный.

В середине 20-х гг. рождается новое направление в исторической науке – изучение истории национально-освободительных движений на территории окраин Российской империи. Ставится задача поиска героев, великих деятелей прошлого, которые в ходе ожесточенной схватки с врагами трудового народа подготавливали общество к предстоящей революционной борьбе рабочего класса за свои права. Перед историками партия ставила задачу показать роль народных масс и их выдающихся представителей в истории.

Первые попытки в этом направлении, однако, не оправдали ожиданий власти. Появляются исследования, в которых выступления казахов рассматривались не как «борьба простого народа против царизма, не отступавшего ни перед какими зверствами феодально-патриархальной верхушки», а как восстания казахов за национальное освобождение во главе с народными героями и вождями¹. Примером могут служить работы краеведа А.Ф. Рязанова (1879–1929)², которые основаны на солидной источниковой базе – данных Оренбургского областного архива, и рассматривают движения казахов в XVIII–XIX в. В условиях, когда создавался канон, подразумевающий

¹ Рязанов А.Ф. Батыр Сырым Датов // Советская Киргизия. Оренбург. 1924. № 10. С. 94–112; Рязанов А.Ф. Набег хивинцев и туркмен в Киргизскую степь в 1848 г. (По архивным документам) // Труды Общества изучения Киргизского края. Т. 5. Вып. 2. Оренбург, 1925. С. 3–22; Сербаринов Г. Исытай Тайманов (Очерк народного движения в Букеевской орде в 1737–38 гг.) // Там же. С. 3–20; Рязанов А.Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость Казакского народа (1797–1838 г.). Очерки по истории национального движения Казакстана. В 2-х ч. Кызыл-Орда: Труды О-ва изучения Казакстана. 1926. Т. 7. Вып. 2. С. 5–300; Рязанов А.Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836–1838 г.). Очерки по истории национального движения казакского народа. Ташкент, 1927.

² Жаль, что работы замечательного ученого-краеведа А.Ф. Рязанова не получили должной оценки в советской историографии. Скорее всего, это связано с тем, что потомственный казак Оренбургского казачьего войска А.Ф. Рязанов в октябре 1917 г. поддержал выступление войск атамана А.И. Дутова против советской власти и принял активное участие в борьбе с большевизмом – «разлагающим революцию злом». См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orenport.ru/images/img/persons/Kuzahmetov/7.doc> (дата обращения: 21.05. 2015).

непременные отсылки к работам идеологов марксизма, привлекает внимание отсутствие таковых в исследованиях А.Ф. Рязанова. Ученый вскользь остановился на социально-экономической обстановке в казахском крае и в этом, на наш взгляд – основной просчет краеведа. Не получили полного освещения вопросы о предпосылках, социальном составе участников и ходе движения, о том, что представляла собой казахская Степь. Причины такого методологического недочета А.Ф. Рязанова можно объяснить тем, что ученый был пионером в этой области исследования. Отчасти это связано с влиянием на его взгляды в трактовке событий прошлого дореволюционной историографии. А.Ф. Рязанов рассматривал казахскую общину в классовом отношении как нечто целое: хан, султаны, бии и другие влиятельные группы казахского общества не противопоставлялись простому народу. Ученый считал, что лишь в периоды кризиса кочевой системы в обществе возникали разногласия, но не по классовому принципу, а скорее по родовому, которые старались разрешить традиционными институтами патриархально-родового общества: «При наличии родовой аристократии существовала широкая демократия, представляемая киргизскими народными съездами; внутри же родов, в полной неприкосновенности, существовал родовой строй»¹.

Научная позиция ученого в этом вопросе впоследствии вызовет критику со стороны исследователей, отчасти из-за того, что А. Рязанов не смог уложить в прокрустово ложе марксизма-ленинизма выступления казахов, не пытался в них увидеть классовую борьбу внутри общества; у него судьбы участников событий настолько переплелись, что провести между ними четкие классовые границы не просто сложно, а скорее, невозможно. Работа А.Ф. Рязанова была опубликована в 1927 г., когда в республике развернулась активная борьба с байско-кулацким элементом в советских аулах. Поэтому некоторым диссонансом с официальной политикой выглядели образы султана Каип-Галия Ишимова, «заслужившего в орде огромную популярность, он сражался за

¹ Рязанов А.Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость Казакского народа (1797–1838 г.)... С. 152.

национальную независимость народа», или Арынгазы султана, который «пользовался среди киргиз большим уважением за справедливость и строгость, с которыми он разбирал киргизские дела и карал нарушителей народного спокойствия»¹. Да и Исатай Тайманов – бий, предводитель родового подразделения бериш объединения байулы Младшего жуза, для достижения поставленной цели восстания примкнул к выступлению султана Каип-Галия (по терминологии советской историографии – представителя феодальной верхушки), так как считал: «Для успеха всеобщего восстания в Малой орде было необходимо вовлечь всю нацию, весь казахский народ, без различия ...родов и родовых группировок»². А.Ф. Рязанов подводит к выводу о том, что цели и задачи участников движений были, в целом, общими; различия проявлялись лишь в формах и методах их осуществления.

Вокруг проблемы национально-освободительных движений на территории Казахстана в досоветский период шла, а отчасти и до сих пор идет, оживленная дискуссия, высказываются различные оценки, противоречивые мнения и идеи. Краеведу А.Ф. Рязанову историческая наука обязана введением в широкий оборот большого количества фактологического материала по этому вопросу. Принцип родового единства при характеристике А.Ф. Рязановым казахского общества привел к тому, что долгие годы его работы в советской историографии игнорировались, оценивались как «антимарксистские» и использовались в качестве «...лишь справочного материала, хотя, к сожалению, не всегда можно положиться на точность сообщаемых им сведений»³.

Во второй половине 1920-х гг. доводы сторонников родовой теории стали постепенно утрачивать позиции. В это время в республике начинается широкомасштабная кампания государства по коллективизации и силовому оседанию кочевников. Задача предстояла трудная, так как, заметил секретарь Казахского крайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекин, выступая перед партактивом

¹ Там же. С. 115.

² Рязанов А.Ф. Восстание Исатай Тайманова... С. 98.

³ Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 51.

республики, «мы встречаемся с сильным сопротивлением экономически и культурно более сильного русского кулачества. С другой стороны, мы имеем и имели со стороны казахских биев и мулл и их идеологов-националистов желание создать привилегии для казахской национальности»¹. Фронтальное вторжение государства на кочевую периферию с целью изъятия натурального продукта повсеместно могло вызвать протест кочевников. Успех реформы мыслился Ф.И. Голощекину при условии силовой диктатуры в отношении кулачества и байства как класса: «Мы конфискуем бая – главу рода, это труднее чем помещика. Помещик для крестьянина чужой, был понятный враг; в ауле же при родовом патриархальном быте – бай свой, глава своего рода»².

Можно сказать, что коллективизация и массовое оседание кочевников к началу 30-х гг. окончательно решили исход классовой борьбы с байством в ауле и кулаком в деревне в пользу государства. Именно в это время все больше ограничивается научный плюрализм, ученые ориентируются на изложение истории в русле ленинско-сталинских положений о роли классовой борьбы и пролетариата в историческом развитии.

Появляются работы, в которых авторы, говоря об общественных отношениях в казахском ауле, «вкользь упоминают» о родовых пережитках как явлении, с которым еще предстоит серьезная борьба. К примеру, исследователь Н.А. Логутов отмечает: «Несмотря на полное разложение рода, как единого экономического и политического целого, родовые пережитки в ауле все еще сильны. Поддерживаемые консервативно настроенной частью аула – хранителями родовых традиций биями и аксакалами, до сих пор еще являющимися, до некоторой степени, регуляторами общественных отношений в степи эти пережитки в значительной степени задерживают перестроение

¹ Голощекин Ф.И. Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата: Гос. издательство РСФСР. Казакское краевое отделение, 1930. С. 33.

² Голощекин Ф.И. Казакстан на путях социалистического переустройства. М.; Алма-Ата: Объединенное гос. издательство, 1931. С. 200.

быта аула на новых началах и зачастую срывают основные мероприятия Советской власти»¹.

Оппонентами сторонников родовой теории в дискуссии об общественном строе казахов стали приверженцы классовой природы общества.

Одной из первых серьезных работ в этом направлении можно считать коллективную монографию П. Погорельского и В. Батракова «Экономика кочевого аула Киргизстана»². В 1927 г. этими учеными в ходе экспедиционного обследования были изучены форма и характер социальной эволюции, организация, экономика хозяйств, расположенных в бассейне реки Сусамыр, Джумгол. Однообразность и специфичность кочевого хозяйства центральноазиатских племен имела естественным следствием появление одинаковых форм социальной организации. Поэтому сведения П. Погорельского и В. Батракова о социальной организации киргиз могут быть вполне отнесены к казахскому обществу.

По мнению ученых, социальная организация киргизов имела ярко выраженную классовую структуру. Развитие товарного хозяйства, разные формы внеэкономического принуждения, дифференциация общества на две полярные группы привели к появлению группы биев как кочевой феодальной знати: «Не подлежит никакому сомнению одно, что так называемые бии в свое время представляли собою власть, мало похожую на власть при господстве “родового начала”. Власть эта опиралась на силу и принуждение»³. Ученым не удалось показать эволюцию властных отношений в традиционном обществе казахов.

Обозначенные этими авторами два исследовательских принципа оказали большое влияние на все последующие работы в данном направлении. В-первых, классовый подход ученых при характеристике дореволюционного

¹ Логотов Н.А. Очерк родовой быта казаков и распределение основных казакских родов на территории бывшей Семипалатинской губернии // Записки Семипалатинского отдела общества изучения Казакстана. Т. 1. Семипалатинск, 1929. Вып. XVIII. С. 42.

² Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М.: Издание Совнаркома К.А.С.С.Р., 1930.

³ Там же. С. 140.

киргизского общества был принят последователями этого принципа как концептуальная установка при исследовании социальных отношений в дореволюционном кочевом обществе. Трудно проследить причины, время и характер трансформации таких институтов, как «батыр – бий – манап»¹. Это, в свою очередь, привело к тому, что вплоть до начала 1940-х годов² вопросы социально-политической истории кочевников, в том числе казахов оставались слабо разработанными и спорными. Во-вторых, предмет необходимо было изучать в его эволюционном развитии. Впоследствии эта концепция приобрела характер доминирующей парадигмы в советской исторической науке. Речь идет не об авторской концепции П. Погорельского и В. Батракова, а о влиянии монографии этих ученых на утверждение нового концептуального подхода при изучении истории общественных отношений.

Засилие манапов в советском обществе ученые объясняли несколькими причинами, связанными с его ролью: 1) они выполняли общественно-полезные функции (отправляли правосудие); 2) были представителями рода в сношениях в области политики – «приспособление к власти, маска лояльности и т.д.»; 3) овладели методами в области экономики – «капиталистическая эксплуатация, ростовщичество, торговля»³. Сложность борьбы с этим классом ученые видели не только в вышеперечисленных его функциях, но главным образом в том, что местные органы советской власти не желали бороться с этими «пережитками старины». Показателен в этом отношении пример тоя (празднества. – *Ж. М.*) в местности Кызыл-джар, который проходил под руководством председателя РИКа (районного исполнительного комитета. – *Ж. М.*). «По предложению этого же начальства проведение другого тоя в м. Ак-терек возлагалось на начальника милиции. Характерно то, что драки, возникшие на обоих этих тоях, были ликвидированы не путем уголовного преследования, а путем взыскания

¹ Манапы – представители киргизской феодально-родовой аристократии, за которыми со стороны членов их рода признавалось право суда и предводительства в военное время. См.: Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.

² В начале 1940-х гг. появляются фундаментальные исследования по социально-политической истории Казахстана таких видных ученых, как М.П. Вяткин, А.П. Бернштам, С.Л. Фукс и др.

³ Погорельский П., Батраков В. Указ. соч. С. 181.

через битюм (байский судебный приговор), вынесенный самим председателем рика, штрафа с виновных в тридцать червонцев. Таким образом, представитель власти не хуже любого манапа выступает “хранителем традиции”, укрепляя тем самым манапское влияние в ауле»¹.

Устойчивость позиций родовой аристократии связана с тем, что характерной чертой политико-правовой культуры кочевого общества, несмотря на новую систему власти, оставалась приверженность к компромиссу, подчинение авторитету таких лидеров, которые, аккумулировав традиции и правовые знания, смогли стать посредниками между общиной и советской бюрократией.

Отчасти эта проблема была поднята в статье Д. Лурье. Он писал: «Есть немало элементов, еще далеко не перевоспитанных в социалистическом духе, есть и выходцы из эксплуататорских классов», которых необходимо переделывать в социалистическом духе².

Схожие формы социальной организации наблюдались и у других кочевых народов. Исследователь каракалпаков П.П. Иванов писал: «На родовой основе вырастает и развивается фигура главного представителя класса эксплуататоров – бия. Функции бия, если судить по аналогии с более поздним периодом, были весьма разнообразны»³. С классовых позиций характеризуется в работе того же ученого узбекское общество при эмире Хайдере (1800–1826): «Фактическими распорядителями общинно-родового имущества являлись особые представители родовой знати, носившие звание биев (или беков)»⁴. Право распоряжения пастбищами позволяло им держать в экономической зависимости основную массу рода.

Среди немногочисленных исследований этого направления, посвященных изучению социальной организации кочевников с классовых позиций, следует

¹ Там же. С. 163.

² Лурье Д. О соотношении классовых сил в нашей стране // Большевик Казахстана. 1935. № 4 (43). С. 66.

³ Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков: Сборник. Тр. ин-та востоковедения. Т. VII. М.; Л.: АН СССР, 1935.

⁴ Иванов П.П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821–1825 гг. Источники и опыт их исследования. М.; Л.: АН СССР, 1937. С. 24.

выделить работы профессора-историка С.Д. Асфендиарова¹. Его научный труд по истории казахского народа с древности до 1917 г. является обобщающей работой, в которой отразилась концепция о поступательном развитии кочевых народов от первобытного состояния (первобытно-общинного строя) к классовому (капиталистическому) обществу, в соответствии с марксистской схемой исторического процесса.

С.Д. Асфендиаров относит зарождение классовых отношений к XVI в., когда в плане социально-экономической структуры казахское общество разделилось на два противостоящих лагеря – феодалов и рядовых кочевников. К первым ученый относит хана, батыров, баев, ходжей и, конечно, биев, которые представляли «зародыш государственного аппарата. Бии являлись как бы идеологами казахского феодализма»².

В это время под внешней оболочкой родового общества происходит накопление средства производства (скота) в руках родовой верхушки, которая, вступая во внешние торговые сношения, постепенно превращалась в настоящего хозяина этих средств. Например, бии, используя в своих интересах методы внеэкономического принуждения, которые, по С.Д. Асфендиарову, представлены народными традициями и обычаями предков – адатом, передают интересы рода и, концентрируя в своих руках капитал, «уже являются господствующим эксплуататорским сословием»³.

Анализ работ С.Д. Асфендиарова наводит на мысль о присутствии едва уловимого двусмысленного подтекста. С одной стороны, всеохватывающее господство идеологических установок определило подход автора к освещению истории казахского общества. К примеру – его критическое отношение к русско-казахским отношениям, которые он описывает как «грабеж», «притеснение», «колонизация казахских земель» со стороны Российской

¹ Асфендиаров С.Д. История Казакстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1935; Прошлое Казакстана в источниках и материалах / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова. Сб. 1 Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1935; Прошлое Казакстана в источниках и материалах / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова. Сб. 2 Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1936.

² Асфендиаров С.Д. История Казакстана... . С. 90.

³ Там же. С. 92.

империи (в духе «школы М.Н. Покровского»). В отношении биев ученый применяет обличительные термины и характеристики – «социальная опора царизма», «“активисты” феодально-родовой общественности», пишет, что «царизм, давая “подачку” казахским господствующим классам, сперва ханам и султанам, затем аксакалам, баям и биям, покупал их услуги» и т. д. С другой стороны, обвиняя М. Тынышпаева и других представителей национальной интеллигенции в буржуазном национализме, С.Д. Асфендиаров сам не избежал некоторой идеализации при изложении исторического прошлого¹. Например, он пишет: «...царское правительство расчленило Казакстан, создав условия, затрудняющие национальное объединение казаков»²; в отношении биев заметны ностальгические ноты: «Каждая Казакская орда имела своих знаменитых биев: Старшая орда – Толе-бия, Средняя – Казбек-бия, Младшая – Айтеке-бия. Бии ...как носители народных традиций сохраняли в народной памяти авторитет со времени первобытной демократии родового общества»³. Смеем предположить, что нотка ностальгии среди общепринятых в исторической науке выражений «колонизация», «феодалы» и т. д., говорила, скорее всего, об имевшихся у ученого собственных убеждений, которые он старался вплести в общую канву изложения материала и придать им характер скрытого предпочтения. Во всяком случае, внимательное чтение работ С.Д. Асфендиарова подводит именно к такому заключению.

Большой вклад С.Д. Асфендиарова в развитие исторической науки Казахстана неоспорим. В частности, он одним из первых показал кочевую культуру как цивилизационную целостность, а его социальная характеристика казахского общества послужила ориентиром в научных исследованиях на долгие десятилетия вперед.

¹ К примеру, М.Т. Тынышпаев считал ханский период «счастливым временем, когда все алаши, т.е. казаки, объединились в одну государственную организацию, и первым объединяющим ханом был Алаша». Лидеры национальной партии «Алаш» (А. Букейханов, А. Байтурсьнов, М. Дулатов и др.) выступали за развитие казахского языка, сохранение традиционных институтов, хозяйственного уклада кочевого населения Казахстана. См.: Тынышпаев М. Киргиз-казаки в 17 и 18 веках. Кзыл-Орда: Об-во изучения Казахстана, 1928.

² Асфендиаров С.Д. История Казакстана... С. 146.

³ Там же. С. 90.

В то же время работа С.Д. Асфендиарова, написанная в традициях проблематики советской исторической науки (колониальные захваты Российской империи, роль классовой борьбы в казахском ауле, критика деятельности алашордынцев и т. д.), подтверждает тезис: «Уже к середине 30-х гг. советская историческая наука при активном участии Покровского была накрепко вбита в прокрустово ложе марксизма-ленинизма»¹.

Отдельного внимания заслуживают работы литературного критика, с 1935 г. председателя правления Союза писателей Казахстана Г.С. Тогжанова. Известный разоблачительными статьями в адрес идеологов «пантюркизма и панисламизма» (А. Байтурсинов, Т. Рыскулов и др.), Г.С. Тогжанов возражает «против байской теории о господстве родовых отношений в ауле, как в период Казахского ханства, так и в период русского завоевания»². Уверенно заявляя о господстве классовых отношений в казахском обществе, Г.С. Тогжанов пытается объяснить их завуалированность наличием родовых пережитков и кочевым образом жизни казахов.

Логика его рассуждений проста. Высокая степень доминирования родовых пережитков связана с тем, что казахская община представляла собой хозяйственно-культурный организм, в котором элементы, соединяющие разные структурные звенья, образовывали скелет всей системы. Устранение или отмирание любого элемента порождало процессы, в некоторых случаях необратимые, губившие отлаженный механизм воспроизводства хозяйства. В этих условиях существовали защитные инструменты в виде института взаимопомощи, позволявшие избежать этой катастрофы. Речь идет об институте саун, угощения, асар и т. д. Г.С. Тогжанов пишет: «Без баев они не мыслят себе самостоятельной жизни, потому, что без байского руководства и “защиты” они и внутри, и вне рода беспомощны»³.

¹ Российская историография. М.: Российс. гос. гуманит. ун-т. 1996. С. 168.

² Тогжанов Г. Казакский колониальный аул / Под ред. А.М. Авиغدора. Ч. 1. М., 1934. С. 16.

³ Там же. С. 17.

Особенно сильны «пережитки» там, где население занималось скотоводством. Природно-климатическая среда (бескрайняя степь, континентальный климат) приводила к дисперсному состоянию мелких родовых групп на большой территории, провоцировала создание индивидуальных «миров» во главе со своими баями и аксакалами. Именно там, по мнению ученого, в «идеальном», на первый взгляд, мире, существуют глубинные противоречия. Рассмотрим высказывания ученого о суде. «Аксакальский суд работает лучше наших, баи – аткамнеры – “почетные люди” аула реагируют на все явления, происходящие в ауле, гораздо быстрее и более умело, чем наши низовые партийно-советские организации. Бедняки и середняки идут за советом, помощью не в аулсовет и не в комитет союза Кошчи, а идут к баям, аксакалам. Нередки случаи, когда вместе с бедняками к баям идут за советами и наши коммунисты. Зачастую наши низовые работники сами являются участниками байско-аксакальского суда»¹.

За ширмой быстрого и скорого суда Г. Тогжанов видит скрытые формы эксплуатации – рядовые кочевники идут в аксакальский суд, потому что «бая-аксакала никто не должен оскорблять, особенно, в его роде – ауле должны все его слушаться»². Негласно действовали правила: не выступай против своего родственника-бая, слушайся его, не разлагай родственные отношения, не выдавай своих сородичей, иначе ты предатель. Выходило, что родовая власть, используя систему родовых запретов – табу, подчиняла своей воле рядового кочевника, не давала ему свободы в действиях, что в свете лозунгов советской власти о «равенстве» позволило ученому сделать вывод о присвоении этого права так называемыми социально чуждыми советской власти элементами и слоями.

Неразрывную связь советских работников и бая-аксакала ученый объяснял следующим образом: «Тот работник, который не расстраивает “ынтымак” (родовой мир. – Ж. М.), и сам участвует в последнем, по мнению байской

¹ Тогжанов Г. О казакском ауле. К-Орда: Казгиз, 1927. С. 18–19.

² Он же. Казакский колониальный аул... С. 17.

общественности считается самым хорошим работником в ауле, он пользуется авторитетом среди байства. Его называют «своим человеком»¹. Такой работник быстро выполнял все поручения партии в ауле, используя статус «своего человека». Сговор между низовыми работниками и баями Г. Тогжанов считал преступным. Однако реальное решение этой проблемы представлялось весьма затруднительным – даже после «великого перелома» позиции баев оставались негласно крепкими.

Ученый сделал упор на рассмотрении феодально-родовой общины, которая предстает со строгой жузовой иерархией, рыночными отношениями, переплетавшимися со сложной системой родственных связей, устойчивым авторитетом представителей родовой верхушки – они неизменно питали жизнь и ментальное сознание казахов.

В целом, нужно отметить, что Г. Тогжанов поставил целый ряд дискуссионных проблем по истории и экономике казахского общества: зарождение феодализма, проникновение товарно-капиталистических отношений и т. д. Ученый полагал, что характерной чертой казахского общества было господство пережитков, которые были по форме «родовыми», а по содержанию «классовыми». В погоне за критикой своих оппонентов Г. Тогжанов зачастую приводил доводы в трактовке проблем, к примеру, о связи кочевого образа жизни и пережитков родового строя, не подкрепленные серьезными доказательствами. Такая подгонка фактов под концепцию вызывала неоднозначные оценки у коллег.

Отличается концептуальным подходом от работ первых двух направлений позиция советского этнографа П.И. Кушнера. В 1925 г. под его руководством была снаряжена этнографическая экспедиция в горные районы Киргизии. Проведенное обследование киргизских селений подводит ученого к мысли о всесии института манапства, который представлял из себя «...не родовой строй, а одну из самых ранних фаз феодализма и, в то же время, последнюю

¹ Он же. О казакском ауле. С. 19.

фазу разложения родовых отношений у киргиз. Это грань, рубеж двух социологических эпох»¹. Сложность и запутанность вопроса приводят к тому, что П.И. Кушнер допускает «противоречие» в своей работе: с одной стороны, манап – это переходный институт от одних общественно-экономических отношений к другим; с другой – «Интересы рода и манапов, последней опоры старого быта слиты. Манапы чувствуют, что в родовой обособленности киргиз их последнее прибежище»². Таким образом, связи рода и манапов не просто неразрывны, они представляют единое целое, систему, разрушение которой может привести к потере родовой идентичности. Причину такого явления П.И. Кушнер объясняет сложившимися общественными отношениями в киргизском аиле. Жизнь простых кочевников и родового предводителя – манапа, взаимосвязаны. Манап выполнял в обществе социально-полезные функции: отправлял правосудие в качестве третейского судьи, предоставлял ссуды бедноте на самых выгодных условиях, защищал скот от кражи, распределял пастбища среди родов, т. е. вся его деятельность была направлена на поддержание порядка среди соплеменников. Те, в свою очередь, родовой солидарностью обеспечивали власть и силу родоправителю. Автору была совершенно чужда всякая идеализация родового строя, более того, имея целью доказать его отсутствие, П.И. Кушнер приходит к «неожиданному» для себя выводу. Начав с утверждения, что родового строя в горной Киргизии не существует, историк посвятил всю работу доказательству обратного: *«В горной Киргизии сохранились в достаточно живучем виде старые формы социальной жизни – полуфеодалные, с большим налетом еще более древних, родовых отношений»* (курсив автора)³. В итоге он выдвигает тезис о «племенном государстве» как одной из переходных форм к феодализму.

Возможно, «противоречивость» позиции П.И. Кушнера связана с расхождением взглядов на характер общественных отношений в киргизском

¹ Кушнер П. Манапство в горной Киргизии // Революционный Восток. М., 1927. № 2. С. 152.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 176.

обществе между ним и официальной наукой. Смеем предположить, что выход из этой ситуации виделся ученым в написании работы, в которой вводная и заключительная части вполне отвечали официальным требованиям господствующей парадигмы и содержали генеральный вывод – *«родового строя в этих, наиболее отсталых районах Киргизии больше не существует»*¹ (курсив автора. – П. К.). В то же время основная часть посвящена описанию реальных, все еще крепких родовых отношений.

В начале 30-х гг. в СССР был взят курс на жесткий унитаризм и централизацию управления, что выразилось в науке в выработке курса на бескомпромиссную идеологическую войну на историческом фронте. Советская идеология требовала от ученых научно-теоретического обоснования тезиса об усилении классовой борьбы при построении социализма. Дискуссионная волна начинает спадать, хотя стоит заметить, что некоторые ее отголоски еще наблюдались в середине 30-х гг. на страницах журнала «Большевик Казахстана»². Спор о казахском родовом строе и казахском феодализме, который возник между Т. Рыскуловым и А. Лекеровым, с одной стороны, и Г. Тогжановым – с другой, можно назвать последним аккордом в этих дискуссиях. Суть обличительных статей заключалась в том, что в отличие от Г.С. Тогжанова, считавшего период казахского феодализма затяжным (XV–первая половина XIX), Т. Рыскулов и А. Лекеров не отрицали зачатков феодализма в казахском обществе до присоединения Степи к Российской империи, однако полагали, что господствующим строем был родовой³. Привлечь к научной дискуссии по данной проблематике других специалистов не удалось.

¹ Там же. С. 151.

² В дальнейшем дискуссии возникали в рамках теории общественно-экономических формаций и классового подхода. Наиболее ярким примером можно назвать дискуссию об азиатском способе производства, в которой творческие марксисты видели возможность критически высказаться о пятичленной схеме марксистской теории. См.: Никифоров В.Н. Концепция азиатского способа производства и современная советская историография // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; Никифоров В.Н. К. Маркс и Ф. Энгельс об азиатском способе производства // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.

³ Рыскулов Т. О «казахском колониальном ауле» // Большевик Казахстана. 1935. № 4 (43). С. 70–77; Лекеров А. О работе тов. Тогжанова «Казахский колониальный аул» // Там же. С. 78–82.

На наш взгляд, такое невнимание к ней гуманитарной общественности связано с несколькими причинами. Во-первых, отсутствие конкретного историко-экономического научного материала в работах, на что обратила тогда внимание редакция журнала «Большевик Казахстана». Желание привлечь в качестве аргументов основополагающие идеи марксизма-ленинизма вызывало большие трудности, так как классики исторического материализма, к сожалению, не дали ответов на все коллизии исторической жизни номадов. И даже обильное цитирование работ К. Маркса, В.И. Ленина и И.В. Сталина не приносило сторонам перевеса чаши весов. Поэтому спор превратился в бескомпромиссную, исторически неглубокую, с взаимными политическими обвинениями, перепалку. Во-вторых, многие участники прежних дискуссий, в частности, С. Садвакасов, А. Букейханов и другие, к этому времени подвергались гонениям и репрессиям. В-третьих, и, пожалуй, это главная причина – с середины 30-х гг. утвердилась концепция «кочевого феодализма», предложенная академиком Б.Я. Владимирцовым в монографии «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», которая была признана верной и выдержанной в рамках марксистской теории. Суть концепции заключалась в том, что феодальные сеньоры (нойоны, бии, ханы у казахов и др.) через распределение пастбищ между кочевыми коллективами опосредованно реализовывали свою власть над последними: «Раз сеньор владел людьми, то, естественно, должен был владеть и землей, на которой они могли бы жить-кочевать»¹. Идея о единстве феодализма для всех народов вне зависимости от форм собственности стала на долгие годы доминирующей в марксистской историографии².

¹ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. С. 111.

² См. дискуссию об общественном строе кочевников: Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Московский университет, 1973; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975; Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: МГУ, 1976; Крадин Н.Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Владивосток, 1987; Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992; Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература

Революция 1917 г. наложила необратимый отпечаток на социальный облик казахского общества, который в новых условиях отличался сохранением веками оправдывавших себя форм общественной самоорганизации и хозяйствования и постепенной трансформацией производственной практики и политико-правовых ценностей народа.

Если первоначально советская власть терпимо относилась к политико-правовой культуре народов окраин, то по мере утверждения диктатуры пролетариата большевики начинают последовательно проводить курс на смену старого соционормативного опыта, который не соответствовал задачам советского государства.

Особенностью историографии этого периода является то, что работы, вышедшие в это время, были сравнительно небольшими по объему. На наш взгляд, это связано, во-первых, с тем, что молодая советская историческая школа, отказавшись от наработок специалистов «старой» буржуазной школы, оказалась в трудном положении. Старые кадры не принимали идей марксизма, новые – в силу отсутствия навыков и профессионального исторического образования – не могли рассмотреть реальные исторические процессы с позиции методологии марксизма-ленинизма. Вследствие непримиримой борьбы советской исторической школы с концепциями исследователей дореволюционного времени (В.В. Радлова, В.В. Григорьева и др.), многочисленный дореволюционный нарратив о казахском крае стал трактоваться однобоко, под углом зрения официальной идеологии. Во-вторых, история народа писалась тогда в основном не профессиональными историками, а лицами, которые в силу служебных обстоятельств были вынуждены выполнять заказ партии по выяснению ситуации в крае «в поле», не располагая временем и научными ресурсами.

Следует особо отметить, что в 1920-х гг. наблюдался определенный плюрализм научных мнений. В отношении нашей проблемы он вылился в спор о характере общественных отношений у казахов в предреволюционную и советскую эпоху, шла дискуссия о различиях между сословными стратами и их ролью в жизни общества.

Одна группа исследователей считала, что казахское общество, несмотря на все эволюционные процессы, оставалось в своей основе традиционным, бесклассовым (С.Г. Соколовский, Т. Рыскулов и др.). Невольно продолжая традиции дореволюционной историографии, исследователи считали, что любое вмешательство в экосистему кочевников приводит к отторжению чужеродных элементов как непригодных в социальном, идеологическом и культурно-ценностном смысле. При этом сохранялись практически в неизменном виде те институты, которые позволяли этнической общности приспособиться к новым социально-экономическим и культурным изменениям. Одним из таких институтов исследователи считают биев, аксакалов, которые рассматривались как представители родовой демократии. Это они пронесли сквозь время ценностные постулаты народа, укреплявшие этнический фундамент кочевников – родо-племенную структуру общества, адаптированную к суровым природным условиям путем экстенсивного скотоводства. Сторонники этой концепции считали, что такое общество не имеет классовых противоречий, следовательно, говорить об эксплуатации трудового народа не приходится. Родовая верхушка рассматривалась как представительница родовой демократии.

Другое направление представлено работами сторонников изложения истории в контексте классовой парадигмы развития (П. Погорельский, В. Батраков, Г.С. Тогжанов). Исследователи пытались выработать систему взглядов на вопрос о классовом содержании общественно-политической жизни номадов, в которую прочно были вплетены родовые формы бытия.

§ 2. Историографический поворот середины 1930-х – середины 1950-х гг.: вчера национальные «герои» – сегодня «классовые враги»

С середины 30-х гг. начался новый этап в развитии исторической науки Казахстана. С этого времени в науке утверждается классовый подход, призванный объяснять все события прошлого. В этот период наряду с работами, носящими характер пропаганды идей социализма, появляются серьезные научные исследования по истории кочевников Центральной Азии таких видных ученых, как М.П. Вяткин, А.Н. Бернштам, С.Л. Фукс, Е.Б. Бекмаханов, Н.Г. Аполлова и др.

Работы этих ученых объединяет обстоятельный источниковедческий разбор письменных источников, введение в научный оборот неопубликованных архивных материалов из фондов Москвы, Алма-Аты, Ленинграда, Омска, Оренбурга и др., желание отойти от описательности при изложении событий и представить их в причинно-следственных связях, в синтезе разнохарактерных исторических данных.

Среди появившихся в этот период фундаментальных трудов значительный научный интерес представляют работы археолога и востоковеда А.Н. Бернштама (1910–1956), в которых впервые в советской историографии была предпринята попытка систематического исследования прототюркских и тюркских племен на территории Центральной Азии с классовых позиций¹. Работы ученого отличает тщательный анализ разноплановых источников как китайского, персидского, византийского, арабского происхождения, так и собственно тюркских памятников, посвященных каганам.

Анализ источников приводит ученого к убеждению о наличии прямой генетической связи между гуннами и тюрками-тюцзюе во всех областях общественно-политической и культурной жизни. Если следовать логике

¹ Бернштам А.Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // СЭ. 1934. № 6. С. 86–115; Он же. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе: Типолитография № 1, 1942; Он же. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.: АН СССР, 1946; Он же. Очерк истории гуннов. Л.: Ленинградский университет, 1951.

изложения автора, можно предположить, что эта связь касалась и преемственности в социально-политической терминологии. Так, исследуя гуннское общество, А.Н. Бернштам пишет: «Первый из вновь выступивших шаньюев был **Би** (выделено мной. – *Ж. М.*), который использовал внутрикитайские династийные смуты, ... пытался завладеть Китаем»¹. Возможно, впоследствии гуннское имя «Би» трансформировалось в тюркский титул «бег», который означал «хозяина территориального объединения»².

Ученый проследил процесс классовообразования в тюркском обществе и достаточно подробно остановился на характеристике правящих сословных групп. Он сделал вывод, что по мере развития тюркского общества и накопления богатства в руках отдельных его представителей, происходит процесс поляризации слоев населения по материальному принципу. Верхушку классовой пирамиды вместе с каганом занимал бег, который «является основной фигурой эксплуататора в тюркском обществе, политической фигурой, классом»³. Приставка «бег» к остальным привилегированным титулам у тюрков – ябгу, шады, буюруки, тарханы и т. д. – свидетельствовала о степени приближенности к верховной власти кагана, соответственно – о влиянии в обществе.

Соглашаясь с мнением П. Мелиоранского по поводу термина «буюрук», означавшего своего рода приказчика кагана, ученый выдвигает интересную мысль о возможном соотнесении тюркских буюруков-бегов с той частью бегства, которая служила судьями в своих территориальных подразделениях. И хотя приводимый материал в полной мере не подтверждает предложенную гипотезу, а скорее вызывает вопросы, тем не менее, А.Н. Бернштам, как и другие востоковеды (В.В. Бартольд, П. Мелиоранский и др.) связывает появление этого термина с прототюркскими племенами.

¹ Бернштам А.Н. Очерк истории... С. 118.

² Бернштам А.Н. Социально-экономический строй... С. 109.

³ Там же. С. 111.

Фундаментальные труды этнографа, тюрколога С.М. Абрамзона (1905–1977) о киргизах основаны на полевых материалах, накопленных во время этнографических экспедиций ученого «за его пятилетнее пребывание в Киргизской республике, сопровождавшееся общением с живыми носителями старины»¹. В своих работах о киргизах, ученый, ссылаясь на памятник устного народного творчества – героический эпос «Манас», прослеживал возникновение сословных групп (батыр, бий, манап, букара и т. д.) и отмечал классовый характер дореволюционного киргизского общества.

Несомненно, огромный вклад в изучение истории Средней Азии внес выдающийся археолог-востоковед М.Е. Массон. Его исследования архитектурных памятников прошлого позволили получить впервые в советской историографии данные о мавзолее «Калдыргач-бия», принадлежащего фактическому правителю Старшей орды в первой половине XVIII в. Толе би². Дав подробное описание мавзолея, ученый считал его связанным с «традициями северотуркестанского зодчества»³. Одновременно с М.Е. Массоном работы по исследованию архитектурных комплексов г. Ташкента вела крупный археолог Г.А. Пугаченкова. Детально остановившись на описании мавзолея Толе би, ученый пришла к выводу, что мавзолей Калдыргач-бия был построен в XV в. и мог быть местом захоронения лица из рода кыпчак, либо «вполне вероятно, что здесь был погребен один из могулистанских царевичей»⁴.

¹ Абрамзон С.М. Черты военной организации и техники у киргизов (По историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Труды института языка, литературы и истории. Вып 1. Фрунзе: КирФАН, 1944. С. 167–180; Он же. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе: КирФАН СССР, 1946. С. 5.

² «Калдыргач-бий», точнее «Карлыгаш бий», что означает буквально «Ласточка-бий». Согласно легенде, когда джунгары вторглись в пределы Старшего жуза, они увидели лишь одного человека – Толе би, не покинувшего в панике свою юрту. На вопрос предводителя джунгар: «Почему ты не ушел с соплеменниками?», бий ответил следующее: «В куполе моей юрты ласточка свила гнездо, и пока она не выведет птенцов, разве могу я покинуть ее? Вы можете меня убить, но моя жизнь не ценнее жизни будущих птенцов». Получив такой мудрый ответ, предводитель джунгар повелел прекратить грабеж аула. С этого времени за Толе бием закрепилось прозвище Карлыгаш бий.

³ Массон М.Е. Прошлое Ташкента (археолого-топографический и историко-архитектурный очерк) // Известия Академии наук УзССР. 1954. № 2. С. 119.

⁴ Пугаченкова Г.А. Мавзолей Калдыргач-бия // Известия АН КазССР. Серия архитектурная. 1950. Вып 2. № 80. С. 93.

Работы А.Н. Бернштама и С.М. Абрамзона были подвергнуты резкой критике за «серьезные политические ошибки», «пантюркизм». В частности, С.М. Абрамзона обвинили в затушевывании гнета местных феодалов и кокандских ханов, в том, что он «изображал борьбу киргизского народа против царских колонизаторов как борьбу против русского народа. Положительное влияние русской культуры на киргизский народ он ухитрился свести лишь к тому, что киргизы научились белить стены, пользоваться вилками, кроватями, самоварами, вешать занавески на окна¹ (в работе С.М. Абрамзона “положительное влияние” описано на девяти страницах. – Ж. М.)»².

Вопросы, сформулированные авторами, об объективно прогрессивной роли кочевников в истории Евразии, о типах государственности кочевых объединений до сих пор носят дискуссионный характер, учитывая сложность и поливариантность подходов к объяснению данных явлений.

Одной из приоритетных тем, исследование которой было продолжено в этот период, стала проблематика освободительных движений казахов. Появляется немало работ, в которых предпринимаются попытки раскрыть закономерности причин и хода народных выступлений, выявить социальный состав участников, цели и задачи каждой политической силы³. Так как в

¹ Конечно, неизвестный автор зубодробительной критической статьи сильно утрировал освещение С.М. Абрамзоном степени и характера влияния русской культуры на киргизов в виде появления «ложек, вилок, занавесок». Ученый подошел к предмету исследования как профессиональный этнограф, в очередной раз доказав на практике объективность процесса взаимовлияния различных культур путем прямого или косвенного контакта, зачастую приводящего к наложению на этническое основание нового культурного пласта – в данном случае, по мнению ученого, европейской культуры. Кстати, ученый не сводил влияние русской культуры только к предметам бытового использования. Например, на с. 75 он описывал жилище рядового колхозника Д. Джумагулова, в котором наряду с занавесками, вилками и кроватью, увидел портреты Ленина, Сталина, Кагановича, патефон, самовар, швейную ручную машинку, книги. Появление наряду с традиционными музыкальными инструментами (комуза, сурная, чоора) патефона служит веским доказательством правоты ученого.

² О некоторых вопросах истории народов Средней Азии // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 8.

³ Якунин А.Ф. Освободительное движение трудящихся казахов в 1836–1838 гг. // Большевик Казахстана. 1939. № 6; Вяткин М.П. Казахское общество в середине XVIII в. // Известия Казахстанского филиала АН СССР. Сер. истор. Вып. 1. Алма-Ата: Казахское гос. издательство, 1940. С. 3–18; Вяткин М.П. Тюленгуты в XVIII в. // Известия Казахстанского филиала АН СССР. Сер. истор. Вып. 1. Алма-Ата: Казахское гос. издательство, 1940. С. 19–30; Вяткин М.П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII–нач. XIX в. // Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. 4. М.; Л.: АН СССР. 1940. С. 3–19; Якунин А., Шахматов В. Восстание в Казахстане 50-х гг. XIX в. // Известия Казахстанского филиала АН СССР. Сер. истор. Вып. 1. Алма-Ата: Казахское гос. издательство, 1940. С. 63–94; Вяткин М.П. Казахстан – колония царизма // Ученые записки. Алма-Ата: КазПИ, 1941; Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943; Вяткин М.П. К вопросу о

большинстве случаев руководителями выступлений казахов становились родовые лидеры – бии-старшины-батыры, остановимся на работах с этой тематикой подробнее.

В этом направлении бесспорно выделяются фундаментальностью работы профессора М.П. Вяткина (1895–1967) о батыре Срыме¹, который был бием рода байбакты, богатым родоправителем, руководителем одного из самых значительных выступлений казахов в Младшем жузе в последней четверти XVIII в. (1783–1797). Полагаем, что выход монографии стал важным историографическим событием, так как заложенный ученым теоретико-методологический подход к изучению народных выступлений стал основополагающим не только для советской, но и для современной историографии.

М.П. Вяткин при исследовании этого движения столкнулся с рядом трудно разрешимых задач: во-первых, руководителем движения являлся представитель привилегированного, зажиточного сословия, а между тем, ученый при характеристике этого выступления называет его антиколониальным и *антифеодальным*. Объяснение объективных и субъективных побудительных мотивов руководителя движения для выступления против той части общества, представителем которой он сам являлся, учитывая, что в «Кратком курсе» ученым вменялось в обязанность «не сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев»², мы полагаем, вызывало у автора методологические трудности. Во-вторых, неоднородность движущих сил на разных его этапах приводила к изменению «политической программы» руководителя и его сторонников, поэтому ученому предстояло объяснить – каким образом Срыму Датову

крестьянских восстаниях в Казахстане // Вопросы истории. 1945. № 3–4; Шахматов В.Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата: АН КазССР, 1946; Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л.: АН СССР, 1947; Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века / Под общ. ред. д-ра ист. наук проф. М.П. Вяткина. Алма-Ата, 1947; Шахматов В.Ф. К вопросу о классовой борьбе в Казахстане в первой половине XIX в. // Большевик Казахстана. 1951. № 11; и др.

¹Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Л.: Огиз, 1941; Он же. Батыр Срым. М.; Л.: АН СССР, 1947.

²История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. С. 154.

удавалось сохранять баланс политических сил на протяжении длительного времени (14 лет), оставаться признаваемым народным лидером, в конце концов, свергнуть ханскую власть, т. е. совершить своего рода «революцию», учитывая, что он не был пролетарием и, уж тем более, большевиком. В-третьих, характеризуя выступление шаруа как народное, крестьянское, М.П. Вяткин в то же время показывает, что бии, старшины, султаны и другие привилегированные группы не были случайными «попутчиками», они выступали совместно с крестьянскими массами, выражая и преследуя общие с ними цели.

Надо отметить, что ученому в целом удалось решить возникшие научные задачи путем скрупулезного анализа сложившейся социально-политической и экономической ситуации в Младшем жузе в XVIII в. Нас заинтересовала та часть исследований М.П. Вяткина, в которой предпринята попытка дать развернутую характеристику сложившихся общественных отношений у казахов. Ученый, исследуя классовую структуру казахского общества XVIII в., выделяет два основных класса: «С одной стороны, феодалы, в лице султанов – старой кочевой аристократии, и родовой знати в лице биев, батыров, мурз, тарханов и, с другой, феодально-зависимых масс трудящихся казахов»¹. Важно заметить, что М.П. Вяткин, не будучи знаком с архивными материалами Оренбургской пограничной комиссии² (об этом свидетельствует приведенный в монографии обзор источников), предлагал дифференцированно относиться к этому «видовому, а не родовому понятию». Так, те бии, которые с 1787 г., когда российское правительство ввело в Младшем жузе особую должность «родовых старшин», стали именовать биями-старшинами, или просто старшинами, скорее всего, принадлежали к знатным и влиятельным семействам. В то же время ученый считает, что сословная группа биев в казахском обществе была открытого типа, т. е. «звание бия мог получить и

¹ Вяткин М.П. Батыр Срым... С. 378.

² Речь идет об отчетах 1846 г. чиновников Оренбургской пограничной комиссии Аитова, Белозерова и др., в которых были представлены материалы об обычном праве казахов.

казах, не принадлежавший к родовой знати. Мы должны таких биев – добровольно признаваемых судей – отличать от биев-старшин»¹. Такой вывод очень важен для понимания особенностей выступлений казахских шаруа, учитывая, что наметившаяся в то время в советской историографии тенденция относить всех биев, старшин и т. д. к классовым врагам советской власти не позволяла объективно обрисовать сложность и противоречивость отношений различных групп, скрепленных родовыми отношениями. Отчасти такой подход ученого объясняет активное участие биев в этом движении.

По мнению автора, наиболее трудно объяснимым термином является «бий», корни которого, на основе сравнительного анализа тюркских источников, он относит к доказахскому прошлому общества Дешт-и Кыпчака. Так, например, он пишет: «В хронике Муниса “Рай счастья” Узбек-хан (1312–1340), чтобы отличить принявших мусульманство нойонов, присвоил им тюркское звание “бек”»². Далее, вновь ссылаясь на этот источник и материалы дореволюционной российской историографии, М.П. Вяткин приходит к убеждению, что бии в казахском обществе являлись не столько представителями «родовой демократии» (хотя ученый этого не исключает), сколько родовой знатью, захватившей в свои руки управление государством, что позволило им создать привилегированную группу родовой знати и прямым образом влиять в своих интересах на верховную власть. Подтверждая свой вывод, М.П. Вяткин пишет: «Ни одного сколько-нибудь значительного решения хан не мог принять без согласия старшин. Когда хан обходил решения собрания, это вызывало протест со стороны старшин. Феодальным “правом совета” старшины крайне дорожили». Более того, осознание своего значения и авторитета среди кочевников и боязнь потерять их, привели к конфликту: «Одной из причин возмущения старшин ханом Нуралы в 80-х гг. XVIII в. было

¹ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР... С. 111.

² Вяткин М.П. Батыр Срым... С. 107.

то, что хан в практике управления отказался признавать это право за старшинами»¹.

Остановливаясь в своей работе на вопросе наследственности бийского звания, ученый говорит о появлении такой тенденции в XVII в. Однако, как правильно подмечает М.П. Вяткин, генеалогическая близость претендента на это звание к бийскому сословию не означала автоматического признания общиной его в этом качестве. Звание бия было почетным, и желание со стороны родовой знати создать замкнутую наследственную группу говорит, скорее всего, о наметившемся стремлении бийской группы.

Большое внимание ученый уделяет раскрытию специфики национально-освободительных движений казахов. Интерес этот вызван желанием связать классовые противоречия в казахском обществе, как причину народных выступлений, с наличием различных форм патриархально-родового быта: родовая ответственность сородичей за каждого своего члена, делегирование интересов общины ее родовым представителям, регулирование общественных отношений нормами адата, генеалогическая иерархия племенных и родовых групп, внеэкономические формы принуждения (саун, аманат-мал, сыбага и т. д.), совет биев и старшин и т. п.

Наличие патриархально-родовых пережитков, которые замаскировывали классовые общественные противоречия, по мнению ученого, объясняют многие непонятные на первый взгляд коллизии движения. Во-первых, родовые обычаи и узы, которыми переплетались все социальные группы (в том числе антагонистические в материальном отношении) мешали размежеванию сил, в итоге управление родовыми общинами и руководство движением сосредотачивалось в руках признанных делегатов – высших социальных слоев, в данном случае – биев (Срыма Датова). М.П. Вяткин, ссылаясь на сведения Я. Гавердовского, пишет: «О его богатстве... дает некоторое представление тот ас (поминки в годовщину. – Ж. М.), который был справлен по нему после его

¹ Там же. С. 149–150.

смерти. Ас по Срымү стоил наследникам и родным 3000 овец, до 300 лошадей, до 6000 ведер кумыса, нескольких кибиток, панцырей и множества других вещей»¹. Во второй половине XVIII в. бийская группа, обеспокоенная сужением кочевых маршрутов, вызванных правительственными указами от 1742 г. и приведших к земельному кризису, который в свою очередь спровоцировал появление антиханских настроений, «созревает» до введения на территории Младшего жуза новых форм казахской государственности путем отказа от ханского управления и передачи рычагов власти съезду биев и старшин.

Данное обстоятельство не помешало автору сделать вывод о народном характере крестьянской войны под руководством Срыма Датова, так как, с одной стороны, «огромную роль играл земельный вопрос», с другой – «народная основа борьбы позволила Срымү поставить вопрос о ликвидации ханской власти»². Причина парадоксальности и противоречивости на первый взгляд вывода ученого – «Срым Датов – вождь народного движения» – объясняется видимо, следующим образом. М.П. Вяткин, оказавшись зажатым в тисках классового подхода, был вынужден искать классовую природу конфликта там, где она не могла иметь ярко выраженной формы. Ведь недовольный политикой родоправителя кочевник мог в знак протеста откочевать в любое время года и в любом направлении. В кочевом обществе противоречия редко выступали в форме вооруженной борьбы, они сглаживались обычно-правовыми институтами. Поэтому классовый подход в объяснении национально-освободительных движений казахов не помогал, а скорее усложнял задачу исследователя: «Срым Датов – богатый родоправитель, бий, “эксплуататор” и руководитель народного движения» в одном лице. Отсюда понятно желание М.П. Вяткина сгладить это противоречие патриархально-родовыми пережитками общества.

¹ Там же. С. 194–195.

² Там же. С. 217–218.

Во-вторых, ученый видит связь между патриархально-родовыми пережитками и участием широких масс кочевников в движении в том, что в традиционном сознании народа бий являлся общепризнанной уважаемой фигурой. Бий – почетное звание, авторитетное лицо, непререкаемый судья: априори казахи доверяют ему свои кровные интересы и заботы, будучи уверены в том, что лучше него защитить и отстоять будущее общины не сможет никто. Понятен замысел ученого, когда он приводит народные сказания о Срыме, полные неподдельной любви и надежды, рисующие его народным героем, борцом, оратором. В-третьих, несмотря на то, что Срым и его сторонники преследовали, в первую очередь, узко родовые интересы, активность масс прослеживалась практически на всех этапах движения. Данное обстоятельство, так же как и предыдущие, объяснялось патриархально-родовыми формами, которые предполагали солидарность всех членов кочевой общины. Стихийность, размежевание участников в ходе движения, изменение политической цели (от полной ликвидации ханской власти до пожелания «такого хана, какой их воле был бы послушен») и др. причины стали объективным фактором «разоблачения» призрачности единства интересов разных политических сил. Это, в свою очередь, позволило М.П. Вяткину сделать принципиальный вывод: «Движение Срыма мы должны оценить как явление революционно-освободительное в развитии казахского общества¹, классовый характер движения проявился в борьбе *не против родовых биев* (курсив мой. – Ж. М.), а против султанов, стоявших вне казахских общин»². В целом, схожую характеристику со стороны М.П. Вяткина получили и другие движения казахов, возглавляемые биями, – И. Таймановым, Ж. Нурмухамедовым.

¹ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР... С. 212.

² Вяткин М.П. Батыр Срым... С. 380.

Взгляды ученого по этому вопросу были отражены в первом издании «Истории Казахской ССР» 1943 г., соавтором которого он являлся¹. К работе над первым учебником по истории республики была привлечена группа специалистов из центральных научных институтов Москвы и Ленинграда, эвакуированная в Казахстан в годы Великой Отечественной войны, в числе которых были такие видные ученые, как А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, М.П. Вяткин, С.Л. Фукс и др.² С казахстанской стороны в работе над научным проектом принимали участие М.О. Ауэзов, Е.Б. Бекмаханов, Б. Кенжебаев, С.М. Муқанов и др. Жаркие споры и дискуссии среди авторов вызывали многие вопросы истории казахов, среди которых стоит особо отметить следующие: характер, причины и ход присоединения Казахстана к России («наименьшее зло» или «сговор казахской феодальной верхушки с царским правительством»); время формирования казахской народности (до или после образования Казахского ханства). Пожалуй, одним из немногих вопросов, по которым ученым удалось выработать единую позицию, стал вопрос о движениях казахов XVIII–XIX вв., которые характеризовались как антиколониальные и национально-освободительные, вне зависимости от степени и активности участия в них полярных классовых сил, так как «элементы социальной борьбы не играли роли»³. Концептуальный подход при освещении национальных движений в советской историографии того времени был высказан А.М. Панкратовой: «Национальные освободительные движения в Казахстане проходят через весь колониальный период казахской истории. Их можно разбить на три периода: борьба против завоевания и колонизации Казахстана с середины XVIII в. до конца XIX в.; национально-революционное

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943.

² См.: Иванов Ю.Ф. Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79; Шунаева С.М. Жизнь и научная деятельность проф. М.П. Вяткина (в связи с разработками проблем истории Казахстана): дис. ... канд. истор. наук. Костанай, 2003; Дискуссия по книге Бекмаханова Е.Б. «Казахстан в 20–40 годы XIX века» 14–19 июля 1948 г.: стенограмма // Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Алматы: КЕНЖЕ-ПРЕСС-МЕДИА, 2005.

³ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. С. 329.

движение в годы первой русской революции 1905–1907 гг.; массовое национально-освободительное восстание 1916 г., непосредственно предшествовавшее Октябрьской революции»¹.

Основные задачи выступлений казахов, по мысли авторов учебника, заключались в «создании независимого Казахского ханства, против наступавшего русского царизма, против тех представителей казахской знати, которые становились на сторону царского правительства»². Конечно, в военные годы, когда особенно актуализировались темы советского патриотизма, «нерушимости дружбы и единства исторических судеб народов, живших в Советском Союзе», трактовка закономерностей исторического развития казахов сквозь призму борьбы за свою независимость объективно не могла не вызвать критику со стороны как партийных, так и научных организаций.

В мае–июне 1944 г. состоялось несколько совещаний историков в ЦК ВКП(б), где эта книга была подвергнута критике. Позволим себе привести выдержки из нескольких выступлений. Профессор С.К. Бушуев, в частности, отмечал: «Книга антирусская, так как она идеализирует национальные восстания против России». Член-корр. АН СССР А.В. Ефимов добавлял: «Русские войска изображаются врагами казахов, т. к. критерий в книге Панкратовой – “казахи – избранный народ!!!”». Специалист по истории народов Средней Азии, профессор Толстов резюмировал: «На все события авторы смотрят сквозь “казахские очки”»³.

Известные постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в татарской партийной организации» (5 августа 1944 г.), «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» (27 января 1945 г.), ЦК КП(б) Казахстана «О подготовке второго издания

¹ Панкратова А.М. Основные вопросы истории Казахской ССР // Большевик Казахстана, 1943. № 11–12. С. 22.

² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней... С. 329.

³ Иванов Ю.Ф. Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79.

«Истории Казахской ССР» (14 августа 1945 г.) подвергли учебник жесткой критике¹.

Очередным залпом в адрес авторов учебника стала публикация в журнале «Большевик» статьи М. Морозова, в которой среди критикованных аспектов выделялся антимарксистский подход ученых при освещении выступлений казахов. Так, М. Морозов пишет: «Следуя своей основной цели – освещать историю Казахстана только с точки зрения формирования традиций борьбы за независимость – авторы без разбора зачисляли все вооруженные выступления казахов в категорию национально-освободительной борьбы. Руководителей всех восстаний они объявляют “батырами” и превращают в национальных героев»². К примеру, по мнению рецензента, желание скрыть классовый характер движений привел к тому, что такие лидеры движений, как Саржан («бандит») и Кенесары Касымов («хотел подчинить киргизских манапов казахскому ханству»), султан Каратай («авантюрист, человек, которому совершенно чужды интересы казахского народа»), бий-батыр Есет Котибаров («совершал свои набеги как агент и вассал хивинского хана»), восхвалялись и идеализировались, что приводило к искажению исторической действительности. Авторам учебника предлагалось с учетом высказанных замечаний дополнить и исправить первоначальный вариант.

Массированной критике в эти годы подвергаются работы и казахстанского историка Е.Б. Бекмаханова (1915–1966). В 1943 г. он принимал участие в написании главы о К. Касымове для первого издания истории Казахстана (о нем говорилось выше), в которой обосновывался прогрессивный характер выступлений казахов под предводительством Кенесары и других лидеров против политического курса царской администрации в регионе, рассмотрены предпосылки освободительного движения, программы и задачи повстанцев, а также уделено внимание различиям в политических настроениях разных

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 7. М.: Политиздат, 1985. С. 513–520, 539–543; В ЦК КП(б) Казахстана. О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. 1945. № 6. С. 49–51.

² Морозов М. Об истории Казахской ССР // Большевик. 1945. № 6. С. 77.

социальных сил, участвовавших в движении¹. В 1946 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную этому движению. Материалы диссертации легли в основу монографии, которая отличалась использованием разносторонних по содержанию исторических источников (восточные, российские источники, архивные данные), памятников устного народного творчества казахов².

Полагаем, что выбор темы исследования Е.Б. Бекмахановым не случаен. В годы Великой Отечественной войны внимание советских историков закономерно было направлено на поиск примеров из героического прошлого, борьбы народа за свою независимость, которая оценивалась как прогрессивная и освободительная. Поэтому исследователи, в том числе и Е.Б. Бекмаханов, выбирая объектом исследования выступления кочевников, видели в руководителях, вне зависимости от их классовой принадлежности, народных героев, освободителей, не щадивших жизни в борьбе за независимость.

Остановившись на социальных отношениях казахов, ученый выделяет два класса: эксплуататоров (султанов, биев, баев) и эксплуатируемых (шаруа, егинши, кедеи и жалшы). Чтобы не повторять сказанного выше, так как взгляды Е.Б. Бекмаханова по принципиальным вопросам освободительных войн в Казахстане, в том числе о причинах участия в них бийской группы, совпадали с научной позицией М.П. Вяткина, отметим, что Е. Бекмаханов, опираясь на данные фольклора, дал положительную характеристику активным участникам из бийско-батырской группы – Иману из рода кипчаков, Агыбаю из рода шубыртпалы, Бухарбай-батыра из рода табын и др. Он использовал, в частности, такие обороты: «народный герой», «пользовались огромным уважением среди повстанцев», народ «очень любил и уважал их», «до конца верны» и т. д. Одним лишь своим участием, отмечал ученый, эта группа сплачивала и вдохновляла народ на выступления. В то же время существовала

¹ История Казахской ССР... С. 132.

² Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века / Под общ. ред. докт. ист. наук проф. М.П. Вяткина. Алма-Ата, 1947.

достаточно сильная группа родовитых биев и старшин, которая преследовала свои цели в этом движении, поэтому часть из них выступала против Кенесары, другая занимала выжидательную позицию. Неоднородность бийской группы и их авторитет среди сородичей влияли на характер действий Кенесары по отношению к ним: одних он нейтрализовал или запугивал (бии Байтюре и Каракучеку назаровского отделения), других поощрял (Иман, Агыбай и др.), а с третьими «не вступал в открытое вооруженное столкновение» (бии Чеген Мусин и Исет Котибаров)¹. Такой пестрый состав и разные программные цели лидеров восстания, за которыми стояли массы кочевников, локальность, замкнутость движения, а также господство патриархально-родовых отношений не могли не привести рано или поздно к ослаблению движения и, в конечном счете, к неизбежному его поражению².

В целом, движение под руководством султана К. Касымова оценивалось ученым как прогрессивное, народное, национально-освободительное. Стоит заметить, что концепция о прогрессивном характере выступлений казахов сложилась задолго до появления монографии Е.Б. Бекмаханова³. Такой же концептуальный подход встречается в работах других ученых в середине 1940-х гг. относительно выступлений шаруа на территории Казахстана⁴. Так, В. Шахматов на богатом архивном материале осветил причины, ход, движущие силы выступления присырдарьинских казахов под руководством бия-батыра рода шекты Есета Котибарова. «Некритический», по мнению оппонентов, подход к движению привел автора к заключению, что руководитель Есет Котибаров «в народном сознании по-прежнему оставался тем же “защитником народа”, ибо звание батыра было овеяно славой прошлого. В глазах народа они

¹ Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века... С. 169–197.

² Там же.

³ Тимофеев Н., Федоров С. Борьба казахов в 1837 г. за свою независимость // Большевик Казахстана. 1940. № 4. С. 67–80; Якунин А., Шахматов В.Ф. Восстания в Казахстане в 50 годах XIX века // Известия КФАН. Сер. истор. Вып. 1. 1940. С. 91; Стеблин-Каменская М.И. К вопросу о движении К. Касымова // Исторические записки АН СССР. 1941. № 7. С. 235–254.; Панкратова А.М. Основные вопросы истории Казахской ССР // Большевик Казахстана, 1943. № 11–12. С. 22; и др.

⁴ Шахматов В. Есет Котибаров (К вопросу о вооруженном выступлении казахов против царизма в 1855–1857 гг. под руководством батыра рода шекты Есета Котибарова) // Известия КФАН СССР. Сер. истор. Вып. 2(27). 1946. С. 106–127; Шоинбаев Т. Восстание сырдарьинских егинши (1856–1857 гг.) // Там же. С. 128–137.

(батыры. – Ж. М.) были его защитниками»¹. Крестьянское движение в Казахстане рассматривалось исследователем как одно из звеньев в истории национально-освободительного движения, носящего характер антиколониального и прогрессивного, так как там, где «вопрос стоит о борьбе за землю» (приводится цитата из статьи И. Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос»)², можно говорить о стремлении масс сохранить независимость и появлении передовых (революционных) идей в обществе. Борцами за народные интересы названы старшины-бии И. Тайманов, М. Утемисов и их сторонники в выступлениях казахов на территории Букеевской орды³.

Аналогичная трактовка движения под руководством бия рода кишкене-шекты Ж. Нурмухамедова просматривается в статье Т. Шоинбаева. Отсылка к аналогичной цитате И. Сталина о земле позволяет ученому исследовать движение сквозь формулу «земля – национально-освободительное движение», и оценивать Ж. Нурмухамедова как одного «из самых влиятельных, преданных своему народу батыров. Жанхожа боролся против захвата казахских земель хивинскими и кокандскими беками, против их феодального самоуправства и произвола, против попытки лишить казахов независимости»⁴. Таким образом, монография Е.Б. Бекмаханова «Казахстан в 20-40-е годы XIX века...» была выдержана в рамках концепции об освободительном и прогрессивном характере национальных движений, сложившейся в советской исторической науке.

Однако издание книги совпало с публикацией постановления ЦК ВКП(б) «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР», декларации первой научной сессии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (май 1947 г.), где говорилось о

¹ Шахматов В.Ф. Есет Котибаров... С. 108.

² Там же. С. 127.

³ Шахматов В.Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата: АН КазССР, 1946.

⁴ Шоинбаев Т. Восстание сырдарьинских егинши (1856–1857 гг.) // Известия КФАН СССР. Сер. истор. Вып. 2(27). 1946. С. 133.

необходимости искоренения буржуазно-националистической историографии и приводился критический разбор допущенных ошибок в освещении истории Казахской ССР¹.

Среди серьезных идеологических ошибок были названы следующие: «Вопреки историческим фактам... одного из эмиров Золотой Орды Едиге (Улугбий Золотой Орды². – Ж. М.), душителя и эксплуататора народных масс, авторы прославляют как народного героя и защитника трудящихся. В книге отсутствует четкое разграничение между подлинными национально-освободительными движениями казахского народа и разбойничьими набегами казахских султанов и феодалов»³. Критика со стороны ЦК КП(б) Казахстана привела к появлению серии критических статей в адрес ученых, которые трактовали эти движения с позиции их прогрессивности⁴.

Несмотря на это основные положения монографии Е.Б. Бекмаханова о движении Кенесары легли в основу раздела «Национально-освободительная борьба под предводительством Кенесары Касымова» двухтомного второго издания истории Казахской ССР, вышедшего в 1949 г. В нем ученый, останавливаясь на оценке действий руководителя движения, акцентирует внимание на реформаторской деятельности Кенесары: «Судебная реформа Кенесары в первую очередь была направлена на укрепление создававшегося им феодального государства. Вместе с тем, укрепление авторитета ханского суда способствовало изжитию родовой вражды и внесло серьезные изменения в обычное право казахов, придав ему значение государственного права»⁵. И

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание девятое, доп. и испр. Т. 7. М.: Политгиздат, 1985. С. 513–520, 539–543; Большевик Казахстана. 1947. № 1. С. 48–52.

² Великий князь Золотой Орды. История кочевой империи ногаев XV–XVII вв. подробно освещена в работах российского исследователя В.В. Трепавлова. См.: Трепавлов В.В. Орда самовольная. Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2015.

³ О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. 1945. № 6. С. 49–50.

⁴ Степанов Б. Об идеологических ошибках работников общественных наук Казахстана // Большевик Казахстана. 1947. № 1. С. 34–47; Айдарова А.Х. Националистические извращения в вопросах истории Казахстана // Известия АН Казахской ССР. Серия истор. 1948. Вып. 4. С. 16–30; Шарипов К. По марксистки освещать историю Казахстана // Большевик Казахстана. 1949. № 9. С. 38–47; Даниялов А. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля // Вопросы истории. 1950. № 9. С. 3–18. и др.

⁵ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. И.О. Омарова и А.М. Панкратовой. Т. 1. 2-е изд. исп. и доп. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1949. С. 282.

далее: «В целом реформы Кенесары носили прогрессивный характер. Своими реформами он не изменял старые производственные отношения, а, наоборот, укреплял феодальную основу казахского общества... Восстание Кенесары, носившее антиколониальный характер, сыграло прогрессивную роль в истории народа»¹.

Выход в свет второго издания истории Казахской ССР вызвал новую волну обсуждения монографии Е.Б. Бекмаханова в средствах массовой информации, итогом чего стало обвинение ученого в буржуазно-националистических, антимарксистских взглядах, которые выразились в «возвеличивании реакционных деятелей дореволюционного Казахстана, которые стремились оторвать казахский народ от великого русского народа и отдать его в рабство иностранным завоевателям – английским колонизаторам»².

Общее направление и тональность критики были заданы в статье казахстанских историков Х. Айдаровой, Т. Шоинбаева и А. Якунина в центральной газете «Правда», где оппоненты Е. Бекмаханова высказывали свои негативные оценки без всяких доказательств, обвиняли его в аполитичности, а книгу объявляли безыдейной и буржуазно-националистической³. Причину существовавших рецидивов буржуазного национализма в освещении истории Казахстана А. Якунин видел в поверхностном изучении истории национальных движений, в непонимании различий целей и задач социальных групп и классов казахского общества. «Теория “единого потока” нужна Бекмаханову для того, чтобы доказать, будто

¹ Там же. С. 283, 296.

² До конца вскрыть буржуазно-националистические извращения в вопросах истории Казахстана // Вестник АН КазССР. 1951. № 4. С. 23; Правда. 26 декабря 1950; Казахстанская правда. 19 апреля 1951; О некоторых вопросах истории народов Средней Азии // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 3–15; Якунин А. К вопросу об оценке характера национальных движений 30–40-х годов XIX в. в Казахстане // Там же. С. 55–64; Зевелев А., Абдуллаев Ш. Дискуссия о характере национальных движений в Средней Азии и Казахстане в колониальный период // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 173–178; Омаров И. За марксистско-ленинскую разработку проблем истории Казахстана // Большевик Казахстана. 1951. № 5. С. 6–18. Подробнее см.: Мажитов С.Ф. Жизнь, деятельность и исторические взгляды Е.Б. Бекмаханова: дис. ... канд. истор. наук. Алма-Ата, 1992. С. 81–131.

³ Шоинбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана // Правда. 26 декабря 1950. С. 2–3.

движение Кенесары было общенародным, национально-освободительным»¹. Секретарь ЦК КП(б) Казахстана И. Омаров пошел еще дальше, увидев в монографии желание ученого обелить захватническую политику Англии в Средней Азии, а также связь Кенесары и его сторонников со среднеазиатскими ханами. В конечном итоге, И. Омаров приходит к заключению: «Кенесары был предателем интересов казахского народа, а не его защитником. Выступление Кенесары против России было проявлением феодально-монархического “национализма”»².

Редакция журнала «Вопросы истории» поместила большую статью, в которой отмечалось: «Хан Кенесары – типичная фигура феодального хищника, жестокого эксплуататора и грабителя»³. В свете сказанного перед учеными ставилась задача обратить особое внимание на восстания в Средней Азии для выяснения, «какие же из них были национально-освободительными, а какие – феодально-националистическими»⁴.

В 1950 г. появилось второе издание книги авторитетных историков Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского о Золотой Орде, которое стало важным событием в советской историографии⁵. Сразу после выхода книги многие ее положения стали трактоваться как безусловно истинные. Так, одним из концептуальных выводов ученых явилась негативная оценка Золотой Орды в качестве силы, враждебной Руси. Ученые представляли противоборство Руси и Золотой Орды как конфликт между оседлыми народами и кочевниками, между созиданием и присвоением (грабежом, войной, набегом), господством и подчинением. Победа Руси и распад золотоордынского государства выступали прогрессивным, закономерным явлением, которое невольно проецировалось на победу Советского Союза (преемника Руси) над Германией. В свете этой

¹ Якунин А. К вопросу об оценке характера национальных движений 30–40-х годов XIX в. в Казахстане // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 59.

² Омаров И. За марксистско-ленинскую разработку проблем истории Казахстана // Большевик Казахстана. 1951. № 5. С. 11–12.

³ О некоторых вопросах истории народов Средней Азии // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 9.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: АН СССР, 1950.

концепции любые выступления кочевников начинают восприниматься в историографической мысли как шаг назад, в сторону регресса, соответственно, их лидеры представлялись недалёковидными политиками, преследующими узкоклассовые цели.

Решающий вклад в утверждение такой концепции внесло письмо профессора М.В. Нечкиной «К вопросу о формуле “наименьшее зло”»¹. В нем М.В. Нечкина ставила вопрос о правомерности применения формулы «наименьшее зло» при оценке присоединения народов к Российской империи. Обозначив проблему, профессор указывала на то, что помимо и вопреки царизму, «перед поработанным народом вырастает великая историческая перспектива: его старший брат, великий русский народ, русский пролетариат... ведет к новой эре в истории человечества»². Историкам предстояло обрисовать перспективу единения народов в борьбе «над всеми и всяческими эксплуататорами», показать позитивность и добровольность этого процесса. Призыв М.В. Нечкиной был поддержан историками национальных республик. Так, М. Мустафаев (г. Баку) писал: «Массы Закавказья были кровно заинтересованы в присоединении своих стран к России, они выиграли и в политическом и в моральном отношении (разрядка автора. – М. М.)»³. В унисон этой статье выступал материал К. Наякшина (г. Куйбышев), также считавшего этот процесс для народов Поволжья «единственным выходом, единственным средством спасения для них. Нетрудно понять, что присоединение Поволжья носило глубоко прогрессивный характер»⁴. Н. Тавакалян (г. Грозный), рассмотрев возможные варианты политического выбора армянского народа, пришел к убеждению: «Переход Армении под власть России имел громадное прогрессивное значение»⁵.

¹ Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44–48.

² Там же. С. 47.

³ Мустафаев М. О формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 98.

⁴ Наякшин К. К вопросу о присоединении среднего Поволжья к России // Там же. С. 110.

⁵ Тавакалян Н. По поводу письма М.В. Нечкиной «К вопросу о формуле “наименьшее зло”» // Там же. С. 105.

Трансформация концептуальных подходов при освещении процесса присоединения окраин к России – от формулы «наименьшего зла» к идее «добровольного присоединения» – привела к появлению и закреплению тенденции изучения событий прошлого сквозь призму новой парадигмы. В этих условиях официальная историография взяла за основу при оценке выступлений на окраинах империи критерий: был или не был руководитель противником присоединения к России. Соответственно утвердилось разделение движений на прогрессивные (против гнета самодержавно-крепостнического государства и местных феодалов) и феодально-монархические (за отделение от России, восстановление классовых привилегий). Исходя из этого положения, учеными стали трактоваться те или иные выступления масс. Так, движение казахов во главе с К. Касымовым преподносилось как феодально-монархическое, эта тема стала неактуальной, так как не позволяла исследователям изобразить дружбу народов и их совместную борьбу против самодержавия. С этого времени прежние героизаторы стали обвиняться в предательстве народа, недальновидности, отстаивании только своих узкоклассовых и родовых интересов, их показывали не только случайными «попутчиками», но и врагами трудовых масс. В совокупности эти факторы преподносились как катализаторы процесса поражения восставших.

Эта тенденция закрепились в последующей советской историографии. К примеру, в третьем издании истории Казахской ССР 1957 г. мы читаем: «Поражению способствовало также предательство биев и старшин, непоследовательность и колебания руководителей восстания, в частности Срыма Датова»¹; «они (бии и старшины. – Ж. М.) были временными попутчиками трудящихся масс, выступали против решительных действий»²; «предательская позиция казахской феодальной верхушки...»³; «Движение

¹ История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата: АН КазССР, 1957. С. 294.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 349.

Касымова было реакционным выступлением, тянувшим к отрыву Казахстана от России и русского народа»¹.

Огульные обвинения, показательные осуждения «политически невыдержанных» исследований с участием ответственных партийных работников, наклеивание необоснованных ярлыков, конечно же, не могли не привести к морально-психологическому дискомфорту, естественной обиде, появлению чувства научной неполноценности, невостребованности среди целой плеяды замечательных ученых.

Некоторые ученые были вынуждены под давлением поменять свои научные взгляды (или продемонстрировать, что они их поменяли). Так, в 1952 г. появляется «покаянная» статья М.П. Вяткина, в которой автор признавал грубые ошибки, допущенные при оценке национальных движений². В статье встречается ряд положений, недостаточно аргументированных и явно декларативных, со ссылкой на работы И.В. Сталина, доказывающих зависимость автора от утвердившихся в исторической науке шаблонов и не отражающих его истинной научной позиции. Но, несмотря на идеологический диктат, конъюнктуру в исторической науке, научный вакуум (к написанию третьего издания истории Казахской ССР его не пригласили) М.П. Вяткин старался оставаться верным своим научным убеждениям.

Е.Б. Бекмаханов, лишенный научных званий и степеней, был также вынужден пересмотреть свои взгляды относительно национальных движений казахов в дооктябрьский период. Следуя сложившейся к тому времени в исторической науке традиции, он в новой монографии относил движение К. Касымова к феодально-монархическим и объяснял «ревизию» своих взглядов следующим образом: «Статья “За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана” («Правда», 26 декабря 1950 г.), в которой движение султана Кенесары характеризуется как реакционное феодально-монархическое, заставила меня пересмотреть свои взгляды по этому вопросу.

¹ Там же. С. 321.

² Вяткин М.П. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 157–159.

Новый фактический материал, разысканный мною в архиве, дал возможность написать данную главу работы с новых позиций»¹. «Переоценил» ученый свое отношение не только к характеру движения, но и к основным его движущим силам. Вчерашние герои стали называться в монографии «главарями», которые не были заинтересованы в борьбе за национальную независимость казахского народа, выступали за отрыв Казахстана от России². Односторонне подходил ученый и к пониманию значения казахской родовой знати. Если в прежней работе бийская группа дифференцировалась, делилась на несколько подгрупп, в зависимости от степени богатства и авторитета, то позднее ученый относит их всех к угнетателям бедняков, к которым «под разными предлогами казахская беднота попадала в лапы. Вся их судебная практика состояла из многочисленных фактов беззастенчивого грабежа и насилия»³.

В 30-е – 50-е годы XX в. жесткие партийные «советы» ставили перед юристами задачу смены дискурса в отношении обычного права – им предстояло показать нормы адатного права в контексте правовой практики, защищающей интересы только эксплуататорского класса. Поэтому неудивительно, что в качестве теоретико-методологической базы исследований юристов стали произведения классиков марксизма-ленинизма и документы ВКП(б) и КПСС.

Так, появилась монография М. Шаламова, в которой было прослежено институциональное становление суда биев. Автор выделил два этапа в развитии суда: с XV по XVII в. – третейский суд аксакалов, с XVII в. – суд профессиональных судей – биев. В основу периодизации был положен классовый принцип: следствием постепенной узурпации власти аксакалами было желание «как можно шире распространить свой судейский авторитет»⁴. Правда, М. Шаламов не уточняет, какие события XVII в. (политические,

¹ Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата: АН СССР, 1957. С. 107.

² Там же. С. 109, 119.

³ Бекмаханов Е.Б. Социально-экономические отношения в Казахстане в период империализма. Алма-Ата: Б.и., 1957. С. 29.

⁴ Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство, 1941. С. 13.

внешние, экономические и т. д.) способствовали концентрации полномочий в руках аксакалов и превращению их в биев. Да и сам механизм трансформации этого института прослежен ученым без уверенной аргументации своих положений. Скорее всего, вычленение ученым двух этапов связан с событиями рубежа XVII и XVIII вв., когда казахам приходилось отражать набеги джунгар. В результате казахско-джунгарских войн произошло изменение общественного положения высших социальных групп, приведшее к усилению биев.

Как выше отмечалось, в годы Великой Отечественной войны на территорию Казахстана была эвакуирована большая группа ученых, среди которых были и ученые-юристы С.В. Юшков, С.Л. Фукс, в сферу интересов которых входили вопросы истории права народов СССР. Так, профессор С.В. Юшков, находясь в эвакуации в 1941–1943 гг., собрал обширный материал для написания раздела об обычном праве казахов для учебника по истории государства и права народов СССР¹. В нем впервые в советской историко-правовой науке были представлены основные черты казахского права, что, несомненно, являлось большой заслугой автора. Однако ученый исключил из своего исследования обычного права казахов период второй половины XIX – начала XX в., что сделало изложение неполным и рождало много вопросов.

Неверно, по нашему мнению, в работе расставлены акценты об источниках казахского права. Так, по мнению С.В. Юшкова, шариат занимал более сильные позиции как источник права, нежели адат². Думаю, что такое решение данного вопроса не совсем верно, так как кочевой и полукочевой образ жизни казахов вплоть до 30-х гг. XX в. создавал объективные предпосылки для регулирования общественных отношений исключительно обычаями адата. Хотя полностью отрицать влияния шариата как источника права не стоит: он имел практику правового применения в тех хозяйствах и районах, где население занималось оседлым скотоводством и земледелием,

¹ Юшков С.В. История государства и права СССР. Изд. 2-е, доп. и перераб. Ч. 1. М.: Юриздат, 1947.

² Там же. С. 522.

т. е. в основном в южном Казахстане. К этому стоит добавить, что вопрос о соотношении шариата и адата в казахском праве остается дискуссионным и в современной историографии.

Не в полной мере С.В. Юшков, в силу специфики обычного права в целом и казахского в частности, овладел понятийным аппаратом, что выразилось, к примеру, в противопоставлении законов хана Тауке обычному праву. Он писал: «Обычное право существовало параллельно с законами хана Тауке»¹, в то время как законы Тауке хана и есть устная, а впоследствии, благодаря усилиям российских исследователей, письменная кодификация норм казахских обычаев.

Значительный историографический интерес представляют работы С.Л. Фукса (1900–1976) – одного из основателей науки истории государства и права Казахстана. В 1941 г., оказавшись в эвакуации в Казахстане, он начал работать в Алма-Атинском юридическом институте и приступил к изучению права казахов. Итогом научных изысканий стала докторская диссертация, защищенная в 1948 г. в Москве. Часть диссертации была издана академиком С.З. Зимановым в 1983 г.², полностью же научная работа С.Л. Фукса увидела свет лишь в 2008 г. после ее обнаружения доктором юридических наук Ш.В. Тлепиной в архиве Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации³.

Работа С.Л. Фукса привлекает внимание нешаблонным подходом ученого к изучению и трактовке обычно-правовых институтов в казахском обществе, с применением сравнительного анализа подобных институтов у других народов, не обязательно кочевых. Говоря о нешаблонном подходе, имеется в виду прежде всего то, что научные гипотезы ученого сложились в результате скрупулезного исследования источников (архивных документов, материалов

¹ Там же. С. 523.

² Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981.

³ Ударцев С.Ф., Дулатбеков Н.О. С.Л. Фукс о кочевом обществе, государстве и праве казахов (вместо предисловия) // Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана;СПб.: ТОО «Юридическая книга Республики Казахстан»; ООО «Универс. изд. консорциум “Юридическая книга”», 2008. С. 7.

дореволюционной историографии и т. д.), и, учитывая, что до 1941 г. он не проживал в Казахстане, социальная среда, естественная жизнь казахов были ему незнакомы, то можно говорить о чисто академическом, не полевом характере познания предмета исследования. Да, возможно, с одной стороны такое познание односторонне, где-то искусственно, оторвано от реальности, но с другой – позволяет взглянуть на известные явления по-новому, выявить скрытые связи, найти в традициях инновации, сделать неожиданные выводы.

Диссертация ученого была написана именно в таком ключе: поднятые в ней проблемы отличались актуальностью и теоретической сложностью (эволюция права и государства; трансформация властных институтов; отношения собственности; черты классического феодализма у кочевников), новизной (компаративный анализ обычно-правовых институтов казахов и таких же институтов у западноевропейских народов, монгол, русских, гуннов).

Интересна интерпретация ученым властных функций хана, выступавшего у него в первую очередь защитником земель от внешних вторжений, дипломатом и уже во вторую – эксплуататором народа. Стремление к сильной ханской власти, по мнению ученого, в лице ханов Аблая, Арынгазы и Кенесары связано с потребностью «борьбы казахов за национальную независимость, ...накануне полного уничтожения казахской государственности»¹. Отсюда понятен вывод ученого о широком участии народа в национально-освободительных движениях в моменты взлета ханской власти.

Заслуживают внимания рассуждения С.Л. Фукса о происхождении суда, появление которого он связывал с потребностью сторон решить конфликты разного уровня и характера, что в свою очередь подтолкнуло общество к созданию судебно-процессуальных норм разрешения спора. Такая организация судебной власти, по мнению С.Л. Фукса, возможна только в классовом обществе, где государство обеспечивало соблюдение всех необходимых

¹ Там же. С. 403.

процедур. Учитывая, что в кочевом обществе «государством» для кочевника являлась община, ученый акцентировал внимание на определенной двойственности права, которая возникала при решении внутри и межродовых судебных разбирательств. Так, с одной стороны, кочевник по сложившейся традиции отдавал спорные вопросы внутри рода на рассмотрение родовых правителей – биев, аксакалов и т. д., и в этом выражался «классовый характер юстиции». С другой стороны, при разрешении межродовых конфликтов тяжущиеся стороны могли свободно выбирать или отклонять кандидатуру судей, в чем проявлялся третейский (демократический) характер суда.

Обе эти формы конечно же не существовали отдельно: по мере развития общества, пересекаясь, они взаимовлияли, дополняли друг друга, приводя в конечном итоге к утверждению классовой природы суда, в том числе и бийского. С.Л. Фуксу удалось уверенно доказать, что в кочевых обществах институционализация правовых органов – явление объективное и закономерное, что обычное право как источник права жизнеспособно и вариативно.

Относясь критически к доводам ученых о третейском характере суда биев (Н. Гродеков, Ч. Валиханов, д'Андре и др.), С.Л. Фукс считал их «извращением сущности суда биев», с целью «отрицания эксплуататорского характера патриархально-феодалного казахского общества» и со ссылкой на постановление ЦК КП(б) Казахстана от 1.02.1947 г. предостерег ученых от «протаскивания националистических идей, идеализации биев»¹.

Пожалуй, стоит согласиться с критическим мнением ученого относительно деятельности тех биев, которые добились этого звания в силу разных обстоятельств: материального достатка, карьерного роста, удачно сложившейся ситуации, т. е. «ненастоящих, назначенных». Однако сомнения ученого относительно третейского характера этого института, на мой взгляд, беспочвенны. Право свободного выбора сторонами судьи отмечено во всех

¹ Там же. С. 582.

источниках, вне зависимости от классовой или родовой принадлежности, и в этом его отличительная черта.

Одним из патриархов правовой науки и юридического образования можно по праву назвать Т.М. Культелеева, чьи работы по уголовному обычному праву казахов являлись серьезным вкладом в систематизацию и анализ институтов обычного права¹ и характеризовали суд биев как «феодальный по содержанию, патриархально-феодальный по форме»². Под его руководством был подготовлен и издан сборник «Материалы по казахскому обычному праву», в котором были представлены первоисточники досоветского времени³.

Идеологическая заданность, довлевшая над работами по социальной и политической истории, не позволяла ученым проявлять научный плюрализм в исследованиях. Поэтому неудивительно, что в споре с М.П. Вяткиным и С.В. Юшковым о времени возникновения биев как класса феодалов (после монгольского завоевания или в XVII в.), Т.М. Культелеев уверенно заявлял, что «бии являлись феодалами еще до монгольского завоевания»⁴.

Истории становления советского суда в Казахстане посвящены работы заведующего Сектором права АН КазССР М.С. Сапаргалиева⁵. Из названия работ понятны цель и предмет исследования ученого, поэтому неудивительны определения «баи-полуфеодалы», «враги революции», «реакционная верхушка» в отношении третейских судей, борьба с которыми велась разными методами, в том числе возрожденным в 1920 г. Революционным трибуналом. Интерес представляет раздел о мерах наказания преступников, в котором М.С. Сапаргалиев достаточно подробно остановился на такой, как

¹ Культелеев Т.М. Советское уголовное законодательство в борьбе с преступлениями против раскрепощения женщины Казахстана // Известия АН КазССР. 1948. Вып. 1. № 50. 38–76; Он же. Вопросы уголовного права в обычном праве казахов XVIII и начала XIX веков // Известия АН КазССР. 1950. Вып. 2. № 2. С. 52–89; и др.

² Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. С. 20.

³ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. Алма-Ата: АН КазССР, 1948.

⁴ Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления советской власти). Алма-Ата: АН КазССР, 1955. С. 36.

⁵ Сапаргалиев М.С. Возникновение казахской советской государственности (1917–1920 гг.). Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1948; Он же. Организация советского суда в Казахстане (октябрь 1917 – июль 1918 гг.). Алма-Ата: АН КазССР, 1954; Он же. Очерк по истории советского суда в Казахстане. Алма-Ата: АН КазССР, 1955.

общественное порицание. «В довольно *значительных* (курсив мой. – Ж. М.) размерах применялись судами такие меры общественного воздействия, как выговор, порицание и т. д.»¹. К сожалению, причину такого *значительного* применения ученый не стал объяснять, ограничившись лишь воспитательным воздействием таких мер. Стоит отметить, что ученый полностью прав, говоря о воспитательном характере этой меры. Присоединиться к выводу ученого нас подталкивают архивные материалы, в частности, переписка НКЮ КазАССР с губернскими судами, в которой нарком юстиции С. Мамбеев указывал: «Приближается 1-е января 1926 г., признанный днем празднования отмены калыма. В ознаменовании этого дня по судебной линии, губернским судам надлежит организовать показательные процессы по калымным делам там, где на производстве таковые дела имеются. Если калымных дел нет, то надлежит организовать инсценировку судебного процесса по калымного делу»².

Очевидно, подобного рода «инсценировки» должны были лишний раз напомнить населению о запрете калыма как платы за невесту и тогда «постепенно в сознании широкого круга лиц будут внедряться новые мысли и это течение, несомненно, пошатает, а в дальнейшем распылит, тот укоренившийся взгляд на бытовые явления (кун, калым, многоженство. – Ж. М.), которые в настоящее время поддерживаются и подогреваются враждебными нам группами баев и аксакалов»³.

Однако такая мера носила, уверена, не только воспитательный, но и практический характер в борьбе с родовыми авторитетами. Так, в циркуляре НКЮ КазАССР «О борьбе с калымом, барантой, куном и др.» от 1925 г. нарком юстиции и прокурор республики К. Боранбаев призывал к классовому подходу при решении бытовых дел: «...[если] суд может отнестись

¹ Сапаргалиев М.С. Очерк... С. 46.

² ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 1. Д. 338. Л. 11. Добавлю, что 28 декабря 1920 г. был издан декрет ЦИК и СНК КазАССР об отмене калыма. Постановление о праздновании Дня отмены калыма было принято Президиумом КазЦИК в декабре 1923 г. Начиная с 1924 г. этот день, который называли тогда «Красным пиром киргизок», ежегодно праздновался в Казахстане до 1930-х годов как праздник населения республики. См. подробнее: Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.): Сб. документов и материалов. М.: Мысль, 1971. С. 46; 80.

³ ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 12. Л. 73 об.

снисходительно к бедняцкому элементу, совершившему то или иное бытовое преступление, ...то в аналогичных случаях, рассматривая то же преступление, совершенное кулаками и баями, суд должен по возможности усилить репрессии до максимальных пределов, чтобы своими приговорами разбивать ту враждебную нашему течению группировку. Поэтому надлежит особенно тщательно выяснить подлинную физиономию подсудимого, обращая всякий раз внимание на его социальное и имущественное положение и выявляя роль и место подсудимого среди своих односельчан в обычной жизни»¹.

В циркуляре отдела судостроительства НКЮ Туркестанской республики работникам областных судов также отмечалась важность показательных процессов, поскольку они позволяли показать «на наглядных примерах классовый характер советского правосудия. Последнее, однако, может быть достигнуто лишь в том случае, если деятельность судов будет проходить в контакте с массами. Одним из средств установления этого контакта являются показательные процессы»².

То есть, вынося на всеобщее обсуждение (осуждение) дело того или иного классового врага (привилегированного в общественном и материальном плане члена), советская власть путем «инсценировок» сталкивала их вниз по социальной лестнице, лишала общину «головой», «расчленяла» ее, внося хаос в устоявшиеся отношения общинников. Смею предположить, что М.С. Сапаргалиев пришел бы к аналогичным выводам, однако известные Постановления ЦК ВКП(б) 1940-х гг. и начавшиеся идеологические «войны» подвели ученого к выводу в духе того времени: «Партия направляла местных работников по пути заботливого и кропотливого воспитания трудящихся в духе социализма и постепенного введения в жизнь принципов социалистического права»³.

¹ Там же. Л. 74.

² ЦГА РУз. Р-38. Оп. 2. Д. 463. Л. 19.

³ Сапаргалиев М.С. Очерк... С. 64.

Интерес к тематике народных героев в этот период проявляли не только историки, юристы, но и литературоведы. В 1936 г. КазФАН СССР пополнился секторами казахского языка и литературы, народного творчества. Открытие научного центра подтолкнуло ученых к изучению богатого фольклорного наследия казахского народа, что способствовало дальнейшему пополнению знаний и об институте биев.

Особо внимание ученых привлекло эпическое наследие, которое рассматривалось ими как сохранившаяся социальная память народа. Углубленная разработка этого направления связана с именами таких видных советских ученых, как М.О. Ауэзов, М. Габдуллин, В.М. Жирмунский, А.Х. Маргулан, С.М. Муканов, А.С. Орлов и др.¹

Ученые обратились к изучению роли и места в культуре народа героических поэм-былин, в которых исторические события, переплетаясь с народным вымыслом, рисовали образы сказочных героев – выразителей народной воли, покорителей чужих стран, защитников от внешней угрозы. Зачастую образ героя был самодовлеющим, а его родственники, друзья, соратники выполняли скорее роль фона – былинный герой на своем сказочном боевом коне сам справлялся со всеми трудностями. И те редкие примеры в былинах, по словам литературоведов А.М. Аршаруни и С.А. Вельтман, когда народ не поддерживал такое положение вещей, встречалось «обычно, в этой народной словесности весьма мизерного масштаба»².

В казахском героическом эпосе также значительное место уделено народным героям – известным казахским ханам и родовым лидерам, руководителям народных выступлений. Особенно популярен в казахском

¹ Баталов М., Сильченко М. Очерки по казахскому фольклору и казахской литературы. Алма-Ата: Казахское краевое издательство, 1933; Ауэзов М., Соболев Л. Эпос и фольклор казахского народа // Литературный критик. 1939. № 10–11. С. 210–233; Муканов С.М. Очерки по истории казахской литературы XVIII–XIX вв. для педагогических институтов. Ч. 1. Алма-Ата: Казгосиздат, 1942; Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.: АН СССР. 1945; Казахский эпос / Под ред. И. Сельвинского. Алма-Ата: Казахское государственное издательство художественной литературы, 1958; Муканов С. Халық мұрасы. Алматы: Қазақстан, 1974; Каипбергенов Т. Сказание о Маман-бии (дастан о каракалпаках). М.: Советский писатель, 1979; и др.

² Аршаруни А.М., Вельтман С.А. Эпос советского Востока: дореволюционные и послеоктябрьские мотивы. М.: АCADEMIA, 1930. С. 35.

фольклоре был образ Едиге-батыра, авторитетного бия-правителя Золотой Орды, превратившегося в сакрализованного героя прошлого¹. Почти в каждой былине главный герой появлялся на свет при необычных, сказочных обстоятельствах, и Едиге не стал исключением. Так, академик А.С. Орлов привел мифическую легенду о его рождении. Родителями героя являлись «святой чудотворец и водяная женщина», что, скорее всего, предопределило появление незаурядных качеств у героя: «8-летний Едиге остроумно разрешал запутанные тяжбы, причем сам Тохтамыш одобрял его решения»². У М.О. Ауэзова и Л. Соболева мы находим немного иную версию сказочного появления Едиге – «сын пери и праведного человека Баба-Тукли»³, но как и академик А.С. Орлов, ученые увидели в былине только отражение положительных качеств главного персонажа: справедливости, мудрости, желания облегчить тяжелую долю народа.

Труды этих ученых не только обогатили представление о фольклоре как средстве межпоколенной трансмиссии культурного наследия народа, но и сохранили в условиях советской пропаганды социальную память народа путем изучения поэтико-стилевых особенностей фольклорных произведений, в частности эпических традиций.

Следует отметить, что и в работах ученых других советских республик интерес к этому жанру народного творчества не угасал⁴, что говорит о стремлении ученых изучать историческое прошлое своего народа через фольклорные жанры, которые всегда служили одним из основных источников знаний у кочевых народов.

Плодотворную работу КазФАН СССР в первое десятилетие его существования можно оценить по количеству представленных

¹ Сатпаев К.И. Ер Едиге. М.: б.и., 1927; Ауэзов М.О., Соболев Л. Эпос и фольклор казахского народа // Литературный критик. 1940. № 1. С. 171; Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.; Л.: АН СССР, 1945.

² Орлов А.С. Указ. соч. С. 133.

³ Ауэзов М.О., Соболев Л. Указ. соч. С. 171.

⁴ Болдырев А.Н. Устный эпос Таджикистана // Дружба народов. 1939. № 1. С. 299–304; Фазыл Юлдаш. Алпамыш. Узбекский народный эпос. Ташкент: Госиздат, 1944; Козин С.А. Эпос монгольских народов. М.; Л.: АН СССР, 1948; и др.

диссертационных исследований. К середине 1940-х гг. появляются диссертационные работы М. Габдуллина, Б. Кенжебаева, А. Маметовой, А. Маргулана¹, в которых было прослежено влияние творчества дореволюционных акынов, биев на общественно-экономическую жизнь народа, на формирование народных ценностей и идеалов, раскрыты особенности кочевого быта, способствовавшие аккумуляции устных знаний и представлений об окружающем мире у той части общества, которая занимала высшие социальные ступени.

Так, А. Маметова остановилась на анализе ораторских речей казахских биев – Кенгирбая, Караменды и др., в которых те призывали народ к единению вокруг народных героев-батыров в борьбе как с внутренними, так и внешними врагами. В работе заведующего сектором Института истории КазФАН СССР А.Х. Маргулана прослежены особенности казахского эпоса на примере героев былин, исторических легенд, песен, поэм. Он писал: «Прелесть казахского поэтического искусства со всей его полнотой выступает в поэмах XIII–XIV столетий, в которых рисуется в большинстве случаев и приключения степной городской аристократии – ханов, султанов и их молодых сыновей, их рождение, воспитание, любовь и женитьба, ...военно-полководческая деятельность, управление страной и так далее»². Академик отметил большую роль исторических песен, в которых нашли отражение реальные события и героические порывы борющегося народа во главе со своими вождями – Срымом, Исатаем, Бекетом, Жангожой.

Крупный специалист по народным эпосам академик В.М. Жирмунский в своих исследованиях экстраполировал идеи эволюционизма на фольклор – генезис любого фольклорного жанра обнаруживал прямую причинно-следственную связь с этногенетическим процессом. Останавливаясь на

¹ Маметова А. Ораторское слово казахских биев и его роль в истории литературы (на каз. яз.): дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1945; Маргулан А.Х. Эпические сказания казахского народа: дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1946; Кенжебаев Б. Поэтическое творчество С. Торайгырова: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1946; Габдуллин М. Проблемы научного исследования былины «Кобланды батыр»: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1947.

² Маргулан А.Х. Эпические сказания... С. 77.

структурном анализе эпоса, ученый отметил, что даже в мифологических сюжетах общество имеет ярко выраженную сословную иерархию, которая могла нарушаться только при вторжении элементов сказки. Такая дифференциация, судя по всему, вполне устраивала всех действующих лиц. Во всяком случае, представленный ученым эпический нарратив уверенно доказывал: деление общества на классы обеспечивало социальную стабильность и было залогом счастливого конца повествования. Как правило, герой в начале былины появлялся в «простой» семье (правда, у него были неземные, божественные родители, которые обеднели в результате, как правило, неблагоприятного стечения обстоятельств), терпел лишения, испытывал трудности вместе с народом (молчаливым свидетелем его мытарств), преодолевал их во имя общего счастья и в итоге занимал *свое* законное место – престол, трон. И если вдруг «какой-нибудь пастух становился знатным беком, затем царем или правителем страны, хотя бы сказочной, нередко, судя по рассказам самих сказителей, [он] воспринимался аудиторией старого времени, как нарушение установленного “от бога” социального порядка»¹.

Таким образом, в работах литературоведов, изучавших устное народное творчество, центральное место занимала фигура былинного богатыря-героя, который сохранился в социальной памяти народа как олицетворение всех его лучших качеств. Он – борец, защитник, патриот. Стоит добавить, что главный персонаж былин и исторических песен, которому посвятили свои научные исследования ученые, имел вполне определенный классовый статус – бий Едиге, бий и старшина Жангожа, бий Срым Датов, батыры Бекет, Каракерей Кабамбай, Канжигалы Богембай, хан Аблай – все они представители класса эксплуататоров, так ярко воспеваемые в устных памятниках старины.

Интерес представляет тот факт, что в условиях тоталитарного режима, когда в советском обществе культивировались идеи создания всеобщей

¹ Жирмунский В.М., Зафиров Х.Т. Узбекский народный героический эпос. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. С. 410.

«советскости» (особенно после победы в Великой Отечественной войне), в республиках возрастал интерес к духовному этническому прошлому, как проявление инстинкта национального самосохранения, как негласное противодействие официальному курсу на то, чтобы затушевать историческую память народа.

Некоторая идеализация учеными исторических образов на основе данных фольклорного нарратива, некритическое отношение к данному виду исторических источников, отсутствие сравнительного анализа содержания эпосов с аналогичными других народов (к примеру, эпос о Едиге-бие), что позволило бы реконструировать прошедшие события через взгляд различных участников, порой враждебных друг другу – все это ограничивало возможности ученых в плане реконструкции этнокультурной истории дореволюционного Казахстана.

Добавлю, что в середине 1940-х гг. появился двухтомный роман-эпопея академика М.О. Ауэзова об Абае Кунанбаеве, ставший эпохальным событием в развитии советской литературы и заложивший основы нового направления в казахской литературе – изучение творчества Абая¹.

В фундаментальном исследовании академика (он в то время работал в ИЯЛиИ КазФАН СССР) о дореволюционном казахском обществе второй половины XIX в., полного социальных противоречий, человеческих драм, показано становление фигуры Абая как поэта, просветителя, судьи и трансформация его жизненных ценностей под влиянием социальной среды, в которой происходили качественные изменения, вызванные как внутренними, так и внешними факторами.

Большое внимание М.О. Ауэзов уделял написанию фольклорно-исторических пьес, одна из которых, о батыре «Кобланды», была снята с

¹ Изучению творческого наследия академика М.О. Ауэзова посвящено большое количество работ. Среди них: Певец народа. К 80-летию Мухтара Ауэзова / Сост., предисл., примеч. Л.М. Ауэзовой. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977; Омарханова Г. Лик гения. Алматы: Өнер, 2001; Анастасьев Н.А. Трагедия триумфатора: Мухтар Ауэзов – судьба и книги. Алматы: Атамұра, 2007; Мир Ауэзова / Сост. и ред. М. Маданова, А. Машакова, Д. Кунаев [и др.]. Алматы: МКА, 2004; и др.

репертуара Казахского академического театра драмы в 1950 г. Министерством культуры КазССР – «ибо до сих пор не определено, *прогрессивен* или *реакционен* (курсив мой. – Ж. М.) эпос “Кобланды батыр” и действия главного героя Кобланды»¹.

1 февраля 1947 г. выходит Постановление ЦК КП(б) Казахстана «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР»², в котором подчеркивался низкий уровень идеологической работы института, выразившийся в политических ошибках и затушевывании классовой борьбы в дореволюционном казахском ауле.

Критике подвергались работы М. Ауэзова, Б. Кенжебаева, А. Маметовой, А. Маргулана за идеализацию кочевого быта, который, по мнению партийных функционеров, приводил к имущественному неравенству, различным формам эксплуатации³. Ученые обвинялись в наделении «злейших врагов русского народа (Едиге. – Ж. М.) всеми лучшими чертами казахского народа», превращая «врага в народного героя»⁴ и прочее через идеализацию старины.

В итоге Постановление ЦК КП(б) Казахстана и последовавшие вслед за ним обличительные статьи⁵ сыграли негативную роль в судьбе многих ученых, так как привели к шумным кампаниям по поиску среди бывших единомышленников «националистов», «сторонников алашордынцев», «идеологов байского феодализма» (В.М. Жирмунского обвинят в «еврейском буржуазном национализме») и применении к ним репрессивных мер.

¹ Ананьева С. Мухтар Омарханович Ауэзов // См.: [Портал «Письма о Ташкенте»]; URL:[http://mytashkent.uz/2007/12/17/muhtar-omarhanovitch-auevov/](http://mytashkent.uz/2007/12/17/muhtar-omarhanovich-auevov/). (дата обращения 12.07.2014).

² О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР // Большевик Казахстана. 1947. № 1. С. 48–52.

³ Степанов Б. Об идеологических ошибках работников общественных наук Казахстана // Большевик Казахстана. 1947. № 1. С. 37; Боевые задачи работников идеологического фронта. Доклад секретаря ЦК КП(б) Казахстана тов. Ж. Шаяхметова на собрании работников науки, литературы и искусства г. Алма-Аты // Казахстанская правда. 1947. 14 февраля; Ахинжанов М., Турсунбаев А. Профессор А. Маргулан извращает историю // Казахстанская правда. 1947. 5 марта.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Жармагамбетов К. Против искажения фактов истории в казахской литературе // Казахстан. 1949. Кн. 4. С. 95–98; Шоинбаев Т.Ж. Восстание сыр-дарьинских казахов. Алма-Ата: АН КазССР, 1949; Дюсембаев И.Т. Социально-бытовой эпос казахского народа (Очерк): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1955; и др.

Так, к примеру, Т.Ж. Шоинбаев отмечал, что С. Муканов оказывал слишком большое доверие фольклору, находясь «в плену у народной поэзии»¹, а секретарь ЦК КП(б) И. Омаров, присоединяясь к этому мнению, утверждал, что «ошибочное толкование получили придворные поэты ханов Нысамбай и Досхожа в “Очерках по истории казахской литературы XVIII–XIX в.”, написанных Сабитом Мукановым», и резюмировал: «Фольклор также носит классовый характер»².

В результате этого в первой половине 50-х гг. содержание и тональность исследований об устном народном творчестве начала меняться. Ученые старались по-новому переработать и увидеть в эпосе ранее «незамеченные» детали: теперь на первый план выходит народ, чаще в лице бедных женщин, к примеру, героини эпоса «Наркыз», которая хотела отстоять свое право свободного выбора жениха³. Эту риторику дополняют сюжеты из советской жизни, в которых осмеивались баи и судьи-старшины, так как считалось, что «борьба за казахский советский фольклор есть борьба политическая».

Однако вынужденные усилия литературоведов представить сам народ в роли защитника своих интересов не всегда удавались. Та же Наркыз, после долгих мучительных колебаний, в итоге доверила право выбрать себе жениха суду биев, т. е. традиция не уступила своих позиций в социально-бытовой культуре, несмотря на отвоеванное право свободы выбора.

Поэтому со второй половины 50-х гг., не желая попасть в разряд политически неблагонадежных и «не изживших пережитки эпических влияний», ученые постепенно отошли от изучения эпических сюжетов досоветского Казахстана и выбрали в качестве основного объекта исследования новые эпические произведения и песни о революции и ее руководителях, о подвигах и героях Красной армии в годы гражданской войны – В.И. Ленине, И.В. Сталине, А. Иманове, о трудовом подвиге советского

¹ Шоинбаев Т.Ж. Указ. соч. С. 6.

² Омаров И. За марксистско-ленинскую разработку проблем истории Казахстана // Большевик Казахстана. 1951. № 5. С. 14–15.

³ Дюсембаев И.Т. Указ. соч. С. 13.

народа – А. Стаханове и др., о героях Великой Отечественной войны – М. Габдуллине. Советские произведения устного народного творчества, с одной стороны, использовали традиционные структурно-содержательные элементы эпических сюжетов: реалистичность, последовательность в изложении исторических событий, мотив героизма; с другой – в основу сюжета была положена картина безбедной жизни при советской власти под руководством вождей, отсюда псевдофольклорность, недолговечность и искусственность «народных» произведений. Можно сказать, что по форме он стал народным, а по содержанию агитационно-пропагандистским¹.

Таким образом, период с середины 1930-х до середины 1950-х гг. представляет, пожалуй, самые трагические годы в истории советской науки. Это время установления тоталитарного режима, когда по советским ученым не раз прокатывался сталинский каток чисток и репрессий. Идейным основанием для подобного рода мероприятий служил «Краткий курс» истории ВКП(б), «отрицавший саму возможность правоты оппонента и идейного компромисса с ним»².

Несмотря на жесткие идеологические установки и «ориентиры», одним из научных направлений в эти годы становится изучение вопросов национально-освободительных движений казахов, где движущими силами выступали массы кочевников, объединенных вокруг традиционного народного лидера, будь то султан, бий или батыр. В начале 1940-х гг. появлялись работы, отличающиеся новизной исследовательских подходов, широтой выводов, основывающихся на глубоком изучении первоисточников. К одним из таких можно отнести исследования М.П. Вяткина, внесшие значительный вклад в разработку

¹ Интерес представляет Инструкция-памятка для собирателей произведений устного народного творчества Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, из которой можно проследить приоритетность фольклорных тем: 1. Фольклор Отечественной войны (о Верховном Главнокомандующем тов. Сталине, о героях Советского Союза и т. д.); 2. Довоенный советский фольклор (о великих вождях Ленине–Сталине, Чапаеве, Фрунзе и др.); 3. Дореволюционный фольклор (лирические песни, пословицы, поговорки, ...мифы, юмористические песни, рассказы, анекдоты). См.: Труды института языка, литературы и истории КирФАН СССР. Вып. 1. Фрунзе: КирФАН СССР, 1945. С. 219–221.

² Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» – энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг. // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 244.

методологических подходов при анализе национально-освободительных движений кочевников.

Послевоенные годы внесли существенные коррективы в разработку концептуальных основ истории советского общества. Перед учеными ставилась задача написания работ, в которых отражались бы «объективные предпосылки» победы революции 1917 г. и установления диктатуры пролетариата, формирования ее социальной базы – союза рабочего класса с беднейшим крестьянством и лидера такого союза – партии большевиков.

Вторая половина 1940-х гг. отмечена серией постановлений ЦК ВКП(б), в которых критиковалась идеализация традиционного прошлого, руководителей народных движений, преследовавших интересы своих классовых групп. В результате таких разносов историческая наука в вопросе присоединения национальных окраин обновила концептуальный дискурс этого процесса – «наименьшее зло» стало «прогрессивным явлением». В соответствии с новым курсом в основу характеристики национальных движений был положен новый критерий – за или против присоединения к России, исходя из чего, то или иное выступление оценивалось как прогрессивное или феодально-монархическое, реакционное. Поэтому все рассуждения о народных героях в лице родовой администрации становятся не только неактуальными, но и опасными – вчерашние народные герои превратились в случайных «попутчиков» народных масс. Любые попытки поставить под сомнение эту аксиому означали переход на позиции «националистов», «шовинистов» и потерю доверия со стороны марксистско-ленинской науки.

Именно в эти годы начинается серия идеологических кампаний по борьбе с космополитизмом и разоблачений в отношении тех, кто брался за анализ прошлого кочевых народов и интерпретировал его с «националистических» позиций. Прискорбно, что порой старт таким шумным кампаниям давали сами историки национальных республик, апеллируя к авторитету основоположников марксизма-ленинизма, не щадя друг друга, наклеивая ярлыки, невольно рождая

среди ученых особое «искусство» – по новому «видеть» и интерпретировать знакомые факты и события. В результате таких кампаний начинают появляться стандартизированные работы о «добровольном присоединении к России».

Однако сказанное не означает, что авторам не удавалось, несмотря на идеологические клише, создавать полноценные исследования, не потерявшие научной привлекательности и сегодня. Советская историография 1930–1950-х гг. смогла поставить и решить целый комплекс проблем, в том числе, исследовать один из таких трудных для теоретического осмысления явлений, как народные движения. Труды А.Н. Панкратовой, М.П. Вяткина, Е.Б. Бекмаханова и др. и сегодня являются лучшими в этом вопросе и лишний раз доказывают высочайшую квалификацию ученых, их желание сохранить академичность, научность подходов. Положение ученых в исследовании истории движений можно и сегодня назвать монопольным, а уровень работ непревзойденным.

В 40-е – 50-е гг. XX столетия в советской исторической науке окончательно складывается традиция негативной оценки роли биев, бийского суда в казахском обществе. Во многом это было связано с утверждением классового подхода при изложении общественно-политического развития казахского общества, где бии являлись представителями кочевой и традиционной знати.

§ 3. Дискуссия о кочевом способе производства в историографии середины 1950-х – 1980-х гг.

В 1950-е – 1960-е годы вектор научных исследований по-прежнему был направлен на теоретико-идеологическое обоснование классового и формационного подхода при исследовании исторического прошлого. В Казахстане, как во всем Советском Союзе основное внимание ученых было

сосредоточено на изучении истории трудовых подвигов советского народа, целинной кампании, истории коммунистической партии. Наряду с этими вопросами после XX съезд КПСС в науке все же активизировалась полемика по конкретно-историческим вопросам, в которой слышались отголоски прежних научных баталий.

Одна из таких дискуссий развернулась в середине 1950-х гг. по вопросу об основе феодальных отношений у кочевых народов. Спор о формах собственности у кочевников включал широкий спектр вопросов: здесь и отношения между различными в материальном плане слоями общества, которые можно было интерпретировать по-разному – эксплуатация богатыми бедных скотоводов или взаимная родовая помощь; и вопросы типологии государственных образований – предклассовое общество или развитые формы классового государства; и специфика отношений между кочевниками-завоевателями и покоренным кочевым и оседлым населением; другие проблемы, исследования которых начались именно в эти годы. Пристальное внимание к подобной тематике можно объяснить тем, что изучение форм собственности выводило на узловое направление отечественной исторической науки – освободительное движение как выражение «непримиримой классовой борьбы» в обществе.

К этому времени ученые пришли к единому пониманию социальных отношений: казахское досоветское общество делилось на два противостоящих лагеря – богатых и бедных. Это научное положение ни у кого не вызывало сомнений. Социальная группа зажиточных скотовладельцев-баев¹ была достаточно разнохарактерной: в нее входили представители как «белой», так и «черной кости». Бийская группа, которую в свое время М.П. Вяткин предлагал «дифференцировать по видовому понятию», была также отнесена учеными к

¹ В работах ученых этого периода богатые скотовладельцы обозначаются разными терминами, которые, однако, имеют в контексте изложения одинаковую смысловую нагрузку – зажиточный класс. К примеру, «богатый старшина (аксакал)», или «бай (бий)». См.: Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община... С. 75, 93 и др. Поэтому, термин «бай» будет использован мною в этом параграфе в собирательном значении и обозначает богатую часть населения, вне зависимости от сословной принадлежности («черной» или «белой» кости).

этой социальной категории. Разобравшись с классовой структурой общества, ученые перешли к дискуссии о методах эксплуатации зажиточными скотовладельцами зависимых от них общинников, которые вытекали из типов собственности в кочевом обществе.

Мы остановимся на анализе мнений по вопросу о социальных отношениях, вытекающих из форм собственности, т. к. именно на этой основе формировались оценки и конкретных социальных институтов.

Разные подходы ученых по этой проблеме можно проследить на материалах научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, которая проходила в Ташкенте в 1954 г. На ней прозвучали смелые идеи С.Е. Толыбекова и В.Ф. Шахматова, подвергавших сомнению утвердившуюся на тот момент в советской исторической науке теорию кочевого феодализма В.Я. Владимирцова. Суть выдвигаемой учеными гипотезы заключалась в признании основой феодализма у кочевников частной собственности на скот (назовем их условно сторонниками «скотовладельческой» теории). По мнению сторонников этой теории, в условиях кочевого и полукочевого скотоводства частное землепользование являлось невыгодным, так как значительно сужало пастбищные пространства и, как следствие, возникала опасность не только оскудения земельных массивов, но и упадка всей отрасли хозяйства.

Их оппонентами являлась целая группа известных ученых, таких как Л.П. Потапов (основной докладчик на сессии), С.З. Зиманов, И.Я. Златкин, С.И. Ильясов и др., которые уверенно заявляли о господстве среди кочевников феодальной собственности на землю (сторонники «землевладельческой» теории) и общих закономерностях социального развития обществ с разными типами хозяйственной деятельности.

Несмотря на принятое сессией решение: «Советские историки успешно преодолели “теорию” особого пути развития феодализма у кочевых народов и установили, что ...основой феодализма у кочевников, как и повсюду, являлась

феодалная собственность на землю, которая реализовывалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты»¹, уверенность ученых «скотовладельческой» теории в правоте своей позиции не была поколеблена. Это привело к продолжению полемики на страницах ведущего журнала «Вопросы истории», который предоставил возможность обеим сторонам высказаться по существу вопроса².

Так, С.Е. Толыбеков со знанием дела показал, что казахское общество XV–XVIII вв. являлось полуфеодалным и характеризовалось патриархально-феодалными отношениями (переходными), которые складывались из специфики хозяйства: «Там, где преобладающим видом общественного производства было кочевое скотоводство, основным средством производства и средством эксплуатации был скот». В подтверждение своих доводов ученый приводил пример конфискации скота в байских хозяйствах в конце 1920-х гг., по существу означавшее «экспроприацию у экспроприаторов их основных средств производства»³. Ученый не развивал дальше мысль, но, стоит добавить, что политика «экспроприации» привела к упадку скотоводческой отрасли хозяйства и массовому голоду в Казахстане в начале 1930-х гг. Этот пример С.Е. Толыбекова убедительно доказывает принципиальную важность для кочевых обществ обладания общиной необходимым лимитом скота для организации процесса производства.

Оппоненты С.Е. Толыбекова полагали, что в казахском обществе, как и в любом феодальном, существовала частная собственность на землю, выраженная в форме различных ханских пожалований территории

¹ Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1955. С. 582.

² Потапов Л.П. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 73–89; Толыбеков С.Е. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. № 1. С. 75–83; Башарин Г.П. О патриархально-феодалных отношениях в Якутии конца XVIII – первой половины XIX века // Там же. № 3. С. 80–89; Златкин И.Я. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов // Там же. № 4. С. 72–80; Эфендиев М.М., Першиц А.И. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевников-скотоводов // Там же. № 11. С. 65–75; Зиманов С.З. О патриархально-феодалных отношениях у кочевников-скотоводов // Там же. № 12. С. 63–67; О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения) // Там же. 1956. № 1. С. 75–80.

³ Толыбеков С.Е. О сущности... С. 77.

подвластным родам. Так, С.З. Зиманов привел пример с Букеевской (Внутренней) ордой, где хан Джангир наделял (читай: продавал) земельными участками родовые коллективы, из чего ученый пришел к выводу: «пастбищные пространства находились в монопольном владении казахских феодалов»¹. К такому же пониманию проблемы следует отнести и положения крупного специалиста по истории Монголии И.Я. Златкина, считавшего, что «характер экономических связей, существовавших между оседлым феодалом и его крепостными, ничем существенным не отличался от характера связей, существовавших между кочевым помещиком и его крепостным»².

В ходе трехлетней дискуссии чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону, оппоненты приводили массу подтверждающих свою правоту документов, цитат из работ Маркса, Энгельса, Ленина, в которых, как им казалось, закодирован необходимый смысл, однако ни одна из сторон не изменила своего мнения по существу вопроса. В итоге, редакция журнала «Вопросы истории» вынуждена была отметить спорность аргументов и позиции каждой из сторон, но все же сочла своим долгом подчеркнуть: «Нельзя согласиться с мнением С.Е. Толыбекова и некоторых других товарищей, что в условиях кочевого хозяйства земля... не является основным средством производства»³. Категоричность вывода редакции вытекала из следующего постулата: «Отрицание феодальной собственности на землю у кочевых народов ведет к отрицанию у них феодальной эксплуатации, не дает возможность понять процесс формирования класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых, лишает вообще всякого смысла самое понятие “патриархально-феодальные отношения”»⁴. Таким образом, вопрос о главной форме собственности у кочевников был решен императивным методом.

Как бы то ни было, в 1957 г. было опубликовано третье издание по истории Казахской ССР, в котором вопрос о собственности на землю (этот

¹ Зиманов С.З. О патриархально-феодальных отношениях... С. 66–67.

² Златкин И.Я. К вопросу о сущности... С. 80.

³ О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения)... С. 76.

⁴ Там же. С. 77.

раздел был подготовлен В.Ф. Шахматовым) был изложен в таком ключе, что мог вызывать неоднозначные, порой противоречивые выводы о формах собственности казахов: с одной стороны, ученый признает развитие к XV–XVI вв. феодальных отношений, но *без лена*, с другой – феодальной собственности на землю. При этом сам автор, напомним, являлся сторонником «скотовладельческой теории», или «кочевнической формации», т. е. существования собственности на скот и движимое имущество. Внимательное чтение текста позволяет увидеть желание В.Ф. Шахматова иносказательно выразить свое научное предпочтение. Применение приемов ненавязчивого «проталкивания» своих научных позиций, конечно же, не осталось незамеченным. Поэтому в конце 1950-х – начале 1960-х гг. жаркие дискуссии разгорелись с новой силой и привели к появлению целой серии монографических работ, в которых попытки В.Ф. Шахматова и его приверженцев продвинуть свои концептуальные идеи в академическое издание были подвергнуты массивной критике со стороны оппонентов.

Так, появились работы сторонников «землевладельческой» теории, среди которых следует назвать А.Е. Еренова, С.З. Зиманова, И.Я. Златкина, Л.П. Потапова и др.¹, в которых вопросы методики и методологии позволяли

¹ Дюков Л.В., Масевич М.Г. Об особенностях земельной собственности у некоторых кочевых народов в эпоху феодализма // Учен. записки юрид. фак-та. Алма-Ата: КазГУ им. С.М. Кирова, 1957. Вып. IV. С. 119–145; Поршнев Б.Ф. Очерки политической экономии феодализма. М.: Госполитиздат, 1957; Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М.: АН СССР, 1957; Батраков В.С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII века). Ташкент: САГУ, 1958; Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата: АН КазССР, 1958; Он же. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: АН КазССР, 1960; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. М.: АН СССР, 1960; Еренов А.Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата: АН КазССР, 1960; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Московское книжное издательство, 1960; Джамгерчинов Б.Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. 2-е изд. Фрунзе: Киргизское гос. издательство, 1963; Он же. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. М.: АН КирССР, 1963; Он же. Очерки политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе: Илим, 1966; Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965; Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964; Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1965; Галузо П.Г. Социальные отношения в казахском ауле и переселенческой деревне Казахстана в начале XX века // Казахстан в канун Октября. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1968; Казахстан в канун Октября. Сборник статей / Под общ. ред. док-ра ист. наук, проф. П.Г. Галузо. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1968; Семенюк Г.И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин: Изд-во КГУ, 1973; Залкинд Е.М. Очерк истории генезиса феодализма в кочевом обществе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012; Пищулина К.А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI века (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: «Наука»

отстаивать концепцию развитых классовых отношений у кочевников-казахов, выразившихся в разных формах повинностей: отработочной ренте и продуктовой повинности. Например, сторонник этой теории С.З. Зиманов писал: «Основные формы отработки были приурочены к периодам проведения сельскохозяйственных работ: стрижка овец, катание кошм, сенокошение, заготовка топлива на зиму, ремонт хозяйственных сооружений и другие работы в байском хозяйстве. Существовал ряд натуральных повинностей¹: согум, сбага, конак-асы»². В монографии А.Е. Еренова также имеются рассуждения о социальных отношениях у казахов: «Феодальный строй в Казахстане, как и везде, породил жестокую эксплуатацию феодально-зависимых крестьян»³. Правда, в чем выражалась эта жестокость, проследить в работе сложно. Кроме форм повинностей, указанных С.З. Зимановым, автор называет зякет (процент с общего поголовья скота) и ушур (налог в размере 1/10 урожая), которые, как известно, платились в земледельческих районах, а в казахском обществе в качестве регулярных натуральных повинностей не применялись⁴. Подвергая сомнению слова М.П. Вяткина об императивном характере норм обычного права, А.Е. Еренов был уверен: «В феодальном обществе обнаруживалась недостаточность одних норм не только обычного права, но и писаных законов для поддержания общественных отношений. Для

КазССР, 1977; Дахшлейгер Г.Ф., Пишулина К.А. Социально-экономическое положение в Казахстане в XVI–XVII веках // История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5-ти тт. Т. 2. Алма-Ата: АН КазССР, 1979. С. 322–333; Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982; Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988; и др.

¹ Согым – откормленное на убой животное. Сыбага – это часть согыма, определенная доля, предназначенная для родственников, сватов, почтенных сородичей и аксакалов. Конак-асы (от слов конак – гость, ас – угощение) – расходы на содержание гостей. Человека, не давшего конак-асы, штрафовали. Кроме этого: саун (от слова сауга – доить) – передача баями беднякам во временное пользование молочного скота с правом пользования его молоком. Байгазы – подарок, который дарят при получении хороших вестей. Аза – утешительный подарок по случаю соболзнования и т. д. Журтшылык (жылу) – подарок пострадавшим от грабежа и бедствий. Сойыстык – подарок в виде живого скота, предназначенного на убой на поминках. Хандык – судебная пошлина хану. Жун беру – дача баранов с правом пользования их шерстью и т. п.

² Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. С. 46.

³ Еренов А.Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата: АН КазССР, 1961. С. 81.

⁴ Эти повинности можно было наблюдать в разное время на территории южного Казахстана, когда население находилось в зависимости от соседних среднеазиатских государств – Кокандского, Хивинского и Бухарского ханств.

этого нужен был аппарат принуждения»¹. Прав ученый, говоря, что одним из признаков государственной власти является наличие аппарата принуждения как силы, способной приводить нормы права в действие. Однако примеров, подтверждающих, что аппарат принуждения, как и другие необходимые элементы правовой государственной системы в казахском обществе существовал, автор не привел. И это понятно. Скотоводческое хозяйство, с его сезонным кочеванием, затрудняло создание постоянных органов давления и контроля со стороны государства, поэтому они носили характер локальный, вариативный, передвижной, в зависимости от нахождения родовых институтов власти.

В последующие годы (1970-е – 1980-е гг.) в советской исторической науке закрепились именно точка зрения о праве феодальной собственности на землю, которое проявлялось не в чистом виде, а в синтезе с патриархальными обычаями. Ученые предлагали рассматривать отношения собственности дифференцированно, с зависимости от природно-географических условий: в районах Южного Казахстана эти отношения проявлялись концентрированнее, а в остальных, где преобладало кочевое и полукочевое скотоводство, – в меньшей степени². Однако тезис о наличии собственности на землю оставался краеугольным камнем всей концепции о классовых отношениях в казахском кочевом обществе. Он был основой советского видения исторического развития данного типа общества³.

¹ Там же. С. 83.

² Кумекон В.Е. Государство кимаков IX – XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1972; Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. С. 120–121; Пищулина К.А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1973.

³ Парадоксально то, что взгляды сторонников «скотовладельческой теории» в принципиальных тезисах схожи с подходом самих классиков диалектического материализма – К. Маркса и Ф. Энгельса. Так, они писали: «У кочевых пастушеских племен община фактически всегда собрана воедино; это общество совместно путешествующих людей, караван, орда и формы субординации развиваются здесь из условий этого образа жизни. Присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют сообща». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. I. С. 480.

Тем не менее, мы постоянно сталкиваемся со спорностью приводимых доводов, схоластикой, выражавшейся в обосновании искусственных схем кочевой жизни, постоянными отсылками к работам оппонентов, нерешительностью, прикрываемой каноническими цитатами из классиков марксизма-ленинизма (кстати, характерными для обеих сторон дискуссии), неоднократными корректировками научных взглядов, носящими, правда, непринципиальный характер (к примеру: «в ранее опубликованной работе... мы неверно считали продуктовую ренту господствующей в Казахстане формой в системе феодальных повинностей. В действительности... [главная форма эксплуатации] есть обслуживание байского хозяйства»¹). Все это, скорее всего, говорило о надуманности обсуждаемой проблемы, о понимании исследователями шаткости самой «землевладельческой» теории в условиях экстенсивного кочевого и полукочевого хозяйства. Вынужденную ориентацию исследователей на отстаивание этой теории можно объяснить идеологизированностью исторической науки, когда отход от господствующих постулатов в изложении истории народов СССР был чреват негативными последствиями для слишком смелого автора.

Более последовательными в отстаивании своих концептуальных взглядов можно назвать сторонников «скотовладельческой» теории о раннеклассовых отношениях в казахском обществе XV–XVIII вв., которые отмечали их патриархальность, живучесть в силу застойности кочевого хозяйства и соответствия уровню развития дофеодального общества (ранней стадии феодализма)². В.Ф. Шахматов и С.Е. Толыбеков подчеркивали существование

¹ Зиманов С.З. Политический строй Казахстана... С. 46.

² Толыбеков С.Е., Рахлис Л.А., Исаева М.Г. Об особенностях перехода Казахстана к социализму // Вестник АН КазССР, 1957. № 8; Они же. Переход Казахстана от полуфеодальной колониальной экономики к социалистической, минуя капиталистическую стадию развития // Труды Института экономики АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1960; Шахматов В.Ф. Основные черты казахской патриархально-феодальной государственности // Известия АН КазССР. Сер. история, философии и этнографии. Алма-Ата. 1960. Вып. 3; Он же. Казахская пастбищно-кочевая община (Вопросы образования, эволюции и разложения). Алма-Ата: АН КазССР, 1964; Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX веков. Алма-Ата: Наука, 1971; Кшибеков Д.К. Переходные общественные отношения. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1973; Шоинбаев Т.Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата: Казахстан, 1973; Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976; Шоинбаев Т.Ж.

лишь зачатков государственных институтов управления (аморфность форм) – суда, фискальных органов и т. д. Думаю, что в основном положения ученых верны. Стоит согласиться с тем, что суд биев как третейский орган приступал к разрешению конфликта лишь в том случае, когда обе стороны изъявляли желание решить вопрос в суде. В нормах обычного права подчеркивалось, что никто, в том числе и бии, не имели принудительных рычагов для привлечения сторон к разбирательству. Применение понятия «фискальные органы» в отношении кочевых народов, скорее всего, неправомерно, так как постоянных финансовых институтов, занимающихся перераспределением средств внутри общества, не было. Этими вопросами ведали бии-родоправители, исходя из возникшей ситуации и потребностей общины. Вместе с тем постоянные органы (ханский совет, совет биев, совет родоправителей и т. п.) у кочевников могли возникать в случае военной угрозы, массовых бедствий и т. д.

К тому же основное отличие институтов управления в казахской общине от земледельческой, где эти институты получили ярко выраженное классовое оформление, состояло в том, что отношения «эксплуатации» не носили характера «классического» подавления одной частью общества другой, они были вплетены в потестарно-родовые институты, контролируемые обычным правом и племенной организацией общества. Объяснить относительно «либеральные» формы эксплуатации можно тем, что богатым кочевникам нужны были не просто «исправные машины», а живые, знающие специфику хозяйства, географическую среду люди, готовые в любых ситуациях пойти на защиту движимой собственности. Такими пастухами могли быть, в основном, только члены *той же родовой группы*, что и скотовладелец. Поэтому ужесточение эксплуатации сдерживалось общинно-родовыми узами. Кроме этого, ученые отмечали еще одну характерную черту родовых отношений: «Бай не состоял на содержании общины, хотя получал иногда от общинников

подарки в виде сугума»¹; или же «добровольные подарки (байгазы, аза, журтшылык, сойыстык и др.) в пользу ханов, биев в XV–XVIII вв. были ничем иным, как данью»² и носили эпизодический характер. То есть названные формы взимания «налога» не могли стать постоянным источником сосредоточения богатства в руках одних и обнищания других. Однако и это следует подчеркнуть, данные факты ни в коей мере не отрицали доминирования какой-то группы (в силу материального, генеалогического и т. д. свойства) над другой и существования на этой основе неравенства.

Стоит отметить, что при построении собственной схемы кочевого общества С.Е. Толыбеков был убедителен в критике теории кочевого феодализма Б.Я. Владимирцова и непоследователен в собственных тезисах. Так, в одном месте своей фундаментальной книги он писал о формационном характере кочевничества как «переходном периоде между первобытностью и классовым обществом»³, в другом – как «стадии полуфеодальных, полурабовладельческих отношений»⁴, в третьем – как «первой ступени феодализма»⁵. Очевидно, с одной стороны, ученый придавал этим определениям равнозначное значение, с другой – иначе и быть не могло, так как схема кочевого общества С.Е. Толыбекова строилась в рамках все той же формационной парадигмы.

Относили ли ученые этого направления баев к классу единственных собственников (по советской терминологии – эксплуататоров, феодалов, родовой знати, угнетателей) средств производства (в данном случае скота)? Однозначно ответить на этот вопрос затруднительно. С одной стороны, ученые отмечали высокую продуктивность скотоводческого хозяйства, которая позволяла в короткие сроки увеличивать поголовье скота и соответственно привести к появлению зажиточных хозяйств, что в свою очередь вызывало

¹ Шахматов В.Ф. Основные черты казахской патриархально-феодальной государственности... С. 67–79; Он же. Казахская пастбищно-кочевая община... С. 75.

² Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 356.

³ Там же. С. 295–296.

⁴ Там же. С. 299–300.

⁵ Там же. С. 301–302, 311.

«неравномерность в пользовании землей: бай, имевший больше скота, фактически использовал больше общинных пастбищ»¹. С другой стороны, джут (падеж скота), неурожай трав, засуха, суровая зима, война и т. п. могли в один сезон привести к потере всего «движимого» богатства и кардинально поменять расстановку сил в общине. Поэтому социальную группу «богатые скотовладельцы» теоретически можно считать открытой – каждый мог в нее войти, при удачном стечении обстоятельств, и так же выйти.

Отсюда понятен акцент ученых на устойчивость общественно-родовых институтов – круговой поруки, сауна, родовой взаимопомощи, права на собственность и т. д., которые, во-первых, были призваны смягчать возможные общественные пертурбации, во-вторых, тормозили окончательное оформление классов: «Все социальные группы этого общества отличались своей недоразвитостью. Господствующий класс был представлен в лице воинствующих полуфеодалных скотовладельцев: султанов, биев, баев и батыров. Эксплуатируемые прослойки были представлены патриархальными рабами и кочевой беднотой»². На это указывал и Г.Е. Марков, отмечавший, что, несмотря на то, что функции биев «были весьма разнообразны и касались хозяйственных, военных, политических, юридических и многих других вопросов»³, они не обладали инструментами властного воздействия на осуществление внеэкономической эксплуатации. Подвергая сокрушительной критике теорию кочевого феодализма, Г.Е. Марков пришел к главному выводу в своих исследованиях: «Для кочевников свойственен самостоятельный способ производства»⁴.

¹ Там же. С. 80.

² Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках. Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. С. 420; Он же. К вопросу о правильном определении общественно-экономического строя казахов в XVIII в. и позже (*Ответ на статьи А. Сабырханова, напечатанные в журнале «Известия АН КазССР, серия общественная». 1969. № 2, и в книге «Казахстан в XV–XVIII веках». Алма-Ата: Наука, 1969) // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1970. № 3. С 45–62.*

³ Марков Г.Е. Кочевники Азии... С. 155.

⁴ Марков Г.Е. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества): автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 1967; Он же. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография. 1970. № 6; Он же. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство. Кемерово. 1980; и др.

Большой вклад в разработку проблемы внес крупный специалист по номадам А.М. Хазанов, чьи фундаментальные работы по социальной истории скифов показывали схожесть социальной структуры обществ номадов, структурировали общие тенденции развития и выявляли степень взаимовлияния оседлого и кочевого миров. А.М. Хазанов, так же как и другие сторонники этой концепции, на основе анализа многочисленных античных источников пришел к выводу: «Эксплуатация основной массы населения в кочевых обществах нередко была сравнительно слабой, носила косвенный характер. Возможности возникновения сколько-нибудь прочной и длительной государственности в чисто кочевых обществах... представляются очень ограниченными»¹. К такому же выводу пришел исследователь киргизского кочевого общества С.П. Поляков, отмечавший: «Имеющийся в распоряжении науки конкретный материал свидетельствует, что пастбища до начала XIX в. находились в общественной собственности. Почти все выдвинутые на примере киргизов доводы... несостоятельны, так как не подкрепляются фактическими данными»².

В середине 1980-х гг. вышла работа Н.Э. Масанова, в которой отмечалось влияние материального производства на формы социальной организации кочевников. Ученый исходил из того, что в казахской общине существовала общинная собственность на землю, на основе которой складывались «специфические отношения зависимости, они обуславливали поляризацию различных социальных групп, их неравнозначное положение в обществе»³. В конечном итоге ученый заключил: «Кочевое общество казахов... может быть определено как идентичное феодальному обществу со всеми присущими ему атрибутами»⁴.

¹ Хазанов А.М. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. М.: Наука, 1973; Он же. Социальная история скифов... С. 252, 254; Он же. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е. доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

² Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 99, 102.

³ Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1984. С. 135.

⁴ Там же. С. 139.

Одним из главных условий для появления устойчивого государственного образования представители этой группы считали воздействие оседло-земледельческих обществ.

Подчеркну: ученые не отрицали саму возможность возникновения классового общества у кочевников, но считали, что механизмы воздействия на зависимое население были ограничены, отчасти из-за специфики хозяйства – в случае недовольства, притеснения, не прикрепленные к земле рядовые кочевники могли откочевать в любой момент от неугодного им родоправителя.

Среди участников дискуссии находились и те, кто отношение к дискуссионному вопросу старался если не обходить, то облекать в такие формы-полунамеки, что было сложно сделать однозначный вывод об их позиции¹. К примеру, в работе П.П. Иванова об истории Средней Азии формы эксплуатации описаны так, что стоит согласиться с мнением рецензента книги А. Боровкова: «Не всегда достаточно четко и определенно сформулированы исходные положения о формах феодальной эксплуатации крестьянства. П.П. Иванов склонен видеть... феодальный гнет в повинностях, налогах и обязанностях населения перед государством. Слов нет, – государственные налоги и повинности тяжелым бременем ложились на крестьянство, однако необходимо было подчеркнуть также, что в роли эксплуататоров выступало не только государство, но и *отдельные (?)* феодалы»². В работе крупнейшего историка и тюрколога Л.Н. Гумилева по истории древних тюрков в одном месте мы читаем приведенную цитату из работы Ф. Энгельса, с которой ученый полностью солидарен: «“Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям – сначала на время, потом раз навсегда, переход ее в *полную частную собственность* (курсив мой. – Ж. М.) совершается постепенно”. И этот переход наблюдаем мы в тюркютском

¹ Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М.: Вост. лит., 1958; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967; Турсунова М.С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977.

² Боровков А. Вместо введения (Несколько предварительных замечаний об «Очерках по истории Средней Азии» П.П. Иванова) // Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М.: Вост. лит., 1958. С. 9.

обществе»¹. И буквально через несколько страниц читаем следующее: «Но, разумеется, описанная система землепользования не имеет никакого отношения к частной собственности, так как землю не продают и не покупают»².

Полагаю, что такая сбалансированная позиция ученых³, крупных специалистов по истории народов Центральной Азии, была вызвана не столько желанием обойти острые углы проблемы классовой природы общества и тем самым оставаться вне общественной критики, сколько пониманием того, что любое общество с момента возникновения имеет определенную дифференциацию, которая по мере его развития неизбежно перерастает в сословную, классовую, вне зависимости от форм собственности⁴.

Среди участников дискуссии отдельно стоят несколько ученых, в работах которых вообще отрицалось существование государства у казахов. В этом плане привлекает внимание работа профессора А.П. Кучкина о создании советской государственности на территории Казахстана. Автор отмечал, что «общей государственности не было», так как казахский народ был «раздроблен на отдельные ханства»⁵. Однако категоричность данного вывода вызывает определенные сомнения, связанные с недостаточной его аргументацией. К примеру, ученый отмечал территориальный принцип деления Казахстана в XIX в., что уже приводило в определенной степени к разрыву и смешению родовых связей, к осуществлению общественных обязанностей безотносительно к роду и племени. Выборная система в органы управления

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. С. 64.

² Там же. С. 72.

³ Работы П.П. Иванова были написаны в 1940-х гг., когда эта проблема не стала предметом научного обсуждения, однако уже в то время актуализировались вопросы методологического объяснения классовой природы феодального общества.

⁴ Думаю, что еще одну причину такой осторожной научной позиции Л.Н. Гумилева после двух его арестов (на тот момент) можно выразить воспоминаниями самого ученого. Когда он, будучи студентом исторического факультета Ленинградского университета, подошел проконсультироваться по истории Центральной Азии к А.Н. Бернштам, тот его предостерег от увлечения «евразийством». «Я ответил, что мне это, как ни странно, очень нравится. В ответ я услышал: “У вас мозги набекрень. Очевидно, вы – такой же, как и они”. Сказав так, он пошел писать на меня донос». См.: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: АСТ МОСКВА, 2007. С. 20.

⁵ Кучкин А.П. Советизация казахского аула. М.: АН СССР, 1962. С. 43.

краем, регулярные налоги: покибиточная подать, земские сборы и др. виды налогов; проникновение капиталистических отношений в аулы (саудагеры, алыпсатары и т. д.); наличие аппарата принуждения – эти проявления социальной жизни кочевого аула служили, по всей видимости, признаками существования более или менее развитых форм кочевого государства. Возможно, такой подход ученого связан с желанием обосновать революционные изменения в казахском обществе в результате событий октября 1917 г., благодаря которому кочевым народам удалось встать на «путь к независимости, к свободной жизни», а затем «создать свое государство – народное Советское государство»¹.

В 1960-е – 1980-е гг. не остались в стороне от дискуссии и юристы, рассматривавшие в своих исследованиях проблемы теории государства и права. Идейное содержание исследовательских работ правоведов также напрямую зависело от политического режима, имеющего персонифицированную окраску. Недолговременная «оттепель» сменилась «похолоданием», что выразилось в свертывании дискуссий, в теоретико-правовом обосновании законов эволюции общества.

Так, в 1960-е гг. в работах Л.В. Дюкова, А.М. Давидович, С.К. Кожоналиева, А.М. Мамутова и др. проблемы типологии государственности досоветского казахского общества и судебно-процессуального устройства бийских судов получили глубокий анализ и оценку². Учитывая, что все кочевые объединения по своему устройству схожи

¹ Там же.

² Мамутов А.М. Изменения, происшедшие в законодательстве о преступлениях, ранее именовавшихся пережитками родового быта // Учен. зап. КазГУ. Сер. юрид. Т. XLIX. Вып. 6. Алма-Ата: КазГУ им. С.М. Кирова, 1960. С. 241–264; Он же. Преступления, составляющие пережитки патриархально-родового быта. Алма-Ата: Казгосиздат, 1963; Кожоналиев С.К. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963; Шакаев Г.Б. Свидетельские показания в процессуальном праве казахов. Научная конференция, посвященная 30-летию КазГУ им. С.М. Кирова. Алма-Ата, 1964. С. 34–37; Он же. К вопросу о классовой природе и тенденциях развития казахского обычного судебно-процессуального права в пореформенный период истории Казахстана // Итоговая научная конференция преподавателей юридического фак-та КазГУ им. С.М. Кирова. Алма-Ата: КазГУ им. С.М. Кирова, 1965. С. 51–54; Сапаргалиев М.С. История народных судов Казахстана. Алма-Ата: Казахстан, 1966. С. 254–255; Дюков Л.В., Давидович А.М. К вопросу о характере власти и управления в Казахстане в XV–XVIII вв. // Учен. труды КазГУ. Т. 8. Сер. юрид. Вып. 8. Алма-Ата, 1967. С. 91–103; Таукелев А.Н. Политические идеалы Бухара жырау // Там же. С.

между собой, приведем выдержку из работы С.К. Кожоналиева, считавшего, что суд биев у киргиз был «деятельным оружием киргизского феодального общества, хорошо приспособленным для угнетения народных масс»¹. Аналогичную научную позицию имел и М.Т. Айтбаев².

А.М. Мамутов, исследуя преступления, составляющие пережитки родовых отношений у казахов, пришел к выводу о «догосударственном быте»³ казахского общества, т. е. отсутствии государственности вплоть до начала советского периода. В целом к аналогичному выводу пришли и Л.В. Дюков, А.М. Давидович. Их работу отличает оригинальный для того времени подход к проблеме и желание отойти от традиционного понимания специфики государственности у казахов. В частности, поддерживая версию С.Е. Толыбекова и В.Ф. Шахматова о существовании патриархальных форм отношений в коллективе кочевников, ученые утверждали, что у их предшественников встречается переоценка казахских ханств в качестве «начальных и непрочных государственных образований»⁴. Л.В. Дюков и А.М. Давидович считали, что возникновение классовой борьбы в обществе и появление государственности не является одномоментным процессом, между ними лежит целая переходная эпоха. Ошибка ученых, по мнению Л.В. Дюкова и А.М. Давидович, заключалась в непонимании закономерностей исторического процесса. Поэтому разделение труда, возникновение имущественного неравенства, выразившееся в появлении классов, появление формы организации общества в виде военной демократии, органов власти – совета родоплеменной власти, народного собрания, формирования народности, появление нерегулярных налогов в виде повинностей и приношений,

103–113; Шакаев Г.Б. Судебное разбирательство по обычно-процессуальному праву казахов // Там же. С. 79–90; и др.

¹ Культелеев С.К. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. Фрунзе: АН КирССР, 1962. С. 11.

² Айтбаев М.Т. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX веков. Фрунзе: Киргизское государственное издательство, 1962.

³ Мамутов А.М. Преступления, составляющие пережитки... С. 23–53.

⁴ Дюков Л.В., Давидович А.М. К вопросу о характере власти и управления в Казахстане в XV–XVIII вв. // Учен. труды КазГУ. Т. 8. Сер. юрид. Вып. 8. Алма-Ата, 1967. С. 93.

отсутствие принудительных рычагов управления – лишь шаги на пути к образованию государства. Для окончательного институционального оформления последнего необходимо было, чтобы все названные предгосударственные признаки были модернизированы в результате «антиродовой политической революции». Однако такой процесс был невозможен в силу специфики скотоводческого производства и автаркичности хозяйства. Отсюда вывод, к которому нас подводят ученые: жаркие споры о формах эксплуатации и типе государственности у казахов в досоветском прошлом не имели научного содержания и значения.

Всплеск интереса к проблемам обычного права в середине 1970-х – 1980-е гг. можно объяснить тем, что именно тогда складывается «научная школа академика С.З. Зиманова», представители которой в основном занимались исследованием широкого спектра проблем истории права, в том числе традиционного права казахов¹. Так, Н.Н. Усеров не случайно избрал предметом исследования устный правовой памятник «Жеті Жарғы», так как им были обнаружены два новых варианта уложения хана Тауке: «один из вариантов “Жеті Жарғы” был обнаружен в г. Кзыл-Орде одновременно у трех хранителей

¹ Жиренчин К.А. Правовое положение Казахстана в составе Российской империи в XVIII веке // Юрид. науки. Вып. 4. Алма-Ата: КазГУ, 1974. С. 26–31; Жиренчин К.А. К вопросу о местной системе управления в Казахстане по реформам 1867–1868 гг. // Учен. труды КазГУ им. С.М. Кирова, 1975. Юрид. науки. Вып. 5. С. 15–22; Ахметова Н.С. Институт «кун» в системе обычного права казахов в XIX – начале XX веков // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1977. № 4. С. 75–83; Усеров Н. Исследование правового памятника «Жеті Жарғы»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата: ИФиП АН КазССР, 1977; Ахметова Н.С. Институт «кун» в обычном праве казахов и его отмена при Советской власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата: ИФиП АН КазССР, 1979; Жиренчин К.А. Реформы управления 60-х годов XIX в. в Казахстане и их политические и правовые последствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата: ИФиП АН КазССР, 1980; Ахметова Н.С. А.И. Левшин – исследователь обычного права казахов // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 4. С. 62–67; Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981; Жиренчин К.А. Административное управление и право Казахстана в эпоху империализма и буржуазно-демократических революций // История государства и права Казахской ССР: Уч. пособие / Под общ. ред. член-корр. АН КазССР С.С. Сартаева. Ч. 1. Алма-Ата: Мектеп, 1982. С. 125–135, 148–180; Жиренчин К.А. Первые декреты Казахской ССР по борьбе с пережитками патриархально-родового быта // История государства и права Казахской ССР: Уч. пособие / Под общ. ред. С.С. Сартаева. Ч. 2. Алма-Ата: Мектеп, 1984. С. 55–61; Зиманов С.З., Кенжалиев З.Ж. Көп әйел алушылықты жою туралы декрет // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алматы: Главная редакция Казахской энциклопедии, 1984. (Декрет об отмене многоженства); Кенжалиев З.Ж. Некоторые нормы обычного права в Советском Казахстане в 1917–1920 гг. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1984. № 1. С. 66–71; Кенжалиев З.Ж. Уголовно-правовая борьба с пережитками прошлого в Казахстане в 1920–1924 гг. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 4. С. 82–88; Кенжалиев З.Ж. Декреты Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, отменившие патриархально-феодалные общеправовые институты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата: ИФиП КазССР, 1986; Ахметова Н.С. Институты обычного права и правотворческая деятельность Казахской АССР // Правотворческая деятельность союзной республики: история и проблемы. Караганда, 1988. С. 25–26.

старых рукописей. Второй вариант в Джебгагане мы записали из уст потомка Жанибек Тархана (батыра периода Тауке хана)»¹. Н.С. Ахметова исследовала сущность, формы, виды института «кун», отметила его патриархальные черты и необходимость отмены при советской власти². Реформам Российской империи и их влиянию на управление в крае посвящены работы К.А. Жиренчина³. З.Ж. Кенжалиев рассматривает борьбу в первые годы советской власти с традиционно-правовыми институтами казахского общества.

Нужно отметить, что представители «школы академика С.З. Зиманова» продолжают свои исследования и в настоящее время. Значительно расширил хронологические рамки исследовательских работ, привлекая разнообразные источники как устного, так и письменного характера, ученые этого направления внесли значительный вклад в изучение традиционной правовой системы дореволюционного Казахстана.

Таким образом, после XX съезда КПСС круг дискуссионных вопросов в советской исторической науке значительно расширился, однако существенных концептуальных изменений в историографии не произошло – она развивалась на основе единых идеологических установок.

Во второй половине XX в. интерес к истории номадов вызвал широкую научную дискуссию, которая охватывала некоторые спорные вопросы, вызванные изучением кочевых систем.

Подводя итоги дискуссии 1950-х – 1980-х гг., следует заметить, что споры ученых об общественных отношениях кочевников-казахов отчасти связаны с желанием включить их в марксистскую систему социально-экономических формаций и обосновать, что история любого общества есть борьба простого

¹ Цит. по: Тлепина Ш.В. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1938–1991 гг.)... С. 212.

² Ахметова Н.С. Институт «кун» в обычном праве казахов и его отмена при Советской власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата: ИФиП АН КазССР, 1979.

³ Жиренчин К.А. Реформы управления 60-х годов XIX в. в Казахстане... .

народа с притеснителями. Споры среди ученых двух направлений по поводу форм собственности у кочевников – С.Е. Толыбекова, Г.Ф. Шахматова и др. с одной стороны, и А.Е. Еренова, И.Я. Златкина и др. – с другой, были в определенной степени искусственны, шаблонны. Ни тот, ни другой подход не объясняли многих категорий, присущих кочевому миру. К примеру, появление частной собственности на скот и аккумуляция его как материального богатства в руках одной группы уже провоцирует деление общества на разные социальные полюсы, что в свою очередь подразумевает классовую эксплуатацию. Однако, как известно, кочевое общество более эгалитарно, нежели общества с другими видами хозяйственной деятельности. Сложность вызывало определение в категориях исторического материализма таких коллективов, где сосуществуют «противоположные» явления общественного развития: сильные родовые союзы (кочевые империи) и патриархально-родовые отношения, стационарное кочевое хозяйство и изменчивая политическая организация, дисперсное состояние носителей этого типа хозяйства и трудовая интеграция, доклассовые отношения (институт родовой взаимопомощи и т. д.) и элементы товарно-денежных отношений (купля-продажа, аренда, ссуды и т. д.) и мн. др.

Любые попытки, идеи, нестандартные подходы в решении проблемы могли получить поддержку и занять свое место в историческом знании только тогда, когда они позволяли лишний раз доказать тот или иной постулат, служивший неопровержимой аргументацией закономерности исторического развития в траектории, заданной классиками марксизма-ленинизма. Отсюда наблюдаемый в работах ученых этого периода своего рода «цитатный ящик», выразившийся в бесконечном цитировании классиков (зачастую с обеих сторон одних и тех же избитых канонических цитат, однако трактуемых сторонами по-разному).

Отметим, что в советскую историографию теория о единых законах развития обществ, вне зависимости от типов хозяйственной деятельности,

пришла, как и все остальное, из партийных документов. Иначе и быть не могло. Историческая наука, крепко связанная идеологическими путями, не могла уйти от главных постулатов теории марксизма-ленинизма: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»¹ или «...государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание порядка, который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов»². Поэтому любые попытки поставить под сомнение «зрелость» дореволюционного прошлого, а также «покушения» на нее со стороны экономистов³ и юристов⁴, видевших дофеодальные типы отношений и аморфные формы эксплуатации в казахском обществе, всячески пресекались. Задача, поставленная партией перед учеными, состояла в теоретико-практическом наполнении партийных лозунгов. Советские историки с присущим им энтузиазмом взявшись за выполнение важной идеологической задачи, с успехом наполнили «социалистической плотью и кровью» казалось бы, всем известный общественный каркас – «патриархально-родовое, раннеклассовое общество», придав ему все черты и свойства, необходимые для победы идеологической «советскости»: классовая собственность, классовая эксплуатация, классовое противостояние, классовая борьба, классовая победа.

Кроме того, стоит подчеркнуть, советским ученым в определенной степени удалось справиться с возложенной на них идеологической миссией. С одной стороны, ни одна проблема в истории казахстанской советской исторической науки не «тревожила» умы научной общественности в такой

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 424.

² Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 33. С. 7.

³ С.Е. Толыбеков (1907–1995) – докт. эконом. наук, член-корр. АН КазССР, экономист по образованию, однако сфера его научных интересов была гораздо шире и включала вопросы социально-политической истории казахского общества.

⁴ Вопрос о форме и сущности казахского государства был поднят еще в начале 1950-х гг. С.Л. Фуксом и С.В. Юшковым (оба правоведа). В начатой дискуссии С.Л. Фукс занимал позицию, близкую к С.Е. Толыбекову и В.Ф. Шахматову и считал, что казахское общество в XV–XVIII вв. имело собственность на скот, дофеодальные формы эксплуатации и достигло формы «варварского» государства. С.В. Юшков в этом вопросе был его оппонентом. См.: Фукс С.Л. Некоторые вопросы истории казахского государства // Известия АН КазССР. Сер. юрид. Вып. 3. Алма-Ата. 1951. С. 91–107; Юшков С.В. Основные вопросы истории казахского государства // Там же. С. 77–90; Зиманов С.З. Политический строй... С. 22–23; Дюсебаев Н.К. С.В. Юшков и дискуссии о сущности феодальных отношений в казахском кочевом обществе // Вестник Томск-го гос. ун-та. История. 2015. № 1 (33). С. 93–101.

мере, как эта. Во всяком случае, именно положению «о производительных силах как детерминирующем факторе общественного прогресса» и существованию «объективных предпосылок» победы социализма посвящено самое большое количество монографических исследований. С другой – выполнение партийного заказа привело к появлению большого массива работ. В них для обоснования заведомо спорных положений ученые были вынуждены «перевернуть и освоить» огромное количество первоисточников, которые вкупе с цитатами из работ К. Маркса и др. позволяли создавать иллюзию правоты выдвигаемых положений. Облекая в марксистскую риторику свои не совсем марксистские предпочтения, ученые пытались в своих работах полунамеками говорить о своем реальном отношении к предмету исследования. Это позволяет говорить о том, что и сегодня данные исследования по богатству источниковой и историографической базы представляют практический интерес для науки, дают возможность проводить сравнительный анализ полярных подходов, выявлять как особенные, так и общие черты, расширять наши представления о проблеме.

Постепенно жаркие дискуссии начали утихать, и понимание того, что все это время шла полемика о кочевом хозяйстве, в котором собственность на скот и социальные отношения, скрытые за традициями родоплеменной солидарности, были – «разные по форме, но одинаковые по существу», приблизило кочевниковедов в определенной степени к познанию социальных систем, игравших противоречивую роль в недавнем прошлом.

Сегодня кочевниковеды пришли к мнению, что при сезонном цикле передвижений кочевников собственность на землю просто невозможна. В этом плане можно привести доводы А.М. Хазанова, считавшего: «Юридического оформления частной собственности на землю у кочевников евразийских степей так и не произошло. Неравенство в отношении к земле и пастбищам выражалось в том, что... богатый скотовладелец кочевал больше и дальше,

следовательно, использовал большое количество пастбищной территории»¹.
Добавим к этим словам, что обогащение или пауперизация части казахов – процесс, присущий любому кочевому хозяйству и носящий вариативный характер.

¹ Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. С. 254.

Глава 4. Современная российская и казахстанская историография: ревизия прошлых и поиск новых концептуальных подходов

§ 1. Суд биев как символ государственности

Современную историографию по проблемам изучения института бийства в XVIII–XX вв. целесообразно рассмотреть через тематические блоки: возникновение суда биев; развитие суда биев и его характерные особенности; соискатели на звание бия; «золотой век» правосудия в казахском праве; суд биев в пореформенный период; суд биев в советское время; проблема аксакальских судов на современном этапе.

Возникновение суда биев

Казахское обычное право, тесно переплетенное с нормами патриархально-родового строя, в общем и целом определяло жизнь кочевника. Своеобразные черты казахского правосудия: родовая защита на всех ступенях судебного процесса, большое значение института биев, гласность и открытость суда, возможность свободного выбора судьи обеими сторонами конфликта, демократичность при ведении судебного следствия, отсутствие специального принудительного аппарата для исполнения решений суда, в конечном итоге примирение спорящих сторон – являются механизмом поддержания устойчивости и развития казахского кочевого общества.

К вопросам, ставшим актуальными в последние годы, можно отнести определение периода возникновения суда биев, включая отправную точку зарождения этого института и последующее его утверждение в правовом сознании казахского народа, причем в его решении ученые придерживаются различных точек зрения.

Проблема возникновения казахского традиционного суда стала предметом исследования А.И. Оразбаевой¹. По мнению А.И. Оразбаевой бийское правосудие, складываясь в течение многих веков, являлось важнейшим звеном судебно-правовой системы казахской степи. Правовой институт, обладающий судебными полномочиями, подобный суду биев, можно зафиксировать уже в VIII в. у уйгуров², однако отнесение возникновения бийства к более раннему периоду – к эпохе саков и усуней, едва ли обосновано, так как данный институт присущ только казахскому традиционному обществу, считает ученый.

Согласно другой точке зрения, зарождение бийского института произошло в древнетюркский период. Некоторые ученые ищут аналогию между казахским бийским институтом и судебными институтами древнетюркских кочевых обществ, используя лингвистические данные. Так, например, С.А. Оразбекова анализируя происхождение казахского слова «бий», опирается на работы таких видных исследователей-путешественников, как А. Вамбери, В. Радлов, Ч.Ч. Валиханов, которые связывали термин «бий» с древнетюркским «бек или бей», что означало «правитель», «власть». В результате С.А. Оразбекова приходит к выводу, что термин «бий» имеет древнетюркские корни и берет начало соответственно в эту эпоху³. Полагаю, что время складывания института биев не должно привязываться к этимологии слова.

Одним из первых современных российских ученых-правоведов, приступивших к тщательному изучению обычного права от зарождения института биев на казахской земле до его окончательного упразднения, стал Р.Ю. Почекаев⁴. По мнению ученого, своеобразным предшественником

¹ Оразбаева А.И. Қазақ қоғамындағы билер институты: тарихи бастаулары, орны және ролі (XVIII). Алматы, 1998.

² Оразбаева А. Историческая роль и социальное значение института бийства в истории казахского народа (К постановке проблемы) // Саясат. 1997. № 5. С. 100.

³ Оразбекова С.А. Қазақ даласындағы билер институтының пайда болуы мен қалыптасуы // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2008. № 3 (47). С. 133.

⁴ Почекаев Р.Ю. Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии (после империи Чингисхана) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М.: Издательский дом «Стратегия», 2006. С. 164–175; Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн АН РТ, 2009.

древнего суда казахов являлся «суд монгольских племенных старейшин, носивших титул “бэки”»¹. Исследователь полагает, что данный хронологический отсчет зарождения суда биев вполне оправдан, так как Казахское ханство, хоть и опосредованно, но тем не менее являлось преемником Монгольской империи.

В монгольском обществе бэки обладали монополией на правовые знания, они передавали их в устной форме по традиции от старших к младшим. Опираясь на древнемонгольский письменный источник «Сокровенное сказание», или «Тайная история монголов» (1244/1264), Р.Ю. Почекаев приходит к убеждению, что, так как бэки имели право толковать законы, т. е. обладали нормотворческой функцией, то, следовательно, и судебная деятельность принадлежала им же. Эти полномочия позволяли бэкам сосредоточить в своих руках также функции, касающиеся управления родовыми и племенными коллективами. Не случайно целью одной из первых реформ, проведенных Чингисханом для объединения разрозненных племен в государство, было ограничение суда бэков, а впоследствии – упразднение этого института. На смену выборным бэкам пришли назначаемые ханом судьи (заргучи), действовавшие на основании выдаваемых им ярлыков. Таким образом, обычное право сменилось имперским законодательством – Великой Ясой Чингисхана и ярлыками ханов.

В дальнейшем, когда Монгольская империя начала распадаться на отдельные государства, в недрах Золотой Орды вновь стал набирать силу традиционный суд, базировавшийся на правовых обычаях и традициях местных кочевых племен, а право толкования устного закона вновь стало переходить в руки биев. Р.Ю. Почекаев обращает внимание на то, что даже в ходе достаточно жестких реформ Чингисхана, направленных на централизацию власти, суд бэков не перестал существовать, а лишь значительно сузил поле своей деятельности.

¹ Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV–начало XX в.) // Зангер. 2008. № 4 (81). С. 51.

С 1990-х гг. в казахстанской историографии отдельное направление представляют работы ученых, исследующих историю складывания национальной интеллигенции, под которой понимают не только людей, получивших образование, но и высшие слои местной аристократии. В контексте этой парадигмы, Х.М. Абжанов, Г.М. Какенова и др. представляют биев как интеллектуальный потенциал казахской среды и считают XIV–XV вв. периодом появления их на исторической сцене¹.

В отношении определения времени возникновения бийского института С.З. Зиманов полагал, что казахское право намного старше самих казахов как этнической общности и Казахского ханства как государства. На основе изучения большого количества дореволюционных как российских, так и казахских источников, С.З. Зиманов смог прийти к выводу: казахский суд биев мог возникнуть только в рамках кочевой цивилизации, но в то же время предостерегал исследователей от изучения суда биев в кочевой части общества изолированно от той части, которая ведет оседлый образ жизни (в том числе в городах). Вместе с тем, он подчеркивал, что «бийское правосудие в своем ценностном имманентном статусе могло сформироваться, сложиться и утвердиться только в среде и массе классической кочевой части казахского общества, занимавшей огромное пространство центрально-азиатского этноса и составлявшей абсолютное большинство населения Степного края»².

С.З. Зиманов пишет о суде биев как об органе, которое приобретает этнокультурное наполнение в средние века. Ученый призывал научную общественность взглянуть на эту проблему всесторонне, уйти от однобокости, косности и примитивности в понимании этого сложного правового явления. Тем не менее, цивилизационный подход позволил С.З. Зиманову значительно детальнее, чем его предшественники раскрыть факторы, сыгравшие основополагающую роль в формировании казахского права. В первую очередь

¹ Назарбаева Г., Абжанов Х.М. Қазақстан: Тарих. Тұлға. Теория. Алматы: Дәуір, 2004; Какенова Г.М. Судьбы казахской интеллигенции. Историография вопроса. Астана: ЦНТИ, 2006; и др.

² Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008. С. 27.

– это обширные пространства обитания праказахов, которые консолидировали кочевые племена в устойчивые коллективы. Следующий фактор связан с перемещениями по территории Центральной Азии на огромные расстояния кочевых племен, которые, частью ассимилировавшись, частью переместившись в соседние регионы, оставили заметный след в естественно-культурных и обычно-правовых традициях автохтонного народа. Последний фактор, способствовавший возникновению казахского права, – «мирные устремления кочевников, когда над раздвоенностью и раздробленностью Степи постепенно брали верх объединительные идеи, что в совокупности порождало тенденцию к упорядоченности в общественных отношениях и приводило к усилению регулятивной роли правовых установлений, проникнутых в основном духом свободы, обеспечения мира, общего благополучия и единства подданного населения»¹.

Выше уже было сказано, что академик С.З. Зиманов создал научную школу, ученые (Н.С. Ахметова, З.Ж. Кенжалиев, С. Узбекулы, Н. Усерулы и др.), ее составляющие, избрали объектом своих исследований изучение института биев. Большинство из них придерживается мнения С.З. Зиманова о том, что возникновение суда биев связано с аккумуляцией правовых знаний всех кочевых племен, которые, начиная с эпохи саков, сарматов и других прототюркских кочевых коллективов, оставили след в правовой памяти казахского народа. Так, Ж.С. Алдибеков, еще раз отмечает, что в силу отсутствия подтвержденных письменных источников невозможно установить четких хронологических границ возникновения суда биев, однако в правовом сознании народа отпечаталось неписанное право всех кочевников, оказавшихся волею судьбы на казахской территории².

Имеет смысл остановиться и на позиции тех исследователей, которые считают, что именно казахские ханы были носителями центростремительных

¹ Там же. С. 11.

² Алдибеков Ж.С. Қазақстанның XVII ғасырдың соңғы ширегі – XVIII ғасырдың алғашқы жартысындағы саяси-құқықтық қалыптасуы және дамуының тарихи-теориялық мәселелері: заң ғылым. докт. ... дис. Астана, 2010.

тенденций и выступали за создание прочной государственности, осознать свою самость и что создание института бийства связано с реформаторской деятельностью Тауке хана. Так, например, В.А. Моисеев полагает, что «он (Тауке хан. – Ж. М.) поддерживал слабые и малочисленные роды против сильных, создал суд биев, кодифицировал обычное право и пытался регулировать жизнь общества на этой основе»¹. Положение В.А. Моисеева не достаточно убедительно, так как неправомерно сводить образование суда биев только к законотворческой деятельности Тауке хана, хотя значение этого фактора было, видимо, немаловажным для усиления позиций этого института.

Таким образом, в современной историографии дискурс о времени возникновения суда биев остается спорным. Одни ученые связывают зарождение этого правового института с прототюркскими и тюркскими племенами, которые занимали территорию Казахстана в I–VI вв. н. э., другие – с послемонгольской эпохой, периодом ослабления Монгольской империи и появления Золотой Орды и Улуса Джучи хана (XIII в.). Третьи – объединяют создание этого института с внутренней политикой, проводимой Тауке ханом, что едва ли правомерно. Появление в последние два десятилетия работ по этой проблеме связываем, с одной стороны, со стремлением ученых разрешить проблемы этногенеза казахов, так как ученые в основном сходятся во мнении, что институт биев присущ именно казахскому обществу. С другой стороны, определение хронологических рамок того или иного явления позволяет проанализировать влияние самых разных факторов на появление, кризис и упадок предмета исследования, что в свою очередь помогает воссоздать объективную историческую панораму прошлого.

Развитие суда биев и его особенности

Итак, возникнув в кочевой среде номадов, древнее устное право доминировало на территории Степи. Знатоками, а также его толкователями

¹ Моисеев В.А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток. 1995. № 4. С. 24—25.

являлись бии, которые в силу исторического развития общества, особенностей природно-географической среды и многих других факторов сосредоточили в своих руках все судебные полномочия. Суд биев в ходе становления, выбрал только те черты, которые были приемлемы для кочевников – протоказахов, а затем казахов. Имея общие черты с правовыми системами кочевников центральноазиатского региона – гласность, открытость, демократичность, он отличался от них рядом особенностей. Они проявлялись при выборе количества судей (единоличный или коллегиальный), меры наказания (кун, айып и т. д.), предпочтения того или иного возраста судьи (молодой или старый) и т. д. Но самая главная черта этого суда – безоговорочная вера кочевников в справедливость решения суда, которая в свою очередь служила фундаментом для сохранения единства общества.

В современной казахстанской историографии широко стали использоваться данные шежире, что значительно обогатило нарративный арсенал исследователей. Казахское право, как известно, имело длительный период устной фиксации правовых знаний. Бии были не только толкователями норм права, но и их хранителями: из поколения в поколение они передавали накопленный опыт и знания. Последние данные этнологии и других гуманитарных наук позволили ученым проследить возникновение инстанционного принципа устройства суда биев (его разделение на высшие и низовые), что явилось новым направлением в изучении института бийства. Ни в дореволюционной российской, ни в советской историографии структура бийского суда не являлась предметом специального изучения. Более того, кроме общего обозначения суда его дифференциация на основе особенностей, присущих самим биям (возраста, района проживания, авторитета и т. д.) не вызывала интереса у исследователей. Восполнить этот пробел в определенной степени удалось современным исследователям.

Данная тема привлекла внимание ученых в конце 1990-х гг. Для того, чтобы кочевники признали соискателя в качестве бия, он должен был обладать

незаурядными способностями. Общество выдвигало перед ним требования, которым следовало подчиняться на протяжении всей жизни. Как гласит пословица: «Құдайдың сүйген құлдары ғана би бола алады» – «Только истинные приверженцы Бога могли стать биями», претендент на должность бия, наряду с индивидуальными способностями, должен был пройти несколько испытаний, которые с каждым разом повышали его статус как бия. Наравне со своими врожденными природными качествами, владением ораторским искусством, умом, сообразительностью, бий должен был в совершенстве знать древние правовые нормы казахов: «Қасым ханның қасқа жолы» – «Светлый путь хана Касыма», «Есім ханның ескі жолы» – «Древний путь хана Есима» и «Жеті Жарғы» – «Семь установлений» Тауке хана¹.

Изучению процесса выдвижения из среды простого народа претендентов на бийское звание посвящено немало исследований. Так, К. Еламанов в своей работе «Билердің құрылымдық жүйесі» («Структурная система биев») одним из первых обратился к этой проблеме и достаточно подробно рассмотрел структуру бийства, выделив следующие уровни власти биев: *ата би* (ата – дедушка. – Ж. М.), т. е. старый, умудренный опытом бий; *төбе би* (төбе – вершина), т. е. верховный бий; *қатар би* (қатар – равный), т. е. равноправный участник судебного процесса²; *жеке би* (жеке – индивидуальный), т. е. бий, принимающий решения единолично; *төтен би* – чрезвычайный бий и *бала би* (бала – мальчик, ребенок, сын) – мальчик-бий³.

По мнению К. Еламанова, «ата» бием мог быть один из старейших биев в роду, который в силу возраста разрешил большое количество споров и

¹ Существует несколько переводов законодательных памятников древнего права казахов. К примеру, «Қасым ханның қасқа жолы» встречается в следующих вариантах: – «Светлая дорога Касым хана», «Касыма праведный путь», «Проторенный путь хана Касыма», «Ясная дорога хана Касыма», «Кодекс Касыма» и т. д. «Есім ханның ескі жолы» встречается в исторических источниках в виде «Старый путь Есим хана», «Проторенная дорога Есима хана», «Проторенный путь Ишима» и т. д. Правовой памятник «Жеті Жарғы» авторами используется в следующих редакциях – «Уложение хана Тауке», «Законы хана Тауке», «Семь уложений» и т. д. См.: Султанов Т.И. «Семь установлений» – памятник права казахов XVII в. // Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. С. 64–77.

² Катар би – не только равноправный среди других биев участник судебного процесса, представляющий наряду с другими биями интересы какой-либо из сторон; он мог входить в состав как третейского суда, так и чрезвычайного суда биев, где выполнял роль судьи в качестве помощника главного бия.

³ Еламанов К. Билердің құрылымдық жүйесі. Шаңырақ пен Пырақ. Алматы: Жеті жарғы, 1999.

конфликтов среди родственников. Известный народу мудростью и справедливостью, он, вступая в эту фазу бийского звания, старался поделиться опытом с подрастающим молодым поколением, передать ему свои знания и умения, жизненный и законотворческий опыт. Невзирая на преклонный возраст, он по-прежнему принимал активное участие в решении особо важных вопросов общины: его принимали сородичи как мудреца и советника, его «бата» (пожелание) старались получить претенденты на судебную власть.

Звания «төбе» достигали лишь избранные бии, отличившиеся большими заслугами перед народом, известные своей честностью, справедливостью, мудростью. Власть такого бия простиралась далеко за пределами их улусов¹. Верховный бий – звание, которое в отличие от других являлось выборным, его выбирали среди равных другие бии на съездах. История казахов XVII–XVIII вв. сохранила имена таких верховных биев, как Толе би в Старшем, Казыбек би в Среднем, Айтеке би в Младшем жузах.

Термином «катар» именуется все остальные бии, кроме верховных. Они имеют равные права на проведение судебных процессов, не отличаются никакими особыми привилегиями и занимают одинаковые позиции в судебной иерархии.

Бий, называемый «жеке», был в каждом родовом подразделении, возможно, если родовая единица была незначительная, был единственным судьей. Их не выбирали, этого звания они достигали путем удачной судебной практики среди родственников, владения ораторским слогом, умением убеждать народ в правоте своего решения, добиваться исполнения судебного решения. Расширяя подвластное ему судебное пространство, жеке бий со временем сосредоточивал в своих руках не только судебную власть, но и исполнительную, и военную, а отчасти и законодательную, так как являлся толкователем норм права, а зачастую и создателем судебных прецедентных

¹ Улус – крупное родоплеменное объединение казахов.

моментов. Таким образом, вне всякого сомнения, в руках такого бия находились все рычаги управления кочевой общиной.

Институт «төтен» биев явление непостоянное. Он создавался в случаях межродовых конфликтов, когда возникшие противоречия грозили нежелательными последствиями для кочевников. Конфликты могли порождаться двумя причинами. Во-первых, кочевники в силу природно-климатических условий вели незамкнутый, неизолированный образ жизни. Их многократные перемещения со стадами в меридиональном и горизонтальном направлениях нередко приводили к столкновению интересов разных кочевых коллективов по многим поводам хозяйственной и бытовой жизни, например, неудачно выбранное место стоянки, пересечение маршрутов кочевания, занятие чужих зимовок и др. Во-вторых, кочевая община как хозяйственная единица, обеспечивая защиту каждого своего члена от посягательства на его имущество или жизнь, также могла провоцировать межродовые столкновения. Прекращение подобного конфликта являлось крайне важным для кочевников, ибо его развитие могло привести к бесполезной трате ресурсов как материальных, так и человеческих. Именно в этих условиях были необходимы чрезвычайные бии, авторитет, мудрость и знания которых считались непререкаемыми. Кандидатуру төтен бия выбирали путем совещания так, чтобы она удовлетворяла требованиям обеих конфликтующих сторон.

«Бала» бием мог стать молодой соискатель бийского звания, который стремился к почетному званию путем глубокого изучения основ обычного права, участия в судебных процессах старших биев (иногда доверявших молодым на практике доказать свои знания), тренировкой умения свободно, а зачастую в иносказательной форме выражать свои мысли, используя народные пословицы, поговорки, изречения знаменитых биев. Если возникала спорная ситуация, бала бии получали возможность продемонстрировать оригинальные решения возникших противоречий. По мере профессионального роста,

накопления знаний и опыта, и соответственно признания, они могли переходить в другую, более высокую категорию биев.

К. Еламанов считает, что подобное деление бийской власти на разные уровни позволяло контролировать кочевое сообщество и создавало условия для его жизнедеятельности¹.

Аналогичную характеристику уровней бийского института можно найти в работах многих казахстанских ученых², хотя в некоторых из них особенности тех или иных ступеней бийства выделены более подробно.

Стать бием в казахской степи было очень трудно, предъявляемые требования были высоки, считает Б.Б. Хайдаров³. Претендента подвергали различным испытаниям, чтобы выявить его природные задатки. Если родственники замечали у мальчика талант, то родителям и близким вменялось в обязанность его развивать: способствовать овладению богатством разговорной речи казахов, умению решать логико-ситуативные задачи и находить удачные решения в ситуациях, казалось бы неразрешимых на первый взгляд. Таких одаренных детей присоединяли к свите умудренных опытом старцев, которые в качестве наставников учили и проверяли знания юных претендентов.

Кроме того молодой юноша должен был получить благословение – бата у почитаемых людей. Б.Б. Хайдаров, полемизируя с теми исследователями, которые считают, что на пути духовного роста получение благословения является начальной или конечной точкой для признания за ним этого звания, утверждает, что получение «бата» служит необходимым *переходным* (выделено мной. – Ж. М.) этапом в становлении молодого человека, позволяет

¹ Еламанов Қ. Билердің құрылымдық жүйесі. Шаңырақ пен Пырақ. Алматы: Жеті Жарғы. 1999.

² Оразбекова С.А. Қазақ даласындағы билер институтының пайда болуы мен қалыптасуы // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2008. № 3(47). С. 135–136; Хайдаров Б.Б. Би билігінің танылуының заңи қыры // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2008. № 4(28). С. 189–193; Абдуллаев Б. Көшпелі қазақ қоғамындағы құқықтың қалыптасып дамуы // Әділ сот. 2009. № 6. С. 27–29; Тарих өткелдеріндегі Төле би / Құраст. Ә.А. Кембаев. Алматы: Өнер, 2010. С. 114–115; Әлдибеков Ж.С. Қазақстанның XVII ғасырдың соңғы ширегі... С. 293–294.

³ Хайдаров Б.Б. Би билігінің танылуының заңи қыры // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2008. № 4 (28).

раскрыть природные дарования будущего бия и способствует становлению его авторитета в глазах общества¹.

Мнение Б.Б. Хайдарова в целом совпадает с точкой зрения академика С.З. Зиманова, отмечавшего, что для получения особого благословения, юноша «с ранних лет входил в свиту известных биев, сопровождал их в поездках по степи, осваивал особенности и технологию степного судопроизводства. Эти бии, в роли учителей, временами проверяли способности юноши, предоставив ему возможность изложить свою точку зрения по поводу вероятного решения по конкретным конфликтным делам, рассматриваемым на бийском суде»². Для признания в качестве бия, юноша должен был продемонстрировать свой интеллект и ум перед обществом, и тем самым заслужить благословение, которое, как говорится в народе: «Батамен ер көгерер, жауынмен жер көгерер» (Бата облагораживает мужчину так же, как после дождя благоухает земля) или «Бата алғанның бағы бар» (Счастлив тот, кто получил благословение).

Не ограничиваясь теоретическим освещением института бата, С.З. Зиманов привел конкретные факты получения напутственных слов будущими знаменитыми казахскими биями – Толе, Казыбек и Айтеке. Нужно принять во внимание, что молодые бии старались получить бата не у одного, а у нескольких известных своей мудростью, справедливостью и компетентностью биев. Так, Толе би получил благопожелание от 90-летнего старца Жетес бия, Конка бия, Карасай баба, Мамай би и других, Казыбек би – у Монке бия, Анет-баба благословил Толе, Казыбек, Айтеке биев. Отмечается, что чем выше притязания будущего бия, тем выше должен быть престиж мудреца, благословение которого является своего рода лицензией на судебную деятельность; одним из главных критериев для получения бата являлось неординарное мышление молодого претендента, так как в публичных условиях казахского судебного процесса только лишь незаурядные способности позволяли находить решение сложных родовых и межродовых конфликтов.

¹ Хайдаров Б.Б. Там же.

² Зиманов С.З. Указ. соч. С. 14.

На роли молодых соискателей бийского звания – бала би в традиционном праве казахов-кочевников и на некоторых других аспектах института бийства, в том числе на традиции бата, подробно остановился К.Н. Дауталиев¹. Исследователь отмечает, что главной особенностью системы права традиционного общества «выступала ее простота, устность, краткость и известность всему населению»². Одной из важнейших черт устного права казахов являлась роль бала би в отправлении правосудия. Она состояла в том, что спорящие стороны безоговорочно принимали решение, вынесенное бала би, воспринимая его как слово божественного правосудия (в русском языке этому отношению соответствует поговорка – «Устами младенца глаголит истина»). В тех случаях, когда споры выходили за рамки общины, становились продолжительными, наносили участникам процесса моральный и материальный ущерб, осложнялись взаимными обидами сторон, казахи прибегали к помощи мальчиков-биев, которые будучи уже известными в степи своей справедливостью успешно разрешали конфликты. По мнению К.Н. Дауталиева, подобная практика обращения «старших» биев к «младшим» вызывала заинтересованность коллектива родственников в обучении и подготовке молодых людей к отправлению правосудия в своей кочевой общине. Они старались взрастить талантливых судей в том числе еще и потому, что это в первую очередь прославляло самих родственников, которые сумели разглядеть и, главное, развить юный талант.

Степень «бала-би» в бийском правосудии имела настолько большое значение, что многие знаменитые бии, которые приобрели известность судебскими решениями, навсегда остались в памяти народа именно в этом статусе. К.Н. Дауталиев считает, что традиционное народное понимание не ограничивало жесткими возрастными цензами статус бия-судьи, и называет имена биев от Едиге-бия Кабан улы (1352–1419) из племени Ногай (судил с 9–

¹ Дауталиев К. Институт отправления правосудия «Бала би» в раннем возрасте в традиционном казахском праве // Право и государство. Теория и практика. 2013. № 4. С. 129–133.

² Там же. С. 130.

10 лет) до Аккожа би (вторая половина XVIII – начало XIX в.) из рода Сыбан племени Найман (судил с 13 лет), которые участвовали в прениях с раннего возраста¹.

Один из немногих ученых, К.Н. Дауталиев отмечает, что в силу патриархальности традиционного общества в степи редко фиксировались случаи женской судебной практики, однако приводит пример женщины по имени Таттыбике из племени Кыпшак, которая успешно решала внутриродовые споры, выступая в качестве судьи-бия и ее решения «билык» обеспечивали мирные отношения среди сородичей².

К.Н. Дауталиев не обошел вниманием обряд благословения – «бата». По мнению исследователя, бата имеет своей целью не только обращение к потустороннему миру, к духам предков с просьбой благословить человека на благие деяния, но и представляет собой напутствие глубокого морально-нравственного характера³, указание, нарушение которого приводило к потере уважения среди соплеменников, к риску быть безнаказанно убитым и даже быть изгнанным из рода. «Бата бұзған» (нарушитель клятвы), – так в степи называли бия, не оправдавшего доверия общины. Так, К.Н. Дауталиев приводит следующий пример: «Мужык би из рода Матай кочевого племени Найман в 13-летнем возрасте получил “бата” от прославленного казахского батыра-главнокомандующего и бия Кабанбая (XVIII в.) из рода Каракерей, входящего тоже в состав племени Найман. Мужык би в старческом возрасте передал ее человеку по имени Шонды, в свою очередь Шонды передал Телибаю, сыну Мырзагула, Телибай – Арнаю, сыну Тастемира. Арнай, сын Тастемира показал себя непристойно, вследствие чего Телибай вернул “бата” обратно»⁴. Следовательно, обряд благословения в казахском обществе являлся

¹ Там же. С. 130.

² Там же. С. 131.

³ Бата произносится не только к конкретному человеку, но и для конкретного случая, то есть, нет заученных текстов пожелания. Для того и выбирается такой уважаемый человек, который, исходя из уровня интеллекта, таланта и опыта молодого человека, может ему пожелать в произвольной форме (чаще рифмованной) то, что послужит в дальнейшем ему путеводной звездой и руководством в жизни.

⁴ Цит. по: Дулатбекұлы Ж. Бірлікті сақтаған Мұжық би // Жерұйық. 1996. 19 января.

ритуалом, который выполнял функцию юридического акта, санкционирующего судебную и другие формы социальной власти.

Таким образом, опираясь в основном на устные этнологические источники, ученые пришли к схожим взглядам на структурную организацию бийства и атрибуты, сопровождающие этот институт: о том, что бии были разные по сфере влияния и власти и занимали различные уровни судебной иерархии – от аульных биев до биев, могущество которых простиралось на жузы, улусы. Переход с одной ступени на другую сопровождался определенными символическими актами (признание бия обществом, получение бата и т. д.), позволявшими биям раздвигать границы своего влияния. По сути эти акты являлись необходимым условием для признания кочевым обществом статуса бия, без которого будущее бия как судьи было невозможным. Однако остается ряд ключевых вопросов, на которые должна ответить современная историография института биев в той ее части, которая занимается изучением развития ступеней суда биев. Все ли будущие бии обязаны проходить этап «бала би» для своего признания в качестве бия, ведь история знает примеры, когда биями становились «случайные» люди, далекие от судебной практики, к которым конфликтующие стороны обратились и выбрали их в качестве третейского судьи? Как кочевники относились к биям, пришедшим к этому званию через институт батырства, деятельность акын – жырау, минуя другие этапы? Какими были отношения между биями, пришедшими разными путями к этому званию? Как строилась политика империи в отношении биев разных уровней? Как центральные власти и чиновники на местах вырабатывали и пытались проводить в жизнь политику империи, учитывая статусный уровень биев? Имеются ли региональные особенности в уровнях бийского суда? Как «новые» бии, появившиеся в результате выборных кампаний XIX в. реагировали на «старых», прошедших определенные уровни становления как биев? Как складывались между ними отношения – борьба за нишу или сотрудничество с целью сохранения

определенных полномочий? И еще один вопрос. Какие имеются материалы о деятельности женщин-биев – они в судебной практике казахов правило или исключение?

Соискатели на звание бия

Многочисленные дореволюционные источники, касаясь судебной власти у казахов, отмечали одну из ее особенностей – отсутствие принудительной силы. Единственными способами регулирования межродовых и внутриродовых отношений являлись либо обычай барымты, позволяющий восстановить права потерпевшего, либо, что встречалось гораздо чаще, обращение к третейскому разбирательству путем свободного выбора определенного лица в качестве третейского судьи.

В современной казахстанской историографии одним из первых к изучению бийства приступил видный ученый, этнолог Ж.О. Артыкбаев¹. В своем исследовании, посвященном социально-политическому и экономическому развитию казахского общества в XVIII–XIX вв., ученый считает, что реформы российского правительства XIX в. значительно изменили этно-политическую ситуацию в крае, серьезно повлияли на сословную структуру кочевого общества.

Структура традиционного управления казахским обществом рассматривается Ж.О. Артыкбаевым как сложное переплетение различных уровней потестарно-политической системы, где низовые ступени занимали аксакалы и бии, которые регулировали отношения между кровными родственниками. Поскольку «значение и сила племени в общественных ситуациях зависели от авторитета и влияния бия»², то биями становились родоначальники, обладающие значительной властью, позволяющей управлять коллективом, и способные оберегать устои самоуправления кочевого коллектива.

¹ Артыкбаев Ж.О. Казахское общество: традиции и инновации. Караганда: Полиграфия, 1991.

² Артыкбаев Ж.О. Указ. соч. С. 125.

Большое продвижение вперед в изучении института бийства осуществила А.И. Оразбаева. Профессор, опираясь на материалы исторических памятников и фольклора и другие источники, рассматривает вопросы формирования и развития данного института, выявляет причины его расцвета в эпоху Тауке хана и др. В развитии бийского института отмечается несколько этапов: период ранних кочевых обществ, где бии являлись предводителями родо-племенных объединений, когда бийская власть постепенно усиливала свои позиции, период расцвета бийского института (XVIII в.), когда в нем сосредоточилось все богатое наследие кочевой цивилизации¹.

Основная историческая функция биев – это регулирование родовых отношений и уравнивание аристократической власти хана и демократической власти народа². Человек, который называет себя бием, должен знать не только хозяйственно-экономические, но и духовно-культурные традиции своего народа. Особенно важным считалось уметь вести судебные дела по вопросам – «жер дауы» (земельный спор) и «жесір дауы» (спор о вдовах), так как они затрагивают не только внутреннюю жизнь кочевников, но и интересы защиты рода, духовных ценностей народа. Грамотность в решении судебных дел, умение к месту использовать изобилующую цитатами и поговорками казахскую речь, могли способствовать приближению к званию бия. Однако обладателями почетного и авторитетного звания бия становились не путем выборов или уважения сообщества. На основе «углубленного изучения внутренних механизмов сложения данного института»³ А.И. Оразбаева приходит к выводу о генетической принадлежности соискателей к данной социальной группе, т. е. звание бия передавалось по наследственной линии. Настоящим бием мог стать только тот,

¹ А.И. Оразбаева ограничила рамки диссертационного исследования XVIII веком. Очевидно, это связано с научным интересом исследовательницы, ставившей задачу изучить характерные черты традиционного суда биев.

² Оразбаева А.И. Қазақ қоғамындағы билер институты: тарихи бастаулары, орны және ролі (XVIII ғасыр): тарих ғылым. канд. ... дис. Алматы, 1998.

³ Казахстанский центр медиации [электронный ресурс]. URL: <http://kazmediation.kz/mediation-in-the-world-and-kazakhstan/95-institute-of-fundamental-biy-in-kazakh-society.html>. (дата обращения 11.07.2014).

кто вышел непосредственно из этой социальной группы, где накопление знаний происходило естественным путем, от отца к сыну¹.

Действительно, история казахского народа знает немало примеров, когда этого звания удостаивались те, чьи предки были биями. Так, Айтеке би был предком знаменитого Ораз бия, советника основателя Туранского государства Тимур хана, а Казыбек би родился в семье Келдибек бия. Не являлся исключением и Толе би – его предки на протяжении одиннадцати поколений были известными биями. Эти факты из жизни известных биев позволяют в целом согласиться с позицией А.И. Оразбаевой в вопросе о преемственности бийского звания в казахской среде.

Однако позиция А.И. Оразбаевой вызвала появление работ, в которых этот вопрос трактуется несколько иначе. Например, известный юрист К.А. Алимжан, занимающийся изучением проблем теории обычного права, считает, что «в казахской степи титул “бий” был не столько наследственным или жалуемым, сколько заслуженным почетным званием. Бии не назначались и не избирались, по крайней мере, так было до вмешательства России»². Человек мог пользоваться поддержкой влиятельных лиц, происходить из бийской семьи, но бием он мог стать только в случае всеобщего признания. То есть он должен своими качествами заслужить это почетное звание, требования к которому предполагали честность, справедливость, знание норм обычного права.

Позиции, занимаемой К.А. Алимжаном, придерживаются ученые-историки А. Кузембайулы и Е. Абиль. Они полагают, что теоретически бием мог стать любой представитель «черной кости», однако лишь те добивались признания в роли бия, которые «знали нормы обычного права, обладали

¹ Такого же мнения придерживается казахстанский исследователь Л. Ауэзова, которая в монографии, посвященной изучению творческого наследия казахского писателя М.О. Ауэзова, отметила, что «биями могли быть лишь представители феодально-родовой знати, зачастую их власть передавалась по наследству в рамках рода». См.: Ауэзова Л. История Казахстана в творчестве М. Ауэзова. Учебное пособие. Алматы: Санат, 1997. С. 12.

² Алимжан К. Суд биев как институт обычного права. М.: Мысль, 1999. С. 78.

красноречием и достаточным авторитетом»¹. Ученые добавляют, что хоть в степи и возникали династии биев, считать этот институт наследственным ни в коем случае нельзя.

Полемику по этому вопросу продолжил уже упоминаемый мною выше профессор Ж.О. Артыкбаев, который считает, что у бийского звания есть несколько критериев (всего их десять), соответствие которым позволяло стать его владельцем. Ученый изобразил образ бия эскизно, но ярко. По его мнению, бий – не выбираемая должность, ее добиваются лишь те, кто знает традиции народа, имеет незапятнанную репутацию, не отягощен какими-либо моральными отклонениями, известен народу своими родовыми корнями, уважаемый в своей среде человек; звание бия не зависит от возрастных показателей, им может стать любой, от мала до велика, кто отвечал вышеозначенным требованиям; бий – не наследственное звание, его добиваются, а не передают по наследству. Кандидат, претендующий на звание бия должен обладать не только природными задатками, но иметь глубокий развитый аналитический ум, обширные знания; владеть искусством красноречия, уметь использовать богатство казахского языка, иметь полемические способности, проявлять рассудительность и находчивость при возникновении прецедентных ситуаций; его весомое слово призвано было останавливать конфликты и примирять стороны; быть знатоком истории своего народа, знать родовые шежиры и использовать эти знания при определении меры и сроков наказания.

Тот бий пользовался уважением среди народа, кто умел не доводить конфликт до судебного разбирательства, а решать спор мирным соглашением. Судебный процесс должен был начинаться следующей фразой: «Дау сұрау келдіндер ме? Ақыл сұрау келдіндер ме?» (Пришли конфликтовать или пришли в поисках разума?). Этот процесс предполагал публичность, каждый из присутствующих имел право высказать свое мнение, бий был обязан

¹ Кузембайұлы А., Абиль Е. История Казахстана. Учебник для вузов. 7-е изд. перераб. и доп. СПб.: Соларт, 2004. С. 140.

выслушать обе стороны конфликта и, исходя из сказанного и собственного мнения, вынести окончательное решение. Авторитет бия зависел от его умения справедливо выносить приговор, невзирая на родственные связи, в соответствии с пословицей: «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» (У справедливого бия нет родичей, а если он склоняется в пользу родича в ущерб справедливости, то теряет веру сородичей в него).

В последние годы все больше ученых считает, что звание бия было не наследственным, а предполагало определенные критерии, соответствие которым в принципе открывало дорогу каждому к его получению¹. Например, ведущий российский этнолог профессор А.А. Никишенков отмечал: «Бий становился народным судьей не в результате процедуры избрания или назначения, а вследствие своего авторитета, благодаря которому к нему обращались с просьбой разобрать то или иное спорное дело или преступление. Об этом есть многочисленные свидетельства очевидцев»². Р.Ю. Почекаев также придерживается данной точки зрения: «Весьма любопытно, что бием мог стать практически любой человек при условии, что к нему обратились за разрешением спора, и его решение удовлетворило стороны. Ни социальное положение, ни даже возраст кандидата не играли определяющей роли в выборе»³. Академик С.З. Зиманов считал, что звание бия не передавалось по наследству, но при этом наличие по отцовской линии биев имело существенное значение, как в плане передачи опыта, так и при завоевании общественной известности⁴.

Из всего сказанного следует вывод, что среди современных исследователей по вопросу о преемственности бийской власти единое мнение

¹ Дәдебаев Д. Қазақтың әдет-ғұрып заңындағы бидің орны // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2005. № 2(34). С. 108; Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV–начало XX вв.) // Заңгер. 2008. № 4 (81). С. 52; Зиманов С.З. Казахский суд биев... С. 51; Әлдибеков Ж.С. Қазақстанның XVII ғасырдың соңғы ширегі – XVIII ғасырдың алғашқы жартысындағы саяси-құқықтық қалыптасуы және дамуының тарихи-теориялық мәселелері: заң ғылым. докт. ... дис. Астана, 2010.

² Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Сост., автор вступ. статьи, коммент. и глоссария А.А. Никишенков; под общ. ред. Ю.И. Семенова. М.: Старый сад, 2000. С. 11.

³ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 52.

⁴ Зиманов С.З. Указ. соч. С. 48.

отсутствует. Одна группа ученых уверенно заявляет, что бийский институт имеет наследственные корни, которые позволяли передавать аккумулированные знания внутри одной социальной группы; другая группа полагает, что звание бия признавалось за теми, кто своими индивидуальными особенностями сумел завоевать доверие и престиж среди соплеменников. Обе группы приводят доводы в пользу своих гипотез, однако говорить о превалировании тех или иных научных доказательств не приходится. В свою очередь считаю, что в казахском обществе не существовало закрытой бийской группы, однако, наличие бийских семей, в которых молодые претенденты проходили «школу» подготовки бия, с малолетства получали знания и умения, осваивали тонкости судебной деятельности, участвовали в решении споров, не вызывает сомнения.

«Золотой век» правосудия казахского права

Далее хотелось бы обратить внимание на еще один дискурс, выделенный академиком С.З. Зимановым и активно обсуждаемый в современной историографии – необходимость оценки обычного права казахов как процесса исторического, истоки которого уходят в древность, а время затухания приходится на конец XIX – начало XX вв.

Был ли действительно «золотой век» правосудия и законности на древней земле казахов, о котором нередко упоминали в своих работах крупные дореволюционные ученые А.И. Левшин, Ч.Ч. Валиханов и другие?¹

Академик С.З. Зиманов полагал, что одним из первых судебными преобразованиями в обществе занялся Касым хан (1511–1518/23). Его кодекс «Қасым ханның қасқа жолы» (Светлый путь хана Касыма) повышал роль биев и бийского правосудия, тем самым укрепляя государство и правопорядок среди кочевников. Традиции Касым хана продолжил Есим хан (1598–1628), который закрепил их в своем законодательстве «Есім ханның ескі жолы» (Древний путь

¹ Зиманов С.З. Указ. соч. С. 98.

Есим хана). При Есим хане стали постоянно созываться собрания биев и родоначальников, они играли роль совещательного органа и принимали участие в решении государственных вопросов. Тауке хан сумел соединить накопленный правовой опыт своих предшественников – в своей внутренней и внешней политике хан опирался на биев. При нем регулярно созывались съезды биев трех жузов, был принят законодательный документ «Жеты жаргы», который значительно упрочил позиции биев, повысил их роль в казахском обществе; при нем бии стали обладателями практически всех ветвей власти¹.

Таким образом, анализ политической ситуации данного периода привел С.З. Зиманова к выводу, что «золотой век» бийского правосудия приходится на правление Тауке хана. В этот период институт бийства характеризуют следующие черты: «Знание и постижение бием-судьей основных и трансфертных норм и логики обычно-правовой системы кочевого общества казахов; неподкупность суда и судьи; справедливость как суть и моральная ориентация судебных решений; гласность, доступность и публичность суда; владение судьей ораторским искусством как средством доказывания и обоснования судебного решения; направленность и ориентированность суда на установление гражданского мира и достижение мирового соглашения между сторонами»². Более того, академик считал, что суд биев в силу своей нравственности и демократичности был народным, а значит, являлся судебной системой *общецивилизационного* (выделено мной. – Ж. М.) значения. Также академик С.З. Зиманов полагал, что суд биев своими ценностными и нравственными установками способствовал укреплению Казахского ханства, стабилизации внутри- и межродовых отношений, содействовал единству казахского народа.

¹ До этого времени биям предоставлялось право рассматривать частноправовые споры, касающиеся в основном внутриродовых конфликтов, все остальные дела передавались на рассмотрение хана и султанов. «Жеты жаргы» предоставил биям право судить представителей «белой кости» – чингизидов. Например, в 1748 г., после того как Барак султан убил хана Младшего жуза Абулхаира, он обратился к биям трех жузов, которым доверил решение своей дальнейшей участи.

² Зиманов С.З. Указ. соч. С. 106.

Однако не все исследователи придерживаются данной научной позиции. Мнение определенной части гуманитарной интеллигенции Казахстана выразил известный казахский писатель, знаток традиционного нарратива казахов Мухтар Магауин. В своих произведениях «Азбука казахской истории» (1997), «Смутное время: Исторический роман» (1998), «Кобыз и копые. Повествование о казахских акынах и жырау XV–XVIII веков» (2003) и других он иначе рассматривает вопрос о роли и значении института биев в казахском обществе в XVII–XVIII вв.

Рубеж XVII–XVIII вв. – время беспокойное и опасное для казахского народа. Непрерывающиеся казахско-джунгарские войны опустошили казахскую степь, привели к бесчисленным материальным и моральным бедствиям. Успехи казахского хана Салкам Жангира (1643/45–1652) в войне с джунгарами, кончина основателя Джунгарского ханства – Батура хунтайджи (1634/35–ок. 1660), приход к власти его сына безвольного Сенге, внутриджунгарские противоречия не принесли для казахов ожидаемого облегчения. Казахское ханство в этот период могло окончательно разгромить своего грозного восточного соседа и обеспечить себе мир на ближайшие годы, однако этого не произошло. М. Магауин связывает причины превращения Казахского ханства в «слабеющую и рыхлую структуру»¹ из-за прихода к власти биев и баев. То есть в целях усиления государственной централизации и личной власти Тауке хана власть передается от торе-чингизидов к представителям «черной кости».

Анализируя функционирование ханской власти на территории казахских земель, М. Магауин отмечал, что она на протяжении всей истории Казахского ханства была сильной и особо почитаемой народом. Возглавляя родовые единицы, султаны заботились о своем народе, каждый из них на основе принципа меритократии, теоретически, мог быть избран ханом, но если хан не

¹ Магауин М. Азбука казахской истории: документальное повествование. Алматы: Қазақстан, 1997. С. 77.

оправдывал надежд народа, его могли сместить по обычаю, который назывался «хан талау»¹.

Высоко оценивая роль султанов в обществе, М. Магауин считал, что отстранение султанов от управления привело к окончательному распаду Казахского ханства. В свою очередь, перемещение центра управления жузами в руки шести биев: Толе би из рода Уйсун, в Среднем жузе – Каздауысты Казбек би, в Младшем жузе – Айтеке би из рода Алшын, у киргизов – Караш би, у каракалпаков – Сасык би, у курама – Мухамед би, привело к ослаблению власти Тауке хана. Усиление власти биев привело к нарушению традиции султанского управления родовыми структурами, к превращению биев в серьезную политическую силу, которая заботилась в основном о делах своего улуса, рода². То есть бийская группа не выходила за рамки узких родовых интересов, что в конечном итоге служило причиной ослабления всего общества. Более того, М. Магауин полагает, что бии в своих интересах, влияя на институт избрания ханов (так, после смерти Тауке хана были избраны ханами Каип (1715) и Болат (1718) – мягкотелые и слабохарактерные чингизиды, которые устраивали «элиту черной кости»), «своими бессмысленными делами, недальновидностью еще больше приблизили позорную, рабскую эпоху, тот вероятный смертный час, когда над всей нацией нависла опасность исчезнуть с лица земли»³.

Позволим себе привести небольшой отрывок из книги М. Магауина: «“Элита нации” оказала Казахской Орде медвежьё услугу: несмотря на то, что не только сама, но и вся страна на краю пропасти, она почему-то оказалась “верной” традициям предков; буквально недавно, когда на чашу весов была

¹ Хан, не оправдавшего доверия народа, наказывали путем «хан талау» – народ отбирал все его имущество. Такое решение выносилось не сразу, а лишь после неоднократных предупреждений и замечаний. См.: ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1608. Л. 22–22 об. Иначе описывает этот обряд С.Е. Толыбеков: «Казахского хана избирали почетные представители родов. Эти родоправители на большом сходе поднимали хана на белой кошме. Потом эту кошму или снятую с хана одежду разрезали на мелкие куски и каждый брал по кусочку в знак своего участия в избрании хана. После этого они расходились по домам, захватив с собой весь ханский скот. Этот акт называется “хан-талау” (буквально: ограбление хана) и означал, что избранный хан теперь ничего своего не имеет и переходил как бы на содержание народа». См.: Толыбеков С.Е. Кочевое общество... С. 353.

² Магауин М. Указ. соч. С. 89.

³ Там же. С. 96.

поставлена сама жизнь, правители, нарушив древний обычай, избрали главнокомандующим выходца из “черного” народа Бокенбая, теперь же на ханский трон они не допустили прямого потомка Аз-Жанибек-хана Абулхаира, мотивируя тем, что он представляет младшую ветвь казахских султанов, то есть, менее благородного происхождения»¹. Автор склонен считать, что подобного рода «эксперименты» с выборами ханов привели к появлению сепаратистских устремлений султанов, которые противились решениям съездов биев.

Конечно, подход М. Магауина интересен и тем более подкреплен историческими фактами. Однако полагаем, что имеет место использование фольклорного нарратива с целью преувеличения роли биев в кризисе Казахского ханства. Скорее всего, существовал комплекс причин, как внешних, так и внутренних, приведших к «смертному часу» казахов. Вместе с тем, несмотря на то, что позиция ученого в отношении бийского института эмоционально насыщена, она нестандартна и лишней раз доказывает желание ученых Казахстана отойти от официальных клише и нетривиально трактовать узловые моменты истории.

В целом подавляющее большинство казахстанских авторов при исследовании дореформенного института биев (т. е. до реформ XIX в.) придерживаются единой позиции: суд биев – судебный институт, достигший своего расцвета в эпоху Тауке хана, судьи – выдвиженцы из народа благодаря своим личностным качествам, знанию норм адата, традиций и культуры народа. Однако существует мнение М. Магауина, который не склонен преувеличивать роль биев в повседневной жизни казахского общества, но в переломные периоды истории отводит биям ведущую роль. Ученый смотрит на этот вопрос с позиции оценки вклада биев в сохранение казахской государственности в сложный период истории казахского народа.

¹ Там же. С. 96.

Суд биев в пореформенный период

XVIII–XIX вв. стали переломными в истории Казахстана. Законы хана Тауке, действовавшие на территории степей и регулировавшие отношения между общинниками, регламентировали все социальные и политические институты общества в дореформенный период. Они способствовали координации межродовых отношений, которые, в свою очередь, служили основанием для стабильности социума. В 30-х гг. XVIII в. начался сложный, противоречивый процесс вхождения казахских земель в состав Российской империи, что в результате привело к расширению ее юго-восточных границ. С 20-х гг. XIX в. российское правительство приступило к реорганизации административно-политической структуры казахского общества путем реформ, цель которых – максимально возможная адаптация традиционного общества казахов к общеимперской системе управления. Реформы затронули все стороны жизни степняков и ко второй половине XIX в. начали менять кочевую структуру общества.

Аналізу реформ, их формам и методам в зависимости от региональных особенностей, итогам претворения в жизнь административных изменений посвящено на сегодняшний момент немалое количество работ. Исследователи по-разному интерпретируют цели и задачи метрополии в крае, итоги реформ также получают различную оценку. Остановимся на исследованиях, в которых процесс колониальных реформ получил достаточно аргументированное освещение, выводы и положения которых весьма ценны для понимания вопросов изменения статуса и роли биев в казахском обществе.

В целом исследователей института бийства можно условно поделить на две группы: тех, кто считает, что реформы XIX в. в некоторой степени были преждевременными, где-то непродуманными, что они отрицательно сказались на институте биев, который являлся одним из основных общественно-правовых институтов, что, в конечном итоге, привело к его трансформации и упадку; и тех, кто полагает, что реформы империи в крае – необходимая

реальность, которая позволила казахскому краю включиться в орбиту капиталистических отношений России, в которых традиционное обычное право закономерно должно было уступить место мировым судам общеимперского образца.

О несоответствии норм обычного права казахов и русского законодательства образно говорит Абаю один из персонажей романа М. Ауэзова «Путь Абая» русский адвокат Андреев: «Лошадь шарахается от верблюда, а верблюд сторонится лошади... Мы и в самом деле похожи на них... Однако не только мы с тобой такие. Вот стоит свод законов, а там,— он махнул рукой к окну, — киргизская степь с ее обычным правом. И они так же смотрят друг на друга, ничего не понимая»¹. Ситуация правового плюрализма, которая начинает развиваться в крае с началом российской колонизации, позволяет четко обозначить складывавшиеся отношения между колонией и метрополией. В данном случае, судебные реформы российского правительства, основанные на российских ценностях, были либо отвергнуты казахским кочевым обществом, либо приводили к искажению его внутреннего мира и его вековых ценностей.

Одной из ранних работ по вопросу о реформировании суда стало исследование Ж.О. Артыкбаева. Разделяя процесс колонизации казахских земель на несколько этапов, ученый отмечает, что начальная колонизация не сильно отразилась в системе обычного права казахов. Оно по-прежнему оставалось регулятором общественной жизни казахов. Однако введение в степи «Уставов...» 1822 и 1824 гг. только начинает процесс неблагоприятного воздействия реформ на правовое поле суда, ограничивая его компетенцию, что приводит к снижению его статуса. Особенно Ж.О. Артыкбаев заостряет внимание на реформе 1854 г., согласно положениям которой *«Звание биев может быть предоставлено только султанам, аульным старшинам, служившим не менее шести лет, и вообще всем лицам Всемилостиво либо*

¹ Ауэзов М. Путь Абая. Алма-Ата: Жазушы, 1978. Кн. 1. С. 347.

награжденным или отправляющим какие-либо должности, правительственно утверждаемые» (курсив автора. – Ж. А.). Хотя эти меры и не затронули основ традиционной культуры, ценностей и поведенческих стереотипов, но подорвали основы традиционной власти, делает вывод ученый.

По мнению Ж.О. Артыкбаева, введенная выборная система суда вызвала сильнейшую деградацию общества как в институциональном, так и нравственном плане¹. Это связано с тем, что многоступенчатые выборы волостных управителей и биев были совершенно чужды казахскому обществу, так как казахи при выдвижении лидеров руководствовались принципами генеалогического родства. Деление казахских земель реформами 1867–1868 гг. по административно-территориальному принципу привело к смешению генеалогически неблизких родовых коллективов, что способствовало возникновению очагов напряженности, особенно в период выборных кампаний.

К середине XIX в. в Казахстане сложились две различные судебные системы: новая власть в виде окружных приказов, со всеми необходимыми атрибутами власти (администрация, полиция, суд, в который казахи могли обращаться, минуя суд биев), и традиционная, основанная на обычном праве.

С одной стороны, реформы второй половины XIX в. 1886, 1891, 1898 гг. значительно сужали компетенцию бийского суда. С другой стороны – в Казахстане на протяжении XIX в. наблюдалось расширение сферы влияния шариата – свода норм мусульманского права. Однако, как считает Ж.О. Артыкбаев, невзирая на проводимые судебные переустройства, имперскому правительству уничтожить суды биев не удалось, они продолжали функционировать.

Аналогичной позиции в трактовке последствий проводимых царизмом реформ придерживается и казахстанский исследователь М.Т. Баяндаров².

¹ Артыкбаев Ж.О. Казахское общество: традиции и инновации. Караганда: Полиграфия, 1991. С. 114.

² Баяндаров М.Т. Основные черты и особенности судебно-правовой реформы 1898 года в Казахстане: дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2001.

Изучая правовую реформу 1898 г. в Казахстане, ученый отмечает, что введенная выборная система «приводила к тому, что биями-судьями обычно становились люди, не знающие норм казахского обычного права, не обладающие достаточными личными качествами, но принадлежащие к партии победившего на выборах волостного управителя, и поэтому часть населения из партии, потерпевшей на выборах поражение, подвергалась незаконным судебным преследованиям и присуждалась к различным наказаниям»¹. К тому же вновь выбранные судьи, далекие от традиционного суда биев, не знали норм древнего казахского суда, что в свою очередь порождало многочисленные жалобы, приводило к хаосу, запутанности и недоверию со стороны населения к новому суду биев.

Вопросы судебного переустройства казахского края нашли отражение в исследовании С.Г. Агаджанова и В.В. Трепавлова, которые в результате сравнительного анализа административно-судебных реформ XIX в. отмечают, что, несмотря на проводимые мероприятия, суд биев действовал до 1917 г.².

Аналогичные проблемы и ряд новых отражены в работе, составителем которой является А.А. Никишенков³. Исследователь сделал довольно подробный анализ сложившейся правовой ситуации в крае и подчеркнул, что российская администрация в XIX в. стремилась сохранить и приспособить для своих нужд традиционные судебные институты. Для этой цели она внедрила целый ряд законодательных актов, начиная с «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. были опубликованы «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» 1846 г., «Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» 1867 г., «Временное положение об управлении Степными областями» 1868 г., «Проект генерал-адъютанта фон Кауфмана» 1871 г. и 1873 г., «Проект положения об управлении Туркестанским краем»

¹ Баяндаров М.Т. Судебно-правовая реформа 1898 года в Казахстане и суд биев // Саясат. 1998. С. 85.

² Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. С. 270.

³ Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Сост., автор вступ. статьи, коммент. и глосс. А.А. Никишенков / Под ред. Ю.И. Семенова. М.: Старый Сад, 2000.

1874 г., «Проект генерал-лейтенанта Колпаковского» 1881 г., «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г. и 1892 г., «Положение об управлении Степными областями» 1891 г., «Проект временных правил о суде киргизов» 1910 г. и многие другие документы. Почти все они не были утверждены высшими законодательными органами империи и не имели силы закона, за исключением разве что «Положения об управлении Туркестанского края» 1892 г., которое также было весьма несовершенным законодательным основанием для согласования имперской и «туземной» судебных систем¹.

Сосуществование двух разных правовых систем – общеимперского законодательства и традиционного суда биев было весьма сложным. Ученый отмечает, что устами биев говорил обычай, не признавать который и не подчиняться которому было невозможно. Суд биев не знал посредников в виде писцов, переводчиков, не имел письменной фиксации правовых решений. Он был прост, гибок, вариативен, текуч. Новые регламентирующие документы (протоколы, выписки, судебные книги и т. д.) значительно усложняли процессуальные нормы традиционного суда. Подобного рода нововведения, по мнению ученого, способствовали появлению новых качеств в социальной структуре казахов, которые проявились и в судебно-правовых институтах.

В дореформенный период равновесие в обществе обеспечивалось интересами групп, которые в случае посягательства своих прав могли откочевать на другую территорию, либо отстаивать свои интересы вооруженным путем. Родовые предводители групп были вынуждены считаться с интересами своей родовой группы, в противном случае, потерпевшая сторона могла законным путем потребовать компенсации в виде барымты. Выборное начало, введенное правительством Российской империи, привело к изменению расстановки политических сил. Теперь родоправители, зажиточные и почетные казахи имели возможность войти в состав низового звена российской администрации в качестве чиновников, что приводило, в свою очередь, к тому,

¹ Степной закон... С. 11.

что они выходили из юрисдикции судов биев. Более того, став чиновниками низового звена, они могли оказывать влияние на выборную систему, в том числе, на выборы биев. Сложившаяся система сдержек эгоистических устремлений родовой элиты – барымта со временем стала преследоваться российским правительством, и была поставлена вне закона.

А.А. Никишенков приходит к выводу, что на протяжении XIX в. адат постепенно утрачивал свои позиции под давлением общеимперского законодательства, однако это не означало, что он «вымывался» из народного правосознания, так как народное правосознание и судебно-правовая система – это не одно и то же.

Одним из элементов процесса трансформации адата и изменения традиционного правосознания казахов являлись введенные во второй половине XIX в. чрезвычайные съезды биев. Оказавшись в руках местной администрации в лице уездных начальников, они превратились в законодательные органы (что противоречило традиционному правосознанию), вводящие новые нормы в виде судебных прецедентов, и в виде письменных постановлений, которые у казахов получили название «ереже»¹.

Эта же мысль прослеживается в работе Л.Ф. Поповой, которая считает обычное право важным механизмом для воспроизводства этнического самосознания казахов на всех его уровнях, а также одним из каналов поддержания понятия «мы – казахи»². Сложившаяся ситуация правового плюрализма (имперское законодательство и обычное право) деформировала внутренние отношения казахского социума, обострив при этом чувство «мы – они».

Исследователь пытается понять, почему казахи отрицательно относились к вводимому российскому законодательству, и сопоставляет две правовые системы по ряду вопросов. Например, отношение спорящих к бию были

¹ Степной закон ... С. 14.

² Попова Л.Ф. Обычное право как фактор этнического самосознания казахов XIX века // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. СПб.: МАЭ РАН, 2002. С. 37.

лично окрашены, так как они его сами выбирали, в то же время государственный суд был механизмом, который был далек от родственных чувств, его мало заботил субъективный фактор при решении судебного спора. Если цель бийского суда – примирить конфликтующих и удовлетворить прежде всего морально сторону истца, то имперский суд ставил задачу наказать преступника за содеянное. Если бийские суды ограничивались штрафом, в самом крайнем случае, публичным позором обвиняемого, то официальный суд применял различные меры наказания, вплоть до лишения свободы, высылки, заключения под стражу. Следственные мероприятия, проводимые имперскими органами дознания, вызывали у казахов тревогу и недоверие, поскольку по нормам обычного права сторона потерпевшего сама проводила подобного рода мероприятия. На этой основе исследователь приходит к убеждению: между этими системами существовала огромная мировоззренческая пропасть.

Л.Ф. Попова считает, что в конце XIX в. имперская власть, убедившись в невозможности поставить обычное право казахов в подчиненное праву метрополии положение, делает ему уступку. Ученый, к сожалению, не уточняет какую, однако считает, что Положение 1868 г. расширило полномочия народного суда биев¹.

Иного мнения придерживается казахстанский юрист С. Узбекулы, считающий, что реформы 1867–1868 гг. ликвидировали институт биев, на смену которому пришли чиновники, избираемые на три года: «Цель пропагандируемой политики заключалась в отстранении от процесса управления обществом уважаемых народом людей, замене их невежественными, продажными чиновниками, действующими по принципу “разделяй и властвуй”»². С 1891 г. звание «бий» было вовсе выброшено из номенклатуры «народных судов». Данное обстоятельство, по мнению ученого,

¹ Там же. С. 36.

² Узбекулы С. Право кочевой цивилизации казахов. Алматы: Мектеп, 2002. С. 122.

привело к падению престижа судебной власти в обществе, а обычно-правовые нормы постепенно были вытеснены российскими законами.

Известный специалист В.В. Трепавлов в связи с «уходом с исторической сцены марксизма-ленинизма», формулирует новые аспекты в проблеме исторического пути России¹. Одним из вопросов, который должен стать объектом пристального внимания – многонациональность Российского государства. При этом исследователь обращает внимание научного сообщества на изучение вклада коренных этносов в развитие России. Во многом ответом на поставленные вопросы явилась статья крупного специалиста по истории Казахстана Н.Е. Бекмахановой. Исследователь обращает внимание на то, что процесс присоединения новых территорий к России был достаточно длительным, при этом власти «приходилось согласовывать традиционные национальные правовые системы, и разный уровень правосознания, который принципиально отличался в Финляндии, Польше, Прибалтике, на Украине, в Бессарабии, Сибири, Поволжье, Казахстане, Средней Азии, Закавказье, на Северном Кавказе. Процесс правовой унификации вел к нарастанию противоречий, служил одной из причин многочисленных волнений в национальных районах»². Н.Е. Бекмаханова и Н.Б. Нарбаев приходят к выводу, что с момента развития восточной правовой системы в рамках Российской империи вырабатывается евразийская модель новой правовой системы, что в свою очередь способствовало объединению центра и периферии. Также ученые замечают, что «связь бийских судов с официальными органами власти и надзор за их деятельностью со стороны последних привели к фактическому их слиянию»³. Идеи Н.Е. Бекмахановой были продолжены в следующем издании¹.

¹ Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / Отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003. С. 3.

² Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / Отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003. С. 27.

³ Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б. Присоединение казахских племен к Российской империи и административные реформы в XVIII – середине XIX в. // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 59.

О значительных политических, социальных и экономических изменениях в казахском обществе во второй половине XIX — начале XX века, повлекших прекращение функционирования традиционных патронимических и потестарных организаций на высших таксономических уровнях и трансформацию на низших, говорится в работе специалиста по вопросам седентаризации казахов в дореволюционный период А.Ю. Быкова².

Реформы М.М. Сперанского с целью унификации законодательства в отношении кочевников формально приравнивали их к гражданам Российской империи: «Казахи получили право изменять свой правовой и социальный статус, вступая в казачество, приписываясь к купечеству, получив дворянский титул за службу или особые заслуги. На всех жителей были распространены новые судебные системы, при сохранении значительной автономии в решении внутриобщинных вопросов»³. Автор отмечает, что в этот период социальный статус в казахском обществе начинает определяться не столько происхождением, сколько материальным благосостоянием и хозяйственным (цивилизационным) положением. Социальные группы вследствие этого утратили свои особенные кастовые черты.

Факт потери статусного положения, по мнению ученого, коснулся также суда биев. Недоверие к этому новому суду было настолько велико, что «казахи даже стали биев по должности именовать “судом печатных”, так как они были снабжены печатями»⁴, более того, постепенно число обращений к имперскому суду увеличивалось.

В первой половине XIX в. перед правительством возникла задача выработки «поливариантного законодательства для каждой окраинной

¹ Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. историко-географическое исследование. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015.

² Быков А.Ю. Проблема седентаризации в политике России в Казахстане XVIII – начала XX в: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2001. С. 215.

³ Быков А.Ю. Указ. соч. С. 126

⁴ Там же. С. 204.

территории», сообщает исследователь Е.В. Безвиконная¹. На основании этого положения, автор высказывает мнение о том, что Устав о сибирских киргизах (1822) закрепил за султанством то положение, «которого они в начале XIX века уже не имели в силу наличия тенденции к постепенному падению их авторитета в среде казахского общества»².

Е.В. Безвиконная отмечает, что в современной историографии зафиксировано два подхода к вопросу о существовании системы выборов среди казахов. Первый подход реализуют те, кто считает, что в традиционном обществе казахов отсутствовали исторические корни выборной системы (М. Красовский, Ж.К. Касымбаев и др.); другая группа исследователей (второй подход) – сторонники наличия древнейшей выборной традиции у кочевников (А. Левшин и др.). Сама же автор считает, что «архивные источники неоспоримо свидетельствуют о существовании традиции выборов ханов, биев в среде кочевников в XVII–XIX вв., но механизм ее осуществления скорее можно рассматривать как назначение на почетную должность заранее определенного числа, при отсутствии как таковой процедуры выборов (голосования)»³.

Е.В. Безвиконная считает, что в первой половине XIX в. административно-политическое и социально-экономическое положение в казахской степи способствовало проведению реформ, кроме того они были обусловлены стремлением Российского государства отстаивать свои интересы на присоединенной территории, которая рассматривалась как плацдарм для азиатских инициатив российской администрации. К внутривнутриполитической ситуации в крае автор относит: ослабление власти ханов и усиление децентрализаторских и сепаратистских тенденций в родовых объединениях; нарастание межродовых противоречий в результате борьбы за власть родовой

¹ Цит. по: Дамешек И.Л. Окраинная политика России в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998. С. 14.

² Безвиконная Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-е гг. XIX в. Омск, 2005. С. 104.

³ Безвиконная Е.В. Указ. соч. С. 47.

аристократии (султанов и биев) и сохранения обычая барымты; внешнюю угрозу со стороны среднеазиатских ханств и Китая; регулярные набеги кочевников на приграничные районы империи, которые создавали почву для возникновения конфликтов между кочевниками и жителями «приграничных районов»¹.

Достаточно подробно Е.В. Безвиконная рассматривает вопросы реформирования в степи в соответствии с проводимыми мероприятиями российского правительства, законодательной основой которых является «Устав о сибирских киргизах» (1822 г.).

В соответствии с Уставом административная система управления в крае выглядела таким образом: старшины управляли аулами, султаны – волостями, старшие султаны – округами (всего округов было семь), т. е. среднее и высшее звено этой структуры занимали представители «белой кости» – султаны. В начале реорганизации управления российская администрация делала упор именно на эту группу, считая ее авторитетной, а потому и полезной для проводимых мероприятий. Правительство закрепляет ряд преимуществ султанского сословия: наследственное право на владение землей и имуществом, право наследования почетного звания волостного управителя на основе принципа первородства; освобождение от налогов и телесных наказаний. Однако последующие реформы отразили тенденцию падения авторитета султанского сословия, и напротив, усиления биев, которые получили не только судебную, но и административную власть, сохранив уважение и доверие своих соплеменников².

Е.В. Безвиконная обратила внимание на ряд важных проблем, касающихся истории института биев в пореформенный период, отмечая, что сибирская администрация в лице М.М. Сперанского и других царских чиновников продуманно и осторожно подходила к процессу изменения системы управления степным краем.

¹ Там же. С. 55.

² Там же. С. 174.

Е.В. Безвиконная считает, что на протяжении всего XIX в. принципы обычного права не только сохраняют свое ведущее значение в отношениях между кочевниками, но и постепенно начинают влиять на российское судопроизводство в крае, последнее обстоятельство заставило сибирскую администрацию внести в него необходимые коррективы. Так, «окружные приказы продолжали рассматривать барымту в качестве искового преступления, несмотря на законодательное закрепление ее уголовного характера, поэтому военный губернатор области сибирских киргизов 5 декабря 1851 г. издал приказ «“О предоставлении приказами подробных сведений о значении термина “баранта” и инициировал в областном правлении дискуссию по вопросу необходимости смягчения наказания за данные проступки». Кроме того, по мнению автора, «широкое распространение получила практика обращения в суд биев представителей казачьего сословия. По сводным данным окружных приказов с 1855 по 1865 гг. подобных случаев было зафиксировано 303, в то время как случаев подчинения русских и казаков в частности было всего 7»¹.

В то же время правительство России целенаправленно проводило курс на постепенное вытеснение традиционного народного суда биев из числа действующих правовых институтов, причем прямые методы вытеснялись косвенными, например, введением альтернативной судебной инстанции – института присяжных биев. Однако, по мнению Е.В. Безвиконной, эти меры не возымели реального действия, так как сохранение «традиционного суда биев было вызвано его высоким авторитетом среди кочевников и большой эффективностью по сравнению с громоздким российским судопроизводством. В данных обстоятельствах становилось совершенно очевидно, что ликвидация суда биев создаст угрозу социальной стабильности в регионе, спровоцирует волнения и конфликты, направленные против российской власти»². К тому же изменения в правовой сфере носили поверхностный характер – принцип

¹ Безвиконная Е.В. Указ. соч. С. 160.

² Там же. С. 162.

сосуществования российских институтов управления и родоплеменных форм жизни казахского общества сохранил ведущее положение вплоть до XX в.

Рассмотрение изменений в правовой культуре казахов, анализ создавшегося в ходе административно-политических и правовых реформ XIX в. поля правового плюрализма в казахской степи произведены Е.В. Безвиконной с надлежащей полнотой и аргументированы историческими источниками. И теперь, скорее всего, ни один исследователь казахско-русских отношений в целом и других вопросов дореволюционного периода Степного края, не сможет обойтись без заключений и наблюдений этого ученого.

Весомый вклад в изучение института биев внесла О.И. Брусина – этнолог, специалист по истории и проблемам русскоязычного населения Средней Азии, межнациональным и социальным отношениям в центральноазиатском обществе¹. Исследуя проблему народных судов в Туркестане после его присоединения к России (в середине XIX в.), ученый отмечает, что «Николай I и его окружение боялись придать легитимность местным правовым и социальным обычаям, формализуя их кодексы»² отчасти из-за реакции на народные волнения на окраинах империи. В результате сбор и систематизация обычно-правовых кодексов проводились скорее в научно-познавательных целях, нежели в практических.

Одним из проявлений реформирования народного суда служит большое количество жалоб населения, подаваемых в местную администрацию. Причину этого явления О.И. Брусина видит в том, что российская администрация, вводя в степи новые «правила игры» нарушила то общественно-социальное равновесие, которое обеспечивало функциональность кочевой системы. Речь

¹ Брусина О.И. Русское население Средней Азии до и после распада СССР // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М., 1995. С. 148–158; Она же. Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1996. № 94; Она же. Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1996. № 90; Она же. Социально-правовые системы новых среднеазиатских государств в контексте теории правового плюрализма // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 152; Она же. Славяне в Средней Азии: Этнические и социальные процессы: Конец XIX – конец XX вв. М.: Вост. лит., 2001; и др.

² Брусина О.И. Почему Николай I боялся легитимировать казахские адаты // ЦентрАзия [сайт]. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1340000580> (Дата обращения 01.07.2014 г.).

идет о барымте. Являясь правовым институтом, позволявшим слабой стороне апеллировать к суду биев в отношении действий обидчика, барымта, на самом деле, служила системой равновесного распределения сил между различными родовыми коллективами и достаточно жестко пресекала попытки нарушить эту гармонию. Признание российским законодательством барымты в качестве уголовно наказуемого преступления открыло путь к новому явлению – доносительству, что являлось «вполне естественным стремлением проигравшей дело стороны добиться более благоприятного решения»¹. Попытки чиновников контролировать бийские суды с помощью института апелляции или бийских книг, в которых должны были учитываться все поступающие на рассмотрение дела и другие административные меры, не возымели успеха. В таких условиях, как замечает автор, русская власть не имела возможности эффективно контролировать не только деятельность судов биев, но и порядок и уровень преступности среди местного населения.

Значительный интерес представляют исследования и публикации по социально-правовым преобразованиям в Степном крае исследователей, положения и выводы которых весьма ценны для понимания сущности и характера коренных изменений в пореформенный период в казахском обществе².

¹ Брусина О.И. Контроль русской администрации над судами по адату. Попытки кодификации казахского обычного права в Российской империи. Часть 3 (Окончание) // ЦентрАзия [сайт]. URL: <http://central-eurasia.com/central-asia/?uid=1502> (Дата обращения 01.07. 2014 г.).

² Андабеков Ш. Билердің төтенше съезі: оның құрылымы мен билік шешімдері: заң ғылым. канд. ... дис. Алматы, 1995; Ибраева А.О. О некоторых особенностях правовой культуры казахского народа // Правовая реформа в Казахстане. 2003. № 3(2). С. 27–31; Кадиркулова Г.К. Политико-административное развитие Семиречья в 1867–1917 гг. // Вестник КазГУ. Серия ист. 2003. № 2(29). С. 46–48; Кундакбаева Ж. Проблема политики России в Казахстане в XVII–XIX вв. в отечественной историографии // Вестник КазГУ. Серия истор. 2003. С. 82–86; Едильханова С.А. Казахско-джунгарские взаимоотношения. Алматы: Дайк-Пресс, 2005; Ерменбаева Г.К. Социально-исторические преобразования органов местной власти (на примере казахов Оренбургского ведомства в 20-60-х годах XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2006; Джампеисова Ж.М. Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана, 2006; Балгозина Р.О. Материалы съездов биев как источник по истории эмансипации женщин // Вестник КазНУ. Серия истор. № 3(46). С. 8–14; Ахмеджанова Г.Б. К вопросу о социальном и правовом положении биев в обычном праве казахов // Ғылым. 2008. № 3(18). С. 54–59; Ахмеджанова Г.Б. К вопросу об институте присяги в обычном праве казахов // Фемида. 2008. № 6 (150). С. 26–30; Ермұқанов Е. Болыстың билер съезінің қызметі және онда орын алған келенсіздіктер // Евразийское сообщество. 2008. № 2(62). С. 78–81; Сартаев С.С. Казахский суд биев и его цивилизационное значение // Вестник КазНУ. Серия юрид. 2008. № 4(28). С. 152–156; Бейсенбаева М.Т. Ақтайлақтың төтен би ретіндегі қызметі // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2008. № 4(48). С. 178–181; Федотова И. Суд биев как демократический институт отправления правосудия в казахском традиционном

Так, например, Г.К. Ерменбаева, так же как и Е.В. Безвиконная, считает, что попытки российского правительства коренным образом реформировать традиционную систему властных отношений в кочевом обществе, в конечном счете, оказались малопродуктивными, так как глубоко укорененная в номадной культуре родоплеменная организация казахов довольно успешно адаптировала эти инновации¹. Г.К. Ерменбаева отмечает, что в ходе реформ сложился своеобразный симбиоз новой колониальной структуры власти и традиционного института родоуправителей, «при этом необходимо признать, что власть родоуправителей и старшин была гораздо авторитетнее, чем власть новых официальных ставленников»².

Одной из главных проблем колониальных властей в Степном крае в рассматриваемый период, по мнению Ж.М. Джанпеисовой, было определение меры соотношения российского присутствия в правовой сфере и судов биев. Имперская администрация проводила мероприятия, нацеленные на поддержание положения султанского сословия как опоры будущих мероприятий российского правительства в крае. Однако реформы 1820-х гг. не выполнили этой задачи, и случаи избрания на должность волостного управителя лиц из «черной кости» – старшин и биев – встречались довольно часто. Для подтверждения своего тезиса Ж.М. Джанпеисова приводит примеры. Первый – запрос вдовы хана Среднего жуза Вали ханши Айганым, отправленный в 1828 г. в российскую администрацию, в котором выражается беспокойство тем, что «многие волости атыгаев, кереев и уаков управляются представителями не ханского сословия»³. Вдове администрация края отвечала,

обществе // Вестник Челябинского гос. ун-та. Научный журнал. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2006. № 3. С. 134–137; Султангалиева Г. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // Acta Slavica Iaponica. Tomus 27 (2009). pp. 77–101. Journal of Slavic Research Center, Hokkaido University; Есіркенова Ж.О. XIX ғасырдың бас кезіндегі Кіші жүздегі саяси жағдай және Өзберген би // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2010. № 1(56). С. 69–73; Әлдибеков Ж.С. Қазақстан Республикасы мемлекет және құқық тарихы (дәрістер жинағы). Алматы: Жеті Жарғы. 2012; Даутов Т.Г. Эволюция и развитие обычного права казахов // Бюллетень КазНУ. 2012. № 3(63). С. 21–23; Кумганбаев Ж.Ж. Система управления Туркестанским регионом (конец XIX века – начало XX века) // Вестник КазНУ. Серия истор. 2012. № 4(67). С. 65–70; и др.

¹ Ерменбаева Г.К. Указ. соч. С. 48.

² Там же. С. 26.

³ Джанпеисова Ж.М. Указ. соч. С. 131.

что влияние некоторых биев и старшин было настолько велико, что они не хотели находиться под чьим-то управлением. Другой пример: известный бий Среднего жуза, управитель Тортоульской волости – Шон Едигин, отказался находиться под властью султанов Букеевых в Каркаралинском округе. В результате в 1826 году был открыт отдельный Баян-Аульский внешний округ, в котором старшим султаном был назначен Шон Едигин¹.

В результате проведения реформ второй половины XIX в. суды биев влились в систему имперских судов, что соответствует § 181 реформы 1867 г., в котором народному суду было дано следующее определение: «Народный суд у киргизов есть разбор дел, по народным обычаям, wybranными судьями – биями»². Этот параграф, как считает ученый, нарушал главный принцип бийского суда – третейство, когда судья избирался сторонами добровольно, а сам он был незаинтересованной и нейтральной стороной. В следующих параграфах, посвященных народному суду, бии рассматривались как чиновники колониальной администрации, которые сначала должны были пройти выборы, а затем получить утверждение в должности военными губернаторами³.

Реформы 1867–1868 гг. сохранили суд биев в качестве низшей судебной инстанции, существенно сократили его функции, ограничив их наименее важными преступлениями; но способствовали разрушению основных принципов функционирования бийского института: третейства, простоты и гласности, отсутствию волокиты и бумаготворчества. Новые «народные» суды были поделены на различные уровни: единоличный суд биев, волостной съезд биев, чрезвычайный съезд биев, и подразумевали выборную процедуру, что сопровождалось развитием коррупции суда и падением авторитета биев. Практика вмешательства административных властей в лице волостных управителей, уездных начальников в судебный процесс приводила к

¹ Там же. С. 132.

² Там же. С. 204.

³ Там же. С. 204.

недееспособности этих уровней судебной власти. В итоге, как отмечает Ж.М. Джанпеисова, ответом на все мероприятия правительства России и местных властей стало широкое распространение среди казахов правового института присяги. *«Трансформирование присяги, принимаемой в исключительных случаях в первой половине XIX века, в наиболее популярный и часто используемый судебный инструмент во второй половине XIX века, говорит о том, что она, являясь частью социально-нравственных представлений казахов, адаптировалась к колониальному давлению и превратилась в защитный механизм от коррупции судей»*¹ (курсив автора. – Ж. Д.).

Среди современных исследователей колониальной политики Российской империи в Казахстане в XIX в. следует назвать Б.Б. Алимбаеву, Б.М. Абдрахманову и других ученых. Все они подошли к изучению данного вопроса с позиции противопоставления «метрополия – колония». Пытаясь подчинить весь край, региональные администрации использовали различные инструменты, в том числе и вторжение в сферу общественных институтов. Б.Б. Алимбаева, изучая деятельность оренбургской администрации в XVIII–XIX вв., пишет о том, что политика, проводимая краевым руководством, ориентировалась на изменение социальной структуры казахского общества, в частности, делался упор на представителей статусной группы «кара-суйек» для того, чтобы иметь в Казахской степи проводников российской политики. Мероприятия наносили существенный вред родовому быту, расшатывали прежние нравственные устои, на которых покоилась общественная и семейная жизнь казахов. Выборное начало внесло продажность, дух кляузничества, интриг и даже привело к созданию особого нового типа людей (ат камнар), занимающихся выборной агитацией и живущих за счет претендентов на должности управителей и биев².

¹ Там же. С. 218.

² Алимбаева Б.Б. Политика российского правительства в отношении оренбургских казахов в XVIII–XIX веках: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. С. 45.

Исследователь Б.М. Абдрахманова проанализировала историю создания и функционирования на территории Казахстана российских органов власти и управления начиная с 1820-х гг. до конца XIX в. Историографическое место работы Б.М. Абдрахмановой весьма значительно, ее монографию отличает стремление оценить реформы XIX в. с точки зрения влияния Российской империи на административно-политическое изменение окраины, на механизм трансформации казахского общества. Именно Б.М. Абдрахманова, на наш взгляд, наиболее последовательно рассмотрела содержание всех звеньев местного управления, создававшихся на территории Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств на протяжении XIX в.

Анализируя новые структуры управления, исследователь отмечает ориентацию России на начальном этапе колониальной политики на султанское сословие, которое в силу исторического развития казахского общества было ориентировано на родовых предводителей, но не имело реальной опоры среди населения. В результате реформ 20-х гг. XIX в., превратившись в служащих российского правительства и получив от него необходимые средства для утверждения своей власти, султаны стали «сильным “деморализующим” (по выражению Степной комиссии¹) фактором и сыграли не последнюю роль в возникновении причин стихийных народных движений – бунтов конца 30-х и 50-х гг. XIX в. Это было не в интересах Российского государства, которое стремилось подчинить казахов экономическим и, насколько это возможно, умеренным политическим путем»². Б.М. Абдрахманова отмечает, что реформы 20–40-х гг. XIX в. радикальным образом поменяли судоустройство и судопроизводство казахов.

В результате сравнительного анализа двух генерал-губернаторств (Оренбургского и Западно-Сибирского) Б.М. Абдрахманова отмечает, что обе региональные власти по разному видели пути преобразования края, поэтому

¹ В 1865 г. для подготовки реформы образована Степная комиссия, ее возглавил член совета Министерства внутренних дел Ф.К. Гирс. – Ж. М.

² Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда: Гласир, 2010. С. 25.

применяемые методы и средства его переустройства также отличались характером и масштабом. Решения оренбургских властей в эти годы были скороспелыми, преждевременными, без предварительного изучения особенностей социально-политического устройства казахского общества и заранее продуманной программы действий. Они значительно урезывали область действия традиционных судов (в ведении такого суда оставались маловажные преступления, решение его можно было обжаловать, создавался аналог суда биев – мировой суд и т. д.), что в конечном итоге привело к стихийным бунтам казахского населения. Оценивая трансформацию традиционного суда биев, автор приходит к убеждению, что «традиционный суд биев, оказавшись формально вне закона, вынуждался отправлять свои судебные функции скрываясь от русских властей, а это приводило в целом к деморализации общества, к крутой болезненной ломке общественной жизни»¹.

В отличие от оренбургских властей, глава Западно-Сибирского края М.М. Сперанский подходил к вопросу переустройства края более осторожно² и «старался создать такую систему управления, которая соответствовала бы традиционным формам общественного устройства самих казахов и в то же время способствовала бы успеху политики российского правительства на местах»³. «Устав о сибирских киргизах» (1822) предусматривал учет родоплеменного состава населения при делении на административные единицы «округ – волость – аул», что в целом приводило к безболезненной трансформации традиционных устоев казахского общества. Б.М. Абдрахманова считает, что реформа 1822 г. не затронула важнейшие функции суда биев.

Более того, руководство Западной Сибири постепенно осознает, что устойчивость кочевого общества связана с существованием естественной корпоративной силы, которая в случае возникновения внешней, да и

¹ Там же. С. 49.

² В этом вопросе взгляды Б.М. Абдрахмановой созвучны с взглядами Е.В. Безвиконной, которая также отмечала продуманность и логичность реформ М.М. Сперанского.

³ Там же. С. 49.

внутренней угрозы, отторгала все формы политического диктата, не служащие интересам общины и препятствующие механизму ее функционирования. Этой силой, или, как ее называет автор, надобщинным образованием, являлся институт «аул аксакалов», «суд биев», «батыры»¹.

Русская администрация, как уже указывалось выше, приходит к пониманию данного феномена, и уже в последующие годы (1855, 1861, 1865) была вынуждена вносить поправки в законодательные акты, которые урезывали, или, скорее, уравнивали права султанского сословия с простым народом (в 1867–1868 гг. институт султанства был ликвидирован) и расширяли социальную базу власти среди тех, кто имел влияние в местном управлении.

Однако данные меры приводили к тому, что наделенные официальной властью традиционные казахские политические институты, в том числе суд биев, лишались своего особого места в жизни кочевых общин. Это связано в первую очередь с тем, что в казахском обществе родовые институты власти (суда) никогда не избирались, а становились во главе родовых подразделений в силу естественных причин. Поэтому перевод российской администрацией традиционных институтов на выборную основу лишал их доверия со стороны народа, тем самым они теряли исконную силу, позволявшую им регулировать гражданско-правовые отношения внутри общества. В результате, не пользуясь поддержкой родовых общин, они не могли в полной мере проводить в жизнь политику империи, более того, «не сразу и не полностью поддавались ограничительной силе российских законов»².

Коренную причину политического кризиса в крае во второй половине XIX в. Б.М. Абдрахманова видит в сложности возникшей ситуации. С одной стороны, население, которое не уступало влиянию новых выборных институтов, что зачастую вызывало народные волнения, с другой стороны, выборные институты, прикрываясь именем русской власти, эксплуатировали, грабили народ, что в целом негативно влияло на политическую ситуацию в

¹ Там же. С. 51.

² Там же. С. 107.

крае. Объясняя причины замены должностных лиц во всех звеньях управления русскими чиновниками, Б.М. Абдрахманова указывает на то, что целью России в крае было не получение обескровленного, пауперизированного, т. е. физически и нравственно деградированного народа, а как раз наоборот, как все подданные империи он должен быть источником и потребителем сырья, должен платить налоги. Отсюда стремление правительства в кадровой политике к этнической замене местного управленческого аппарата вполне понятно: русские чиновники «в определенной степени успешнее поддавались контролирующей силе российских законов»¹.

Вторгаясь в традиционную структуру казахского общества, Россия, сама того не желая, разрушала основу общественных отношений казахов, что в первую очередь касалось обычного права и суда биев. Исследователь склонна считать, что желание российского правительства приобрести в лице биев дешевый судебный орган, пытаясь регламентировать его деятельность, подчинять его устройство и судебный процесс нормам общеимперского законодательства, привело в конечном итоге к параличу его деятельности и функциональных возможностей. Когда в конце XIX в. в официальных кругах стали активно муссироваться идеи о возврате суду биев его традиционной силы, только лишь ослабив законодательную регламентацию, это оказалось уже невозможно. Суд окончательно потерял свое значение и авторитет в среде казахского населения. В конечном итоге «в начале XX в. русские администраторы все чаще приходили к единому мнению о необходимости ликвидировать этот суд, как институт уже неспособный нормально функционировать», – констатирует Б.М. Абдрахманова².

Интересное суждение о движении России в начале 1860-х гг. в Центральную Азию высказано известным специалистом по истории Туркестана Д.В. Васильевым: «Здесь нашла выход нерастраченная энергия

¹ Там же. С. 107.

² Там же. С. 107.

российского генералитета, жажда славы, побед, наград»¹. Но научный интерес заключается в способах, которыми устанавливала Россия свое господство. Д.В. Васильев выделяет два пути: «жесткий» – в виде системы военноподчиненного управления с практически неограниченными правами первых лиц администрации и «мягкий» – в использовании российской властью традиционных местных институтов и в учете народных обычаев². Таким образом, управление в крае представляло симбиоз официальных властей и традиционных институтов управления.

Анализируя дореволюционную историографию, автор отмечает, что в средствах массовой информации и научных изданиях 60-х гг. XIX в. стали появляться материалы, оправдывающие российскую экспансию на Восток, где кочевники были представлены неразвитыми азиатскими обществами, для которых завоевание являлось благом: «Исследования и наблюдения этнографов, военных и представителей туркестанских властей, формировали представление о неоднородности коренного населения, напрямую связывавшееся с социогеографическим фактором. Кочевники (казахи и кыргызы) воспринимались как бродячий народ, не достигший уровня развития своих оседлых соседей. Однако слабое усвоение религиозных представлений в их среде рассматривалось как благоприятное условие для осуществления цивилизованного влияния. В первобытной отсталости кочевников российская общественность находила определенную привлекательность.

Весьма интересно воспринимался кочевой менталитет. Кочевники в воображении русских выглядели ленивыми и апатичными, мстительными и обуеваемыми необузданными страстями, лживыми и предрасположенными к воровству, хвастливыми и любопытными, суеверными и неопытными. В общественном сознании продолжало доминировать представление об обусловленности кочевого менталитета влиянием географо-экологической

¹ Там же. С. 316.

² Васильев Д.В. Центральная Азия во внутренней политике царского правительства // Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 87.

среды. Считалось, что, будучи более близкими к природе, казахи и кыргызы сохраняли все пороки и добродетели детей. И любой европеец в процессе знакомства с ними должен был проходить путь от неприятия к симпатии и уважению. Кочевники рисовались легкомысленными и изменчивыми, врунами поневоле и добрыми, поэтичными и музыкальными. Этнографические исследования, начавшиеся практически одновременно с завоеванием края, убеждали россиян в наличии у кочевников богатой эпической поэзии. Наряду с этим существовало убеждение, что именно кочевники наиболее способны к восприятию достижений более высокой цивилизации. Считалось, что именно среди них «русская гражданственность» может привиться гораздо скорее, чем в среде оседлого населения»¹.

Как полагает Д.В. Васильев, сохраняя традиционные институты кочевых народов, в том числе казахов, правительство надеялось, что они не выдержат конкуренции с имперским судом. Однако он, как и предыдущие исследователи, приходит к убеждению, что практика расходилась с законодательной теорией. Мы согласны с Д.В. Васильевым, считающим, что еще одной причиной, по которой имперские власти осторожно относились к полномочиям традиционных институтов, было связано с «призраком междоусобных и особенно антироссийских выступлений местного населения, которые отличались наибольшей активностью именно в тех районах, где административная ассимиляция продвинулась наиболее далеко»².

Такой же подход в освещении информационной кампании Российского правительства в отношении кочевых племен отмечается и другими учеными. Так, Р.Ю. Почекаев считает, что тиражирование идеи о том, что старые обычаи не соблюдаются и суд биев утратил прежний авторитет, проводилось, потому что «чиновники сильно утрировали степень правовых беспорядков в казахском обществе, но именно такая ситуация требовалась и русской администрации, и

¹ Там же. С. 323.

² Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины XVIII – первая половины XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 241.

сотрудничающим с ней казахским султанам как повод для проведения дальнейших “прогрессивных” преобразований в судебной сфере»¹.

Подводя некоторые итоги взглядов тех ученых, которых мы условно отнесли к первой группе, нужно сказать следующее. Исследователи на основе объективно-критического подхода к истории казахско-российских отношений, используя большой фактологический материал, воссоздали картину социально-политических и правовых изменений казахского общества в пореформенный период. Они обратили особое внимание на безвозвратную трансформацию традиционных институтов власти и то негативное влияние, которое оказал этот процесс на мироощущение кочевого народа.

Действительно, с углублением проводимых колониальных мероприятий начинает нарушаться родоплеменная структура казахского общества, разрывались взаимосвязи между кочевыми общинами, генеалогическая система родства теряла свою связеобразующую сущность, что вело к упадку традиционных правовых институтов, в том числе суда биев. Реформы царского правительства на протяжении XIX в. поступательно меняли его форму и содержание, в итоге к началу XX в. бийский суд окончательно и безвозвратно утратил престиж и авторитет среди кочевников.

Другая группа ученых, которая в целом придерживается тех же позиций в вопросе существования правового плюрализма в степи, приведшему к отживанию норм обычного права, однако, они полагают, что реформы в крае – насущная необходимость, позволявшая казахскому краю включиться в орбиту капиталистических отношений России, почувствовать миссию просвещенной империи по отношению к окраинам, где традиционное обычное право закономерно должно было уступить место мировым судам общеимперского образца.

Так, историк С.С. Колдыбаева, изучавшая вопросы генезиса государственной власти и права в истории Казахстана (XVII–XX вв.) полагает,

¹ Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81). С. 56.

что система правового плюрализма, сложившаяся с момента продвижения России вглубь Средней Азии, привела к развитию в XIX в. на территории Казахстана «европейского (континентального) права, появились первые национальные кадры прогрессивных юристов, юридическая литература»¹.

Другой ученый – А.Л. Салиев задает вопрос: насколько оправданной была замена традиционных судов биев мировыми судами общеимперского образца? Причем он считает, что опираться при поиске ответа на этот вопрос на «всякого рода “негативы”, как это, к сожалению, принято в среде ангажированных постсоветских историков в новых независимых государствах Центральной Азии – бывших союзных республиках порицаемого ими во всех грехах, канувшего в историческую Лету, Союза ССР»², будет нарушением принципов подлинной научности. По мнению А.Л. Салиева, во второй половине XIX в. адаты кочевников серьезно отставали от требований времени, а проводимые Российской империей судебные перемены объективно назрели, так как их осуществления требовала сложившаяся социально-политическая и экономическая ситуация в регионе. К тому же включение в орбиту капиталистического развития России требовало коренных перемен, в том числе в судебно-правовой сфере. Автор подчеркивает, что эти перемены хотя и были необходимыми для введения институтов обычного права в общеимперскую правовую систему, однако они не означали полной отмены действий адата, а наоборот, предполагали плавное слияние с правоприменительной практикой мировых судов.

Суд биев в советское время

¹ Колдыбаева С. Российско-казахские связи в развитии правовых систем в казахской степи в XIX в. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XIX вв.). II Международная конференция. Тезисы докладов и сообщений / Под ред. А.П. Толочко. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. С. 52; Колдыбаева С.С. Генезис государственной власти и права в истории Казахстана (XVII–XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Костанай, 2005.

² Салиев А.Л. О планах царской власти по упразднению народных судов кочевого населения Туркестана (по ахивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 3. С. 62.

Авторы, упомянутые выше, исследуя институт биев в казахском обществе, ограничивались временем, когда нормы адата повсеместно действовали на территории казахских степей, включая суд биев, и лишь вскользь упоминали о том, что этот институт потерял свое значение в первые годы советской власти. Исключением является, пожалуй, лишь одна работа, составителем которой был А.А. Никишенков, где история бийских судов прослеживается вплоть до полного их исчезновения (в конце 20-х гг. XX в.).

Казахстанские исследователи З.Ж. Кенжалиев и С.О. Даулетова прослеживают историю бийского правосудия с момента его возникновения до времени его полного уничтожения советской властью (их работа представляет значительный научный интерес, в том числе благодаря такому подходу). Основное внимание авторы уделили истории бийских судов в советское время, так как, по их мнению, «в юридической литературе создалась парадоксальная ситуация, когда все положительное, что можно было отнести к обычному праву, переносилось на дореволюционный период его существования, а все отрицательное – на послереволюционное его бытие. В целом создалось такое впечатление, будто ко времени свершения пролетарской революции в России адат состоял лишь из отживших норм и институтов, которые требовали замены новыми законоположениями. Именно поэтому традиционную правовую культуру кочевников в литературе принято освещать применительно к досоветскому этапу функционирования норм адата»¹. Считая данный подход «искривленным», З.Ж. Кенжалиев и С.О. Даулетова попытались адекватно отразить историю обычного права в советское время на основании изучения обширного круга материалов, большую часть из которых ученые не столько ввели в научный оборот (основная масса источников представлена директивными документами советской власти, докладными и обзорными записками чиновников и т. д.), сколько проанализировали их влияние на меняющуюся в свете этих документов ситуацию с обычным правом.

¹ Кенжалиев З.Ж., Даулетова С.О. Казахское обычное право в условиях Советской власти (1917–1937 гг.). Алматы: Гылым, 1993. С. 5.

Как отмечают З.Ж. Кенжалиев и С.О. Даулетова, «судьба обычного права казахов была предрешена уже с момента прихода партии большевиков к власти и установления диктатуры пролетариата в Казахстане. Обычное право должно было сойти с исторической арены и уступить место “новому”, советскому праву»¹. В контексте этого направления деятельность Советов по упразднению обычного права и правовых институтов (суда биев, барымты, калыма и т. д.) авторы разделили на три этапа.

Первый – с момента установления советской власти до образования Казахской АССР (1917–1920) – новая власть признает обычное право как один из источников права среди казахов. На этом этапе Советы проявляли крайнюю осторожность и внимательность при решении вопросов, касающихся нужд и интересов местного населения: «Данные органы и их представители на местах в основном старались сохранять “нейтралитет” и не вмешиваться (кроме чрезвычайных случаев, обращений населения) в те области и сферы отношений, которые были отрегулированы многовековыми обычаями»². Оценивая этот этап, З.Ж. Кенжалиев и С.О. Даулетова подчеркивают, что такое терпимое отношение к традиционным институтам народа имело большое значение для становления советской власти в крае.

Второй этап – с момента образования Казахской АССР до конца восстановительного периода (1920–1925) ознаменован более пристальным вниманием партийных и государственных органов к обычно-правовой сфере народа. Центральными органами Казахской АССР принимается решение о сборе и систематизации норм обычного права, с одной стороны, для его кодификации, с другой – для выявления тех норм, которые не соответствовали принципам социалистического строительства. Именно в рамках этого этапа ученые рассматривают деятельность Учредительного съезда Советов 1920 г., решения которого имели для норм адата и суда биев решающее значение. Съезд провозгласил идею борьбы с пережитками патриархально-феодалных

¹ Там же. С. 24.

² Там же. С. 29.

норм адата, в том числе отмену институтов барымты, куна, калыма, многоженства, амангерства, упразднение суда биев и аксакальских судов.

Бийский суд в годы советской власти носил характер третейского суда. Решение съезда вылилось в циркуляр № 2 «Об упразднении третейских судов» от 25 декабря 1920 г. Народного комиссариата юстиции (НКЮ) Казахской АССР, который объявил все действующие на территории республики третейские суды «самочинными» и подлежащими «немедленному упразднению»¹.

Авторы замечают, что хотя официально существование на территории края третейских судов было запрещено, однако приведенные ими архивные материалы свидетельствуют об обратном. Судя по докладным запискам, которые можно прочесть на страницах монографии, суды биев поменяли лишь название и продолжали действовать как «аксакальские суды» вплоть до середины 1920-х гг. Подтверждением этому служит приведенная авторами выдержка из циркуляра № 68 НКЮ Казахской АССР от 30 октября 1925 г., согласно которой судебно-следственным органам предлагалось привлекать к уголовной ответственности аксакалов, занимающихся разбором уголовных и гражданских дел среди населения. Интерес представляют и другие архивные материалы, которые авторы посчитали нужным процитировать. Соглашаясь с ними по вопросу важности этих документов, позволим себе небольшую выдержку из их работы: «В “Отчете о деятельности судебно-следственных учреждений Казахской АССР за 1924–1925 отчетный год” по поводу вопроса об “аксакальских судах” говорилось: “В Уральской губернии за участие в аксакальских судах было осуждено 15 человек... в Кустанайском уезде имелись еще не разрешенными к 1 октября сего года 2 дела. Сведений о наличии в КАССР религиозных судов не поступило”. Председатель народного суда 9-го участка Акмолинской губернии 18 июня 1925 года на заседании пленума

¹ Там же. С. 105.

губсуда докладывал, что “аксакальских судов в его районе почти (выделено мной. – Ж. М.) нет”»¹.

Третий этап охватывает время с 1925 г. до полного исключения применения норм обычного права в судебной практике и превращения их в обычаи, не санкционированные государством (середина 1930-х гг.).

В этот период велась дальнейшая борьба с аксакальскими судами на основе общефедеративного уголовного законодательства. В частности, глава X статьи 203 УК РСФСР, введенного в действие Постановлением ВЦИК от 6 апреля 1928 г., гласила: «...присвоение судебных полномочий вынесением решений по обычаю коренного населения (адат и пр.) в нарушении основ советского права, с использованием зависимости сторон, проистекающей из отношений родового быта», наказывались исправительно-трудовыми работами на срок до одного года или штрафом до одной тысячи рублей².

Исследователи отмечают живучесть норм обычного права среди советских кочевников (а после сплошной коллективизации «осевших» казахов). Однако мероприятия советской власти привели к искоренению обычно-правовых норм как компонента проявлений естественно выросшего механизма самоуправления из обычно-правовых способов регулирования социальных связей между казахами. Ликвидация традиционных институтов казахов не привела к полному их забвению в памяти народа. Они продолжали существовать и в период «развитого» социализма, правда, под другими названиями: «советский калым», «советский совет аксакалов» и т. д. Традиционная культура казахов адаптировалась к новым социальным условиям, выработала новые нормы поведения, которые были наполнены новым содержанием, ценностными установками, менталитетом.

Всегда ли эти изменения носили позитивный характер? Трудно ответить. Однако авторы полагают, что новая правовая ситуация породила и новые формы и виды преступлений, которые раньше не были знакомы

¹ Там же. С. 107.

² Там же. С. 107.

традиционному обществу. Так, ученые приводят, например, появление и рост количества преступлений, связанных с изнасилованием малолетних, брак с лицом, не достигшим половой зрелости и т. д., которые не были известны обычному праву. Причины таких аномалий в общественных отношениях, авторы склонны видеть в «порождениях победившего в Казахстане советского строя, сменившего строй патриархально-родовых отношений»¹.

Проблема аксакальских судов на современном этапе

Все без исключения исследователи бийского суда отмечали его удивительную особенность – живучесть, которая, несмотря на внутренние и внешние воздействия, природно-климатические катаклизмы, человеческий фактор и многое другое, на протяжении веков не сломали этот правовой институт казахского народа. И тем более удивительно, что исследователи, отмечая эту особенность обычного суда, неосознанно, сами того не желая, противоречат своим же выводам. Данный факт легко можно подтвердить, если обратиться к трудам вышеупомянутых авторов: в них бийский суд в лучшем случае доживал свои последние дни в 20–30-х гг. XX столетия.

Однако народное правосознание цепко держит в своей памяти проверенные веками национальные ценности, аккумулирует их, опирается на них в своем историческом развитии, передает подрастающему поколению. Обращение некоторых российских ученых к изучению существования в современном мире норм неписанного права, использования этих норм в повседневной жизни, роли и места аксакальских советов и многих других вопросов правовой культуры казахов свидетельствует о том, что данная тема не исчерпала себя и требует дальнейшего изучения².

¹ Там же. С. 140.

² Мальцев Г.В., Шапсугов Д.Ю. Предисловие // Обычное право в России: проблемы теории, истории практики. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1999; Новикова Н.И. Правовые обычаи коренных народов Севера: кто напишет правила для оленеводов. Олень всегда Прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003; Бейтуганов А.З., Думанов Ф.Х. Обычное право кабардинцев: проблемы исследования на современном этапе // Обычное право народов Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. С. 23–35; Магомедов Ш.Б., Рамазанов А.Х., Исмаилов М.А. Итоги и перспективы исследования обычного права Дагестана // Обычное

Необходимо отметить научные работы этнологов Е.И. Лариной и О.Б. Наумовой, в которых, наряду с общими вопросами этнокультурной жизни российских казахов, рассматриваются проблемы народного самоуправления в виде совета аксакалов, ставших своего рода восприемниками не только органов самоуправления советского периода (советов ветеранов, женсоветов и т. д.), но и отчасти судов биев. Работы интересны тем, что они основаны на сведениях информаторов, поэтому выводы и положения авторов заслуживают научного внимания сообщества¹.

Одним из современных возрождаемых институтов (правда, как отмечают сами авторы, не во всех казахских населенных пунктах) является совет старейшин, или совет аксакалов. Авторы оговариваются, что проводить прямые параллели между ним и судом биев не стоит. Связано это с тем, что, с одной стороны, хотя нынешние советы и унаследовали некоторые черты традиционных социальных институтов и народного правосознания, однако, с другой, они не выполняют судебных функций.

Как считают авторы, одной из причин появления этого института в постперестроечное время стала потребность формирования этических норм в обществе, которые «казалось бы, ушли из поля зрения общества, представления о социально допустимых нормах поведения размывались. Однако именно это размывание побуждало общество к самоорганизации. В

право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. С. 36–49; Небратенко Г.Г. Обычное право донских казаков: вчера, сегодня, завтра // Там же. С. 55–67; Нефедов В.Н. Обычное право адыгов и казаков Северо-Западного Кавказа: итоги и перспективы исследования // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006; Супатаев М.А. К проблематике цивилизационного подхода к праву : (очерки общ. теории и практики). М.: Юрлитинформ, 2012; Таказов Ф.М. Эволюция правовой культуры народов Северного Кавказа // Традиционные формы обычного права как инструмент регулирования общественных отношений // Материалы республиканской научно-практической конференции. Владикавказ, 2012. С. 86–91; Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.

¹ Наумова О.Б. Современные этнокультурные процессы у казахов в многонациональных районах Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; Ларина Е.И., Наумова О.Б. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 85–97; Ларина Е.И., Наумова О.Б. Кош-агачские казахи-мигранты // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 45–65; Ларина Е.И., Наумова О.Б. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Россия и мусульманский мир, 2008. № 6. С. 63–77; Ларина Е.И. Казахи в России // Родина. 2004. № 2. С. 98–101; Ларина Е.И. Национальное самосознание и традиционные социальные институты в Центральной Азии // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2012. № 4. С. 66–90; и др.

казахской среде формой такой самоорганизации и стали советы старейшин»¹. Действительно, приведенный в статьях этнологический материал позволяет говорить о широких полномочиях данных советов (мечетный и поселенный). Они выполняют функции регулирования повседневных вопросов односельчан, охватывающие хозяйственные и социальные вопросы, занимаются вопросами «общественного порицания тех, кто выходит за рамки этических и поведенческих норм, которые совет считает необходимым сохранять, и морального давления на нарушителей»², активно сотрудничают с районной администрацией.

Деятельность тех или иных советов зависит от размера населенного пункта: чем крупнее район, тем менее активно действуют традиционные органы управления. Однако авторы уверены, что «совет старейшин — весьма эффективный орган формирования общественного мнения, государство это понимает и использует его в своих целях»³.

Распад Советского Союза (1991) повлек за собой стихийные миграционные потоки из обеих республик. Авторы, привлекая большой этнологический материал, показали, что для многих казахов переезд в те годы на историческую Родину повлек изменение не только правового статуса, но и изменение укоренившихся жизненных установок. Для превращения миграционного оттока населения в организованный поток не последнюю роль сыграли так называемые авторитетные пожилые мужчины, например, п. Кош-Агач (Республика Алтай) – президиум курултая, который взял в свои руки вопросы организации и обустройства односельчан на новом месте⁴. Полагаем, что проблемы миграционного движения населения на просторах бывшего Советского Союза и связанные с ним проблемы, поднятые учеными, актуальны не только для российских казахов, но и всех народов, входивших когда-то в

¹ Ларина Е.И., Наумова О.Б. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 87; Они же. Традиция в современных формах самоорганизации российских казахов // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 137–154.

² Ларина Е.И., Наумова О.Б. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области... С. 94.

³ Там же. С. 95.

⁴ Ларина Е.И., Наумова О.Б. Кош-агачские казахи-мигранты... С. 45–65.

советскую империю и оказавшихся в силу разных обстоятельств (переселение, депортация и т.д.) не на своей исторической Родине.

О живучести «правового нигилизма», под которым подразумевается контроль повседневной жизни граждан не государственным законодательством, а неписанными законами, говорится в книге известного историка В.В. Бочарова¹. Этот ученый известен научной общественности своими трудами в области социально-культурной антропологии: политической антропологии, антропологии права (юридической антропологии), антропологии возраста. Цитируя слова известного крестьяноведа Т. Шанина: «Одолеть упорную пассивность крестьян в этом вопросе оказалось не под силу даже самым страстным реформистам из числа законодателей и чиновников, словом, “неписанный закон” остался практически неизменным, пройдя через бури глубоких реформ революций и контрреволюций»², автор заявляет о том, что в современном мире все чаще стали появляться призывы о возврате к примирительным процедурам, к примеру, в сфере конфликтов в семье и др. Ведь, по мнению ученого, в основе правопонимания народов мира лежит принцип не «торжество закона», а «мир и согласие»: «Примирение же, в свою очередь, всегда осуществляется при посредстве ценностей конкретной культуры, которые лежат за пределами закона»³.

* * *

Подводя итоги всему вышесказанному следует сказать, что история и развитие бийского суда в период реформ российского правительства на территории Казахстана в XIX в. неизменно привлекает внимание ученых. В своих работах исследователи пытаются ответить на многие вопросы, например,

¹ Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование. 2-е изд. СПб.: Издательство АИК, 2013.

² Цит. по Шанин Т. Русское крестьянское право и наследование имущества // Отечественные записки. 2003. № 2. http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/2003_28-pr.html.

³ Бочаров В.В. Указ. Соч. С. 47.

о времени возникновения бийского правосудия на территории казахских степей. Одни связывают его появление с прототюркскими, тюркскими племенами, другие отводят возникновение к более позднему времени – Монгольской эпохе. Судя по представленным научным доводам, прийти к единому пониманию в этом вопросе будет крайне сложно. Верна, на наш взгляд, более взвешенная позиция академика С.З. Зиманова, который не измеряя точными хронологическими рамками время зарождения этого института, условно подходит к рассмотрению этой проблемы.

Не вызывают особых дискуссий среди ученых вопросы о влиянии колониальных реформ России на судоустройство и судопроизводство в казахском крае. Ученые отмечают, что традиционный казахский суд в этот период переживает глубокие перемены, связанные с постепенным ограничением его полномочий. Начиная с реформ 20-х гг. XIX в. Российская империя вела политику ограничения сферы влияния обычного права в общественной и правовой жизни кочевников. Ученые отмечают разные подходы региональных властей в претворении административно-правовых изменений в жизнь кочевников (Е.В. Безвиконная, Б.М. Абдрахманова и др.). Если западно-сибирская администрация в этом вопросе подходила более продуманно, взвешенно и последовательно (авторы отмечают в этом большую заслугу генерал-губернатора края М.М. Сперанского), то оренбургские власти характеризует стремление к резкой ломке традиционного уклада кочевников и крутой замене властных институтов казахов. Ученые сходятся в основном во мнении, что реформы нанесли существенный урон системе жизнеобеспечения кочевников, введение территориального принципа деления на административные единицы привело к ослаблению родовых связей, к потере в некоторой степени основы казахского общества – генеалогического родства. Попытки замены суда биев новыми «народными судами», желание заменить обычное право общеимперским законодательством, введение выборной системы и многие другие нововведения в административно-правовой сфере

привели к трансформации древнего суда, к появлению нехарактерных для всех традиционных обществ явлений, как коррупция, взяточничество, кляузничество, доносительство и т. д. В конечном итоге, суд биев значительно ограничил сферу своего влияния (бии рассматривали в основном семейно-брачные дела), что отрицательно сказалось на жизнеспособности всей общины кочевников. Связано это в первую очередь с тем, что являясь ключевой фигурой в казахском социуме и потеряв свои позиции, бии не сумели конкурировать с новыми управленческими институтами, они потеряли те рычаги, которые контролировали узловые моменты жизнедеятельности общинников.

Реформы изменили суд биев, однако он не потерял своей актуальности ни в советское время, ни на современном этапе, что позволяют утверждать выводы исследователей, занимающихся изучением этого правового института после его официальной отмены.

Многие вопросы суда биев остались до сих пор малоизученными, требующими внимания ученых. Отрадно, что российские ученые обращают свое внимание на изучение этого социально-правового явления на современном этапе. Думаем, что и перед казахстанской наукой должны быть поставлены задачи проведения сопоставительного анализа между судом биев и аксакальскими советами, с целью выработки рекомендаций для использования позитивного опыта бийского института в настоящее время.

Полагаем, что настало время для изучения устойчивости «неписанного права» в современном обществе. Насколько нормы обычного права влияют на законодательство и живут в убеждениях людей, и, соответственно, влияют на стереотипы поведения. Это позволит выявить не только характерные черты «живого права»¹, но и понять механизмы и причины селективного отбора народной памятью тех регуляторов, которые служат основанием для жизнеспособности народа.

¹ Этот термин введен в 1913 г. австрийским правоведом Е. Эрлихом в работе «Основы социологии права».

§ 2. О роли института биев в решении вопросов внешней и внутренней политики Казахского ханства

Традиционное казахское общество XVII–XIX веков представляет собой тот тип государственности, когда род является главным звеном его политического и социального устройства. Дисперсное состояние казахского общества, вытекающее из основного занятия казахов – кочевого и полукочевого скотоводства, предполагало создание таких структурных звеньев, которые бы сосредоточивали все рычаги управления общиной. Сезонные перекочевки, отдаленность маршрутов кочевания, разбросанность пастбищных угодий не позволяли центральной власти в лице правителей (ханов) в полной мере и повсеместно контролировать зависимую от времени года жизнь общинников. В таких условиях все полномочия власти на местах соединяли в своих руках лидеры-предводители, обеспечивавшие жизнедеятельность родового коллектива в первую очередь путем сохранения кровнородственных отношений, которые служили фундаментом существования общины.

Такой вид отношений, связывая родичей в силу обычая и традиции в единый организм, превращают род в основную социальную единицу кочевого сообщества и в то же время в единицу административную. Взаимоотношения в роде определяли принципы, требующие подчинения младших старшим, всех родственников тем, кто, обладая необходимыми знаниями и умениями, мог представлять интересы общины перед лицом окружающего мира. Постепенно в руках таких лиц – биев – концентрируется власть над мелкими и крупными родовыми объединениями, а со временем из этих лиц формируются органы власти, влияющие на все сферы жизнедеятельности родовой группы.

Немаловажным фактором признания общиной бия в качестве судьи и родоправителя является многочисленность его «семейства», которое состояло

не только из непосредственных кровных родственников, но и тех кочевников, кто тяготел к сфере его влияния и подчиненности.

Другим не менее значимым фактором признания родоправителя является его материальное положение – богатство, позволяющее ему, в случае необходимости, оказывать помощь тем, кто находится в зависимости от него, и обеспечивать таким образом целостность и неделимость кочевой общины. Стихийные бедствия, джуг (массовый падеж скота, бескормица, голод), война, междоусобицы зачастую истощали материальные силы кочевника и приводили к обнищанию, что в свою очередь, подталкивало его к поиску новых благоприятных условий жизни и откочевке в другие общины. Данное обстоятельство отрицательно сказывалось на положении и авторитете родоправителя, который старался исправить ситуацию и вернуть доверие своих сородичей. Этому способствовало сосредоточие в руках бия-родоправителя инструментов воздействия на подвластное население, и требовало жестко контролировать отношения как внутри, так и вне общины и пресекать любые действия, наносящие ущерб всему коллективу.

Через свои функциональные прерогативы бии участвовали в решении внешне- и внутривосточных вопросов Казахского ханства, тем самым родоначальники активно влияли на управление казахским обществом в целом.

О функциях биев

Оптика исследований ученых в ряде научных работ сосредоточена на различных аспектах внутренней политики Казахского ханства и роли биев в ее реализации. Особенно острые споры ученых вызвал дискурс о полномочиях бийского института в казахском обществе. Одни ученые (Д.Д. Бажиров, Т.И. Султанов и др.) утверждают, что бии в качестве родовых предводителей решали вопросы, охватывающие все сферы жизнеустойчивости кочевого организма, т. е. обладали достаточно широкими полномочиями, включая роль распорядителя и управителя общиной; другие ученые (С.З. Зиманов и др.)

склонны видеть в биях только судебных вершителей, которые ограничивали поле своей деятельности правовой функцией. Остановимся более подробно на доводах исследователей.

Подчеркнем, что для традиционного казахского общества XVII–XIX вв. была характерна неразделенность власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Как мы отмечали выше полнота обладания властью биями зависела от многих факторов, в том числе от древности и знатности рода, от принадлежности к привилегированной группе, личных качеств. Об этом в свое время писали дореволюционные исследователи адатного права и института биев у казахов, взгляды которых в определенной степени созвучны современным представлениям ученых. Поэтому, чтобы не повторять сказанного ранее, отметим те стороны деятельности биев, которые расширяют наши представления о функциях этого института.

Так, исследователь Д.Д. Бажиров отмечает, что при отсутствии государственного аппарата управления и наличия патриархальных отношений у казахов отсутствовал специальный судебный орган – функции судьи выполняли те люди, «которые пользовались в обществе уважением за свой ум и неоднократные справедливые, умелые решения спорных дел»¹. При этом обладание властью являлось не формальной процедурой, а было наполнено конкретным содержанием. Отношения между кочевниками и родоправителем были взаимообусловленными, так как успешность общины в целом, а также ее племенных подразделений, в частности, зависели от авторитета и влияния ее главы, последний в свою очередь напрямую нуждался в поддержке сильных и многочисленных сторонников, обеспечивавших стабильность его власти. Д.Д. Бажиров отмечает, что в обществе с племенной структурой отсутствует «разделение власти на административную и судебную части с четким разделением их полномочий. Поэтому говорить о биях, как о представителях

¹ Бажиров Д.Д. Материальное производство и социальная структура кочевников Центрального Казахстана (конец XVIII – первая половина XIX века): дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 105.

только судебной власти будет неверным»¹, в зависимости от личных способностей, числа сторонников и богатства бии ведали вопросами разного уровня племенной организации.

Д.Д. Бажиров указывает на важную роль судебной функции биев и отмечает, что в своей деятельности бии руководствовались не кодифицированным правом, а обычаями, традициями, верованиями казахов. По этой причине судебные решения биев напрямую зависели от их личных качеств, знаний норм обычного права, желания примирить спорящих (истца и ответчика). Примирение достигалось путем заключения брака между детьми спорящих сторон, в результате которого «стороны должны помириться», через обет дружбы, который предполагал, что «друзья никогда и ни в чем не отказывали друг другу. Обыкновенно они поочередно приезжали друг к другу, делали “калау” (выбор чего-либо. – Ж. М.), и без всякого отказа получали ту вещь или скотину, которую выбрали. Бии, пользуясь этим обычаем, заставляли тяжущихся обняться и давали право “калау” истцу, а ответчику в свою очередь определяли для приезда за “калау” самый отдаленный срок»².

Значительный вклад в изучение вопросов социальной структуры казахского общества внесли известные Санкт-Петербургские историки С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов. Работы ученых отличает лаконичность, последовательность в изложении материала, отсутствие «метаний из одной крайности в другую» в угоду официальной идеологии, что позволяет нам привести выдержки из их ранних работ, в которых их позиции по вопросам традиционной структуры казахского общества созвучны с их нынешними исследованиями.

Ведущий специалист по истории Казахстана дореволюционного периода Т.И. Султанов, знаток персидских и тюркских источников отмечает: «Бии казахских жузов пользовались некоторыми особыми правами: в пределах подвластных им родов только биям (кроме хана) принадлежала и судебная, и

¹ Бажиров Д.Д. Указ. соч. С. 106.

² Там же. С. 126.

административная власть. Поскольку бии вершили суд, они просто должны были сохранять в памяти действующее право, а это, кстати сказать, предполагает существование в казахском обществе “касты” профессиональных хранителей юридических установлений и толкователей обычного права, в роли которых и выступали бии. Очевидно, не случайно, что все известные ныне ранние записи фрагментов “Жети Жаргы” были произведены в свое время со слов предводителей родов»¹. В более поздней совместной работе С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов эти функции (судебную и административную. – Ж. М.) дополняют военными полномочиями: «...они придавали биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообщая являясь на ежегодно созываемое “народное собрание”. Наиболее влиятельные родоначальники входили в “совет биев” при хане»².

Основную причину привилегированного положения биев, С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов видят в том, что они – представители национальной аристократии (в противовес денациональному сословию – чингизидам), выросшие из самых недр родов и племен, впитавшие коренные традиции и обычаи казахского народа, накапливающие и передающие знания из поколения в поколение. Именно бии осуществляли связь времен, обеспечивая формирование кочевого мировоззренческого синкретизма, сформировавшего лучшие качества народа, такие как «выносливость, спокойствие духа, предрасположенность к общению, толерантность к чужому мнению, любовь к человеку, природе. Вся суть кочевнического менталитета заключалась в том, что человек никогда не должен замыкаться в своем мире. Он – существо коллективное, универсальное, принадлежит вселенной»³.

¹ Султанов Т.И. «Семь установлений» – памятник права казахов XVII в. // Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. С. 98–99.

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. С. 351; Султанов Т.И. Рождение казахской государственности. История Казахского ханства. Алматы: Мектеп, 2003. С. 133. Серия «Слово седьмое».

³ Тасмагамбетов И. Введение // Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 7.

Значительное место в исследованиях Т.И. Султанова занимает уникальный памятник обычного права казахов «Жеті жарғы» (Семь установлений) Тауке хана¹. Не вдаваясь в историю его создания, обратим внимание на правотворческую функцию биев, с которой приходилось считаться хану. Ученый отмечает, что существует несколько легенд об авторстве «Жети жаргы»², согласно одной из них Тауке хан собрал в урочище Куль-Тобе (современная Южно-Казахстанская область) знаменитых биев (по одной версии трех – Толе би, Казыбек би, Айтеке би, по другой семь – Толе би, Казыбек би, Айтеке би, Караш би, Сасык би, Мухаммед би, Кокым би), которые, соединив старые обычаи (Касым хана и Есим хана) с новыми, создали это установление. Источники не фиксируют роль биев в составлении сводов законов Касым хана и Есим хана, но в то же время несколько преданий гласят о том, что одна из основных ролей в аккумуляции правовых обычаев в стройную судебную систему принадлежит именно биям.

Таким образом, накопление знаний и умений, многовекового опыта казахского народа позволило биям сосредоточить в своих руках всю полноту власти. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов обращают внимание на значимый

¹ В работах Ж.О. Артыкбаева и других ученых дана весьма подробная историография данного правового памятника, поэтому останавливаться на этой проблеме нет необходимости. Однако нужно отметить, что среди историков и правоведов, занимающихся изучением законов хана Тауке нет единого мнения по многим аспектам этого памятника: времени возникновения уложения Тауке хана, авторства «Жеті жарғы», периода действия законов, более того, варианты этого правового документа записаны на русском языке, поскольку казахское право сохранилось благодаря устной традиции. См.: Узбекулы С. Хан Тауке и правовой памятник «Жеті Жарғы». Алматы: Өркениет, 1988; Созакбаев С. Тәуке хан және Жеті Жарғы. Алматы: Санат, 1994; Альмуханбетов Ж.Н. К вопросу о структуре казахского обычного права // Казахстанский журнал международного права. 2003. № 2(10). С. 262–278; Абиля Е. История государства и права Республики Казахстан (с древнейших времен до 1992 г.). Астана: ИКФ «Фолиант», 2001; Артыкбаев Ж.О. «Жеті Жарғы» – мемлекет және құқық ескерткіші (зерттелуі, деректер, тарихы, мәтіні). Оқу құралы. Алматы: Заң әдебиеті. 2004; Едильханова С.А. Казахско-дзунгарские взаимоотношения. Алматы: Дайк-Пресс, 2005; Қазақтың ата заңдары: Құжаттар, деректер және зерттеулер=Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. 10 томдық. / Бағдарлама жетекшісі: Зиманов С.З. Т. 4. Алматы: Жеті жарғы, 2005.; Абиля Е. Становление понятий закона и права в традиционном правосознании казахов // Научный Вестник Академии МВД России. 2006. № 1(23). С. 9–11; Ибраева А.С. Особенности формирования и развития казахского права «Жарғы» и роль биев в его укреплении // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2008. № 3(47). С. 102–105; Ағдарбеков З. Қазақтың әдет-ғұрып заңдарындағы ауыр қылмыстардың билер сотындағы үлгілі шешімдері // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. № 4(52). 2009. С. 29–31; Шапақ У. Қалмақ хандығының мемлекеттік құрылысы және құқықтық жүйесі (1664–1771 жж.): заң ғылым. докт. ... дис. автореф. Астана, 2010; Бердібаева Ә.Қ. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы өзара көмек қатынастарынан туындайтын келісім-шарттар // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2012. № 1(61). С. 21–25; и др.

² Султанов Т.И. «Семь установлений» – памятник права казахов XVII в. // Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. С. 64–77.

аспект этого вопроса, который связан с произошедшей на рубеже XVI–XVII вв. сменой форм социально-политической организации казахского общества от улусной системы объединения племен к жузовой. Факторов, повлиявших на это изменение, несколько. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов подчеркивают, что хотя они и не обладают достаточными фактами, «могущими безусловно доказать справедливость нашего вывода», тем не менее, они полагают, что первым фактором было включение «в состав территории с древними центрами городской и оседло-земледельческой культуры, создавшими определенные зоны хозяйственного и культурного притяжения для населения окружающих их степей. Вторым фактором, в известной мере являвшимся следствием первого, было формирование аульной системы расселения, хозяйствования и быта. Именно этот процесс особенно очевиден при анализе источников XVII в.»¹.

Этот последний фактор сыграл, по-видимому, ключевую роль, так как переход при кочевании от кибиток на колесах к разборным юртам predetermined, наряду с другими факторами генеалогического и территориального свойства, появление таких зон кочевания, которые не совпадали с улусным (административным) дроблением общеказахской территории. И если при улусном кочевании во главе крупных и малых улусов стояли чингизиды-султаны, обладавшие всей полнотой власти, то новые территориально-родовые связи стали толчком к усилению другой группы – элиты «черной кости» – биев, сохраняющей своими знаниями кочевое мироустройство. Такая переориентация властных полномочий не привела к смене общей парадигмы развития казахского общества, однако изменились обозначения зональных сообществ: от улуса к жузу.

Выполняя роль связующего звена между кочевниками и носителями политической власти, бии являлись своеобразным механизмом социально-политического объединения социума, выдвигали инициативы, которые влияли

¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. С. 342.

на верховную власть в целях защиты интересов своей родовой группы. Для достижения этой цели, как считает историк А.И. Оразбаева, бии осуществляли следующие функции: «Политическую функцию – она служила механизмом вертикальной регуляции общественных отношений и средством согласования интересов властных структур, родоплеменной верхушки и различных социальных слоев населения; социально-правовую функцию – исполняла решение гражданских, имущественных, территориальных и иных споров между родами и племенами, с одной стороны, и между членами одного рода и племени; идеологическую функцию – выполняла сохранение, обогащение и передачу национальной культуры; мобилизационную функцию – обеспечивала внешнеполитическую безопасность»¹.

В XV в. участие биев в решении государственных дел приняло, по мнению ряда ученых (С. Узбекулы, Б. Куандыкова и др.), организационные формы. Речь идет о советах биев и ханском совете. В их изучении современные исследователи в основном опираются на труды дореволюционных авторов, в которых, к сожалению, нет ответов на многие вопросы функционирования этих институтов. Отмечаются разные уровни таких советов: они собирались для решения дел как на уровне рода, так и для решения общегосударственных вопросов.

На советы биев при хане обратил внимание известный казахстанский правовед С. Узбекулы². По мнению ученого, реформы Тауке хана охватили практически все стороны жизни кочевников. Хан разделил земли между общинами исходя из природно-климатических условий региона, определил маршруты кочевания таким образом, чтобы перемещающиеся массы кочевников не встречали на своем пути преград в виде других кочевых общин. Подобного рода мероприятия требовали правового упорядочивания отношений как внутри, так и вне кочевой общины. По мнению С. Узбекулы, хан во

¹ Оразбаева А. Историческая роль и социальное значение института бийства в истории казахского народа // Саясат. 1997. № 5. С. 99–103.

² Узбекулы С. Право кочевой цивилизации казахов. Алматы: Мектеп, 2002.

внутренней политике руководствовался принципами выдвижения на «руководящие должности в государстве мужей инициативных, умных, честных, предприимчивых, пользующихся уважением и доверием народа. Они должны были обладать не только пронзительным умом и безукоризненной честностью, но и личным мужеством»¹. В свою очередь эта политика привела к включению в процесс управления совета биев, который стал постоянно действующим органом при хане. Полномочия этой структуры были настолько широки, что, как отмечает исследователь, «Сам хан не мог аннулировать его решения. Авторитет этого органа был настолько высок, что даже хан Тауке без согласия “Совета биев”, без его утверждения, не мог, не имел права решать государственной важности дела. По своему государственному статусу “Совет биев” имел право оспаривать решение хана на то или иное действие, он являлся как бы Парламентом и Верховным судом в условиях кочевого образа жизни казахов и утверждал решения, принимаемые по вопросам внутренней и внешней политики»². Состав совета избирался всенародно и включал представителей старейшин родов.

Таким образом, С. Узбекулы также считает, что функции биев были достаточны объемными, причем выделяет среди них правотворческую.

Ведущей была судебная функция биев. Отмечая характерные особенности судебного процесса в казахской степи, С. Узбекулы выделяет несколько признаков бийского правосудия: гласность, третейский характер суда, право апелляции, использование доказательной базы (свидетельские показания, присяга и т. д.), примирение конфликтующих сторон по взаимному согласию. «В обычном праве эти действия назывались “Битим”, “Береке” и “Салауат”»³. Эти процессуально-правовые институты призваны были привести стороны к взаимному согласию, к удовлетворению морального и материального ущерба.

¹ Там же. С. 91.

² Там же. С. 92.

³ Узбекулы С. Указ. Соч. С. 119.

«Битим» предполагал завершение спора мирным соглашением, нарушение которого грозило потерей доверия общинников к словам и действиям нарушителя соглашения. «Береке» служило началом всевозможных сделок, выгодных для обеих сторон. «Салауат», или прощение, происходило при большом стечении народа, когда стороны прощали друг другу обиды и отказывались от своих претензий. Еще одна разновидность примирительных процедур – «жугініс» (совещание)¹, где рассматривались крупные межродовые конфликты, затяжные тяжбы и т. п. В этом случае обе стороны призывали на совещание более опытного, известного своей справедливостью и мудростью бия – «ара бия», который также старался примирить стороны и прийти к взаимовыгодному решению.

Теоретическое и конкретно-этнографическое изучение традиционной жизнеобеспечивающей системы казахов было осуществлено Н.А. Алимбай, М.С. Мукановым, Х. Аргынбаевым². Исследование функционирования общины как основного типа социальных отношений в казахском обществе позволило ученым утверждать, что советы биев и суд биев – механизмы, через посредство которых реализовывались властные и управленческие отношения в таких крупных потестарно-политических образованиях, как племя и жуз. Авторы рассматривают кочевое общество сквозь неразрывную связь этнического коллектива и индивида: «Органическая слитность социальных, объективно-объектных условий и субъективно-субъектных факторов общественного производства; социокультурно, экономически, экологически детерминированная принадлежность общинника к социуму и связанная с этим обстоятельством ограниченность частнособственнического начала в кочевой среде исключали реализацию номадного типа отношений в виде стоимостно-вещных, возмездных отношений»³. Даже главы родов, а не только простые кочевники, не могли в полной мере распоряжаться поголовьем стада, так как

¹ Қазақ елінің сот билігі. Алматы: Дидар, 2003. С. 85.

² Алимбай Н.А., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы: Атамекен, 1998.

³ Там же. С. 50.

это могло быть чревато саморазрушением социальной системы. Незыблемость связей в коллективе приводила к сильной спайке родовых отношений не только внутри одной семьи, но и всего рода. Отсюда понятна безграничная вера простых кочевников в своих предводителей, которая зачастую вела к персонификации больших семей в виде конкретных имен биев, тарханов, батыров. В таких условиях биев – «тобе» биев (верховных биев) следует рассматривать как «реальных носителей и субъектов лишь функционально дифференцирующихся всех ветвей власти – распорядительно-исполнительной, судебной и законодательной»¹, причем реализация их деятельности осуществлялась по широко разветвленной генеалогической системе.

В период обострения внешних отношений Казахского ханства важными функциями совета биев и хана являлись военно-политическая и дипломатическая, которые позволяли централизованно решать вопросы защиты внешних и внутренних интересов народа. Участию биев, батыров в военной и дипломатической деятельности посвящено немало количество казахстанских и российских работ².

¹ Там же. С. 59.

² Моисеев В. А., Хафизова К. Ш. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX вв. Кн. 1–2. Алма-Ата, 1989; Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991; Кляшторный С., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992; Қарасай батыр (тарихи зерттеулер, өлең-жырлар) / Құраст. С. Абаев, С. Дәуітұлы, Р. Терлікбаев. Алматы: Санат, 1998; Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. Алматы: Фонд «XXI век», 1998; Құрманғалиева М. Алдияр ұрпағы // Қазақ батырлары. 1999. № 10. С. 6; Дәрменұлы С. Байшора батыр // Қазақ батырлары. 2001. № 5. С. 5; Жеңіс Д. Бөгенбай батырдың жәдігерлері // Егемен Қазақстан. 2001. 14 сәуір. С. 6; Жүністегі К. Ағыбай батыр қылышының тағдыры // Егемен Қазақстан. 2001. 31 қазан. С. 8; Кушкумбаев А. Военное дело казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2001; Едилханова С.А. Казахско-джунгарские взаимоотношения. Алматы: Дайк-Пресс, 2005; Байболұлы Қ. Еңсегей бойлы ер Есім. Дастандар. Алматы, 2005; Қарылғашов Ж. Бөкенбай баһадур // Қазақ батырлары. № 6(83). Маусым. 2005; Аяган Б., Мұқатова Д. Қолбасшы және мәмілегер // Қазақ тарихы. 2006. № 2. С. 48–50; Әбдірахман К. Қаракерей Қабанбайдың Ақмоласы // Қазақ тарихы. 2006. № 2. С. 42–47; Жәнісов Ә. Қанжығалы Бөгенбайдың Қытайға елшіліктері // Қазақ тарихы. 2006. № 6. С. 29–32; Қыдырбайұлы Б. Ел қорғаны – Барақ би // Қазақ тарихы. 2006. № 5. С. 53–55; Есмағамбетов К. Батырлар тарихы – рухани байлығымыз // Қазақ тарихы. 2007. № 4. С. 65–66; Қанжығалы қарт Бөгенбай / Құраст. А. Смайыл. Астана: Фолиант, 2007; Қойгелдиев М. Наурызбай батыр // Парасат. 2006. № 8. С. 2–5; Қорғанбеков С. Уәйіс би, Уәйіс батыр, Уәйіс болыс. Алматы: Қазақстан, 2008; Тарих өткелдеріндегі Төле би / Құраст. Ә.А. Кембаев. Алматы: Өнер, 2010; Кәрібаев Б.Б. Жалаңтөс баһадур және XVII ғ. бірінші жартысындағы Қазақ хандығы // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2011. № 1(60). С. 40–44; Горелик М.В. Военное дело скотоводов Центральной Азии в древности (основные этапы развития) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. № 1–2 (№ 4–5). С. 19–25; Темиргалиев Р. Казахи и Россия. М.: Междунар. отношения, 2013; Илюшин Б.А. Вооружение и тактика служилых татар Московского государства (XV–XVII вв.) // Батыр... 2013–2015. № 6. С. 17–26; и др.

Одним из первых современных исследователей, который осветил роль батыров и биев в казахско-джунгарских отношениях, стал известный казахстанский и российский историк В.А. Моисеев (1948–2007). Исследователь отмечает, что период с XVII по XVIII в. стал бы трагической страницей в истории среднеазиатских народов «если бы... дело спасения страны не взял на себя сам народ, выдвинув из своей среды выдающихся организаторов и предводителей — Букенбая, Кабанбая, Саурыка, Тайлака, Джаныбека, Малайсары, Утегена и многих др.»¹.

Джунгарское нашествие нанесло непоправимый ущерб Степи. Контроль ойратов (джунгар) над юго-восточными и южными районами кочевий казахов способствовал нарушению традиционных маршрутов кочевания, что привело к обострению межродовых отношений из-за возникшей земельной тесноты, к опустению городских и ремесленных центров, служивших средоточием обмена товарами между среднеазиатскими народами и кочевыми племенами, к нарушению родовых и этнических связей между кочевниками, оказавшихся в разных государственных образованиях. В этот период политической и экономической раздробленности роль элиты «черной кости» – биев и батыров – значительно возросла.

В.А. Моисеев отмечает значимость всеказахских съездов 1710 и 1726 гг., на которых были приняты решения о создании народного ополчения и организации отпора джунгарам. Особенно исследователь подчеркивает важность съезда, состоявшегося в местности Орда-Басы к юго-востоку от Туркестана в 1726 г. По его мнению, инициаторами созыва собрания являлись, скорее всего, батыры и бии. В том же году они, объединив силы трех жузов, смогли нанести джунгарам серьезное поражение на берегу реки Буланты. После этой битвы народное ополчение «перехватило инициативу и перешло в контрнаступление. В то же время, пусть и незавершенная, победа над столь

¹ Моисеев В.А. Указ. соч. С. 78.

грозным противником пробудила в казахском народе чувство национальной гордости, значимости единства»¹.

Таким образом, бии являлись непосредственными носителями военной власти во внешнеполитической области, причем с этим фактом ханам приходилось не только мириться, но и принимать его как реальность.

Прав ученый, считая, что казахский хан в военное время выполнял функции главнокомандующего армией, а в мирное – его внешнеполитическая деятельность ограничивалась дипломатической сферой, которая была подконтрольна совету старейшин и носила, вероятно, формализованный характер. Очевидно данное высказывание скорее применимо к тем историческим периодам, когда власть хана переживала кризис, и хан был вынужден считаться с мнением предводителей родовых подразделений. Но даже и в период расцвета, например, правление Тауке хана, роль совета старейшин не утрачивала своих позиций. В.А. Моисеев считает, что «чтобы быть избранным в ханы, недостаточно было одного происхождения, необходимо было доказать свое превосходство над соперниками в богатстве, на бранном поле или в судебных делах, а самое главное — иметь под своей властью как можно больше родов, и, следовательно, поддержку родовой знати — биев и старшин. Действительно, реальная власть казахских ханов порой ограничивалась тем поколением, родом или племенем, в котором он был владельцем»².

О роли батыров в военное время говорят и многие другие историографические источники. Так, например, Т.К. Алланиязов отмечает, что батыры и бии, пользовавшиеся большой популярностью среди народа, во время военных действий становились во главе народного ополчения³. Исследователи С. Абаев, С. Дауитулы, Р. Терликбаев приводят легенды о батыре Шапырашты Жанае, согласно одной из них Жанаю удалось во время

¹ Там же. С. 79–81.

² Там же. С. 89.

³ Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. Алматы: Фонд «XXI век», 1998. С. 10.

боя с джунгарами в 1620 г. захватить в плен знатных владельцев-старейшин Тойлы и Каракалды вместе с семьями¹.

Кровопролитные и затяжные войны кочевников, по мнению казахстанского историка А. Кушкумбаева, выводят «на политическую авансцену правителей родов и улусов – султанов, батыров, которые нередко диктовали свою политическую волю ханам»². Влияние этой группы на решения ханов по вопросам внутри- и внешнеполитической деятельности было значительно, так как могущество и сила хана напрямую зависели от многочисленности поддерживающей его группы батыров и биев³. Исследователям Т.К. Алланиязову и А. Кушкумбаеву мы обязаны расширением представлений об источниках по истории военного дела казахов.

Вообще стоит отметить, что в современной казахстанской историографии тема института бийства-батырства и его роли в истории военных отношений казахов XV–XIX вв. в последние годы занимает особое место и по количеству героических поступков, совершенных биями-батырами, и по вкладу в сохранение казахской народности, и по популярности в народно-бытовой памяти. Пожалуй, ни одна сословная группа не удостоивалась такой всеобщей народной любви. Поэтому обращение к этой тематике современными исследователями носит, на наш взгляд, закономерный характер, в основе которого лежат не только научные интересы, но и практические, выражающиеся в воспитании патриотических чувств у казахстанцев через привитие чувства гордости за героическую роль исторических деятелей.

В целом отметим, что исследователи рассматривают институт биев как один из инструментов урегулирования внутри- и внешнеполитических вопросов Казахского ханства.

¹ Қарасай батыр (тарихи зерттеулер, өлең-жырлар) / Құраст. С. Абаев, С. Дәуітұлы, Р. Терлікбаев. Алматы: Санат, 1998. С. 2.

² Кушкумбаев А. Военное дело казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 90.

³ По казахским преданиям при Тауке хане значительным политическим весом обладал Алдияр батыр (1641–1712) из найманского рода садыр. Тауке хан был вынужден прислушиваться к его мнению даже тогда, когда оно не совпадало с внешнеполитическим курсом ханства. Например, когда Тауке хан решил убить послов джунгарского хунтайджи Цеван-Рабтана, Алдияр батыр и его сторонники воспротивились этому, и хан был вынужден уступить.

Дополняют наши знания о функциях биев материалы многотомного издания «Қазақтың ата заңдары» (Древний мир права казахов). Так, правовед А.С. Ибраева выделяет восемь функций, которые, по ее мнению, выполняли бии: «1. Политическая – нахождение компромисса в общине, роде, в социуме в целом, а также функция по сплочению народа в единый народ. 2. Правоохранительная или судейская функция. 3. Нравственно-воспитательная функция. 4. Идеологическая или функция по внедрению в сознание казахского народа единых идей, ценностей. 5. Функция хранителя народной мудрости, народных ценностей, обычаев и традиций. 6. Представительская функция. Бии представляли весь народ, высказывали самые сокровенные народные требования. 7. Повседневная организаторская функция. 8. Компромиссная функция или функция по упреждению конфликтов и споров»¹.

Принцип выделения автором функций биев не совсем понятен. Так, политическая и компромиссная функции взаимосвязаны и преследуют одну цель – недопущение ссор и конфликтов среди родов, племен. В целом нужно подчеркнуть, что принцип компромисса лежал в основе бийского судейства. Поэтому эти функции можно было объединить. А.С. Ибраева считает, что «Авторитет биев был настолько высок, что они даже могли сместить хана или же сами избираться ханом»². К сожалению, ученый не приводит примеров утверждения в ханском звании представителей «черной кости». Возможно, в этом смысле можно говорить о Толе би, который после смерти хана Старшего жуза Жолбарыса (1690–1740) правил Ташкентом в течение нескольких лет, однако он был только правителем, в ханском звании его совет биев не утверждал.

Наряду с указанными функциями, А.С. Ибраева считает, что казахская государственность сохранилась и развивалась благодаря справедливым решениям биев. Значение биев, по ее мнению, не ограничивалось только

¹ Ибраева А.С. Особенности формирования и развития казахского права «Жаргы» и роль биев в его укреплении // Древний мир права... Т. 10. Алматы: Жеті жарғы, 2009. С. 166.

² Там же. С. 167.

рамками правовой деятельности, они были «вождями родов, ораторами, правоведами, политиками, дипломатами, философами, поэтами, педагогами, психологами, и, в случае военной необходимости, воинами. Поэтому они являлись хранителями народной мудрости, всей совокупности духовной культуры нации и правовой культуры, в том числе»¹.

Серьезный вклад в изучение внешне- и внутривластной роли бийского института вносят работы известного правоведа Б. Куандыкова², которые посвящены роли и значению совета биев и ханского совета.

По мнению ученого, совет биев как орган управления народом берет начало в сакскую эпоху и функционирует на территории степных районов на протяжении всей истории евразийских кочевников. Б. Куандыков выделяет несколько особенностей в работе этого органа. Во-первых, деятельность этого органа зависела от внутри- и внешнеполитических факторов: она то затухала, особенно в мирное время, то вспыхивала, если обстановка в обществе осложнялась. Вторым фактором, влиявшим на работу и развитие совета, ученый связывает с субъективным началом – усиление роли совета напрямую зависело от власти и влияния правителя: чем авторитетнее была верховная власть, тем значимей в глазах соплеменников была деятельность совета. Так, Б. Куандыков приводит примеры верховных правителей – Моде-шаньюй³, Аз-Жанибек, Касым, Есим, Тауке ханов, при которых совет биев играл роль не только совещательного органа, его полномочия были достаточно широкими.

Еще одна проблема, на которую предлагает обратить внимание ученый является разграничение понятий «совет биев» и «ханский совет». Несмотря на то, что недостаточное количество исторических источников значительно затрудняет решение этой проблемы, Б. Куандыков предлагает разделение этих

¹ Цит. по: Нәрікбаев М.С. Ұлы билерімізден Жоғарғы Сотқа дейін. Алматы: Атамұра, 1999. С. 145–151.

² Куандыков Б. Әйтеке бидің қоғамдық саяси қайраткер ретіндегі өмірінің басты-басты кезеңдері // Казахстанский журнал международного права. 2000. № 3(3). С. 61–66; Он же. Әйтеке бидің билік шешімдері. Алматы: Өркениет, 2003; Он же. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы билер кеңесі: қалыптасуы мен дамуы // Древний мир права казахов... Т. 2. С. 347–354; Он же. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы билер сотының қызметін құқықтық реттеу // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2012. № 2(62). С. 3–5.

³ Шаньюй – верховный правитель в гуннском государстве.

понятий следующим образом. По его мнению, «ханский совет» упоминается в источниках под названием «Малый совет», орган, в который входили ближайšie советники хана, помогающие ему в решении повседневных государственных вопросов. Совет биев, или «Большой совет», объединял видных родоначальников – биев, батыров и старшин: круг вопросов совета охватывал все сферы жизнедеятельности кочевого социума, в том числе и внешнеполитическую деятельность ханства. При всяком появлении послов присутствие биев, старшин, батыров было обязательным.

Кроме того, Б. Куандыков проводит сравнение совета биев и ханского совета с аналогичными органами управления соседних государств, пытаясь найти сходства и различия: «К примеру, в древнерусском государстве был «Совет бояр», в Новгороде и Пскове такой орган назывался «Оспода», в Ростове-Суздале при князе «Совет Князя». А в централизованном русском государстве «Боярская дума». В истории Литовского государства был орган «Литовский Вальный Сейм», в Молдавии орган из семи бояр «Боярский Совет». В Грузии государственный орган – «дарбази» делился на два совета»¹.

«Большой совет», или совет биев, во времена Тауке хана выполнял роль органа, сосредоточивающего законодательную, совещательную, а в случаях крупных межродовых войн и столкновений – высшую судебную функцию. Б. Куандыков в компетенцию совета биев включает: вопросы управления казахскими жузами (принятие и утверждение законов и др.); вопросы войны и мира; согласование военных предводителей во время военных действий; суд и расправу над известными батырами и биями; вопросы внешнеполитической деятельности Казахского ханства; решение межродовых конфликтов, наносящих урон материальному благополучию кочевых общин; принятие апелляций на судебные решения биев; выборы хана и др.

¹ Куандыков Б. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы билер кеңесі: қалыптасуы мен дамуы // Древний мир права казахов... Т. 2. С. 351.

Существенный вклад в современную историографию проблемы внес правовед и журналист К. Омарханов¹. Он плодотворно исследовал те области традиционного права казахского народа, которые касались бийства. Также, как и другие ученые, К. Омарханов полагает, что особенностью казахского общества являлись неделимость власти и сосредоточение ее в руках тех лиц, которые, зная традиции и обычно-правовые нормы своего народа, управляли на всех таксономических уровнях казахского общества. То есть если рассматривать вертикаль властных уровней, то бии были представлены на каждом из них.

Исследования К. Омарханова интересны тем, что в них он старается обозначить новые грани бийского института. Так, по его мнению, бии обладали даром предвидения будущего казахского народа, они предостерегали о грядущих переменах, имеющих непредсказуемый характер, которые могли повлиять на развитие всего общества: «Елу жылда – ел жаңа, жүз жылда – қазан» (За пятьдесят лет народ обновляется, за сто лет – казан²). Исследователь считает, что в истории казахов имеется множество случаев, когда, начиная от легендарного Майкы би (XIII в.), прогнозы влияли на правителей и предупреждали нежелательные последствия их действий. К. Омарханов приводит одну из легенд об Асане Кайгы (кон. XIV в. — 60-е гг. XV в.) – советнике откочевавшего из Узбекского улуса Жанибек султана, согласно которой Асан на верблюдице Желмая на протяжении своей жизни искал землю обетованную – Жер-Уюк, где люди живут без горя и нужды. Философские наставления советника хана Асана Кайгы и его толғау (размышления) о будущем народа оказывали воздействие на выработку внешнеполитического курса казахских султанов Жанибека и Керейя по объединению разрозненных племен в единый улус – Казахское ханство.

¹ Омарханов К. Қазақ елінің дәстүрлі құқығы. Астана: Елорда, 2003; Он же. Дәстүрлі құқықтағы билер соты. 2 кітап. Алматы: Кітап «Заң» Медиа-корпорациясы, 2008; и др.

² В данном случае, термин «казан» обозначает время, которое преходяще, и неизвестность будущего.

По мнению К. Омарханова, бии активно проявляли себя в развитии внешнеполитических связей Казахского ханства с Российской империей, Джунгарией и Китаем, на дипломатическом поприще.

В Степи действовал принцип: «Елдестірмек – елшіден, жауластырмак – жаушыдан» (Дружба зависит от посла, вражда от гонца). Смысл этой пословицы в том, что хороший посол может решить любое дело миром, неумелый гонец может стать причиной войны. В связи с этим представителям бийской группы, владеющей знанием внутривосточной ситуации и обладающей даром красноречия, который в силу развития устных традиций кочевников очень высоко ценился, доверяли возглавлять дипломатические миссии казахов.

Свою точку зрения К. Омарханов подтверждает следующим примером. В 1741 г. в плен к джунгарам попал Абылай султан, что послужило одним из поводов к отправке российской стороной посольства во главе с К. Миллером. Посольская миссия увенчалась в целом успехом, султан был вызволен из плена и вернулся в родные степи. Однако Галдан-Церен (1727–1745) потребовал оставить в аманатах батыра Жапека, что вызвало протест со стороны возглавлявшего казахскую делегацию Казыбек бия.

Бий обратился к правителю джунгаров с такими словами: «Мы – казахи, в степи пасем скот. Никому не угрожаем, мы – мирный народ. Чтоб счастье и удача не покинули нас, чтобы враг невзначай не ринулся на нас, мы держим копьё наготове и знаем цену доброго слова. Мы – народ, верный в дружбе, мы гостеприимны и щедры, а в грозный час, когда это нужно, ханские юрты обрушим мы! Сын, рожденный от достойного отца, никогда рабом не станет. Дочь, рожденная честной матерью, рабыней не станет. Мы вольные люди, дети степи, сыновей и дочерей своих в неволе содержать не станем. Вы, калмыки, отчаянный народ, но в честном бою мы вам не уступим. Если вы железо, мы расплавим вас. Мы за мир, не за вражду, коль надо – схлестнемся в открытом бою. И клинком, и мечом отстоим свою честь. И храбрых джигитов в степях не

счесть. Ты – леопард-қабылан, я – лев-арыстан. Ты – скакун-тулпар, я – горный сокол-сункар. И спуска вам не дадим. С добром пришли – добром ответь! Не хочешь мира – получишь войну!»¹. К. Омарханов уверен – смелые слова молодого бия, послужили поводом к успешному окончанию посольской миссии.

Значительный интерес представляет работа А.Л. Перфильева, который провел исследование способов урегулирования межродовых конфликтов в казахской степи в 1780-е – 1860-е гг., а также роль Российской империи в решении этих столкновений². Среди причин, приведших к увеличению числа конфликтов в степи (разбоев и краж скота), ученый выделяет ослабление ханской власти, которая в этот период переживала кризис, земельный кризис, вызванный строительством крепостей и военных линий, восстания казахов, которые способствовали взаимным нападениям кочевников друг на друга.

Для решения споров российские власти широко использовали такие традиционные институты казахского общества, как суд биев, основанный на нормах обычного права и помощь «белокостных» представителей – султанов. Однако данные меры не смогли полностью упорядочить межобщинные конфликты, что подтолкнуло власти к проведению съездов наиболее влиятельных султанов, биев и старшин конфликтующих сторон, где третьей силой, гарантирующей исполнение судебных решений, выступала региональная администрация.

А.Л. Перфильев обратил внимание на то, что во второй половине XVIII – начале XIX вв. барымта как институт правового регулирования, призванный подталкивать стороны к компромиссному решению конфликта, начинает постепенно вырождаться.

Ученый подчеркивает, что большой знаток обычного права А.К. Гейнс отмечал значение барымты в обществе кочевников и считал ее естественным и

¹ Омарханов К. Дәстүрлі құқықтағы билер соты. 2 кітап. Алматы, 2008. С. 89–90.

² Перфильев А.Л. Межродовые конфликты казахов и их урегулирование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011.

проверенным средством при урегулировании всех вопросов жизнедеятельности кочевников¹. Также мы согласны с точкой зрения Ж.О. Артыкбаева: «Любые столкновения между родами, а также *казахская барымта* (выделено нами. – Ж. М.) могут быть квалифицированы как структурообразующие, дисциплинирующие факторы»².

В то же время стремление истца с помощью барымты забрать чужое имущество встречало естественное осуждение царской администрации, так как мы отмечали выше – законы Российской империи рассматривали частную собственность как неприкосновенную, как естественное право человека. В этих условиях барымта расценивалась как свидетельство вандализма, «недалекости и непросвещенности» казахского народа и причислялась к уголовно наказуемым преступлениям.

А.Л. Перфильев безусловно прав, когда отмечает, что все названные выше требования к барымте постепенно перестают соблюдаться. Кризис ханской власти, произошедший отчасти вследствие падения престижа и значения народных собраний, где рассматривались вопросы крупных родовых и межродовых конфликтов, способствовал тому, что барымта постепенно начинает перерождаться в разбой.

В целом исследование А.Л. Перфильева, основанное на анализе большого количества архивных и исторических материалов, вносит определенный вклад в изучение истории Казахстана в дореволюционный период и заслуживает внимания исследователей. На мой взгляд, А.Л. Перфильев уделил мало внимания влиянию реформ XIX в. на падение роли и значения традиционного народного суда биев, которое, в свою очередь, привело к нарастанию межродовых столкновений и отсутствию возможности решить споры.

Итак, исследователи, о которых мы упоминали выше (Б. Куандыков, К. Омарханов и др.), считают, что роль биев в общине – многофункциональна,

¹ Перфильев А.Л. Указ. соч. С. 53.

² Артыкбаев Ж.О. Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий. СПб.: Мажор, 2005. С. 219.

и по этой причине сложно определить, какая функция (или направление деятельности) в управлении общиной являлась приоритетной.

Иная оценка по сравнению с указанной точкой зрения звучит в работах академика С.З. Зиманова и директора Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов И.В. Ерофеевой, в которых биям отводится узко специализированная функция, связанная прежде всего с судебной деятельностью в кочевой общине.

Так, Е.И. Ерофеева отмечает, что бии занимали «чрезвычайно важное место» и осуществляли функции судебной власти в кочевых коллективах¹. Привилегированность их положения определялась выполняемой ими функцией правового регулирования и посредничества, которую они выполняли. Решая межродовые и межклановые споры, бии приобретали немалый вес и могущество в кочевом обществе, что позволяло им воздействовать на верховную власть.

В свою очередь, академик С.З. Зиманов, опираясь на дореволюционные письменные источники и данные этнографических экспедиций, утверждает: «Бии выделились в особую группу людей больше связанных с правосудием. В этом состоит коренное отличие казахских биев от беков-биев в других тюркоязычных ближних и дальних странах. В тех исторических степных условиях судебная власть имела двойное значение — отправление правосудия и нормотворческое. Казахские бии были и судьями, и законодателями»². Усиление биев, начавшееся в эпоху Касым хана, способствовало их выделению из общей массы кочевников в группу судебных функционеров и привело к повышению статуса и роли в местно-родовых и общеполитических делах государства.

Сопоставление употребления терминов «би», «бек» в среднеазиатских странах и в казахском обществе, приводит академика С.З. Зиманова к выводу, что в среднеазиатских государствах данные термины имели значение «власть,

¹ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. С. 40.

² Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008. С. 74.

властвовать», в то время как в казахском обществе, этот термин обозначал обладателя судебных полномочий.

Итак, в современной историографии сложилось представление о биях, как о лицах, которые сосредотачивали в своих руках всю полноту власти. Углубленное изучение вопросов внутренней и внешней политики Казахского ханства позволяет утверждать, что бии являлись связующим звеном между структурными уровнями казахского общества и обеспечивали его укрепление и развитие. Соединяя все нити по управлению родо-племенными коллективами, биям удалось стать той силой, с мнением которой считались не только простые кочевники, но и верховные правители крупных племенных объединений. Однако наряду с этой точкой зрения в современной историографии существует другая, согласно которой бийская власть объединяла правотворческое дело и отправление правосудия.

С моей точки зрения современные исследователи, останавливаясь на раскрытии роли института биев в жизни казахского общества, не в полном объеме определяют функциональные особенности этой группы. Направления деятельности биев раскрываются в работах однобоко, точнее неполно, т. е. в основном оптика исследований сосредоточена на судебном, административном, военном характере и т. д. Вместе с тем, данные архивных материалов расширяют поле деятельности казахских биев, особенно в XIX в., когда значительная часть Степи оказалась инкорпорированной в российское имперское соционормативное поле.

К примеру, хотелось обратить внимание на малоизученный аспект деятельности биев – их участие в разведывательных экспедициях в составе торговых караванов в Среднюю Азию для сбора информации о ситуации в этом регионе. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан имеется достаточное количество дел, которые позволяют проследить активную поисковую работу биев в среднеазиатском направлении в середине XIX в. Такая активность, полагаю, связана с неудачным первым походом

Оренбургского и Самарского генерал-губернатора В.А. Перовского в 1839 г. на территорию Хивинского ханства. Задачи закрепления российского присутствия в этом направлении ставили перед региональными властями поиск оптимальных путей решения проблемы. С этой целью администрация края начинает тщательную подготовку к предстоящему походу в Среднюю Азию, в том числе сбор разведданных о политическом и экономическом положении в этом малоизвестном крае.

Для этой сложной и опасной работы стали привлекаться лица азиатской национальности, знакомые с местным бытом, языком, но самое главное – пользующиеся доверием у российских властей. Поэтому не удивительно, что на роль основных участников разведывательных операций стали вербоваться казахские бии, которые в ходе реформ первой половины XIX в. стали одной из основных политических сил, на которую опиралось российское правительство.

К вопросу подбора кадров для выполнения этой миссии российское правительство, судя по архивным документам, относилось серьезно и привлекало только тех из них, которые вызывали глубокое доверие. Так, к примеру, в донесениях штабс-капитана генерального штаба Венюкова отмечалось, что «бий в роде Бутбай Диканбай Капсалямов ...весьма умный и влиятельный, но как прежде, так и теперь более сочувствующий Хокандскому правительству, от которого много получал наград»¹. Вместе с тем в этом же документе отмечалось, что «батыр Талыбек Диканбаев, сын бия Диканбая пользуется особенным влиянием в народе, через него можно также действовать на зачуйских киргиз и для того необходимо его поощрить наградой (малую серебряную медаль в петлицу с надписью “за усердие”)², или «бий Дусайпак Караталов. Преимущественно пред всеми киргизами был полезен знанием местности. Сверх того, как дельный человек, посылаем был для переговоров с Пишпекским комендантом»³. Почетные, уважаемые бии, умеющие не только

¹ ЦГА РК. Ф. 427. Оп. 1. Д. 14. Л. 53.

² Там же. Л. 54.

³ Там же. Л. 61.

заполучить разведывательные данные, но и повлиять своими словами на настроение местного населения – вот те качества, которые ценились правительством.

К такому выводу позволяют прийти показания биев Младшего жуза о политическом положении в среднеазиатских ханствах в 1852 г. Эти сообщения начинают активно запрашиваться российской стороной в преддверии подготовки ко второму походу В.А. Перовского в Среднюю Азию, который был намечен на 1853 г.

Интересно донесение бия адаевского рода Батырхана Шагимарданова на имя председателя Оренбургской Пограничной комиссии генерал-майора М.В. Ладыженского. Так, среди общей информации о строительстве хивинцами крепостей в урочище Дау-Киськян, укреплений в урочище Даукара, он отметил следующее: «Осенью пошлого года приехали в Хиву три Англичанине из Бухарского города Парвар для того будто бы, чтобы испросить у Хана позволения проехать по Хивинскому ханству в Россию с войском»¹. Конечно, эти важные сведения бия не остались без внимания региональных властей. Поэтому Б. Шагимарданову было предложено в самые кратчайшие сроки организовать караван для закупки хлеба и меновой торговли с хивинцами. Отправляя бия Батырхана с торговым караваном в Хиву, власти ставили перед ним задачу разузнать следующую важную информацию: «1. Действительно ли и с какой целью хивинцы устраивают крепости на урочище Дау-Киськянь. Сколько в них войска? 2. Правда ли что в Хиву приезжали три Англичанина? И просили хана позволения проехать по его ханству с войском в Россию? 3. Какими владениями успели завладеть англичане? С какой стороны могут англичане прийти в Хиву с войском? Сколько войска могут выставить хивинцы? 4. Правда ли что англичане покорили Авганцев, Кабул, Хаджар, Кандагар, Герат и завладели уже будто бы бухарскими городами: Шар-Сивар, Кутлам, Парвар и Кышкар? Предмет этот требует самой тщательной и верной

¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3623. Л. 1 об.

проверки. ...7. Что думают в настоящее время хивинцы и хан о России, нашем Правительстве и Оренбургском Пограничном Начальстве? Какие они мысли об укреплениях, в особенности Аральском и Ново-Петровском?»¹ и др. Судя по поставленным вопросам, программа сбора сведений была настолько важной для властей, что перед отправкой бия Б. Шагимарданова, младший переводчик Оренбургской Пограничной комиссии Батыршин задал ему вопрос: «Какая бы награда была ему более лестна и приятна», на что первый ответил «что деньги были бы самым лучшим подарком»².

Аналогичные сведения биев, которые засылались в качестве торговых послов, купцов в среднеазиатские ханства с целью добычи информации о них можно найти и в других архивных материалах. Здесь хотелось бы обратить внимание еще на одну роль, которую выполняли бии, осуществляя свою разведывательную миссию. Выше говорилось, что правительство России ценило в биях многие качества, в том числе – умение убеждать слушающих в «правдивости» своих слов. В подтверждение сказанного привожу выдержку из одного документа, которая позволяет шире раскрыть образ бия – ведь ему удается убедить своими словами не столько свой родной аул, сколько среду в определенной степени враждебную, чужую. Так, бий Бимухаммед Джангельдин рассказывал в своем донесении следующее: «Пробыл в Хиве 2 месяца. Желают, чтобы Русские овладели Хивою, в особенности желают этого каракалпаки, потому что находятся в пренебрежении. Желание это проявлялось в особенности, когда я рассказывал об обширности России, о благосостоянии ее подданных, о мирном и спокойном кочевании киргизов и о том, что они благоденствовали под благодетельном правлением России; в это время у них вырывались тяжелые вздохи, потому что они убеждены в истине моих слов, многие часто говорил: когда же русские возьмут Хиву?!»³.

¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3623. Л. 7 об.–8 об.

² Там же. Л. 5 об.–6.

³ Там же. Л. 19, 21.

В определенной степени успешную кокандскую операцию 1853 г. В.А. Перовского, в результате которого была заложена крепость Ак-Мечеть, можно связать с теми геостратегическими и политическими данными, которые поступали в Оренбургскую администрацию, в том числе и от биев.

В советское время в контексте дискурса «Россия – абсолютное зло», внешнеполитическая деятельность биев характеризовалась отрицательно – в них видели врагов советской власти. Не зря в 1933 г. в фондах ЦГА РК появились материалы «Казахские феодалы и баи на службе у царизма. Издание Казцентрархива», в которых действия биев трактовались как соглашательство стать «шпионами царской администрации», а сами они «предавали трудящихся Казахстана»¹. Уверена, такой подход к вопросу неправильный, учитывая, что в XIX в. территория Младшего и Среднего жузов уже вошла в состав Российской империи, и казахская верхушка стала активно привлекаться в качестве служащих по управлению краем. К тому же следует добавить, что те реформы, которые российское правительство в XIX в. проводило на своих юго-восточных окраинах в основе своей имели «сделку» – местные правители (элиты) получали определенные права и привилегии (касательно биев они сохраняли право судить по адатному праву) в обмен на обязательство нести службу в интересах государства. Поэтому можно говорить о том, что подобная деятельность биев была направлена, в том числе и на естественную защиту своих интересов и полномочий. Иначе ничем иным объяснить довольно прохладное отношение современных исследователей к этой тематике нельзя. А между тем, с подобной миссией в 1858 г. был отправлен в Кашгар известный казахский ученый Ч.Ч. Валиханов. И это историческое путешествие вошло в анналы российской и казахстанской науки. Надеюсь, приведенный пример послужит доказательством того, что еще многие аспекты деятельности биев не стали предметом исследования современных ученых.

¹ ЦГА РК. Ф. 427. Оп. 1. Д. 14. Л. 51.

Жизнеописание казахских биев в трудах современных исследователей

В последнее время отдельное направление в гуманитарных науках представляет изучение жизни и деятельности видных казахских биев. Объектом исследований стали бии, чьи имена оказались связанными в народной памяти со знаменитыми изречениями, судебскими прецедентами, внесшими вклад в формирование национальной идентичности, культуры и менталитета казахов, – Майкы би (XII – нач. XIII в.)¹, Толе би, Казыбек би, Айтеке би и мн. др.²

Биографические работы, как правило, в некоторой степени идеализируют образы великих законодателей казахского народа. На наш взгляд, это связано в первую очередь с обретением Республикой Казахстан в 1991 г. независимости и тесно сопряженным с этим событием процессом становления национальной идентичности. В новых условиях остро ощущался вакуум в научных трудах, в которых идеологические установки молодого государства агрегировались бы в некую универсальную нравственную конструкцию, несущую обществу, особенно молодому поколению, такие духовные ценности как, например, патриотизм, в которых аккумулировались бы достигнутые научные знания об истории и культуре народа, о подвигах и жизни знаменитых деятелей казахов, внесших значительный вклад в развитие своей родины. Монографии, на

¹ Төрекүл Н. Майкы би және Төле би // Древний мир права казахов... Т. 1. 2004. С. 167–204; Омарханов Қ. Майкы биден қалған «Жеті жарғы» // Там же. С. 204–209; и др.

² Отметим, что в последние годы в Казахстане проводятся мероприятия самого разного характера, приуроченные к юбилейным датам исторических деятелей, в том числе биев. См.: Амандықов Х. Толе би (на каз.яз.). Шымкент: Мұраттас, 1991; Дала кемеңгері немесе Сырым туралы сыр. Алматы: Сөзстан, 1992; Дәуітұлы С. Байдалы би // Қазақ әдебиеті. 1993. № 4; Сегіз би // Құраст. Матан Смаділов. Алматы: Жалын, 1997; Есей би // Тура Би. 1998. № 5. С. 87–92; Қазақ даласының Қарасай батыры (Тарихи зерттеулер, өлең-жырлар) // Құраст. С. Абаев, С. Дәтұлы, Р. Терлікбаев. Алматы: Санат, 1998; Суаннан шыққан сегіз би. Алматы, 1998; Арынұлы С. Тарақты Байқозы батыр // Жас Алаш. 2001. 28 тамыз; Дәрменұлы С. Байшора батыр // Қазақ батырлары. 2001. № 5; Бәйдібек би // Заң. 2002. № 6. С. 67–69; Байболұлы Қ. Еңсегей бойлы ер Есім. Дастандар. Алматы, 2005; Қарылғашов Ж. Бөкенбай баһадур // Қазақ батырлары. 2005. № 6(83). С. 4; Тарихи тұрға, тілді би. Қызылорда: Тұмар, 2005; Әбдірахман К. Қаракерей Қабанбайдың Ақмоласы // Қазақ тарихы. 2006. № 2. С. 42–47; Жәнісов Ә. Қанжығалы Бөгенбайдың Қытайға елшіліктері // Қазақ тарихы. 2006. № 6. С. 2–3; Қойгелдиев М. Наурызбай батыр // Парасат. 2006. № 8. С. 2–5; Кул-Мухаммед М. Монке-би. История, личность, время. Алматы: Аруна, 2006; Қыдырбайұлы Б. Ел қорғаны – Барақ би // Қазақ тарихы. 2006. № 5. С. 53–55; Есіркенова Ж.О. XIX ғасырдың бас кезіндегі Кіші жүздегі саяси жағдай және Өзберген би // Вестник КазНУ. Сер. истор. 2010. № 1(56). С. 69–73; Кәрібаев Б.Б. Жалаңтөс баһадур және XVII ғ. бірінші жартысындағы қазақ хандығы // Вестник КазНУ. Сер. истор. 2011. № 1(60). С. 40–44; и др.

анализе которых мы остановимся ниже, вносят существенный вклад в изучение института бийства.

Деятельность Майки би (1105–1225) подробно изучил Н. Турекул, который называет его «отцом всех казахских биев»¹ и «основоположником

¹ Это выражение широко используется многими казахстанскими исследователями. Кроме этого, Майки би и другие герои народного фольклора наделялись уникальными способностями, так как считалось, что «наиболее талантливыми являются акыны и жырау, отмеченные каким-либо недостатком: слепые, одноглазые, хромые и т.д.». См.: Турсынов Е.Д. Генезис казахской бытовой сказки. Алма-Ата: Наука, 1973. Но помимо этого в казахстанской историографии Майки би называют родоначальником рода табын Младшего жуза, уйсун и дулат Старшего жуза. В родословной, записанной поэтом конца XIX в. Н. Наушабаевым читаем: «У некоего тюркского военачальника Алаша были два сына: Сейльхан и Жайльхан. От второго идет один сын Майки. От него Озбек и Сабьян, от Сабьяна – Аир-Калпак. От него – Казах и Созак. От Созака – Кара-Калпак. От Казах – Ак-Арыс, Жан-Арыс и Бек-Арыс. Уйсун и Дулат являются сыновьями Ак-Арыса». См.: Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. I. Алма-Ата: Алма-Атинский гос. педагог. институт имени Абая, 1959. С. 29. Интересно отметить, что своим прародителем его считают и родовые объединения других народов. К примеру, советские этнографы, знакомясь с устным народным творчеством разных народов, пришли к выводу, что многие из них возводят свою генеалогию от Майки би. Так, участница Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР 1947 г. К.Л. Задыхина отмечала, что среди узбеков племен конграт и кыпчак дельты Амударьи сохранились легенды, связанные с Майки бием. Согласно одной из легенд: «Узбеки от каракалпаков отличались шапкой, но они родственны друг другу. Предком их был Майке-бий». Согласно другой легенде, записанной со слов казаха Ордобаева Боке в колхозе «Коммунист», генеалогическая схема объясняла происхождение туркмен, казахов, каракалпаков, узбеков и ногаев от общего предка: «Ак-Шулпан → Жанарыс → Джайльхан → Тумен Майке → узбеки, каракалпаки, казахи, ногаи». См.: Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ТХАЭЭ). Под общ. ред. проф. С.П. Толстова. Т. I. М.: АН СССР, 1952. С. 343. Участница этой экспедиции этнограф Т.А. Жданко привела шежире племен муйтен и кият, входящих в отдел «конграт» и имевших также общего предка Майки:

«Уран муйтенов “Ак-шолпан”,

Уран киятов “Арухан”

От Майки [предок конгратов] пошли конграты,

Они [все] соединились». См.: Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // ТХАЭЭ. Т. I. М.: АН СССР, 1952. С. 511.

Известный исследователь башкирского шежере Р.Г. Кузеев также приводил легенды, согласно которым некоторые племенные группы башкир сохранили в народной памяти генеалогическую летопись, восходящую к Майки бию. Так, в шежере одного из крупных восточных племен табын записано: «С самого начала Чингизхан дал страну Майки-бию и [затем] дал уран – Салават, дерево – лиственницу, птицу – стервятник» (с. 156). В другой летописи мы читаем: «Род Кара-Табын идет от Майки-бия. Во времена Чингиз-хана Майки-бий, живя в местности Миадак в Уральских горах, кочевал в долине реки Миасс; он Чингиз-хану возил подарки; став его спутником, ездил вместе с Чингиз-ханом (курсив мой. – Ж. М.) на одной повозке [досл. телеге]; дали ему имя Уйшин (уйсын? – Ж. М.) Майки-бий». (с. 165.) См.: Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. Полагаем, что получение Майки бием из рук Чингисхана символов власти – уран, дерева, птицы (думаем, что в данной легенде эти понятия имеют значение суда, народа и государственных надзорных органов соответственно) и совместная езда на телеге близких по статусу людей говорит нам о признании табынцами власти монгольского завоевателя и назначении Майки бия в качестве представителя монгольского хана среди башкир. Упоминание в легенде «уран – салавата», на наш взгляд, означает передачу Чингисханом Майки бию судебных и законодательных полномочий, так как судебно-процессуальный институт «салават» применялся биями, как правило, до начала суда и означал забвение обид, прекращение дела по взаимному согласию. Другой вариант этой легенды дан в работе Г.Н. Потанина. Однако смысл ее тот же: «Он всегда сидел первым подле Чингиса. Это был его визирь». См.: Потанин Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина. Вып. I–II. Петроград: Типография В.Д. Смирнова, 1916. С. 50. Сведения современных ученых перекликаются с материалами легенд советских этнографов. Так, Ю.М. Юсупов, исследовав предания и шежере башкир, пишет: «О нем (Майки бие. – Ж. М.) мы узнаем не только из многочисленных преданий, но и табынских шежере, в большинстве случаев которые восходят к Майки-бию. В реальности существования Майки-бия не приходится сомневаться. Он был один из четырех военачальников, которых Чингисхан передал своему сыну Джучи». См.: Юсупов Ю.М. История

правовых принципов казахского бийского института: “Түгел сөздің түбі бір, түп атасы – Майқы би” (Слова и сила справедливости – основы решения конфликта), – так установил Майқы би»¹.

Ссылаясь на древний источник по истории монголов Рашид ад-Дина «Джами ат тауарих» (Сборник летописей), автор утверждает, что Майқы би был главным советником Чингисхана, который ему настолько доверял, что во время военных походов оставлял его правителем государства. Несмотря на физическое уродство (он был хромым с рождения) Майқы отличался незаурядным умом, его управленческие способности закрепили за ним прочную репутацию грамотного правителя, прекрасного оратора, справедливого судьи.

Пройдя этап бала-бия, Майқы становится советником Чингисхана, который поручает ему создать новый правовой язык, основанный на диалектах народов Великой степи, для распространения учения о праве и морали «Билік». Опыт составления такого языка был настолько удачным, что впоследствии он лег в основу языка казахских биев и назывался «билердің қызыл тілі» (красноречивый язык биев).

Майқы би внес большой вклад в развитие степного права. Он считается основателем казахского судебного права, по этому поводу С.З. Зиманов отмечал: «Майқы би был просвещенным деятелем, владел несколькими языками, прославился в свою эпоху как приверженец и идеолог свободы Великой степи кочевников, справедливого управления и справедливого суда в ней ... Майқы би считается и признается “отцом всех казахских биев”, их родоначальником, авторитет которого в казахской правовой культуре являлся непререкаемым»².

Башкортостана XV – XVI веков (социально-политический аспект). Уфа: Гилем, 2009. С. 149. Крупный специалист по истории Западной Сибири В.В. Трепавлов также отмечает заметную роль родоначальников восточных табынцев – фольклорного персонажа Майқы бия и его потомков в истории Сибирского юрта. См.: Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. С. 27.

¹ Төреқұл Н. Майқы би және Төле би // Древний мир права казахов... Т. 1. 2004. С. 167.

² Зиманов С.З. Три законодателя и легенды века // Там же. С. 150.

Майкы би приписываются слова, ставшие афоризмами в судебной практике казахских биев: «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» (У справедливого бия одна вера – это справедливость, би-судья, имеющий пристрастие к своим родственникам, разрушает святость своего сана); «Әділ би қара қылды қақ жарған» (Искусство бия состоит в том, что он при решении судебного дела поступает так, как бы он тонкий волосок делит на равные две части). Майкы би определил основные ценностные и правовые установки казахского суда, его изречения служили ориентирами и критериями при оценке деятельности биев в кочевой среде, которая ревностно относилась к любым проявлениям несправедливости и достаточно сурово наказывала за нарушение принципов, заложенных легендарным Майкы би.

Полагая, что только крупный государственный союз племен может способствовать процветанию народа, Майкы би выступал за единство тюркских племенных объединений, к этому он призывал все кочевые сообщества. Как пишет И. Сулейменов: «К личности Майкы-бия как нельзя лучше подходит древнетюркское определение истинного арыса: “Сегіз қырлы, бір сырлы”, что можно образно перевести как “восьмигранный, но сущностно цельный, подобный кристаллу алмаза”. А главная заповедь, оставленная Майкы бием для правителей всех веков и народов такова: “Ақ найзаның ұшымен, ақ білектің күшімен ел болуды ойлар”. “Острием праведного копья, справедливо применяя силу власти, заботьтесь о жизни народа, о его целостном существовании как народности”»¹.

Судебной практике, государственной службе и основным вехам жизни Толе би посвящено немало работ. На рубеже XVII–XVIII вв., времени судьбоносном для казахского народа, трудно найти личность, которая может быть сравнима с личностью Толе би по значимости и размаху его деятельности. Его жизнь связана и с периодом казахско-джунгарских войн, когда на повестке дня стоял вопрос о выживании народа, и с эпохой Тауке

¹ Сулейменов И. Майкы-би – Великий Соратник Чингисхана // См.: Ұлы Дала Рухы – рух Великой Степи. [Электронный ресурс]. URL: <http://dalaruh.kz/articles/view/239> (дата обращения: 10.07. 2014).

хана, которая прочно утвердилась в сознании народа как мирное время, когда «жаворонки откладывали яйца на спине овец», и сводом законов «Жеты жаргы», и с началом возникновения прочных казахско-российских отношений.

Споры и дискуссии среди исследователей (Х. Амандыков, Б. Адамбаев и др.) вызывают даты рождения и смерти Толе би¹. Это связано в первую очередь с недоступностью письменных источников о жизнедеятельности Толе би, как и многих других политических деятелей того времени. В свою очередь такая ситуация порождает дискуссии об участии Толе би в тех или иных событиях казахского общества. Одним из первых обратился к решению этой проблеме известный литературовед Б. Адамбаев, считавший, что Толе би родился примерно в 1660 и умер в 1750 г.²

Иной позиции придерживается исследователь Ж. Рсымбетов, который сообщает, что Толе бий родился в 1688 г. вблизи Казыгурта в местечке Байтик на берегу реки Бадам и скончался в возрасте 63 лет в Ташкенте³.

Исследователь из Каракалпакии Ж. Муратбаев приводит следующую информацию: «По данным летописца – каракалпаковца Аккете Баймагамбет Ербилекулы (1889–1969) и каракалпака Абди Жалша ахуна (1844–1929) в 1680 году хан Тауке, сев на престол назначает биев Ханского совета. Возраст шести биев был таков: самый старший каракалпак Сасык бий – 85 лет, курама Мухаммед бий – 52 года, кыргыз Кокым би – 45 лет, бий Младшего жуза Айтеке – 36 лет, Старшего жуза Толе би – 23 года, Среднего жуза Казыбек би –

¹ Адамбаев Б. Төле би шешен // Жұлдыз. 1972. № 1; Амандыков Х. Төле би. Шымкент: Мұраттас, 1991; Нысаналы А. Төле би // Еремен Қазақстан. 25 қараша. 1991. С. 1–16; Байболұлы Қ. Төле би. Алматы: АНБ-пресс, 1991; Нысаналы А. Төле би // Ақтөбе. 1991. 20 декабрь; Төле би // Құраст. С. Дәуітов. Алматы: «Мұраттас» ғылыми-зерттеу орталығы, 1991; Нысаналы А. Үш пайғамбар: Төле би, Қаздауысты Қазыбек, Әйтеке би. Алматы: Дәуір, 1992; Бектаев К., Калдыбеков М. Төле би – саясаткер, дипломат, психолог. Шымкент. 1993; Төле – великий би / Сост. Т. Умиралиев. Алматы, 1993; Мыңбатырова Н.Қ. Төле бидің соттық шешімдері және қазақтың әдет-ғұрып құқығы: заң ғылым. канд. ... дис. Алматы. 2003; Төле би / Құраст., алғы сөзін жазған Сәрсенбі Дәулетұлы. Алматы: ҚазАқпарат, 2008; Тарих өткелдеріндегі Төле би // Құраст. Ә.А. Кембаев. Алматы: Өнер, 2010; Байжанова Қ.У. Төле би – тарихи тұлға // Казахская цивилизация. 2012. № 1. С. 12–17; Мажитов С.Ф. Феномен Төле би в национальной истории и историографии казахов // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Төле би и национальная история». Алматы: Институт истории и этнологии (ИИиЭ) им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2013. С. 105–111; Ксенжик Г.Н. Теоретико-методологические аспекты исследования роли Төле би в истории казахского народа // Там же. С. 148–153; Мұхаметқанұлы Н. Төле би қытай құжаттарында // Там же. С. 157–158; и др.

² Адамбаев Б. Төле би шешен // Жұлдыз. 1972. № 1. С. 207–215.

³ Рсымбетов Ж. Төле би һәм оның заманы // Оңтүстік Қазақстан. 1991. 16 қаңтар.

21 год»¹. Таким образом, можно вычислить годы рождения трех биев: Толе би – 1657, Казыбек би – 1659, Айтеке би – 1644 год. Это мнение находит подтверждение у группы авторов-составителей 9-томного издания «Казахи», где они уточнили, что Толе би родился в местечке Жайсан, возле реки Чу в нынешней Жамбылской области и скончался на территории Ленгирского района Чимкентской области в 1756 г.²

Такая подробная расшифровка дат рождения обусловлена целью обратить внимание исследователей на то, что согласно этой версии Айтеке би был намного старше Толе и Казыбек биев, хотя в настоящее время в основном утвердились другие версии.

Масло в огонь научных дискуссий «подливают» некоторые исследователи, которые склонялись к мнению, что Толе би родился в 1663 г. Об этом пишут, например, такие известные ученые, как А. Нысаналыулы, Н. Торекул, С. Дауыт и другие³. В эту группу необходимо включить академика С.З. Зиманова; он определил годы жизни трех казахских биев: Толе би (1663–1756), Казыбек би (1667–1763), Айтеке би (1681–1766)⁴. Таким образом, согласно версии, выдвинутой академиком, старшим по возрасту среди названных биев был Толе би, что в свою очередь определило в некоторой степени его привилегированное положение по отношению к другим биям – Айтеке и Казыбеку.

Нужно отметить, что в 2013 г. в Алматы состоялась республиканская научно-практическая конференция «Толе и национальная история», посвященная 350-летию Толе би Алибекулы. Научный форум собрал видных ученых Казахстана, которые обменялись мнениями по ряду вопросов, среди которых проблемы внешнеполитической деятельности Толе би, освещение

¹ Мұратбаев Н. Ежелгі шежіре деректер // Жұлдыз. 1995. № 7, 8. С. 201.

² Қазақтар: Көшпелікке арналған тоғыз томдық анықтамалық. 2 том: Тарихи тұлғалар / Құраст. Р. Арын, Ф. Келімбетова т. б. Қазақстан даму институты. Алматы: IDK-ТІРО, 1998. С. 533.

³ Төле би / Араб харпінен көшірген, құраст., алғы сөзін жазған С. Дәуітов. Алматы: Мұраттас, 1991. С. 14; Үш пайғамбар. Алматы: Дәуір, 1992. С. 12; Төреқұлов Н. Төле би. Биліктері, толғаулары, тапқырлықтары, шешендік сөздері, өсиеттері. Алматы: Дәуір, 1992. С. 32; Төреқұлов Н., Қазбеков М. Қазақтың би-шешендері. 1 кітап. Алматы: Жалын, 1993. С. 44.

⁴ Зиманов С.З. Казахский суд биев... С. 56, 58, 69.

политики Казахских ханств и Толе бия в китайских источниках, бии и система местного бюрократического аппарата, историческое наследие казахского суда биев. Не осталась в стороне и проблема датировки основных вех жизни и деятельности известных биев.

Исследователь международных отношений в Центральной Азии досоветского периода К.Ш. Хафизова, изучив китайские источники, выдвигает версию, согласно которой Толе би в 1758 г. участвовал в переговорах с цинскими офицерами: «Источники называют его то *би*, то *бай* (курсив автора. – Ж. М.), вероятно, потому что он занимался торговыми делами и был одним из богачей своего времени, имевшим гужевой транспорт, скот, здания, землю, водоканалы, лавки и денежный капитал. ... За годы своей долгой жизни (вариации от 83 до 92 лет) он видел многих казахских и джунгарских ханов, расцвет, междоусобицу и уничтожение Джунгарского ханства, ослабление Казахского ханства после смерти Тауке хана. Есть много предположений о возрасте би. Согласно китайским источникам, годом его рождения является 1675 год, так как в августе 1758 года он вел переговоры с цинскими офицерами. Таким образом, если Толе би действительно сам вел переговоры, а не кто-то другой от его имени, то он сомкнул навеки глаза не ранее августа этого года»¹.

На основе письма Толе би цинскому двору, в котором он просил строить с ним отношения на тех же условиях, что и с Аблай султаном, и не вмешиваться в традиционное управление улусами, К.Ш. Хафизова, как видно из приведенной цитаты, уточняет годы жизни политической персоналии и отмечает, что Толе би проводил политику мирных инициатив по «поиску мирных решений в интересах Казахского ханства, в целях сохранения населения и земли»². С автором следует согласиться в том, что авторитет Толе бия среди казахских правителей, которых ему удалось отеснить в решении

¹ Хафизова К.Ш. Внешнеполитическая деятельность Толе би // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Толе би и национальная история». Алматы: ИИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2013. С. 129.

² Хафизова К.Ш. Там же. С. 139.

внутри- и внешнеполитических вопросов, и кочевников был продиктован сочетанием двух факторов – богатства и знания законов (норм устного обычного права, шариата, джунгарских установлений).

В обсуждении проблемы приняли участие и другие казахстанские ученые. Так, А.У. Токтабай, основываясь на данных Ж. Муратбаева и устной историологии полагает, что, согласно шежире, Айтеке би, внуку известного военачальника, правителя крупного удела, наместника бухарских ханов в Самарканде Жалантос Бахадуру, было 12 лет, когда последний умер. Жалантос Бахадур умер в 1656 г., эта дата совпадает с материалами Ж. Муратбаева. «Данные двух документов совпадают, что позволяет выразить уверенность в том, что Толе би родился в 1657 г., Казыбек би в 1659 г. Согласно китайским источникам, Толе би был жив в 1758 г.»¹. Интересен вывод А.У. Токтабай о том, что Толе би в народной памяти дожил до 101 года.

Обретение Республикой Казахстан государственного суверенитета открыло широкие научно-исследовательские перспективы перед учеными. Появилась возможность изучения недоступных до этого времени зарубежных архивных материалов, касающихся истории казахов. Так, в 2006 г. были опубликованы ценные документы в сборнике материалов «Китайские источники об истории Казахстана. Том. III. Архивные источники эпохи царства Цин», которые позволяют по-новому взглянуть на многие проблемы². Основываясь на введенных в научный оборот источниках, историки М.Б. Кожа, Е.А. Есжан и Г.О. Байсариева, сообщают, что китайский военачальник Фу Дэ прибыл через южные города Манкент, Шымкент в город Ташкент, где 5 сентября 1758 г. встретился с Толе бием и казахским ханом Абулфеизом. Ученые, основываясь на китайских данных, сообщают, что в 1758 г. Толе би достиг 83-летнего возраста и вычисляют вероятную дату рождения – 1675 г. В китайском источнике «Сиюй ту чжи» (перевод, пояснение Ж. Ошана.

¹ Токтабай А.У. Төле би өмірі мен қызметі және мавзолейі // Там же. С. 153.

² Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. III том. Цин патшалық дәуірінің мұрағат құжаттары. Қытай деректемелерін аударған, түсіндірмелері мен ескертулерін жазған Б. Еженханұлы. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

– Ж. М.) в документе «Описание и карты западных районов», датированном 1756–1762 гг., сообщается о том, что в 1759 г. Толе би отправляет своих сыновей в качестве послов в Пекин. После этой даты имя бия уже нигде не упоминается. Таким образом, М.Б. Кожа, Е.А. Есжан и Г.О. Байсариева утверждают, что годы жизни бия находятся между 1675 и 1759 (1760) годами¹. Эти даты приняты в качестве официальных, хотя и носят вероятностный характер.

Внимание ученых также обращено на изучение духовного наследия биев, методов их влияния на внутреннюю и внешнюю политику Казахского ханства, определившую на столетия вперед вектор развития государства.

Наследие и жизненный путь Толе би стали объектом изучения правоведа Н.К. Мынбатыровой², задача которой проследить основные периоды становления Толе Алибекулы как бия, общественного и государственного деятеля и показать влияние его судебных решений на развитие казахского обычного права.

Н.К. Мынбатырова сообщает, что Толе би Алибекулы происходил из уйсунского племенного объединения, а в нем из рода дулат. Большое влияние на становление молодого человека оказали семейные традиции, которые восходят к Бахтияр би, потомку легендарного Майкы би. Пройдя все ступени становления молодого бия, Толе би начинает принимать активное участие в разрешении судебных споров, а с 15 лет становится зрелым бием-судьей, к которому за советом и мудрым решением обращались не только жители близлежащих районов, но и кочующие в отдаленных местах.

Существует большое количество легенд и сказаний, в которых Толе би предстает как мудрый и справедливый судья, грамотный и могущественный правитель, которого признавали все кочевники. Приведем лишь некоторые из

¹ Кожа М.Б., Есжан Е.Ә., Байсариева Г.О. Төлебитанудың кейбір өзекті мәселелері // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Толе би и национальная история». Алматы: ИИиЭ имени Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2013. С. 140–141.

² Мынбатырова Н.К. Төле бидің соттық шешімдері және қазақтың әдет-ғұрып құқығы: заң. ғылым. кан. ... дис. Алматы. 2003.

них: «Карлыгаш би», «Как Толе би мимикой спор разрешил», «Благословение бия Жетеса», «За что благодарить Аксак Темира», «О том, как Толе би был в Сарыарке».

Ныне, в эпоху глобализации, когда остро встает вопрос о сохранении национальных духовных ценностей, казахстанские ученые все чаще обращаются к феномену Толе би: «...пример его жизни и оставленное им наследие находят свое незаменимое место во всех последующих исторических периодах. Особенно в переживаемую нами эпоху»¹.

Исследовательский интерес научной общественности вызывает бий Среднего жуза Каздауысты Казыбек Келдибекулы. К его творческому наследию обращаются представители самых разных направлений гуманитарного знания².

Казыбек би происходил из рода каракесек (племени аргын) и родился на берегах Сырдарьи. Детство и юность провел в семье, где ему прививались ценности традиционной культуры казахов. В истории он прославился не только участием в составлении обычно-правового кодекса «Жеты жаргы» и судебными решениями, но и как известный дипломат своего времени (он возглавлял посольство казахов к джунгарскому хунтайджи, где произнес знаменитую речь, решившую исход дипломатической миссии).

Особых разногласий среди ученых по вопросам жизнедеятельности Казыбек би нет. Так, Ш. Кашыкулы, Р. Сағымбекулы и другие считают, что бий родился в 1660, а умер в 1757 г. (97 лет)³, Т. Умиралиев и другие, что родился в 1667, умер в 1763 г.⁴; Ж.О. Артыкбаев и другие называют

¹ Мажитов С.Ф. Указ. соч. С. 109.

² Сматаев С. Қаздауысты Қазыбек // Егемен Қазақстан. 1991. 16 қараша. С. 1–16; Артыкбаев Ж. Қаздауысты Қазыбек би қашан туған? // Орталық Қазақстан. 1993. 30 шілде; Омари Ж. Қаздауысты Қазыбек би. Оқу құралы. Астана: Фолиант, 2000; Байғазыұлы А. Қаздауысты Қазыбек би // Қазақ батырлары. 2005. № 7(84). С. 14; Алимбетов А.В. Келдібекұлы Қазыбек бидің саяси-құқықтық көзқарастары: заң ғылым. канд. ... дис. автореф. Алматы. 2009; и др.

³ Кашықұлы Ш., Сағымбекұлы Р. Қаздауысты Қазыбек // Орталық Қазақстан. 1993. 24 шілде.

⁴ Толе – великий би / Сост. Т. Умиралиев. Алматы, 1993. С. 19; Болғамбайұлы Ә. Қара қылды қақ жарған Қазыбек би // Егемен Қазақстан. 1997. 13 ақпан; Зиманов С.З. Указ. соч. С. 58.

соответственно 1666 и 1762 г.¹. Все исследователи отмечают, что Казыбек би, один из советников Тауке хана, боролся за укрепление Казахского ханства, принимал активное участие вместе с батырами в казахско-джунгарской войне.

Горячие споры вызывают у исследователей (Н. Эбуталиев и др.) пограничные даты жизни другого видного бия – Айтеке, который был верховным бием Младшего жуза². Айтеке би Байбекулы, из племени алшын Младшего жуза, родился вблизи гор Нурата в зажиточной семье, предками которого были знаменитые бии и правители – Ораз би (1299–1385), советник основателя Туранского государства Тимур хана и известный правитель Самарканда Жалантос бахадур (1576—1656).

Видный казахстанский общественный и политический деятель, народный писатель Казахстана, филолог А.К. Кекилбаев одним из первых в казахстанской науке поднял вопрос об определении времени жизнедеятельности трех великих биев, обращая особое внимание на Айтеке бия. Знакомство с устной казахской историологией, привлечение большого количества дореволюционных источников позволяет А.К. Кекилбаеву заметить, что Айтеке би – не младший из трех известных биев. Изучив обширную историографию проблемы и ссылаясь на дастан Кожабержен жырау, ученый приходит к убеждению, что событие, описываемое в дастане, – неудачные для казахов войны с джунгарами, которые сподвигли их в 1710 г. созвать всеказахский съезд в Каракумах; Айтеке би, судя по отрывку, скончался за год до этого события:

Заметались ханы, бии, не находя решения,
Поскольку внезапно вторглись калмыки;
В прошедшем году оставил сей мир Айтеке би,
Смерть пришла, когда исполнилось пятьдесят шесть лет;

¹ Артықбаев Ж. Қаздауысты Қазыбек би қашан туған? // Орталық Қазақстан. 1993. 30 шілде.

² Эбуталиев Н. «Айтеке би» деректі әңгіме. Алматы. 1995; Айтеке би / Сост. Г.К. Бельгер, М. Акдаулетулы. Алматы: Атамұра, 1998; Еслямғалиұлы М. Әйтеке би (Шежіренама). Алматы: Жеті Жарғы, 1998; Куандыков Б.Ж. Деятельность Айтеке Байбекулы как бия: дис. ... канд. юрид. наук. 2001; Ерғобек Ш. Әйтеке бидің саяси-құқықтық ойлары // ТураБи. 2006. № 6. С. 60–64; Есламғалиев М. Әйтеке би: Тарихи-философиялық диалогия. Алматы: Жазушы, 2007; и др.

Говорил: «Следует подчиняться единому вождю»,

Предугадал, что случится это бедствие...¹

А.К. Кекилбаев делает вывод: «Стало быть, получается, что Айтеке родился в 1653 г. В таком случае он, выходит, старше и Толе би, и Казыбек би. Может быть Кожаберген, говоря, что Айтеке “предугадал, что случится это бедствие”, подразумевает “актабан шубырынды” (годы великого бедствия. – Ж. М.) 1723 г. Тогда получается, что Айтеке родился в 1666 году и умер в 1722 г. Но даже если это так, то он оказывается старше Казыбека всего на один год и младше Толе би всего на три года. Все равно он не является самым младшим из трех биев»².

На основе дастана Кожабергена у А.К. Кекилбаева рождается мысль о том, что Айтеке би призывает ценить людей не по их родословной, а по их способностям, ибо становление и развитие народа невозможно без сохранения целостности и единства родов и племен, без достойных героев, способных защищать родину, без правителя, думающего о благе людей: «Айтеке мечтает, чтобы вождь казахов был мудрым и деятельным, способным свободно подняться к вершинам народных мечтаний, чаяний. Печалится, как бы эти цели, эти помыслы, посвященные исполнению чаяний народа, не стали жертвой борьбы за власть. Поэтому остерегается и династии торе. Боится, как бы коварство, присущее торе, поскольку не каждому из них достаются троны, не помешали в тягостную для народа пору родиться сыну, способному защитить народ»³. То есть Айтеке би выражал желание провести своего рода политическую «революцию», которая выдвигала бы на место правителей государства представителей «черной кости».

Не все исследователи согласны с позицией А.К. Кекилбаева. Встречаются предположения ученых, согласно которым в дастане Кожабергена жырау имеются в виду события 1723 г. – «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама»

¹ Айтеке би / Сост. Г.К. Бельгер, М. Акдаулетулы. Алматы: Атамұра, 1998. С. 104.

² Айтеке би... С. 107; Әбутәлиев Н. Әйтеке би // Халық кеңесі. 1995. 21 қазан.

³ Айтеке би... С. 108.

(Годы великого бедствия), когда в месте Орда-Басы прошел другой всеказахской съезд трех жузов. На нем также решался вопрос о создании народного ополчения для борьбы с джунгарами и о выборе главы войска. Поэтому, считают ученые (С.З. Зиманов, Н. Усеров), если Айтеке би умер за год до этих событий (1722/23), то годом его рождения можно уверенно считать 1666/67¹.

В последние годы в области исследования бийского института пересмотр прежних и построение новых концептуальных установок стали насущной задачей для ученых всего евразийского региона. Ученые приступили к уточнению определения термина «бий» и к изучению места и роли бийства в системе социально-политических и экономических связей как внутри, так и вне кочевого коллектива, к анализу вклада биев в регулирование культурно-правовых и экономических отношений казахского общества².

¹ Зиманов С.З., Усеров Н. Қазақ әдет-ғұрып заңдарына шарифаттың әсері. Алматы: Жеті жарғы, 1998. С. 21; Қуандықов Б.Ж. Деятельность Айтеке Байбекулы как бия: дис. ... канд. юрид. наук. 2001. С. 27.

² Ақтайлақ би / Құраст. С. Қорабаев. Алматы: Журналист фотостудиясы. 1991; Тлеужанов М. Сырым батыр және оның шешендік сөздері. Орал, 1991; Дала кемеңгері немесе Сырым туралы сыр. Алматы: Сөзстан, 1992; Төрешұлов Н., Қазбеков М. Қазақтың би-шешендері. 1–2 кітап. Алматы: Жалын, 1992; Дәуітұлы С. Байдалы би // Қазақ әдебиеті. 1993. Маусым. № 4. С. 13; Ақпанбет Т. Қазақ дүниетанымы. Алматы: Ғылым, 1994; Қосжанов А. Сырым Датұлын әрі шешен, әрі би ретінде зерттеу: заң ғылым. канд. ... дис. Алматы, 1995; Өзбекұлы С. Абай және адам құқы. Алматы: Жеті Жарғы. 1995; Төрешұлов Н. Қазақтың 100 би-шешені. Алматы: Қазақстан, 1995; Андабеков Ш. Қармола ережесі. Қазақ әдет-ғұрып құқығының материалдары. Алматы: Жеті Жарғы, 1996; Қауынбайұлы Т. Бабалар аманаты. Алматы: Жалын, 1996; Төрешұлов Н. Билер сөзі – ақылдың көзі. Алматы: Қазақстан, 1996; Мусаева Н.Р. Жыраулар дүниетанымындағы адам мәселесі // Оңтүстік Қазақстан ғылымы мен білімі. 1997. № 5. С. 97–101; Қазақ даласының Қарасай батыры (Тарихи зерттеулер, өлең-жырлар) / Құраст. С. Абаев, С. Дәтұлы, Р. Терлікбаев. Алматы: Санат, 1998; Суаннан шыққан сегіз би. Алматы, 1998; Құрманғалиева М. Алдияр ұрпағы // Қазақ батырлары. 1999. № 10. С. 6; Өзбекұлы С. XVII ғасырдың соңы – XX ғасырдың бас кезіндегі Қазақстандағы саяси-құқықтық ой-пікірдің тарихы және қайраткерлері: заң ғылым. докт. ... дис. автореф. Алматы, 1999; Ақатай С. Асан-Қайғы: Прозрения и ошибки // Мысль. 2000. № 11. С. 59–65; Қуандықов Б. Әйтеке бидің қоғамдық саяси қайраткер ретіндегі өмірінің басты басты кезеңдері // Казахстанский журнал международного права. 2000. № 3(3). С. 61–66; Нұржекеұлы Б. Ағынтай батыр // Қазақ әдебиеті. 2000. 21 қаңтар. С. 3; Бәйжігіт би // Сақшы. 2001. 11 сәуір. С. 6; Дәрменұлы С. Байшора батыр // Қазақ батырлары. 2001. № 5. С. 5; Жеңіс Д. Бөгенбай батырдың жәдігерлері // Егемен Қазақстан. 2001. 14 сәуір. С. 6; Жүністеги К. Ағыбай батыр қылышының тағдыры // Егемен Қазақстан. 2001. 31 қазан. С. 8; Жұртбай Т. Аяз би кім // Егемен Қазақстан. 2001. 29 тамыз. С. 11; Қазақ даланың ойшылдары (XIII–XV ғғ.). 2-кітап. Алматы: Философия және саясаттану институтының компьютерлік-баспа орталығы, 2001; Сулейменов У. Ақпан батыр: ол туралы // Қазақ батырлары. № 11. 2001. С. 4; Тоғысбаев Б. Қадыр Әлі би // Парасат. 2001. № 6. С. 7–8; Бәйдібек би // Заң. 2002. № 6. С. 67–69; Қажыбаев Т. Батыр Баба: немесе рухпен сырласу // Арқа ажары. 2002. 12 қыркүйек. С. 3; Тоғысбаев Б. Ескелді би // Парасат. 2002. № 5. С. 18–19; Шаяхмет А. Тоқсан би // Парасат. 2002. № 10. С. 29; Қуандықов Б.Ж. Әйтеке бидің билік шешімдері. Алматы: Өркениет, 2003; Өзбекұлы С. Қазақстанның саяси-құқықтық ой-пікір тарихының өзекті мәселелері. Алматы: Білім, 2004; Нурлин А.Қ. Қазақ әдет-ғұрып құқығы жүйесіндегі билер институты (XVII–XVIII ғасыр): заң ғылым. канд. ... дис. Алматы, 2004; Шәңкі би // Заң. 2004. № 4. С. 73–75; Байболұлы Қ. Еңсегей бойлы ер Есім. Дастандар. Алматы, 2005; Исабай Қ. Шоң би (Трилогия). Астана: Елорда, 2005; Қарылғашов Ж. Бөкенбай баһадур // Қазақ батырлары. 2005. № 6(83). С. 4; Ауешова Б.Т. Институт обязательства в обычном праве казахов и его значение в современности: дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2006; Аяган Б., Мұқатова Д.

В некоторых работах жизнь и деятельность биев (XVIII–XIX в.) рассматривается вне взаимосвязи со сложившейся социально-экономической и геополитической ситуацией в казахском крае, т. е. вхождением казахских земель в состав Российской империи, что приводит к идеализации объекта изучения, к желанию высветить лишь стороны, выгодные для исследователя, и ставит этот объект вне исторического процесса развития общества. Данный подход значительно сужает задачу исследователя и снижает научную ценность работы.

Выяснение исторической важности и государственной роли деятелей прошлого будет представлять научную ценность только в том случае, если оно

Қолбасшы және мәмілегер // Қазақ тарихы. 2006. № 2. С. 48–50; Әбдірахман К. Қаракерей Қабанбайдың Ақмоласы // Қазақ тарихы. 2006. № 2. С. 42–47; Жәнісов Ә. Қанжығалы Бөгенбайдың Қытайға елшіліктері // Қазақ тарихы. 2006. № 6. С. 29–32; Қойгелдиев М. Наурызбай батыр // Парасат. 2006. № 8. С. 2–5; Кул-Мухаммед М. Монке-би. История. Личность. Время. Алматы: «Аруна». Серия «Знаменитые люди Востока». 2006; Қорғаны – Барақ би // Қазақ тарихы. 2006. № 5. С. 53–55; Нұрмағанбетов Қ. Бұқар жырау және мал-мүлік дауы // ТураБи. 2006. № 6. С. 57–59; Он же. Бұхар жыраудың билік шешімдерінің ерекшеліктері // ТураБи. 2006. № 5. С. 36–39; Нұрмағанбетов Қ.Е. Бұқар жыраудың саяси-құқықтық көзқарастары және билік шешімдері: заң ғылым канд. ... дис. автореф. Алматы, 2006; Төреқұл Н. Даланың дара ділмарлары. Алматы: ЖШС «Қазақстан» баспа үйі, 2006; Шантуов Ж. Ер Қасабай // Парасат. 2006. № 12. С. 28–29; Ақыпбекұлы Ә. Абай – Қазақтың Төбе биі // Парасат. 2007. № 2. С. 2–10; Бактыхожаев Ж.Ж. Қазақтың құқық жүйесі жайлы зерттеу (тарихи-тоғылымдық маңызы): заң ғылым. канд. ... дис. Тараз, 2007; Есмағамбетов К. Батырлар тарихы – рухани байлығымыз // Қазақ тарихы. 2007. № 4. С. 65–66; Қанжығалы қарт Бөгенбай / Құраст. А. Смайыл. Астана: Фолиант, 2007; Бахтыбаев И. Правосудие биев // Законность. 2008. № 9. С. 57–59; Ерғобек Ш. Хандық дәуірдегі саяси және құқықтық ой-пікірдің қалыптасуы мен дамуы: заң ғылым. канд. ... дис. Астана, 2008; Қорғанбеков С. Уәйіс би, Уәйіс батыр, Уәйіс болыс. Алматы: Қазақстан, 2008; Асқарбекқызы Н. Көшпелі қазақтардың жүйесіндегі қағидаттар: заң ғылым. канд. ... дис. 2009; Әбдіғалиева Г.Қ., Бияздықова К. Ә. Ақын-жыраулар шығармашылығындағы кісілік құндылықтар // ҚазҰУ хабаршысы. Философия сериясы. 2009. № 1(32). С. 146–148; Бейсенбаева М.Т. Ақтайлықтың төтен би ретіндегі қызметі // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2009. № 4(48). С. 178–181; Бекетов Қ. Билерден қалған дәстүр бар оны қазір сот құрылысына қалай пайдалана аламыз // Заң. 2009. № 4. С. 22–25; Айтбай Р.Т. 1836–1838 жж. халық-азаттық көтерілісін бастаған Исатайдың өміріне қатысты оқиғалардың тарихи дастанда көрініс табуы // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2010. № 3(58). С. 35–38; Ахмеджанова Г.Б. Институт присяги в системе казахского обычного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Астана, 2010; Есіркенова Ж.О. XIX ғасырдың бас кезіндегі Кіші жүздегі саяси жағдай және Әзберген би // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2010. № 1(56). С. 69–73; Солтиева Б.Ш. Ел қорғаған – батыр әулиелер // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2010. № 2(57). С. 252–257; Балабаев Н. XVI–XVIII ғасырдағы қазақ даласындағы История, личность, время. Алматы: Аруна, 2006; Қыдырбайұлы Б. Ел билер соты және би мәртебесі хақында // Заңгер. Вестник права РК. 2011. № 3(116). С. 46–48; Кәрібаев Б.Б. Жалаңтөс баһадур және XVII ғ. бірінші жартысындағы қазақ хандығы // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2011. № 1(60). С. 40–44; Қуанышбеков М. Қазақ билерінің үлгілі билік-шешімдерінің кейбір ерекшеліктері // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2011. № 2(58). С. 17–19; Зинуров Р.Н. «Жети жаргы» («Семь установлений») Тауке-хана как великий памятник права: правовой обычай, судопроизводство и наказание // Проблемы востоковедения. 2012. № 4(58). С. 32–37; Қуандықов Б.Ж. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы билер сотының қызметін құқықтық реттеу // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2012. № 2(62). С. 3–5; Құранбек А.А., Рамазанова Ә.Х. Дәстүр философиясы // ҚазҰУ хабаршысы. «Философия. Мәдениеттану. Саясаттану» сериясы. 2012. № 1(38). С. 129–134; Абжанов Х. Кожаберген жырау и историческая мысль // Мысль. 2013. № 4. С. 52–57; Ахметов Ж. Творческое наследие Кожаберген жырау // Мысль. 2013. № 7. С. 65–70; и др.

опирается на достижения в разных отраслях гуманитарной науки, когда исторические персоналии изучаются через призму конкретно-исторических условий и рассматривается их влияние на ход исторического развития общества.

* * *

С 1991 г. в республиках постсоветского пространства обнаруживается большой всплеск интереса научной общественности к родной истории. В России и Казахстане начинается поиск новых концептуальных подходов к научным исследованиям, которые позволяли бы ученым в полной мере раскрыть противоречивые исторические периоды и неоднозначные их трактовки.

В этот период пристальное внимание ученых сосредотачивается на казахско-русских отношениях, в контексте которых решались вопросы социально-политического и экономического развития казахской степи. Не остались в стороне функциональные особенности биев, позволявшие им влиять на внешнюю и внутреннюю политику Казахского ханства.

В этом вопросе ученые разделились в основном на две группы, каждая из которых, привлекая широкий круг источников, старалась доказать правильность своей научной позиции. Первая группа (Т.И. Султанов, Д.Д. Бажиров, К. Омарханов и др.) считает, что казахские бии сосредотачивали в своих руках практически все рычаги управления казахской степью, причем вычленив приоритетное направление деятельности крайне сложно. Фигура бия в этих исследованиях предстает как центральная, вокруг которой объединялись остальные звенья социальной структуры казахского общества. Вторая группа ученых (С.З. Зиманов, И.В. Ерофеева и др.) полагают, что бии сосредотачивали, прежде всего, судейские полномочия, которые предполагали у обладателя этого звания знание норм обычного права казахов и особенностей кочевой жизни казахов, незаурядных ораторских способностей.

Активная научная полемика среди ученых разворачивается и по вопросам основных жизненных периодов тех или иных биев. Однако окончательную точку, на наш взгляд, можно будет поставить лишь тогда, когда в научный оборот будут введены дополнительные отечественные и зарубежные архивные и историографические материалы, которые необходимо исследовать с помощью сравнительного анализа, что позволит вывести биеведение на новый качественный уровень.

§ 3. Изучение роли биев как хранителей национального наследия казахского народа

Изучение традиционной культуры – актуальная проблема современной науки, важная составляющая национальной политики любого государства, позволяющая осмыслить те нравственные ценности, которые когда-то способствовали появлению и развитию этноса и государства, а в настоящее время значительно расширяющие рамки всестороннего изучения человека, его взаимосвязи с окружающим миром, с другими культурами. В традиционной культуре проявляется самобытность, специфика этнического самосознания народа.

Традиционная культура позволяет проникнуть вглубь человеческого сознания, понять, какие полифункциональные механизмы влияют на стереотипы поведения, какие ценности, пройдя проверку временем, востребованы современной повседневной жизнью, а какие в силу различных обстоятельств оказались вне употребления; осознать роль этнокультурной традиции в сохранении национальной идентичности в условиях, когда мир подвержен влиянию глобализационных процессов, усиливших взаимосвязь между этносами и культурами, когда остро стоит вопрос постепенного стирания из народной памяти его этических и нравственных принципов и идеалов.

В этих условиях задачи сохранения и развития культурного наследия являются важнейшими направлениями государственной политики. Необходимо отметить, что под понятием «культурное наследие» мы подразумеваем наиболее выдающиеся памятники истории и культуры, все лучшие, высшие достижения человеческого гения в материальной, интеллектуальной и духовной сферах¹.

Советский Союз в 1988 г. ратифицировал Конвенцию ЮНЕСКО от 23 ноября 1972 г. «Об охране всемирного культурного и природного наследия», согласно которой была пересмотрена государственная политика в вопросах культурного наследия. После распада СССР как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан постепенно появляется тенденция рассматривать культурное наследие народа в качестве одного из путей достижения государством конкурентоспособного положения в мире.

С начала 1990-х гг. в Казахстане системному изучению были подвергнуты образцы ораторского искусства и факты биографий исторических деятелей прошлого². Так, в «Антологии воспитательной мысли» в казахской степи (с VI по XX в.) были собраны и приведены в систему разнообразные сведения о биях, их мысли и рассуждения о влиянии окружающих факторов на формирование морально-психологического бытия кочевников³.

Заслуживают внимания работы Р. Бердибаева – известного казахстанского ученого, исследователя казахского фольклора, признанного знатока тюркского эпоса. Р. Бердибаев научно систематизировал и опубликовал эпосы «Шора батыр», «Карасай-Кази», «Ер Сайын», «Едиге батыр» и другие. В статье «Билер сөзінің халықтық сипаты» (Народное значение слов биев), ученый

¹ Максаковский В.П. Всемирное культурное наследие. Справочное издание. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 2003. С. 2.

² Ел аузынан. Алматы: Жазушы, 1989; Билер сөзі. Шешендік толғау, арнау, дау / Сост. Т. Кәкішев. Алматы: Қазақ университеті, 1992; Дала кемеңгері немесе Сырым туралы сыр. Алматы: Сөзстан, 1992; Төреқұлов Н., Қазбеков М. Қазақтың би-шешендері. Алматы: Жалын, 1993; Қосжанов А.С. Сырым Датұлын әрі шешен, әрі би ретінде зерттеу: заң ғылым канд. ... дис. Алматы, 1995; Негимов С. Шешендік өнер. Алматы: Ана тілі, 1997; Айтеке би / Сост. Г.К. Бельгер, М. Акдаулетұлы. Алматы: Атамұра, 1998; и др.

³ Қазақтың тәлімдік ой-пікір антологиясы: Бірінші том (VI ғасырдан XX ғасырдың басына дейінгі кезең) / Ред. алқасы Ш. Шаяхметов және т. б. / Құраст. Қ. Жарықбаев, С. Калиев. Алматы: Рауан, 1994.

утверждает, что ораторские слова принадлежат к жанру «преданий» в устной литературе и проходят многовековой народный отбор лишь те, которые приятны слуху, выразительны, притягивают особым магнетизмом, обладают неповторимой энергетикой. Ораторские слова обладают магической силой, и зачастую самые значимые из них приходили к исполнителям-жырау во сне, как бы предупреждая спящего о грядущих важных событиях¹.

Р. Бердибаев не обошел вниманием вопросы типологии крылатых слов-изречений казахских биев, которые исследователь подразделяет на три группы². К первой группе относятся ораторские речи тех биев, авторство которых ни у кого не вызывает сомнения, например, слова сказанные послом казахов Казыбек бием джунгарскому хунтайджи Галдан-Церену (неважно насколько дословно они приводятся в разных историографических работах, их суть – защита интересов Казахского ханства перед джунгарским правителем).

Вторая группа включает те речи, авторство которых спорно или неизвестно, однако они приписываются трем наиболее известным в истории казахской степи биям – Толе би, Казыбек би и Айтеке би. Например, такие афористичные выражения, как «Благоденствие для народа принесет не бай, а бий», «Путы спасают лошадь, лошадь спасает мужчину, мужчина спасает свой народ» и другие, приписываются этим биям, потому что основные идеи высказываний, ставших пословицами, – спасение Родины, желание единства и благоденствия народу – были смыслом деятельности каждого из них.

Третью группу составляют те известные многочисленные изречения-пословицы, которые живут в памяти народа. Авторство этих крылатых слов определить крайне трудно, скорее даже невозможно, народная память не сохранила имен их сочинителей, но иногда они приписываются тому или иному известному бию-златоусту. К примеру, «Жақсы туса — елдің ырысы, жаңбыр жауса — жердің ырысы» (Дождь с небес проливается — счастье на

¹ Жырау – исполнитель казахского исторического поэтического творчества, в котором воспевались события общенародного характера.

² Бердибаев Р. Билер сөзінің халықтық сипаты // Мұрагер. 1994. № 1. С. 15.

землю спускается, хороший человек рождается — счастье народу является), «Жаста оқыған оқуың – тасқа жазғанмен бірдей, егде тартқанда оқыған оқуың – мұзға жазғанмен бірдей» (В молодости полученные знания – на камне высеченная надпись, в старости полученные знания – на льду вырубленная надпись), «Ерінбей еңбек қыл, жалықпай өнер біл» (Без лени трудись, без устали учись) и другие.

В связи с вопросами типологии казахских слов-изречений Р. Бердибаев обращает внимание на необходимость проведения историками, этнологами и филологами взыскательного научного анализа образцов устного творчества народа (пословицы и др.), особенно это касается сведений о родословных казахов. Требуются солидные пояснительные записки об истории появления того или иного устного исторического источника, комментарии при публикации. Издания, где исторические факты смешиваются с вымыслом, а личные амбиции выходят на первый план, вводят в заблуждение широкую общественность Казахстана. Это касается в том числе вопроса возведения родословной Чингисхана к казахским родам. «История не пишется ради забавы, а фиксирует только реальные факты», – уверен Р. Бердибаев¹.

С 2004 г. в Республике Казахстан по инициативе Президента Н.А. Назарбаева стартовала государственная программа «Мәдени мұра» (Культурное наследие). «Первый ее аспект направлен на развитие и укрепление национального самосознания казахстанцев через богатство культурного наследия народа. Второй важнейший аспект “Культурного наследия” – открытие миру богатства национальной духовной сокровищницы. Третий аспект программы – создание системы изучения национального культурного наследия: истории, философии, этнографии, языка, литературы, живописи, музыки и т. д.»².

¹ Бердибаев Р. Билер сөзінің халықтық сипаты // Мұрагер. 1994. № 1. С. 20.

² См.: [Портал «История Казахстана»]: URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1568> (дата обращения 20. 10. 2014).

В рамках этой программы культурное наследие казахов изучается в трех направлениях. Во-первых, систематизация, сохранение и реставрация памятников истории и археологии; во-вторых, приобретение копий книг, документов, рукописей, относящихся к истории Казахстана; в-третьих, исследование наследия национальной литературы, ее систематизация и публикация. Последнее направление программы способствовало появлению целой серии книг по истории, праву, археологии, культурологии, философии и др.¹

Реализация Государственной программы вызвала интерес в казахстанском обществе к культурному наследию народа. Дошедшие из прошлого народные ценности критически переосмысливаются, анализируются в свете новых задач, встающих перед обществом. Научная общественность пытается понять роль культурного наследия биев в вопросах интеграции общества в единое этнополитическое целое, в возможности использования духовного богатства в пробуждении национального самосознания казахского народа.

Начало XXI в. характеризуется смещением акцентов философских исследований культурного наследия в сферу этнических аспектов, что обусловило потребность в анализе особенностей национальной культуры через духовно-нравственное содержание, сохранившееся в творчестве казахских биев. Следует выделить монографию исследователя-философа Б. Ахан, предметом научного изучения которого явились вопросы культурного наследия биев. Автор поставил задачу «...попытаться проникнуть в суть степной философии, подвергнув объективному анализу дошедшее до нас

¹ Свод древнетюркских письменных памятников (Орхон, Енисей, Талас) / Копии оригинальных древнетюркских текстов, сравнение, комментарий и фотографии подготовлены Н. Базылханом. Научный редактор Н. Базылхан. Т. II. Алматы: Дайк-Пресс, 2005; Извлечения из сочинений XV–XIX вв. / Составитель Д.Е. Медерова. Научный редактор М.Х. Абусейтова. V том. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006; Извлечения из сочинений XV–XIX веков. / Составитель Д.Е. Медерова. Научный редактор М.К. Абусейтова. V том. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006; Письменные источники по истории и культуре Алматы (VIII – начало XX в.) / сост.: М. Х. Абусейтова, А. К. Муминов. Алматы: «Дайк-Пресс», 2008; Раритеты декоративно-прикладного искусства казахов за рубежом. Алматы: «Таймас», 2008; Көк түріктерден Шыңғысханға дейін (Ата тарихымызға қатысты қытайдың әулеттік жылнама жазбалары) / Ж. Ошан Алматы: «Дайк-Пресс», 2010; Документы китайского архива о политико-дипломатических отношениях Казахского Ханства и империи Цин / Сост. Еженханулы Б. Т. II. Алматы: «Дайк-Пресс», 2012; и др.

бесценное наследие, не поддаваясь влиянию сиюминутных запросов общества, текущих идеологических тенденций, ибо никто не имеет права искажать исторические закономерности»¹. Ценность данной работы состоит в том, что Б. Ахан осуществил скрупулезный анализ широкого круга устных и письменных источников, в котором развернуто представил характер и сущность философии биев, процесс ее оформления в своеобразную идеологию под влиянием как социально-политических, так и хозяйственных факторов казахского народа.

Б. Ахан рассмотрел происхождение ораторского искусства, традиций казахского фольклора, суть и особенности традиционного общества, обусловившие их появление. Так, согласно Б. Ахан, бии-шешены (ораторы) формировали представление о необходимости развития в каждом человеке мысли о коллективной ответственности, создавали идеологию, основанную на принципе «екі туып бір қалу» (родившись врозь, оставаться единым), т. е. стремились к единству и согласию народа. Этот лозунг стал основной идеей, которую бии несли своему народу. Бии призывали казахов преодолеть мелкие обиды и взаимные претензии, особенно в условиях, когда в XVII – XVIII в. над казахским народом нависла угроза джунгарской агрессии. Они выработывали в обществе единую веру, единые требования. Таким образом, считает Б. Ахан, этические нормы и понятия биев были поставлены на службу своему государству.

Наше внимание привлек эпизод, взятый Б. Аханом из романа М.О. Ауэзова «Путь Абая», достаточно ярко изображающий образ бия, и то обстоятельство, согласно которому для удачной судебной практики бию нужно знание психологии его «электората», особенностей характеров и правового сознания своих соплеменников, этических и правовых норм, умение применять веское слово для окончательного решения дела.

¹ Ахан Б. Философия биев: Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 7.

Суть эпизода в следующем. К Абаю бию обратились за разрешением спора Сарсеке из рода уак и Турсун из рода кокше, причем Сарсеке обвинял Турсуна в краже у него пяти лошадей. Сложность ситуации состояла в том, что те же самые истец и ответчик уже обращались к Абаю бию. В первый раз Турсун, когда он украл у Сарсеке три лошади, на вопрос бия о его причастности к краже, ответил утвердительно. В этот раз (второй) события разворачивались несколько иначе: «Абай решительно посмотрел на его (Турсуна. – Ж. М.) лицо и сурово окликнул: – Ну, а ты что скажешь? ... Турсун опустил голову. Наконец, покачнувшись на месте, он заговорил: – Абай-ага, недавно этот Сарсеке по твоему приказу отобрал у меня все. Тогда ты велел расплатиться, и я исполнил, покорился. А как опять пропал у уаков скот, так прав, не прав – отвечать все равно мне, что ли? – спросил он. Абай решил: – Да, он говорит правду. У него нет твоего скота, Сарсеке. ...Турсун был очень доволен собой.

В самом деле, ему удалось сделать очень ловкий ход. Осенью, когда он угнал трех коней этих уаков, и, поленившись отвести их подальше, заколол у себя – истцы притащили его к Абаю. Еще в самом начале разбора дела у него возник свой план, и когда Абай спросил у него: «Взял или нет, скажи только правду!», – он немедля ответил: «Взял, вынеси приговор, я виновен». Турсун все это обмозговал и, переждав два месяца, снова угнал у того же Сарсеке пять лошадей и ловко сплавил их в ту же ночь. Никто не заметил налета, была суровая буранная ночь, она замела все следы. На этот раз Сарсеке мог только подозревать – ни улики, ни свидетелей не было. Турсун приехал к Абаю с твердым решением: на этот раз отрицать все.

Его расчеты оправдались. Он выиграл не только у Сарсеке, но и у Абая. И теперь в темном коридоре он смеялся над этим»¹.

Эта часть эпизода, которую привел в своей работе Б. Ахан, лишний раз подтверждает мысль ученого, что для биев в случае возникновения сложных и

¹ Цит. по: Ауэзов М.О. Путь Абая. Т. I. Алма-Ата: Жазушы, 1987. С. 581–582, 606.

противоречивых ситуаций важно было знание степной обычно-правовой психологии кочевников, которое бы служило предотвращению конфликтов в степи. В этом, по мнению автора, состоит одна из главных социально-политических функций бийского института. Однако мы думаем, этот эпизод скорее говорит нам и о другой «стороне медали». Не всегда знания биев в силу разных причин (в данном случае продуманного обмана Абая Турсуном) позволяли справедливо разрешать споры сторон. Порою профессиональная неопытность бия, невозможность проведения следственных мероприятий, запутанность и сложность ситуации, ловкость и хитрость ответчиков и многое другое, мешали работе бия, приводили к несправедливым решениям и возможно в определенных случаях влияли на падение его авторитета как судьи. Смею предположить, что данный пример с хитростью Турсуна не зря описан М.О. Ауэзовым и, скорее всего, свидетельствует о вероятности его возникновения в практике любого судьи. Говоря об этом, имеется в виду то, что М.О. Ауэзов ставил задачу подачи конкретно-исторического материала о биях в таком плане, чтобы читатели смогли оценить и прийти к принципиальному пониманию того, что уровень и статус биев были различными, и ошибки в судебной практике, надо полагать, встречались нередко. Однако умение сделать не только выводы из ошибок, но и не повторять их в последующих судебных делах принадлежало, очевидно, лишь умным и мудрым биям. Пример в романе М.О. Ауэзова с Абаем, имевшим непререкаемый авторитет среди казахов, лишнее подтверждение сказанных нами слов.

Другим важным моментом в работе Б. Ахана явилось то, что автор хорошо показал, как бии, принимая решения, использовали произведения устного народного творчества: пословицы и поговорки, исторические родословные – шежире, крылатые фразы и при этом руководствовались принципами справедливости. Так, Б. Ахан приводит пример спора, который возник между Есим-ханом и простым степняком. Украденного прекрасного, серого в яблоках

пятилетку бии оценили стоимостью простой кобылы пяти лет, так как скакун ничем не проявил себя в скачках, т. е., по их мнению, не был особо ценен¹. В связи с этим в обществе возникает выражение: «Есім ханның көк аласы бір-ақ бесті» (Скакун Есим хана стоит всего лишь одной кобылы-пятилетки), что означает: перед справедливым решением биев все равны.

Исследования Б. Ахана не ограничиваются только областью философии биев, но получили продолжение в изучении ораторского искусства биев². Ученый считает, что многие страницы истории до сих пор покрыты «мраком неизвестности», их неверное толкование или исследование в угоду идеологическим установкам искажает историческую действительность, приводит к ее отрыву от своих духовных корней; «к духовным памятникам, не подверженным влиянию времени и с особой бережностью хранимым степным народом, относится и творчество биев, шешенов и жырау. Ораторское искусство, мастерство устной, неподготовленной речи получает широкое распространение и полнокровное развитие только там, где народ поклоняется силе слова, всячески поддерживая находчивость, остроумие и свободу мысли»³. Казахи считали, что дар красноречия – врожденное качество, которое присуще разносторонним личностям: бии были одновременно историками, литераторами, мыслителями, политиками, правоведами, психологами, философами и политическими обозревателями⁴. Б. Ахан приводит пример отношения казахов к ораторскому искусству через пословицы: «Один из ста – шешен, один из тысячи – косем (вождь)», «Язык шешена – что шило мастера». Небольшое четверостишие, меткое слово бия могло высмеять такие отрицательные качества человека, как мздоимство, трусость, чванство и прочие, и вмиг облететь казахскую степь.

¹ Цит. по: Сөз тапқанға қолқа жоқ. Алматы: Жазушы, 1988. С. 321.

² Ахан Б. Ораторский слог в искусстве слова биев // Евразийское содружество. 2004. № 1. С. 143–146; Он же. Общее и особенное в ораторском искусстве казахских биев, шешенов и жырау // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 6. С. 28–32 и др.

³ Ахан Б. Общее и особенное в ораторском искусстве... С. 28.

⁴ Там же. С. 29.

Б. Ахан приходит к важному выводу: не каждый оратор мог быть признан обществом в качестве бия, но тот, кого называли в народе бием, обязательно был прекрасным оратором. Проводя четкое разграничение между творчеством шешенов и биев, Б. Ахан отмечает, что для первых не характерно участие в спорах и тяжбах, их лирика носила тематически свободный, демократический характер и тяготела больше к фольклору акынов (поэтов), в то время как бии через толгау (поэмы-размышления) отражали важные исторические события для всего казахского народа, были привязаны непосредственно к кочевой жизни. Толгау – это философские размышления о единстве и согласии кочевых племен, предсказания будущего, думы о превратностях судьбы. Б. Ахан считает, что творчество биев больше тяготеет к жырау. Слова биев, крепко оседающая в памяти народа, со временем превращались в кодекс чести и правила поведения, служили ориентиром для многих поколений.

Б. Ахан приходит к еще одному, не менее важному выводу – об актуальности в наше время знаменитых изречений казахских биев: «Слова Айтеке бия, произнесенные в период сложных споров – спор о вдове и спор о барымте – между Великим и Средним Жузом, которых он помирил: “Людам не следует родниться, а породнившись, не следует судиться”»¹, – применимы и в XXI в.

В целом следует отметить, что именно Б. Ахану мы обязаны расширением представлений о философских взглядах биев. Научная компетентность Б. Ахана по праву позволяет ему находиться в числе тех ученых, которые определяют основные направления и ход исследований в области изучения духовного богатства биев, выявляют те проблемные моменты в творческом наследии биев, исследование которого значительно расширит наше понимание этого сложного полифункционального института казахского общества.

Наследие батыров, биев и этнокультурные ценности играли существенную роль при формировании этнического самосознания казахов в древности, а

¹ Там же. С. 32.

также служат основанием для развития современного самосознания казахов. К такому выводу приходит известный литературовед К. Абдезулы¹. Героические эпосы о батырах прививают любовь к Родине, повествуют о том, как жил казахский народ, во что верил. Автор отмечает, что казахско-джунгарские войны способствовали возрождению на территории казахской степи института батырства. Такие батыры, как Кабанбай, Богенбай, Наурызбай, Отеген, Сураншы, Райымбек, Малайсары, Олжабай, Жанибек, Санырык, Сыпатай и многие другие своими подвигами показали пример безграничной любви к своему народу, в сложных условиях они сумели отстоять независимость Родины, поэтому, по мнению ученого, изучение дошедших до нашего времени героических эпосов о батырах, многие из которых были биями, укрепляет народный дух, способствует консолидации современного казахстанского общества.

Народное творчество казахов богато в жанровом отношении. Казахский фольклор предстает во множестве разновидностей: сказки, пословицы, поговорки, народные песни, айтысы, толгау, дастаны, загадки и другие. «Там, где царит добро, в душах людских мед разливается, там, где расплеснулось зло, кровь проливается», – говорил Айтеке би².

Многие аспекты изучения культурного наследия биев затронуты в работах специалиста в области социальной философии и методологии гуманитарных наук, профессора Д.К. Кшибекова³. Ученый считает, что «устное народное творчество казаха основано на мудрости его. Это видно из фольклора, загадок, пословиц, поговорок, ораторских изречений, назидательных слов, поэтических высказываний, обычаев и традиций. У казаха, повторим, сильно развито слово»⁴.

¹ Абдезулы Қ. Тарих және тағдыр. Алматы: Қазығұрт, 2004; Он же. Тарихи тұлға және қазақ әдебиеті: Оқу құралы. Алматы: Қазақ университеті, 2004.

² Белгер Г. Гармония духа. М.: Русская книга, 2003. [Titus]. URL: <http://titus.kz/?previd=11577> (дата обращения 13.09.2014).

³ Кшибеков Д.К. Казахский менталитет: вчера, сегодня, завтра. Алматы, 1999; Он же. Истоки ментальности казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

⁴ Кшибеков Д.К. Истоки ментальности казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 70.

Через даналық сөздер (назидательные слова) бии-жырау оценивали историческую эпоху, определяли нравственно-моральные и идеологические приоритеты, выражали свое отношение к происходящим событиям, свое видение мироустройства и эмоциональное состояние. В назидательных высказываниях бии говорили о простых человеческих истинах: что значит быть хорошим отцом, доброй матерью, послушным сыном, братом, вежливой дочерью, доброжелательным сватом и т. д. «Каждое мудрое слово казаха имело воспитательное, а также побудительно-поучительное значение»¹.

Таким образом, в словах-назиданиях отражался дух времени, духовные ценности, идейные установки, к которым общество не столько по-разному относилось, сколько по разному принимало, так как любое явление имеет и субъективный характер. Однако всеохватность исторической личности, которая берет на себя смелость быть выразителем ценностно-нравственных противоречий в обществе, благодаря собственной колоритности и глубине, придает размышлениям и думам характер общечеловеческой ценности, гуманизма. Творчество биев, глубоко убежден Д.К. Кшибеков, отличается высокая идейность и подлинная народность.

Значительный вклад в изучение культурного наследия биев внес казахстанский ученый, филолог, отдавший много сил изучению фольклора казахского народа, Н. Турекулов (1921–2007). Ученый обратился к теме казахского устного народного творчества еще в советские годы. Свою исследовательскую деятельность молодой ученый начал в составе научной экспедиции Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова Академии Наук Казахской ССР. В 1961–1986 гг. экспедиция побывала во многих районах Казахстана и собрала внушительный материал устной литературы, касающийся творческого наследия биев и шешенов (ораторов). Обработанный материал послужил источником для создания сборников устного народного творчества казахов, первый из которых увидел свет в 1963 г. под названием «Қазақтың

¹ Там же. С. 86.

күлдіргі сықақ әңгімелері» (Казахские басни). В 1964 г. ученый сдал в издательство «Жазушы» материал о биях и казахских златоустах, однако лишь треть его была опубликована под названием «Сөз тапқанға қолқа жоқ» (Уместное слово не вызывает спора). В то время народное творчество не особо пользовалось популярностью среди издателей, их больше интересовали литературные материалы о трудовых подвигах советского рабочего класса и крестьянства.

Ситуация начала меняться в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда интерес к историческому прошлому захлестнул все республики на постсоветском пространстве. Казахстан не стал исключением. Как писал Н. Турекулов, теперь редакции газет и журналов, издательства просили материал об исторических личностях, оставивших заметный след в истории народа, чем ученый не преминул воспользоваться. В газете «Қазақ әдебиеті» (Казахская литература) появляется серия статей, посвященная биям и шешенам, биографическим сведениям о них¹. Эти публикации вызвали шквал откликов читателей газеты. Одни благодарили автора за проделанную работу по сбору редкого материала, другие были недовольны опубликованным материалом, считая его неполным и неточным. В ответ на замечания читателей Н. Турекулов предложил совместно с ними продолжить работу по сбору и систематизации отчасти утраченного материала народного творчества казахов. Итогом работы стала двухтомная книга, в которой было отражено творческое наследие более ста биев и шешенов казахской степи. Ученый надеялся, что работа в этом направлении будет продолжена в дальнейшем и позволит обогатить имеющиеся знания об устном наследии казахского народа.

В 1984 г. в г. Ташкенте он защитил диссертацию на соискание степени доктора филологических наук по теме «Современное казахское устно-народное и индивидуальное творчество», в которой отметил, что «Акыны (поэты-импровизаторы. – Ж. М.) и жырау от своего имени оценивают эпоху, в которой

¹ Қазақ әдебиеті. Қазақтың жүз би-шешені. 1992. 20, 30 апреля; 7, 14, 28 мая; 1993. 4, 11, 18, 25 июня.

живут, ее идеологические и политические цели, выражая тем самым свое отношение к обществу, свое мироощущение и эмоциональное состояние. ...самовыражение автора обретает здесь, благодаря масштабности и глубине личности акына или жыршы, общечеловеческое значение»¹. В постсоветское время ученый расширил тематические рамки исследования, включив в научно-исследовательское поле традиционную казахскую культуру².

Н. Турекулов считал, что «Возникшее в давние времена творчество биев и ораторов сегодня особенно актуально. Оно имеет большое воспитательное значение для подрастающего поколения, его ценностные ориентиры служат нравственными принципами для современного общества»³. Одной из проблем современного общества, полагал ученый, является не только невежество молодого поколения относительно слов-изречений знаменитых биев, но и отсутствие знаний у них о биях-ораторах, творчество и деятельность которых представляет духовно-нравственную ценность и служит сохранению идентичности казахского народа, в том числе в условиях современных глобализационных процессов.

Именно Н. Турекулов, на наш взгляд, наиболее последовательно проводил мысль об уникальности института биев-шешенов в казахском обществе. Ученый был убежден, «что ораторские слова и судебные решения биев как явления общественной жизни и драгоценное богатство встречаются только в казахском народе»⁴.

Большой вклад в изучение казахского народного ораторского искусства внес советский и казахский поэт, писатель, ученый-фольклорист, ученик М.О. Ауэзова, член Союза Писателей СССР Б.А. Адамбаев (1919–1990)⁵.

¹ Турекулов Н. Современное казахское устно-народное и индивидуальное творчество: дис. ... докт. филол. наук. Ташкент, 1984. С. 26.

² Төрөкүл Н., Қазбеков М. Қазақтың би-шешендері. 1, 2 кітап. Алматы: Жалын, 1993; Төрөкүл Н. Қазақтың 100 би-шешені. Алматы: Қазақстан, 1995; Төрөкүл Н. Билер сөзі – ақылдың көзі. Алматы: Қазақстан, 1996; Төрөкүлұлы. Даланың дана ділмәрлары. Алматы: Қазақстан, 2006; и др.

³ Төрөкүлұлы Н. Даланың дана ділмәрлары. Алматы: Қазақстан, 2006. С. 8.

⁴ Төрөкүлұлы Н. Даланың дана... С. 5.

⁵ Адамбаев Б. Халық даналығы (народная мудрость). Алма-Ата: Мектеп, 1976; Ел ауызынан: Шешендік сөздер, акындық толғамдар, аңыз әңгімелер / Құраст. Б. Адамбаев, Т. Жарқымбекова. Алматы: Жазушы. 1989; Он же.

Работы ученого посвящены пословицам, поговоркам, ораторским изречениям, историческим преданиям и легендам – жанрам устного народного творчества, которые, по его мнению, являются наименее изученными в современном литературоведении, так как не в полном объеме собраны и систематизированы. Трудности накопления знаний о жанрах казахского народного ораторского искусства связаны с тем, что они всегда ситуативны, то есть их нужно изучать в контексте обстоятельств, определяющих их бытование. Б.А. Адамбаев (в 1967 г. им был издан сборник стихов «Сила слова», в 1969 г. – монографическое исследование «Ораторское искусство») поставил задачу восполнить этот пробел. Благодаря его стараниям было «отобрано, систематизировано и подготовлено к изданию (с предисловием и комментариями) свыше шести тысяч казахских народных пословиц и поговорок, около тысячи ораторских изречений и несколько сот исторических преданий и легенд»¹. Ораторские изречения биев, пословицы-поговорки считаются малыми жанрами, но, являясь результатом многовековых наблюдений за явлениями природы и общественной жизни, они стали, по мнению автора, квинтэссенцией народной мудрости. Передаваясь из поколения в поколение, они подвергались объективным изменениям, шлифовались и в итоге искусственного отбора становились выражением этических взглядов и суждений всего казахского народа.

Б.А. Адамбаев был хорошо знаком с устной литературой, свободно ориентировался в ней. Очевидно, это обстоятельство позволило ему заметить, что бии-ораторы всегда использовали в своей речи крылатые изречения и афоризмы, которые «достигли высокого художественно-эстетического уровня и превратились в истинную поэзию»². Их речь, построенная зачастую на импровизации, использовании образных выражений, была богата примерами

Казахское народное ораторское искусство: Авториз. пер. с каз. Алматы: Ана тілі, 1994; Он же. Казахское народное ораторское искусство: Книга для массового читателя. Алматы: Ана тілі, 1997; Он же. Казахское народное ораторское искусство. Изд. 3-е. Алматы: Ана тілі, 2007; и др.

¹ Адамбаев Б. Казахское народное ораторское искусство. Алматы: Ана тілі, 2007. С. 4.

² Там же. С. 8.

из народного фольклора и являла собой красоту казахского языка. Ученый приводит в пример высказывание русского офицера Е.И. Шевалина о значении фольклорного жанра у казахов: «На языке кайсацком есть пословицы (макал), так отчетливо дающие понятия об их характере и народности вообще... Некоторые из них, нужно признаться, очень хороши... Всякий порядочный би и султан помешан на пословицах и в разговоре с кайсаком старается пересыпать ими почти всякую фразу. Это рекомендует у них человека умного, дельного и совершенно годного быть бием, судьей»¹.

Б.А. Адамбаев отмечает необходимость наличия традиции и преемственности как факторов, обуславливающих сохранение культурного наследия. Культурное наследие биев, считает исследователь, составляют те ценности, которые созданы в ходе культурных достижений казахского общества, сохраненные в исторической памяти народа и осуществляющие связь между поколениями, между прошлым и будущим. Своим творчеством бии как бы маркируют казахский народ специфическими и отличительными признаками, которые служат объединяющим началом казахской общности на фоне общемировых культурных и гуманистических ценностей.

В последние годы в казахстанской исторической науке наблюдается тенденция изучения истории регионов как отдельных частей общей истории Казахстана. В контексте общих вопросов, значительное внимание уделяется исследованию биографических данных и исторической миссии знаменитых деятелей регионов. В частности, краевед С.И. Джаксыбаев считает, что одним из авторов «Жеты жаргы» был Бухар-жырау². Он утверждает: «Бухар вместе... с Толе бием, Казбек бием и Айтеке бием принимает участие в создании первого в истории Казахстана свода юридических законов «Жеті жарғы», который в 1710 г. был одобрен на Каракумском съезде казахских биев трех жузов»³. Стихи «великого барда степи», так называет С.И. Джаксыбаев Бухар-

¹ Цит. по: Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. Т. 3. С. 120.

² Джаксыбаев С.И. Записки краеведа. Павлодар: ЭКО, 2008. С. 10.

³ Там же. С. 10.

жырау, полны философских и дидактических размышлений, они афористичны, богаты образами, язык отличается ясностью и изяществом слога.

Бухар-жырау был советником Абылай хана, но не преклонялся слепо перед ним. Его назидания хану были исполнены тревоги о судьбе народа, красной нитью в них проходила мысль о том, что справедливым и уважаемым может быть только тот хан, который думает о единстве и благополучии народа:

Рядом с ханом я сижусь,
Я – Бухар жырау скажу,
Песнь спою и дам совет:
Не воюй! – ему скажу.
Я Бухар жырау, старик,
Мне уж девяносто три,
Аблай хану так скажу:
Степь войной не разори...
Жизнь тяжка и бременен мир,
Добротой его продли.
Отступи, мир подари¹.

Сравнительную типологию образов, мотивов и сюжетов казахской литературы периода Казахского ханства, ее эстетические функции и роль в обновлении национальной словесности на рубеже XX и XXI в. разработал А.Ж. Жаксылыков, известный в Казахстане специалист по казахской литературе.

А.Ж. Жаксылыков отмечает, что национальная поэзия биев-жырау, начиная с возникновения Казахского ханства, затем в переломные для государства столетия, отмеченные бурными историческими событиями, имела полифункциональное значение: «Она обслуживала не только духовно-эстетические запросы казахов, но и брала на себя функции регулирования общественных (межплеменных, межродовых) отношений, аккумулировала и

¹ Поэзия жырау и акынов / Пер. с казах. О. Жанайдарова. Астана: Аударма, 2009. С. 152.

концентрированно выражала коллективное мнение, вдохновляла воинов на битвы за свободу и независимость Отечества, суммировала опыт исторического прошлого в масштабных эпосах, прорицала будущее и т. д.»¹.

Рассматривая творчество акынов-жырау XIV–XVIII в., А.Ж. Жаксылыков обращает особое внимание на такую особенность национальной поэзии, как полифункциональность и отмечает, что она обусловлена «не только традиционным ее ритуализмом, связью с обрядовой практикой казахов, но и особым типом эстетического мышления кочевников, стремившихся предметно запечатлеть в слове суммированный опыт восприятия как истории, так и современности. Суггестивность, черты ритуализма, живая связь с магией, экспрессия и выраженный энергетизм – все это отражало чрезвычайно важную роль поэзии жырау в этнокультуре казахов»².

По мнению ученого, поэзию биев, акынов, жырау можно охарактеризовать как сакральную, так как нередко они брали на себя функции медиаторов, магических посредников между метафизическим космосом и людьми. Жырау в социально-политической системе традиционных отношений казахо-кочевников выполняли важную роль регуляторов духовно-нравственных процессов, определяли основные направления развития традиций казахской словесности, в частности героической поэзии, эпоса, толгау, терме; влияли на формирование канонических форм и принципов поэзии, ее жанровой системы, изобразительно-выразительных средств, ритмики, языка, стилистики и т. д.³.

А.Ж. Жаксылыков полагает, что наиболее колоритной и масштабной фигурой среди казахских акынов-жырау XVIII в. был Бухар-жырау. «Великий бард степи» осознавал свою историческую миссию в жизни казахского народа, так как свою политическую и творческую деятельность посвятил воплощению идеи единства народа, сплочению разрозненных родов и племен в сложных внутри- и внешнеполитических условиях, современником которых он был.

¹ Жаксылыков А.Ж. Сравнительная типология образов и мотивов с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Алматы: Казак университеті, 2012. С. 124.

² Там же. С. 124–125.

³ Там же. С. 125.

Желание видеть народ единым и сплоченным, – вот главная тематика творчества Бухар-жырау.

Поэтическое творчество Бухар-жырау, в особенности религиозные мотивы, исследованные А.Ж. Жаксылыковым, позволяют сделать вывод, что уважаемый жырау являлся носителем народного мнения, в его стихотворениях ясно прослеживаются философия жизни и мироощущение народа, его мудрость, которая аккумулировала многовековой культурный опыт.

В своих толгау (думах) жырау размышляет о бренности мира, о народе, выделяя узловые моменты в жизни номадов, связанные с заботами о скоте, пастбищах, откочевках. «До боли в сердце он любит свой народ, а картины степной жизни, кочевья, виды джайляу (летнее пастбище. – Ж. М.) для него – сокровенная медитация. Слово «жұрт» (народ) в его поэзии выполняет роль основного смыслового рефрена»¹.

А.Ж. Жаксылыков приходит к выводу, что для поэзии Бухар-жырау свойственны интонации философской углубленности, самопогруженности, размышления о времени, судьбе, жизни в целом, об истине, о самом себе².

Ученый уверен в том, что такие жырау, как Коркут-ата (IX в.), Асанакайгы (XV в.), Казтуган-жырау (XV в.), Доспанбет-жырау (XVI в.), Жалкииз-жырау (XV–XVI в.), Актамберды-жырау (XVII–XVIII в.), Умбетей-жырау (XVIII в.), Бухар-жырау (XVIII в.) будучи советниками ханов, султанов, субъектами магии, носителями народных знаний, мудрости народа определяли своей деятельностью магистральное русло исторических процессов этногенеза. Жизнь народа вокруг таких деятелей приобретала смысл и цели, так как они выступали не только хранителями традиционной культуры, но и пропагандировали патриархальные морально-этические ценности общества, являлись распространителями нравственных норм. Благодаря своим незаурядным качествам и достоинствам жырау становились овеянными мифами совершенными образами, о которых народ слагал легенды и предания.

¹ Там же. С. 148.

² Там же. С. 129.

При изучении наследия биев нельзя обходить вниманием вопросы ораторского языка и ораторских речей – «шешендік сөздер» знаменитых в степи шешенов (ораторов). Казахские исследователи А.М. Сулейменова и Б. Ахан отмечают: «Казахские бии посредством своих слов поддерживали народный дух, разъясняли общественности причины социальных явлений, выражали волю и пожелание народа, устанавливали в народной среде всеобщее согласие и единство. В связи с этим казахские бии являлись социально-политическими личностями, а их ораторская речь – это средство влияния на народные массы»¹.

Филолог Ш.А. Токсанбаева, занимаясь переводами с казахского языка на русский изречений биев, отмечает особенность казахской устной кочевой культуры трепетно и с глубоким уважением относиться к слову, его значению. Так, например, она пишет: «В казахском языке есть выражение “сөзге тоқтау” (букв. – остановиться перед словом), которое имеет значение: прекращение спора – раздора в связи с веско сказанным словом устами авторитетного человека»².

Слова биев отличались образностью, афористичностью и в сжатой форме передавали глубокие философские мысли. Ш.А. Токсанбаева к особенностям ораторских слов биев-шешенов относит: «...спаянность содержания и формы, усиление смысловой значимости через использование зачастую стихотворной формы со всеми ее характерными особенностями: повторением однокоренных слов с разными аффиксами, в дополнение к этому используется аллитерация. Если слова биев передаются в прозаической прозе, то это обычно рифмованная проза»³.

Ш.А. Токсанбаева приводит несколько примеров бийских ораторских слов. Остановимся лишь на одном из них – слове-благословении, которое, на

¹ См.: Библиотека Западно-Казахстанского государственного университета имени М. Утемисова [Электронный ресурс]. URL: <http://library.wksu.kz/> (Дата последнего обращения 19. 10. 2014).

² Токсанбаева Ш.А. Этносемантическое и стилистическое своеобразие в переводе // Вестник КарГУ им. Е.А. Букетова. Серия «Филология». 2013. № 1(69). С. 155.

³ Там же. С. 155.

наш взгляд, ярко иллюстрирует красноречие биев. Наличие в казахском обществе института благословения (бата) от уважаемого и почетного человека бата является одним из выражений неколебимой веры казахов в силу слова.

Когда Каздауысты Казыбек би благословлял своего племянника Жанибека, он произнес следующую речь:

«“Жол басқарсан, жолың киелі болсын,
Ел басқарсан, колың киелі болсын.
Көк бөрік қолдасын”¹.

Торжественный момент благословения в переводе передается аналитической формой повелительного наклонения глагола пусть будет. Здесь также отмечаются повторы для создания ритма»². Оценивая возможность перевода с казахского языка на другие языки ораторских слов биев, Ш.А. Токсанбаева замечает, что язык биев-ораторов отражал, с одной стороны, реалии своего времени, с другой – он воплощал многовековой культурный опыт народа. Как считает исследователь, одной из задач современной казахской филологии является не только сохранение языка биев-ораторов в памяти людей, но и умелая передача этносемантических особенностей родного языка с помощью средств других языков.

В последние годы многие аспекты культурного наследия биев нашли отражение в работах казахстанских ученых К.Ш. Кайыргалиевой, А.С. Сагатовой, Е.Е. Серимова, Д.С. Раева и др.³.

¹ Возглавишь вышедших на дорогу,
Пусть дорога твоя будет священной,
Возглавишь твой народ,
Пусть рука твоя будет священна.
Пусть поддержит тебя твой серый волк.

² Там же. С. 157.

³ Қосжанов А. Сырым Датұлын әрі шешен, әрі би ретінде зерттеу: заң ғылым. канд. ... дис. автореф. Алматы: Экожан, 1995; Канагатов А.М. Преемственная связь этических воззрений Бухар-жырау и Кабан-жырау и их значение в духовной культуре казахского народа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Алматы, 1996; Сағатова Ә.С. Қазақ рухани дүниесіндегі даналық мәселесі (XVII–XVIII ғғ.): филос. ғылым канд. ... дис. Қарағанды, 2001; Раев Д.С. Қазақ шешендік сөз өнерінің әлеуметтік-философиялық негіздері: филос. ғылым канд. ... дис. автореф. Алматы, 2003; Қайыргалиева К.Ш. Билердің ұлттық ойлау мәдениетіндегі орны: филос. ғылым канд. ... дис. автореф. Алматы, 2005; Мамырайым Б.Б. Шешендік сөздердің ұжымдық және даралық сипаты: заң ғылым. канд. ... дис. автореф. Түркістан, 2005; Серімов Е.Е. Сот төрелігінің тілмарлығы: тарихы және қазіргі жағдайы: заң ғылым. канд. ... дис. автореф. Алматы, 2005; Өсерова А.Н. Қазақ әдет-ғұрып заң нормаларындағы

Так, например, К.Ш. Кайыргалиева считает: «При решении проблем казахского общества, основным орудием биев было слово меткое, умное, животрепещущее. Их слова-назидания до сих пор служат патриотическому воспитанию молодежи, привитию любви к своей Родине, к родной земле. Поэтому важно в воспитательных целях продолжать уделять внимание ораторскому искусству биев в общеобразовательных школах, в вузах, объяснять молодежи нормы поведения, нравственные ценности биев.

Ораторство как жанр искусства имеет огромное значение в нашей нравственной культуре. В любом обществе ораторское искусство оказывает благотворное влияние на развитие народа, пробуждает его чувства, сознание, побуждает к действиям. Оно не утратило своего значения по сегодняшний день»¹.

По мнению исследователей К.Ш. Кайыргалиевой, А.С. Сагатовой, Е.Е. Серимова, Д.С. Раева и других, бии выполняли в обществе функции инкультурации и социализации, которые позволяли приобщить конкретного человека к основам этнической культуры, усвоить культурные образцы и стереотипы поведения, сформировать устойчивое чувство коллективности, в конечном итоге, стать полноправным членом сообщества.

С другой стороны, наличие в обществе традиционного культурного компонента, представленного творчеством биев, способствует не только сохранению культурной идентичности народа, но и служит источником восприятия ценно-гуманистических установок, необходимых для формирования самосознания новых поколений.

* * *

Казахский социум обладает своей системой духовных ценностей, которые опираются на признанные принципы жизнедеятельности, селективно отобранные на протяжении многовековой истории развития общества. Эти

тәлім-тәрбие тағылымдары: заң ғылым. канд. ... дис. автореф. Тараз, 2007; Түсіпбаева М.Б. Ақын-жыраулар мұраларындағы эстетикалық тәрбие ойлары (XVIII–XIX ғғ.): педаг. ғылым. канд. ... дис. автореф, 2009; и др.

¹ Кайыргалиева К.Ш. Указ. соч. С. 3.

принципы, как ретранслянты, помогают обществу оставаться жизнеспособным на протяжении длительного исторического периода времени, и образуют связь между поколениями, которая позволяет не просто сохранять, но и расширять их востребованность в нравственной и духовной жизни социума. Таким образом, оставленное биями культурное наследие в настоящее время приобретает интегрирующий характер для казахского народа, так как является основой формирования ценностей, имеющих общечеловеческий характер.

В целом, необходимо подчеркнуть, что самобытная казахская культура исторически выработала ряд констант, родственных к этическим концептам других кочевых народов Евразии. Такие традиционные ценностные понятия, как «ар» (честь, совесть), открытость, честность, развитое чувство коллективизма и другие, отражая специфику жизни в степных просторах, руководили поведением человека (коллектива), нарушение этих принципов приводило к неприятию человека, к его отторжению обществом и причислению к категории людей, находящихся вне закона, вне общины.

В творчестве биев-жырау достигают расцвета такие традиционные формы казахского устного творчества, как толгау (размышления) и терме (речитативы). В толгау нашли отражение сокровенные мысли, думы, переживания биев и жырау о прошлом и будущем народа, они носят риторический характер, имеют форму философских раздумий. Нематериальное культурное наследие биев (устные обычаи, традиции, нормы обычного права, ораторские слова, слова-назидания, обряды, знания о природе и вселенной, об окружающей среде), на современном этапе воссоздается обществом, формируя чувство единства, самобытности и преемственности.

Культурное наследие биев формирует в этническом самосознании представления о своем народе (этноархетипы), его происхождении, родословной родов и племен, их взаимосвязи, историческом прошлом, традициях, нормах обычного права, единые стереотипы поведения. Исследователи (Д.К. Кшибеков, Б. Ахан и др.) уверены, что творчество биев

имманентно обладает способностью аккумулировать богатейшие знания о мире и передавать эти знания другим поколениям.

Ораторские слова биев способствовали общению людей друг с другом, обмену культурным опытом, т. е. выполняли коммуникативную функцию в обществе и создавали «культурное наследие». Думаем, будет уместно привести мнение исследователя А.А. Копсергеновой, которая, изучая особенности понятия «культурное наследие», считает: «Основные каналы коммуникации – зрительный, осязательный, речевой. Человек воспринимает информацию, заключенную в памятниках материальной и духовной культуры, и тем самым вступает в косвенное, опосредованное общение с людьми, создавшими эти памятники. Средством общения выступает, прежде всего, язык»¹. С мнением российского исследователя созвучны выводы казахстанских ученых о том, что казахское общество не знало иных механизмов передачи социального опыта как только с помощью устной литературы, что позволяло избежать культурной деградации и потери социальной памяти народа. Творчество биев носило именно социальный характер, так как обеспечивало коллективность жизнедеятельности людей, было направлено на формирование понятий о неразрывности судьбы отдельного человека с сообществом соплеменников.

Творчество биев выполняло в обществе, в том числе регулятивную и нормативную функции. Те народные ценности, которые нашли отражение в словах-назиданиях биев-жырау о добре и зле, хорошем и плохом, мудрости и глупости и других определяли все стороны общественной и личной деятельности людей в сообществе кочевников, влияли на поведение общинников путем регулирования их поступков и действий системой нравственно-духовных достоинств народа. Веками выработанные обществом мораль и право являлись критерием определения полезности действий человека. Нормативная функция биев обеспечивала устойчивость и жизнеспособность культурных норм и правил, которые в сложные периоды

¹ Копсергенова А.А. Культурное наследие: философские аспекты анализа: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2008. С. 37.

истории казахского общества позволяли достаточно жестко контролировать систему правовых и этических принципов поведения людей (нормы обычного права, обычаи, традиции и т. д.).

Ученые считают, что потребность в изучении культурного наследия народа, в том числе творчества биев, связана не только с теми глобальными изменениями, которые наблюдаются в современном мире. Этот интерес связан также с важной функцией культуры как системы, сохраняющей целостность общества в окружающем мире и на основе предыдущего опыта прогнозирующей его дальнейшее развитие путем трансляции культурного кода. Устойчивое развитие общества, переживающего переход от одной общественно-политической идеологии к другой (этот процесс касается как Казахстана, так и России, которые в конце 1980-х – начале 1990-х гг. встали на путь построения государственной независимости) достижимо в случае включения в стратегию их развития тех факторов, которые опираются прежде всего на историко-культурные основания. Они в свою очередь предполагают сохранение культурного наследия казахского и русского народов как одного из важнейших факторов национальной идентичности.

Наследие народа, проявляясь в различных формах, передаваясь из поколения в поколение, имеет стабилизирующее для общества качество. В разные периоды истории, в силу исторических обстоятельств (цензура, войны, насилие и т. д.), культурная преемственность прерывалась, приводя к исчезновению целых пластов культуры, потере этнического самосознания. Поэтому одной из задач современной науки является восстановление исторической памяти, воссоздание тех ценностей, которые представляют сокровищницу достижений любого народа.

В заключение отметим, что излишняя идеализация казахских биев и вместе с этим создание похожих исторических образов свидетельствует о том, что современные ученые предпринимают попытки объективно осмыслить историю, путем даже некоторой героизации и мифологизации народных

персонажей, понять, исходя из субъективного видения, историческое прошлое, настоящее и возможно предугадать будущее. Возможно, на этом «тернистом» научном пути они допускают ошибки, однако, как известно, истина рождается в споре, в дискуссии. И на вопрос: научна ли данная позиция или она имеет мифологический оттенок, учитывая наличие устной исторической памяти казахского народа, ответить наверняка сможет не каждый ученый¹.

§ 4. Западноевропейская и американская историография социальной истории казахского общества: зарубежная интерпретация образа бия

Любое исследование ограничено поставленными задачами, которые в этой работе предполагают компаративный анализ российской и казахстанской историографии. В то же время изучением традиционных институтов кочевников занимались и другие исследователи, представляющие самые разные научные школы с широкой географией. На протяжении долгого времени кочевые общества неизменно привлекали внимание современников и исследователей как Востока, так и Запада. Учитывая это и желая, чтобы это многогранное мировое историографическое наследие не осталось в стороне, в этом параграфе будет дан самый общий анализ литературы, касающейся досоветской социальной истории казахского общества и объединенный в понятие «зарубежная историография».

Зарубежная историография в досоветское время

Отрывочные устные сведения о племенах, населявших древние казахские земли, имелись в Западной Европе с древности. Однако письменное оформление данных о заморских восточных странах произошло значительно

¹ Думаю, не стоит слишком критично относиться к мифологизации истории с научной точки зрения. Ведь, как правило, историческое событие или личность, ставшие сюжетом или героем мифа, имели место в действительности. Другое дело, когда они наделялись свойствами и чертами, которые трудно или невозможно подтвердить историческими источниками, тогда возникает вероятность появления легковесных и поверхностных работ, далеких от научного познания предмета исследования.

позже, точнее в XIII в., когда английский ученый Роджер Бэкон в своем «Большом сочинении» описал земли Дешт-и Кыпчака, на которых кочевали далекие предки современных казахов¹.

Дальнейшее расширение знаний западноевропейского общества о Центральной Азии связано с великими географическими открытиями, «распахнувшими двери» как на Запад, так и на Восток. Не последнюю роль сыграло завоевание Россией в 1552 г. Казанского и в 1556 г. Астраханского ханств, в результате чего начали устанавливаться караванные маршруты в Западную Сибирь и Казахские степи, которыми решила воспользоваться Англия, стремившаяся наладить торговые отношения на азиатском Востоке. Поэтому не случайно в 1558–1559 и 1562–1564 гг. английский купец и дипломат Антоний Дженкинсон в составе торгового каравана посетил Центральную Азию. Результатом поездок А. Дженкинсона стал труд, в котором наряду с описанием пройденных территорий, он привел данные о казахах, указав их подлинное самоназвание (Cassack), остановился на хозяйстве и быте кочевников².

В XVIII – первой половине XIX в. интерес к центральноазиатскому региону со стороны западноевропейских исследователей только вырос. В это время на территории Казахской степи побывали с разными целями капитан британской морской службы Джон Эльтон (1735), живописец Джон Кэстль (1736), торговец Реональд Гок (1741–1742), английский дипломат Александр Бернс (1833), агенты британских спецслужб Джеймс Аббот, Ричмонд Шекспир и другие. Занимаясь в основном экономической разведкой в районе Приаралья, они оставили более или менее подробное описание увиденного в крае. Зарубежных исследователей и путешественников интересовали в первую

¹ Подробнее см.: Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Изд. 2-е. Новосибирск: Наука, 2006. С. 25; Есмагамбетов К.Л. Действительность и фальсификация (англо-американская историография о Казахстане). Алма-Ата: Казахстан, 1976. С. 30–31; Он же. Что писали о нас на Западе. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. С. 9–26.

² Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг. // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. VIII. Первые английские путешественники в Казахской степи / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006.

очередь география, природа, земля, ее недра и богатства. Поэтому не случайно, отличительной особенностью этих работ является акцентирование внимания авторов на этих вопросах, нежели на общественно-политических и социальных. Таким образом, в работах на первый план выступало решение, прежде всего, геостратегических задач.

К середине XIX в. можно говорить о сложении двух основных нарративов при освещении истории империи, в том числе казахско-русских отношений: в одном из них проводилась мысль о «мессианской, цивилизаторской роли России», другой повествовал об «экспансионистской политике России на юго-восточных окраинах». В контексте этих двух подходов к данной проблеме освещались остальные вопросы социальной и политической жизни казахов.

Сторонники первого направления исходили в своих трудах из положения о том, что Россия выполняла на своих юго-восточных рубежах мессианскую роль европейского государства, несущего европейскую цивилизацию «диким» и «невежественным» народам. Такая мысль прослеживается в основательной работе Томаса Аткинсона, который совместно с супругой Люси Аткинсон в течение семи лет путешествовал по территории казахской степи и представил в ней интересный материал о казахах. Как было выше отмечено, следуя заведенному в историографии того времени правилу, в книге Т. Аткинсона достаточно подробно описана природа Казахстана и попутно освещены взаимоотношения родоправителей и некоторых султанов с региональными властями, обычаи и обряды казахского народа. Ценность опубликованных этнографических материалов можно объяснить тем, что они собраны со слов старейшин, простых кочевников. Кроме того, проживая подолгу в казахских аулах, Томас и Люси Аткинсоны наблюдали повседневную жизнь кочевников, что позволило им описать бытовые сцены жизни казахов. К примеру, значительный интерес представляет эпизод с описанием барымты, которая в

глазах европейца выглядела как «разбой с невероятной наглостью и жестокостью»¹.

К сторонникам этого подхода можно отнести и ряд немецких исследователей, которые оставили разносторонние сведения о казахских землях. Многие из них состояли на русской службе и по заданию российского правительства совершали путешествия в юго-восточные окраины империи. В первой половине XIX в. включение большей части территории Казахстана в состав России поставило на повестку дня вопрос о более углубленном изучении новых территорий в географическом и историко-этнографическом отношении. В состав научных экспедиций, дипломатических миссий, направлявшихся сюда российской стороной, входили немецкие исследователи и путешественники, внесшие значительный вклад в изучение края: Г.Г. фон Генс, Г.П. Хельмерсен, Т.Ф. Базинер, А.И. Шренк и другие. Некоторых из них в качестве крупных специалистов приглашали в «новый» край для выполнения важных заданий и поручений. Так, в 1874 г. генерал-губернатор Туркестана фон Кауфман пригласил в Ташкент на должность директора астрономической и метеорологической обсерватории выходца из Нижней Баварии Франца фон Шварца. В течение длительного времени Ф. Шварц принимал участие в различных экспедициях на территории Туркестанского края, что позволило ему собрать значительный историко-этнографический материал о местных народах. Наряду с общей характеристикой края, Ф. фон Шварц достаточно подробно остановился на правовых воззрениях казахов. Сравнивая казахское право с европейским, он находит его древним, схожим с «правовыми представлениями древних германцев». Многие действовавшие нормы обычного права он считал «своеобразными», устаревшими, характеризующими низкий уровень развития общества, точнее присущими «варварским народам». Одним из немногих он описал судебный процесс, отмечая роль биев, которые

¹ Аткинсон Т. Восточная и Западная Сибирь // Там же. С. 124.

«из-за своей честности и непредвзятости к сторонам пользуются большим уважением как у русских, так и у киргизов (здесь и далее – казахов. – Ж. М.)»¹.

Не остались в стороне и французские исследователи, также внесшие определенный вклад в изучение истории народов Центральной Азии. В XVII–XVIII вв. французы – члены ордена иезуитов, проживавшие в Китае, сыграли видную роль в изучении истории и культуры Китая и соседним с этим государством центральноазиатских стран. Постоянное проживание в Китае позволило им изучить многие восточные языки, знание которых помогло им при чтении и переводе ценнейших восточных рукописей и материалов. Благодаря этим переводам Европа узнала о далеких экзотических восточных странах. Интерес представляют работы ученых-ориенталистов Жозефа де Гиня, Абрахама Константина д'Оссона (1740–1807), Генриха-Юлия Клапрота (1783–1835), Шарля-Евгения Ужфальди де Мезе-Ковезда (1842–1904) и др. В них с европоцентристских позиций, свойственных для того времени, ученые при изучении местных народов, исходили из методологического подхода, в основе которого был положен хозяйственный принцип: «культурные» – оседлые и «некультурные» – кочевые народы. Поэтому в работах этих ученых кочевники представляли варварами, несущими упадок и разорение земледельцам. Несмотря на несколько тенденциозный подход, представленный в работах исторический и этнографический материал не утратил научного значения и по сегодняшний день. К примеру, в работе Г.Ю. Клапрота составленный автором французско-казахский словарь можно считать одним из первых в области сравнительного языкознания².

В отличие от первого рассмотренного нами подхода, сторонники второго в основном придерживались мнения о том, что Россия всеми силами старалась расширить границы империи, в том числе, за счет юго-восточных окраин, или говоря словами Д. Тоула: «Россия начала свою завоевательную деятельность в

¹ Ф. фон Шварц. Туркестан – ветка индогерманских народов // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. V. Немецкие исследователи в Казахстане / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006. С. 189.

² Клапрот Г-Ю. О киргизском языке // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. VII. Французские исследователи в Казахстане / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006.

конце XVI в. Петр... задумал огромный план завоевания, который включал в себя не только азиатскую часть, лежащую между Каспийским морем и Китаем, но и Константинополь и современную Турцию»¹. Исследователи отмечали, что политика российских чиновников – «черняевых», «кауфманов» и др. стояла на страже интересов, прежде всего, империи, при этом местное население с его проблемами оставалось вне поля зрения².

К примеру, американские исследователи и путешественники дипломат Е. Скайлер и журналист Я. Мак-Гахан в сопровождении сына Джангир хана Губайдоллы Чингисхана в 1873 г. выехали из Петербурга в Туркестан. Результатом этой поездки стала двухтомная работа, в которой Е. Скайлер критически оценил деятельность российской администрации в крае, полагая, что у нее нет интереса к истории, археологии, производительным силам края³. В такой же тональности написана была книга А. Краусса, утверждавшего: «Необоснованные избиения и жестокости в отношении среднеазиатских народов совершались ради того, чтобы покрыть себя славой и получить награды, разыгрывая большие военные операции»⁴. В отличие от «поклонников» цивилизаторской роли России, исследователи этого направления считали социальную структуру традиционного общества казахов в определенной степени гармоничной, приспособленной к условиям окружающей среды. Так, тот же Е. Скайлер, говоря о местной аристократии, писал: «Киргизы питали большое уважение к своей аристократии»⁵. Поэтому любое вмешательство извне во внутренние дела кочевников, по его мнению, могло привести к нежелательным последствиям для обеих сторон. Исследователи считали, что именно мероприятия Российской империи XIX в.

¹ Towle G.M. The Russian in the East // The Atlantic Monthly. Boston. 1875. Jule. P. 71.

² Boulger D.Ch. England and Russia in Central Asia. Vol. 1. London, 1879. P. 162; Burnaby F. A ride to Khiva. P. 252–253;

³ Schyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara and Kuldja. Vol. 2. 1876.

⁴ Krausse A. Russian in Asia. A record and study 1558–1899. L., 1899. P. 132. 133. 138.

⁵ Schuyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara and Kuldja. L., 1876. Vol. 1. P. 32.

по изменению общественно-политической структуры казахского общества стали причинами всех антиколониальных выступлений казахов.

Однако стоит заметить, что такая «идеализация» общества казахов приверженцами этого подхода связана, скорее всего, не с симпатиями зарубежных исследователей к кочевому обществу, а с усилившимся к середине XIX в. англо-русским соперничеством в Центральноазиатском регионе. Именно в это время столкнулись геостратегические и политические интересы России и Англии в Хиве, поэтому вполне логично, что представители второй державы пытались создать неблагоприятный политический образ России в глазах как своей, так и мировой общественности.

В целом, к концу XIX – началу XX вв. в Европе и США накопился достаточный объем знаний о народах Центральной Азии. Материал носил описательный характер, собранные в нем сведения отличались определенной предвзятостью и тенденциозностью.

Взгляд зарубежных советологов на социальную историю казахов

Изучение социальной структуры казахского общества продолжилось и в новейшее время. В этот период дореволюционная история казахов, как и других подданных Российской империи, постигалась в контексте неизменного интереса к истории императорской России XVIII–XIX вв., что, впоследствии стало важным направлением западной историографии Евразии. На территории Америки и Западной Европы создавались научно-исследовательские центры, открывались университеты, на базе которых проводились полномасштабные исследования, намечались контуры и направления будущих научных изысканий¹.

¹ Подробнее см.: Дэвид-Фокс М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период: Антология. Т. I. Самара: Самарский ун-т, 2000. С. 5–47; Абдуллин Р.Б. Западная школа среднеазиоведения: организационные основы, исследовательская база и историографические направления (1917–1991 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Алматы, 2005; Бырбаева Г.Б. Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии. Алматы: Дайк-Пресс, 2005; Большакова О.В. Поверх барьеров: американская русистика после холодной войны. М.: ИНИОН РАН, 2013.

Вышеназванные подходы получили дальнейшее развитие, однако в это время критика в адрес Российской империи по поводу ее политики на завоеванных территориях значительно усиливается. Связано это, на наш взгляд, с несколькими причинами. Во-первых, научные «метания» советских историков в вопросе присоединения к империи окраин от одной концептуальной парадигмы – «абсолютное зло» к противоположной – «добровольное присоединение», вызывали со стороны зарубежных коллег определенную долю скептицизма в объективности выводов советских ученых и обвинения в конъюнктурном характере их работ. Такие научные «шарахания» из одной крайности в другую зачастую одних и тех же ученых приводили к тому, что зарубежные исследователи априори занимали противоположную позицию, считая ее свободной от идеологических догм. Несложно заметить, что тематика и содержание работ советских ученых зеркальным образом отражались в зарубежной историографии, с заменой светлых оттенков на темные и наоборот. Во-вторых, и, пожалуй, это главное, начавшаяся после 1945 г. холодная война имела целью, в том числе, создание образа агрессивного Советского Союза, «мечтавшего» распространить коммунистическое влияние на все страны мира. Не случайно перед зарубежными советологами ставилась вполне конкретная задача поиска начал и истоков образа «захватчика», «завоевателя» в недалеком прошлом, точнее, в истории Российской империи. Поэтому закономерна появившаяся в эти годы тенденция невероятного увеличения сторонников именно второго направления, чьи разработки финансировались как правительством западных стран, так и частными фондами.

Яркими представителями этого подхода можно назвать таких ученых, как Л. Крадер, О. Кэроу, Е. Бэкон, В. Рязановский и другие¹. Казахско-российские

¹ Hudson A.E. Kazakh social structure. New-Haven (USA). Yale univ. press. 1938; Bacon E. Soviet Policy in Turkestan // Middle East Journal. Washington, 1947. P. 386–400; Dallin D.J. The Rise of Russia in Asia. N. H., 1949; Caroe O. Soviet Empire. The Turks of Central Asia and stalinism. L., 1954; Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, Mass., 1954; Carrere d'Encausse H. Russes et Musulmans en Asie Centrale // Civilization, 1955. Vol. 5. № 1. P. 1–14; Hostler Ch.W. Turkism and the Soviets. The

отношения представлялись как череда неудач, связанных с «близорукостью» правительства империи, с неумением выстраивать отношения с народами окраин, что неизбежно приводило к противостоянию центра и периферии. Основное внимание историков было обращено на верхние слои общества (региональных администраторов, местных руководителей) и государственные органы. Таким образом, историографический взгляд для работ этого направления можно охарактеризовать как взгляд из «центра – вниз», акцентирующий внимание на изучение авторитарного имперского, а затем советского политического режима, направленного на подавление нерусского населения империи и Советского Союза. Так, приоритеты этих ученых можно ясно проследить при освещении вопросов национально-освободительного движения на территории казахской Степи, которые, судя по материалам, были весьма популярны среди зарубежных исследователей. В частности, выступления казахов под руководством родовых лидеров они относят к «антирусским» проявлениям сопротивления нерусских народов метрополии. Отсюда родопривителю-бии С. Датулы, Ж. Нурмухамедов, султан К. Касымов изображались как народные герои, которые противились «постоянному и все возрастающему вторжению русских в жизнь казахов»¹. Скорее всего, такой повышенный интерес к теме сопротивления нерусских народов имперскому правлению связан с желанием показать контраст пропагандируемых в Советском союзе идей о «вечной дружбе народов». Хотя, прав американский ученый Пол В. Верт, позднее писавший, что «противостояние народов обычно

Turks of the World and their political objectives. L.–N. Y., 1957; Russia and the Kazakhs in the XVIII-th and XIX-th centuris // Central Asian Review. 1957. Vol. 5. № 4; Carrere d'Encausse H. Linguistic Russification and Nationalism opposition in Kazakhstan // The East Turkic Review, 1958. № 1. P. 97–100; Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge: Harvard univ. press, 1960. P. 135–138; Krader L. Peoples of Central Asia // Uralic and Altaic series. Vol. 26. Indiana univ. 1963. P. 100; Winner I. Some problems of Nomadism // Central Asian Review. 1963. Vol. XI. № 3; Bacon E. Central Asians under Russian rule. A study in culture change. N. Y., 1965; Riazanovsky V.A. Customary law of the Nomadic tribes of Siberia. Indiana univ. publications // Uralic and Altaic series. 1965. Vol. 48; Carrere d'Encausse H. Systematic Conquest, 1865 to 1884 // Central Asia: A Century of Russian Rule. N. Y., 1967; Seton-Watson H. The Russian Empire, 1801–1917. Oxford, 1967; Olcott M.B. The Kazakhs. Stanford: Hoover Institution Press, 1987; и др.

¹ Allworth E. Central Asia. A century of Russian rule. N.Y. and London, 1967. P. 17.

оставляет более заметные следы в анналах истории, чем гармоничное их взаимодействие»¹.

Проблемы обычного права казахов также становились объектом исследования ученых. Одной из первых публикаций, специально посвященной анализу адата казахов, можно назвать статью В. Рязановского «Обычное право киргизов»². При всей ценности этой работы, поскольку в ней был дан перевод норм обычного права, опубликованных в свое время известным ученым Д.Я. Самоквасовым, В. Рязановский обошел своим вниманием историографический анализ проблемы и представил нормы казахов как затвердевшие и неизменные «законы». Что на самом деле не соответствует истине, поскольку местное право видоизменялось под воздействием как внешних, так и внутренних обстоятельств. Однако, конечно сказанное несколько не снижает ценности труда, поскольку зарубежный читатель, можно сказать, впервые узнал о праве окраинных народов империи. В этом плане представляет такой же огромный интерес работа известного турецкого ученого татарского происхождения Садри Максуди Арсала, который в 1947 г. в своем крупном исследовании, посвященном истории тюркского права, остановился на адате кочевников Казахстана. Он писал, что, несмотря на то, что «русские начали проводить в Казахстане захватническую политику, ... и казахи были вынуждены покориться»³, они сохраняли свои обычаи в правовой и общественной практике.

В поле зрения американских и западноевропейских ученых попадали и вопросы социальной истории казахов. Но в отличие от советских историков, зарубежные исследователи исходили в основном из эволюционного, а не классового подхода, пытаясь представить историю развития кочевых обществ как закономерный, поступательный процесс. Кочевое общество в этих работах

¹ Пол В. Верт. От «сопротивления к “подрывной деятельности”»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость» // Российская историография в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 49.

² Riazanovsky V.A. Customary Law of the Kirgiz // The Chinese Social and Political Science Review. 1937. № 2. P. 190–220.

³ Максуди С. Тюркская история и право / Пер. с турецкого Р. Мухамметдинова. Казань: Фэн, 2002. С. 142.

представало как гомогенное, не имеющего классовых и других разграничений. К примеру, бии выступали «родовыми вождями, избранными самим народом и находившимся с ним в тесном контакте»¹ или «защитниками народных интересов»². О различных формах эксплуатации, подчинения, которые неизменно и объективно возникают в любом развитом обществе, говорилось вскользь либо вовсе замалчивалось.

Однако говорить, что западная советология была однородна, и корпус работ содержал лишь критику в адрес политики России, будет неправильным. В условиях децентрализованной научной системы, отсутствия прямой политической ангажированности, западная советология представлена широким спектром взглядов, в которых предпринимались попытки всесторонне проблематизировать феномен имперского пространства в истории Российской империи. Поэтому стоит отметить и тех, кто, наряду с критическим подходом к истории дореволюционной России, усматривал в действиях правительственной власти мероприятия, направленные на трансформацию традиционного казахского общества к модерному³. Сторонники концепции «модернизации» утверждали, что с внедрением в Казахской степи российской административной и правовой системы, с открытием школ, учреждений, строительством железных дорог, оросительных сооружений и т. п. у местных народов был заложен фундамент «благополучия и порядка». Так, видный представитель этого направления Р. Пирс писал: «Несмотря на все трудности, имелись перспективы улучшения положения местного населения»⁴, или: «Советские историки продолжают яростно нападать на русскую администрацию и это препятствует им более объективно описать преобразования, осуществленные в царский период. Они обеспечили основу

¹ Bacon E. Central Asians... P. 96.

² Fox-Holmes G. The social structure and customs of the Kazakhs // Central Asian Review. 1957. Vol. V. № 1.

³ Zenkovsky S. Kulturkampf in pre-revolutionary Russia // The American Slavic and East European Review. 1955. Vol. XIV. № 1; Pierce R. Russian Central Asia, 1867–1917: A study in Colonial rule. A., 1960; Becker S. Russia's protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva 1865–1924. L., 1968; и др.

⁴ Pierce R. Russian Central Asia, 1867–1917... P. 302.

для последующего развития Средней Азии при советском режиме»¹. Однако, отмечу, что работ этого направления сравнительно немного.

Можно выделить также направление, ставшее в определенной степени предшественником подхода современных ученых, в основе которого лежит изучение проблемы взаимоотношений в гетерогенном государстве². Данный подход охватывает широкий спектр вопросов, в которых акцентируется внимание на неоднородности политического и этнического пространства империи, на мероприятиях правительства по кооптации и интеграции новых земель при формировании имперского пространства. Ярким представителем этого подхода был Марк Раефф, который в числе мер российской администрации по вовлечению местной элиты к службе в империи, называет подкуп, различные каналы денежного финансирования, предоставление удобных земельных участков для выпаса скота и т. д.³. Такие мероприятия властей стали мирными способами по включению края в сферу влияния империи.

В целом, можно утверждать, что в западной советологии дореволюционное прошлое казахов в основном рассматривалось в контексте изучения колониальных мероприятий царизма на своих национальных окраинах, при этом упор делался на антироссийских выступлениях местных народов как протесте против колониального господства.

Современная зарубежная историография

Горбачевские реформы 1980-х и события 1991 г. вызвали определенные переоценки в научной области, а также небывалый всплеск интереса зарубежных исследователей к истории Российской империи, однако

¹ Journal of the Royal Central Asian Society. 1960. Vol. XLVII. Parts III–IV. P. 332.

² Strakhovsky L. Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy Toward National Minorities // The Journal of Modern History, 1941. Vol. 13. № 4. P. 467–492; Raeff M. Siberia and the reforms of 1822. Seattle. 1956; Demko G. The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896–1916. Bloomington, 1969; Raeff M. Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities // Soviet Nationalities Problems. N. Y., 1971. P. 22–42; Starr F. Tsarist Government: The Imperial Dimension // Soviet Nationality Policies and Practices. N. Y., 1978. P. 3–38; Starr F. Decentralization and Self-Government in Russia: 1830–1870. Princeton, 1972; и др.

³ Raeff M. Siberia and the reforms of 1822. Seattle. 1956. P. 106.

существенным отличием от предшествующей историографии стало то, что теперь на первый план вышли проблемы нерусских народов и имперских окраин¹. Стоит отметить, что содержание многих исследований складывалось под влиянием научного направления «ориентализм», зародившегося после выхода в свет популярной и авторитетной одноименной работы Э. Саида². В ней предметом исследования стал образ Востока в восприятии западных ориенталистов. Современные западные исследователи, взяв за основу этот методологический подход, дополнили его новыми аспектами, в которых образы нерусских народов вырисовывались в результате равнозначного изучения как центра, так и периферии. Классической работой этого направления можно назвать одну из первых работ австрийского историка А. Каппелера, тональность и основное содержание которой можно выразить словами автора, писавшего о необходимости «расширить представление об истории российского государства, которая сплошь и рядом неправильно воспринимается и трактуется исключительно как русская национальная история»³. Таким образом, А. Каппелер ставил задачу преодоления

¹ Marks S. Road To Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. London, 1991; Rieber A. The Sedimentary Society // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Rublic Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991; Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder, CO. 1994. P. 126–140; Raeff M. Uniformity, Diversity, and the Imperial Administration in the Reign of Catherine II // Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder, 1994; Brower D. Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflicts in the Turkestan Revolt of 1916 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1995. Vol. 44. P. 41–53; Slocum J. Who and When Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // Russia Review. 1998. Vol. 57. № 2. P. 173–190; Martin V. Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the 19-th Century. Richmond, 2001; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск: Русич, 2001; Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004; Российская историография в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2007; Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013; и др.

² Said E. Orientalism. N. Y.: Vintage Books, 1978.

³ Kappeler A. Rusland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C.H. Beck, 1992, 2001. Рус. пер.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. С. 8. Идеи автора были закреплены в следующих работах: Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 94–114; Он же. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 395–435; Он же. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления

укоренившегося в историографии подхода изучения истории российского государства как истории только русского народа. В его работе была предложена модель, которая наделяла исторической субъектностью все нерусские народы в полиэтничном имперском обществе. Впоследствии под влиянием его идей наблюдается перемещение фокуса исследовательского внимания от центра к периферии, которому начинают придавать особое значение.

К примеру, подход А. Каппелера был применен в основательной статье американского ученого Марка фон Хагена, предложившего методологические постулаты, которыми, по его мнению, должны руководствоваться исследователи истории империй: «Обширное научное направление, объединяющее специалистов по истории различных народов империи (кроме русского), должно интегрироваться с магистральной линией изучения и преподавания российской истории; а представители этой магистральной линии, в свою очередь, не должны больше трактовать историю Российской империи так, как если бы она состояла исключительно из этнических русских»¹. Объективность исследования должна складываться из попыток сохранения многих ракурсов восприятия империи или, говоря метафорически, из желания услышать всю полифонию различных этнических голосов, где голос центра не выделялся, а сливался с голосами окраин. Но при этом, как отмечает ученый: «Эта полифоничность не должна в то же время воскрешать в воображении некое анархическое равенство голосов, поскольку властные отношения между центром и периферией чаще были ассиметричными не в пользу периферии»². Здесь уместно сказать о той важной роли в изучении имперской проблематики,

восемь лет спустя после публикации книги // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 265–282.

¹ Марк фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 31; Он же. Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 127–162.

² Там же. С. 33.

теории нации и национализма, которую на рубеже 1999-х – 2000-х годов сыграл журнал «Ab Imperio», задуманный как тематическое научное издание, в котором обеспечивается взаимодействие подходов и традиций исследователей разных стран. Это издание стало популярной площадкой, которая тематически объединила усилия современных ученых, стремившихся по-новому взглянуть на феномен имперского через концепт «модернизация», «национализм и империя», «пространства империи», «фронтир» и т. д. Поэтому не случайно, что современные новаторские исследования ученых по имперскому дискурсу находят отражение на страницах этого журнала.

В контексте предложенной линии исследований сформировалось «социально-культурное» направление, в котором рассматривается история «фронтира» (приграничной зоны), определяемой исследователями как история территории, на которой весьма нетверды позиции государственной власти, точнее, куда не дотягивается государственная власть, происходит постоянное смешение интересов центра и периферии, что приводит к неоднозначным и довольно противоречивым последствиям, к появлению таких взаимовлияний, которые трудно трактовать односторонне, используя лишь белые и черные цвета¹. Позицию исследователей можно выразить словами Томаса М. Барретта, который писал, что в силу высокой степени взаимодействия и взаимозависимости различных групп населения любой анализ «фронтира», где ставятся лишь проблемы подавления империей местного населения и сопротивления туземцев имперской политике, становится слишком политизированным и упрощенным².

Схожие мысли прослеживаются в работе другого ученого, Пола В. Верта, считающего в контексте этого подхода необходимым уделять больше внимания повседневным взаимоотношениям центра и периферии. Климат

¹ Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, 2001; Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. The Russia State and the Kalmyk Nomads in the 17th and 18th Centuries. Ithaca, 1992; и др.

² Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период: Антология. Т. I. Самара: Самарский ун-т, 2000. С. 163–194.

отношений между колонизаторами и колонизируемыми был достаточно непросто – можно отметить как периоды мирного сосуществования, так и эпизоды, полные разных форм противостояния. При этом Верт считает, что аккумуляция исследовательских усилий в этой области только на открытых формах сопротивления будет неправильным, поскольку демонстрация отношения местного населения к метрополии предполагала и такую форму, как «протест путем уклонения». Эта категория была введена Майклом Эйдасом и включала способ, «при помощи которого недовольные группы людей пытаются облегчить тяготы своей жизни и выразить недовольство посредством кратковременного отказа исполнять предписанное, а также других действий, сводящих к минимуму возможность столкновений с теми, кого они считают своими притеснителями»¹. Хитроумные стратегии поведения, включающие возможность подавать просьбы, жалобы, ходатайства, «недопонимание» и интерпретирование российских законов в своих интересах и т. п., демонстрируя внешнее «уважение» и «согласие» существующей власти – на самом деле эти реверансы в адрес официальных властей подтачивали имперскую власть, вызывали шаткость и неустойчивость ее позиций в крае, препятствовали осуществлению различных имперских инициатив.

Следует согласиться с Полом В. Вертом, что форм косвенного сопротивления местных народов имперским инициативам было достаточно много и что они еще ждут своего исследователя. В этом плане будет перспективным изучение проблемы «обынородчивания» русского населения на окраинах империи, во фронтальной зоне, когда тесные отношения последних с местными жителями приводили к отказу русских от собственной идентичности и ассимиляции с местным населением². Возможно, такое слияние разных (и в

¹ Цит. по: Пол В. Верт. От «сопротивления к “подрывной деятельности”»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость... С. 55.

² Эта проблема поднимается в работах: Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири. 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 199–227; Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

религиозном, и в этническом, и в социальном плане) идентичностей создавало определенные каналы для выражения недовольства государству как первых, так и последних. Хотя отмечу, что этот процесс при близком рассмотрении предстает как гораздо более неоднозначный, сложный, чем рассматривалось ранее.

Еще одно направление исследовательских инициатив, предложенных Вертом и заслуживающих, на мой взгляд, внимания российских и казахстанских ученых, стало выдвижение проблемы распространения слухов и неверной, противоречивой информации, имевших конкретного адресата и не менее конкретное содержание. Ученый пишет: «Анализ слухов – культурных предпосылок и исторического опыта, который в них отражался; каналов их распространения в сельской местности; участия самих чиновников в процессе их распространения; компромиссов, на которые в результате были вынуждены пойти власти, мог бы позволить нам глубже понять механизмы имперского правления и взаимодействия различных уровней общества и администрации»¹.

Подход Пола В. Верта будет интересно применить для поиска ответа на вопрос: почему, несмотря на многочисленные старания российских региональных властей собрать и создать кодифицированный свод норм обычного права, эта инициатива так и осталась нереализованной? Ведь начиная с первых попыток составить официальный «кодекс» законов кочевников (1822 г.) на протяжении всего XIX в. местные чиновники занимались сбором и систематизацией норм адата, полученных от уважаемых биев, старшин, султанов и имеющих целью приведения в единую систему обычно-правовой практики кочевников. На деле это оказалось достаточно трудно выполнимым заданием, поскольку каждая попытка выявляла региональные отличия как в процессуальных вопросах, так и в собственно правовых нормах. Если учесть, что информация собиралась у самих казахов, которые возможно в определенной степени давали заведомо ложную, а иногда

¹ Пол В. Верт. От «сопротивления к “подрывной деятельности”»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость»... С. 58.

противоречивую информацию, то можно предположить, что реализация этого важного плана империи по кодификации норм обычного права не осуществилась отчасти из-за «скрытой» формы стремления казахами отстоять свое традиционное право.

Другой вопрос, попавший в поле зрения Пола В. Верта и, по моему мнению, незаслуженно игнорируемый российскими и казахстанскими учеными, – это когда «определенные слои покоренного нерусского населения благосклонно оценивали те порядки и те возможности, которые предлагало имперское государство»¹. На недостаточность внимания к этой проблеме указывалось ранее, в разделе о современной историографии, где было высказано предположение, что, очевидно, «прохладное» отношение исследователей к этому вопросу как к нелюбимому «пасынку» в большой и многоликой семье «актуальных проблем истории Казахстана» связано с тем, что подобные эпизоды «бросают тень» на некоторые группы населения, и могут трактоваться как эпизоды «сговора», «предательства», «продажности» и т. д. Но, на мой взгляд, это слишком упрощенное, «обывательское» понимание ситуации, поскольку такие случаи, скорее всего, свидетельствуют в том числе и о стратегиях приспособления, с помощью которых нерусские народы пытались отстоять свои права в настоящем и будущем. Как отмечает Верт, касаясь вопроса «подрывной» деятельности нерусских народов в отношении империи в контексте случаев приспособления: «Цели таких исследований состоят не в том, чтобы идеализировать империю или отрицать деспотический характер ее владычества, а скорее в том, чтобы показать, что противостояние между господствующими и подчиненными, колонизаторами и колонизируемыми было не таким однозначным, каким нам иногда его преподносили»².

В частности, примером такого пассивного противостояния в конце XIX в., на мой взгляд, можно назвать участвовавшие в Туркестанском крае случаи

¹ Там же. С. 65.

² Там же. С. 68.

отказа должностными лицами из казахов принимать присягу в качестве свидетелей по делам, производящимся в имперском суде. Факты отказа от принятия присяги создавали сложности при проведении властями судебнопроцессуальных мероприятий. В письме 1880 г. генерал-губернатора края К.П. фон Кауфмана военным губернаторам и начальникам округов подчеркивалось, что причиной отказа последних могло служить два обстоятельства. Во-первых, правило адата, согласно которому к присяге приводились лишь родственники сторон, по выбору противной стороны. Поэтому кочевники, дорожащие своей репутацией «избегают, по возможности, принимать присягу и часто даже отказываются от своих правых исков, в особенности, если эти иски незначительные, из нежелания принять присягу и тем навлечь на себя нареkanie со стороны своих единоверцев». В письме приводились даже обстоятельства отказа лиц от занимаемой должности в случае принятия присяги. Во-вторых, по мнению начальника края, возможно факт отказа от принятия присяги связан с «нежеланием [казахов] подчиниться новым для них русским правилам»¹. Поскольку свидетельская присяга являлась одним из обязательных обрядов в российском судопроизводстве, а также учитывая сложность и исключительность ситуации, Кауфман поставил перед уездными начальниками задачу собрать сведения по этому вопросу. В продолжение двух лет в канцелярию Туркестанского генерал-губернатора поступали рапорты начальников уездов и округов, в которых чиновники, со ссылкой на сведения заслуживающих доверия лиц, указывали, что и шариат, и адат одинаково признавали присягу как процессуальное действие, имевшее решающее значение в показаниях участников судебного процесса. Из чего региональные власти сделали вывод: «Обряд присяги... в народных судах должен быть сохранен во всей своей силе и обязателен для всех без исключения»². Полагаю, этот случай служит одним из наглядных примеров того, как местное население использовало «мирные» формы противостояния империи (ложная информация,

¹ ЦГА РУз. И-5. Оп. 1. Д. 495. Л. 3.

² Там же. Л. 22.

отказ от должности и т. д.) в попытке разрешить вопрос в свою пользу, в желании отстоять свое «старое» право, или, говоря словами генерал-лейтенант Абрамова: «Делают это только потому, что преследуют при этом особые свои цели»¹.

Следует отметить, что ряд зарубежных ученых на современном этапе предпринимает удачные попытки исследования преобразующего влияния имперского соционормативного поля на обычно-правовую практику местных сообществ, причем влияние на периферию рассматривается из нее самой.

К примеру, Вирджиния Мартин, чья монография посвящена анализу трансформации адата в контексте влияния российского права, подходит к решению этой проблемы «с точки зрения активного, а не пассивного вовлечения казахского кочевника в правовое поле в рамках конкретного исторического контекста. С помощью данной эмфазы на исторический фактор и казахскую сторону в колониальном столкновении между законом и традицией повествование обретает социальные и культурные формы “истории снизу”»². В данном контексте ею была предпринята попытка дать оценку той степени, в которой казахи Среднего жуза «оказались способными адаптировать свои практики в колониальном контексте, и включать альтернативные практики извне их культуры»³. Популярная в историографии дихотомия «закон/обычное право» в ее работе приобретает размытую форму, поскольку проведенный анализ показывает, что казахам удавалось приспособить и использовать в условиях распространения российского присутствия и правового влияния и свою, и российскую судебную практику так, чтобы они соответствовали местным потребностям. Среди многочисленных примеров, приведенных в данной работе, остановимся на одном из важных для кочевников – земельном споре. Практика землепользования среди кочевников строилась, прежде всего, на нормах адата (они предполагали отсутствие

¹ Там же.

² Мартин В. Закон и обычай в Степи: Казахи Среднего жуза и Российский колониализм в XIX веке / Пер. с англ. Д.М. Костина. Алматы: Санат, 2009. С. 18.

³ Там же. С. 187.

частной собственности на землю) и на принципе жалования земель взамен на службу правительству и как способ приведения кочевников к оседанию (в соответствии с Уставом 1822 г.). Однако такая практика породила массу конфликтов и земельных споров среди местного населения. Одним из выходов в решении земельных споров стали многочисленные претензии в администрацию края как «стратегия выживания в то время, когда конкуренция на землю становилась все более и более жесткой»¹. Пока «депеша» рассматривалась в органах местного управления (а на это уходило иногда несколько лет), одна из сторон, основываясь на нормах адата и решении суда биев, которые регламентируют земельный вопрос по принципу генеалогического старшинства, первого захвата и т. д., использовала спорную землю в своих целях. Так, В. Мартин пишет: «Хотя российская имперская администрация пыталась навязать свое право казахам Средней Орды, многие из этих колонизированных подданных научились манипулировать им с преимуществом для себя и, таким образом, наполняя его смыслом, который бы никогда не пришел в голову российским законодателям»².

Дихотомия «закон/обычай» позволяет в работе проследить, как казахи Среднего жуза манипулировали имперским правом, создавая пределы для политической власти, вынуждая российских администраторов отказываться от многих колониальных инициатив, в то же время создавая каналы для практики адата, важнейшего руководства правовой культуры кочевников и способствуя формированию другой идентичности. Или, говоря словами А. Эткинда: «Империя занималась колонизацией собственного мультиэтничного народа, который в ответ формировал новые идентичности»³, совершенно другие культурные представления.

Следует заметить, что все исследователи трансформации социокультурного пространства нерусских народов склоняются к мысли о том,

¹ Там же. С. 156.

² Там же. С. 190.

³ Эткинд А. Указ. соч. С. 386.

что имперские власти в процессе строительства империи и желания ассимилировать и подчинить себе «инородцев» зачастую оказывались заложниками данных процессов, протекавших вне пределов ее компетенции. Поскольку «исследования выявили значительный вклад самих нерусских народов в эти процессы – но только в таком контексте, который, несомненно, был сформирован колониальным характером их подчинения»¹.

В целом такой же подход к проблеме можно наблюдать в работах Джейн Бербанк². В них Российская империя выступает автором нескольких правовых практик, позволявших постепенно инкорпорировать местное право в общеимперское, используя при этом многочисленные средства, в том числе вступая в политическую сделку с местной правящей элитой. По мнению Дж. Бербанк, эти меры помогали власти гибко приспосабливаться к неравномерному имперскому пространству, своевременно отвечать на внутренние и внешние вызовы. Этот процесс, считает Дж. Бербанк, был выгоден обеим сторонам, поскольку метрополия через смешанное право решала свои геостратегические и экономические задачи, ну а местное население и верхушка получили «определенные права в обмен на обязательство служить государству – будь то военная или административная служба, либо экономический вклад»³.

Она утверждает, что сдержанная правовая практика не была следствием долговременной продуманной политики правительства, скорее наоборот, проблемы решались по мере их возникновения. Дж. Бербанк уверена, что постепенное инкорпорирование обычного права в общеимперское приводило к развитию принципов гражданственности, поскольку простые жители через косвенное участие в общественной жизни получили широкую возможность упрочения законности и порядка не только своего локального, изолированного

¹ Пол В. Верт. Указ. соч. С. 71.

² Бербанк Дж. Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция в поисках буржуазии (1909–1914) // Американская русистика: вехи историографии последних лет... С. 269–298; Она же. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 320–360.

³ Бербанк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России... С. 322.

«другого мира», а гораздо шире. Как пишет Дж. Бербанк: «Подданные обладали правами в силу того, что империя владела ими самими, однако одна из выгод подданства империи заключалась в возможности искать правосудия в суде, где сочетались государственная власть и местная мораль»¹. Таким образом, в отличие от советологов, акцентировавших внимание в основном на негативных аспектах внутренней политики империи, она пытается показать не неудачи реформ в колониях, а наоборот – видимые достижения в правовой сфере дореволюционной России, ставшие возможными в результате многочисленных споров государственников с либералами.

Пунктирный анализ зарубежной историографии позволяет наметить общие тенденции, свойственные работам евро-американских исследователей. Можно с уверенностью зафиксировать определенные тематические различия, в то же самое время, определяя их неразрывную связь с социальной историей народов Центральной Азии. Иными словами, и раньше и теперь в контексте общего изложения общественно-политических событий прошлого исследователи неизменно обращали внимание на структуру общества кочевников, вычлняя при этом наиболее значимые исторические фигуры и социальные страты. Безусловно, по мере накопления знаний, старые темы при помощи новых исторических и историографических источников, методологических подходов наполнялись новым содержанием. Однако стоит, пожалуй, отметить, что особенностью зарубежной историографии является ее умение вычлнять из общей канвы повествования те проблемы, которые являются актуальными, а их решение имеет прикладной характер. К таким темам можно отнести вопросы форм взаимовлияний и взаимоотношений в полиэтничном государстве, диалог между властью и народами, проблемы инкорпорации местного права в общеимперское, постановки как проблемы дихотомий «закон/право», «традиционное/современное» и т. д. Многие выводы и положения зарубежных исследователей отличаются нестандартным

¹ Там же. С. 343.

подходом, оригинальностью мыслей, интересной интерпретацией. В то же время, далеко не все постулаты зарубежных исследователей об истории народов империи следует воспринимать как аксиому, с ними можно не соглашаться, а имея неопровержимые источниковые данные – критиковать за фактологические неточности, поверхностное знание предмета исследования. Однако уверена, что современная историческая наука лишь в том случае будет иметь шанс на поступательное развитие, когда ею будут продуктивно использоваться все достижения мировой науки. И в этом плане вклад зарубежной историографии несомненен, поскольку позволяет посмотреть на многие исторические процессы всесторонне, уйти от географической ограниченности, быть в курсе новых перспектив и дискурсов в изучении традиционного прошлого, в том числе дореволюционного казахского общества.

Заключение

Подводя общие итоги в данном исследовании необходимо подчеркнуть, что в современных условиях в Республике Казахстан историческая память о биях и суде биев стала неотъемлемой частью национального самосознания, безусловной нравственной ценностью и частично воплотилась в современных советах аксакалов, которые воссоздавались в Республике Казахстан в определенной степени как наследники института биев. Безусловно, что эти «аналоги» далеки от своего исторического прототипа, однако строятся на тех же нравственных и социальных императивах, являются следствием стремления общества к самоорганизации. Нынешнее восприятие исторического наследия стало результатом тернистого пути изучения и переосмысления. В данной диссертации отмечены основные вехи этого пути от истоков и обозначения проблемы через бурные события XX века до наших дней.

Имеющийся обширный корпус источниковых материалов, давно известных и новых, позволяет не только по-разному видеть образы биев, но и предлагать их различные интерпретации. Хорошо ли это? Скорее всего, да. У нас есть удивительная возможность вернуться назад, посмотреть ретроспективно на многогранные явления давнего прошлого, понять, что среди многих маркеров традиционного общества есть определяющие, которые будут всегда привлекать внимание исследователей. Это своего рода символы, которые воплощают особенности и тенденции развития отдаленных, столь своеобразно организованных обществ.

В этих условиях, на наш взгляд, было правомерным проводить анализ этого института, расширяя рамки конкретно-исторических подходов. Речь идет о привлечении методов исторической антропологии, исторической этнологии, истории государства и права, истории философии и т. п. Таким образом,

предмет академических исторических изысканий превращается в продукт компаративного анализа разных областей гуманитарного знания.

В диссертационной работе доказано, что институт биев на протяжении долгого времени привлекал внимание многих научных школ, представители которых в своих работах ориентировались на разные теоретические подходы. В совокупности они создавали неоднозначный калейдоскоп мнений о биях, поэтому неудивительно, что при знакомстве с их трудами перед взором предстает довольно противоречивая и в то же время чрезвычайно интересная фигура бия.

Рассмотренные выше материалы убеждают в том, что начало изысканиям было положено в XVIII веке. Тогда, в период юридического вхождения земель Младшего и Среднего жузов в состав Российской империи, правительство стало искать возможные варианты по включению края в свое социокультурное пространство. В основе этого дискурса лежала твердая убежденность в том, что Россия, являясь преемницей Рима и Константинополя, имела «божественное» право на расширение территорий и «естественное» право распоряжаться судьбами народов. Объяснить успех широкомасштабного присоединения и закрепления на новых землях империи только силовым воздействием центра на приграничные окраины (хотя этот фактор не исключается), разноплановыми методами колонизации, включавшими стихийные и организованные потоки переселенцев, толерантным (по меркам той эпохи) отношением государства к народам и народностям (к примеру, свобода вероисповедания) будет, на наш взгляд, не совсем верным. Необходимо подчеркнуть, что историческое продвижение и расширение границ в юго-восточном направлении связано в том числе и с фактором государственной политики и административно-правовой практики империи.

Бескрайние степные просторы, посезонно кочующие казахские племена, у которых, по мнению российских исследователей и путешественников, «сложно было найти какие-то признаки государственности», сформировали в

российском обществе стойкое мнение о казахах как общности, пребывающей на доклассовой стадии развития. Поэтому не случайно относительно общественного и социального устройства казахов в дореволюционной историографии всецело господствовала идея о родовом быте и родовом характере отношений. В ходе диссертационного исследования выявлено, что исследователи и реформаторы казахского общества исходили из идей эволюционизма, согласно которому кочевники воспринимались не просто как «чужие», но и как «иные», живущие в «состоянии незрелости». Поэтому не случайно частое употребление эпитетов «дикарь», «варвар» и т. д. в качестве характеристики уровня развития общества номадов.

Знакомство с источниками и литературой убеждает в том, что такой методологический подход сохранился и в XIX в. и в первую очередь применялся при проведении российскими властями различных политико-административных и правовых реформ. В этом плане следует отметить, что наиболее последовательная и продуманная судебная реформа российского правительства, основывалась на принципах, выработанных Просвещением, в основе которых лежали понятия о естественном праве каждого человека с позиций европоцентризма. Взяв за основание эволюционный подход, центральные власти придерживались курса на поэтапный процесс инкорпорации местного права в имперское соционормативное пространство. Однако проведение реформ с целью создания унифицированной правовой системы, которая была нацелена на изменение правового сознания казахов, в определенной степени не увенчалось успехом. Адат продолжал повсеместно использоваться в судебных практиках казахов. В то же время говорить о полном крахе проводимых со стороны правительства мероприятий, думаю, будет неправильным. Целенаправленные, рассчитанные на перспективу правовые устремления правительства, к началу XX в. в определенной степени снизили потенциал сопротивления российскому праву со стороны кочевников. Возможность апеллировать казахам по разным причинам к российскому суду в

обход народного свидетельствует о верности выбранного имперскими властями курса по русификации правовой культуры кочевников, по созданию гомогенного соционормативного поля империи.

Государственная практика правового плюрализма, которая стала применяться позже по всей территории Казахской степи, оформилась под воздействием самых разных нарративов – документов государственных чиновников, академических исследований, публицистики и общественных дискуссий. Эта практика получила свое воплощение отчасти под влиянием тех исторических и этнографических исследований, в которых казахское общество рисовалось патриархальным, родовым, или говоря иначе, наиболее оптимальным для проведения реформ по преобразованию края.

Однако стоит заметить, что в работах исследователей сделаны разные акценты при изучении института биев. Так, большинство российских исследователей рисовали фигуру бия в качестве предводителя родовых общин, а адат – архаичным, дородовым правом. И в этом их взгляды были едины. Но если в одних работах бии, несмотря на «отсутствие навыков государственного управления» рекомендовались в качестве чиновников низового аппарата региональной администрации по охранительно-просветительскому принципу, который можно выразить формулой – «зачем создавать кардинально “новое”, когда можно *временно* использовать “старое”», то в других немногочисленных работах господствовала другая позиция – реформаторско-просветительская. В частности, представители этой группы видели империю, в первую очередь, как политико-культурную общность, несущую цивилизацию и равные права отсталым народам окраины.

И не случайно поэтому в первом случае вырисовывался образ бия как авторитетного предводителя, который можно было использовать как гибкий инструмент в интересах российской администрации и который в ходе непродолжительной «обработки», «шлифования» можно было более эффективно применять в целях империи – и в этом, наверное, одна из

особенностей имперского подхода в управлении краем. Во втором бий представлял как «возмутительный палеонтологический остаток, вредный пережиток варварской эпохи», избавление от которого должно принести пользу не только России, но и самому местному обществу, или иначе говоря – «зачем держаться за “старое”, когда рядом “новое”?».

Как показывает проведенное исследование, отличие взглядов тех и других заключалось в методах проведения «окультуривания» народов. Если первые понимали и принимали право каждого народа на постепенное вливание в общую имперскую волну, то вторые желали этот процесс ускорить, вплоть до коренной ломки культурных устоев «другого» народа.

Пристальное внимание со стороны чиновников и исследователей к биям как к родовой верхушке связан, по нашему мнению, еще и с тем, что позволял увидеть реальную картину расстановки социальных сил и учитывать ее в преддверии реорганизации казахского общества.

Как свидетельствует анализ имеющегося в нашем распоряжении материала, размышляла о формах традиционных институтов и местная интеллигенция, которая связывала будущее своего народа с созданием национальной автономии, желала через российскую культуру приобщить казахский народ к достижениям европейской цивилизации. Однако пути этого процесса проектировались ею по-разному. Так, если одни видели в будущей Казахской автономии суд биев, основанный на нормах адата, то другие связывали его с мусульманским правом.

Анализируя позиции представителей досоветской историографии, приходишь к выводу, что в ней доминировали две точки зрения – имперская – видевшая необратимость процесса включения местных правовых практик в имперское нормативное поле и национальная – мечтавшая сохранить традиционные институты, с элементами европейской цивилизации.

Авторы направлений относятся к институту биев субъективно, а иначе и быть не могло – каждый преследовал свои цели, определявшиеся этнической

принадлежностью, общественными стереотипами, подходами (имперским/национальным), личными предпочтениями и т. д. Однако такое историографическое «противоречие» ни в коей мере не должно нас смущать и служить основанием для недоверия и предвзятого отношения к какому-либо из них. Наоборот, «палитра» исследовательских мнений лишней раз доказывает, что решение вопроса было вариативно, ситуативно, более того, может меняться со временем, поскольку сам предмет исследования не является неизменным. Ни одна из позиций авторов не может служить основанием для выведения общего, «единственно верного» тезиса, но в то же время позволяет увидеть предмет со всех сторон: показать его противоречивость, «особость», роль в обществе, ставшие в свое время причиной повышенного внимания со стороны исследователей.

Анализ дореволюционной историографии показывает, что ее отличительной особенностью является умелое сочетание описательного подхода и практического востоковедения. Никто не усомнится в том, что застав нормативное поле казахов в том состоянии, который принято называть «классическим», востоковеды оставили громадное источниковое и историографическое наследие, которое еще предстоит понять и осмыслить.

Во многом такая характеристика подходит и для советской историографии, которая прошла сложный, противоречивый путь становления и развития. Начнем с того, что в советское время государство влияло на все сферы жизни общества. Однако утверждение социалистической идеологии в качестве единой мировоззренческой основы произошло не сразу.

Анализ имеющегося архивного материала позволяет сделать вывод, что в течение первого десятилетия своего существования советская власть, исходя из сложившейся социально-политической ситуации в крае, меняет свое отношение к обычному праву и традиционным институтам – от лояльного (обычно-правовые нормы признавались и действовали наряду с советским законодательством) к постепенной ликвидации и запрету их деятельности на

территории Казахстана. С конца 1920-х гг. можно говорить о постепенном исчезновении института биев.

Как показывает проведенное исследование, 1920-е – начало 1930-х гг. были временем культурных и научных экспериментов, когда сторонники «национальной» культуры и науки были пока еще оппонентами, а не буржуазными представителями и врагами адептов «пролетарской» идеологии. В это время мы можем наблюдать плюрализм научных мнений, который обеспечивался тем, что в Казахстане в 1920-х гг. происходили поистине революционные изменения: менялась политико-правовая, материальная, духовная база культуры, трансформировался социальный облик казахского общества и экономические основы его развития, происходило их подчинение социально-экономической ортодоксальной идее строительства коммунизма. Эти сложные политические и экономические процессы находили неоднозначный, порой противоречивый отклик в обществе, который отразился в той или иной степени в литературе того времени.

С одной стороны, к особенности историографии этого периода можно отнести то, что в ней поднимались самые острые и животрепещущие вопросы и довольно часто делались далеко не марксистские выводы. Советская власть лояльно относилась к подобного рода публикациям отчасти из-за того, что, во-первых, создавались они высококвалифицированными специалистами, привлекавшими материалы полевой работы, обширные статистические данные. Во-вторых, не имея профессиональных кадров, способных дать «пролетарский» отпор «буржуазному объективизму» она была вынуждена допускать в научных работах определенный плюрализм мнений, подачу материала вне зависимости от политической конъюнктуры.

С другой стороны – характерной чертой историографии этого периода является то, что работы, вышедшие в это время, были сравнительно небольшими по объему. На наш взгляд, это связано, во-первых, с тем, что молодая советская историческая школа, отказавшись от наработок

специалистов «старой» буржуазной школы, оказалась в трудном положении. Старые кадры не принимали идей марксизма, новые – в силу отсутствия навыков и профессионального исторического образования – не могли рассмотреть реальные исторические процессы с позиции методологии марксизма-ленинизма. Вследствие непримиримой борьбы советской исторической школы с концепциями исследователей дореволюционного времени (В.В. Радлова, В.В. Григорьева и др.), многочисленный дореволюционный нарратив о казахском крае стал трактоваться однобоко, под углом зрения официальной идеологии. Во-вторых, история народа писалась тогда в основном не профессиональными историками, а лицами, которые в силу служебных обстоятельств были вынуждены выполнять заказ партии по выяснению ситуации в крае «в поле», не располагая временем и научными ресурсами.

Как было сказано выше в 1920-х гг. наблюдался определенный плюрализм научных мнений. В отношении нашей проблемы он вылился в спор о характере общественных отношений у казахов в предреволюционную и советскую эпоху, шла дискуссия о различиях между сословными стратами и их ролью в жизни общества.

В ходе историографического анализа выявлено, что одна группа исследователей считала, что казахское общество, несмотря на все эволюционные процессы, оставалось в своей основе традиционным, бесклассовым (С.Г. Соколовский, Т. Рыскулов и др.). Невольно продолжая традиции дореволюционной историографии, исследователи считали, что любое вмешательство в экосистему кочевников приводит к отторжению чужеродных элементов как непригодных в социальном, идеологическом и культурно-ценностном смысле. При этом сохранялись практически в неизменном виде те институты, которые позволяли этнической общности приспособиться к новым социально-экономическим и культурным изменениям. Одним из таких институтов исследователи считают биев, аксакалов, которые рассматривались

как представители родовой демократии. Это они пронесли сквозь время ценностные постулаты народа, укреплявшие этнический фундамент кочевников – родо-племенную структуру общества, адаптированную к суровым природным условиям путем экстенсивного скотоводства. Сторонники этой концепции считали, что такое общество не имеет классовых противоречий, следовательно, говорить об эксплуатации трудового народа не приходится. Родовая верхушка рассматривалась как представительница родовой демократии.

Другое направление представлено работами сторонников изложения истории в контексте классовой парадигмы развития (П. Погорельский, В. Батраков, Г.С. Тогжанов). Исследователи пытались выработать систему взглядов на вопрос о классовом содержании общественно-политической жизни номадов, в которую прочно были вплетены родовые формы бытия.

При исследовании социальной и политической истории казахского общества большинство исследователей исходили из постулата, что родовые лидеры – бии, старшины, аксакалы представляли верхушку родовой общины и играли ведущую роль в функционировании кочевой общины. Учитывая тот факт, что эта представительная группа не просто существовала, а удерживала в первые десятилетия советской власти крепкие позиции среди рядовых кочевников, многие исследователи края предлагали в своих работах опереться на эту политическую силу, как отражающую интересы общины.

В 1930-е – 1950-е годы по мере строительства государства в соответствии с генеральной линией партии большевиков изменялась не только социально-экономическая, но и политико-идеологическая ситуация. В связи с этим меняется и «облик» исторической науки – он становится все более политизированным и окончательно утверждает в качестве теоретико-методологической позиции концепцию классового подхода при изучении исторических процессов, как прошлого, так и настоящего. Постепенно государство берет курс на полный контроль всех сфер жизни советского

общества. Просветительские подходы, характерные для ряда ученых, поддерживавших взгляды дореволюционных ученых-просветителей XVIII–XIX вв. и желавших их экстраполировать на советскую действительность, стали встречать все большее сопротивление со стороны властей.

Несмотря на жесткие идеологические установки и «ориентиры», одним из научных направлений в эти годы становится изучение вопросов национально-освободительных движений казахов, где движущими силами выступали массы кочевников, объединенных вокруг традиционного народного лидера, будь то султан, бий или батыр. Полученные результаты исследования позволяют утверждать, что в начале 1940-х гг. появлялись работы, отличающиеся новизной исследовательских подходов, широтой выводов, основывающихся на глубоком изучении первоисточников. К одним из таких можно отнести исследования М.П. Вяткина, Е.Б. Бекмаханова и др., внесшие значительный вклад в разработку методологических подходов при анализе национально-освободительных движений кочевников.

Именно в эти годы начинается серия идеологических кампаний по борьбе с космополитизмом и разоблачений в отношении тех, кто брался за анализ прошлого кочевых народов и интерпретировал его с «националистических» позиций. В результате таких кампаний начинают появляться стандартизированные работы о «добровольном присоединении к России».

Однако сказанное не означает, что авторам не удавалось, несмотря на идеологические клише, создавать полноценные исследования, не потерявшие научной привлекательности и сегодня. Советская историография 1930–1950-х гг. смогла поставить и решить целый комплекс проблем, в том числе, исследовать одно из таких трудных для теоретического осмысления явлений, как народные движения. Труды А.Н. Панкратовой, М.П. Вяткина, Е.Б. Бекмаханова и др. и сегодня являются лучшими в этом вопросе и лишней раз доказывают высочайшую квалификацию ученых, их желание сохранить академичность, научность подходов. Положение ученых в исследовании

истории движений можно и сегодня назвать монопольным, а уровень работ непревзойденным.

Проведенный компаративный анализ работ исследователей позволяет сделать вывод о том, что в 40-е – 50-е гг. XX столетия в советской исторической науке окончательно складывается традиция негативной оценки роли биев, бийского суда в казахском обществе. Во многом это было связано с утверждением классового подхода при изложении общественно-политического развития казахского общества, где бии являлись представителями кочевой и традиционной знати.

Ученые отходят от полемики, подвергающей сомнению пятичленную формационную схему. Одни авторы, кто не соответствовал этим идеологическим клише, подвергались «разоблачениям», обвинялись в космополитизме и национализме. Другие в угоду власти, вынуждены были «пересматривать» свои научные взгляды, наполняя их каноническими установками из работ классиков марксизма-ленинизма. С тех пор если одни темы в науке начали табуироваться, то другие, наоборот, получали новое дыхание, ставились «на поток». Так, в Казахстане, впрочем, как и во всем Советском Союзе, наряду с военной тематикой исследователи стали чаще обращаться к трудовым подвигам советского народа в тяжелое послевоенное время, освоению целинных и залежных земель, союзу рабочего класса с крестьянством. В целом, история советского государства заняла значительное место в историографии тех лет.

XX съезд КПСС стал рубежной точкой, с которой советскую историографию можно *условно* поделить на «до» и «после». Условность такого деления связана с тем, что научная мысль развивалась при неизменности политической системы, поэтому принципиальных, концептуальных изменений в науке произойти не могло.

Командно-административный стиль руководства страной и партийный контроль по-прежнему диктовал ученым дискуссионные проблемы, которые не

выходили за рамки методологических постулатов авторитетного дискурса. В таких условиях вполне закономерно, что центральной темой стала идея о «закономерном пути» перехода от капитализма к социализму и далее к коммунизму. К примеру, именно с середины 1950-х гг. в исторической науке разворачиваются настоящие баталии о формах собственности у кочевников и на основе этого о государстве и государственности казахского народа. Научная дискуссия о формах собственности в кочевых государствах окончательно утвердила классовый подход при изучении истории общества. Исходя из этого теоретико-методологического посыла ученые стали априори причислять все зажиточные слои общества к классу эксплуататоров-феодалов, с которым предстояло бороться народным массам.

Еще одна дискуссия 1950-х гг. коренным образом повлияла на теоретико-методологическое содержание и характер работ советских исследователей. Речь идет о повороте в оценке колониальной политики Российской империи который был сделан в начале 1950-х гг., когда в своей статье профессор М.В. Нечкина поставила вопрос о правомерности применения формулы «наименьшее зло» при оценке присоединения окраинных народов к империи. Призыв М.В. Нечкиной о замене одной формулы на другую – «наименьшее зло» на «добровольное присоединение» был «дружно» поддержан республиканскими историками и привел к ревизии многих вопросов в истории русско-казахских отношений. Перед учеными была поставлена непростая задача отделить «реакционные» силы от «прогрессивных». Причем главным критерием стало не столько их участие или противодействие присоединению к России, сколько поддержка или препятствование установлению советской власти в Казахстане, союз с рабочим классом, т. е. 1917 г. стал своего рода маркером, «весами», на чашах которых располагались, в зависимости от материального положения, политических убеждений, социальной принадлежности те или другие силы общества. В этом контексте, все враждебные советской власти или выступавшие против присоединения к

России политические и социальные силы были причислены к «врагам народа», «попутчикам» народных масс, их характеристика стала носить открыто негативный оттенок.

С середины 1960-х – 1980-х годов траектория развития исторической науки осталась прежней. Реставрация в смягченном виде сталинизма, дальнейшее утверждение практики партийного руководства исторической наукой, консервация социально-политической жизни общества привели к тому, что систематизация и анализ источникового материала связывались в первую очередь с очередным подтверждением решений и резолюций партии. Декларируемая борьба с «волюнтаризмом», «субъективизмом» на деле привела к консервации многих «неудобных» исследований, усилению цензуры. Такая ситуация в гуманитарных науках касалась в особенности проблем, затрагивающих историю дореволюционных обществ.

Постепенно проблемы истории традиционных институтов, обычного права и т.д. становились неактуальными на фоне всеобщего увлечения учеными изучением истории строительства советского общества, достижений советского народа, роли коммунистической партии в построении советского общества, событийной истории и др. Эти вопросы становились предметом исследования подавляющего количества диссертационных работ, монографий, публикаций.

На наш взгляд такое положение в науке отчасти связано с тем, что само понятие «бий» предполагает категории «прошлое», «традиционный институт». В то время как тема «советское общество» описывалась в траектории понятий «современность», «прогресс», «развитие» и давала широкий простор для ученых в полной мере доказывать верность и дальновидность марксистско-ленинских прогнозов применительно к истории развития советского общества.

В свете сказанного проблематично говорить об эволюционном характере историографического процесса в советский период. Это отчасти верно, когда вопрос касается профессиональных приемов и средств, сложившихся правил

работы с источниками и т. д. Когда же речь заходит о теоретико-методологическом, или, по сути, идеологическом содержании историографии, то она проявляет на протяжении всего времени своего существования поистине революционные метаморфозы. Такие «преобразования» особенно отчетливо можно проследить применительно к институту биев. Так, каждая смена теоретических парадигм приводила порой к кардинальной смене и в характеристике биев. Например, если в 1920-е гг. бий еще представлял как родовой предводитель, лидер кочевого коллектива, авторитетный судья, оказавший сопротивление имперским захватам (империя – «абсолютное зло»), то впоследствии его начинают рассматривать в контексте внутригруппового различия. Были бии, которые «все-таки» представляли интересы общины и потому в отношении них применялись положительные характеристики. Те же, кто являлись крупными скотовладельцами и выступали против Российской империи, трактовались как «попутчики» народных масс («наименьшее зло»). В конечном итоге, тональность в отношении биев начинает меняться в сторону причисления их к классовым врагам советской власти, в том числе и потому, что они в свое время выступали против присоединения Казахской степи к империи («добровольное присоединение»).

За семьдесят лет созданные в литературе образы биев испытали на себе все идеологические метаморфозы: если в первых работах бий – это положительный персонаж, то в последних – враг трудового народа. При знакомстве с работами советских ученых, нельзя не отметить искренней убежденности авторов в написанном. Какие бы баталии ни происходили, они глубоко верили в непоколебимость концептуальных идей советской исторической науки и умело интерпретировали свои постулаты в рамках этой теории. Если же возникали сомнения, то ученым удавалось вплести их в общую канву повествования так, что хочется отдать должное профессионализму и академической грамотности таких исследований.

Современные российские и казахстанские исследователи отошли от таких принципов и приемов построения научных конструкций. Вместе с советской эпохой канула в Лету и традиция единого подхода при изучении досоветского прошлого.

За прошедшие десятилетия после образования Российской Федерации и Республики Казахстан в научном сообществе обозначилась переоценка господствовавшей прежде концепции о мирном присоединении нерусских народов к империи. Пересмотр взглядов коснулся и русско-казахских отношений, которые признаются достаточно сложными и неоднозначными. Их переосмысление вызывает исследовательский интерес к истории традиционных обществ Центральной Азии, в том числе к проблемам обычного права – эти вопросы были включены в российскую историческую проблематику. Эти и другие вопросы стали активно изучаться учеными в контексте многих подходов (эволюционистский, цивилизационный, примордиальный, инструменталистский и т. д.) истории империй. В контексте цивилизационного подхода одной из дискуссионных тем в историографии явился вопрос об определении института биев, его статуса и роли в обществе. В исследованиях этих ученых бий уже не противопоставляется остальным кочевникам, а рассматривается как фигура, играющая главную роль в истории казахского общества. То есть с первой половины 1990-х гг. можно говорить о смещении дискурса в концептуальном освещении бийского правового института – от классового к цивилизационному.

Изменение дискурса, который ограничивал методологический поиск исследователей, привел к тому, что многие вопросы национальной истории, в том числе касающиеся института биев, получили новый уровень развития: от описания тех или иных событий к научному изучению проблемы, к обобщению историографического материала. Эйфория от «научной свободы», царившая в первые годы независимости Казахстана, сменяется более взвешенными подходами.

Российские и казахстанские ученые в оценке традиционного общества казахов имеют как общие точки соприкосновения на прошлое, так и позиции, по которым они являются непримиримыми оппонентами. К примеру, в контексте имперского дискурса по-разному оцениваются политико-административные реформы Российской империи XIX века. Если российские ученые считают их необходимой мерой по модернизации патриархальной окраины, то казахстанские, избегая употребления термина «модернизация», и трактуя как «мероприятия по колонизации казахской степи», считают их причиной многих негативных процессов, в том числе упадка влияния суда биев в казахском обществе. И если в первом случае трансформация суда биев подразумевает его постепенную инкорпорацию в общеимперские суды, а его изменение трактуется как естественный процесс, то во втором – ломку традиционного правового института, вызванного вмешательством империи во внутренние дела казахского общества в своих целях. Отдельная большая проблема – это «присоединение/завоевание» Казахстана к Российской империи, в контексте которой по-разному оценивается и роль биев.

Привлекли внимание ученых и другие вопросы истории института биев. К примеру, в своих работах исследователи пытаются ответить на многие вопросы, например, о времени возникновения бийского правосудия на территории казахских степей. Одни связывают его появление с прототюркскими, тюркскими племенами, другие отводят возникновение к более позднему времени – Монгольской эпохе. Судя по представленным научным доводам, прийти к единому пониманию в этом вопросе будет крайне сложно. Верна, на наш взгляд, более взвешенная позиция академика С.З. Зиманова, который не замеряя точными хронологическими рамками время зарождения этого института, условно подходит к рассмотрению этой проблемы.

Среди современных исследователей отсутствует единое мнение по вопросу о преемственности бийской власти. Одна группа ученых уверенно

заявляет, что бийский институт имеет наследственные корни, которые позволяли передавать аккумулированные знания внутри одной социальной группы; другая группа полагает, что звание бия признавалось за теми, кто своими индивидуальными особенностями сумел завоевать доверие и престиж среди соплеменников. Обе группы приводят доводы в пользу своих гипотез, однако говорить о превалировании тех или иных научных доказательств не приходится. В свою очередь считаю, что в казахском обществе не существовало закрытой бийской группы, однако, наличие бийских семей, в которых молодые претенденты проходили «школу» подготовки бия, с малолетства получали знания и умения, осваивали тонкости судебной деятельности, участвовали в решении споров, не вызывает сомнения.

Не остались в стороне функциональные особенности биев, позволявшие им влиять на внешнюю и внутреннюю политику Казахского ханства. В этом вопросе ученые разделились в основном на две группы, каждая из которых, привлекая широкий круг источников, старалась доказать правильность своей научной позиции. Первая группа (Т.И. Султанов, Д.Д. Бажиров, К. Омарханов и др.) считает, что казахские бии сосредотачивали в своих руках практически все рычаги управления казахской степью, причем вычленив приоритетное направление деятельности крайне сложно. Фигура бия в этих исследованиях предстает как центральная, вокруг которой объединялись остальные звенья социальной структуры казахского общества. Вторая группа ученых (С.З. Зиманов, И.В. Ерофеева и др.) полагают, что бии сосредотачивали, прежде всего, судебские полномочия, которые предполагали у обладателя этого звания знание норм обычного права казахов и особенностей кочевой жизни казахов, незаурядных ораторских способностей.

Отдельный предмет исследования в истории казахского народа – это культурное наследие биев, которое, по мнению ученых, формирует в этническом самосознании представления о своем народе (этноархетипы), его происхождении, родословной родов и племен, их взаимосвязи, историческом

прошлом, традициях, нормах обычного права, единые стереотипы поведения. Ораторские слова биев способствовали общению людей друг с другом, обмену культурным опытом, т. е. выполняли коммуникативную функцию в обществе и создавали «культурное наследие». Ученые подчеркивают, что потребность в изучении культурного наследия народа, в том числе творчества биев, связана не только с теми глобальными изменениями, которые наблюдаются в современном мире. Этот интерес связан также с важной функцией культуры как системы, сохраняющей целостность общества в окружающем мире и на основе предыдущего опыта прогнозирующей его дальнейшее развитие путем трансляции культурного кода.

Хочется отметить, что излишняя идеализация казахских биев и вместе с этим создание похожих исторических образов свидетельствует о том, что современные ученые предпринимают попытки объективно осмыслить историю, путем даже некоторой героизации и мифологизации народных персонажей, понять, исходя из субъективного видения, историческое прошлое, настоящее и возможно предугадать будущее. Возможно, на этом «тернистом» научном пути они допускают ошибки, однако, как известно, истина рождается в споре, в дискуссии. И на вопрос: научна ли данная позиция или она имеет мифологический оттенок, учитывая наличие устной исторической памяти казахского народа, ответить наверняка сможет не каждый ученый.

Предметом исследования нашей диссертации является компаративный анализ российской и казахстанской историографии. В то же время изучением традиционных институтов кочевников занимались и другие исследователи, представляющие самые разные научные школы с широкой географией. На протяжении долгого времени кочевые общества неизменно привлекали внимание современников и исследователей как Востока, так и Запада. Учитывая это и желая, чтобы это многогранное мировое историографическое наследие не осталось в стороне, в диссертации был предпринят самый общий

анализ литературы, касающейся досоветской социальной истории казахского общества и объединенный в понятие «зарубежная историография».

Пунктирный анализ зарубежной историографии позволяет наметить общие тенденции, свойственные работам евро-американских исследователей. Можно с уверенностью зафиксировать определенные тематические различия, в то же самое время, определяя их неразрывную связь с социальной историей народов Центральной Азии. Иными словами, и раньше и теперь в контексте общего изложения общественно-политических событий прошлого исследователи неизменно обращали внимание на структуру общества кочевников, вычленяя при этом наиболее значимые исторические фигуры и социальные страты. Безусловно, по мере накопления знаний, старые темы при помощи новых исторических и историографических источников, методологических подходов наполнялись новым содержанием. Однако стоит, пожалуй, отметить, что особенностью зарубежной историографии является ее умение вычленять из общей канвы повествования те проблемы, которые являются актуальными, а их решение имеет прикладной характер.

Многие выводы и положения зарубежных исследователей отличаются нестандартным подходом, оригинальностью мыслей, интересной интерпретацией. В то же время, далеко не все постулаты зарубежных исследователей об истории народов империи следует воспринимать как аксиому, с ними можно не соглашаться, а имея неопровержимые источниковые данные – критиковать за фактологические неточности, поверхностное знание предмета исследования. Однако уверена, что современная историческая наука лишь в том случае будет иметь шанс на поступательное развитие, когда ею будут продуктивно использоваться все достижения мировой науки. И в этом плане вклад зарубежной историографии несомненен, поскольку позволяет посмотреть на многие исторические процессы всесторонне, уйти от географической ограниченности, быть в курсе новых перспектив и дискурсов в

изучении традиционного прошлого, в том числе дореволюционного казахского общества.

Вышесказанное позволяет прийти к твердому убеждению, что для всестороннего объективного осмысления исторического прошлого ученым необходимо выйти за географические рамки «национальной» школы и, используя многообразные источники и литературу, прийти к пониманию невозможности доминирования одной версии. Каждый источник вне зависимости от локальности продолжает существовать в разных контекстах. Задача исследователей, на мой взгляд, состоит в понимании этого постулата и применении в своих исследованиях.

Возможно сегодня, в начале XXI века, исследователи в условиях доминирования методологического плюрализма смогут выработать такую концепцию, которая позволила бы уйти от устоявшейся в историографии дихотомии «архаичный, первобытный суд» – «“золотой век” казахского правосудия». Обе эти концепции не вполне адекватно отражают особенности кочевого мира, а потому не имеют, на мой взгляд, перспективы. Мир кочевников Великой степи был по-своему богат, и вмещать его в несвойственные этому миру стандарты будет неправильно. В то же время, всякая идеализация предмета исследования чревата однобокостью, рыхлостью конструкции и, как правило, «подтягиванию» фактов под нее. Другой вопрос – зная и принимая этот постулат, удастся ли исследователям в концептуальном поиске найти верный путь взаимодействия друг с другом, основанный на ценностях научного мышления? Возможно, одним из таких ориентиров будет исследование аналогичных суду биев институтов, имевшихся у многих народов Евразии. Возможно, это и станет той «общей» темой, которая объединит усилия ученых по изучению традиционных обществ.

Наряду со сказанным, хочется подчеркнуть, что многие вопросы института биев в современной историографии остались до сих пор

малоизученными, требующими внимания со стороны ученых. Среди них можно назвать следующие:

– Полагаем, что настало время для изучения устойчивости «неписанного права» в современном казахстанском обществе. Насколько нормы обычного права влияют на законодательство и живут в убеждениях людей, и, соответственно, влияют на стереотипы поведения. Это позволит выявить не только характерные черты «живого права», но и понять механизмы и причины селективного отбора народной памятью тех регуляторов, которые служат основанием для жизнеспособности народа.

– Остается ряд ключевых вопросов, на которые должна ответить современная историография института биев в той ее части, которая занимается изучением развития ступеней суда биев. Все ли будущие бии обязаны проходить этап «бала би» для своего признания в качестве бия, ведь история знает примеры, когда биями становились «случайные» люди, далекие от судебной практики, к которым конфликтующие стороны обратились и выбрали их в качестве третейского судьи? Как кочевники относились к биям, пришедшим к этому званию через институт батырства, деятельность акын – жырау, минуя другие этапы? Какими были отношения между биями, пришедшими разными путями к этому званию? Как строилась политика империи в отношении биев разных уровней? Как центральные власти и чиновники на местах вырабатывали и пытались проводить в жизнь политику империи, учитывая статусный уровень биев? Имеются ли региональные особенности в уровнях бийского суда? Как «новые» бии, появившиеся в результате выборных кампаний XIX в. реагировали на «старых», прошедших определенные уровни становления как биев? Как складывались между ними отношения – борьба за нишу и/или сотрудничество с целью сохранения определенных полномочий?

– Роль биев в «утверждении/ослаблении» социально-политической позиции имперской власти на юго-восточных окраинах. В данном контексте

вызывает интерес вопрос о том, какие существовали скрытые формы «протеста/сотрудничества» в отношениях между региональными властями и местной элитой.

– Вопросы форм взаимовлияний и взаимоотношений в полиэтничном государстве, диалог между властью и народами, проблемы инкорпорации местного права в общеимперское, постановки как проблемы дихотомий «закон/право», «традиционное/современное» и т. д.

– изучение проблемы «обынородчивания» русского населения на окраинах империи, во фронтальной зоне, когда тесные отношения последних с местными жителями приводили к отказу русских от собственной идентичности и ассимиляции с местным населением.

– роль биев во внешнеполитических инициативах Российской империи в центральноазиатском регионе.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

Российский государственный исторический архив (РГИА)

ф. 1291 – Земское отделение.

ф. 383 – Первый Департамент МГИ

Ф. 183 – Экспедиция по исследованию старого русла р. Аму-Дарьи

Ф. 1683 – Островский Михаил Николаевич (1827–1901), министр государственных имуществ, председатель департамента законов, почетный член Академии наук, член Государственного Совета

Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД

Ф. 853 – Григорьев Василий Васильевич (1816–1881), профессор истории Востока Петербургского университета, управляющий областью Оренбургских киргизов, начальник Главного управления по делам печати

Ф. 1396 – ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК)

Ф. 4 – Оренбургская Пограничная комиссия

Ф. 25 – Тургайское областное правление г. Оренбург

Ф. 30 – СНК КирАССР (1920–1959)

Ф. 44 – Семиреченское областное правление

Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора

Ф. 345 – Областное управление сибирскими казахами МВД г. Омск

Ф. 427 – Выкопированные документы из материалов ЦГИА КазССР
(сказания о биях)

Ф. 825 – Колпаковский Г.А. – генерал-губернатор Степного края

Ф. 1380 – НКЮ КирАССР

Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз)

- И. 1 – Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора
- И-5 – Канцелярия начальника Зеравшанского округа
- И. 17 – Сыр-Дарьинское областное правление
- И-18 – Самаркандское областное правление
- И-19 – Ферганское областное правление
- И-36 – Управление начальника г. Ташкента
- И-717 – Совет Туркестанского генерал-губернатора
- Р-25 – Совет народных комиссаров Туркестанской республики
- Р-38 – НКЮ ТАССР
- Р. 39 – Народный комиссариат внутренних дел ТАССР

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

- Ф. 400 – Главный штаб

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО)

- Ф. 3 – Главное управление Западной Сибири

Опубликованные источники и литература

1. 20 лет Казахской ССР / Под общ. ред. Я. Важника. Алма-Ата: Казгосполит издат, 1940. 218 с.
2. 20 лет Казахстана. Алма-Ата: Госкиноиздат–Казфотоиздат, 1940. 204 с.
3. Абашин С.Н. Советская власть и узбекская махалья // Неприкосновенный запас. 2011. № 4(078).
4. Абашин С.Н. Казахстан. Роль среднеазиатских ханств в исламизации кочевого населения // Россия – Средняя Азия. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 81–89.
5. Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.

6. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда: Гласир, 2010. 242 с.
7. Абдуллаев Б. Көшпелі қазақ қоғамындағы құқықтың қалыптасып дамуы // Әділ сот. 2009. № 6. С. 27–29.
8. Абдуллин Р.Б. Западная школа среднеазиатоведения: организационные основы, исследовательская база и историографические направления (1917–1991 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Алматы, 2005. 155 с.
9. Абжанов Х. Қожаберген жырау и историческая мысль // Мысль. 2013. № 4. С. 52–57.
10. Абиль Е. История государства и права Республики Казахстан (с древнейших времен до 1992 г.). Астана: Фолиант, 2001. 188 с.
11. Абиль Е. Становление понятий закона и права в традиционном правосознании казахов // Научный Вестник Академии МВД России. 2006. № 1(23). С. 9–11.
12. Абрамзон С.М. Черты военной организации и техники у киргизов (По историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Труды института языка, литературы и истории. Фрунзы: КирФАН, 1944. Вып 1. С. 167–180.
13. Абрамзон С.М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе: КирФАН СССР, 1946. 123 с.
14. Ағдарбеков З. Қазақтың әдет-ғұрып заңдарындағы ауыр қылмыстардың билер сотындағы үлгілі шешімдері // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2009. № 4(52). С. 29–31.
15. Адамбаев Б. Төле би шешен // Жұлдыз. 1972. № 1. С. 207–215.
16. Адамбаев Б. Халық даналығы. Алма-Ата: Мектеп, 1976. 160 с.
17. Адамбаев Б.А. Казахское народное ораторское искусство. Алматы: Ана тілі, 1994. 206 с.
18. Адамбаев Б.А. Казахское народное ораторское искусство: Книга для массового читателя. Алматы: Ана тілі, 1997. 205 с.

19. Адамбаев Б. Казахское народное ораторское искусство. Алматы: Ана тілі, 2007. 256 с.
20. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО. М.: Наука, 2004. 599 с.
21. Аитов. О киргизских обычаях, имеющих в степи силу закона // Материалы по казахскому обычному праву: Сб. Научно-популярное издание / Сост. Т.М. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. Алматы: Жалын, 1998. С. 96–107.
22. Айдарова А.Х. Националистические извращения в вопросах истории Казахстана // Известия АН Казахской ССР. Серия истор. 1948. Вып. 4. С. 16–30.
23. Айтбаев М.Т. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX веков. Фрунзе: Киргизгосизд, 1962. 195 с.
24. Айтбай Р.Т. 1836–1838 жж. халық-азаттық көтерілісін бастаған Исатайдың өміріне қатысты оқиғалардың тарихи дастанда көрініс табуы // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2010. № 3(58). С. 35–38.
25. Айтеке би / Сост. Г.К. Бельгер, М. Акдаулетулы. Алматы: Атамұра, 1998. 223 с.
26. Айтенова Б.К. Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в казахской степи: дис. ... канд. истор. наук. Омск, 2007. 170 с.
27. Акатай С. Асан-Кайгы: Прозрения и ошибки // Мысль. 2000. № 11. С. 59–65.
28. Акишев К.А., Аргынбаев Х.А., Алимбаев Н. Археологическое и этнографическое изучение Казахстана // Историческая наука Советского Казахстана (1917–1969 гг.). Очерки становления и развития. Алма-Ата, 1990. С. 43–60.
29. Ақпанбет Т. Қазақ дүниетанымы. Алматы: Ғылым, 1994. 56 с.

30. Ақтайлақ би / Құраст. С. Қорабаев. Алматы: Журналист фотостудиясы. 1991. 111 с.
31. Ақтайлақ би: өлеңдер мен толғаулар, шешендік және билік сөздер / Құраст. С. Қорабай. Астана: Елорда, 2003. 205 с.
32. Ақыпбекұлы Ә. Абай – қазақтың Төбе биі // Парасат. 2007. № 2. С. 2–10.
33. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Новосибирск: Наука, 2006. 504 с.
34. Алекторов А.Е. Киргизы казаки: исторический очерк // Оренб. листок. 1889. 23 июля; 24 декабря.
35. Алекторов А.Е. Барымта // Оренб. листок. 1890. № 22, 23.
36. Алекторов А.Е. Нужен ли для киргиза суд биев // Особое прибавление к «Акмолинским областным ведомостям». 1890. № 2. С. 8.
37. Алекторов А.Е. Материалы для изучения страны, истории и быта киргизов. Вып. II. Оренбург: б.и., 1892. 32 с.
38. Алекторов А.Е. Очерки Внутренней Киргизской орды // Оренбург. отдел ИРГО. Оренбург: Типолит. Ив. Ив. Евфимовского, Мировицкого, 1893. Вып. II. 32 с.
39. Алекторов А.Е. Очерки Внутренней Киргизской Орды // Оренбург. отдел ИРГО. Оренбург: Типолит. Губернского Правления, 1894. Вып. III.
40. Алимбаев Н. Изучение истории Казахстана (историческая литература 20-х – середины 30-х гг.) // Историческая наука Советского Казахстана (1917–1969 гг.). Очерки становления и развития. Алма-Ата, 1990. С. 61–92.
41. Алимбаева Б.Б. Политика российского правительства в отношении оренбургских казахов в XVIII—XIX веках: дис. ... канд. истор. наук. Оренбург, 2008. 196 с.
42. Алимбай Н.А., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы: Атамекен, 1998. 234 с.

43. Алимбетов А.В. Келдібекұлы Қазыбек бидің саяси-құқықтық көзқарастары: заң ғылым. канд. ... дис. Алматы. 2009. 118 с.
44. Алимжан К. Суд биев как институт обычного права // Мысль. 1999. № 6. С. 78–84.
45. Алимжан К.А. Вопросы теории обычного права. Алматы: Интерлигал, 2003. 319 с.
46. Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. Алматы: Фонд «XXI век», 1998. 140 с.
47. Алтынсарин И. О «Временном положении об управлении в степных областях» 1868 г. // Собр. соч.: В 3-х т. Т. II. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1976. С. 36–41.
48. Альмуханбетов Ж.Н. К вопросу о структуре казахского обычного права // Казахстанский журнал международного права. 2003. № 2(10). С. 262–278.
49. Амандыков Х. Төле би. Шымкент: Мұраттас, 1991. 303 с.
50. Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. I. Алма-Ата: Алма-Атинский гос. педагог. ин-т имени Абая, 1959. 452 с.
51. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М.: Россия молодая, 1994. 216 с.
52. Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара: Самарский ун-т, 2000. 332 с.
53. Андабеков Ш. Билердің төтенше съезі: оның құрылымы мен билік шешімдері: заң ғылым. канд. ... дис. Алматы, 1995. 159 с.
54. Андабеков Ш. Қарамола ережесі. Қазақ әдет-ғұрып құқығының материалдары. Алматы: Жеті жарғы, 1996.
55. Андреев И. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.
56. Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. Ташкент: Русский Туркестан, 1899. 44 с.

57. Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. М.: АН СССР, 1960. 456 с.
58. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М.: МПГУ, 2004. 287 с.
59. Арндаренко Г. Значение власти аксакалов в отдаленных кишлаках // Туркестанские ведомости. 1874. № 25.
60. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. 1896. Вып. III–IV. С. 277–456.
61. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество: традиции и инновации. Караганда: Полиграфия, 1991. 290 с.
62. Артыкбаев Ж.О. Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий. СПб.: Мажор, 2005. 320 с.
63. Артыкбаев Ж.О. Казахское шежире: источник и концепция истории Великой степи. Астана: Алтын кітап, 2012. 495 с.
64. Артыкбаев Ж. «Жеті жарғы» – мемлекет және құқық ескерткіші: зерттелуі, деректер, тарихы, мәтіні. Алматы: Жеті жарғы, 2012. 192 с.
65. Артыкбаев Ж.О. Қаздауысты Қазыбек би қашан туған? // Орталық Қазақстан. 1993. 30 шілде.
66. Аршаруни А.М., Вельтман С.А. Эпос советского Востока: дореволюционные и послеоктябрьские мотивы. М.: АCADEMIA, 1930. 131 с.
67. Асанбаева А.Е. Историческая преемственность в духовной культуре казахского общества XV–XVIII вв.: теоретико-методологические проблемы: дис. ... канд. истор. наук. Алматы, 2010. 135 с.
68. Асқарбекқызы Н. Көшпелі қазақтардың жүйесіндегі қағидаттар: заң ғылым. канд. ... дис. Алматы, 2009. 119 с.
69. Асфендиаров С.Д. История Казакстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1935. 262 с.

70. Ауешова Б.Т. Институт обязательства в обычном праве казахов и его значение в современности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2006. 32 с.
71. Ауэзов М.О., Соболев Л. Эпос и фольклор казахского народа // Литературный критик. 1940. № 1. С. 210–233.
72. Ауэзов М.О. Путь Абая. Т. 1. Алма-Ата: Жазушы, 1978. 605 с.
73. Ауэзова Л. История Казахстана в творчестве М. Ауэзова. Учебное пособие. Алматы: Санат, 1997. 320 с.
74. Ахан Б. Философия биев: Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2003. 290 с.
75. Ахан Б. Общее и особенное в ораторском искусстве казахских биев, шешенов и жырау // Вестник Оренбургского государственного ун-та. 2004. № 6. С. 28–32.
76. Ахан Б. Ораторский слог в искусстве слова биев // Евразийское содружество. 2004. № 1. С. 143–146.
77. Ахинжанов М., Турсунбаев А. Профессор А. Маргулан извращает историю // Казахстанская правда. 1947. 5 марта.
78. Ахмеджанова Г.Б. К вопросу о социальном и правовом положении биев в обычном праве казахов // Ғылым. 2008. № 3(18). С. 54–59.
79. Ахмеджанова Г.Б. К вопросу об институте присяги в обычном праве казахов // Фемида. 2008. № 6(150). С. 26–30.
80. Ахмеджанова Г.Б. Институт присяги в системе казахского обычного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Астана, 2010. 44 с.
81. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 196 с.
82. Ахметжанова А.Т. Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Алматы, 2010. 141 с.
83. Ахметов Ж. Творческое наследие Кожабержен жырау // Мысль. 2013. № 7. С. 65–70.
84. Ахметова Н.С. Институт «кун» в системе обычного права казахов в XIX – начале XX веков // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1977. № 4. С. 75–83.

85. Ахметова Н.С. Институт «кун» в обычном праве казахов и его отмена при Советской власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата: ИФиП АН КазССР, 1979. 20 с.
86. Ахметова Н.С. А.И. Левшин – исследователь обычного права казахов // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 4. С. 62–67.
87. Ахметова Н.С. Институты обычного права и правотворческая деятельность Казахской АССР // Правотворческая деятельность союзной республики: история и проблемы. Караганда, 1988. С. 25–26.
88. Ахметова Н.С. Обычное право казахов в XVIII и первой половине XIX века. Алматы: Қазақ университеті, 1997. 216 с.
89. Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 167 с.
90. Аяган Б., Мұқатова Д. Қолбасшы және мәмілегер // Қазақ тарихы. 2006. № 2. С. 48–50.
91. Әбдесұлы Қ. Тарих және тағдыр. Алматы: Қазығұрт, 2004. 208 с.
92. Әбдесұлы Қ. Тарихи тұлға және қазақ әдебиеті: Оқу құралы. Алматы: Қазақ университеті, 2004. 163 с.
93. Әбдіғалиева Г.Қ., Бияздықова К.Ә. Ақын-жыраулар шығармашылығындағы кісілік құндылықтар // ҚазҰУ хабаршысы. Филос. сериясы. 2009. № 1(32). С. 146–148.
94. Әбдірахман К. Қаракерей Қабанбайдың Ақмоласы // Қазақ тарихы. 2006. № 2. С. 42–47.
95. Әбуталиев Н. Әйтеке би // Халық кеңесі. 1995. 21 қазан.
96. Әбуталиев Н. «Әйтеке би» деректі әңгіме. Алматы: Жеті жарғы, 1995. 48 с.
97. Әбуталиев Н. Ордабасы Қожаберген: тарихи очерк және дастандар. Алматы: Жеті жарғы, 1995. 107 с.
98. Әлдибеков Ж.С. Қазақстанның XVII ғасырдың соңғы ширегі – XVIII ғасырдың алғашқы жартысындағы саяси-құқықтық қалыптасуы және

- дамуының тарихи-теориялық мәселелері: заң ғылым. докт. ... дис. Астана, 2010. 325 с.
99. Әлдибеков Ж.С. Қазақстан Республикасы мемлекет және құқық тарихы (дәрістер жинағы). Алматы: Жеті жарғы. 2012. 200 с.
100. Бабаджанов Ходжа Мухаммед-Салих. Заметки киргиза о житие и участи его родичей // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 136. С. 781–782.
101. Бабалар сөзі: 100 томдық. Т. 57: Тарихи жырлар. Астана: Фолиант, 2010. 408 с.
102. Бабалар сөзі: 100 томдық. Т. 86: Тарихи аңыздар.(XVII–XVIII ғасырлар). Астана: Фолиант, 2012. 448 с.
103. Бажиров Д.Д. Материальное производство и социальная структура кочевников Центрального Казахстана (конец XVIII – первая половина XIX века): дис. ... канд. истор. наук. М., 1990. 177 с.
104. Байболұлы Қ. Төле би. Алматы: АНБ-пресс, 1991. 317 с.
105. Байболұлы Қ. Еңсегей бойлы ер Есім. Дастандар. Алматы: Жалын, 2005. 320 с.
106. Байғазыұлы А. Қаздауысты Қазыбек би // Қазақ батырлары. 2005. № 7(84). С. 14.
107. Байжанова Қ.У. Төле би – тарихи тұлға // Казахская цивилизация. 2012. № 1. С. 12–17.
108. Байтурсынов А. И снова про народный суд // Ақ жол. Алматы: Жеті жарғы, 1991. 138 с.
109. Бақтыхожаев Ж.Ж. Қазақтың құқық жүйесі жайлы зерттеу (тарихи-тоғылымдық маңызы): заң ғылым. канд. ... дис. автореф. Алматы, 2007. 24 с.
110. Баласагуни Ю. Благодатное знание / Ответ. ред. акад. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1983. 558 с.
111. Балгозина Р.О. Материалы съездов биев как источник по истории эмансипации женщин // Вестник КазНУ. Серия истор. 2007. № 3(46). С. 8–14.

112. Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой орде силу закона // Записки Оренбург. отдела ИРГО. Казань, 1871. Вып. II.
113. Баталов М., Сильченко М. Очерки по казахскому фольклору и казахской литературе. Алма-Ата: Казахское краевое издательство, 1933. 96 с.
114. Батраков В.С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII века). Ташкент: САГУ, 1958. 104 с.
115. Барон У-р. Четыре месяца в Киргизской степи // Отечественные записки. 1848. Ч. 10. С. 147–224.
116. Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Т. I. Самара: Самарский ун-т, 2000. С. 163–194.
117. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л.: АН СССР, 1927. 256 с.
118. Бартольд В.В. Бег / Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Вост. лит., 1968. С. 502.
119. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы: Жалын, 1998. 194 с.
120. Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М.: ИЭА РАН, 1997. 161 с.
121. Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. 277 с.
122. Бахтыбаев И. Правосудие биев // Законность. 2008. № 9. С. 57–59.
123. Башарин Г.П. О патриархально-феодалных отношениях в Якутии конца XVIII – первой половины XIX века // Вопросы истории. 1955. № 3. С. 80–89.
124. Баяндаров М.Т. Судебно-правовая реформа 1898 года в Казахстане и суд биев // Саясат. 1998. № 4. С. 83–89.

125. Баяндаров М.Т. Основные черты и особенности судебно-правовой реформы 1898 года в Казахстане: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2001.
126. Бәйдібек би // Заң. 2002. № 6. С. 67–69.
127. Бәйжігіт би // Сақшы. 2001. 11 сәуір. С. 6.
128. Беглов. Собрание сведений, о принятых порядках суда, расправы, семейных обычаях и обрядах ордынцев, кочующих в районе Уральского укрепления // Материалы по казахскому обычному праву / Сост. Т.М. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. Алматы: Жалын, 1998. С. 107–112.
129. Безвиконная Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-е гг. XIX в. Омск: ОГИ, 2005. 240 с.
130. Бейсенбаева М.Т. Ақтайлақтың төтен би ретіндегі қызметі // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2009. № 4(48). С. 178–181.
131. Бейтуганов А.З., Думанов Ф.Х. Обычное право кабардинцев: проблемы исследования на современном этапе // Обычное право народов Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. С. 23–35.
132. Бекетов Қ. Билерден қалған дәстүр бар оны қазір сот құрылысына қалай пайдалана аламыз // Заң. 2009. № 4. С. 22–25.
133. Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата: Казахский университет, 1992. 400 с.
134. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата: АН СССР, 1957. 342 с.
135. Бекмаханов Е.Б. Социально-экономические отношения в Казахстане в период империализма. Алма-Ата: б.и., 1957. 36 с.
136. Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / Отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003. С. 21–82.

137. Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б. Присоединение казахских племен к Российской империи и административные реформы в XVIII – середине XIX в. // Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 31–61.
138. Бектаев К., Калдыбеков М. Төле би – саясаткер, дипломат, психолог. Шымкент, 1993. 93 с.
139. Бербанк Дж. Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция в поисках буржуазии (1909–1914) // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара: Самарский ун-т, 2000. С. 269–298.
140. Бербанк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 320–360.
141. Бердибаев Р. Билер сөзінің халықтық сипаты // Мұрагер. 1994. № 1.
142. Бердібаева Ә.Қ. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы өзара көмек қатынастарынан туындайтын келісім-шарттар // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2012. № 1(61). С. 21–25.
143. Бернштам А.Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // Советская этнография. 1934. № 6. С. 86–115.
144. Бернштам А.Н. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе: Типолитография № 1, 1942. 26 с.
145. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.: АН СССР, 1946. 211 с.
146. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л.: Ленинградский университет, 1951. 262 с.
147. Библиографический указатель по казахскому устному творчеству. Вып. 1. 1771–1916 гг. Алма-Ата: АН КазССР, 1951. 107 с.

148. Библиография по истории Казахстана (аннотированный указатель). Вып. 1. Дореволюционный период. Алма-Ата: Казгосиздат, 1964. 410 с.
149. Билер сөзі. Шешендік толғау, арнау, дау / Сост. Т. Кәкішев. Алматы: Қазақ университеті, 1992. 160 с.
150. Билер сөзі – киелі: Сыр елінің билері хақында. Алматы: Полиграф комбинат, 2012. 208 с.
151. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Вост. лит., 2002. 368 с.
152. Боевые задачи работников идеологического фронта. Доклад секретаря ЦК КП(б) Казахстана тов. Ж. Шаяхметова на собрании работников науки, литературы и искусства г. Алма-Аты // Казахстанская правда. 1947. 14 февраля.
153. Болғамбайұлы Ә. Қара қылды қақ жарған Қазыбек би // Егемен Қазақстан. 1997. 13 ақпан.
154. Болдырев А.Н. Устный эпос Таджикистана // Дружба народов. 1939. № 1. С. 299–304.
155. Большакова О.В. Поверх барьеров: американская русистика после холодной войны. М.: ИНИОН РАН, 2013. 239 с.
156. Боровков А. Вместо введения (Несколько предварительных замечаний об «Очерках по истории Средней Азии» П.П. Иванова) // Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М.: Вост. лит., 1958. С. 3–12.
157. Бөкейханов Ә. Мұсылман сиезі // Қазақ. 1914. № 89.
158. Брежнева С.Н. Присоединение Туркестана к России: дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии: монография. Тольятти: Тольят. гос. акад. сервиса, 2004. 287 с.
159. Броневский С.Б. О киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 43. С. 194–285.
160. Броневский С. Б. О казахах Средней Орды. Астана: Алтын кітап, 2007. 168 с.

161. Брусина О.И. Русское население Средней Азии до и после распада СССР // *Среда и культура в условиях общественных трансформаций*. М., 1995. С. 148–158.
162. Брусина О.И. Социально-правовые системы новых среднеазиатских государств в контексте теории правового плюрализма // *Юридическая антропология. Закон и жизнь*. М., 2000. С. 141–153.
163. Букейханов А. Бии и власть // *Избранное*. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995.
164. Букинич Д. «Номадизм», киргизский народ и высшие формы культуры // *Советская Киргизия*. 1924. № 8–9. С. 156–166.
165. Бұрынғы қазақтардың ел билеу заңы // *Айқап*. 1993. № 3. С. 4–8.
166. Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана: (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX в.). Барнаул: Азбука, 2003. 168 с.
167. Бырбаева Г.Б. Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.
168. Быт и нравы киргизов / Сост. А.П. Смирнов. СПб.: Постоянная комиссия по устройству народных чтений, 1892. 27 с.
169. Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе (1864 г.) // *Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования*. В 10-ти т. Т. 6. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 39–57.
170. Васильев Д.В. Центральная Азия во внутренней политике царского правительства // *Центральная Азия в составе Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 86–131.
171. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины XVIII – первая половина XIX века. М.: РОССПЭН, 2014. 471 с.
172. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.): Сб. документов и материалов / Отв. ред. З.А. Астапович. М.: Мысль, 1971. 462 с.

173. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748–1765). Т. 1, 2. Уфа: Губернская типография, 1853–1855. 64 с.
174. Венюков М. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1868. 535 с.
175. Веселовский Н.И. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. СПб.: Паровая Скоропечатная П.О. Яблонского, 1884. 227 с.
176. Веселовский Н.И. В.В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб.: Императорское Русское археологическое общество, 1887. 416 с.
177. Вестник рабоче-крестьянского правительства КАССР. 1920. № 15. Ст. 48.
178. Викторин В.М. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII – начала XIX вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1985. 16 с.
179. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.: АН СССР, 1934. 236 с.
180. Временное положение о революционном комитете по управлению киргизским краем. Декрет совета народных комиссаров // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. С. 1–5.
181. Вульфсон Э. Киргизы. М.: Издание книжного магазина торгового дома С. Курник и К., 1913. 79 с.
182. В ЦК КП(б) Казахстана. О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. 1945. № 6. С. 49–51.
183. В ЦК КП (б) Казахстана. О статье в газете «Правда» «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» // Казахстанская правда. 1951. 19 апреля. С. 2.

184. Вяткин М.П. Казахское общество в середине XVIII в. // Известия Казахстанского филиала АН СССР. Сер. истор. Алма-Ата: Казахское гос. издательство, 1940. Вып. 1. С. 3–18.
185. Вяткин М.П. Тюленгуты в XVIII в. // Известия Казахстанского филиала АН СССР. Сер. истор. Алма-Ата: Казахское гос. издательство, 1940. Вып. 1. С. 19–30.
186. Вяткин М.П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII – нач. XIX в. // Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. 4. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 3–19.
187. Вяткин М.П. Казахстан – колония царизма // Ученые записки. Алма-Ата: КазПИ, 1941.
188. Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. М.: Огиз. Госполитиздат, 1941. 367 с.
189. Вяткин М.П. К вопросу о крестьянских войнах в Казахстане // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 72–85.
190. Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л.: АН СССР, 1947. 390 с.
191. Вяткин М.П. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 157–159.
192. Вяткин М.П. Социально-экономическое развитие Средней Азии (Историографический очерк 1865–1965 гг.). Фрунзе: Илим, 1974. 264 с.
193. Габдуллин М. Проблемы научного исследования былины «Кобланды батыр»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1947.
194. Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсакской степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсакского // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков / Сост.: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев: Ин-т истории и этнологии (ИИиЭ) им. Ч.Ч. Валиханова М-ва образования и науки (МОН) РК. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 625 с.

195. Галкин-Враской М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Издание Я.А. Исакова, 1868. 336 с.
196. Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1965. 345 с.
197. Галузо П.Г. Социальные отношения в казахском ауле и переселенческой деревне Казахстана в начале XX века // Казахстан в канун Октября. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1968. 284 с.
198. Гейнс А.К. Киргизские очерки // Военный сборник. СПб. 1866. № 1. С. 145–179.
199. Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по киргизским степям // Собр. литер. трудов. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 589 с.
200. Гейнс А.К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан // Собр. литер. трудов. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. С. 1–429.
201. Гейнс А.К. Киргизские степи. Т. 3. СПб., 1898.
202. Гейнс А.К. Мотивированная временная Инструкция уездным начальникам Тургайской области. 1878 год // Собр. лит. трудов. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. С. 536–696.
203. Геллер М. История Российской империи. Т. II. М.: МИК, 1997. 317 с.
204. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени. СПб.: Вольная типография Вейбрехта и Шнора, 1776. 188 с.
205. Герман. О киргизцах // Вестник Европы. Ч. 22. 1821. С. 123–138; Ч. 122. 1822. С. 217–227; С. 290–305.
206. Герн фон В.К. Характер и нравы казахов (Этнографические заметки) // Коммен. предисл. и ред. Ж.О. Артыкбаева. Караганда: ТОО «Номад и Ко», 1995. 140 с.

207. Гинс Г.К. В киргизских аулах (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический Вестник. СПб. 1913. Т. 84. С. 285–332.
208. Голощекин Ф.И. Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата: Гос. издательство РСФСР. Казакское краевое отделение, 1930. 49 с.
209. Голощекин Ф.И. Казакстан на путях социалистического переустройства. М.; Алма-Ата: Объединенное гос. издательство, 1931. 248 с.
210. Горелик М.В. Военное дело скотоводов Центральной Азии в древности (основные этапы развития) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. № 1–2 (№ 4–5). С. 19–25.
211. Горин А. Проблема гражданско-правовой интеграции поздней Российской империи в русском общественно-политическом дискурсе (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Ab Imperio. 2012. № 4.
212. Горшенина С. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований // Ab Imperio. 2007. № 2.
213. Готовицкий М. Значение и обряд присяги у киргиз // Юридический вестник. 1885. Т. 19. № 5. С. 189–194.
214. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.: АН СССР, 1950. 480 с.
215. Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1871. 203 с.
216. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. I. Ташкент: Типо-Литография С.И. Лахтина, 1889. 544 с.
217. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
218. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: АСТ МОСКВА, 2007. 608 с.
219. Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по 17-ое столетие. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. 112 с.
220. Дала кемеңгері немесе Сырым туралы сыр. Алматы: Сөзстан, 1992. 70 с.

221. Д'Андре. Описание киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона // Материалы по казахскому обычному праву / Сост. Т.М. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. Алматы: Жалын, 1998. С. 164–213.
222. Дамешек И.Л. Окраинная политика России в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 1998. 30 с.
223. Даниялов А. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля // Вопросы истории. 1950. № 9. С. 3–18.
224. Даулбаев Н. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 гг. // Записки Оренбургского отдела ИРГО. Оренбург. 1881. Вып. IV. С. 98–117.
225. Дауталиев К. Институт отправления правосудия «Бала би» в раннем возрасте в традиционном казахском праве // Право и государство. Теория и практика. 2013. № 4. С. 129–133.
226. Даутов Т.Г. Эволюция и развитие обычного права казахов // Бюллетень КазНУ. 2012. № 3(63). С. 21–23.
227. Дахшлейгер Г.Ф. Историография советского Казахстана (Очерк). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1969. 192 с.
228. Дахшлейгер Г.Ф. В.И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1973. 216 с.
229. Дахшлейгер Г.Ф., Пищулина К.А. Социально-экономическое положение в Казахстане в XVI–XVII веках // История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5-ти томах. Т. 2. Алма-Ата: АН КазССР, 1979. С. 322–333.
230. Дашин А.В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006. 431 с.
231. Дәдебаев Д. Қазақтың әдет-ғұрып заңындағы бидің орны // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2005. № 2(34). С. 108–112.
232. Дәрменұлы С. Байшора батыр // Қазақ батырлары. 2001. № 5. С. 5.

233. Дәуітұлы С. Байдалы би // Қазақ әдебиеті. 1993. № 4. С. 13.
234. Декреты Октябрьской революции (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным, как председателем Совнаркома). Т. 1. От октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания / Под ред. М.Д. Орахелашвили и В.Г. Сорина. М.: Партиздат, 1933. 464 с.
235. Декреты Советской власти: В 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1957. 320 с.
236. Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиции. СПб. 1910. № 5. С. 122–140.
237. Джаксыбаев С.И. Записки краеведа. Павлодар: ЭКО, 2008. 237 с.
238. Джамгерчинов Б.Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. 2-е изд. Фрунзе: Киргизское гос. издательство, 1963. 436 с.
239. Джамгерчинов Б.Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. М.: АН КирССР, 1963. 189 с.
240. Джамгерчинов Б.Д. Очерки политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе: Илим, 1966. 190 с.
241. Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 434 с.
242. Джампеисова Ж.М. Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. 269 с.
243. Джандосова З.А. География Центральной Азии. СПб.: СПб ГУ, 2005. 88 с.
244. Диваев А.А. Этнографические материалы. Ташкент. 1891. 33 с.
245. Дингельштедт Н. Мусульманская присяга и клятва // Журнал министерства юстиции. СПб. 1886. № 4.
246. Дингельштедт Н. Заметки. Судебное преобразование в Туркестане // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 7. С. 1–75.
247. Дискуссия по книге Бекмаханова Е.Б. «Казахстан в 20–40 годы XIX века» 14–19 июля 1948 г.: стенограмма // Институт истории, археологии и

- этнографии АН Казахской ССР. Алматы: КЕНЖЕ-ПРЕСС-МЕДИА, 2005. 186 с.
248. Добросмыслов А.И. Материалы по истории России: сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. 1. 1734. Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. 304 с.
249. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Оренбург: Типо-литография Тургайского Областного Правления, 1901. Вып. 2. С. 125–256.
250. Добросмыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв. Казань: Типо-литография Императорского Казанского Университета, 1904. 108 с.
251. До конца вскрыть буржуазно-националистические извращения в вопросах истории Казахстана // Вестник АН КазССР. 1951. № 4(73). С. 7–12.
252. Документы китайского архива о политико-дипломатических отношениях Казахского ханства и империи Цин / Сост. Еженханулы Б. Т. II. Алматы: Дайк-Пресс, 2012. 273 с.
253. Долинский В.А. Об отношениях России к Средне-Азиатским владениям и об устройстве киргизской степи. СПб.: Типография тов. «Общественная польза», 1865. 56 с.
254. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Лениздат, 1999. 735 с.
255. Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э.–XVI в. н. э.). М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 608 с.
256. Дугарова С.Ж. Государство и право средневековой Монголии: проблемы изучения. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. 145 с.
257. Дулатбекұлы Ж. Бірлікті сақтаған Мұжық би // Жерұйық. 1996. 19 января.
258. Дулатов М. Халық соты (1921 г.) // Міржақып Дулатұлы. Бес томдық шығармалар жинағы. Т. 3: Көсемсөз, әдеби-сын және зерттеу мақалалары,

- казак тілінде басылған кітаптар көрсеткіштері / Құраст.: Г. Дулатова, С. Иманбаева. Алматы: Мектеп, 2003.
259. Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1984. 272 с.
260. Дэвид-Фокс М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период. Самара: Самарский ун-т, 2000. С. 5–47.
261. Дюков Л.В., Масевич М.Г. Об особенностях земельной собственности у некоторых кочевых народов в эпоху феодализма // Учен. Записки юрид. фак-та. Алма-Ата: КазГУ им. С.М. Кирова, 1957. Вып. IV. С. 119–145.
262. Дюков Л.В., Давидович А.М. К вопросу о характере власти и управления в Казахстане в XV–XVIII вв. // Учен. труды КазГУ. Сер. юрид. Алма-Ата: КазГУ им. С.М. Кирова, 1967. Вып. VIII. Т. 8. С. 91–103.
263. Дюсембаев И.Т. О казахском социально-бытовом эпосе // Труды АН КазССР. Вып. 1. 1955. С. 42–60.
264. Дюсебаев Н.К. С.В. Юшков и дискуссии о сущности феодальных отношений в казахском кочевом обществе // Вестник Томск-го гос. ун-та. История. 2015. № 1(33). С. 93–101.
265. Едильханова С.А. Казахско-джунгарские взаимоотношения. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 160 с.
266. Еламанов Қ. Билердің құрылымдық жүйесі. Шаңырақ пен Пырақ. Алматы: Жеті жарғы, 1999. 176 с.
267. Еламанов Қ. Билер қызметі // Фемида. 1997. № 11. С. 12–22.
268. Ел аузынан: Шешендік сөздер, ақындық толғамдар, аңыз әңгімелер / Құраст. Б. Адамбаев, Т. Жарқымбекова. Алматы: Жазушы. 1989. 365 с.
269. Ерғобек Ш. Әйтеке бидің саяси-құқықтық ойлары // ТураБи. 2006. № 6. С. 60–64.

270. Ерғобек Ш. Төле бидің саяси-құқықтық ойлары // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2006. № 2. С. 43–49.
271. Ерғобек Ш. Хандық дәуірдегі саяси және құқықтық ой-пікірдің қалыптасуы мен дамуы: заң ғылым. канд. ... дис. автореф. Астана, 2008. 126 с.
272. Еренов А.Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 157 с.
273. Ерменбаева Г.К. Социально-исторические преобразования органов местной власти (на примере казахов Оренбургского ведомства в 20–60-х годах XIX века): дис. ... канд. истор. наук. Алматы, 2006. 150 с.
274. Ермұқанов Е. Болыстың билер съезінің қызметі және онда орын алған келеңсіздіктер // Евразийское сообщество. 2008. № 2(62). С. 78–81.
275. Ерофеева И.В. Присоединение Казахстана к России как историографическая проблема // Историческая наука Советского Казахстана (1917–1969 гг.). Очерки становления и развития. Алма-Ата, 1990. С. 154–172.
276. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 334 с.
277. Есіркенова Ж.О. XIX ғасырдың бас кезіндегі Кіші жүздегі саяси жағдай және Әзберген би // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2010. № 1(56). С. 69–73.
278. Есламғалиев М. Әйтеке би: Тарихи-философиялық диалогия. Алматы: Жазушы, 2007. 559 с.
279. Еслямғалиұлы М. Әйтеке би (Шежіренама). Алматы: Жеті жарғы, 1998. 110 с.
280. Есмағамбетов К.Л. Действительность и фальсификация (англо-американская историография о Казахстане). Алма-Ата: Казахстан, 1976. 184 с.
281. Есмағамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. 151 с.
282. Есмағамбетов К. Батырлар тарихы – рухани байлығымыз // Қазақ тарихы. 2007. № 4. С. 65–66.

283. Жаксылыков А.Ж. Сравнительная типология образов и мотивов с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Алматы: Қазақ университеті, 2012. 360 с.
284. Жаппархан Ө. Билер алқасы тәртіпке шақырады // Егемен Қазақстан. 1995. 27 мая.
285. Жармагамбетов К. Против искажения фактов истории в казахской литературе // Казахстан. 1949. Кн. 4. С. 95–98.
286. Жәнісов Ә. Бұқар жыраудың билік шешімдерінің ерекшеліктері // ТураБи. 2006. № 5.
287. Жәнісов Ә. Қанжығалы Бөгенбайдың Қытайға елшіліктері // Қазақ тарихы. 2006. № 6. С. 29–32.
288. Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ТХАЭЭ). Т. I. М.: АН СССР, 1952. С. 461–566.
289. Жеңіс Д. Бөгенбай батырдың жәдігерлері // Егемен Қазақстан. 2001. 14 сәуір. С. 6.
290. Жиренчин К.А. Правовое положение Казахстана в составе Российской империи в XVIII веке // Учен. труды КазГУ им. С.М. Кирова. Юрид. науки. Алма-Ата: КазГУ имени С.М. Кирова, 1974. Вып. 4. С. 26–31.
291. Жиренчин К.А. К вопросу о местной системе управления в Казахстане по реформам 1867–1868 гг. // Учен. труды КазГУ им. С.М. Кирова. Юрид. науки. Алма-Ата: КазГУ имени С.М. Кирова, 1975. Вып. 5. С. 15–22.
292. Жиренчин К.А. Реформы управления 60-х годов XIX в. в Казахстане и их политические и правовые последствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата: ИФиП АН КазССР, 1980. 19 с.
293. Жиренчин К.А. Административное управление и право Казахстана в эпоху империализма и буржуазно-демократических революций // История государства и права Казахской ССР: Уч. пособие. / Под общ. ред. член-корр. АН КазССР С.С. Сартаева. Ч. 1. Алма-Ата: Мектеп, 1982. С. 125–135.

294. Жиренчин К.А. Первые декреты Казахской ССР по борьбе с пережитками патриархально-родового быта // История государства и права Казахской ССР: Уч. пособие / Под общ. ред. С.С. Сартаева. Ч. 2. Алма-Ата: Мектеп, 1984. С. 55–61.
295. Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. Алматы: Жеті жарғы, 1996. 352 с.
296. Жирмунский В.М., Зафиров Х.Т. Узбекский народный героический эпос. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. 522 с.
297. Жүністегі К. Ағыбай батыр қылышының тағдыры // Егемен Қазақстан. 2001. 31 қазан. С. 8.
298. Жұртбай Т. Аяз би кім // Егемен Қазақстан. 2001. 29 тамыз.
299. Забытый. Старый барантач // Сибирский вестник. 1890. № 42.
300. Завалишин И. Описание Западной Сибири. Сибирско-Киргизская степь. Т. 3. М.: В Университетской типографии (Катков и К°), 1867. 145 с.
301. Загряжский Г. Кара-киргизы (этнографический очерк) // Туркестанские Ведомости. 1874. № 41. С. 162–163; № 42. С. 166.
302. Загряжский Г. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. III. СПб.: Туркестанский статистический комитет, 1874. С. 362–371.
303. Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи // ТХАЭЭ. Под общ. ред. проф. С.П. Толстова. Т. I. М.: АН СССР, 1952. С. 319–426.
304. Залкинд Е.М. Очерк истории генезиса феодализма в кочевом обществе. Барнаул: Алтайский ун-т, 2012. 242 с.
305. Заметки о жизни киргизов // Сибирские ведомости. 1890. № 20–22.
306. Записки Петра Кононовича Менькова. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Изд-е В. Березовского, 1898. С. 184–218.
307. Зевелев А., Абдуллаев Ш. Дискуссия о характере национальных движений в Средней Азии и Казахстане в колониальный период // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 173–178.

308. Зеланд. Киргизы. Этнологический очерк // Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Омск, 1885. Вып. II. Кн. 7. С. 1–78.
309. Зиманов С.З. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 63–67.
310. Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата: АН КазССР, 1958. 293 с.
311. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 296 с.
312. Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 172 с.
313. Зиманов С.З. Состояние и задачи разработки проблем обычного права казахов // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1989. С. 8–30.
314. Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008. 224 с.
315. Зиманов С.З. Старейшины уходят в бии // Казахстанская правда. 1996. 15 октября.
316. Зиманов С.З., Кенжалиев З.Ж. Көп әйел алушылықты жою туралы декрет // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алматы: Главная редакция Казахской энциклопедии, 1984. 592 с.
317. Зиманов С.З., Өсеров Н. Қазақ әдет-ғұрып заңдарына шарифаттың әсері. Алматы: Жеті жарғы, 1998. 127 с.
318. Зинуров Р.Н. «Жети жаргы» («Семь установлений») Тауке-хана как великий памятник права: правовой обычай, судопроизводство и наказание // Проблемы востоковедения. 2012. № 4(58). С. 32–37.
319. Златкин И.Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. № 4. С. 72–80.
320. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 470 с.

321. Зугра. Киргизская легенда // Материалы по этнографии киргизов Тургайской области. Оренбург, 1898. 570 с.
322. Зуев А. Киргизский народный суд // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 10. С. 161–208.
323. Ибрагимов И.И. Этнографические очерки киргизского народа // Русский Туркестан. 1872. Вып II. С. 120–152.
324. Ибрагимов И.И. Очерки быта киргизов // Древняя и Новая Россия. 1876. № 9. С. 50–63.
325. Ибрагимов И. Заметки о киргизском суде // Зап. ИРГО по отд. этн. 1878. Т. VIII. № 2. С. 233–257.
326. Ибраева А. О некоторых особенностях правовой культуры казахского народа // Правовая реформа в Казахстане. 2003. № 3(2). С. 27–31.
327. Ибраева А.С. Особенности формирования и развития казахского права «Жарғы» и роль биев в его укреплении // Вестник КазНУ. Серия юрид. 2008. № 3(47). С. 102–105.
328. Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков: Сборник. Тр. ин-та восток-я. Т. VII. М.; Л.: АН СССР, 1935. С. 9–89.
329. Иванов П.П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821–1825 гг. Источники и опыт их исследования. М.; Л.: АН СССР, 1937. 130 с.
330. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М.: Вост. лит., 1958. 248 с.
331. Иванов Ю.Ф. Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79.
332. Идаров С.А. Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область // Журнал МВД. 1854. Ч. 7. Кн. 8. Отд. II. С. 19–54.
333. Из истории Казахстана. XVIII в. // Красный Архив. 1938. № 2(87). С. 129–173.

334. Из Оренбурга // Восточное обозрение. 1883. № 6. С. 8–9.
335. Изразцов Н. Обычное право (“адат”) киргиз Семиреченской области // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. С. 1–36, 67–94.
336. Илюшин Б.А. Вооружение и тактика служилых татар Московского государства (XV–XVII вв.) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2013–2015. № 6. С. 15–26.
337. Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт // Материалы Международной научной конференции. М.: ИВ РАН, 2007.
338. Иомудский Н.Н. Присяга у Закаспийских туркмен // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXIV. Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1909. С. 219–236.
339. Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2. С. 33–60.
340. Исабай Қ. Шоң би (Трилогия). Астана: Елорда, 2005. 672 с.
341. Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.): Очерки становления и развития. Алма-Ата: Гылым, 1990. 272 с.
342. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комис. ЦК ВКП(б); Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 г. М.: Госполитиздат, 1940. 352 с.
343. История государства и права Казахской ССР (С древнейших времен до присоединения Казахстана к России). Учеб. пособие. Вып. 1. Алма-Ата: КазГУ, 1976. 86 с.
344. История государства и права Казахской ССР / Под общ. редакцией член-корр. АН КазССР С.С. Сартаева: Учеб. пособие. Ч. 1. Алма-Ата: Мектеп, 1982. 182 с.
345. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 671 с.

346. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. 2-е изд. испр. и доп. / Под общ. редакцией И.О. Омарова и А.М. Панкратовой. Т. 1. Алма-Ата, 1949. 511 с.
347. История Казахской ССР: В 2-х т. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР. 1957. 609 с.
348. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Т. 3. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 544 с.
349. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Очерк. Алматы: Дәуір, 1993. 416 с.
350. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В 5-ти т. Т. 3. Алматы: Атамұра, 2000. 766 с.
351. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. VIII. Первые английские путешественники в Казахской степи / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006. 312 с.
352. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. V. Немецкие исследователи в Казахстане / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006. 408 с.
353. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. VII. Французские исследователи в Казахстане / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006. 272 с.
354. История Казахстана в персидских источниках. Т. V. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 477 с.
355. История Казахстана. Дореволюционный период: Аннотированный библиографический указатель казахских, русских книг и рукописей, хранящийся в фондах ЦНБ МОН РК. Т. 1. Алматы: Комплекс, 2007. 452 с.
356. Кадиркулова Г.К. Политико-административное развитие Семиречья в 1867–1917 гг. // Вестник КазГУ. Сер. истор. 2003. № 2(29). С. 46–48.
357. Казакбаев К. О киргизском народном суде // Киргизская степная газета. 1894. № 46. С. 2–3.
358. Казалинск // Восточное обозрение. 1883. № 16. С. 6–7.

359. Казанцев И.М. Описание киргиз-кайсаков. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1867. 128 с.
360. Казахская Советская Социалистическая Республика / Под ред. Б. Мустафина, Н. Тимофеева. Алма-Ата: Партиздат ЦК КП(б)К, 1938. 96 с.
361. Казахская Советская Социалистическая Республика / Под ред. Н. Тимофеева. Изд. 2-е, исп. и доп. Алма-Ата: Казгосиздат, 1939. 127 с.
362. Казахская ССР. М.: Госполитиздат, 1941. 129 с.
363. Казахский эпос / Под ред. И. Сельвинского. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958. 667 с.
364. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов). Алма-Ата: АН КазССР, 1961. 740 с.
365. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). (Сборник документов и материалов). Алма-Ата: Наука, 1964. 570 с.
366. Казахстан в канун Октября. Сборник статей / Под общ. ред. проф. П.Г. Галузо. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1968. 284 с.
367. Какенова Г.М. Судьбы казахской интеллигенции. Историография вопроса. Астана: ЦНТИ, 2006. 469 с.
368. Камали И.А. Шарифатты ма немесе ғұрыпты ма қалдыруға? // Айқап. 1914. № 12.
369. Канагатова А.М. Преемственная связь этических воззрений Бухар-жырау и Кабан-жырау и их значение в духовной культуре казахского народа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Алматы, 1996.
370. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 343 с.
371. Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 94–114.

372. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 395–435.
373. Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 265–282.
374. Каратаев С.Б., Сейдалин Ж.Ш., Лапин С., Аманшин Д., Нарынбаев А. Итоги советов казахов по религиозно-правовому и земельному вопросу // Айқап. 1914. № 14.
375. Караш Хан Оглы (Иомуд-Хан). Местный суд в Закаспийской области (народный суд). Историко-критический очерк. Ташкент: Типография О.Г.П.У. Турккеспублики, 1922. 59 с.
376. Каспэ С. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. 253 с.
377. Кастанье А. Древности киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии. Т. XXII. Оренбург: Типо-лит. т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1910. Вып. XXII. 332 с.
378. Касымбаев А.Ж. Административно-политические и законодательные нововведения в Младшем жузе в 20–40-х гг. XIX века и их колониальная сущность: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Алматы, 2003. 29 с.
379. Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств XVIII – первой половины XIX в. Т. 2. Хан Айшуак (1719–1810). Личность во взаимодействии с номадным обществом и сопредельными странами. Алматы: Жеті жарғы, 2001. 255 с.
380. Касымжанов А.Х. Потреты: Штрихи к истории Степи. Вып. 1. Алматы: Қайнар, 1995. 128 с.

381. Кәрібаев Б.Б. Жалаңтөс баһадур және XVII ғ. бірінші жартысындағы Қазақ хандығы // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2011. № 1(60). С. 40–44.
382. Кенжалиев З.Ж. Некоторые нормы обычного права в Советском Казахстане в 1917–1920 гг. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1984. № 1. С. 66–71.
383. Кенжалиев З.Ж. Уголовно-правовая борьба с пережитками прошлого в Казахстане в 1920–1924 гг. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 4. С. 82–88.
384. Кенжалиев З.Ж. Декреты Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, отменившие патриархально-феодалные обычно-правовые институты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата: ИФиП КазССР, 1986. 22 с.
385. Кенжалиев З.Ж., Даулетова С.О. Казахское обычное право в условиях Советской власти (1917–1937 гг.). Алматы: Гылым, 1993. 143 с.
386. Кенжалиев З. Көшпелі қазақ қоғамындағы дәстүрлі құқықтық мәдениет (теориялық мәселелері, тарихи тағылымы). Алматы, 1997. 192 с.
387. Кенжебаев Б. Поэтическое творчество С. Торайгырова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1946.
388. Кеннан Дж. Степная жизнь в Сибири. Странствия между коряками и другими племенами Камчатки и Северной Азии. СПб.: В Тип. Хана, 1871. 252 с.
389. К изучению истории. Сборник. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 40 с.
390. Киргизская степная газета: человек, общество, природа. 1888–1902 / Национальная Академия Республики Казахстан; У. Субханбердина. Алматы: Гылым, 1994. 816 с.
391. Киргизский суд и присяга // Восточное обозрение. 1884. № 19. С. 8–9.
392. Киргизы Акмолинской области // Правительственный вестник. 1885. № 8. С. 2.
393. Киргизы. Древний суд биев // Акмол. обл. ведомости. 1888. № 48, 51.

394. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трёх тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 400 с.
395. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. 3-е изд. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 432 с.
396. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 7. М.: Политиздат, 1985. С. 513–543.
397. Кожоналиев С.К. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. Фрунзе: АН КирССР, 1963. 66 с.
398. Козин С.А. Эпос монгольских народов. М.; Л.: АН СССР, 1948. 248 с.
399. Козлов И. Обычное право киргизов // Памятная книжка Акмолинской области. Омск: Тип. Округного Штаба, 1882.
400. Козыбаев М.К. Истины и мифы // Казахстанская правда. 1990. 27 июля.
401. Колдыбаева С.С. Российско-казахские связи в развитии правовых систем в казахской степи в XIX в. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XIX вв.) // II Международная конференция. Тезисы докладов и сообщений / Под ред. А.П. Толочко. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. С. 51–52.
402. Колдыбаева С.С. Генезис государственной власти и права в истории Казахстана (XVII–XX вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Костанай, 2005. 29 с.
403. Компетенция третейского суда у кочевников // Киргизская степная газета. 1898. № 48, 49. С. 1–2.
404. Коншин Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области // Памятная книжка Семипалатинской области. Семипалатинск: Типогр. Семип. Обл. правления и Торгового Дома «П. Плещеев и К^о». 1901. Вып. V. С. 1–182.
405. Копсергенова А.А. Культурное наследие: философские аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2008. 22 с.

406. Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1871. 358 с.
407. Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа // Материалы для географии и статистики России. Т. 1. СПб.: Тип. и хромолит. А.Т. Траншеля, 1880. 488 с.
408. Крадин Н.Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Владивосток, 1987. 161 с.
409. Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
410. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
411. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература РАН, 2006. 557 с.
412. Красовский М.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. СПб.: Тип. Траппеля, 1868. 282 с.
413. Красовский М.И. Образ жизни казахов степных округов. 2-е изд., доп. Астана: Алтын кітап, 2007. 287 с.
414. Краткий курс истории СССР / Под ред. А.В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937. 224 с.
415. Крафт И.И. Принятие киргизами русского подданства // Известия Оренбургского отдела ИРГО. 1897. Вып. XII.
416. Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург: Типография Жаринова, 1898. 214 с.
417. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Типолитография И.И. Жаринова, 1898. 532 с.
418. Крафт И.И. Из киргизской старины: (Султаны, тарханы и бии). Оренбург: Изд-во Ф.Б. Сачкова, 1900. 157 с.
419. Крахалев А.И. Суд и следствие у киргизов Сибири // Юридический вестник. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1888. № 5. С. 23–48.

420. Крахалев А.И. Древний суд биев // Киргизская степная газета. 1888.
421. Крикунов В.П. Вопросы методологии изучения национальных движений в контексте истории присоединения народов юго-восточных окраин к России // Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ). Материалы Всесоюзного «круглого стола» 27–28 июля 1990 г. Целиноград: МГП аль-Фараби, 1991. С. 7–16.
422. Ксенжик Г.Н. Теоретико-методологические аспекты исследования роли Толе би в истории казахского народа // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Толе би и национальная история». Алматы: ИИиЭ им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2013. С. 148–153.
423. Куандыков Б.Ж. Деятельность Айтеке Байбекулы как бия: дис. ... канд. юрид. наук. 2001. 145 с.
424. Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.
425. Кузембайулы А., Абиля Е. История Казахстана. Учебник для вузов. 7-е изд. СПб.: Соларт, 2004. 420 с.
426. Кул-Мухаммед М. Монке-би. История. Личность. Время. Алматы: Аруна. Серия «Знаменитые люди Востока». 2006. 62 с.
427. Культелеев Т.М. Советское уголовное законодательство в борьбе с преступлениями против раскрепощения женщины Казахстана // Известия АН КазССР. 1948. Вып. I. № 50. С. 38–76.
428. Культелеев Т.М. Вопросы уголовного права в обычном праве казахов XVIII и начала XIX веков // Известия АН КазССР. 1950. Вып. II. № 2. С. 52–89.
429. Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления советской власти). Алма-Ата: АН КазССР, 1955. 301 с.
430. Кумганбаев Ж.Ж. Система управления Туркестанским регионом (конец XIX века – начало XX века) // Вестник КазНУ. Серия истор. 2012. № 4(67). С. 65–70.

431. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1972. 156 с.
432. Кумеков Б.Е. О степной цивилизации // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов». Алматы, 2008. С. 42–49.
433. Кун у киргизов // Киргизская степная газета. 1894. № 8. С. 3.
434. Кундакбаева Ж. Проблема политики России в Казахстане в XVII–XIX вв. в отечественной историографии // Вестник КазГУ. Серия истор. 2003. С. 82–86.
435. Курманбаев А. Кого киргизы считают хорошим человеком? // Киргизская степная газета. 1894. № 26. С. 2.
436. Курылев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: МАЭ РАН, 1998. 296 с.
437. Курылев В.П. Соотношение понятий «Средняя Азия» и «Центральная Азия» // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2000–2001 гг. СПб., 2002. С. 11–13.
438. Куфтин Б.А. Киргиз-казаки. Культура и быт. М.: Издание Центрального музея народоведения, 1926. 48 с.
439. Кучкин А.П. Советизация казахского аула. 1926–1929 гг. М.: АН СССР, 1962. 432 с.
440. Кушкумбаев А. Военное дело казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 182 с.
441. Кушнер П. Манапство в горной Киргизии // Революционный Восток. М., 1927. № 2. С. 150–181.
442. К чему иногда ведет партийная борьба // Киргизская степная газета. 1897. № 36. С. 3–4.
443. Кшибеков Д.К. Казахский менталитет: вчера, сегодня, завтра. Алматы, 1999. 200 с.
444. Кшибеков Д.К. Переходные общественные отношения. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1973. 283 с.

445. Кшибеков Д.К. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1984. 233 с.
446. Кшибеков Д.К. Истоки ментальности казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 204 с.
447. Қазақ әдебиеті. Қазақтың жүз би-шешені. 1992. 20, 30 апреля; 7, 14, 28 мая; 1993. 4, 11, 18, 25 июня.
448. Қазақ даланың ойшылдары (XIII–XV ғғ.). 2-кітап. Алматы: Философия және саясаттану институтының компьютерлік-баспа орталығы, 2001. 191 с.
449. Қазақ елінің сот билігі. Алматы: Дидар, 2003. 208 с.
450. Қазақтар: Көшпелікке арналған тоғыз томдық анықтамалық. 2 том: Тарихи тұлғалар / Құраст. Р. Арын, Ф. Келімбетова және т. б. Алматы: IDK-ТИРО, 1998. 533 с.
451. Қазақтың ата заңдары: Құжаттар, деректер және зерттеулер=Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования: В 10-ти томах / Под ред. акад. С.З. Зиманова. Алматы: Жеті жарғы, 2004–2009.
452. Қазақтың тәлімдік ой-пікір антологиясы: Бірінші том (VI ғасырдан XX ғасырдың басына дейінгі кезең) / Ред. алқасы Ш. Шаяхметов және т. б. / Құраст. Қ. Жарықбаев, С. Калиев. Алматы: Рауан, 1994. 224 с.
453. Қаз дауысты Қазыбек би: Энциклопедия. Қарағанды: Болашақ-Баспа, 2011. 654 б.
454. Қайырғалиева К.Ш. Билердің ұлттық ойлау мәдениетіндегі орны: филос. ғылым канд. ... дис. Алматы, 2005. 135 с.
455. Қанайұлы Ш. Шығармалар: Толғаулар, айтыстар, дастандар. Алматы: Ана тілі, 2013. 384 с.
456. Қанжығалы қарт Бөгенбай / Құраст. А. Смайыл. Астана: Фолиант, 2007. 480 с.
457. Қара қылды қақ жарған: (Билер мен шешендер сөздері) / Құраст. І. Есхожин. Алматы: Қайнар, 1995. 256 с.

458. Қарасай батыр (тарихи зерттеулер, өлең-жырлар) / Құраст. С. Абаев, Р. Терлікбаев. Алматы: Санат, 1998. 240 с.
459. Қарылғашов Ж. Бөкенбай баһадур // Қазақ батырлары. № 6(83). Маусым. 2005. С. 4.
460. Қаупынбайұлы Т. Бабалар аманаты: тарихи эсселер, аңыздар, очерктер. Алматы: Жалын, 1996. 253 с.
461. Қашықұлы Ш., Сағымбекұлы Р. Қаздауысты Қазыбек // Орталық Қазақстан. 1993. 24 шілде.
462. Қожа М.Б., Есжан Е.Ә., Байсариева Г.О. Төлебитанудың кейбір өзекті мәселелері // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Толле би и национальная история». Алматы: ИИиЭ им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2013. С. 140–147.
463. Қойгелдиев М. Наурызбай батыр // Парасат. 2006. № 8. С. 2–5.
464. Қорғанбеков С. Уәйіс би, Уәйіс батыр, Уәйіс болыс. Алматы: Қазақстан, 2008. 86 с.
465. Қорғаны – Барақ би // Қазақ тарихы. 2006. № 5. С. 53–55.
466. Қорқытов Б. Атырау билері мен батырлары. Алматы: Өлке, 1992. 121 с.
467. Қорқытов Б. Кіші жүздің билері мен батырлары. Алматы: Өлке, 2009. 528 с.
468. Қосжанов А.С. Сырым Датұлын әрі шешен, әрі би ретінде зерттеу: заң ғылым. канд. ... дис. Алматы, 1995. 176 с.
469. Қуандықов Б. Әйтеке бидің қоғамдық саяси қайраткер ретіндегі өмірінің басты-басты кезеңдері // Казахстанский журнал международного права. 2000. № 3(3). С. 61–66.
470. Қуандықов Б. Әйтеке бидің билік шешімдері. Алматы: Өркениет, 2003. 145 с.
471. Қуандықов Б.Ж. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы билер сотының қызметін құқықтық реттеу // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2012. № 2(62). С. 3–5.

472. Қуанышбеков М. Қазақ билерінің үлгілі билік-шешімдерінің кейбір ерекшеліктері // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2011. № 2(58). С. 17–19.
473. Құранбек А.А., Рамазанова Ә.Х. Дәстүр философиясы // ҚазҰУ хабаршысы. Философия. Мәдениеттану. Саясаттану сериясы. 2012. № 1(38). С. 129–134.
474. Құрманғалиева М. Алдияр ұрпағы // Қазақ батырлары. 1999. № 10. С. 6.
475. Қыдырбайұлы Б. Ел қорғаны – Барақ би // Қазақ тарихы. № 5. 2006. С. 53–55.
476. Қыдырбайұлы Б. Ел билер соты және би мәртебесі хақында // Заңгер. Вестник права РК. 2011. № 3(116). С. 46–48.
477. Ларина Е.И. Казахи в России // Родина. 2004. № 2. С. 98–101.
478. Ларина Е.И. Национальное самосознание и традиционные социальные институты в Центральной Азии // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2012. № 4. С. 66–90.
479. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 85–97.
480. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Кош-агачские казахи-мигранты // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 45–65.
481. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Россия и мусульманский мир, 2008. № 6. С. 63–77.
482. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Традиция в современных формах самоорганизации российских казахов // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 137–154.
483. Левшин А.И. Образ управления и законы [казахов] // Описание Киргиз-казачьих или Киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. Этнографические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. С. 154–186.
484. Лекеров А. О работе тов. Тогжанова «Казахский колониальный аул» // Большевик Казахстана. 1935. № 4(43). С. 78–82.

485. Леонтьев А.А. Обычное право киргиз: Судоустройство и судопроизводство // Юридический вестник. 1890. Т. 5. Кн. 1, 2. С. 114–139.
486. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2007. 688 с.
487. Логутов Н.А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории бывшей Семипалатинской губернии // Записки Семипалатинского отдела общества изучения Казахстана. Вып. XVIII. Т. 1. Семипалатинск, 1929. С. 34–48.
488. Лурье Д. О соотношении классовых сил в нашей стране // Большевик Казахстана. 1935. № 4(43). С. 66–69.
489. Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизация и культуры. М., 1995. Вып. II. С. 252–273.
490. Лурье С.В. От древнего Рима до России XX века: Преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 123–133.
491. Львович Дм. По киргизской степи. Путевые очерки. Петроград: Девриен, 1914. 224 с.
492. Магауин М. Азбука казахской истории: документальное повествование. Алматы: Қазақстан, 1997. 224 с.
493. Мағзұмов М. Билер институты // Ақиқат. 1995. № 9. С. 84–92.
494. Магомедов Ш.Б., Рамазанов А.Х., Исмаилов М.А. Итоги и перспективы исследования обычного права Дагестана // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. С. 36–49.
495. Маев Н. Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1868 год // Материалы для статистики Туркестанского края. Т. II. СПб. 1873. С. 415–426.
496. Мажитов С.Ф. Некоторые моменты методологии изучения национально-освободительных движений // Национальные движения в условиях

колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ). Материалы Всесоюзного «круглого стола» 27–28 июля 1990 г. Целиноград: МГП аль-Фараби, 1991. С. 37–40.

497. Мажитов С.Ф. Жизнь, деятельность и исторические взгляды Е.Б. Бекмаханова: дис. ... канд. истор. наук. Алма-Ата, 1992. 172 с.

498. Мажитов С.Ф. Феномен Толе би в национальной истории и историографии казахов // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Толе би и национальная история». Алматы: ИИиЭ им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2013. С. 105–111.

499. Мажитов С.Ф. Историческая наука Казахстана: современное состояние и тенденции развития. Алматы: АИК, 2013. 318 с.

500. Мажитова Ж.С. Институт биев: подходы и интерпретации в российской и казахстанской историографии. Монография. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2015. 352 с.

501. Мажитова Ж.С. Совет биев и народное собрание в казахском обществе XVIII–XIX веков в оценках современников // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2014. № 12(341). Вып. 60. С. 14–21.

502. Мажитова Ж.С. Place and Role of the Biy Council and People's Assembly in the Traditional Kazakh Society of the XVIII–XIX Centuries (Following the Data of the Pre-Revolutionary Russian Historiography) // Asian Social Science; Vol. 10, No. 20. 2014. P. 129–136.

503. Мажитова Ж.С. Виды доказательств в казахском традиционном суде в отражении российской историографии XIX в.» // История государства и права. 2014. № 23. С. 23–27.

504. Мажитова Ж.С. Институт биев в казахском обществе: к историографии происхождения термина // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 6. С. 37–55.

505. Мажитова Ж.С. Место и роль биев в системе ханской власти в оценках российских исследователей (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А.С. Пушкина. Серия «История». 2014. № 3. С. 91–100.
506. Мажитова Ж.С. Суд биев в казахском традиционном обществе (по материалам дореволюционной российской историографии второй половины XIX – начала XX века) // Вестник Новосибирского государственного ун-та. Серия «История, филология». 2015. Т. 14. Вып. 5. С. 97–103.
507. Мажитова Ж.С. О функциях биев в казахском обществе: некоторые подходы современных российских и казахстанских исследователей к проблеме // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2015. № 1(17). С. 60–67.
508. Майқы би / Құраст. С. Дәуітов. Алматы: ҚАЗАқпарат, 2014. 192 с.
509. Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев // Семипалатинский областной статистический комитет. Вып. I. Материальное право. Омск: Тип. Окружного Штаба, 1886. 82 с.
510. Максаковский В.П. Всемирное культурное наследие. М.: Логос, 2002. 415 с.
511. Максимов Н.Н. Ложные доносы у киргизов // Киргизская степная газета. 1896. № 16.
512. Максимов Н.Н. Изучение киргизского обычного права // Киргизская степная газета. 1896. № 36.
513. Максимов Н.Н. О браке среди киргизов // Киргизская степная газета. 1896. № 39.
514. Максимов Н.Н. Задачи киргизской интеллигенции // Киргизская степная газета. 1896. № 43.
515. Максимов Н.Н. Народный суд у киргизов // Журнал Юридического Общества. 1897. Кн. 7. С. 62–86; Кн. 8. С. 48–80.

516. Максимов Н.Н. О необходимости приступать к составлению сборника «Киргизского обычного права» // Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела И.Р.Г.О. за 1897. Омск. 1899. С. 9–12.
517. Максуди С. Тюркская история и право / Пер. с турецкого Р. Мухамметдинова. Казань: Фэн, 2002. 412 с.
518. Макшеев А. Воспоминания об Осмоловском // Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю А. Макшеева. СПб.: Военная типография, 1896. С. 246–249.
519. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 736 с.
520. Мальцев Г.В., Шапсугов Д.Ю. Предисловие // Обычное право в России: проблемы теории, истории практики. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1999. 368 с.
521. Малышев Н. Обычное семейное право киргиз. СПб.: Типография Губернского Правления, 1902. 103 с.
522. Маметова А. Ораторское слово казахских биев и его роль в истории литературы (на каз. яз.): дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1945.
523. Мамырайым Б.Б. Шешендік сөздердің ұжымдық және даралық сипаты: заң ғылым. канд. ... дис. автореф. Түркістан, 2005.
524. Мамутов А.М. Изменения, происшедшие в законодательстве о преступлениях, ранее именовавшихся пережитками родового быта // Учен. зап. КазГУ. Сер. юрид. Т. XLIX. Вып. 6. Алма-Ата: КазГУ им. С.М. Кирова, 1960. С. 241–264.
525. Мамутов А.М. Преступления, составляющие пережитки патриархально-родового быта. Алма-Ата: Казгосиздат, 1963. 335 с.
526. Марк фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 18–47.

527. Марк фон Хаген. Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 127–162.
528. Маргулан А.Х. Эпические сказания казахского народа: дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1946. 563 с.
529. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: МГУ, 1976. 318 с.
530. Марков Г.Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография. 1970. № 6. С. 74–89.
531. Марков Г.Е. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство. Кемерово. 1980.
532. Марсеков Р. Сайлау и его вредные последствия // Киргизская степная газета. 1899. 28 ноября.
533. Марсеков Р. Киргизский народный суд // Киргизская степная газета. 1900. 2 января.
534. Мартин В. Закон и обычай в Степи: Казахи Среднего жуза и Российский колониализм в XIX веке. Алматы: Санат, 2009. 263 с.
535. Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1984. 176 с.
536. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы: Социнвест, 1995. 320 с.
537. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966. 316 с.
538. Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» – энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. Кн. 2. С. 240–273.

539. Массон М.Е. Прошлое Ташкента (археолого-топографический и историко-архитектурный очерк) // Известия Академии наук УзССР. 1954. № 2. С. 105–132.
540. Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент: АН УзССР, 1955. 590 с.
541. Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времен присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской Социалистической революции) / Сост. М.Г. Масевич. Т. 1. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 441 с.
542. Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата: АН КазССР, 1948. 351 с.
543. Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алматы: Жалын, 1998. 464 с.
544. Машимбаев С.М. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. Алматы: Санат, 1994. 136 с.
545. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских наречий). Т. 1. М.: Вост. Лит, 2010. 461 с.
546. Мәкет. Шариғатты қорғау үшін // Айқап. 1914. № 24.
547. Мәми Қ. Билер институты қазақ халқының сот билігінің құқықтық формасы ретінде // Фемида. 2001. № 2. С. 5–12.
548. Мейендорф Е. Нравы и обычаи киргизов // Северный архив. 1826. Ч. 22. № 16. С. 268–281.
549. Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 246–260.
550. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975. 308 с.

551. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. 428 с.
552. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
553. Моисеев В.А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток. 1995. № 4. С. 22–26.
554. Морозов М. Об истории Казахской ССР // Большевик. 1945. № 6. С. 74–80.
555. Муканов С. Очерки по истории казахской литературы XVIII–XIX вв. для педагогических институтов. Ч. 1. Алма-Ата: Казгосиздат, 1942. 247 с.
556. Мусаева Н.Р. Жыраулар дүниетанымындағы адам мәселесі // Оңтүстік Қазақстан ғылымы мен білімі. 1997. № 5. С. 97–101.
557. Мустафаев М. О формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 97–101.
558. Мұкадес Е. Әйтеке би: Тарихи-философиялық диалогия. Алматы: Жазушы. 2007. 560 с.
559. Мұқанов С. Халық мұрасы. Алматы: Қазақстан, 1974. 236 с.
560. Мұратбаев Н. Ежелгі шежіре деректер // Жұлдыз. 1995. № 7, 8. С. 201.
561. Мұхаметқанұлы Н. Төле би қытай құжаттарында // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Төле би и национальная история». Алматы: ИИиЭ Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2013. С. 157–158.
562. Мыңбатырова Н.Қ. Төле бидің соттық шешімдері және қазақтың әдет-ғұрып құқығы: заң ғылым. канд. ... дис. Алматы, 2003. 117 с.
563. Мыңбатырова Н. Төле бидің би ретіндегі қызметі және билік-шешімдері. Алматы: Қазақ ун-ті, 2010. 152 с.
564. Мякутин А.И. Юридический быт киргизов // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Т. XXV. Вып. XXV. Оренбург: Тип. Тургайск. Обл. Правления, 1911. С. 1–180.

565. Назарбаева Г., Әбжанов Х.М. Қазақстан: Тарих. Тұлға. Теория. Алматы: Дәуір, 2004. 342 с.
566. Назаров Ф. Киргизы // Вестник Европы. 1821. Ч. 119. № 16. С. 314–321.
567. Народный суд в Туркестанском крае // Правительственный вестник. 1870. № 277. С. 2–3.
568. Народы России. Киргизы. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1879. 67 с.
569. Наумова О.Б. Современные этнокультурные процессы у казахов в многонациональных районах Казахстана: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1991. 24 с.
570. Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ). Материалы Всесоюзного «круглого стола» 27–28 июля 1990 г. Целиноград: МГП аль-Фараби, 1991. 120 с.
571. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.
572. Наякшин К. К вопросу о присоединении среднего Поволжья к России // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 108–111.
573. Нәрікбаев М.С. Ұлы билерімізден Жоғарғы Сотқа дейін. Алматы: Атамұра, 1999. 191 с.
574. Небольсин П. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник ИРГО. 1852. Ч. 4. Кн. 1. С. 1–34; Кн. 2. С. 83–113.
575. Негимов С. Шешендік өнер. Алматы: Ана тілі, 1997. 207 с.
576. Недостатки киргизской присяги // Киргизская степная газета. 1894. № 36. С. 1–2.
577. Несколько слов о свидетельских показаниях // Киргизская степная газета. 1895. № 21. С. 1.
578. Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44–48.

579. Нечкина М., Поляков Ю., Черепнин Л. Некоторые вопросы истории советской исторической науки // Коммунист. 1961. № 9. С. 58–70.
580. Никольский А.М. Путешествие на озеро Балхаш и Семиреченскую область // Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО. Омск. 1885. Вып. I. Кн. 7. С. 82–83.
581. Нудель М.А. Уничтожение ханской власти в Младшем жузе: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВИЮН, 1944. 129 с.
582. Нурлин А.Қ. Қазақ әдет-ғұрып құқығы жүйесіндегі билер институты (XVII–XVIII ғасыр): заң ғылым. канд. ... дис. Алматы, 2004. 136 с.
583. Нұржекеұлы Б. Ағынтай батыр // Қазақ әдебиеті. 2000. 21 қаңтар.
584. Нұрмағанбетов Қ. Бұқар жырау және мал-мүлік дауы // ТураБи. 2006. № 6. С. 57–59.
585. Нұрмағанбетов Қ.Е. Бұқар жыраудың саяси-құқықтық көзқарастары және билік шешімдері: заң ғылым канд. ... дис. автореф. Алматы, 2006. 26 с.
586. Нысаналы А. Төле би // Еремен Қазақстан. 25 қараша. 1991. С. 1–16.
587. Нысаналы А. Төле би // Ақтөбе. 1991. 20 декабрь.
588. Нысаналы А. Үш пайғамбар: Төле би, Қаздауысты Қазыбек, Әйтеке би. Алматы: Дәуір, 1992. 184 с.
589. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начал XX в. Т. II. В царской и ранней советской России / Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 272 с.
590. Объединенная научная сессия по вопросам истории народов Средней Азии и Казахстана // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1954. № 3(108). С. 38–47.
591. Объяснение некоторых терминов киргизского судопроизводства // Туркестанские Ведомости. 1873. № 42.
592. О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР // Большевик Казахстана. 1947. № 1. С. 48–52.
593. О древнем судопроизводстве киргизов // Акмол. обл. ведомости. 1888. № 51.

594. О древних союзах киргиз-кайсаков. СПб.: Типография С. Добродеева. 1886.
595. О киргиз-кайсаках Средней Орды. Нравы Киргиз-кайсаков // Сын Отечества. Т. 4. СПб., 1829. Ч. 126. С. 342–354.
596. Омари Ж. Қаздауысты Қазыбек би. Оқу құралы. Астана: Фолиант, 2000. 320 с.
597. Омари Ж. Қанжығалы қарт Бөгенбай (Қазақтың қамал-қорғаны). Астана: Фолиант, 2007. 408 с.
598. Омаров И. За марксистско-ленинскую разработку проблем истории Казахстана // Большевик Казахстана. 1951. № 5. С. 6–18.
599. Омарханов Қ. Қазақ елінің дәстүрлі құқығы. 1-кітап. Астана: Елорда, 2003. 277 с.
600. Омарханов Қ. Дәстүрлі құқықтағы билер соты. 2-кітап. Алматы: Кітап «Заң» Медиа-корпорациясы, 2008. 320 с.
601. О народном суде // Киргизская степная газета. 1894. № 21. С. 1–2.
602. О некоторых вопросах истории народов Средней Азии // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 3–15.
603. О нравах киргизов во время партийных раздоров // Киргизская степная газета. 1898. № 49. С. 2.
604. О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения) // Вопросы истории. 1956. № 1. С. 75–80.
605. О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. 1945. № 6. С. 49–50.
606. Оразбаева А.И. Историческая роль и социальное значение института бийства в истории казахского народа // Саясат. 1997. № 5. С. 99–103.
607. Оразбаева А.И. Қазақ қоғамындағы билер институты: тарихи бастаулары, орны және рөлі (XVIII ғасыр): тарих ғылым. канд. ... дис. Алматы, 1998. 151 с.
608. Оразбаева А.И. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы тән билер институты. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 206 с.

609. Оразбаева А.И. Цивилизационные особенности социокультурного развития традиционного казахского общества в XV–XVIII вв. (Теоретические и методологические проблемы): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алматы, 2005.
610. Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 307 с.
611. Оразбаева А.И. К вопросу о природе казахской государственности // Түркологиялық жинақ. Астана: Сарыарқа, 2012.
612. Оразбекова С.А. Қазақ даласындағы билер институтының пайда болуы мен қалыптасуы // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2008. № 3(47). С. 135–137.
613. Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.: АН СССР, 1945. 148 с.
614. О судопроизводстве в Букеевской Орде // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 66. С. 297–298.
615. О судопроизводстве в степных областях // Киргизская степная газета. 1895. № 49. С. 2.
616. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 106 с.
617. ОТЧЕТ по ревизии Туркестанского края, произведенной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб.: Сенатская типография, 1909. 223 с.
618. ОТЧЕТ по ревизии Туркестанского края, произведенной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Правовой быт туземного населения. СПб.: Сенатская типография, 1910.
619. Өзбекұлы С. Абай және адам құқы. Алматы: Жеті жарғы. 1995. 112 с.
620. Өзбекұлы С. XVII ғасырдың соңы – XX ғасырдың бас кезіндегі Қазақстандағы саяси-құқықтық ой-пікірдің тарихы және қайраткерлері: заң ғылым. докт. ... дис. Алматы, 1999. 283 с.

621. Өзбекұлы С. Право кочевой цивилизации казахов. Алматы: Мектеп, 2002. 224 с.
622. Өзбекұлы С. Қазақстанның саяси-құқықтық ой-пікір тарихының өзекті мәселелері. Алматы: Білім, 2004. 128 с.
623. Өсерова А.Н. Қазақ әдет-ғұрып заң нормаларындағы тәлім-тәрбие тағылымдары: заң ғылым. канд. ... дис. автореф. Тараз, 2007. 30 с.
624. Өсерұлы Н. Қазақтың әдет-ғұрпына шарифаттың әсерін зерттеу: заң ғылым. докт. дис. автореф. Алматы, 1999. 28 с.
625. Павлов А.А. Губернатор И.И. Крафт. Якутск: Бичик, 2011. 208 с.
626. Павлодарский уезд Семипалатинской области (экономический очерк) // Киргизская степная газета. 1881. № 41. С. 1–3.
627. Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I–III. СПб.: Издат. Имп. Академия наук, 1773–1809.
628. Обычное право киргизов // Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882. 394 с.
629. Панкратова А.М. Основные вопросы истории Казахской ССР (К выходу в свет книги «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней») // Большевик Казахстана. 1943. № 10. С. 17–25; № 11–12. С. 22–31.
630. Партийная вражда // Киргизская степная газета. 1894. № 3. С. 1–2.
631. Перфильев А.Л. Межродовые конфликты казахов и их урегулирование: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2011. 30 с.
632. Пищулина К.А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI века (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. 288 с.
633. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.
634. Повысить роль исторической науки в идеологической работе // История СССР. М.: АН СССР. 1963. № 4. С. 4–9.

635. Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М.: Издание Совнаркома К.А.С.С.Р., 1930. 385 с.
636. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная Новь, 1923. 392 с.
637. Пол В. Верт. От сопротивления к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская историография в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 48–82.
638. Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды. Сборник / Ред.-сост.: Д.Ю. Арапов и др. М.: Изд. дом Марджани, 2015. 606 с.
639. Полное собрание законов Российской империи. Т. I. XIX. № 17998. Отд. 1.
640. Положение следственной части в киргизских степях // Юридический вестник. 1889. № 9. С. 165–170.
641. Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во МГУ, 1980. 168 с.
642. Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовка научных кадров в области истории // Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 г. М.: Наука, 1964. 518 с.
643. Попова Л.Ф. Обычное право как фактор этнического самосознания казахов XIX века // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. СПб.: МАЭ РАН, 2002. С. 35–37.
644. Поршнева Б.Ф. Очерки политической экономии феодализма. М.: Госполитиздат, 1956. 207 с.
645. Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // Правда. 1937. № 231. 22 августа. С. 2.

646. Потанин Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина. Вып. I–II. Петроград: Типография В.Д. Смирнова, 1916. С. 47–198.
647. Потапов Л.П. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 73–89.
648. Почекаев Р.Ю. Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии (после империи Чингисхана) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М.: Изд. дом «Стратегия», 2006. С. 164–175.
649. Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Заңгер. 2008. № 4(81). С. 51–58.
650. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн АН РТ, 2009. 260 с.
651. Поэзия жырау и акынов / Пер. с казах. О. Жанайдарова. Астана: Аударма, 2009. 304 с.
652. Примерная тематика диссертационных работ, разработанная координационным научным советом АН КазССР по истории Казахстана // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1982. № 4. С. 81–84.
653. Присяга у киргиз // Киргизская степная газета. 1894. № 11. С. 2.
654. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1. (V в. до н.э. – XVIII в. н.э.) / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова и проф. П.А. Кунте. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1935. 298 с.
655. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 2 / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1936. 293 с.
656. Пугаченкова Г.А. Мавзолей Калдыргач-бия // Известия АН КазССР. Серия архитектурная. 1950. Вып 2. № 80. С. 90–94.
657. Пясковский А.В. Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа – важнейшее прогрессивное

последствие присоединения Средней Азии к России // Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Доклады. Ташкент: АН УзССР, 1959. С. 56–131.

658. Раджабов С. Присоединение Средней Азии к России // Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Доклады. Ташкент: АН УзССР, 1959. С. 5–55.

659. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах // Записки Императорской академии наук. Т. 72. Кн. 1. СПб., 1893. С. 1–130.

660. Радлов В.В. Заметки о киргизах // Лит. Киргизстан. 1989. № 2. С. 112–119.

661. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. СПб.: Российская Императорская Академия наук, 1911. Ч. 2. 2230 с.

662. Раев Д.С. Қазақ шешендік сөз өнерінің элеуметтік-философиялық негіздері: филос. ғылым канд. ... дис. автореф. Алматы, 2003.

663. Раритеты декоративно-прикладного искусства казахов за рубежом. Алматы: Таймас, 2008. 203 с.

664. Расторгуев Ив. В добрый час! // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Вып. I. Оренбург: Типография М.Н. Махова, 1921. С. 3–4.

665. Рахметов В. Образование Российской империи // Книга для чтения по истории народов СССР / Под общей ред. М.Н. Покровского. Т. 1. Харьков: Пролетарий, 1930. С. 88–137.

666. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.

667. Реформатор земли Якутской губернатор Иван Иванович Крафт. 1906–1913 / Сост. А.А. Калашников. Якутск: ОАО Медиа-холдинг «Якутия», 2011. 376 с.

668. Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. 382 с.

669. Российская историография в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. 696 с.
670. Трепавлов В.В. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М.: Наука, 2003. 376 с.
671. Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху / С.Е. Григорьев, Н.Н. Дьяков; ред. С.М. Иванов; С-Петербур. гос. ун-т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 150 с.
672. Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова. СПб., 1903. Т. XVIII. Киргизский край. 1903. Т. XIX. Туркестанский край. С. 378–379.
673. Россия – Средняя Азия. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – начале вв. XX. М.: ЛЕНАНД, 2011. 469 с.
674. Рсымбетов Ж. Төле би һәм оның заманы // Оңтүстік Қазақстан. 1991. 16 қаңтар.
675. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб.: б.и., 1910. 66 с.
676. Рыскулов Т. О «казахском колониальном ауле» // Большевик Казахстана. 1935. № 4 (43). С. 70–77.
677. Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб.: Императорская академия наук, 1772. 104 с.
678. Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Оренбургский губернский статистический комитет, 1896. 99 с.
679. Рязанов А.Ф. Батыр Сырым Датов // Советская Киргизия. Оренбург. 1924. № 10. С. 94–112.
680. Рязанов А.Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость Казакского народа (1797–1838 г.). Очерки по истории национального движения

- Казакстана. В 2-х ч. Т. 7. Кзыл-Орда: Труды О-ва изучения Казакстана. 1926. Вып. II. С. 5–300.
681. Рязанов А.Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836–1838 г.). Очерки по истории национального движения казакского народа. Ташкент, 1927. 103 с.
682. Рязанов А.Ф. Набеги хивинцев и туркмен в Киргизскую степь в 1848 г. (По архивным документам) // Труды Общества изучения Киргизского края. Т. 5. Вып. 2. Оренбург, 1925. С. 3–22.
683. Сабатаев С. Суд аксакалов и суд третейский у киргизов Кустанайского уезда, Тургайской области // Этнографическое обозрение. М.: Т-во скоропечатания А. А. Левенсон, 1900. № 3. С. 66–72.
684. Савва Большой. Записки о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах // Сын Отечества. 1822. Ч. 80. С. 49–68.
685. Сағатова Ә.С. Қазақ рухани дүниесіндегі даналық мәселесі (XVII–XVIII ғғ.): филос. ғылым канд. ... дис. автореф. Қарағанды, 2001.
686. Салиев А.Л. О планах царской власти по упразднению народных судов кочевого населения Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 3. С. 62–65.
687. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: Типография И. Носковского, 1876. 282 с.
688. Самоуправление наших далеких окраин. Иностранческие суды. Обычное право // Хроника. Юридическая Летопись. 1892. Т. I. № 1. С. 66–84.
689. Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири. 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 199–227.
690. Сапарғалиев М.С. Возникновение Казахской советской государственности (1917–1920 гг.). Алма-Ата: АН КазССР, 1948. 128 с.

691. Сапарғалиев М.С. Организация советского суда в Казахстана (октябрь 1917 – июль 1918 гг.). Алма-Ата: АН КазССР, 1954. 68 с.
692. Сапарғалиев М.С. Очерк по истории советского суда в Казахстане (1918–1920 гг.). Алма-Ата: АН КазССР, 1955. 66 с.
693. Сапарғалиев М.С. История народных судов Казахстана (1917–1965). Алма-Ата: Казахстан, 1966. 447 с.
694. Сарсекеев Б.С. Мир кочевника. Алматы: Атамұра, 2007. 104 с.
695. Сартаев С.С. Казахский суд биев и его цивилизационное значение // Вестник КазНУ. Серия юрид. 2008. № 4(28). С. 152–156.
696. Сатпаев К.И. Ер Едиге. М.: б.и., 1927.
697. Сафарғалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 274 с.
698. Сафаров Г.И. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М.: Госиздат, 1921. 148 с.
699. Сәрсекеев Мұғалім Хафиз. Дұрыстық // Айқап. 1914. № 8.
700. Северный Кавказ в составе Российской империи / Д.Ю. Арапов, И.Л. Бабич, В.О. Бобровников и др. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
701. Семейная распря в Киргиз-кайсацкой степи // Час досуга. 1861. № 9. С. 222–236; № 10. С. 245–276.
702. Семенюк Г.И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин: Изд-во КГУ . 148 с.
703. Сербаринов Г. Исятай Тайманов (Очерк народного движения в Букеевской орде в 1737–38 гг.) // Труды Общества изучения Киргизского края. Т. 5. Вып. II. Оренбург, 1925. С. 1–20.
704. Серімов Е.Е. Сот төрелігінің тілмарлығы: тарихы және қазіргі жағдайы: заң ғылым. канд. ... дис. Алматы, 2005. 150 с.
705. Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 362 с.

706. Сириус М.Г. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1926. № 3. С. 3–15.
707. Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 509 с.
708. Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XV. Оренбург: Тург. обл. типо-лит., 1905. 158 с.
709. Сматаев С. Қаздауысты Қазыбек // Егемен Қазақстан. 1991. 16 қараша.
710. Смирнов А.П. Быт и нравы киргизов. СПб.: Постоян. комис. по устройству нар. чтений, 1892. 27 с.
711. Собрание киргизских законов и положение на оные Омского временного комитета // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алматы: Жалын, 1998. С. 35–91.
712. Советская историография. М.: РГГУ, 1996. Кн. 2. 592 с.
713. Созақбаев С. Тәуке хан және Жеті Жарғы. Алматы: Санат, 1994. 48 с.
714. Соколовский В.Г. Казакский аул. Ташкент: КазЦСУ, 1926. 55 с.
715. Соловьев М.Н., Фальковский А.М. Об издании гражданского уложения Российской Империи с изложением причин необходимости отмены местных сводов гражданских узаконений, ныне действующих, и указанием основных положений, могущих служить к объединению в России гражданского права // Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 году. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1882. С. 59–99.
716. Солтиева Б.Ш. Ел қорғаған – батыр әулиелер // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2010. № 2(57). С. 252–257.
717. Сотников И. Несколько слов о возможности учреждения миссии между киргизами Средней орды // Православное обозрение. 1872. С. 771–790.
718. Сөз тапқанға қолқа жоқ. Алматы: Жазушы, 1988. 608 с.
719. Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // Сибирский Вестник. Ч. 9. СПб. 1820. С. 51–58; 93–131; Ч. 10. С. 167–196.

720. Сперанский М.М. Письма к дочери / Сост. Н.В. Куксанова. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 196 с.
721. Спор. Киргизская сказка // Тургайская газета. 1898. № 36.
722. Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии / Под ред. Ю.И. Пославского, Г.Н. Черданцева. Ташкент: ТЭС, 1922. 128 с.
723. Сталин И.В. Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1946. 428 с.
724. Стеблин-Каменская М.И. К вопросу о движении К. Касымова // Истор. зап. АН СССР. 1941. № 7. С. 235–254.
725. Степанов Б. Об идеологических ошибках работников общественных наук Казахстана // Большевик Казахстана. 1947. № 1. С. 34–47.
726. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Сост., автор вступ. статьи, коммент. и глоссария А.А. Никишенков; под общ. ред. Ю.И. Семенова. М.: Старый сад, 2000. 288 с.
727. Суаннан шыққан сегіз би (тарихи-деректі аңыздар) шежіре. Алматы: Жалын, 1998. 144 с.
728. Суд бия Бальтекея // Восточное обозрение. 1885. № 49–50. С. 17–20.
729. Сулейменов Б.С. Подготовка реформы 1867–1868 гг. в Казахстане // Изв. КазФАН СССР. 1946. № 2(27). С. 137–148.
730. Сулейменов Б.С. Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867–1868 гг. // Вестник АН КазССР. 1951. № 2. С. 118–126.
731. Сулейменов У. Ақпан батыр: ол туралы // Қазақ батырлары. 2001. № 11. С. 4.
732. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. 144 с.
733. Султан Мендали Пиралиев. Из Зауральской степи. (Письма к редактору «Дня») // День. 1862. № 28. С. 5–7; № 32. С. 12–14; № 35. С. 12–15.
734. Султангазин Д. Власть казахов в прежние времена // Дала уалаяты. 1888. № 51.

735. Султангалиева Г. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // Acta Slavica Iaponica. Tomus 27 (2009). Journal of Slavic Research Center, Hokkaido University. С. 77–101.
736. Султанов Т.И. «Семь установлений» – памятник права казахов XVII в. // Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. С. 64–77.
737. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
738. Султанов Т.И. Рождение казахской государственности. История Казахского ханства. Алматы: Мектеп, 2003. Серия «Слово седьмое». 160 с.
739. Супатаев М.А. К проблематике цивилизационного подхода к праву: (очерки общ. теории и практики). М.: Юрлитинформ, 2012. 142 с.
740. Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан: (Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России). М.: Издательство «Известия» Управление делами Президента Российской Федерации, 2005. 246 с.
741. Сыздықова Р. Қадырғали би Қосымұлы және оның жылнамалар жинағы. Алматы: Қазақ университеті, 1991. 272 с.
742. Тавакалян Н. По поводу письма М.В. Нечкиной «К вопросу о формуле “наименьшее зло”» // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 101–107.
743. Таказов Ф.М. Эволюция правовой культуры народов Северного Кавказа // Традиционные формы обычного права как инструмент регулирования общественных отношений // Материалы республиканской научно-практической конференции. Владикавказ, 2012. С. 86–91.
744. Тарих өткелдеріндегі Төле би / Құраст. Ә.А. Кембаев. Алматы: Өнер, 2010. 272 с.
745. Тасмагамбетов И. Введение // Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 3–7.

746. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Избранные произведения / Под общ. ред. С.Н. Валка. Л.: Наука, 1979. 463 с.
747. Таукелев А.Н. Политические идеалы Бухара жырау // Учен. труды КазГУ. Т. 8. Сер. юрид. Вып. 8. Алма-Ата, 1967. С. 103–113.
748. Темиргалиев Р. Казахи и Россия. М.: Междунар. отношения, 2013. 352 с.
749. Терентьев М. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. № 9. С. 65–112; № 11. С. 142–172.
750. Тефкелев М. Донесение М. Тефкелева в коллегии иностранных дел. 5 января 1732 г. // Красный архив. 1936. № 5(78). С. 187–225.
751. Тілеу-Қабак (ғылыми мақалалар жинағы). Ақтөбе: Қабак Баба, 2010. 127 с.
752. Тимофеев Н., Федоров С. Борьба казахов в 1837 г. за свою независимость // Большевик Казахстана. 1940. № 4. С. 67–80.
753. Тлеужанов М. Сырым батыр және оның шешендік сөздері. Орал, 1991.
754. Тлепина Ш.В. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1938–1991 гг.): дис. ... докт. юрид. наук. Алматы, 2005. 356 с.
755. Тогжанов Г. О казакском ауле. К-Орда: Казгиз, 1927. 71 с.
756. Тогжанов Г. Казакский колониальный аул / Под ред. А.М. Авигодора. Ч. 1. М.: б.и., 1934. 111 с.
757. Тоғысбаев Б. Қадыр Әлі би // Парасат. 2001. № 6. С. 7–8.
758. Тоғысбаев Б. Ескелді би // Парасат. 2002. № 5. С. 18–19.
759. Токсанбаева Ш.А. Этносемантическое и стилистическое своеобразие в переводе // Вестник КарГУ им. Е.А. Букетова. Серия филол. 2013. № 1(69). С. 154–158.
760. Тоқтабай А.У. Төле би өмірі мен қызметі және мавзoleyі // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Төле би и национальная история». Алматы: ИИиЭ им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2013. С. 153–157.
761. Төле – великий би / Сост. Т. Умиралиев. Алматы: Б.и., 1993. 51 с.

762. Төле би и национальная история // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Төле би и национальная история». Алматы: ИИиЭ им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2013. С. 105–222.
763. Толыбеков С.Е. О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. № 1. С. 75–83.
764. Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках. Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. 448 с.
765. Толыбеков С. Е. К вопросу о правильном определении общественно-экономического строя казахов в XVIII в. и позже (*Ответ на статьи А. Сабырханова, напечатанные в журнале «Известия АН КазССР, серия общественная».* 1969. № 2, и в книге «Казахстан в XV–XVIII веках». Алма-Ата: Наука, 1969) // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1970. № 3. С. 45–62.
766. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX веков. Алма-Ата: Наука, 1971. 633 с.
767. Толыбеков С.Е., Рахлис Л.А., Исаева М.Г. Об особенностях перехода Казахстана к социализму, минуя капиталистическую стадию развития // Вестник АН КазССР, 1957. № 8(149). С. 42–58.
768. Толыбеков С.Е., Рахлис Л.А., Исаева М.Г. Переход Казахстана от полуфеодалной колониальной экономики к социалистической, минуя капиталистическую стадию развития // Труды Института экономики АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1960. С. 3–88.
769. Тохтабаева Ш.Ж. Этикет казаков. Алматы: Дайк-Пресс, 2013. 500 с.
770. Төле би / Құраст. С. Дәуітов. Алматы: Мұраттас, 1991. 80 с.
771. Төле би / Құраст., алғы сөзін жазған С. Дәулетұлы. Алматы: ҚазАқпарат, 2008. 360 с.
772. Төле би. Алматы: ҚАЗАқпарат, 2011. 192 с.
773. Төле би – қазақ тарихының биігінде. Шымкент: «Кітап» ЖШС, 2013. 436 с.
774. Төрөкүл Н. Қазақтың 100 би-шешені. Алматы: Қазақстан, 1995. 384 с.

775. Төрөкүл Н. Билер сөзі – ақылдың көзі. Алматы: Қазақстан, 1996. 240 с.
776. Төрөкүл Н. Даланың дара ділмарлары. Алматы: ЖШС «Қазақстан» баспа үйі, 2006. 592 с.
777. Төрөкүлов Н., Қазбеков М. Қазақтың би-шешендері. 1, 2 кітап. Алматы: Жалын, 1992. 400 с.
778. Төрөкүлов Н. Төле би. Биліктері, толғаулары, тапқырлықтары, шешендік сөздері, өсиеттері. Алматы: Дәуір, 1992. 184 с.
779. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.
780. Трепавлов В.В. Орда самовольная. Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2015. 224 с.
781. Тронов В. Д. Обычай и обычное право киргиз // ЗРГО по отделению этнографии. СПб.: Скоропечатня П. О. Яблонского, 1891. Т. XVII. Вып. II. С. 71–86.
782. Тулепбаев Б.А., Козыбаев М.К., Дахшлейгер Г.Ф. Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения истории Казахстана // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 5–29.
783. Турекулов Н. Современное казахское устно-народное и индивидуальное творчество: дис. ... докт. филол. наук. Ташкент, 1984. 351 с.
784. Турсунова М.С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. 184 с.
785. Турсынов Е.Д. Генезис казахской бытовой сказки. Алма-Ата: Наука, 1973. 216 с.
786. Түсіпбаева М.Б. Ақын-жыраулар мұраларындағы эстетикалық тәрбие ойлары (XVIII–XIX ғғ.): педаг. ғылым. канд. ... дис. Алматы, 2009. 149 с.
787. Тынышпаев М. Отзыв о труде А.П. Чулошникова по истории казак-киргизского народа: Очерки. Кызыл-Орда: Издание общества изучения Казахстана, 1926. 16 с.

788. Тынышпаев М. Киргиз-казаки в 17 и 18 веках. Кызыл-Орда: Об-во изучения Казахстана, 1928. 14 с.
789. Узбекулы С. Хан Тауке и правовой памятник «Жеті Жарғы». Алматы: Өркениет, 1988. 88 с.
790. Урозбаева Г.А. Обычное право кочевых народов Евразии: общее и особенное (сравнительный анализ): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Алматы, 2007. 30 с.
791. Урозбаева Г. Эволюция казахского обычного права кочевых народов Центральной Азии // Евразийское сообщество. 1998. № 1. С. 151–157.
792. Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР: Протоколы. Алма-Ата–М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. 128 с.
793. Фазыл Юлдаш. Алпамыш. Узбекский народный эпос. Ташкент: Госиздат, 1944. 127 с.
794. Федотова И. Суд биев как демократический институт отправления правосудия в казахском традиционном обществе // Вестник Челябинского гос. ун-та. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2006. № 3. С. 134–137.
795. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Московский университет, 1973. 181 с.
796. Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1981. 224 с.
797. Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана; СПб.: ТОО «Юридическая книга Республики Казахстан»; ООО «Универс. изд. консорциум “Юридическая книга”», 2008. 810 с.
798. Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): институты: идеи, люди. М.; Н. Новгород, 2010. 208 с.
799. Хазанов А.М. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. М.: Наука, 1973. 15 с.
800. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 336 с.

801. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
802. Хайдаров Б.Б. Би билігінің танылуының заңи қыры // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2008. № 4(28). С. 189–193.
803. Харузин А.Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская Орда). Странички из записной книги. М.: А.А. Левенсон и К^о, 1888. 192 с.
804. Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М.: Типография А. Левенсон и К^о, 1889. С. 157–260.
805. Харузин А.Н. К вопросу о происхождении киргизского народа // Этнографическое обозрение. 1895. № 3. С. 49–92.
806. Хафизова К.Ш. Внешнеполитическая деятельность Толе би // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Толе би и национальная история». Алматы: ИИиЭ им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2013. С. 128–140.
807. Ходжа Мухаммед-Салих Бабаджанов. Заметки киргиза о житье-бытье и участи его родичей // Санктпетербургские ведомости. 1861. № 136. С. 781–782.
808. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск: Русич, 2001. 512 с.
809. Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
810. Чулошников А.П. Отчет о деятельности Общества изучения Киргизского края со дня открытия О-ва (15-го октября 1920 г.) до 1 января 1921 года // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. 1921. Вып. 1. С. 99–110.
811. Чулошников А.П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Древние время и средние века. Оренбург: Киргизское государственное издательство, 1924. 293 с.

812. Чулошников А.П. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII–XVIII вв. // Известия АН СССР. Отд. общест. наук. 1936. № 3. С. 497–524.
813. Шакаев Г.Б. Свидетельские показания в процессуальном праве казахов. Научная конференция, посвященная 30-летию КазГУ им. С.М. Кирова. Алма-Ата: КазГУ им. С.М. Кирова, 1964. С. 34–37.
814. Шакаев Г.Б. К вопросу о классовой природе и тенденциях развития казахского обычного судебно-процессуального права в пореформенный период истории Казахстана // Итоговая научная конференция преподавателей юридического фак-та КазГУ им. С.М. Кирова. Алма-Ата: КазГУ им. С.М. Кирова, 1965. С. 51–54.
815. Шакаев Г.Б. Процессуальное обычное право казахов второй половины XIX и начала XX веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1966. 21 с.
816. Шакаев Г.Б. Судебное разбирательство по обычно-процессуальному праву казахов // Учен. труды КазГУ. Т. 8. Сер. юрид. Вып. 8. Алма-Ата, 1967. С. 79–90.
817. Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. 99 с.
818. Шангин И.П. Извлечения из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 году // Сибирский вестник. 1820. Ч. 9. С. 146–150.
819. Шантуов Ж. Ер Қасабай // Парасат. 2006. № 12. С. 28–29.
820. Шапақ У. Қалмақ хандығының мемлекеттік құрылысы және құқықтық жүйесі (1664–1771 жж.): заң ғылым. докт. ... дис. автореф. Астана, 2010. 48 с.
821. Шардай Қарасарт баласы. Тағы да қазақ дауы, би һәм билік // Айқап. 1914. № 10.
822. Шарипов К. По марксистки освещать историю Казахстана // Большевик Казахстана. 1949. № 9. С. 38–47.

823. Шахматов В.Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата: АН КазССР, 1946. 252 с.
824. Шахматов В.Ф. Есет Котибаров (К вопросу о вооруженном выступлении казахов против царизма в 1855–1857 гг. под руководством батыра рода шекты Есета Котибарова) // Известия КазФАН СССР. Сер. истор. Вып. 2(27). 1946. С. 106–127.
825. Шахматов В.Ф. К вопросу о классовой борьбе в Казахстане в первой половине XIX в. // Большевик Казахстана. 1951. № 11. С. 35–43.
826. Шахматов В.Ф. К вопросу о сущности и специфике патриархально-феодалных отношений у кочевников // Вестник АН КазССР. 1951. № 7. С. 18–36.
827. Шахматов В.Ф. Основные черты казахской патриархально-феодалной государственности // Известия АН КазССР. Сер. история, археология и этнография. Вып. 3(11). Алма-Ата. 1959. С. 67–79.
828. Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (Вопросы образования, эволюции и разложения). Алма-Ата: АН КазССР, 1964. 207 с.
829. Шаяхмет А. Тоқсан би // Парасат. 2002. № 10. С. 29.
830. Шәкәрім. Би һәм билік туралы // Қазақ газеті. 1914. № 165.
831. Шәңкі би // Заң. 2004. № 4. С. 73–75.
832. Швецов С. Обычно-правовые воззрения алтайцев и киргиз. Брачные и семейные отношения // Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1898. Т. XXV. С. 1–16.
833. Швецов С.П. Быт и природа Казахстана // Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства в Казакской АССР. Л.: Академия художеств, 1926. С. 93–105.
834. Шоинбаев Т. Восстание сырдарьинских егинши (1856–1857 гг.) // Известия КФАН СССР. Сер. истор. 1946. Вып. 2(27). С. 128–137.

835. Шоинбаев Т.Ж. Восстание сыр-дарьинских казахов. Алма-Ата: АН КазССР, 1949. 106 с.
836. Шоинбаев Т.Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата: Казахстан, 1973. 247 с.
837. Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 279 с.
838. Шоинбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана // Правда. 1950. 26 декабря. С. 2–3.
839. Шунаева С.М. Жизнь и научная деятельность проф. М.П. Вяткина (в связи с разработками проблем истории Казахстана): дис. ... канд. истор. наук. Костанай, 2003. 130 с.
840. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
841. Эфендиев М.М., Першиц А.И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 11. С. 65–71.
842. Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области // Русский Вестник. 1880. Т. 146. С. 799–832.
843. Юшков С.В. История государства и права СССР // Изд. 2-е, доп. и перераб. Ч. 1. М.: Юриздат, 1947. 766 с.
844. Юшков С.В. Основные вопросы истории казахского государства // Известия АН КазССР. Сер. юрид. Алма-Ата. 1951. Вып. 3. С. 77–90.
845. Якунин А.Ф. Освободительное движение трудящихся казахов в 1836–1838 гг. // Большевик Казахстана. 1939. № 6. С. 24–32.
846. Якунин А., Шахматов В. Восстание в Казахстане 50-х гг. XIX в. // Известия КазФАН СССР. Сер. истор. Алма-Ата: Казахское гос. издательство, 1940. Вып. 1. С. 63–94.
847. Якунин А. К вопросу об оценке характера национальных движений 30–40-х годов XIX в. в Казахстане // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 55–64.

848. Allworth E. *Central Asia: a century of Russian rule*. N.Y.; London: Columbia Univ. Press, 1967. 552 p.
849. Bacon E. *Soviet Policy in Turkestan* // *Middle East Journal*. Washington, 1947. P. 386–400.
850. Bacon E. *Central Asians under Russian rule: a study in culture change*. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1965. 273 p.
851. Becker S. *Russia's protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva 1865–1924*. L., 1968. 440 p.
852. Boulger D.Ch. *England and Russia in Central Asia*. Vol. 1. London: W.H. Allen & CO, 1879. 345 p.
853. Brower D. *Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflicts in the Turkestan Revolt of 1916* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1995. Vol. 44. P. 41–53.
854. Burbank J. *Discipline and Punish in the Moscow Bar Association* // *The Russian Review* 54. 1995. № 1. P. 45–48.
855. Burbank J., Cooper F. *Empires in world history: power and the politics of difference*. Princeton: Princeton univ. press, 2010. 511 p.
856. Caroe O. *Soviet empire: the Turks of Central Asia and stalinism*. London: Macmillan, 1954. 308 p.
857. Carrere d'Encausse H. *Russes et Musulmans en Asie Centrale* // *Civilization*, 1955. Vol. 5. № 1. P. 1–14.
858. Carrere d'Encausse H. *Linguistic Russification and Nationalism opposition in Kazakhstan* // *The East Turkic Review*, 1958. № 1. P. 97–100.
859. Carrere d'Encausse H. *Systematic Conquest, 1865 to 1884* // *Central Asia: A Century of Russian Rule*. N. Y., 1967. P. 224–253.
860. *Central Asia. 130 years of Russia dominance, a historical overview*. 3d edition. Durham and London: Duke University Press, 1994. 651 p.
861. Dallin D.J. *The Rise of Russia in Asia*. New Haven, 1949.

862. Demko G. The Russian colonization of Kazakhstan, 1896–1916. Bloomington: Indiana Univ., 1969. 271 p.
863. Fox-Holmes G. The social structure and customs of the Kazakhs // Central Asian Review. 1957. Vol. V. № 1.
864. Griffiths J. What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. № 24.
865. Hostler Ch.W. Turkism and the Soviets: the Turks of the world and their political objectives. L.–N. Y., 1957. 243 p.
866. Hudson A.E. Kazakh social structure. New-Haven (USA). Yale univ. press. 1938. P. 17–23.
867. Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: The making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana univ. press, 2002. 290 p.
868. Khodarkovsky M. Where two worlds met. The Russian state and the Kalmyk nomads, 1600 –1771. Ithaca: Cornell univ. press, 1992. 287 p.
869. Krader L. Peoples of Central Asia. Vol. 26. Bloomington: Indiana univ. press, 1963. 277 p.
870. Krausse A. Russian in Asia. A record and study 1558–1899. London: Grant Richards, 1899. 411 p.
871. Marks S. Road to power: the Trans-Siberian railroad and the colonization of Asian Russia, 1850–1917. London: I.B. Tauris, 1991. 240 p.
872. Martin V. Law and gustom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian colonialism in the nineteenth century. Richmond: Curzon, 2001. 244 p.
873. Meakin A. In Russian Turkestan: A garden of Asia and its people. London, 1903.
874. Olcott M.B. The Kazakhs. Stanford: Hoover Institution Press, 1987. 341 p.
875. Orientalism and Empire in Russia / Ed. By David-Fox M., Holquist P., Martin M. Bloomington: Slavica publishers, 2006. 363 p.
876. Pierce R. Russian Central Asia, 1867–1917: a study in colonial rule. Berkeley: Univ. of California Press, 1960. 359 p.

877. Pipes R. *The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard univ. press, 1997. 365 p.
878. Raeff M. *Siberia and the reforms of 1822*. Seattle: Univ. of Wash. Press, 1956. 210 p.
879. Raeff M. *Patterns of Russian imperial Policy Toward the Nationalities // Soviet Nationalities Problems*. N. Y., 1971. P. 22–42.
880. Raeff M. *Political ideas and institutions in imperial Russia*. Boulder: Westview Press, 1994. 389 p.
881. Raeff M. *Uniformity, Diversity, and the Imperial Administration in the Reign of Catherine II // Political Ideas and Institutions in Imperial Russia*. Boulder, 1994. P. 126–140.
882. Riazanovsky V.A. *Customary law of the Kirgiz // The Chinese Social and Political Science Review*. 1937. № 2. P. 190–220.
883. Riazanovsky V.A. *Customary law of the Nomadic tribes of Siberia*. Indiana univ. publications // *Uralic and Altaic series*. 1965. Vol. 48.
884. Rieber A. *The Sedimentary Society // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Rublic Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, 1991.
885. *Russia and the Kazakhs in the XVIII-th and XIX-th centuris // Central Asian Review*. 1957. Vol. 5. № 4.
886. Sabol S. *Kazak resistance to Russian colonization: interpreting the Kenesary Kasymov revolt, 1837–1847 // Central Asian Survey*. 2003. № 22 (2/3). P. 231–252.
887. Starr F. *Tsarist Government: The Imperial Dimension // Soviet Nationality Policies and Practices*. N. Y., 1978. P. 3–38.
888. Starr F. *Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1972. 402 p.
889. Schuyler E. *Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara and Kuldja*. Vol. 2. 1876. 463 p.
890. Seton-Watson H. *The Russian empire, 1801–1917*. Oxford: Clarendon, 1967. 813 p.

891. Slocum J. Who and When Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // *Russia Review*. 1998. Vol. 57. № 2. P. 173–190.
892. Strakhovsky L. Constitutional aspects of the imperial Russian Government's policy Toward National Minorities // *The Journal of Modern History*, 1941. Vol. 13. № 4. P. 467–492.
893. Towle G.M. The Russian in the East // *The Atlantic Monthly*. Boston. 1875. Jule. P. 71.
894. Winner I. Some problems of Nomadism // *Central Asian Review*. 1963. Vol. XI. № 3.
895. Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge: Harvard univ. press, 1960. P. 135–138.
896. Zenkovsky S. Kulturkampf in pre-revolutionary Russia // *The American Slavic and East European Review*. 1955. Vol. XIV. № 1.
897. Ананьева С. Мухтар Омарханович Ауэзов // Письма о Ташкенте [Электронный ресурс]. URL:[http:// mytashkent.uz/ 2007/12/17/ muhtar-omarhanovich-aezov/](http://mytashkent.uz/2007/12/17/muhtar-omarhanovich-aezov/). (дата обращения 12.07.2014).
898. Белгер Г. Гармония духа. М.: Русская книга, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://titus.kz/?previd=11577> (дата обращения 13.09.2014).
899. Библиотека Западно-Казахстанского государственного университета имени М. Утемисова [Электронный ресурс]. URL: <http://library.wksu.kz/> (дата обращения 19.10.2014).
900. Брусина О.И. Контроль русской администрации над судами по адату. Попытки кодификации казахского обычного права в Российской империи. Часть 3 (Окончание) // ЦентрАзия [Электронный ресурс]. URL: <http://central-eurasia.com/central-asia/?uid=1502> (дата обращения 01.07.2014).
901. Брусина О.И. Почему Николай I боялся легитимировать казахские адаты // ЦентрАзия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1340000580> (дата обращения 01.07.2014).

902. Оразбаева А.И. Казахстанский центр медиации [Электронный ресурс]. URL:<http://kazmediation.kz/mediation-in-the-world-and-kazakhstan/95-institute-of-undamental-biy-in-kazakh-society.html>. (дата обращения 11.07.2014).
903. Оразбаева А.И. Феномен Центрально-азиатской цивилизационной общности // G-Global [Электронный ресурс]/ URL: <http://gglob2.otgroup.kz/ru/lecture/view/1883>. (дата обращения 12. 07. 2014).
904. Портал «История Казахстана» [Электронный ресурс]. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1568> (дата обращения 20.10.2014).
905. Сулейменов И. Майкы-би – Великий Соратник Чингисхана // См.: Ұлы Дала Рухы – Дух Великой Степи [Электронный ресурс]. URL: <http://dalaruh.kz/articles/view/239> (дата обращения: 10.07.2014).
906. Сыздыкова Ж.С. Новые данные о биографии А.И. Добросмыслова / Сост. Д.В. Лосева. // История Актыбинской области [Электронный ресурс]. URL: <http://myaktobe.kz/archives/38809> (дата обращения 13.11.2013).